



Проверено 1964 г.

-- МАЙ 5008

*проб. 1958*

ПРОВЕРЕНО  
2000 г.

СПбГУ

№ 8712

ЖУРНАЛЪ  
МИНИСТЕРСТВА  
ЮСТИЦІИ.

18277 чет.

ГОДЪ ПЯТЫЙ

№ 3.

МАРТЪ

1899.



Типографія Правительственнаго Сената.

СПбГУ

1716

1716

# ЖУРНАЛЪ МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦІИ.

ГОДЪ ПЯТЫЙ

№ 3.

МАРТЪ

1899.



Типографія Правительствующаго Сената.

1899.

11

К. П. А. П.

М. П. А. П.

М. П. А. П.

1917



## О Г Л А В Л Е Н І Е.

1. Законодательство.	
А. Собрание узаконеній и распоряженій правительства . . . . .	1
Б. Сборникъ постановленій Великаго Княжества Финляндскаго . . . . .	7
2. Извлечение изъ Высочайшихъ приназовъ по гражданскому вѣдомству . . . . .	8
3. Приказы по вѣдомству Министерства Юстиціи . . . . .	17
4. Циркулярныя распоряженія Министра Юстиціи . . . . .	23
5. Маттель, А. И. Объ исполненіи судебныхъ рѣшеній . . . . .	25
6. Розенбахъ, П. Я. Расторженіе брака вслѣдствіе помѣша- тельства . . . . .	53
7. Э. П. Постановка въ процессѣ лицъ, потерпѣвшихъ отъ преступленій, и оцѣнка ихъ показаній . . . . .	70
8. Боровиковскій, А. Л. „Печатный листъ“ . . . . .	102
9. Тарновскій, Е. Н. Движеніе преступности въ Европейской Россіи за 1874—94 г.г. . . . .	115
10. Мухинъ, В. Ф. Организациа мусульманской юстиціи въ Алжирѣ . . . . .	144
11. Хроника:	
I. Еще одно опредѣленіе преступленія. <i>Е. Давы-</i> <i>дова</i> . . . . .	180
II. Къ „мужичьимъ дѣламъ“. <i>С. Громачевского.</i>	189
III. Объ обязанностяхъ частнаго обвинителя въ процессѣ. <i>А. Бутовскаго</i> . . . . .	197
IV. Гминные суды и постановленія уст. гражд. суд. о семейныхъ совѣтахъ, объ опечатаніи остающагося послѣ умершаго имущества и о составленіи инвентарной описи. <i>А. Дорошев-</i> <i>скаго</i> . . . . .	201
V. О дѣятельности суда присяжныхъ въ округѣ Троицкаго окружнаго суда. <i>Н. Волчанскаго.</i>	210
VI. Приговоръ по дѣлу ксендза Вилякевича . . . . .	212

VII. Дѣло объ исчезновеніи дѣвочки . . . . .	217
VIII. Изъ дѣятельности юридическихъ обществъ . . . . .	233
12. Итоги суда присяжныхъ Елецкаго округа за пятнадцать лѣтъ (1878—92 г.г.) (окончаніе). <i>П. Н. Костылева</i> . . . . .	241
13. Историческіе матеріалы. <i>Сообщилъ Г. К. Рѣпинскій</i> . . . . .	271
Уніатская митрополія въ Россіи.	
14. Кассационная практика. Вопросы, разрѣшенные Общимъ Собраніемъ Кассационныхъ и съ участіемъ Перваго и Второго Департаментовъ Правительствующаго Сената въ 1898 году (продолженіе). Составилъ <i>Н. Н. Быстровъ</i> . . . . .	285
15. Письма изъ Англій. XIII. <i>Боденъ</i> . . . . .	298
16. „Вѣстникъ Права“ и юриспруденція XIX вѣка. <i>В. М. Нечаева</i> . . . . .	309
17. Литературное обозрѣніе . . . . .	351
1) В. Ф. Мухинъ, Очеркъ магометанскаго права наслѣдованія. Изданіе редакціонной комисіи по составленію гражданскаго уложенія.— <i>Е. Пуштина</i> . 2) К. Ф. Хартулари, Право суда и помилованія, какъ прерогативы Россійской державности. (Сравнительное историко-законодательное изслѣдованіе). Общая и особенная части. Приложенія къ особенной части.— <i>С. Г.</i> 3) Проф. Адольфъ Прии съ, Преступность и репрессія. Уголовно-юридическій очеркъ. Переводъ подъ редакціей, съ предисловіемъ и примѣчаніями В. В. Пржевальскаго.— <i>В. Ширлева</i> . 4) Л. Х. Сабининъ, Преступныя дѣла и исправительныя заведенія.— <i>В. Ширлева</i> . 5) Владиміръ Гордонъ, Уставъ гражданскаго судопроизводства съ позднѣйшими узаконеніями, законодательными мотивами и разъясненіями по рѣш. Гражд. Касс. Деп. Сената и т. д.— <i>И. М.-Б.</i> 6) Сборникъ указателей статей законовъ, принятыхъ въ основаніе опредѣленій Общаго Собранія 1-го и Кассационныхъ Департаментовъ Правительствующаго Сената и вопросовъ, ими разрѣшенныхъ, за время съ 1869 по 1896 г.— <i>С.</i> 7) Списокъ поступившихъ въ редакцію книгъ и брошюръ.	
18. Объявленія . . . . .	I—VI и I—XVI

## ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО.

### А. СОБРАНИЕ УЗАКОНЕНІЙ И РАСПОРЯЖЕНІЙ ПРАВИТЕЛЬСТВА.

1899. № 18, II, 9; № 19, II, 11; № 20, II, 12; № 21, II, 13;  
№ 22, II, 16; № 23, II, 18; № 24, II, 19; № 25, II, 23; № 26, II, 26.

#### І. УЗАКОНЕНІЯ, ПОДЛЕЖАЩІЯ ВНЕСЕНІЮ ВЪ СВОДЪ ЗАКОНОВЪ.

Т. III. Уст. Служб. Прав. № 22, ст. 250. Мн. Гос. Сов. О дополненіи временнаго штата Главнаго Управленія неокладныхъ сборовъ и казенной продажи питей (IV).

Т. III. Уст. Пенс. № 22, ст. 247. Мн. Гос. Сов. Обь учрежденіи въ Варшавскомъ учебномъ округѣ должностей инспекторовъ народныхъ училищъ и помощника инспектора училищъ города Варшавы и обь увеличеніи содержанія инспектору училищъ города Варшавы и канцелярскихъ его средствъ (I, II). № 23, ст. 268. Мн. Гос. Сов. Обь отпускѣ изъ казны пособія Императорскому женскому патриотическому обществу и о предоставленіи служащимъ въ заведеніяхъ сего общества по учебно-воспитательной части права на пенсію изъ государственнаго казначейства.

Т. VI. Уст. Тамож. № 24, ст. 281. Мн. Гос. Сов. Обь исчисленіи таможенныхъ сборовъ въ рубляхъ, равныхъ одной пятнадцатой части имперіала.

Т. VII. Уст. Горн. № 22, ст. 257. Выс. пов. О предоставленіи, въ видѣ временной мѣры, правительственнымъ чинамъ Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ одинаговыхъ съ управленіями казенныхъ горныхъ заводовъ правъ на занятіе подь развѣдки  
Жур. Мин. Юст. Марть 1899.

и заявкѣ свободныхъ казенныхъ земель, заключающихъ въ себѣ мѣсторожденія ископаемыхъ, поименованныхъ въ статьѣ 260 Устава Горнаго, изд. 1893 г.

Т. XI, ч. 1. Уст. Уч. Завед. № 22, ст. 247. Мн. Гос. Сов. Обь учрежденіи въ Варшавскомъ учебномъ округѣ должностей инспекторовъ народныхъ училищъ и помощника инспектора училищъ города Варшавы и обь увеличеніи содержанія инспектору училищъ города Варшавы и канцелярскихъ его средствъ (I). № 24, ст. 280. Мн. Гос. Сов. Обь объединеніи дѣятельности метеорологическихъ учреждений. № 25, ст. 289. Мн. Гос. Сов. Обь учрежденіи въ м. Хони, Кутаисской губерніи, Маріинскаго женскаго училища.

Т. XII, ч. 1. Уст. Пут. Сообщ. № 23, ст. 267. Мн. Гос. Сов. О продленіи дѣйствія Высочайше утвержденныхъ, 18 іюня 1892 года, правилъ о порядкѣ представленія и разсмотрѣнія эксплуатационныхъ смѣтъ частныхъ желѣзныхъ дорогъ.

Т. XII, ч. 1. Уст. Почт. № 18, ст. 220. Мн. Гос. Сов. Обь учащеніи почтовыхъ сношеній и о возвышеніи прогонной таксы въ сѣверныхъ округахъ Приморской области (I, II).

## II. Узаконенія, не подлежащія внесенію въ Сводъ Законовъ.

По вѣдомству Министерства Юстиціи. № 20, ст. 237. Мн. Гос. Сов. Обь увеличеніи окладовъ содержанія членамъ окружныхъ судовъ.

По вѣдомству Министерства Военнаго. № 18, ст. 226. Пол. Воен. Сов. Обь измѣненіи редакція ст. 8, 9, 12, 16 и 17 Высочайше утвержденного, 17 января 1876 года, положенія обь управленіи общимъ войсковымъ капиталомъ Забайкальскаго казачьяго войска. № 19, ст. 232. Пол. Воен. Сов. Обь утвержденіи положенія обь управленіи хозяйствомъ въ отдѣльныхъ частяхъ войскъ. № 20, ст. 240. Пол. Воен. Сов. О преобразованіи офицерской кавалерійской школы. № 22, ст. 254. Пол. Воен. Сов. Обь установленіи мѣръ для огражденія отъ опасности пороховыхъ погребовъ Медвѣжьяго Стана, въ случаѣ возникновенія въ этомъ районѣ лѣсныхъ пожаровъ. № 23, ст. 275. Пол. Воен. Сов. Обь увеличеніи числа казеннокоштныхъ воспитанниковъ въ Кіевской военно-фельдшерской школѣ. № 23, ст. 276. Пол. Воен. Сов. Обь измѣненіи положенія о Маріинскомъ пріютѣ для ампутированныхъ и увѣчныхъ воиновъ. № 25, ст. 297. Пол. Воен. Сов. Обь учрежденіи при С.-Петербургской военно-фельдшерской школѣ десяти

стипендій для учениковъ школъ солдатскихъ дѣтей Отдѣльнаго Корпуса Пограничной Стражи.

По вѣдомству Министерства Императорскаго Двора. № 25, ст. 299. Выс. пов. О дополненіи къ штату контроля Министерства Императорскаго Двора. № 25, ст. 300. Выс. пов. Объ измѣненіи и дополненіи положенія объ Императорскомъ Московскомъ театральномъ училищѣ.

По вѣдомству Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. № 20, ст. 235. Мн. Гос. Сов. Объ отпускѣ чинамъ почтово-телеграфнаго вѣдомства, служащимъ въ городахъ Кульдѣжъ и Чугучакъ, добавочнаго содержанія. № 20, ст. 234. Мн. Гос. Сов. Объ утвержденіи временнаго штата Варшавской пригородной полиціи и о временномъ устройствѣ названной полиціи. № 22, ст. 249. Мн. Гос. Сов. Объ утвержденіи штатовъ управленій почтово-телеграфными округами. № 22, ст. 258. Выс. пов. О присвоеніи Вятской публичной библіотекѣ наименованія: „Вятская губернская публичная библіотека Имени Императора Николая I“.

По вѣдомству Министерства Морскаго. № 18, ст. 227. Пол. Адм. Сов. Объ отпускѣ нижнимъ чинамъ крейсера 1 ранга „Свѣтлана“ платья и обуви на одинаковыхъ основаніяхъ съ отпускомъ нижнимъ чинамъ Императорскихъ яхтъ. № 23, ст. 277. Пол. Адм. Сов. Объ утвержденіи положенія о машинной школѣ Черноморскаго флота. № 25, ст. 298. Пол. Адм. Сов. Объ измѣненіи примѣчанія къ ст. 419 книги XIII Свода Морск. Пост., по Прод. 1895 г.

По вѣдомству Министерства Народнаго Просвѣщенія. № 22, ст. 245. Мн. Гос. Сов. О преобразованіи Бѣльской 6-классной прогимназіи въ полную гимназію. № 22, ст. 246. Мн. Гос. Сов. О предоставленіи окружнымъ инспекторамъ Московскаго учебнаго округа права на полученіе суточныхъ денегъ при разъѣздахъ по округу. № 22, ст. 248. Мн. Гос. Сов. Объ отпускѣ средствъ на снаряженіе экспедиціи для градусныхъ измѣреній на островѣ Шпицбергенѣ. № 22, ст. 259. Выс. пов. Объ учрежденіи при Пинскомъ реальномъ училищѣ стипендіи въ память Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ. № 22, ст. 260. Выс. пов. О присвоеніи Батумской гимназіи наименованія: „Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича гимназія“. № 23, ст. 266. Мн. Гос. Сов. Объ учрежденіи въ городѣ Темрюкѣ, Кубанской области, Маріинскаго женскаго училища. № 25, ст. 287. Мн. Гос. Сов. Объ утвержденіи новаго штата геологическаго музея Императорской Ака-

деміи Наукъ. № 25, ст. 290. Мн. Гос. Сов. О преобразованіи Юрьевского Маріинскаго женскаго училища въ женскую гимназію.

По вѣдомству Министерства Финансовъ. № 18, ст. 221. Мн. Гос. Сов. Объ ассигнованіяхъ на нѣкоторыя потребности Московскаго окружнаго прокурорскаго управленія. № 21, ст. 242. Имен. ук. О выпускѣ государственной 4% ренты на нарицательный капиталъ въ тридцать милліоновъ рублей. № 22, ст. 244. Имен. ук. О досрочномъ выкупѣ облигацій 2-го, 3-го и 4-го 4% внутреннихъ займовъ 1891 года и о выпускѣ государственной 4% ренты. № 22, ст. 250. Мн. Гос. Сов. О дополненіи временнаго штата Главнаго Управленія неокладныхъ сборовъ и казенной продажи питей. № 23, ст. 269. Мн. Гос. Сов. Объ отпускѣ суммъ на содержаніе Килійской церкви. № 25, ст. 288. Мн. Гос. Сов. О возложеніи производства казначейскихъ операцій въ Портъ-Артуръ на мѣстное отдѣленіе Русско-Китайскаго банка. № 25, ст. 297. Пол. Воен. Сов. Объ учрежденіи при С.-Петербургской военно-фельдшерской школѣ десяти стипендій для учениковъ школъ солдатскихъ дѣтей Отдѣльнаго Корпуса Пограничной Стражи.

По вѣдомству учреждений Императрицы Маріи. № 18, ст. 229. Пол. Опек. Сов. Объ учрежденіи одной должности врача-консультанта по хирургіи при столичныхъ заведеніяхъ вѣдомства учреждений Императрицы Маріи. № 18, ст. 231. Пол. Опек. Сов. О дополненіи Высочайше утвержденаго 9 января 1862 года устава училищъ для приходящихъ дѣвицъ вѣдомства учреждений Императрицы Маріи. № 22, ст. 256. Выс. пов. О принятіи учрежденнаго въ селѣ Канашскомъ, Иванищевской волости, Шадринскаго уѣзда, Пермской губерніи, дѣтскаго пріюта съ богадѣльнею въ число заведеній вѣдомства дѣтскихъ пріютовъ, принадлежащихъ къ вѣдомству учреждений Императрицы Маріи.

По вѣдомству Православнаго Исповѣданія. № 22, ст. 255. Выс. пов. Объ учрежденіи въ Симбирской епархіи должности епархіальнаго архитектора.

По дѣламъ частныхъ лицъ, обществъ и установленій. № 18, ст. 222. Пол. Ком. Мин. Объ утвержденіи устава акціонернаго общества „Карбонитъ“. № 18, ст. 223. Пол. Ком. Мин. Объ утвержденіи устава акціонернаго общества машиностроительнаго завода „Францъ Круль“. № 18, ст. 224. Пол. Ком. Мин. Объ утвержденіи устава акціонернаго общества Рижскаго химическаго завода „Гловель“. № 18, ст. 225. Пол. Ком. Мин. Объ утвержденіи условій дѣятельности въ Россіи бельгійскаго акціонернаго общества, подъ наименованіемъ: „анонимное общество стекляннаго завода въ Радомѣ (въ Россіи)“. № 18, ст. 228. Пол. Опек. Сов. Объ учрежденіи С.-Петербургскаго

общества вспомошествованія бывшимъ воспитанницамъ учебныхъ заведеній, состоящихъ въ вѣдомствѣ учреждений Императрицы Маріи. № 18, ст. 230. Пол. Опеѣ. Сов. Объ измѣненіи § 19 основныхъ началъ дѣятельности попечительства Императрицы Маріи Александровны о слѣпыхъ. № 20, ст. 238. Пол. Ком. Мин. Объ утвержденіи условій дѣятельности въ Россіи французскаго акціонернаго общества, подъ наименованіемъ: „анонимное общество прядилень коконнаго отброса въ Россіи“. № 20, ст. 239. Пол. Ком. Мин. Объ утвержденіи устава акціонернаго общества Рижскаго судо- и машиностроительнаго завода „Ланге и сынъ“. № 22, ст. 251. Пол. Ком. Мин. Объ утвержденіи устава акціонернаго общества Лодзинскаго машиностроительнаго завода. № 22, ст. 252. Пол. Ком. Мин. Объ утвержденіи устава товарищества Денгофовско-Дубровецкаго свеклосахарнаго и рафинаднаго заводовъ. № 22, ст. 253. Пол. Ком. Мин. Объ утвержденіи устава акціонернаго общества Пабяницкихъ хлопчатобумажныхъ мануфактуръ „Бруше и Эндеръ“. № 23, ст. 270. Пол. Ком. Мин. Объ утвержденіи устава общества Екатеринбургскаго арматурнаго и мѣднотейнаго завода. № 23, ст. 271. Пол. Ком. Мин. Объ измѣненіи устава компаніи С.-Петербургскаго металлическаго завода. № 23, ст. 272. Пол. Ком. Мин. Объ измѣненіи и дополненіи устава страховаго отъ огня товарищества „Саламандра“. № 23, ст. 273. Пол. Ком. Мин. Объ утвержденіи устава Нижегородскаго нефтепромышленнаго общества. № 23, ст. 274. Пол. Ком. Мин. Объ утвержденіи устава С.-Петербургскаго стекольнопромышленнаго общества Далеговскихъ заводовъ. № 24, ст. 282. Пол. Ком. Мин. Объ утвержденіи устава Одесскаго общества дрожжево-винокуреннаго производства. № 24, ст. 283. Пол. Ком. Мин. Объ утвержденіи устава общества Варшавскаго гвоздильно-проволочнаго завода „М. Воляновскій“ въ Варшавѣ. № 24, ст. 284. Пол. Ком. Мин. Объ утвержденіи устава акціонернаго общества „С.-Петербургскіе судостроительные, машиностроительные и механическіе заводы“. № 23, ст. 285. Выс. пов. Объ утвержденіи перваго дополненія къ уставу общества Китайской Восточной желѣзной дороги. № 25, ст. 291. Пол. Ком. Мин. Объ измѣненіи устава общества юнорусскаго машиностроительнаго завода. № 25, ст. 292. Пол. Ком. Мин. Объ измѣненіи устава товарищества Городище-Пустоваровскаго свеклосахарнаго завода. № 25, ст. 293. Пол. Ком. Мин. Объ утвержденіи устава акціонернаго общества „Строитель“. № 25, ст. 294. Пол. Ком. Мин. Объ утвержденіи условій постройки и эксплуатаціи Пулковскаго подъѣзнаго пути (трамвая). № 25, ст. 295. Пол. Ком. Мин. Объ утвержденіи устава акціонернаго общества „Платина“. № 25, ст. 296.

Пол. Ком. Мин. Обь утвержденіи устава товарищества Ивановской бумагодѣлательной фабрики И. А. Таптыкова и Ф. И. Блока.

### III. ОПРЕДѢЛЕНІЕ СВЯТѢЙШАГО ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СИНОДА.

№ 22, ст. 261. О присвоеніи одноклассной церковно-приходской школѣ при Московской Троицкой, что на Капелькахъ, церкви, наименованія школою Анны Васильевны Баевой.

### IV. РАСПОРЯЖЕНІЯ, ПРЕДЛОЖЕННЫЯ И ОБЪЯВЛЕННЫЯ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩЕМУ СЕНАТУ.

Министромъ Юстиціи. № 23, ст. 278. Обь измѣненіи правилъ счетоводства по эмеритальному капиталу Министерства Юстиціи.

Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ. № 22, ст. 265. Обь утвержденіи штата полицейской команды заштатнаго города Копыся, Горецкаго уѣзда, Могилевской губерніи.

Министромъ Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ. № 22, ст. 263. О запрещеніи горнаго промысла въ части Черноморской губерніи. № 22, ст. 264. О дополненіи положенія о капиталѣ имени М. А. Сибирякова для выдачи пособій присковымъ рабочимъ Якутской области. № 24, ст. 286. Обь измѣненіи устава южно-русскаго общества поощренія земледѣлія и сельской промышленности.

Министромъ Путей Сообщенія. № 25, ст. 309. О дополненіи правилъ о срокахъ доставки желѣзнодорожныхъ грузовъ.

Министромъ Финансовъ. № 19, ст. 233. Обь утвержденіи устава Ростовской на Дону музыкально-инструментальной артели. № 19, ст. 234. Обь утвержденіи устава общества россійскихъ дрожжево-винокуренныхъ заводчиковъ. № 20, ст. 241. Обь утвержденіи устава первой С.-Петербургской женской артели кассирѣ, продавщицъ и бухгалтеровъ. № 21, ст. 243. О выпускѣ трехъ новыхъ серій государственной 4% ренты на нарицательный капиталъ въ тридцать милліоновъ рублей. № 22, ст. 262. О порядкѣ и условіяхъ досрочнаго выкупа облигацій 2-го, 3-го и 4-го 4% внутреннихъ займовъ 1891 года. № 23, ст. 279. Обь утвержденіи устава торговыхъ классовъ общества распространенія коммерческаго образованія. № 25, ст. 301. Обь измѣненіи устава Екатеринославскаго машиностроительнаго акціонернаго общества. № 25, ст. 302. О дополненіи правилъ о продолжительности и распределеніи рабочаго времени въ заведеніяхъ фабрично-заводской промышлен-

ленности. № 25, ст. 302. О выпускѣ двухъ новыхъ (214 и 215) серий государственной 4% ренты на нарицательный капиталъ въ двадцать миллионъ рублей. № 26, ст. 305. Объ утвержденіи въдомостей процентнымъ бумагамъ, купонамъ, иностраннымъ золотымъ монетамъ и билетамъ иностранныхъ банковъ, принимаемымъ въ уплату таможенныхъ пошлинъ по расцѣнкѣ на рубли, равные одной пятнадцатой части имперіала.

## Б. СБОРНИКЪ ПОСТАНОВЛЕНІЙ ВЕЛИКАГО КНЯЖЕСТВА ФИНЛЯНДСКАГО.

1898. № 61, II, 24, (1899 г.) (н. ст.).

№ 61. *Резол. Фин. Сен.* объ утвержденіи устава о порядкѣ движенія по Юккисъ-Форссаской желѣзной дорогѣ.

1899. № 1, II, 1; № 3, III, 4 (н. ст.)<sup>1)</sup>.

№ 1. *Предп. Фин. Сен.* Нюландскому губернатору, касательно измѣненія правилъ о взиманіи казенныхъ сборовъ<sup>2)</sup>.

№ 3. Высочайшій Его Императорскаго Величества манифестъ объ утвержденіи основныхъ положеній о составленіи, разсмотрѣніи и обнародованіи законовъ, издаваемыхъ для Имперіи со включеніемъ Великаго Княжества Финляндскаго<sup>3)</sup>.

---

<sup>1)</sup> № 2 не полученъ.

<sup>2)</sup> Предписанія по сему предмету даны также прочимъ губернаторамъ и Куопіоскому губернскому правленію.

<sup>3)</sup> Настоящій манифестъ и изданія при немъ основныя положенія напечатаны въ Февральской книгѣ сего журнала.

ИЗВЛЕЧЕНИЕ ИЗЪ  
**ВЫСОЧАЙШИХЪ ПРИКАЗОВЪ**

ПО ГРАЖДАНСКОМУ ВЪДОМСТВУ.

*№ 9, февраля 15 дня 1899 года.*

**По Правительствующему Сенату.**

Назначается Старшій Предсѣдатель Одесской Судебной Палаты, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Акимовъ—къ присутствованію въ Правительствующемъ Сенатѣ, съ производствомъ его въ Тайные Совѣтники, съ 3 февраля.

**По вѣдомству Министерства Юстиціи.**

Опредѣляются на службу, изъ отставныхъ: Отставной Полковникъ фонъ-Денъ и отставной Штабсъ-Ротмистръ баронъ Каульбарсъ—Почетными Мировыми Судьями Везенбергъ-Вейсенштейнскаго округа, на текущее, съ 1 декабря 1898 г., трехлѣтіе.

Опредѣляются на службу: Графъ Вильгельмъ Стенбокъ-Ферморъ, Александръ фонъ-Пистолькорсъ, Эдуардъ фонъ-Цуръ-Мюленъ, дворянинъ Владиміръ фонъ-Вебель, Геральдъ фонъ-Стрикъ, баронъ Викторъ фонъ-Таубе, Кандидатъ политической экономіи Евгений фонъ-Пистолькорсъ, дворянинъ Конрадъ фонъ-Зенгбушъ, Эдгаръ фонъ-Самсонъ-Гиммельстёрнъ, дворянинъ Георгій фонъ-Нетцъ, баронъ Романъ Таубе, баронъ Оскаръ Гойнингенъ-Гюне, баронъ Густавъ Таубе, баронъ Николай Деллинггаузенъ и баронъ Павелъ фонъ-деръ-Рекке—Почетными Мировыми Судьями округовъ: графъ Стенбокъ-Ферморъ и фонъ-Пистолькорсъ — Рижско-Вольмарскаго, фонъ-Цуръ-Мюленъ—

Юрьево-Верроскаго, фонтъ-Вебель, фонтъ-Стрикъ, баронъ Викторъ фонтъ-Таубе и фонтъ-Пистолькорсъ—Перново-Феллинскаго, фонтъ-Зенбушъ и фонтъ-Самсонъ-Гиммельстьернъ—Эзельскаго, фонтъ-Петцъ, баронъ Романъ Таубе, баронъ Гойнингенъ-Гюне и баронъ Густавъ Таубе—Ревельско-Гапсальскаго, баронъ Деллинггаузенъ—Везенбергъ-Вейсенштейнскаго, баронъ фонтъ-деръ-Рекке—Туккумъ-Тальсенскаго, всѣ на текущее, съ 1 декабря 1898 г., трехлѣтіе.

Назпачаютсѣ: Прокуроръ Одесской Судебной Палаты, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Витте—Старшимъ Предсѣдателемъ той же Судебной Палаты; Предсѣдатель Казанскаго Окружнаго Суда, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Завадскій—Прокуроромъ Казанской Судебной Палаты; Членъ Иркутской Судебной Палаты, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Ковалевскій, Товарищъ Прокурора Саратовской Судебной Палаты, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Юѣвъ, Предсѣдатели Областныхъ Судовъ: Семирѣченскаго, Статскій Совѣтникъ Колоколовъ, Акмолинскаго, Статскій Совѣтникъ Зуевъ, Самаркандскаго, Статскій Совѣтникъ Пржецлавскій, Ферганскаго, Статскій Совѣтникъ Ковалевъ и Прокуроръ Пензенскаго Окружнаго Суда, Статскій Совѣтникъ Чебышевъ—Предсѣдателями Окружныхъ Судовъ: Ковалевскій—Омскаго, Юѣвъ—Уральскаго, Колоколовъ—Вѣрненскаго, Зуевъ—Семипалатинскаго, Пржецлавскій—Самаркандскаго, Ковалевъ—Ново-Маргеланскаго и Чебышевъ—Ташкентскаго; Прокуроръ Иркутскаго Окружнаго Суда, Коллежскій Совѣтникъ князь Орбеліани—Членомъ Иркутской Судебной Палаты; Уѣздный Членъ Симбирскаго Окружнаго Суда, по Алатырскому уѣзду, Статскій Совѣтникъ Кгаевскій, Члены Окружныхъ Судовъ: Плоцкаго, Статскій Совѣтникъ Лекгеръ, С.-Петербургскаго, Надворный Совѣтникъ Ивановъ, Товарищи Прокурора Окружныхъ Судовъ: Кіевскаго, Статскій Совѣтникъ Подрѣзанъ, Рижскаго, Статскій Совѣтникъ Хруцкій, С.-Петербургскаго, Надворный Совѣтникъ Трегубовъ, Ревельскаго, Надворный Совѣтникъ Шмурло, Саратовскаго, Надворный Совѣтникъ Тимротъ и Новгородскаго, Коллежскій Ассесоръ Верховскій—Прокурорами Окружныхъ Судовъ: Кгаевскій—Ново-Маргеланскаго, Лекгеръ—Уральскаго, Ивановъ—Самаркандскаго, Подрѣзанъ—Семипалатинскаго, Хруцкій—Омскаго, Трегубовъ—Ташкентскаго, Шмурло—Вѣрненскаго, Тимротъ—Пензенскаго и Верховскій—Якутскаго, изъ нихъ Кгаевскій, Лекгеръ и Ивановъ согласно прошеніямъ; Мировой Судья г. Гостынина, Коллежскій Ассесоръ Селю—Уѣзднымъ Членомъ Владимірскаго Окружнаго Суда, по Александровскому уѣзду; Причисленный къ Министерству, Коллежскій Ассесоръ Ламыкинъ, Товарищъ Прокурора Петроковскаго Окружнаго

Суда, Титулярный Совѣтникъ **Ахматовичъ**, Исправляющій должность Судебнаго Слѣдователя 1-го участка Нижегородскаго уѣзда, Статскій Совѣтникъ **Кутыевъ** и Секретарь С.-Петербургской Судебной Палаты, Коллежскій Совѣтникъ **Летковъ**—Членами Окружныхъ Судовъ: первый—Смоленскаго, второй—Сувалкскаго, третій—Нижегородскаго и послѣдній—Ченеповецкаго; Уѣздный Членъ Петрозаводскаго Окружнаго Суда, по Петрозаводскому уѣзду, Коллежскій Ассесоръ **Мокіевскій**—Редакторомъ Перваго Департамента Министерства, съ 1 февраля, согласно прошенію; Причисленный къ Министерству, Титулярный Совѣтникъ **Елеонскій**—Мировымъ Судьею 9-го участка Юрьево-Верроскаго округа; Помощникъ Мiroваго Судьи 3-го отдѣла г. Тифлиса, Коллежскій Ассесоръ князь **Чавчавадзе**—Мировымъ Судьею 1-го отдѣла г. Тифлиса; Секретарь Гродненскаго Окружнаго Суда, Титулярный Совѣтникъ **Дембицкій** и Старшій Кандидатъ на должности по судебному вѣдомству при Виленской Судебной Палатѣ, Губернскій Секретарь **Веригинъ**—Участковыми Мировыми Судьями округовъ: первый—Ольгопольскаго, Подольской губерніи, а послѣдній—Вѣлостоко-Сокольскаго; Лифляндскій Губернскій Предводитель Дворянства, въ званіи Камергера Высочайшаго Двора, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ баронъ **Мейендорфъ**, Очередной Ландратъ Лифляндскаго Дворянства баронъ **Генрихъ Тизенгаузенъ**, Ландратъ Лифляндскаго Дворянства **Эдуардъ фонъ-Транзеге**, Рижскій Городской Голова **Керковиусъ**, Товарищъ Рижскаго Городскаго Головы **фонъ-Беттихеръ**, отставной Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ **Геббель**, Кандидатъ политической экономіи баронъ **Родерихъ Фрейтагъ-Лорингофенъ**, графъ **Федоръ Медемъ**, **Конрадъ фонъ-Книримъ** и потомственный почетный гражданинъ **Шутовъ**—Почетными Мировыми Судьями Рижско-Вольмарскаго округа, на текущее, съ 1 декабря 1898 г., трехлѣтіе, съ оставленіемъ изъ нихъ первыхъ пяти въ занимаемыхъ ими должностяхъ, а барона **Мейендорфа**, сверхъ того, и въ придворномъ званіи; **Оберъ-Гофмейстеръ** Высочайшаго Двора, Сенаторъ, Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ графъ **Сиверсъ**, въ должности Гофмейстера Высочайшаго Двора, Статскій Совѣтникъ баронъ **Вольфъ**, Уѣздный Депутатъ Дворянства, Статскій Совѣтникъ баронъ **Владиміръ Майдель**, Венденскій Городской Голова, Коллежскій Ассесоръ **Георгій Трампедяхъ** и баронъ **Эмануиль Менгденъ**—Почетными Мировыми Судьями Венденъ-Валкскаго округа, на текущее, съ 1 декабря 1898 г., трехлѣтіе, съ оставленіемъ изъ нихъ: графа **Сиверса**, барона **Вольфа**, барона **Майделя** и **Трампедяха** въ занимаемыхъ ими должностяхъ, а графа **Сиверса**, сверхъ того, **Оберъ-Гофмейстеромъ**; Ректоръ Императорскаго Юрьевскаго Университета, Дѣйствитель-

ный Статскій Совѣтникъ Будиловичъ, Профессоры того же Университета: Ординарный, Статскій Совѣтникъ Филипповъ и Экстраординарный, Коллежскій Совѣтникъ Зачинскій, Ландрать Лифляндскаго Дворянства баронъ Аксель Нолькенъ, Причисленный къ Министерству, Кандидатъ правъ Аксель фонъ-Экеспарре и отставной Ротмистръ гвардіи Николай фонъ-Гроте—Почетными мировыми Судьями Юрьево-Верроскаго округа, на текущее, съ 1 декабря 1898 г., трехлѣтіе, съ оставленіемъ изъ нихъ Будиловича, Филиппова, Зачинскаго и барона Нолькена въ занимаемыхъ ими должностяхъ, а фонъ-Экеспарре причисленнымъ къ Министерству; Уѣздные Депутаты Дворянства: баронъ Адольфъ Пилларъ-фонъ-Пильхау, баронъ Освальдъ Унгернъ-Штерибергъ и фонъ-Гельмерсенъ, Перновскій Городской Голова, Статскій Совѣтникъ Бракманъ, отставной Поручикъ Александръ фонъ-Зеебергъ, баронъ Александръ Сталь-фонъ-Гольштейнъ, баронъ Вильгельмъ Сталь-фонъ-Гольштейнъ, баронъ Густавъ Майдель, баронъ Карлъ Штакельбергъ и Николай фонъ-Валь—Почетными мировыми Судьями Перново-Феллинскаго округа, на текущее, съ 1 декабря 1898 г., трехлѣтіе, съ оставленіемъ изъ нихъ: барона Пилларъ-фонъ-Пильхау, барона Унгернъ-Штериберга, фонъ-Гельмерсена и Бракмана въ занимаемыхъ ими должностяхъ; Эзельскій Предводитель Дворянства, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Оскаръ фонъ-Экеспарре, Ландрать Александръ Буксгевденъ, Депутатъ на конвентъ Вольдемаръ фонъ-Адеркасъ, и отставной Поручикъ артиллеріи Наполеонъ фонъ-Дитмаръ—Почетными мировыми Судьями Эзельскаго округа, на текущее, съ 1 декабря 1898 г., трехлѣтіе, съ оставленіемъ изъ нихъ: фонъ-Экеспарре, Буксгевдена и фонъ-Адеркаса въ занимаемыхъ ими должностяхъ; Эстляндскіе: Губернаторъ, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Скалонъ, Вице-Губернаторъ, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Диринъ, Губернскій Предводитель Дворянства баронъ Будбергъ, Ревельскій Городской Голова фонъ-Гукъ, Уѣздный Депутатъ Дворянства, Титулярный Совѣтникъ баронъ Розенъ, дворяне: Василій фонъ-Штральборнъ и Валеріанъ фонъ-Баговутъ, баронъ Карлъ Отто Штакельбергъ и баронъ Фѣдоръ Пилларъ-фонъ-Пилхау—Почетными мировыми Судьями Ревельско-Гапсальскаго округа, на текущее, съ 1 декабря 1898 г., трехлѣтіе, съ оставленіемъ изъ нихъ: Скалона, Дирина, барона Будберга, фонъ-Гука и барона Розена въ занимаемыхъ ими должностяхъ; баронъ Павелъ Фитингофъ, баронъ Адфредъ Шиллингъ, баронъ Эрнстъ Унгернъ-Штерибергъ и дворянинъ Александръ фонъ-Бенкердорфъ—Почетными мировыми Судьями Везелбергъ—Вейсенштейнскаго округа на текущее, съ 1 декабря 1898 г., трехлѣтіе; Курляндскіе: Губернаторъ, въ званіи Ка-

мергера **В ы с о ч а й ш а г о** Двора, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ **Свербеевъ**, Вице-Губернаторъ, въ званіи Камеръ-Юнкера **В ы с о ч а й ш а г о** Двора, Коллежскій Совѣтникъ **Муравьевъ** и Гусернскій Предводитель Дворянства, въ должности Гофмейстера **В ы с о ч а й ш а г о** Двораграфъ **Кейзерлингъ**, Уѣздные Предводители Дворянства: **Добленскій**, баронъ **Вильгельмъ фонъ-Ганъ** и **Баускій**, Коллежскій Секретарь графъ **Павель Паленъ**, Митавскій Городской Голова, Коллежскій Совѣтникъ **фонъ-Энгельманъ**, Директоръ Митавскаго реальнаго училища, Статскій Совѣтникъ **Кульбергъ**, отставной Поручикъ гвардіи графъ **Леонидъ Паленъ**, графъ **Павель Медемъ**, баронъ **Оттонъ фонъ-деръ-Остенъ-Сакенъ** и баронъ **Артуръ Дюстерло**—Почетными Мировыми Судьями Митаво-Баускаго округа, на текущее, съ 1 декабря 1898 г., трехлѣтіе, съ оставленіемъ изъ нихъ: **Свербеева**, **Муравьева**, графа **Кейзерлинга**, **фонъ-Гана**, графа **Павла Палена**, **фонъ-Энгельмана** и **Кульберга** въ занимаемыхъ ими должностяхъ, а **Свербеева** и **Муравьева**, сверхъ того, въ придворныхъ званіяхъ; Членъ Государственнаго Совѣта, Статъ-Секретарь Его Императорскаго Величества, Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ графъ **Паленъ**, Резидирующій Уѣздный Предводитель Дворянства, Статскій Совѣтникъ баронъ **фонъ-деръ-Ронцъ** и Уѣздные Предводители Дворянства: **Туккумскій** графъ **Фридрихъ Медемъ** и **Тальсенскій**, баронъ **Эрпстъ фонъ-Фирксъ**, отставной Поручикъ графъ **Конрадъ Медемъ** и князь **Георгій Ливенъ**—Почетными Мировыми Судьями **Туккумъ-Тальсенскаго** округа, на текущее, съ 1 декабря 1898 г., трехлѣтіе, съ оставленіемъ изъ нихъ: графа **Палена**, **фонъ-деръ-Ронца**, графа **Медема** и барона **Фиркса** въ занимаемыхъ ими должностяхъ; Газепотскій Уѣздный Предводитель Дворянства баронъ **Бухгольцъ**, Либавскій Городской Голова, Коллежскій Совѣтникъ **Адольтъ**, отставной Штабъ-Ротмистръ баронъ **Петръ Оффенбергъ** и **Эдуардъ фонъ-Шредерсъ**—Почетными Мировыми Судьями **Газепотъ-Гробинскаго** округа, на текущее, съ 1 декабря 1898 г., трехлѣтіе, съ оставленіемъ изъ нихъ барона **Бухгольца** и **Адольтъ** въ занимаемыхъ ими должностяхъ; Варшавскій Вице-Губернаторъ, въ должности Церемоніймейстера **В ы с о ч а й ш а г о** Двора, Надворный Совѣтникъ графъ **Паленъ**, Гольдингенскій Уѣздный Предводитель Дворянства, баронъ **фонъ-деръ-Брюгенъ**, Видавскій Уѣздный Врачъ, Докторъ медицины, Коллежскій Совѣтникъ **Вальдгауэръ**, баронъ **Вернеръ Беръ**, Докторъ медицины **Владиміръ Таубе**, отставной Поручикъ баронъ **Георгій Зассъ**, почетный гражданинъ **Эдуардъ Бальфуръ**—Почетными Мировыми Судьями **Видаво-Гольдингенскаго** округа, на текущее, съ 1 декабря 1898 г., трехлѣтіе, съ оставленіемъ изъ нихъ:

графа Палена, барона фонъ-деръ-Брюггена и Вальдгауера въ занимаемыхъ ими должностяхъ; Уѣздные Предводители Дворянства: Фридрихштадтскій, баронъ Георгъ Беръ и Иллуекскій, баронъ Генрихъ Ганъ, Якобштадтскій Городской Голова Остергофъ, баронъ Евгений Гааренъ, баронъ Адольфъ фонъ-Ганъ, Эрнстъ фонъ-Вальтеръ-Виттенгеймъ и баронъ Вадимъ Фелькерзамъ—Почетными Мировыми Судьями Фридрихштадтъ-Иллуекскаго округа, на текущее, съ 1 декабря 1898 г., трехлѣтіе, съ оставленіемъ изъ нихъ: барона Бера, барона Генриха Гана и Остергофа въ занимаемыхъ ими должностяхъ.

*Перемѣщаются:* Прокуроръ Казанской Судебной Палаты, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Соколовъ—Прокуроромъ Одесской Судебной Палаты; Прокуроръ Якутскаго Окружнаго Суда, Коллежскій Совѣтникъ Подольковъ—Прокуроромъ Иркутскаго Окружнаго Суда; Товарищи Прокурора Окружныхъ Судовъ: Люблинскаго, Коллежскій Ассесоръ Молоствовъ, Нижегородскаго, Коллежскій Ассесоръ Кафатовъ, Кашинскаго, Титулярный Совѣтникъ Пронинъ, Эриванскаго, Титулярный Совѣтникъ Ведровъ—Товарищами Прокурора Окружныхъ Судовъ: Молоствовъ—Владивостокскаго, Кафатовъ—Московского, Пронинъ—Нижегородскаго и Ведровъ—Кашинскаго.

*Увольняются отъ должности, согласно прошеніямъ:* Исправляющіе должность Судебнаго Слѣдователя округовъ Окружныхъ Судовъ: Тверскаго, 1-го участка Тверскаго уѣзда, Коллежскій Совѣтникъ Фраловскій, Владимірскаго, Вязниковскаго уѣзда, Надворный Совѣтникъ Сизовъ, Вятскаго, 2-го участка Котельничскаго уѣзда, Надворный Совѣтникъ Толстоуховъ, Ковенскаго, 2-го участка Поневѣжскаго уѣзда, Коллежскій Ассесоръ Боричевскій, Владимірскаго, Суздальскаго уѣзда, Титулярный Совѣтникъ Павловъ-Русиновъ, и Харьковскаго, Валковскаго уѣзда, Коллежскій Секретарь Иванскій, всѣ шесть по случаю причисленія ихъ къ Министерству.

*Увольняются отъ службы, согласно прошенію,* Товарищъ Прокурора Владивостокскаго Окружнаго Суда, Титулярный Совѣтникъ Фуфаевскій.

*согласно прошеніямъ, по болѣзни:* Судебный Слѣдователь 1-го участка Смоленскаго уѣзда, округа Смоленскаго Окружнаго Суда, Статскій Совѣтникъ Милевскій, съ мундиромъ, занимаемой имъ должности присвоеннымъ; Исправляющій должность Судебнаго Слѣдователя 2-го участка Проскуровскаго уѣзда, округа Каменецъ-Подольскаго Окружнаго Суда, Коллежскій Ассесоръ Успенскій.

*Умершіе исключаются изъ списковъ:* Уѣздный Членъ Владимірскаго Окружнаго Суда, по Александровскому уѣзду, Статскій Со-

вѣтникъ Богородскій; Членъ Елисаветпольскаго Окружнаго Суда, Статскій Совѣтникъ Павловъ-Сильванскій; Участковый Мировой Судья Свенцянскаго округа, Коллежскій Ассесоръ Долговъ.

№ 10, февраля 19 дня 1899 года.

### По вѣдомству Министерства Юстиціи.

Назначаются: Уѣздный Членъ Тверскаго Окружнаго Суда, по Новоторжскому уѣзду, Статскій Совѣтникъ Лаханинъ и Товарищи Прокурора Окружныхъ Судовъ: Смоленскаго, Статскій Совѣтникъ баронъ Фитингофъ и Бакинскаго, Коллежскій Ассесоръ Курмановичъ—Членами Окружныхъ Судовъ: Лаханинъ—Тулскаго, баронъ Фитингофъ—Смоленскаго и Курмановичъ—Елисаветпольскаго, изъ нихъ первый согласно прошенію; Членъ Консультации, при Министерствѣ Юстиціи учрежденной, исполняющій обязанности Вице-Директора Перваго Департамента сего Министерства, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Чаплинъ—Почетнымъ Мировымъ Судьею Слонимскаго округа, Гродненской губерніи, на текущее съ 1 апрѣля 1896 г. трехлѣтіе, съ оставленіемъ его въ занимаемыхъ имъ должностяхъ; Исправляющій должность Судебнаго Слѣдователя Туккумскаго уѣзда, округа Митавскаго Окружнаго Суда, Коллежскій Ассесоръ Мельниковъ—Мировымъ Судьею 4-го участка Везенбергъ-Вейсенштейнскаго округа; Мировой Судья 2-го участка Курганскаго уѣзда, округа Тобольскаго Окружнаго Суда, Губернскій Секретарь Малевичъ, Секретарь Рижскаго Окружнаго Суда, Коллежскій Секретарь Керскій и Старшій Кандидатъ на должности по судебному вѣдомству при Елисаветградскомъ Окружномъ Судѣ Палеологъ—Участковыми Мировыми Судьями округовъ: Малевичъ—Новоградволынскаго, Керскій—Поневѣжскаго и Палеологъ—Литинскаго; Товарищъ Прокурора Витебскаго Окружнаго Суда, Коллежскій Ассесоръ Томирскій—Старшимъ Дѣлопроизводителемъ Управленія Эмеритальной Кассы вѣдомства Министерства, съ 1 февраля; Городской Судья г. Бунгура, округа Пермскаго Окружнаго Суда, Коллежскій Ассесоръ Грунильонъ—Товарищемъ Прокурора Пермскаго Окружнаго Суда; Помощникъ Секретаря Кіевской Судебной Палаты, Коллежскій Секретарь Скрипчинскій—Городскимъ Судьею г. Мглина.

Перемѣщаются: Участковый Мировой Судья Новоградволынскаго округа, Титулярный Совѣтникъ Якубовскій—Участковымъ Мировымъ Судьею Балтскаго округа; Мировые Судьи: 1-го участка Биренскаго уѣзда, округа Иркутскаго Окружнаго Суда, Губернскій Секретарь Мицѣловскій и 4-го участка Бійскаго уѣзда, Губернскій Секретарь Хрущевскій—Мировыми Судьями: Мицѣловскій—4-го участка

Бійскаго уѣзда, а Хрущевскій—4-го участка Маріинскаго уѣзда; Товарищи Прокурора Окружныхъ Судовъ: Новгородскаго, Надворный Совѣтникъ **Вогакъ**, Ковенскаго, Коллежскій Ассесоръ **Зубовскій** и Симбирскаго, Титулярный Совѣтникъ **Благовѣщенскій**—Товарищами Прокурора Окружныхъ Судовъ: первый—С.-Петербургскаго, второй—Виленскаго, а третій—Казанскаго.

Увольняется *отъ должности, согласно прошенію*, Исправляющій должность Судебнаго Слѣдователя 2-го участка Борисоглѣбскаго уѣзда, округа Тамбовскаго Окружнаго Суда, Надворный Совѣтникъ **Евстифеевъ**, по случаю назначенія его Товарищемъ Уральскаго Областнаго Прокурора.

Увольняются *отъ службы, согласно прошеніямъ*: Предсѣдатель Департамента Тифлисскаго Судебной Палаты, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ князь **Чавчавадзе**, Членъ Костромскаго Окружнаго Суда, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ **Березовскій** и Уѣздный Членъ Лубенскаго Окружнаго Суда, по Золотоношскому уѣзду, Статскій Совѣтникъ **Савичъ**, всѣ три съ мундиромъ, занимаемымъ ими должностямъ присвоеннымъ.

*Согласно прошеніямъ, по болѣзни*: Судебные Слѣдователи округовъ Окружныхъ Судовъ: Херсонскаго, по важнѣйшимъ дѣламъ, Статскій Совѣтникъ **Еленскій** и Кіевскаго, 1-го участка Сквирскаго уѣзда, Статскій Совѣтникъ **Мацкевичъ**, изъ нихъ первый съ мундиромъ, занимаемой имъ должности присвоеннымъ.

### По межевому управленію.

Умершій *исключается изъ списковъ* Начальникъ Уфимскаго землемѣрнаго училища, Межевой Инженеръ, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ **Автократовъ**.

№ 12, февраля 25 дня 1899 года.

### По Правительствующему Сенату.

Назначается Товарищъ Предсѣдателя Московскаго Окружнаго Суда, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ **Павловичъ**—Товарищемъ Оберъ-Прокурора Гражданскаго Кассационнаго Департамента Правительствующаго Сената.

### По вѣдомству Министерства Юстиціи.

Опредѣляется *на службу, изъ отставныхъ*, Отставной Поручикъ гвардіи **Шелковниковъ**—Почетнымъ Мировымъ Судьею округа Елисаветпольскаго Окружнаго Суда, на текущее, съ 1 іюля 1897 г., трехлѣтіе.

Назначаются: Товарищ Оберъ-Прокурора Гражданскаго Кассационнаго Департамента Правительствующаго Сената, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ **Гожевъ**—Предсѣдателемъ Департамента Кіевской Судебной Палаты; Членъ Варшавской Судебной Палаты, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ **Банихъ**—Предсѣдателемъ Петроковскаго Окружнаго Суда; Члены Окружныхъ Судовъ: Кіевскаго, Статскіе Совѣтники **Ивановъ** и **Нордштейнъ** и Коллежскій Совѣтникъ **Морозовъ** и Членъ Варшавскаго Окружнаго Суда, Статскій Совѣтникъ **Рождественскій**—Товарищами Предсѣдателя Окружныхъ Судовъ: **Ивановъ** и **Морозовъ**—Кіевскаго, **Нордштейнъ**—Черниговскаго и **Рождественскій**—Балишскаго; Товарищъ Прокурора Минскаго Окружнаго Суда, Статскій Совѣтникъ **Скульскій**—Прокуроромъ Елисаветпольскаго Окружнаго Суда; Мировой Судья 1-го участка Енисейской округи, Дѣйствительный Студентъ Императорскаго Университета **Жапо**—Членомъ Красноярскаго Окружнаго Суда; Исправляющіе должность Судебнаго Слѣдователя округовъ Окружныхъ Судовъ: Житомирскаго, 1-го участка Староконстантиновскаго уѣзда, Титулярный Совѣтникъ **Вязловъ** и Саратовскаго, 2-го участка Балашовскаго уѣзда, Коллежскій Совѣтникъ **Трусевичъ**, первый—Участковымъ Мировымъ Судьею Звенигородскаго округа, а второй—Городскимъ Судьею г. Балашова; Городской Судья г. Ялты, Коллежскій Ассесоръ **Ермоленко**—Товарищемъ Прокурора Ставропольскаго Окружнаго Суда.

Перемѣщаются: Товарищъ Предсѣдателя Черниговскаго Окружнаго Суда, Статскій Совѣтникъ **Глатковъ**—Товарищемъ Предсѣдателя Кіевскаго Окружнаго Суда, согласно прошенію; Мировой Судья 17-го участка Рижско-Вольмарскаго округа, Надворный Совѣтникъ **Яковлевъ**—Участковымъ Мировымъ Судьею Рѣжицкаго округа.

Увольняется отъ должности Участковый Мировой Судья Рѣжицкаго округа, Статскій Совѣтникъ **Тихорскій**, по случаю избранія его Предсѣдателемъ Опочецкой, Псковской губерніи, Уѣздной Земской Управы.

Увольняются отъ службы: согласно прошенію, Городской Судья 2-го участка г. Пскова, Коллежскій Ассесоръ **Клокоцкій**.

согласно прошенію, по болѣзни, Городской Судья г. Балашова, Статскій Совѣтникъ **Мясоедовъ**, съ мундиромъ, занимаемой имъ должности присвоеннымъ.

### По межевому управленію.

Назначается Помощникъ Курскаго Губернскаго Землемѣра, Надворный Совѣтникъ **Мухинъ**—Архангельскимъ Губернскимъ Землемѣромъ.

## ПРИКАЗЫ

### ПО ВЪДОМСТВУ МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦИИ.

№ 5, отъ 6-го февраля 1899 года.

Причисляются къ Министерству: уволенные Высочайшимъ приказомъ по гражданскому вѣдомству, отъ 24 января 1899 года, за № 5, отъ должностей, согласно прошениямъ: товарищи прескурора окружныхъ судовъ: Острогожскаго, надворный совѣтникъ **Музыченко** и Бишиневскаго, коллежскій ассесоръ **Евсихіевъ**, исправляющіе должность судебного слѣдователя: 3 участка Черкаскаго округа, Новочеркаскаго окружнаго суда, коллежскій совѣтникъ **Манохинъ**, 1 участка Одесскаго уѣзда, округа Одесскаго окружнаго суда, надворный совѣтникъ **Тимоевъ**, 2 участка Стародубскаго уѣзда, округа Стародубскаго окружнаго суда, коллежскій ассесоръ **Юницкій**, 2 участка Астраханскаго уѣзда, округа Астраханскаго окружнаго суда, титулярный совѣтникъ **Вернеръ** и городской судья г. Мглина, титулярный совѣтникъ **Грасевичъ**—съ откомандированіемъ къ исправленію должности судебного слѣдователя: **Музыченко**—3 участка Черкаскаго округа, Новочеркаскаго окружнаго суда, **Евсихіевъ**—1 участка Одесскаго уѣзда, округа Одесскаго окружнаго суда, **Манохинъ**—вновь образованнаго 5 участка Черкаскаго округа, Новочеркаскаго окружнаго суда, **Тимоевъ**—6 участка Одесскаго градоначальства, **Юницкій**—по важнѣйшимъ дѣламъ округа Стародубскаго окружнаго суда, **Вернеръ**—1 участка города Астрахани, **Грасевичъ**—4 участка Ровенскаго уѣзда, округа Луцкаго окружнаго суда; всѣ семь—съ 24 января 1899 года;

секретари: при прокурорѣ Тульскаго окружнаго суда, титулярный совѣтникъ **Терновскій**, Стародубскаго окружнаго суда, коллежскій Жур. Мин. Юст. Мартъ 1899.

Handwritten notes: "№ 5" and "Музыченко" written vertically on the left margin.

секретарь **Гончаровъ**, старшіе кандидаты на должности по судебному вѣдомству при окружныхъ судахъ: Астраханскомъ, коллежскій секретарь **Поляковъ** и Петроковскомъ, губернской секретарь **Пашкевичъ**—съ откомандированіемъ къ исправленію должности судебного слѣдователя: Терновскій—Новосильскаго уѣзда, округа Тульского окружного суда, Гончаровъ—2 участка Стародубскаго уѣзда, округа Стародубскаго окружного суда, Поляковъ—2 участка Черноярскаго уѣзда, округа Астраханскаго окружного суда, Пашкевичъ—Августовскаго уѣзда, округа Сувалскаго окружного суда.

Командируются: причисленные къ Министерству Юстиціи: статскій совѣтникъ **Сребдольскій**—для занятій въ юрисконсультскую часть, съ 22 января 1899 г., титулярный Совѣтникъ **Ильенко**—къ исправленію должности судебного слѣдователя 4 участка Мензелинскаго уѣзда, округа Уфимскаго окружного суда и командированный къ исправленію должности судебного слѣдователя 2 участка Черноярскаго уѣзда, округа Астраханскаго окружного суда, коллежскій секретарь **Георгіевскій**—во 2 участка Астраханскаго уѣзда, округа того же окружного суда.

По Правительствующему Сенату: утверждаетъ въ должности архиваріуса сенатскаго архива, исправляющей эту должность канцелярскій чиновникъ перваго департамента Правительствующаго Сената, коллежскій секретарь **Роговицкій**—съ 15 января 1899 года.

Умершій *исключается изъ списковъ*: редакторъ сенатскихъ объявленій, надворный совѣтникъ **Гавріиль Ивановъ**, съ 13 января 1899 года.

По Губернскимъ Учрежденіямъ: Умершій *исключается изъ списковъ*: помощникъ мирового судьи Кутаисскаго уѣзднаго отдѣла, завѣдывающей Багдадскимъ мировымъ участкомъ, округа Кутаисскаго окружного суда, коллежскій совѣтникъ **Маріанъ Буцкевичъ**, съ 10 января 1899 года.

№ 6, отъ 13-го февраля 1899 года.

Опредѣляются въ службу: окончившіе курсъ юридическихъ наукъ въ Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ, съ дипломомъ первой степени, **Сегаль** и **Гамрекеловъ**—въ вѣдомство Министерства Юстиціи, съ причисленіемъ къ сему министерству и съ откомандированіемъ для занятій въ канцеляріи департаментовъ Пра-

вительствующаго Сената: Сегаль—гражданскаго кассационнаго, Гамрекедовъ—втораго.

**Командируется:** причисленный къ Министерству Юстиціи, командированный къ исправленію должности судебного слѣдователя 2 участка Вейсенштейнскаго уѣзда, округа Ревельскаго окружнаго суда, коллежскій секретарь князь **Оболенскій**—въ Ямбургскій уѣздъ, округа С.-Петербургскаго окружнаго суда.

**Увольняется отъ службы, согласно прошенію:** причисленный къ Министерству Юстиціи, командированный къ исправленію должности судебного слѣдователя 3 участка Самарскаго уѣзда, округа Самарскаго окружнаго суда, коллежскій ассесоръ **Замитинъ**.

**По Правительствующему Сенату:** увольняется отъ службы, согласно прошенію: старшій помощникъ оберъ-секретаря 4 департамента Правительствующаго Сената, коллежскій ассесоръ **Эдлеръ-фонъ-Ренненкампфъ**, съ 28 января 1899 года.

**По Губернскимъ Учрежденіямъ:** назначаются: секретарь Оренбургскаго окружнаго суда, губернскій секретарь **Васильковскій**—помощникомъ мирового судьи Иргизскаго уѣзда, Тургайской области;

участковые мировые судьи Виленскаго округа: коллежскій ассесоръ **Никольскій** и надворный совѣтникъ **Добрянскій**—въ составъ уѣздныхъ по чиншевымъ дѣламъ присутствій: первый—Виленскаго, а послѣдній—Трокскаго;

гминными судьями, по *Сьдлецкой* губерніи: Касіанъ **Кириенко**—II округа Венгровскаго уѣзда, Леонидъ **Котовъ**—II округа Луковскаго уѣзда, Михаилъ **Мазуркевичъ**—V округа Гарволинскаго уѣзда, Иванъ **Гомель**—II округа Соколовскаго уѣзда, Александръ **Кутанинъ**—II округа Константиновскаго уѣзда, Федоръ **Падѣинъ**—II округа и Евстафій **Шафаловичъ**—III округа Радинскаго уѣзда.

**Утверждаются, по выборамъ, гминными судьями по той же губерніи:** Викентій **Рачинскій**—II округа и Станиславъ **Врочинскій**—V округа Сьдлецкаго уѣзда, Люціанъ **Бучинскій**—V округа Венгровскаго уѣзда, Леонардъ **Ковальскій**—V округа Луковскаго уѣзда, Антонъ **Дашевскій**—II округа Гарволинскаго уѣзда.

**Увольняется отъ должности:** помощникъ секретаря Варшавскаго коммерческаго суда, коллежскій секретарь **Шрейеръ**, съ 1 февраля 1899 года, по случаю назначенія дѣлопроизводителемъ по финансовымъ дѣламъ Варшавскаго губернскаго правленія.

№ 7, отъ 18-го февраля 1899 года.

Назначаются: младшій дѣлопроизводитель втораго департамента Министерства Юстиціи, коллежскій ассесоръ **Балинскій**, помощники дѣлопроизводителя того же департамента: IX класса, титулярный совѣтникъ **Кушинниковъ** и X класса, коллежскій секретарь **Кейзеръ**: первый—дѣлопроизводителемъ, второй—младшимъ дѣлопроизводителемъ, а послѣдній—помощникомъ дѣлопроизводителя IX класса того же департамента Министерства Юстиціи, всѣ три—съ 1 февраля 1899 года.

Перемѣщается: младшій дѣлопроизводитель втораго департамента Министерства Юстиціи, коллежскій ассесоръ **Гессенъ**—младшимъ дѣлопроизводителемъ перваго департамента Министерства Юстиціи, согласно прошенію, съ 5 февраля 1899 года.

Причисляются къ *Министерству*: секретарь Житомирскаго окружнаго суда, коллежскій секретарь **Левковскій**, старшіе кандидаты на должности по судебному вѣдомству при окружныхъ судахъ: Кашинскомъ—губернскій секретарь **Черицовъ**, Каменецъ-Подольскомъ—титулярный совѣтникъ **Мартиновскій**, Таганрогскомъ—титулярный совѣтникъ **Сергѣевъ**, Виленскомъ—титулярный совѣтникъ **Окуловъ** и Петроковскомъ—коллежскій секретарь **Діаковскій**—съ откомандированіемъ къ исправленію должности судебного слѣдователя: Левковскій—1 участка Заславскаго уѣзда, округа Житомирскаго окружнаго суда, Черицовъ—2 участка Бѣжецкаго уѣзда, округа Кашинскаго окружнаго суда, **Мартиновскій**—2 участка Елисаветградскаго уѣзда, округа Елисаветградскаго окружнаго суда, **Сергѣевъ**—3 участка Бердянскаго уѣзда, округа Таганрогскаго окружнаго суда, **Окуловъ**—1 участка Лидскаго уѣзда, округа Виленскаго окружнаго суда, **Діаковскій**—Опоченскаго уѣзда, округа Радомскаго окружнаго суда;

смотритель дома и экономъ **Императорскаго училища** правовѣдѣнія, коллежскій совѣтникъ **Федоровъ**, съ увольненіемъ отъ занимаемой должности, согласно прошенію.

Командируется: причисленный къ Министерству Юстиціи, командированный къ исправленію должности судебного слѣдователя 3 участка Бердянскаго уѣзда, округа Таганрогскаго окружнаго суда, титулярный совѣтникъ **Рябининъ**—въ 1 участокъ Маріупольскаго уѣзда, округа того же окружнаго суда.

По Правительствующему Сенату: увольняется отъ должности, согласно прошенію: помощникъ оберъ-секретаря втораго департамента Правительствующаго Сената, коллежскій секре-

тарь **Погожевъ**—съ причисленіемъ къ Министерству Юстиціи, съ 1 января 1899 года.

По Губернскимъ Учрежденіямъ: назначается: секретарь Кутаисскаго окружнаго суда, коллежскій секретарь **Оржелъ**—помощникомъ мирового судьи Кутаисскаго уѣзднаго отдѣла, завѣдывающимъ Багдадскимъ мировымъ участкомъ.

Увольняется *отъ службы, согласно прошенію*: помощникъ мирового судьи Шемахинскаго отдѣла, завѣдывающій Бурдамирскимъ слѣдственнымъ участкомъ, округа Бакинскаго окружнаго суда, коллежскій ассесоръ **Ягубовъ**.

### По межевой части.

№ 2, *отъ 10-го февраля 1899 года.*

По межевымъ учебнымъ заведеніямъ: Оставляется *на службу*: Надзиратель Уфимскаго Землемѣрнаго Училища, Межевой Инженеръ, Статскій Совѣтникъ **Виноградовъ**, съ 23 февраля 1899 года до 1 сентября 1901 года.

По губернской межевой части: Назначаются: сверхштатный Старшій Помощникъ Землемѣра при Тифлисской Судебной Палатѣ, Губернскій Секретарь **Щебровскій**—Дѣлопроизводителемъ Терской Областной Чертежной; командированный для занятій въ Псковскую Губернскую Чертежную, Младшій Землемѣрный Помощникъ Межевой Канцеляріи, Губернскій Секретарь **дю-Вернуа**—для исполненія обязанностей Новогригорьевскаго Уѣзднаго Землемѣра, Ставропольской губерніи, съ оставленіемъ Младшимъ Землемѣрнымъ Помощникомъ Межевой Канцеляріи; *по Тифлисской Судебной Палатѣ*: Старшій Землемѣръ, Коллежскій Секретарь **Карауловъ**—Старшимъ Землемѣромъ для исполненія обязанностей Помощника Завѣдывающаго межевыми работами въ третьемъ Кутаисскомъ межевомъ округѣ, Младшіе Землемѣры, Надворные Совѣтники: **Махарадзе**, **Гризо** и **Лебедевъ**—Старшими Землемѣрами, Старшіе Помощники Землемѣровъ, Коллежскіе Ассесоры: **Романусъ**, **Гаджибековъ** и **Ольховскій**—Младшими Землемѣрами, Старшіе Помощники Землемѣровъ для работъ въ Чертежной: Губернскій Секретарь **Разсыпиновъ**, Коллежскіе Регистраторы: **Глечіевъ** и **Чембаровъ** и неимѣющій чина **Кулиджановъ** и Младшій Помощникъ Землемѣра Терской Областной Чертежной, Губернскій Секретарь **Галецкій**—Старшими Помощниками Землемѣровъ и Младшій Помощникъ Землемѣра, неимѣющій чина **Михайловъ**—Старшимъ Помощ-

никомъ Землемѣра для работъ въ Чертежной; изъ нихъ: Щебровскій— съ 18, дю-Верпуа—съ 20 января и остальные—съ 1 февраля 1899 года.

Переводится: Тотемскій Уѣздный Землемѣръ, Вологодской губерніи, Коллежскій Ассесоръ Парафіяновичъ—на такую же должность въ Чистопольскій уѣздъ, Казанской губерніи.

Опредѣлены въ службу: Окончившіе курсъ съ званіемъ частныхъ землемѣровъ въ Землемѣрныхъ Училищахъ: Пензенскомъ, Дзильна и Псковскомъ, Мозолевскій—Младшими Помощниками Землемѣровъ: первый—при Тифлисской Судебной Палатѣ и послѣдній—Кубанской Областной Чертежной; изъ нихъ: Дзильна—съ 18, а Мозолевскій— съ 20 января 1899 года.

Уволенъ отъ службы, согласно прошенію: Окружный Землемѣръ Приморской области, Титулярный Совѣтникъ Литвинцевъ, съ 16 января 1899 года.

## ЦИРКУЛЯРНЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ

МИНИСТРА ЮСТИЦІИ

за 1899 годъ.

---

*1. января 28 дня 1899 г., за № 3666.*

Г.г. Предсѣдателямъ судебныхъ мѣстъ и Инспекторамъ зданій судебныхъ установлений.

Въ виду состоявшагося между Министерствами Финансовъ и Юстиціи соглашенія, Второй Департаментъ, по приказанію г. Министра Юстиціи, проситъ г.г. предсѣдателей судебныхъ мѣстъ и инспекторовъ зданій судебныхъ установлений сдѣлать зависящія распоряженія о вывѣшеніи, въ возможно непродолжительномъ времени, въ доступныхъ для публики помѣщеніяхъ судебныхъ учреждений и въ особенности въ камерахъ мировыхъ судей объявленій, по прилагаемому при семъ образцу, объ окончательномъ срогѣ, назначенномъ, согласно Высочайше утвержденному 29 апрѣля 1896 г. мнѣнію Государственнаго Совѣта, для обмѣна кредитныхъ билетовъ 25 р., 10 р. и 5 р. достоинствъ образца 1887 года, присовокупляя, что указанныя объявленія должны быть напечатаны крупнымъ шрифтомъ.

**ОТЪ МИНИСТЕРСТВА ФИНАНСОВЪ.**

---

На основаніи Высочайше утвержденного 29 апрѣля 1896 г. мнѣнія Государственнаго Совѣта, окончательнымъ срокомъ для обмѣна кредитныхъ билетовъ 25 р., 10 р. и 5 р. достоинствъ образца

1887 года, выпущенныхъ на основаніи Высочайшаго Указа  
25 мая 1888 года, назначено

31-е декабря 1899 года.

По истеченіи этого срока, кредитные билеты указанныхъ достоинствъ образца 1887 года не будутъ принимаемы въ казенные платежи и не обязательны къ обращенію между частными лицами.

Признаки кредитныхъ билетовъ 5 р., 10 р. и 25 р. достоинствъ, обмѣнъ и обращеніе коихъ прекращается 31 декабря 1899 года:

Рисунокъ лицевой стороны билетовъ отпечатанъ густою синею краскою по свѣтлоричневому фону.

Годъ выпуска обозначенъ внизу лицевой стороны билетовъ—въ 5 рубл. билетѣ (не позже 1894 г.) слѣва, а въ 10 рубл. (не позже 1892 г.) и 25 рубл. билетахъ (всѣ 1887 г.) посрединѣ билета.

Оборотная сторона билета содержитъ поперечный рисунокъ съ государственнымъ гербомъ посрединѣ, крупною цифрою влѣво и извлеченіемъ изъ Манифеста—вправо и отпечатана:

5	рубл. бил.	— синею краскою,
10	”	” — красною ”
25	”	” — лиловою ”

## ОБЪ ИСПОЛНЕНИИ СУДЕБНЫХЪ РЪШЕНІЙ.

А. И. Маттеля.

Въ виду производящагося пересмотра устава гражд. суд., позволяю себѣ изложить нѣсколько практическихъ замѣчаній, касающихся правилъ исполненія судебныхъ рѣшеній, помѣщенныхъ въ раздѣлѣ V книги II устава.

Въ главѣ I упомянутаго раздѣла содержатся правила о законной силѣ рѣшеній. Мнѣ кажется, что эти правила слѣдовало бы помѣстить не въ раздѣлѣ объ исполненіи судебныхъ рѣшеній, а въ томъ мѣстѣ устава, гдѣ будутъ изложены правила о порядкѣ постановленія и объявленія резолюцій, какъ это сдѣлано въ австрійскомъ уставѣ гражд. суд. (*Oesterreichische Civilprozessordnung*) изд. 1895 года.

Замѣчу кстати, что первую половину 891 ст., безусловно запрещающую суду измѣнять уже провозглашенную имъ резолюцію по существу дѣла, слѣдовало бы дополнить указаніемъ тѣхъ случаевъ, когда измѣненіе резолюціи должно быть по необходимости допущено. Въ этомъ отношеніи Гражд. Касс. Департ. призналъ, что судъ не лишенъ права исправить, при изложеніи рѣшенія въ окончательной формѣ, очевидную описку или ошибку, вкравшуюся въ резолюцію; что такая ошибка, неисправленная при изложеніи рѣшенія, можетъ быть исправлена въ порядкѣ, установленномъ для истолкованія рѣшеній; что просьба заинтересованнаго въ томъ

лица разрѣшается, по сообщеніи копии противной сторонѣ, въ сокращенномъ порядкѣ, и что по этой просьбѣ постановляется не рѣшеніе, а частное опредѣленіе, которое можетъ быть обжаловано, если состоялось въ первой инстанціи, въ частномъ порядкѣ (рѣш. 1879 г. № 126, 1885 г. № 69, 1891 г. № 11 и др.).

Это разъясненіе весьма сходно съ постановленіями германскаго устава гражд. суд. (Civilprozessordnung für das Deutsche Reich) изд. 1877 г. <sup>1)</sup>, въ которомъ сказано, что описки въ словахъ, цифрахъ (Schreibfehler, Rechnungsfehler) и тому подобныя явныя погрѣшности (Unrichtigkeiten), оказавшіяся въ рѣшеніи, могутъ быть во всякое время исправлены судомъ какъ по просьбѣ стороны, такъ и безъ просьбы, по обязанности (Amtswegen). Опредѣленіе объ исправленіи можетъ быть постановлено безъ предварительныхъ словесныхъ объясненій (слѣд., безъ извѣщенія тяжущихся и безъ вызова ихъ въ засѣданіе суда), но копии постановленнаго опредѣленія должны быть вручены тяжущимся. На опредѣленіе суда, коимъ допущено исправленіе, можетъ быть подана срочная частная жалоба (sofortige Beschwerde), опредѣленіе же, коимъ отказано въ исправленіи, не подлежитъ обжалованію (§§ 290 и 294).

Далѣе, германскій уставъ предусматриваетъ случаи ошибокъ въ изложеніи обстоятельствъ дѣла въ рѣшеніи и постановляетъ, что если въ изложеніи обстоятельствъ дѣла (Thatbestand) въ рѣшеніи допущены такія ошибки (Unrichtigkeiten), которыя не могутъ быть подведены подъ предыдущее правило, а также если окажутся пропуски, неясности или противорѣчія, то объ исправленіи можетъ быть заявлена просьба въ недѣльный срокъ (со дня ввѣщенія реестра), со врученіемъ копии ея противной сторонѣ и съ вызовомъ къ словесному объясненію. Такія просьбы разрѣшаются безъ провѣрки доказательствъ (ohne vorgängige Beweisaufnahme) тѣми же судьями, которыми постановлено рѣшеніе; если же кто-либо изъ нихъ отсутствуетъ,

<sup>1)</sup> Я ссылаюсь на изд. 1877 г. 1) потому что новое изд. 1898 г. вступить въ дѣйствіе лишь съ 1 января 1900 г. и 2) что въ немъ интересующія насъ положенія не измѣнены, новыя же для насъ не существенны.

то при равенствѣ голосовъ принимается мнѣніе предсѣдателя, а въ случаѣ его отсутствія — мнѣніе старшаго судьи. Опре- дѣленіе не подлежитъ обжалованію. Поправки въ изложеніи обстоятельствъ дѣла не влекутъ за собою измѣненія прочихъ частей рѣшенія (§ 291).

Такой же въ сущности порядокъ исправленія ошибокъ въ резолюціи и въ обстоятельствахъ дѣла принять и австр. уставомъ гражд. суд., какъ это видно изъ § 419 и слѣд.

Было бы весьма желательно, чтобы подобныя правила вошли и въ нашъ уставъ съ цѣлью устраненія постоянно встрѣчающихся на практикѣ неудобствъ и недоразумѣній по этому вопросу.

Въ главѣ 2 раздѣла V изложены правила исполнительнаго производства по расчетамъ объ убыткахъ, доходахъ и издержкахъ. Эти правила, какъ мнѣ кажется, слѣдовало бы совсѣмъ исключить изъ упомянутаго раздѣла, такъ какъ исполнительное производство имѣетъ очень мало общаго съ исполненіемъ судебныхъ рѣшеній.

Въ самомъ дѣлѣ, хотя исполнительное производство вытекаетъ изъ рѣшенія, которымъ отвѣчикъ признается обязаннымъ возратить истцу полученные доходы, или вознагра- дить за убытки и судебныя издержки, или представить отчетъ по управленію дѣлами или имуществомъ (ст. 896), тѣмъ не менѣе оно имѣетъ цѣлью собственно повѣрку доказательствъ сторонъ для установленія самой цифры взысканія; слѣдова- тельно, по существу своему исполнительное производство касается не столько исполненія рѣшенія, сколько установле- нія фактическихъ данныхъ для правильнаго постановленія рѣшенія. Поэтому для настоящихъ правилъ болѣе подходящее мѣсто — въ раздѣлѣ I о производствѣ дѣла въ окружномъ судѣ.

Но мнѣ кажется, что правила исполнительнаго производ- ства можно было бы совсѣмъ исключить изъ устава гражд. суд. не только безъ всякаго вреда, но съ несомнѣнною пользою для тяжущихся, замѣнивъ эти правила, какъ при- знають многіе цивилисты (см. Ж. М. Ю. за 1897 г. № 9, стр. 58, статья г. Змирлова), приготовительнымъ производ- ствомъ по образцу герм. и австр. уставовъ гражд. суд.

Въ главѣ 3 раздѣла V помѣщены *общія правила исполненія судебныхъ рѣшеній*, изложеніемъ которыхъ собственно и долженъ бы начинаться пятый раздѣлъ объ исполненіи судебныхъ рѣшеній. Въ статьѣ первой этихъ правилъ, а по порядку нумераціи въ ст. 924 постановлено, что исполненію подлежатъ судебныя рѣшенія, вошедшія въ законную силу или обращенныя къ предварительному исполненію. Въ дѣйствительности, однако, правила объ исполненіи судебныхъ рѣшеній примѣняются и при исполненіи частныхъ опредѣлений судебныхъ мѣстъ, напр., объ обезпеченіи иска, какъ это прямо сказано въ ст. 628 по отношенію къ аресту движимаго имущества въ обезпеченіе иска. По этимъ же правиламъ исполняются и рѣшенія третейскаго суда (ст. 1395), а также приговоры о взысканіяхъ, налагаемыхъ на виновныхъ въ наказаніе за совершенныя ими противозаконныя дѣянія и въ вознагражденіе за вредъ и убытки (ст. 189 и 954 уст. угол. суд.). Въ томъ же порядкѣ исполняются и приговоры военно-окружныхъ судовъ о взысканіи убытковъ съ виновныхъ въ пользу потерпѣвшихъ (военно-суд. уставъ 1884 г. ст. 1104). Но взысканія, налагаемыя гражданскими судебными мѣстами въ случаяхъ, указанныхъ въ ст. 1317 и 2116 т. X ч. I, въ статьяхъ 462, 562, 638, 639 и 1177 уст. гражд. суд.; взысканія, налагаемыя за неявку лицъ, вызываемыхъ къ слѣдствію и на судъ въ указанныхъ закономъ случаяхъ; взысканія съ поручителей за уклоненіе отъ слѣдствія и суда взятыхъ ими на поручительство лицъ; взысканіе судебныхъ издержекъ по дѣламъ уголовнымъ и взысканія, опредѣляемыя мировыми судьями за нарушеніе въ засѣданіи благопристойности, тишины и порядка, — производятся, согласно разъясненію Общ. Собр. Касс. Департ. въ рѣш. 1878 г. № 37, не по правиламъ исполненія судебныхъ рѣшеній.

Для устраненія возникающихъ на практикѣ недоразумѣній о порядкѣ исполненія подлежащихъ принудительному исполненію рѣшеній и приговоровъ различныхъ судовъ, а также частныхъ опредѣлений, было бы весьма желательно, если бы въ общихъ правилахъ было указано, какія именно рѣшенія, приговоры и опредѣленія и какихъ судовъ приводятся въ

исполненіе по правиламъ, установленнымъ для исполненія судебныхъ рѣшеній, какъ это мы видимъ въ герм. уст. гражд. суд. (§§ 644, 702 и слѣд.) и въ § 1 австр. устава объ исполненіи, изд. 1896 г. (Oesterreichische Exekutionsordnung)<sup>1)</sup>.

Исполненію по ст. 924 подлежатъ рѣшенія, вступившія въ законную силу. По отношенію къ рѣшеніямъ окружнаго суда, вступившими въ законную силу считаются, между прочимъ, тѣ рѣшенія, на пересмотръ которыхъ въ апелляціонномъ порядкѣ пропущенъ срокъ. Возможно однако исполненіе рѣшенія, подлежащаго пересмотру, въ томъ случаѣ, когда апелляціонная жалоба подана только на одну часть рѣшенія, не связанную неразрывно съ другою, которой жалоба не касается. Напр., рѣшеніемъ присуждены капиталъ и проценты; если жалоба подана только на присужденіе процентовъ, то по отношенію къ капиталу рѣшеніе вступаетъ въ законную силу и можетъ быть обращено къ исполненію. Такой случай исполненія рѣшенія на практикѣ допускается, но уставомъ не предусмтрѣно; поэтому, для устраненія недоразумѣній, слѣдовало бы постановить, по примѣру австр. устава объ исполн. (§ 13), при пересмотрѣ нашего устава, соотвѣтствующее правило.

Статья 925, по которой рѣшенія судебныхъ установленій обращаются къ исполненію не иначе, какъ по желанію взыскателя, и судебныя установленія не обязаны наблюдать за приведеніемъ ихъ въ исполненіе, постановлена въ отмѣну прежняго порядка по Своду зак. 1857 г., возлагавшаго на обязанность прежнихъ судебныхъ мѣстъ обращеніе своихъ рѣшеній къ исполненію и наблюденіе за исполненіемъ, которое производилось полиціей. Для устраненія неудобствъ и въ особенности медленности исполненія и для согласованія исполнительнаго производства съ характеромъ состязательнаго процесса признано, при изданіи Судебныхъ Уставовъ, необходимымъ допустить участіе тяжущихся какъ въ обращеніи къ исполненію, такъ и въ самомъ исполненіи судебныхъ рѣшеній, возло-

---

<sup>1)</sup> Въ дальнѣйшемъ изложеніи эти уставы обозначаются для краткости герм. уставъ, австр. уставъ.

живъ на нихъ же и наблюдене за правильностью исполненія, которое должно производиться не полиціей, неподчиненною судебнымъ мѣстамъ, а состоящими при судахъ должностными лицами — судебными приставами (уст. гражд. суд. изд. Госуд. Канц., мотивы къ общ. прав. испол. суд. рѣш.). Освобождая судебныя мѣста отъ обязанности наблюдать за исполнительными дѣйствіями судебныхъ приставовъ и предоставляя наблюдене сторонамъ, уставъ гражд. суд. послѣдовательно не обязываетъ, безъ жалобы одной изъ сторонъ, провѣрять и правильность описи недвижимаго имѣнія, которая представляется судебнымъ приставомъ въ то судебное мѣсто, при которомъ должна производиться публичная продажа имѣнія (ст. 1127). Поэтому въ ст. 1139 постановлено, что по полученіи описи имѣнія непремѣнный членъ мирового сѣзда или предсѣдатель окружнаго суда назначаетъ одного изъ мѣстныхъ судебныхъ приставовъ для производства продажи.

Практика, однако, вскорѣ обнаружила ошибочность такого взгляда на обязанности суда и неоднократно примѣрами доказала, что судебное мѣсто, получивъ опись имѣнія, не можетъ ограничиться лишь пассивною ролью. Нерѣдко представляется опись, составленная съ такими нарушеніями правилъ, что ничтожность ея очевидна; или опись, хотя и правильная съ формальной стороны, но составлена на такое имѣніе, продажа котораго закономъ воспрещена. Въ подобныхъ случаяхъ было бы ни съ чѣмъ несообразно и съ достоинствомъ суда несогласно передавать опись судебному приставу, зная заранее, что торги не могутъ быть утверждены, ибо безъ правильно составленной описи не можетъ быть законно произведенныхъ торговъ, а торги на имѣніе, изъятое изъ гражданскаго оборота, не могутъ считаться дѣйствительными. Въ виду этихъ соображеній суды пришли къ убѣжденію въ необходимости и безъ жалобы исправить въ самомъ началѣ допущенную судебнымъ приставомъ, при составленіи описи, ошибку. Спорнымъ на практикѣ представлялся лишь вопросъ о томъ, кто обязанъ провѣрять опись и, въ случаѣ надобности, предписывать судебному приставу исправить невѣрную опись или составить новую, или прекратить все производство: предсѣдатель ли окруж-

наго суда, или коллегія суда; но и этотъ вопросъ разрѣшенъ Кассац. Департаментомъ въ томъ смыслѣ, что предсѣдатель обязанъ о замѣченномъ имъ въ описи нарушеніи закона предложить на разсмотрѣніе суда (рѣш. 1893 г. № 7).

Такимъ образомъ правило ст. 925 о томъ, что судебныя мѣста не обязаны наблюдать за приведеніемъ рѣшеній въ исполненіе, представляется ошибочнымъ въ своемъ основаніи и потому должно быть исключено. Но этого недостаточно: необходимо постановить обратное правило въ смыслѣ обязанности суда провѣрять *ex officio* дѣйствія судебного пристава, примѣняясь къ австр. уставу объ исполненіи. Послѣдній устанавливаетъ, именно, тотъ принципъ, что насколько въ законѣ не содержится исключенія, исполненіе производится по должности (*von Amtswegen*) или гражданскимъ судомъ непосредственно, или чрезъ исполнительные органы, которые дѣйствуютъ по порученію и подъ руководствомъ суда (16), соблюдая въ точности особыя указанія его (*Weisungen*) въ отдѣльныхъ случаяхъ (25); если же дѣйствія исполнительнаго органа несогласны съ даннымъ ему порученіемъ (*nicht auftraggemäss*), то судъ обязанъ по должности (*von Amtswegen*) сдѣлать исполнительному органу указанія (*Weisungen*), необходимыя для исправленія допущенной ошибки (61).

Говоря о необходимости провѣрки дѣйствій судебного пристава по приведенію рѣшеній въ исполненіе, я вовсе не предполагаю, чтобы судъ неусыпно слѣдилъ за всѣми дѣйствіями пристава, исправлялъ всѣ допущенныя имъ неправильности и устранялъ медленность. Это было бы, съ одной стороны, нецѣлесообразно, потому что по основному принципу нашихъ правилъ по исполненію рѣшеній, отступать отъ котораго было бы нежелательно, наблюденіе за правильностью исполненія, какъ и теперь, должно относиться, прежде всего и главнымъ образомъ, къ обязанности взыскателя и должника; а съ другой стороны—фактически невозможно, потому что отвлекало бы судебныя мѣста отъ прямыхъ ихъ обязанностей. Я имѣю въ виду лишь такое отношеніе суда къ исполненію рѣшеній, при которомъ судъ, усматривая изъ производящихся дѣлъ неправильныя дѣйствія судеб-

наго пристава по исполненію рѣшенія, обязанъ направить дѣятельность его на законный путь, если по существу исполненія вмѣшательство суда, безъ жалобы лица заинтересованнаго, можетъ быть допущено. Но при этомъ нельзя, какъ мнѣ кажется, постановлять, что судебный приставъ имѣетъ право въ сомнительныхъ случаяхъ просить разъясненія суда, потому что хотя существующая практика безусловнаго отклоненія представленій судебныхъ приставовъ о разъясненіи сомнѣній и не можетъ не имѣть, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, вреднаго вліянія на правильный ходъ исполненія, ибо стереотипною фразою „дѣйствовать по закону“ недоразумѣніе пристава, возникающее большею частью изъ-за отсутствія закона или неясности его, не устраняется, тѣмъ не менѣе и обратное положеніе, при которомъ судебному приставу предоставлялось бы требовать отъ суда разъясненій, могло бы на практикѣ оказаться еще большимъ зломъ, такъ какъ дало бы судебному приставу право безнаказанно пріостанавливать исполненіе подъ предлогомъ неясности или неполноты закона, какъ это практиковалось по Своду зак. изд. 1857 года.

Общее наблюденіе суда за дѣятельностью судебныхъ приставовъ по исполненію судебныхъ рѣшеній, говоря вообще, должно выражаться, главнымъ образомъ, путемъ представленія послѣдними суду свѣдѣній о дѣйствіяхъ своихъ по исполненію рѣшеній, но объ этомъ будетъ сказано ниже, въ замѣчаніяхъ на ст. 938. Примѣромъ же частнаго случая повѣрки, безъ жалобы, дѣйствій судебного пристава можетъ служить указанный выше случай повѣрки описи недвижимаго имѣнія.

Къ сказанному по поводу ст. 935 необходимо прибавить, что слѣдовало бы, по примѣру австр. устава, постановить въ видѣ общаго правила, что исполненіе судебныхъ рѣшеній производится судомъ и судебнымъ приставомъ безъ особой о томъ просьбы лица, заинтересованнаго въ исполненіи, кромѣ случаевъ, указанныхъ въ законѣ, когда то или другое дѣйствіе можетъ быть исполнено не иначе, какъ по просьбѣ. Такое правило въ сущности не будетъ новымъ, по-

тому что хотя оно прямо и не выражено, какъ бы слѣдовало, но предполагается и нынѣ дѣйствующими правилами, по силѣ которыхъ ходатайство стороны необходимо лишь въ нѣкоторыхъ точно указанныхъ случаяхъ, напр.: для обращенія рѣшенія къ исполненію (ст. 925), для описи недвижимаго имѣнія (ст. 1101), для назначенія новаго торга (ст. 1067 и 1171).

Согласно ст. 926, желающій привести рѣшеніе въ исполненіе долженъ обратиться въ суль, постановившій рѣшеніе, съ словесною или письменною просьбою о выдачѣ ему исполнительнаго листа.

По буквальному смыслу этой статьи исполнительный листъ по рѣшенію судебной палаты не можетъ быть выданъ окружнымъ судомъ, которому возвращено рѣшенное палатою дѣло съ копіей рѣшенія; но такъ какъ тяжущіеся, въ большинствѣ случаевъ, проживаютъ внѣ города, гдѣ находится палата, и обращаться въ окружный судъ имъ гораздо удобнѣе, то на практикѣ повсемѣстно установился такой порядокъ, что пока дѣло въ окружный судъ не возвращено,—исполнительный листъ выдается палатою; послѣ же возвращенія можетъ быть выданъ только окружнымъ судомъ. Для устраненія возможности выдачи двухъ исполнительныхъ листовъ и палатою, и судомъ, палата, возвращая дѣло, извѣщаетъ судъ о томъ, выданъ ли исполнительный листъ, или не выданъ.

Этотъ порядокъ выдачи исполнительныхъ листовъ и слѣдовало бы узаконить при новомъ изданіи устава гражд. суд.

Кто дѣлаетъ распоряженіе о выдачѣ исполнительнаго листа,—въ ст. 926 не сказано. Но если принять во вниманіе, что по словесной просьбѣ, съ которою разрѣшается обратиться въ судъ о выдачѣ исполнительнаго листа, распоряженіе можетъ быть сдѣлано только предсѣдателемъ, такъ какъ постановленіе суда по общему правилу (ст. 256 и 567) можетъ послѣдовать только по письменной просьбѣ, и что по ст. 928 исполнительный листъ подписывается предсѣдателемъ, то слѣдуетъ признать, что по смыслу 926 статьи

предсѣдателемъ разрѣшается и выдача исполнительнаго листа. Это-то и должно быть выражено въ упомянутой статьѣ.

Хотя и при настоящей редакціи 926 статьи исполнительные листы выдаются предсѣдателями, но въ сомнительныхъ случаяхъ предсѣдатель не лишень права, по смыслу этой статьи, направить взыскателя съ его просьбою въ судъ; а такъ какъ, съ другой стороны, законъ не указываетъ, въ какихъ, именно, случаяхъ выдача исполнительнаго листа зависитъ отъ суда, то предсѣдатели, мнительные или нежелающіе брать на свою отвѣтственность выдачу исполнительнаго листа, могутъ пользоваться этимъ правомъ безконтрольно и задерживать безотвѣтственно исполненіе рѣшенія во вредъ взыскателю. Такой порядокъ не можетъ считаться нормальнымъ и долженъ быть измѣненъ. Для этого необходимо, установивъ общее правило въ томъ смыслѣ, что исполнительные листы выдаются предсѣдателемъ или судьей, его замѣняющимъ, указать предсѣдателю руководящія начала для разрѣшенія тѣхъ сомнѣній, которыя на практикѣ чаще всего встрѣчаются. Едва-ли я ошибусь, утверждая, что сомнѣніе возникаетъ почти исключительно въ тѣхъ случаяхъ, когда исполнительный листъ предстоитъ выдать не тому лицу, въ пользу котораго состоялось рѣшеніе, или когда исполненіе рѣшенія должно производиться не противъ того лица, которое значится въ рѣшеніи. Для подобныхъ случаевъ необходимо указаніе закона о томъ, какими доказательствами долженъ быть удостовѣренъ переходъ права къ просителю или переходъ обязанности къ данному лицу. При универсальномъ преемствѣ доказательствами должны служить удостовѣренія судебныхъ мѣстъ объ утвержденіи въ правахъ наследства по закону или по завѣщанію; при сингулярномъ — договоры и сдѣлки, совершенные при участіи нотариуса или другихъ лицъ судебного вѣдомства (уѣзд. члена суда, городского и мирового судьи), участіе которыхъ можетъ состоять хотя-бы только въ засвидѣтельствованіи подписи руки. Нерѣдко сомнѣніе въ правѣ просителя на полученіе исполнительнаго листа возникаетъ въ томъ случаѣ, когда является предположеніе о пропускѣ общей десятилѣтней или спеці-

альной для заочныхъ рѣшеній трехлѣтней давности. И этотъ случай долженъ быть предусмотрѣнъ общими правилами объ исполненіи рѣшеній; сомнѣніе же должно быть устранено, какъ мнѣ кажется, примѣненіемъ къ данному случаю общепринятаго правила о томъ, что вопросъ о давности возбуждается тѣмъ, въ чью пользу можетъ служить истечение ея. Подтверженіемъ высказаннаго мною мнѣнія могутъ служить уставы германскій и австрійскій.

Такъ, по герм. уставу выписъ рѣшенія съ исполнительною, въ концѣ ея, надписью (*Vollstreckungsklausel*), имѣющая значеніе нашего исполнительнаго листа, выдается секретаремъ суда; распоряженіе же предсѣдателя на выдачу такой выписи требуется только въ слѣдующихъ случаяхъ: 1) когда исполненіе рѣшенія, по содержанію его, зависитъ отъ доказаннаго кредиторомъ (взыскателемъ) наступленія извѣстнаго факта; 2) когда въ лицѣ истца или въ лицѣ отвѣтчика произошло преемство и 3) когда выдается послѣдующая исполнительная выпись сторонѣ, которую не возвращена первая выпись (§§ 662—666 и 669). Въ первомъ случаѣ для выдачи выписи долженъ быть представленъ офиціальный документъ (*öffentliche Urkunde*), т. е. документъ, совершенный правительственнымъ мѣстомъ или должностнымъ лицомъ. Такой же документъ долженъ быть представленъ и во второмъ случаѣ, если преемство офиціально суду не извѣстно. Если же упомянутые документы не могутъ быть представлены, то о выдачѣ исполнительной выписи долженъ быть предъявленъ искъ въ первой инстанціи того суда, которымъ дѣло было рѣшено (*Prozessgericht*). Искъ предъявляется всѣми правопреемниками прежняго взыскателя, если ихъ нѣсколько, и противъ всѣхъ преемниковъ должника, и имѣетъ своею цѣлью, напримѣръ, во второмъ случаѣ, установить преемство, за неимѣніемъ требуемыхъ документовъ, судебнымъ рѣшеніемъ (§ 667 и комм. въ 3 изд. *Wilmowski und Levy*).

По австрійскому уставу взыскателю исполнительная выпись не выдается, а только дается по его просьбѣ тѣмъ судомъ, въ которомъ былъ предъявленъ искъ, разрѣшеніе на исполненіе рѣшенія (*Bewilligung der Exekution*), которое изла-

гается въ формѣ опредѣленія съ изложеніемъ въ немъ всѣхъ свѣдѣній, необходимыхъ для исполненія. Такое опредѣленіе постановляется не составомъ суда, не коллегіей, а однимъ членомъ, который назначается предсѣдателемъ, какъ это видно изъ § 7 учр. суд. уст. (Jurisdictionsnorm). Опредѣленіе это сообщается тѣмъ же членомъ суду исполненія (Exekutionsgericht), который уже отъ себя назначаетъ для исполненія судебного пристава (Vollstreckungsorgan), если исполненіе не зависитъ отъ самаго суда (§§ 3, 16, 24 и 69).

Въ тѣхъ случаяхъ, указанныхъ выше въ пунк. 1 и 2, когда, по герм. уставу, для выдачи исполнительной выписи требуется представленіе документовъ, совершенныхъ правительственнымъ мѣстомъ или должностнымъ лицомъ, въ австр. уставѣ постановлено, что исполненіе рѣшенія можетъ быть допущено лишь подъ условіемъ представленія такихъ же документовъ или хотя-бы лишь удостовѣренныхъ правительственнымъ мѣстомъ или должностнымъ лицомъ; за невозможностью же представленія упомянутыхъ документовъ, о разрѣшеніи исполненія или о продолженіи такового долженъ быть предьявленъ также искъ, какъ и по герм. уставу. Ссылкою на иностранные уставы объ исполненіи рѣшеній я желалъ доказать, что разрѣшеніе единоличною властью предсѣдателя, безъ всякаго участія суда, во всѣхъ безъ исключенія случаяхъ, просьбѣ о выдачѣ исполнительныхъ листовъ должно считаться, въ видахъ устраненія медленности, вполне нормальнымъ.

Далѣе, по смыслу ст. 926 исполнительный листъ требуется съ цѣлью приведенія рѣшенія въ исполненіе, слѣдовательно, если цѣль эта не можетъ быть достигнута, если рѣшеніе не можетъ быть исполнено тѣмъ порядкомъ, какой установленъ для приведенія рѣшеній въ исполненіе, то не должна подлежать удовлетворенію и просьба о выдачѣ исполнительнаго листа. Такъ, напр., если рѣшеніемъ признаны лишь наслѣдственные права истца, или если отвѣчикъ признанъ лишь обязаннымъ возратить истцу доходы безъ опредѣленія суммы доходовъ, или представить отчетъ по управленію дѣлами и имуществомъ, то подобнаго рода

рѣшенія не подлежатъ исполненію по исполнительному листу, если при этомъ не постановлено о взысканіи съ отвѣтчика въ пользу истца судебныхъ издержекъ. Между тѣмъ и по такимъ рѣшеніямъ истцы нерѣдко требуютъ исполнительныхъ листовъ, а суды иногда удовлетворяютъ ихъ просьбы на томъ основаніи, что будто суду не слѣдуетъ задаваться вопросомъ о томъ, какое употребленіе сдѣлаетъ истецъ изъ исполнительнаго листа. Для устраненія недоразумѣній по данному вопросу слѣдовало бы постановить въ дополненіе статьи 926, что исполнительные листы выдаются только по тѣмъ рѣшеніямъ, исполненіе которыхъ можетъ быть произведено по правиламъ объ исполненіи судебныхъ рѣшеній.

Кромѣ того, желательно было бы узаконить существующую практику въ томъ отношеніи, что исполнительный листъ высылается предсѣдателемъ, по просьбѣ взыскателя, чрезъ полицію, по мѣсту жительства просителя, или передается, по его желанію, подлежащему судебному приставу.

По ст. 932 взаимнѣ потеряннаго, похищеннаго или истребленнаго подлиннаго исполнительнаго листа выдается его копія, но не иначе, какъ по опредѣленію суда, постановленному по вызовѣ противной стороны и по выслушаніи ея, если она явилась къ назначенному для того сроку.

Казалось бы, что и указанный въ этой статьѣ случай долженъ быть подведенъ подъ общее правило о томъ, что исполнительные листы выдаются предсѣдателемъ суда. То обстоятельство, что предсѣдателю можетъ представиться необходимость разрѣшать единолично возраженіе противной стороны противъ выдачи копіи, не можетъ служить достаточнымъ основаніемъ для установленія относительно даннаго случая изъятія изъ общаго правила. Было бы еще лучше, если бы эта обязанность была возложена на члена суда, назначеннаго общимъ собраніемъ отдѣленій окружнаго суда, потому что жалобы на неправильность опредѣленія члена суда о выдачѣ или объ отказѣ въ выдачѣ копіи исполнительнаго листа, можно было бы подчинить вѣдѣнію не судебной палаты, а окружнаго суда. При такомъ порядкѣ обжалованія, кромѣ выигрыша во времени разрѣшенія жалобы, интересы тяжущихся были бы лучше обез-

печены еще и въ томъ отношеніи, что до отмѣны обжалованнаго опредѣленія исполненіе его могло бы быть приостановлено въ крайнихъ случаяхъ и предсѣдателемъ суда. Если мнѣ возразить, что право приостановленія дѣйствія обжалованнаго опредѣленія члена суда можетъ быть предоставлено какъ суду, такъ въ крайнихъ случаяхъ и предсѣдателю и при томъ условіи, если жалобы будутъ подлежать разсмотрѣнію не суда, а палаты, то противъ этого я бы не спорилъ; но не думаю, чтобы кто-либо не согласился съ тѣмъ, что судомъ жалобы будутъ разрѣшаться несравненно скорѣе, чѣмъ палатою; слѣдовательно въ этомъ отношеніи преимущество предлагаемаго мною порядка несомнѣнно.

Во всякомъ случаѣ, будетъ ли выдаваться копія исполнительнаго листа судомъ, или предсѣдателемъ, или членомъ суда, порядокъ разрѣшенія просьбъ о выдачѣ копій ничѣмъ не отличается отъ порядка, установленнаго въ ст. 966 для разрѣшенія споровъ и жалобъ по исполненію рѣшеній. Поэтому слова „по опредѣленію, постановленному по вызовѣ противной стороны и по выслушаніи ея, если она явилась къ назначенному для того сроку“, слѣдовало бы въ ст. 932 замѣнить выраженіями „порядкомъ, установленнымъ для разрѣшенія споровъ по исполненію (ст. 966)“.

По ст. 933 способы исполненія рѣшенія состоятъ: 1) въ передачѣ имѣнія натурою лицу, коему оно присуждено; 2) въ обращеніи взысканія на движимое имущество должника; 3) въ обращеніи взысканія на недвижимое имущество должника.

Относительно этой статьи нельзя не замѣтить, что обращеніе взысканія на движимое или недвижимое имущество должника, о чемъ говорится въ пунк. 2 и 3, дѣйствительно имѣетъ значеніе *способа* исполненія; передача же имѣнія натурою лицу, коему оно присуждено, не есть способъ исполненія, а одинъ изъ видовъ исполненія.

Въ самомъ дѣлѣ, всякое судебное рѣшеніе, исполненіе котораго возможно по правиламъ, установленнымъ для исполненія судебныхъ рѣшеній, содержитъ въ себѣ приказаніе суда: или *взыскать*, или *передать*, или *обязать*. Взыскать предписывается *деньги* съ должника въ пользу кредитора;

подъ кредиторомъ же здѣсь подразумѣвается тотъ тяжущійся, которому присуждены деньги съ противной стороны, поэтому кредиторомъ называется и отвѣтчикъ, которому присуждены съ истца судебныя издержки. Передать предписывается *имущество* истцу, будетъ ли это имущество недвижимое, или движимое. Обязать приказывается отвѣтчика: *исполнить что-либо или воздержаться отъ совершенія какихъ-либо дѣйствій*. Благодаря особенностямъ рѣшеній каждой изъ указанныхъ трехъ группъ, нельзя установить для всѣхъ этихъ группъ общихъ правилъ исполненія, а необходимо опредѣлить для каждой группы особыя правила. Далѣе, такъ какъ взысканіе денегъ можетъ быть обращено по желанію кредитора или на движимое имущество, или на недвижимое, что въ сущности и называется способомъ исполненія, то должны быть постановлены особыя правила для взысканія тѣмъ или другимъ способомъ.

Въ австр. уставѣ объ исполненіи, вслѣдъ за общими правилами, изложены во второмъ отдѣлѣ правила объ исполненіи рѣшеній по денежнымъ претензіямъ, съ подраздѣленіемъ на двѣ главы: 1) объ обращеніи взысканія на недвижимыя имущества и 2) на движимыя. Первая глава въ свою очередь распадается на 4 отдѣленія и вторая также на 4, изъ которыхъ: 1) обращеніе взысканій на вещи тѣлесныя, 2) обращеніе взысканія на денежныя требованія должника, 3) обращеніе взысканія на претензіи должника къ третьимъ лицамъ о вещахъ тѣлесныхъ и 4) обращеніе взысканія на прочія имущественныя права. Въ третьемъ отдѣлѣ содержатся правила объ изытіи изъ владѣнія должника движимаго и недвижимаго имущества, объ обязаніи должника совершить какое-либо дѣйствіе или не совершать чего-либо.

Такимъ образомъ, если при изданіи разсматриваемой 933 ст. имѣлось въ виду указать роды или виды исполненія рѣшеній, то статья эта изложена невѣрно, потому что исполненіе рѣшеній, какъ сказано выше, можетъ состоять, кромѣ передачи имѣнія натурою, во взысканіи денегъ и въ обязаніи отвѣтчика исполнить опредѣленное дѣйствіе или воздержаться отъ исполненія чего-либо; если же здѣсь идетъ рѣчь

дѣйствительно лишь о способахъ исполненія, то редакція статьи не точна, потому что передачу имущества, какъ замѣчено выше, нельзя считать способомъ исполненія. Въ томъ и другомъ случаѣ статья эта представляется излишнею, потому что указаніе, въ чемъ можетъ состоять исполненіе рѣшенія, безцѣльно, способы же исполненія рѣшеній о взысканіи денегъ видны изъ послѣдующихъ статей.

Статью 934, по которой взыскатель имѣетъ право просить судъ о разрѣшеніи ему произвести на счетъ отвѣтчика тѣ дѣйствія или работы, которыя не будутъ совершены сямъ послѣднимъ въ назначенный судомъ срокъ,—слѣдуетъ со всѣмъ исключить изъ общихъ правилъ и помѣстить въ соответствующей главѣ, примѣняясь къ тому порядку распределенія правилъ объ исполненіи, какой указанъ выше.

Статья 935, въ которой сказано, что избраніе одного или нѣсколькихъ способовъ приведенія рѣшенія въ исполненіе предоставляется взыскателю, редактирована не точно. Взыскателю не только предоставляется указать способы исполненія, но это вмѣняется ему въ обязанность, потому что, если способы не будутъ имъ указаны,—рѣшеніе судебнымъ приказомъ не будетъ исполнено. Поэтому настоящую статью слѣдовало бы редактировать въ томъ смыслѣ, что способы исполненія рѣшенія указываются взыскателемъ, который можетъ избрать нѣсколько способовъ или ограничиться только однимъ.

Но не въ этомъ только обязанность взыскателя. Для того, чтобы исполненіе могло быть произведено, онъ долженъ указать судебному приставу: 1) мѣсто жительства своего и должника, если оно въ исполнительномъ листѣ не показано, или избрано другое; 2) если исполненіе состоитъ во взысканіи денегъ,—означить сумму взысканія, въ особенности, если рѣше послѣдовала уплата части присужденнаго долга, и количество причитающихся процентовъ; 3) указать мѣсто нахождения имущества, на которое обращается взысканіе; 4) вообще указать всѣ свѣдѣнія, необходимыя для исполненія рѣшенія, и 5) представить деньги на повѣстки и, если требуются, на прогоны.

Вотъ, въ общихъ чертахъ, обязанности взыскателя, которыя должны быть предусмотрѣны въ общихъ правилахъ объ исполненіи рѣшеній при новой ихъ редакціи.

Не могу еще не замѣтить, что 935 ст. въ настоящей ея редакціи доказываетъ, что при изложеніи ст. 933 допущена ошибка, потому что вопреки несомнѣнному праву взыскателя, установленному статьею 935, избрать нѣсколько способовъ приведенія въ исполненіе рѣшенія, онъ не можетъ избрать ни всѣхъ трехъ способовъ, указанныхъ въ ст. 933 ни перваго вмѣстѣ со вторымъ или вмѣстѣ съ третьимъ, ибо если рѣшеніе состоялось о денежной претензій, то способомъ исполненія такого рѣшенія не можетъ служить способъ, указанный въ первомъ пунктѣ этой статьи, т. е. передача имѣнія натурою; если же рѣшеніемъ постановлено передать имѣніе, то при исполненіи такого рѣшенія не могутъ имѣть примѣненія послѣдніе два пункта той же статьи.

Правило ст. 936 о томъ, что взысканіе можетъ быть обращено одновременно на нѣсколько имуществъ, принадлежащихъ отвѣтчику, въ такомъ только случаѣ, когда стоимостью одного изъ нихъ не покрывается вполнѣ сумма взысканія, слѣдовало бы пояснить—какая сумма взысканія. Это, конечно, капитальная сумма съ процентами и издержками какъ по процессу, если таковыя опредѣлены, такъ и по взысканію.

Вмѣстѣ съ тѣмъ желательно было бы изданіе новаго правила, по примѣру герм. устава (§ 708), о томъ, что взысканіе не можетъ быть обращено на такое имущество, отъ продажи котораго, за покрытіемъ издержекъ по исполненію, нельзя ожидать никакого остатка.

Такое правило разумно по своему содержанію и гуманно по отношенію къ должнику; оно принято и австр. уставомъ (§ 39 п. 8).

По ст. 938 исполнительный листъ представляется взыскателемъ, для назначенія судебного пристава, председателю того окружнаго суда, въ вѣдомствѣ котораго рѣшеніе подлежитъ исполненію.

Если округъ раздѣленъ на участки съ назначеніемъ въ каждый участокъ особаго пристава, то представленіе пред-

сѣдателю исполнительнаго листа, для назначенія пристава, совершенно излишняя формальность, какъ это признано рѣшеніемъ Общ. Соб. Касс. Д-въ 1887 г. № 12, потому что порученіе дается предсѣдателемъ всегда тому приставу, въ участкѣ котораго предстоитъ исполненіе. Изъ другаго участка приставъ не назначается, главнымъ образомъ, потому, что въ уѣздѣ на проѣздъ его потребовались бы излишніе прогоны, представлять которые взыскатель не согласится. Но если бы, въ виду какихъ-либо особыхъ соображеній, пришлось назначить судебного пристава изъ другаго участка, то предсѣдатель всегда въ правѣ сдѣлать это; но подобный случай уже будетъ составлять исключеніе. Общее же правило должно состоять въ томъ, что взыскатель обращается съ исполнительнымъ листомъ, помимо предсѣдателя, прямо къ тому приставу, въ участкѣ котораго должно производиться исполненіе рѣшенія. Само собою разумѣется, что для примѣненія такого правила округа судовъ должны быть раздѣлены на особые участки, что, впрочемъ, и дѣлается многими судами и можетъ быть сдѣлано, безъ всякихъ затрудненій, всѣми остальными.

Правило о назначеніи судебного пристава не только безцѣльная, но даже вредная для взыскателей процедура, такъ какъ изъ-за нея взыскатель можетъ упустить благоприятное, для обращенія взысканія на имущество должника, время и лишиться удовлетворенія. Какъ контроль надъ дѣйствіями судебного пристава, правило это также не удовлетворяетъ своему назначенію.

Для контроля спеціально установлена въ ст. 940 обязанность суд. пристава доносить предсѣдателю суда какъ объ избранномъ взыскателемъ способѣ исполненія, такъ и о всѣхъ отсрочкахъ по исполненію. Но и эта статья въ практическомъ отношеніи совершенно бесполезна, потому что избраніе того или другаго способа взысканія зависитъ исключительно отъ кредитора и предсѣдателю нѣтъ никакого интереса знать—обращено ли взысканіе на движимое, или на недвижимое имѣніе должника; донесеніе же пристава объ отсрочкахъ не имѣетъ смысла потому, что не требуется указывать причины отсрочки. Въ результатѣ статья 940, не

принося дѣлу исполненія никакой пользы, только обременяетъ на практикѣ судебныхъ приставовъ безсодержательною и безцѣльною перепискою.

Мнѣ кажется, что контролировать до извѣстной степени дѣятельность судебныхъ приставовъ возможно по тѣмъ книгамъ, которыя они обязаны вести на основаніи 325 ст. учр. суд. уст., если въ развитіе этой статьи въ мѣстномъ наказѣ будутъ постановлены цѣлесообразныя правила.

На этомъ основаніи ст. 938 слѣдовало бы измѣнить въ вышеуказанномъ смыслѣ, а статью 939, по которой, съ назначеніемъ судебного пристава, предсѣдатель передаетъ исполнительный листъ приставу или же тяжущемуся, для передачи приставу, а также статью 940 совсѣмъ исключить.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ какъ въ общихъ правилахъ исполненія судебныхъ рѣшеній не указано, какимъ порядкомъ дѣлаются взыскателями заявленія о способахъ исполненія и какъ долженъ поступать судебный приставъ въ томъ случаѣ, когда встрѣчается препятствіе къ удовлетворенію просьбы взыскателя, то представляется крайне необходимымъ установить, для руководства судебнымъ приставамъ, соотвѣтствующія наставленія, примѣрно хотя-бы въ слѣдующемъ видѣ:

1) исполнительный листъ можетъ быть переданъ судебному приставу какъ лично, такъ и по почтѣ и притомъ какъ самимъ взыскателемъ, такъ и его повѣреннымъ. Тѣмъ же порядкомъ можетъ быть заявлено приставу какъ о способахъ взысканія, такъ и о всѣхъ свѣдѣніяхъ, необходимыхъ для приведенія рѣшенія въ исполненіе; словесное заявленіе записывается судебнымъ приставомъ въ журналъ, прочитывается заявителю, если онъ самъ прочесть не можетъ, и подписывается послѣднимъ или за неграмотностью его или за болѣзнью другимъ лицомъ, по его просьбѣ;

2) судебный приставъ не принимаетъ исполнительнаго листа, а присланный по почтѣ возвращаетъ тѣмъ же порядкомъ: а) если исполнительный листъ, выданный не на имя предъявителя, представляется безъ установленной довѣренности или безъ доказательствъ, упомянутыхъ выше, при разсмотрѣніи ст. 926, и удостовѣряющихъ переходъ къ предъя-

вителью правъ того лица, которому исполнительный листъ выданъ; б) если исполненіе должно быть произведено противъ лица, не означеннаго въ рѣшеніи, и если не представлено надлежащихъ (см. выше) доказательствъ о переходѣ обязанностей отъ лица, противъ котораго состоялось рѣшеніе, къ тому лицу, противъ котораго должно быть произведено исполненіе, и в) если съ формальной стороны въ исполнительномъ листѣ замѣчаются существенные недостатки, напр.: если не сказано, кому выданъ исполнительный листъ или нѣтъ подписи предсѣдателя или скрѣпы секретаря;

3) судебный приставъ не обязанъ приступать къ исполненію тѣхъ дѣйствій, которыя оплачиваются впередъ, или для исполненія которыхъ требуются расходы, если взыскателемъ не представлено необходимаго количества денегъ;

4) если въ письменномъ заявленіи нѣтъ необходимыхъ свѣдѣній для исполненія рѣшенія или не представлено требуемаго количества денегъ, то на лицо находящемуся взыскателю судебный приставъ объявляетъ объ этомъ словесно, а отсутствующему посылаетъ объявленіе чрезъ полицію;

5) если исполненіе должно быть произведено въ другомъ участкѣ, то судебный приставъ передаетъ полученный имъ по почтѣ исполнительный листъ, а если имъ уже заведено производство, то и самое производство подлежащему судебному приставу, о чемъ по почтѣ извѣщаетъ взыскателя.

Относительно нѣкоторыхъ изъ вышеизложенныхъ предположеній считаю нужнымъ пояснить: по отношенію къ участию повѣреннаго—что хотя по ст. 16 уст. гражд. суд. всѣ дѣйствія по производству дѣла, о коихъ упоминается въ семь уставѣ, могутъ быть совершаемы не только тяжущимися, но и ихъ повѣренными (кромѣ случаевъ, положительно отъ сего изъятыхъ), а слѣдовательно и дѣйствія по исполненію судебныхъ рѣшеній, но въ практикѣ неоднократно возникало сомнѣніе въ томъ, могутъ ли быть уполномочены, для совершенія у судебного пристава дѣйствій по приведенію рѣшеній судебныхъ мѣстъ, такія лица, которыя не имѣютъ права ходатайствовать на судѣ. Сенатъ по Общ. Собр. 1 и Касс. Ден., разрѣшая вопросъ о томъ, могутъ ли быть по-

вѣренными по производству объ исполненіи судебныхъ рѣшеній лица, устраненныя изъ частныхъ повѣренныхъ, призналъ, что лицо, не имѣющее права быть повѣреннымъ по дѣламъ, производящимся въ судѣ, не можетъ быть повѣреннымъ и по производству объ исполненіи судебныхъ рѣшеній. Заключение это составляетъ выводъ, главнымъ образомъ, изъ того положенія, высказаннаго Сенатомъ, что избраніе повѣреннаго на ходатайство по производству объ исполненіи судебнымъ приставомъ рѣшеній есть избраніе повѣреннаго на ходатайство по дѣлу и предъ судебнымъ установленіемъ въ случаяхъ, указанныхъ въ ст. 962, 963 и 964, и потому повѣренный долженъ обладать всѣми качествами, которыя требуются отъ повѣреннаго, ведущаго дѣло въ самомъ судѣ.

Противъ этихъ соображеній можно возразить, что не всякое дѣло переходитъ отъ судебного пристава въ судъ по жалобамъ; жалобы являются исключеніемъ, исключенія же нельзя возводить въ общее правило и лишать взыскателей права давать довѣренности на совершеніе дѣйствій, необходимыхъ при исполненіи рѣшеній, такимъ лицамъ, которыя не имѣютъ права ходатайствовать въ окружномъ судѣ (лицъ, устраненныхъ изъ числа частныхъ повѣренныхъ, я здѣсь не подразумѣваю). Для того, чтобы указать имущество должника, присутствовать при описи, оцѣнить имущество, просить о назначеніи торга—не требуется никакихъ юридическихъ познаній; исполнить все это можетъ любой приказчикъ съ наименьшимъ успѣхомъ, чѣмъ присяжный повѣренный. Настоящіе повѣренные—присяжные и частные—обыкновенно уклоняются отъ личнаго присутствованія, напр., при описи имущества въ виду того, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ это крайне тяжелая обязанность. Вотъ почему я полагаю, что нѣтъ достаточнаго основанія требовать, чтобы при исполненіи судебнымъ приставомъ рѣшеній судебныхъ мѣстъ повѣренными допускались только присяжные повѣренные и лица, имѣющія отъ суда свидѣтельство на ходатайство по чужимъ дѣламъ; достаточно ограничить такое требованіе лишь ходатайствомъ въ судѣ по жалобамъ и спорамъ, указаннымъ въ ст. 962—964, не исключая, конечно, и подачи самыхъ жа-

лобъ. Такой порядокъ, при которомъ повѣренные по производству объ исполненіи судебныхъ рѣшеній, не въ правѣ обжаловать дѣйствій судебного пристава и вести дѣло въ судѣ, не представляетъ ничего ненормальнаго, такъ какъ и по исковымъ дѣламъ частные повѣренные, имѣющіе свидѣтельство, напр., только отъ окружнаго суда, не могутъ ходатайствовать въ палатѣ по тому дѣлу, которое они вели въ окружномъ судѣ.

Австрійскій уставъ (§ 52) разрѣшаетъ сторонамъ и участвующимъ лицамъ дѣйствовать при производствѣ объ исполненіи рѣшеній, какъ лично, такъ и чрезъ уполномоченныхъ, которыми могутъ быть и не адвокаты, и при томъ не только въ участковыхъ (Bezirksgericht), но и въ окружныхъ судахъ (Gerichtshof).

Установленіемъ правила о томъ, что способы взысканія и вообще всѣ свѣдѣнія, необходимыя для производства взысканія, могутъ быть указаны судебному приставу и словесно, будетъ достигнуто сбереженіе расходовъ по взысканію, весьма чувствительныхъ для бѣдныхъ взыскателей, тѣмъ болѣе, что даже при успѣшномъ взысканіи по исполнительному листу кредиторъ не имѣетъ права на возмѣщеніе издержекъ по заявленіямъ и тому подобнымъ бумагамъ, подаваемымъ судебному приставу. Можно опасаться, что такой порядокъ не встрѣтитъ сочувствія со стороны судебныхъ приставовъ; но мнѣ кажется, что если это и случится, то только на первыхъ порахъ, пока новый порядокъ не войдетъ въ привычку.

Въ случаяхъ, указанныхъ мною во 2 пунктѣ предположеній, я полагалъ бы возвращать исполнительный листъ, примѣнительно къ установленному для судебныхъ мѣстъ порядку, на тотъ случай, когда не представляется доказательствъ уполномочія. Кромѣ того, если въ исполнительномъ листѣ замѣчаются существенные недостатки, то объявленіе объ этомъ взыскателю безъ возвращенія самаго исполнительнаго листа было бы совершенно бесполезно, такъ какъ исправленіе недостатковъ не могло бы быть сдѣлано ни взыскателемъ, ни судебнымъ приставомъ. Преподать судебному приставу руководящее правило на случай подобныхъ недостатковъ, могу-

щихъ встрѣтиться въ исполнительномъ листѣ, необходимо, мнѣ кажется, потому, что хотя при выдачѣ исполнительныхъ листовъ соблюдается должная осторожность, тѣмъ не менѣе—*erga humanum est*—возможны недосмотры: не означено, напр., кому выданъ листъ, а между тѣмъ подпись предсѣдателя стѣсняетъ робкаго судебного пристава.

Относительно правила, проектированнаго въ 5 пунктѣ предположеній, считаю нужнымъ объяснить, что въ настоящее время судебные приставы, за отсутствіемъ специальныхъ для нихъ указаній, руководствуются установленными для судебныхъ мѣстъ правилами на тотъ случай, когда дѣло неподсудно данному суду: они оставляютъ заявленія взыскателей безъ разсмотрѣнія и возвращаютъ имъ исполнительные листы. Такая практика не можетъ быть одобрена, потому что возвращеніе взыскателю исполнительнаго листа, конечно, съ тою цѣлью, хотя это и не пишется приставомъ, чтобы онъ отправилъ листъ другому приставу, вызываетъ справедливыя нареканія со стороны взыскателей на то, что приставъ не сдѣлалъ этого самъ.

Въ германскомъ уставѣ существуетъ такое правило для исковыхъ дѣлъ, что если искъ, предъявленный въ ландгерихтѣ, признается, на основаніи правилъ о матеріальной подсудности, разграничивающихъ вѣдомство ландгерихтовъ отъ участковыхъ судовъ, неподсуднымъ ландгерихту, то, по требованію истца, дѣло въ то же время передается въ подлежащій участковый судъ; изъ участковаго же суда дѣло на томъ же основаніи можетъ быть передано въ ландгерихтъ (§§ 249 и 467). Несомнѣнно, что при такомъ порядкѣ значительно сокращаются хлопоты и расходы истца и сберегается время, безъ нарушенія принципа—*ne procedat iudex ex officio*—потому что передача дѣла можетъ послѣдовать не иначе, какъ по просьбѣ истца.

Можно надѣяться, что такое же правило будетъ принято и у насъ при пересмотрѣ уст. гражд. суд. Если же передача въ подлежащій судъ исковыхъ дѣлъ допускается, хотя и по просьбѣ истца, то тѣмъ болѣе должна быть допущена, даже безъ просьбы взыскателя, передача однимъ судебнымъ

приставомъ другому, по принадлежности, производства по исполненію.

По австрійскому уставу, въ томъ случаѣ, если для исполненія рѣшенія требуется совершеніе какихъ-либо мѣръ исполненія внѣ участка исполнительнаго суда (Exekutionsgericht), послѣдній требуетъ по должности (von Amtswegen) содѣйствія подлежащаго суда (§ 69).

Въ виду всѣхъ этихъ соображеній нельзя не признать, что наши судебные пристава обязаны передавать по принадлежности исполнительные листы и производства свои въ тѣхъ случаяхъ, когда это оказывается необходимымъ.

По ст. 942 судебный приставъ, приступая къ исполненію рѣшенія однимъ изъ указанныхъ въ ст. 933 способовъ, или переходя отъ одного способа къ другому, сообщаетъ отвѣтчику лично или по мѣсту его пребыванія повѣстку объ исполненіи, по правиламъ, изложеннымъ въ статьяхъ 282—289.

Относительно этого правила слѣдуетъ замѣтить, что въ ст. 282—289 указанъ порядокъ врученія повѣстки судебнымъ приставомъ или судебнымъ разсылнымъ. Но врученіе повѣстокъ чрезъ пристава и разсылныхъ удобно въ томъ случаѣ, когда обрядъ этотъ можетъ быть исполненъ въ томъ же городѣ, гдѣ живутъ эти лица. При такомъ условіи судебный приставъ можетъ вручить отвѣтчику повѣстку или лично, или, если отвѣтчикъ живетъ въ другомъ городѣ, чрезъ мѣстнаго пристава или чрезъ разсылнаго, примѣняясь къ ст. 279 и 280, которыя однако въ ст. 942, очевидно по недосмотру, не упомянуты. Кстати сказать, не упомянута и 281 статья, предусматривающая врученіе повѣстки отвѣтчику, находящемуся за-границею. Если же отвѣтчикъ живетъ не тамъ, гдѣ имѣетъ пребываніе судебный приставъ или судебный разсылный, и если поэтому требуются прогоны и суточные на проѣздъ въ мѣсто жительства отвѣтчика, то врученіе повѣстки сопряжено уже съ расходами, которые долженъ нести взыскатель. Въ виду этого слѣдовало бы постановить правило о томъ, что въ подобныхъ случаяхъ повѣстка сообщается чрезъ полицію. Такой порядокъ представляется весьма удобнымъ, потому что не влечетъ за со-

бою никакихъ расходовъ и совершается врученіе повѣстки даже скорѣе, чѣмъ чрезъ судебного пристава, такъ какъ послѣдній, не получивъ прогоновъ, вручать повѣстку не поѣдетъ <sup>1)</sup>, пересылка же прогоновъ всегда происходитъ медленно.

Слѣдовало бы также дополнить ст. 942 постановленіемъ о томъ, что повѣстка не можетъ быть замѣнена публикаціей въ вѣдомостяхъ, какъ это разъяснено Касс. Деп. въ рѣш. 1890 г. № 16 и установлено германскимъ уставомъ (§ 683).

По статьѣ 943 повѣстка объ исполненіи должна заключать въ себѣ, между прочимъ, предвареніе отвѣтчика, что если онъ не исполнитъ рѣшенія добровольно, то, по истеченіи назначеннаго въ повѣсткѣ срока, будетъ приступлено къ понудительному исполненію *такимъ-то способомъ*.

Правило это установлено съ цѣлью охраны правъ должника, но въ то же время оно несомнѣнно причиняетъ вредъ взыскателю; назначеніе же столь продолжительнаго срока, какой установленъ при обращеніи взысканія на недвижимое имущество, является уже не охраною правъ должника, а по-блажью, крайне обидною и несправедливою для взыскателя.

Поэтому было бы, кажется, болѣе справедливымъ или совсѣмъ исключить изъ ст. 943 правило о предвареніи отвѣтчика о назначеніи ему срока, или уменьшить продолжительность срока до крайнихъ предѣловъ.

Въ германскомъ уставѣ нѣтъ постановленія объ оповѣщеніи должника о предстоящей описи имущества, чтобы

---

<sup>1)</sup> Бываютъ и исключенія. Одинъ судебный приставъ, возвращая въ судъ неврученную отвѣтчику повѣстку съ копіей исковаго прошенія, объяснилъ, что онъ не ѣздилъ вручать повѣстку потому, что отвѣтчикъ не успѣлъ бы прибыть въ судъ ко дню засѣданія; а такъ какъ медленность въ полученіи имъ, приставомъ, изъ суда повѣстокъ происходитъ вслѣдствіе существующаго порядка пересылки денегъ на прогоны, то онъ проситъ—не будетъ ли признано возможнымъ присылать ему повѣстки особо отъ денегъ, чтобы онъ могъ вручать ихъ своевременно, а деньги будетъ получать послѣ. Казалось бы, чего проще, разъ нашелся такой безкорыстный и заботливый приставъ. Однако предложеніе мелкой сошки, вѣроятно, не понравилось, и услужливый приставъ получилъ отъ своего начальства такой отвѣтъ: „дѣйствовать въ установленномъ порядкѣ“.

должникъ, получивъ извѣщеніе, не вздумалъ скрыть свое имущество.

По австрійскому уставу, хотя опредѣленіе о разрѣшеніи исполненія, постановляемое съ указаніемъ въ немъ рода и способовъ исполненія (§ 63) и объявляется должнику, какъ это можно заключить изъ смысла § 64, но о назначеніи ему какого-либо срока нѣтъ рѣчи (ср. §§ 92 и 253).

Въ ст. 944 постановлено, что отвѣтчикъ, по полученіи повѣстки объ исполненіи, обязанъ означить на другомъ экземплярѣ повѣстки или въ особой подпискѣ избранное имъ мѣсто пребыванія въ городѣ или уѣздѣ, гдѣ рѣшеніе должно приводиться въ исполненіе; по статьѣ же 945, если розыскатель или отвѣтчикъ не укажутъ, на основаніи статей 943 и 944, избраннаго ими мѣста, куда всѣ бумаги и повѣстки должны быть имъ доставляемы, или не увѣдомятъ о перемѣнѣ онаго, то онѣ оставляются въ канцеляріи мѣстнаго окружнаго суда или мирового съѣзда, смотря по тому, чье рѣшеніе приводится въ исполненіе.

Если сохранить правило о предварительномъ оповѣщеніи должника съ назначеніемъ ему срока на добровольное исполненіе, то особія повѣстки пришлось бы посылать сторонамъ, главнымъ образомъ, о днѣ описи недвижимаго имѣнія; если же измѣнить правило ст. 1101 въ томъ смыслѣ, чтобы судебный приставъ приступалъ къ описи недвижимаго имѣнія немедленно по истеченіи срока, не ожидая просьбы о томъ розыскателя, какъ это и должно быть, то въ такомъ случаѣ не будетъ никакой надобности въ сообщеніи сторонамъ повѣстокъ о днѣ описи, такъ какъ день и часъ описи могутъ быть назначены приставомъ въ повѣсткѣ объ исполненіи. Другихъ случаевъ необходимости оповѣщенія сторонъ или сообщенія имъ бумагъ можетъ вовсе не представится при производствѣ указаннымъ способомъ; при переходѣ же къ другому способу повѣстка все равно по смыслу 942 ст. должна быть сообщена по мѣсту жительства отвѣтника. Поэтому пересылка повѣстокъ и бумагъ сторонамъ по мѣсту ихъ жительства не можетъ имѣть никакого вліянія на успѣшный ходъ исполненія; а такъ какъ мотивомъ оставленія повѣстки

въ канцеляріи суда и съѣзда служило лишь опасеніе возможной медленности исполненія, вслѣдствіе пересылки этихъ бумагъ на далекія разстоянія, то къ сохраненію разсматриваемаго правила уже не представляется достаточнаго основанія, тѣмъ болѣе, что оставленіе повѣстокъ въ канцеляріи суда и съѣзда сопряжено лишь съ безцѣльною перепискою.

По этимъ соображеніямъ слѣдовало бы ст. 944 и 945 совсѣмъ исключить, а къ статьѣ 942, измѣнивъ ея редакцію, какъ замѣчено выше, прибавить, что тѣмъ же порядкомъ сообщаются участвующимъ лицамъ повѣстки и бумаги во время исполненія.

И въ германскомъ уставѣ постановлено, что извѣщенія и сообщенія по исполненію рѣшенія дѣлаются судебнымъ приставомъ словесно со внесеніемъ въ протоколъ; если же словесно не могутъ быть сдѣланы, то посылаются, примѣняясь къ порядку, установленному для врученія вызововъ по исковымъ прошеніямъ; а если въ томъ мѣстѣ, гдѣ производится исполненіе, извѣщеніе не можетъ быть вручено этимъ порядкомъ, то посылается по почтѣ (§ 683). Такое же въ сущности правило содержится и въ австрійскомъ уставѣ (§§ 72 и 78).

По ст. 948 взыскатель имѣетъ право указывать способы взысканія и, если указанія его не будутъ уважены приставомъ, требовать, чтобы о томъ было записано въ журналѣ.

Правило этой статьи въ первой его части представляется совершенно излишнимъ, потому что уже содержится въ 935 ст.; правило же, содержащееся во второй части, должно имѣть мѣсто въ ст. 950, трактующей о журналѣ, который ведется судебнымъ приставомъ.

Въ ст. 949 сказано, что взыскатель можетъ присутствовать при дѣйствіяхъ судебного пристава по исполненію рѣшенія, но не долженъ вмѣшиваться въ самое исполненіе и не въ правѣ дѣлать какія-либо отъ себя распоряженія, которыя принадлежатъ къ кругу дѣйствій судебного пристава.

Редакція этой статьи также не можетъ считаться удовлетворительною потому, что присутствовать при исполненіи

можетъ и должникъ, о которомъ также слѣдовало упомянуть, для устраненія возможныхъ недоразумѣній.

Въ австрійскомъ уставѣ содержится правило, по силѣ котораго всѣ лица, участвующія въ исполненіи рѣшенія, могутъ присутствовать при исполнительныхъ дѣйствіяхъ; но тотъ, кто мѣшаетъ исполненію или ведетъ себя неприлично (*unangemessen*), можетъ быть удаленъ судебнымъ приставомъ (§ 32).

Ясно, кратко и полно. Такое постановленіе желательно было бы видѣть и въ нашемъ уставѣ вмѣсто приведенной 949 статьи.

Ст. 950, обязывая судебного пристава записывать всѣ свои дѣйствія по исполненію рѣшенія въ особый журналъ и указывая, что именно должно быть означено въ журналѣ, не упоминаетъ о томъ, что должны быть записаны и заявленія сторонъ и третьихъ лицъ, и не требуетъ подписи заявителя подъ заявленіемъ и даже подписи самого пристава. Желательно было бы дополнить означенную статью въ этомъ смыслѣ.

Германскій уставъ требуетъ, чтобы судебный приставъ о каждомъ исполнительномъ дѣйствіи составлялъ протоколъ, который подписывается: 1) участвующими лицами съ оговоркою, что таковой былъ имъ прочитанъ или ими просмотрѣнъ и одобренъ, и 2) судебнымъ приставомъ (§ 682).

Это разумное правило могло бы служить примѣромъ при пересмотрѣ упомянутой 950 статьи нашего устава.

Статью 951, въ которой постановлено, что по требованію лица, противъ котораго рѣшеніе приводится въ исполненіе, и того, по чьей просьбѣ оно исполняется, приставъ обязанъ выдавать, за установленную плату, засвидѣтельствованныя выписки изъ этого журнала, слѣдовало бы дополнить, примѣняясь къ австрійскому уставу (§ 73), въ которомъ постановлено, что всѣ участвующія лица могутъ обозрѣвать относящіяся къ исполненію бумаги (*Akten*) и получать на свой счетъ копии отдѣльныхъ бумагъ (*Aktenstücke*). Третьимъ же лицамъ обозрѣніе бумагъ и полученіе копій можетъ быть разрѣшено предсѣдателемъ суда исполненія

(Exekutionsgericht), если правовой интерес ихъ въ обзорѣніи бумагъ и полученіи копій представляется достовѣрнымъ (glaubhaft).

По ст. 952 судебный приставъ не въ правѣ отлагать исполненіе переданнаго ему рѣшенія, а тѣмъ менѣе прекратить или приостановить дѣйствія по начатому уже исполненію, развѣ бы на это послѣдовало опредѣленіе суда или особое, на письмѣ изъявленное, согласіе взыскателя, или когда должникъ представить засвидѣтельствованную полиціей, нотаріусомъ или мировымъ судьей росписку взыскателя въ томъ, что присужденная по рѣшенію сумма ему уже уплачена.

Редакція этой статьи возбуждаетъ на практикѣ недоразумѣніе, прежде всего, въ томъ отношеніи, что по буквальному ея смыслу прекращеніе или приостановленіе исполненія рѣшенія допускается только подъ тѣмъ условіемъ, если воспослѣдуетъ опредѣленіе объ этомъ суда или согласіе взыскателя. Между тѣмъ и безъ особаго опредѣленія суда рѣшеніе приостанавливается въ силу самаго закона, изображеннаго въ ст. 814, такъ какъ по смыслу этой статьи, если въ Сенатѣ состоится опредѣленіе объ обращеніи дѣла къ новому разсмотрѣнію, то исполненіе рѣшенія останавливается. Въ этомъ случаѣ, для приостановленія исполненія, должнику достаточно представить копию резолюціи Сената.

Безъ особаго опредѣленія суда исполненіе рѣшенія можетъ быть и прекращено въ томъ случаѣ, когда представлена копія вступившаго въ законную силу рѣшенія суда о признаніи исполнительнаго листа, по которому производится исполненіе, недѣйствительнымъ. Приведенные примѣры доказываютъ необходимость исправленія редакціи 952 статьи.

Правило ст. 952 не полно еще и въ томъ отношеніи, что не указываетъ, когда именно исполненіе рѣшенія должно быть отложено, когда приостановлено и когда прекращено, вслѣдствіе чего судебному приставу приходится дѣйствовать по своему усмотрѣнію. Этотъ недостатокъ слѣдуетъ также исправить.

Въ австрійскомъ уставѣ, хотя специально для судебныхъ приставовъ постановлено правило, сходное съ упомянутою

952 статью, но, наряду съ этимъ, предусматрѣны всѣ случаи, когда исполненіе рѣшенія прекращается, приостанавливается или откладывается, и вмѣстѣ съ тѣмъ указано, въ какихъ именно случаяхъ исполненіе прекращается по должности (von Amtswegen) и въ какихъ по просьбѣ (§§ 39—43 и 46).

Возвращаясь къ ст. 952, необходимо еще замѣтить, что вмѣсто указанія, кѣмъ можетъ быть засвидѣтельствовано на письмѣ изъявленное согласіе взыскателя, лучше было бы сказать: „засвидѣтельствовано должностнымъ судебнаго вѣдомства лицомъ, которому это закономъ предоставлено, или полиціей“.

Слѣдовало бы также пояснить, что согласіе взыскателя на приостановленіе или прекращеніе исполненія можетъ быть заявлено не только въ письменной формѣ, но и словесно со внесеніемъ въ журналъ судебнаго пристава. Къ письменнымъ заявленіямъ о согласіи взыскателя на приостановленіе или прекращеніе взысканія слѣдуетъ отнести и телеграммы съ удостовѣренною телеграфною станціей подписью взыскателя, принимаемая и въ настоящее время, согласно разъясненію Гражд. Касс. Департ. (рѣш. 1887 г. № 83), въ смыслѣ письменнаго заявленія, требуемаго ст. 952.

Нѣкоторые полагаютъ, что исполненіе рѣшенія о взысканіи денегъ должно быть прекращено въ томъ случаѣ, когда должникъ представляетъ судебному приставу исполнительный листъ на взысканіе съ лица, въ пользу котораго производится исполненіе, равной или большей суммы денегъ.

На практикѣ это примѣняется и можетъ быть узаконено, однако съ нѣкоторыми оговорками, главнымъ образомъ, о томъ, что зачетъ можетъ быть допущенъ только такихъ денежных претензій, которыя по существу своему могутъ взаимно погашаться.

Статья 953, опредѣляющая имущественную отвѣтственность судебнаго пристава за упущеніе, послѣдствіемъ котораго было сокрытіе имущества должника, должна быть, по моему мнѣнію, совсѣмъ исключена изъ общихъ правилъ объ исполненіи рѣшеній, такъ какъ отвѣтственность судебныхъ

приставовъ опредѣляется общими нормами объ отвѣтственности должностныхъ лицъ судебного вѣдомства и въ частности статью 326 учр. суд. уст. Указанное же въ ст. 953 взысканіе съ виновнаго пристава капитала, процентовъ и другихъ издержекъ: во-1) никакой особенноти въ смыслѣ отвѣтственности за вредъ и убытки не представляетъ, а во-2) указаніе это неполно, потому что имущественная отвѣтственность судебныхъ приставовъ можетъ вытекать изъ нарушеній по исполненію не однихъ только рѣшеній о взысканіи денегъ.

Вмѣсто ст. 953, предусматривающей отвѣтственность судебного пристава, лучше было бы указать здѣсь тѣ права, которыя должны быть за нимъ признаны, и тѣ обязанности, которыя на него возлагаются съ цѣлью надлежащаго исполненія рѣшенія, такъ какъ и въ этомъ отношеніи въ разсматриваемыхъ общихъ правилахъ замѣчается полный пробѣлъ.

Примѣромъ и по данному вопросу можетъ служить австрійскій уставъ, въ которомъ содержатся, между прочимъ, слѣдующія постановленія. Согласно § 26 судебный приставъ имѣетъ право обыскать, насколько это необходимо для исполненія, квартиру и помѣщенія должника, а если нужно, то въ правѣ обыскать, но вѣжливо, съ надлежащимъ уваженіемъ къ личности должника, даже платье, которое онъ носитъ.

Нѣмецкій текстъ этого правила таковъ: „Die Vollstreckungsorgane sind befugt, soweit es der Zweck der Exekution erheischt, die Wohnung des Verpflichteten, dessen Behältnisse und wenn nöthig, mit entsprechender Schonung der Person, selbst die vom Verpflichteten getragenen Kleider zu durchsuchen“.

Спрашивается: въ правѣ ли приставъ обыскать то платье, которое на должникѣ, или другими словами, въ правѣ ли обыскать самого должника?

Относительно этого вопроса нельзя не замѣтить, что обыскать квартиру и помѣщенія—не значить ли осмотрѣть вещи, которыя въ нихъ находятся: заглянуть въ письменный столъ, посмотреть въ комодѣ, шкафахъ, гардеробѣ, и если для этого не рекомендуется Schonung der Person, то трудно допустить, чтобы нельзя было, не обращая вниманія на дол-

жника, обшарить карманы его носильнаго платья, которое висить въ гардеробѣ и не подлежить по § 251 описи, хотя это также не можетъ быть ему пріятно, какъ и обыскъ, напр., въ ящикахъ письменнаго стола.

Приставъ можетъ, какъ сказано далѣе въ томъ же законѣ, открыть, съ цѣлью исполненія, запертыя двери дома и комнаты и запертыя помѣщенія, при чемъ также никакой оговорки не сдѣлано. Ясно, такимъ образомъ, что подъ выраженіями „die vom Verpflichteten getragenen Kleider“ слѣдуетъ подразумѣвать то именно платье, которое на должникѣ, ибо только изслѣдованіе кармановъ этого платья можетъ считаться оскорбительнымъ для должника, почему и рекомендуется судебному приставу обыскивать, если понадобится, не оскорбляя по возможности личнаго достоинства должника.

Если таковъ смыслъ приведеннаго правила австрійскаго устава, то не мѣшало бы и намъ воспользоваться этимъ примѣромъ для охраны интересовъ кредитора. Вѣдь и у насъ должники умѣютъ прятать деньги и въ письменномъ столѣ, и въ комодахъ, а въ особенности въ карманахъ надѣтаго на нихъ платья, зная, что приставъ, изъ опасенія подвергнуться преслѣдованію за превышеніе власти, не осмѣлится прикоснуться къ нимъ.

Право судебного пристава открыть двери дома и внутреннихъ покоевъ, а также замки помѣщеній, если отказываются отворить ихъ, хотя прямо не выражено въ нашемъ уставѣ, однако подразумѣвается само собою, какъ это видно изъ ст. 978, помѣщенной въ главѣ объ обращеніи взыскація на движимое имущество. Слѣдовало бы, однако, положительно оговорить это право судебного пристава и при томъ въ общихъ положеніяхъ, такъ какъ оно относится къ исполненію вообще.

Далѣе, въ томъ же § 26 австрійскаго устава сказано, что если при объясненныхъ выше дѣйствіяхъ, на совершеніе которыхъ уполномоченъ судебный приставъ, нѣтъ налицо (abwesend wäre) ни должника, ни кого-либо изъ членовъ его семейства или изъ взрослыхъ лицъ, которымъ довѣренъ при-смотреть, то приглашаются въ качествѣ свидѣтелей двое достойныхъ вѣры совершеннолѣтнихъ мужчинъ.

Въ этомъ смыслѣ слѣдовало бы измѣнить и помѣстить въ общихъ правилахъ объ исполненіи постановленіе упомянутой 978 статьи объ обязательномъ приглашеніи члена мѣстной полиціи, когда необходимо отворить двери дома и комнатъ и отпереть замки запертыхъ помѣщеній, или когда арестъ производится въ отсутствіи должника. Приглашеніемъ члена мѣстной полиціи имѣется въ виду оказать содѣйствіе судебному приставу и оградить интересы должника. Но интересы отсутствующаго должника могутъ быть въ достаточной степени охраняемы привлеченіемъ къ дѣлу вѣры достойныхъ совершеннолѣтнихъ свидѣтелей; содѣйствіе же полицейской власти является необходимымъ лишь въ случаѣ активного сопротивленія: когда не только отказываются отворить запертыя двери и отпереть замки, но и явно обнаруживаютъ намѣреніе не допустить до этого судебного пристава. Подобный случай долженъ быть предусмотрѣнъ особо и не въ учр. суд. уст. (ст. 316), а именно въ общихъ правилахъ объ исполненіи рѣшеній.

Для устраненія оказываемаго сопротивленія, сказано далѣе въ томъ же 26 § австрійскаго устава, судебный приставъ можетъ самъ просить содѣйствія полицейскихъ органовъ и въ случаѣ необходимости жандармовъ, о призывѣ же военной власти обязанъ обращаться къ предсѣдателю суда исполненія.

При исполненіи рѣшенія противъ находящихся на дѣйствительной службѣ военныхъ лицъ или жандармовъ, судебный приставъ обязанъ, если не предвидится вреда отъ замедленія (*Gefahr am Verzuge*), просить содѣйствія начальства должника.

Согласно § 29 противъ военныхъ или жандармовъ, находящихся при отправленіи должности (*in Ausübung des Dienstes*), исполненіе можетъ быть начато только послѣ извѣщенія ихъ начальства о послѣдовавшемъ разрѣшеніи исполненія.

На основаніи § 30 въ воскресенье и праздничные дни, равно какъ и въ ночное время исполнительныя дѣйствія могутъ быть совершены только въ крайнихъ случаяхъ (*in dringlichen Fällen*) съ разрѣшенія того участковаго суда (*Bezirksgericht*), въ участкѣ котораго означенныя дѣйствія должны имѣть мѣсто.

Постановленіе о разрѣшеніи должно быть предъявлено должнику, по его требованію, при исполненіи, въ письменной формѣ.

На распоряженіе предсѣдателя, какъ о разрѣшеніи, такъ и объ отказѣ въ разрѣшеніи жалобы не допускается.

Съ котораго часа и по который считается ночное время— австрійскій уставъ не опредѣляетъ. По германскому же уставу ночное время начинается съ 9 часовъ вечера, а продолжается: съ 1 апрѣля по 30 сентября до 4 часовъ утра, а съ 1 октября по 31 марта до 6 часовъ утра (§ 681).

Далѣе, согласно § 31 австрійскаго устава въ императорскихъ дворцахъ, въ квартирахъ членовъ императорскаго дома, равно какъ и лицъ, пользующихся въ Австріи внѣземельностью (Exterritorialität), исполнительныя дѣйствія могутъ быть совершены лишь управленіемъ оберъ-гофмаршалскою частью (Obersthofmarschallamt).

Въ зданіяхъ, принадлежащихъ военному вѣдомству или имъ занятыхъ, исполнительныя дѣйствія могутъ послѣдовать не прежде, какъ по предварительномъ извѣщеніи завѣдывающаго зданіями и въ присутствіи назначеннаго имъ военнаго лица.

Возвращаясь къ разсмотрѣнію остальныхъ статей нашихъ общихъ правилъ объ исполненіи рѣшеній, нельзя не замѣтить по отношенію къ ст. 954, въ которой сказано, что полученныя деньги судебный присгавъ выдаетъ взыскателю подъ его росписку, — что въ порядкѣ исполненія приставъ можетъ получить и движимое имущество, подлежащее передачѣ истцу, а слѣдовательно обязанъ выдать отъ себя росписку въ принятіи имущества и получить отъ взыскателя росписку въ передачѣ ему такового. Въ этомъ смыслѣ слѣдовало бы дополнить правило упомянутой статьи и постановить вмѣстѣ съ тѣмъ, что отсутствующему взыскателю деньги посылаются по почтѣ немедленно по полученіи ихъ приставомъ.

Въ ст. 955 постановлено, что при одновременномъ взысканіи по нѣсколькимъ исполнительнымъ листамъ съ одного и того же лица, взысканная или вырученная чрезъ продажу

его имущества сумма распредѣляется судебнымъ приставомъ между кредиторами, а остатокъ возвращается должнику.

Относительно редакціи этой статьи слѣдуетъ замѣтить, что такъ какъ взысканіе по нѣсколькимъ исполнительнымъ листамъ можетъ производиться въ пользу одного и того же лица и, слѣдовательно, распредѣленія быть не можетъ, а съ другой стороны, такъ какъ въ распредѣленіи можетъ участвовать и казна по безспорнымъ требованіямъ, по которымъ взысканіе производится не по исполнительнымъ листамъ, то лучше было бы сказать: „При одновременномъ взысканіи по нѣсколькимъ претензіямъ въ пользу двухъ или болѣе кредиторовъ“. Кромѣ того, слова „съ одного и того же лица“ лучше было бы исключить, потому что возможно взысканіе съ двухъ и болѣе лицъ по одной и той же претензіи.

Въ ст. 958 постановлено, что всѣ расходы по исполненію, въ томъ числѣ и вознагражденіе, слѣдующее судебному приставу, взыскиваются съ того лица, противъ котораго рѣшеніе приводилось въ исполненіе.

По германскому уставу издержки по исполненію рѣшенія падаютъ на счетъ должника въ той мѣрѣ, въ какой онѣ были *необходимы*, и взыскиваются съ него одновременно со взысканіемъ по претензіи (§ 697). Въ австрійскомъ же уставѣ сказано, что, кромѣ случаевъ, въ законѣ указанныхъ, должникъ обязанъ возмѣстить кредитору, по его требованію, всѣ понесенныя имъ издержки, которыя были *необходимы* для *правильнаго* исполненія (zur Rechtsverwirklichung notwendigen Kosten); какія, именно, издержки были *необходимы*,—опредѣляется судомъ по тщательномъ обсужденіи всѣхъ обстоятельствъ дѣла (§ 74). Въ слѣдующемъ § пояснено, что взыскатель не имѣетъ права на возмѣщеніе тѣхъ издержекъ, которыя понесены имъ до приостановленія исполненія, если исполненіе было приостановлено по одному изъ основанийъ, указанныхъ въ §§ 35, 36 и 39 п. 1, или по другимъ основаніямъ, о которыхъ взыскатель зналъ уже при заявленіи требованія о разрѣшеніи исполненія или при началѣ исполненія.

Принятое этими уставами правило о возмѣщеніи издержекъ, *которыя были необходимы*, не составляетъ какой-либо

особенности сравнительно съ исковымъ процессомъ: главное примѣненіе правило это имѣеть въ исковыхъ дѣлахъ, по которымъ проигравшая дѣло сторона несетъ издержки производства въ той мѣрѣ, въ какой онѣ, по усмотрѣнію суда, были необходимы для цѣлесообразнаго веденія дѣла.

Дѣйствующая нынѣ 868 статья не отличаетъ издержекъ необходимыхъ отъ напрасныхъ, безцѣльныхъ; но если при пересмотрѣ устава гражд. суд. будетъ принятъ, какъ можно ожидать, указанный выше, безусловно справедливый принципъ возмѣщенія издержекъ исковаго производства, то уже не представится никакого препятствія къ примѣненію его и къ издержкамъ по исполненію рѣшеній.

По буквальному смыслу ст. 959 исполненіе останавливается лишь въ случаѣ смерти должника во время исполненія рѣшенія. Казалось бы, что исполненіе должно пріостанавливаться, кромѣ, конечно, случая, указаннаго въ этой статьѣ, и въ случаѣ сумасшествія должника и лишенія его всѣхъ правъ состоянія, ибо основаніе пріостановленія и въ этомъ случаѣ то же самое, что и въ случаѣ смерти.

Фактически исполненіе можетъ пріостановиться и въ случаѣ смерти взыскателя и лишенія его дѣеспособности, именно тогда, когда со стороны взыскателя требуется особое, для продолженія исполненія, заявленіе или представленіе необходимыхъ для совершенія того или другаго дѣйствія денегъ. Но само собою разумѣется, что упоминать объ этомъ случаѣ въ общихъ правилахъ объ исполненіи нѣтъ никакой надобности.

Въ ст. 961 сказано, что если при жизни должника не было приступлено къ исполненію рѣшенія, то къ оному приступается не прежде, какъ по посылкѣ назначенному надъ имѣніемъ его опекуну, или утвержденнымъ къ сему имѣнію наслѣдникамъ, повѣстки объ исполненіи.

Статья эта возбуждаетъ сомнѣніе въ томъ отношеніи, что въ общихъ правилахъ объ исполненіи не указано, какое дѣйствіе считается приступомъ къ исполненію или началомъ исполненія. Между тѣмъ вопросъ этотъ имѣеть весьма существенное значеніе не столько въ данномъ случаѣ, сколько

при исчисленіи давности исполненія, какъ заочныхъ рѣшеній, такъ и незаочныхъ. По отношенію къ первой давности Сенатъ признаетъ, что установленная въ ст. 735 просьба объ исполненіи заочнаго рѣшенія выражается въ передачѣ истцомъ, для взысканія, полученнаго имъ исполнительнаго листа судебному приставу; но такъ какъ вмѣстѣ съ тѣмъ высказывается, что существенно, чтобы отвѣтчику сдѣлалось извѣстнымъ заочное рѣшеніе, о существованіи котораго онъ могъ и не знать (рѣш. 1885 г. № 21, 1886 г. № 10 и др.), то можно предполагать, что простой передачи исполнительнаго листа судебному приставу недостаточно, и что необходимо еще врученіе отвѣтчику повѣстки объ исполненіи.

Впрочемъ, вопросъ о началѣ исполненія въ примѣненіи къ давности исполненія заочныхъ рѣшеній, какъ вопросъ, касающійся лишь частнаго случая, имѣетъ для насъ второстепенное значеніе.

По отношенію же къ общей давности Сенатъ призналъ, что представленіе взыскателемъ исполнительнаго листа судебному приставу, для обращенія взысканія на отвѣтчика, съ указаніемъ его жительства, должно быть признано такимъ дѣйствіемъ, которое прерываетъ земскую давность (рѣш. 1885 г. № 80). Отсюда слѣдуетъ, что, говоря вообще, принятіе судебнымъ приставомъ исполнительнаго листа имѣетъ значеніе начала дѣйствительнаго исполненія.

Этотъ выводъ, повидимому, противорѣчитъ статьѣ 961, такъ какъ по редакціи этой статьи выходитъ, что исполненіе начинается лишь по послыжѣ повѣстки объ исполненіи. Но мнѣ кажется, что такой смыслъ разсматриваемой статьи объясняется лишь неточностью редакціи, потому что нельзя допустить, чтобы статья эта предполагала, что исполненіе начинается лишь съ того исполнительнаго дѣйствія, которое слѣдуетъ послѣ послыжи повѣстки должнику.

Рѣчь идетъ здѣсь, очевидно, о такомъ положеніи взысканія, когда повѣстка объ исполненіи не была должнику вручена. А если такъ, то ст. 961 представляется излишнею, потому что въ ст. 942 уже выражено правило, по силѣ котораго, безъ врученія повѣстки объ исполненіи, немислимо

самое исполненіе. Если же допустить, что ст. 961 имѣть въ виду тотъ случай, когда повѣстка объ исполненіи уже была должнику вручена, то нельзя не признать, что посылка таковой опекуну или наслѣдникамъ будетъ излишнею формальностью.

По изложеннымъ соображеніямъ слѣдовало бы дополнить общія правила постановленіемъ о томъ, что исполненіе рѣшенія начинается съ момента принятія судебнымъ приставомъ исполнительнаго листа. Статью же 961 совсѣмъ исключить.

И по австрійскому уставу исполненіе считается начавшимся съ того момента, когда въ исполнительномъ судѣ (Exekutionsgericht) получено изъ суда, разрѣшившаго исполненіе, сообщеніе или требованіе о производствѣ исполненія; если же судъ, разрѣшившій исполненіе, есть въ то же время судъ исполнительный, то исполненіе считается начавшимся со времени полученія судебнымъ приставомъ требованія о совершеніи перваго исполнительнаго дѣйствія (§ 33).

Въ послѣднихъ статьяхъ 962—967 общихъ правилъ говорится о спорахъ и жалобахъ по исполненію рѣшеній, но о томъ же предметѣ рѣчь идетъ и въ частныхъ правилахъ по исполненію. Такъ, ст. 1092 и 1093 предусматриваютъ иски третьихъ лицъ объ описанномъ движимомъ имуществѣ, а статьи 1197—1199 — иски объ описанномъ недвижимомъ имуществѣ. Между тѣмъ о тѣхъ и другихъ искахъ должно быть упомянуто не въ означенныхъ статьяхъ, а въ общихъ правилахъ, потому что поводъ возникновенія сихъ исковъ — общій, именно: нарушеніе правъ третьихъ лицъ при исполненіи рѣшенія.

Переходя затѣмъ къ ст. 962, по которой жалобы на неправильное исполненіе рѣшеній и всѣ споры по исполненію, за исключеніемъ касающихся толкованія рѣшенія, подлежатъ разсмотрѣнію суда, въ округѣ котораго исполняется рѣшеніе, нельзя не замѣтить, что статья эта имѣетъ въ виду рѣшенія общихъ судебныхъ мѣстъ, а подъ судомъ, разсмотрѣнію котораго подлежатъ жалобы и споры, подразумѣвается окружный судъ, такъ какъ о подсудности споровъ и жалобъ по

исполненію рѣшенія мирового судьи мировому же судѣ, въ участіи котораго исполненіе производится, говорится въ ст. 160 уст. гражд. суд.

По герм. уставу (§§ 684 и 685) жалобы на уклоненіе судебного пристава отъ исполненія своихъ обязанностей, на несогласное съ даннымъ ему порученіемъ исполненіе и на неправильное исчисленіе издержекъ, а также споры, возраженія и заявленія, касающіяся рода и способа (Art und Weise) исполненія, разсматриваются мѣстнымъ по исполненію участковымъ судомъ (Amtsgericht), который въ этой роли называется судомъ по исполненію (Vollstreckungsgericht). Судъ этотъ, какъ единоличный и болѣе близкій къ мѣсту исполненія, чѣмъ ландгерихтъ (Landgericht), несомнѣнно лучше достигаетъ своей цѣли, чѣмъ нашъ окружный судъ.

По австрійскому уставу правила о подвѣдомственности жалобъ по исполненію сходны въ общихъ чертахъ съ постановленіями герм. устава.

Удобства такого порядка признаны уже и у насъ, какъ видно изъ того, что, согласно временнымъ правиламъ о примѣненіи Судебныхъ Уставовъ въ Архангельской губерніи, въ Сибири и Черноморской губерніи жалобы на неправильное исполненіе рѣшеній и всѣ споры по исполненію, за исключеніемъ касающихся толкованія рѣшеній, подлежатъ разсмотрѣнію того мирового судьи, въ участіи коего исполненіе производится. Можно поэтому надѣяться, что въ такомъ же смыслѣ будетъ разрѣшенъ данный вопросъ въ видѣ общаго правила при пересмотрѣ общихъ правилъ объ исполненіи рѣшеній.

Возвращаясь къ ст. 962, нельзя не замѣтить, что ни текстъ этой статьи, ни содержаніе слѣдующихъ статей не даютъ отвѣта на вопросъ: какіе, именно, споры здѣсь предусматриваются?

Какъ извѣстно, споры могутъ касаться не только порядка исполненія, установленнаго правилами объ исполненіи рѣшеній, но и дѣйствительности того правоотношенія, которое установлено рѣшеніемъ, или дѣйствительности самого рѣшенія, изложеннаго въ исполнительномъ листѣ. Хотя въ послѣднемъ

смыслъ споры относятся собственно къ области исковаго производства, но и эти споры разрѣшаются порядкомъ, установленнымъ въ ст. 962—967, такъ какъ изъятія для какихъ-либо споровъ, возникающихъ при исполненіи, не только въ этихъ статьяхъ не содержится, но напротивъ того, въ первой статьѣ прямо сказано: „всѣ споры по исполненію“. Это весьма существенный недостатокъ разсматриваемой статьи, но что смыслъ ея, именно, таковъ—доказательствомъ могутъ служить рѣшенія Гражданскаго Кассационнаго Департамента 1882 г. № 140 и 1893 г. № 93, которыми признано, что возраженіе отвѣтчика о потерѣ заочнымъ рѣшеніемъ своей силы, вслѣдствіе неприведенія его въ исполненіе въ теченіе трехлѣтняго срока, опредѣленнаго 735 ст., должно быть заявлено не въ исковомъ, а въ частномъ порядкѣ. Правда, что Сенатъ высказывалъ и противоположный взглядъ по этому вопросу. Такъ, въ рѣшеніи 1885 г. № 21 Сенатъ призналъ, что хотя споръ, имѣющій предметомъ не отдѣльныя дѣйствія по исполненію, а дѣйствительность самаго рѣшенія въ случаѣ, предусмотрѣнномъ въ 735 ст., и можетъ быть заявленъ въ частномъ порядкѣ, въ видѣ жалобы на дѣйствія судебного пристава, но это не исключаетъ права оспаривать силу такого рѣшенія въ исковомъ порядкѣ. Въ рѣшеніи же 1893 г. № 54 Сенатъ призналъ неправильнымъ высказанное мировымъ съѣздомъ въ абсолютной формѣ мнѣніе о томъ, что требованіе отвѣтчика объ освобожденіи отъ взыскапія по вошедшимъ въ законную силу рѣшеніямъ, основанное на юридическихъ фактахъ, возникшихъ послѣ состоявшагося рѣшенія, не можетъ быть разсматриваемо въ частномъ порядкѣ. Изложенныя въ двухъ послѣднихъ рѣшеніяхъ Сената разсужденія, сами по себѣ, несомнѣнно правильны, но едва-ли они вытекаютъ изъ текста разсматриваемыхъ статей.

Необходимо замѣтить, что германскій уставъ, а вслѣдъ за нимъ и австрійскій уставъ предусматриваютъ случаи, когда, независимо отъ частной жалобы, можетъ быть предъявленъ искъ съ цѣлью разрѣшенія спора, возникшаго при исполненіи рѣшенія. Такъ, германскій уставъ, указывая, какъ это уже замѣчено выше, что жалобы на медленность

судебнаго пристава, на неправильныя его дѣйствія по исполненію рѣшенія и по исчисленію издержекъ, а также споры, возраженія и заявленія, касающіяся рода и способа исполненія, разсматриваются исполнительнымъ судомъ въ частномъ порядкѣ (§§ 684, 685 и 701), постановляетъ, что если возраженіе относится къ самой претензіи, по которой состоялось рѣшеніе, то оно можетъ быть заявлено должникомъ искомъ порядкомъ въ первой инстанціи суда, постановившаго рѣшеніе (§ 686). Хотя при этомъ не пояснено, можетъ ли быть подобнаго рода возраженіе предметомъ частной жалобы, но не подлежитъ сомнѣнію, что частная жалоба на выдачу кредитору исполнительной выписи допускается, и что такая жалоба не исключаетъ права на возбужденіе упомянутаго иска (ср. §§ 668, 686, 687 и коммент. въ 3 изд. *Wilnowski und Levy*).

Въ австрійскомъ же уставѣ прямо сказано, что подобнаго рода возраженія, независимо отъ права обжалованія въ частномъ порядкѣ (*unbeschadet eines allfälligen Rekurses*) опредѣленія и разрѣшенія исполненія, предьявляются искомъ порядкомъ (§ 35).

Германскій уставъ указываетъ и условія, при наличности которыхъ разрѣшается предьявленіе иска противъ претензіи, присужденной судебнымъ рѣшеніемъ. Такое возраженіе, согласно § 686 этого устава, допускается лишь тогда, когда основаніе его возникло уже послѣ того судебнаго засѣданія, въ которомъ возраженія, вытекающія изъ такихъ основаній, могли бы быть предьявлены. Такое же правило содержится и въ австрійскомъ уставѣ (§ 35).

Приведенный мною примѣръ предусмотрѣннаго германскимъ и австрійскимъ уставами иска, возникающаго изъ исполненія рѣшенія, не единственный: въ этихъ уставахъ, не говоря уже объ искахъ третьихъ лицъ, указаны и другіе случаи исковъ, имѣющихъ своимъ предметомъ возраженія противъ выдачи исполнительной выписи или противъ разрѣшенія исполненія, право на предьявленіе которыхъ не теряется вслѣдствіе частнаго обжалованія.

Изложенныя соображенія приводятъ къ заключенію, что

неудовлетворительное правило ст. 962 слѣдуетъ замѣнить точнымъ указаніемъ случаевъ принесенія частныхъ жалобъ по исполненію рѣшеній, не исключая и жалобъ на медленность, подлежащихъ нынѣ подачѣ предсѣдателю окружнаго суда (ст. 330 учр. суд. уст.), и, сверхъ того, случаевъ, когда споръ, независимо отъ частной жалобы, можетъ быть предметомъ особаго иска, предъявляемаго въ томъ же судѣ, въ которомъ былъ предъявленъ искъ, разрѣшенный тѣмъ рѣшеніемъ, которое приводится въ исполненіе.

Въ какомъ порядкѣ приносятся жалобы, которыми возбуждаются споры по исполненію рѣшенія, въ разсматриваемыхъ общихъ правилахъ объ исполненіи рѣшеній не предусмотрено. Согласно же разъясненію Гражданскаго Кассационнаго Департамента жалобы эти подаются не судебному приставу для представленія въ окружной судъ, а непосредственно окружному суду, разсмотрѣнію котораго онѣ подлежатъ (рѣш. 1879 г. № 399). Но такъ какъ по общему правилу жалобы на опредѣленія суда, на распоряженія предсѣдателя (ст. 784), на дѣйствія нотариуса (ст. 62 полож. о нот. части) подаются тому суду, предсѣдателю, нотариусу, на дѣйствія котораго приносятся, то казалось бы, что этому порядку должны слѣдовать и жалобы на дѣйствія судебного пристава, тѣмъ болѣе, что исключеніе изъ означеннаго правила установлено только для жалобъ на медленность и на непринятіе уже поданной жалобы. Такимъ образомъ, вышеприведенное разъясненіе Сената, повидимому, не согласуется съ постановленіями закона. Для устраненія всякихъ недоразумѣній по этому вопросу, слѣдовало бы въ общихъ правилахъ указать, въ какомъ порядкѣ подаются жалобы на дѣйствія судебного пристава. Казалось бы, что въ данномъ случаѣ не можетъ быть серьезныхъ возраженій противъ примѣненія общаго порядка подачи жалобъ.

По австрійскому уставу при подачѣ жалобъ по исполненію рѣшеній примѣняется порядокъ, установленный для частныхъ жалобъ по исковымъ дѣламъ (§ 78), по которымъ жалобы подаются тому суду или судѣ, постановленіе котораго обжалуется (§ 520 уст. гражд. суд.). При этомъ необ-

ходимо замѣтить, что, согласно ст. 53 того же устава, возникающія при исполненіи рѣшенія требованія вообще, а слѣдовательно и требованія, изложенныя въ формѣ частныхъ жалобъ, могутъ быть предъявлены письменно или словесно со внесеніемъ въ протоколъ суда. Если требованіе является словесно, то судъ даетъ указанія, необходимыя для сообразной съ закономъ постановки требованія. Прекрасное и въ высшей степени гуманное правило, облегчающее бѣднымъ доступъ къ суду. У насъ подобное постановленіе было бы весьма умѣстнымъ.

Относительно ст. 963, по которой споры и жалобы, заявленныя по прошествіи двухъ недѣль со времени исполненія оспариваемыхъ дѣйствій, оставляются безъ разсмотрѣнія, нельзя не замѣтить, что безъ разсмотрѣнія оставляются иногда на практикѣ не только жалобы, поступившія по истеченіи срока, но и поданныя, хотя-бы въ срокъ, не въ тотъ судъ, въ который слѣдовало подать. Такая практика опирается на рѣшенія Гражд. Касс. Деп. 1878 г. № 172, 1884 г. № 193 и др., въ которыхъ высказано, что частная жалоба, поданная въ нарушение ст. 784 непосредственно въ высшую инстанцію, оставляется безъ разсмотрѣнія. Однако послѣдствія нарушенія установленнаго въ ст. 784 порядка подачи жалобъ въ этой статьѣ вовсе не указаны; не содержится никакого указанія по этому вопросу и въ ст. 755, имѣющей также общее значеніе и предусматривающей лишь два случая возвращенія апелляціонныхъ жалобъ: 1) когда пропущенъ срокъ и 2) когда жалоба подана повѣреннымъ, не уполномоченнымъ на подачу ея. Казалось бы, что при такихъ условіяхъ возвращеніе просьбы, какъ не предусмотрѣнное закономъ изыятіе изъ общаго правила о принятіи жалобъ, кромѣ случаевъ, точно указанныхъ, нельзя считать правильнымъ.

Тѣмъ не менѣе, примѣненіе къ жалобамъ на дѣйствія судебного пристава высказаннаго Сенатомъ положенія по отношенію къ жалобамъ на опредѣленія окружнаго суда даетъ поводъ оставлять безъ разсмотрѣнія жалобы на судебного пристава, если онѣ поданы не по принадлежности, т. е.

не прямо въ окружный судъ, а судебному приставу для представленія въ судъ.

Въ виду этого оказывается крайне необходимымъ точно опредѣлить въ общихъ правилахъ объ исполненіи рѣшеній какъ порядокъ обжалованія дѣйствій судебного пристава, такъ и послѣдствія нарушенія установленнаго порядка. вмѣстѣ съ тѣмъ, согласно правильному разъясненію Гражданскаго Кассационнаго Департамента, слѣдовало бы дополнить ст. 963 указаніемъ на то, что къ двухнедѣльному сроку долженъ быть причисляемъ въ извѣстномъ случаѣ и поверстный срокъ (рѣш. 1879 г. № 399).

По ст. 965 объявленіе спора или подача жалобы не останавливаютъ дѣйствій пристава по исполненію, развѣ-бы о приостановленіи ихъ послѣдовало опредѣленіе суда.

Какъ безусловное приостановленіе дѣйствій судебного пристава по исполненію, такъ и безусловный отказъ въ просьбѣ о приостановленіи могутъ во многихъ случаяхъ нарушать интересы той или другой стороны. Поэтому слѣдовало бы, кажется, дополнить постановленіе ст. 965 въ томъ смыслѣ, что судъ можетъ распорядиться или о безусловномъ приостановленіи исполненія, или о приостановленіи подъ условіемъ представленія должникомъ обезпеченія; или о томъ, чтобы исполненіе продолжалось подъ условіемъ представленія взыскателемъ обезпеченія. При этомъ, конечно, необходимо было бы опредѣлить, въ чемъ должно состоять обезпеченіе.

Условное приостановленіе или продолженіе исполненія допускается, именно, германскимъ и австрійскимъ уставами. Такъ, согласно германскому уставу, по жалобамъ на выдачу исполнительнѣйшей выписи, подлежащимъ разрѣшенію того суда, секретаремъ котораго выдана выпись, а также по жалобамъ, касающимся рода и способа исполненія, и подлежащимъ разсмотрѣнію суда по исполненію (Vollstreckungsgericht), судъ, до постановленія опредѣленія, можетъ (и безъ просьбы заинтересованной стороны) сдѣлать временное распоряженіе по исполненію, главнымъ же образомъ можетъ распорядиться, чтобы исполненіе было приостановлено съ обезпеченіемъ или безъ онаго (§§ 668 и 685). Такое же распоряженіе въ правѣ

сдѣлать судъ, по требованію истца, и въ случаѣ предъявленія исковымъ порядкомъ возраженія противъ выдачи исполнительнѣйшей выписи или противъ претензіи, присужденной рѣшеніемъ, которое исполняется; при чемъ судъ можетъ распорядиться и объ отмѣнѣ, подъ условіемъ обезпеченія, принятыхъ уже мѣръ исполненія (§ 688).

То же самое въ сущности постановлено и въ австрійскомъ уставѣ, въ которомъ, кромѣ того, съ большею точностью опредѣлены условія приостановленія и случаи примѣненія его (§§ 35 и сл.).

Ст. 966, согласно которой споры и жалобы по исполненію рѣшеній разрѣшаются въ сокращенномъ порядкѣ, по сообщеніи противной сторонѣ копіи прошенія и по выслушаніи ея, если она явилась къ назначенному для того сроку, возбуждаетъ недоразумѣніе, прежде всего, выраженіями „въ сокращенномъ порядкѣ“. Сокращенный порядокъ, какъ извѣстно, установленъ въ ст. 348 и слѣд. для производства исковыхъ дѣлъ, но этотъ порядокъ не можетъ имѣть примѣненія къ спорамъ и жалобамъ по исполненію рѣшеній, потому что сущность сокращеннаго порядка въ настоящемъ случаѣ состоитъ лишь въ томъ, какъ видно изъ той же 966 статьи, что копія прошенія сообщается противной сторонѣ, которой предоставляется явиться въ засѣданіе и дать объясненіе. Въ виду этого упомянутыя выраженія, возбуждающія на практикѣ сомнѣніе относительно истиннаго ихъ смысла и не имѣющія существеннаго значенія, должны быть исключены изъ ст. 966.

Кромѣ сдѣланныхъ въ ст. 966 указаній относительно порядка разрѣшенія споровъ и жалобъ по исполненію, никакихъ другихъ постановленій по этому предмету въ общихъ правилахъ не содержится, вслѣдствіе чего по необходимости примѣняются соотвѣтствующія постановленія исковаго производства.

При обжалованіи опредѣленій суда примѣняются также правила, установленныя для частныхъ жалобъ по исковымъ дѣламъ, такъ какъ въ послѣдней статьѣ 967 общихъ правилъ никакого особеннаго порядка не установлено, а сказано

только, что подача жалобы не останавливаетъ приведенія обжалованнаго опредѣленія въ исполненіе, если о томъ не послѣдуетъ опредѣленія высшаго суда.

Весьма интересны въ отношеніи порядка производства дѣлъ по исполненію рѣшеній, какъ и въ другихъ отношеніяхъ, постановленія австр. устава. Чтобы не входить въ подробности,—укажу только на нѣкоторыя особенности сравнительно съ нашимъ уставомъ. Такъ, рядомъ съ постановленіемъ о томъ, что всѣ существенныя для разрѣшенія дѣла обстоятельства должны быть доказаны тѣмъ, кто предъявляетъ извѣстное требованіе, другими словами—просителемъ, въ австр. уставѣ сказано, что судъ, кромѣ указанныхъ въ законѣ случаевъ, можетъ потребовать, для разъясненія обстоятельствъ дѣла, отъ сторонъ и другихъ участвующихъ лицъ объясненій и представленія необходимыхъ документовъ и другихъ доказательствъ, можетъ и самъ непосредственно, безъ содѣйствія сторонъ и участвующихъ лицъ, собрать необходимыя для разъясненія дѣла данныя и распорядиться о провѣркѣ доказательствъ; что въ случаѣ неявки стороны или участвующихъ лицъ, которымъ правильно вручена повѣстка, для дачи объясненія по какому-либо требованію, признается, что неявившійся согласенъ съ требованіемъ; но въ повѣсткѣ должно быть означено какъ содержаніе требованія, такъ и послѣдствія неявки; что пропущенный срокъ не возстановляется; что словесное состязаніе (вообще не обязательное), если оно судомъ назначено, происходитъ не публично (§§ 55—59).

Всѣ изложенныя постановленія, а въ особенности постановленіе, касающееся инициативы суда въ дѣлахъ этого рода, кажутся до такой степени цѣлесообразными, что нельзя не пожелать, чтобы и въ наши общія правила объ исполненіи рѣшеній были введены сходныя съ ними постановленія.

Въ заключеніе обзора общихъ правилъ объ исполненіи рѣшеній нельзя не замѣтить, что въ этихъ правилахъ нѣтъ никакого указанія на то, какимъ порядкомъ обращаются къ исполненію рѣшенія нашихъ судовъ, подлежація исполненію въ иностранномъ государствѣ, а съ другой стороны—постановленія объ исполненіи судебныхъ рѣшеній иностранныхъ

государствъ и судебныхъ мѣстъ Великаго Княжества Финляндскаго изложены не въ общихъ правилахъ, какъ-бы слѣдовало, а въ послѣднихъ главахъ правилъ объ исполненіи рѣшеній, именно, въ ст. 1273—1281 и 1267—1272, при чемъ упомянутыя постановленія также страдаютъ многими недостатками.

По отношенію къ вопросу о *порядкѣ обращенія къ исполненію рѣшеній, исполненіе которыхъ должно производиться за-границей*, слѣдовало бы постановить, по примѣру герм. устава (§ 700), что если исполненіе судебного рѣшенія должно быть произведено въ иностранномъ государствѣ, которое (на основаніи конвенціи или принятыхъ между государствами правилъ взаимности) исполняетъ рѣшенія русскихъ судовъ, то предсѣдатель суда, по ходатайству взыскателя, обязанъ просить объ этомъ иностранный судъ въ установленномъ порядкѣ сношенія съ иностранными судами (ст. 189 и 190 учр. суд. уст.), съ приложеніемъ копій рѣшенія съ надписью о томъ, что рѣшеніе вступило въ законную силу и подлежитъ исполненію.

Что касается правилъ *объ исполненіи въ Россіи рѣшеній судебныхъ мѣстъ иностранныхъ государствъ*, то прежде всего необходимо замѣтить, что ст. 1273, по которой рѣшенія судебныхъ мѣстъ иностранныхъ государствъ исполняются на основаніи правилъ, установленныхъ по сему предмету взаимными трактатами и договорами, а въ тѣхъ случаяхъ, когда ими не установлены самыя правила исполненія, соблюдается порядокъ, изложенный въ слѣдующихъ статьяхъ,—не даетъ прямого отвѣта на вопросъ о томъ, могутъ ли быть исполняемы въ предѣлахъ Россіи рѣшенія судебныхъ мѣстъ тѣхъ государствъ, съ которыми не заключено по этому предмету взаимныхъ трактатовъ и договоровъ. Кассационный Департаментъ, хотя первоначально высказался по этому вопросу въ утвердительномъ смыслѣ (рѣш. 1873 г. № 1711), но впослѣдствіи разъяснилъ, что въ вопросахъ международнаго права основнымъ принципомъ является взаимность, и что поэтому исполненіе въ Россіи рѣшеній судебныхъ мѣстъ тѣхъ государствъ, въ которыхъ взаимное исполненіе русскихъ

судовъ не обезпечено заключенными съ ними трактатами и договорами, какъ нарушающее понятіе о самостоятельности государства, допущено быть не можетъ (рѣш. 1882 г. № 58).

Австр. уставъ также ставитъ принципъ взаимности на первомъ планѣ, опредѣляя, что рѣшенія иностранныхъ судебныхъ мѣстъ исполняются лишь настолько, насколько существуетъ взаимность (*Gegenseitigkeit*), обусловливаемая договорами или трактатами (*Staatsverträge*) или опубликованными въ официальномъ вѣстникѣ распоряженіями правительства (§ 79).

Равнымъ образомъ и герм. уставъ не допускаетъ исполненія рѣшенія иностраннаго суда, если не гарантирована взаимность (§ 661 п. 5).

Согласно вышеизложенному разъясненію Сената и сходнымъ съ нимъ постановленіямъ упомянутыхъ иностранныхъ уставовъ слѣдовало бы измѣнить и правило ст. 1273.

По ст. 1278 прошенія объ исполненіи рѣшеній судебныхъ мѣстъ иностранныхъ государствъ разрѣшаются сокращеннымъ порядкомъ (ст. 348—365).

Ссылка на статьи 348—365 показываетъ, что къ данному случаю примѣняется сокращенный порядокъ, установленный не для разрѣшенія жалобъ и споровъ по исполненію рѣшеній (ст. 966), а для исковыхъ дѣлъ. Слѣовательно и прошенія объ исполненіи рѣшеній судебныхъ мѣстъ иностранныхъ государствъ суть исковыя, ибо по частному прошенію не можетъ быть исковаго производства.

Вызовъ отвѣтчика къ суду производится, какъ сказано въ ст. 1277, на общемъ основаніи. Подъ общимъ основаніемъ здѣсь, очевидно, подразумѣваются правила, по которымъ производится вызовъ по исковымъ прошеніямъ (ст. 275 и слѣд.). Что же касается срока явки, то ссылка въ ст. 1278 на статью 350, по которой въ сокращенномъ порядкѣ тяжущимся назначается срокъ отъ 7 дней до 1 мѣсяца, указываетъ на примѣнимость этого срока и къ данному случаю. Но если принять во вниманіе, что по дѣламъ, рѣшеннымъ за-границей, отвѣтчики обыкновенно имѣютъ жительство за-границей, или мѣсто жительства ихъ неизвѣстно,

слѣдовательно срокъ явки имъ полагается не по статьѣ 350, а по статьѣ 299, то нельзя не признать, что ссылка на ст. 350 сдѣлана въ ст. 1278 лишь по недосмотру.

По этимъ соображеніямъ слѣдовало бы въ статьяхъ 1275, 1276 и 1278 слова „просьбы“, „прошенія“ замѣнить словами „исковыя прошенія“; статью 1277 и ссылку въ ст. 1278 на статью 350 исключить, а вмѣсто того пояснить въ ст. 1278, что по исковому прошенію срокъ явки назначается по ст. 299, самое же прошеніе разрѣшается по правиламъ сокращеннаго производства. При такой редакціи ссылка на ст. 348 и слѣд. будетъ излишней. Впрочемъ, можно ожидать, что въ новомъ изданіи устава гражд. суд. вмѣсто двухъ порядковъ производства исковыхъ дѣлъ будетъ только одинъ порядокъ; слѣдовательно вопроса о томъ, въ какомъ порядкѣ должны разрѣшаться исковыя прошенія объ исполненіи рѣшеній иностранныхъ государствъ, тогда не представится.

По герм. уставу ходатайство кредитора о разрѣшеніи привести въ исполненіе рѣшенія иностраннаго суда возбуждается такъ же, какъ и у насъ, исковымъ прошеніемъ (§ 660). Согласно же постановленію австр. устава требованіе о разрѣшеніи исполненія можетъ быть заявлено въ окружномъ судѣ (Gerichtshof) какъ кредиторомъ посредствомъ частной просьбы, такъ и иностраннымъ судомъ, при чемъ окружный судъ, единственно компетентный для этого рода дѣлъ, можетъ до разрѣшенія требованія просить, въ случаѣ надобности, иностранный судъ о доставленіи необходимыхъ свѣдѣній (Aufklärung). Возраженіе противъ послѣдовавшаго разрѣшенія противная сторона можетъ заявить и въ частной жалобѣ, и въ исковомъ порядкѣ (§§ 82 и 83).

Далѣе, въ ст. 1279 сказано, что судебныя мѣста, при разсмотрѣніи сихъ дѣлъ, не входятъ въ обсужденіе существа спора, разрѣшеннаго судами иностранныхъ государствъ, но лишь опредѣляютъ: не заключаетъ ли въ себѣ разсматриваемое рѣшеніе такихъ распоряженій, которыя противны общественному порядку, или не допускаются законами Имперіи.

Редакція изложенной статьи не точна. Лучше было бы  
Жур. Мин. Юст. Мартъ 1899.

сказать: судебныя мѣста не провѣряють, согласно ли рѣшеніе иностраннаго суда съ законами, обязательными для сего суда, а опредѣляютъ лишь: „не заключаетъ ли....“. Кроме того, при разрѣшеніи вопроса, допускается ли извѣстное распоряженіе законами Имперіи, или не допускается, могутъ возникнуть серьезныя недоразумѣнія.

Безусловно не допускается исполненіе такихъ рѣшеній иностранныхъ судовъ, какъ это видно изъ ст. 1281, которыми разрѣшаются иски о правахъ собственности на недвижимыя имѣнія, въ Россіи находящіяся. Казалось бы, что подъ это изъятіе должны подходить и иски о другихъ правахъ на недвижимое имущество.

Но не обязаны ли судебныя мѣста обсуждать рѣшенія иностраннаго суда съ формальной стороны? На этотъ вопросъ отвѣта въ разсматриваемыхъ статьяхъ не содержится, но уже одно это обстоятельство служитъ доказательствомъ того, что предложенный вопросъ долженъ быть разрѣшенъ въ отрицательномъ смыслѣ.

Изъ смысла же ст. 1276, по которой при просьбѣ о приведеніи въ исполненіе рѣшенія иностраннаго суда должна быть приложена, между прочимъ, копія рѣшенія съ удостовѣреніемъ сего суда, что рѣшеніе подлежитъ исполненію, слѣдуетъ заключить, что съ формальной стороны окружный судъ другихъ вопросовъ, кроме вопроса—вступило ли рѣшеніе, согласно удостовѣренію, въ законную силу, не обсуждаетъ.

Интересно и въ этомъ отношеніи сравнить правила нашего устава съ постановленіями австрійскаго. Послѣдній, указывая въ видѣ общаго правила, какъ уже замѣчено выше, что исполненіе рѣшеній иностранныхъ судовъ допускается лишь подъ условіемъ взаимности, не высказываетъ такого положенія, что суды не входятъ въ обсужденіе существа спора, кроме нѣкоторыхъ случаевъ, какъ это дѣлаетъ нашъ уставъ, а опредѣляетъ лишь условія, при наличности которыхъ допускается исполненіе рѣшенія иностраннаго суда, и указываетъ затѣмъ, въ какихъ случаяхъ исполненіе рѣшенія не можетъ быть допущено.

Такъ, согласно § 80 требованіе объ исполненіи рѣшеній иностранныхъ судебныхъ мѣстъ или мировыхъ едѣлокъ, заключенныхъ въ присутствіи судовъ, допускается только при слѣдующихъ условіяхъ:

1) если согласно правиламъ, опредѣляющимъ подсудность австрійскихъ судовъ, дѣло въ иностранномъ судѣ могло быть возбуждено (wenn die Rechtssache nach Maszgabe der im Inlande über die Zuständigkeit geltenden Bestimmungen im auswärtigen Staate anhängig gemacht werden konnte);

2) если тому лицу, противъ котораго рѣшеніе должно приводиться въ исполненіе, вызовъ въ судъ былъ врученъ лично (zu eigenen Händen);

3) если, согласно удостовѣренію иностраннаго суда, рѣшеніе по правиламъ, для него обязательнымъ, не подлежитъ обжалованію, не допускающему исполненія.

Далѣе, согласно § 81 въ просьбѣ объ исполненіи рѣшенія отказывается, несмотря на соблюденіе условій, указанныхъ въ §§ 79 и 80:

1) если, вслѣдствіе неправильности производства, лицо, противъ котораго рѣшеніе должно исполняться, лишено было возможности участвовать въ производствѣ дѣла въ иностранномъ судѣ;

2) если исполненіе состоитъ въ совершеніи такого дѣйствія, которое по законамъ Австріи не разрѣшается, или которое не можетъ быть совершено по принужденію;

3) если рѣшеніе касается личнаго состоянія австрійскаго подданнаго и противъ него должно исполняться;

4) если исполненіемъ рѣшенія должно быть признано такое юридическое отношеніе или осуществлена такая претензія, которыя въ интересахъ публичнаго порядка или нравственности не считаются по законамъ Австріи дѣйствительными или не пользуются судебною защитой.

Изложенное показываетъ, что австрійскій уставъ правильнѣе и несравненно полнѣе разрѣшаетъ вопросъ объ условіяхъ исполненія судебныхъ рѣшеній иностранныхъ судовъ, чѣмъ нашъ уставъ; поэтому означенныя выше постановле-

нія могли бы служить руководящими указаніями при редак-  
тированіи нашихъ общихъ правилъ объ исполненіи рѣшеній.

Съ принятіемъ правила тождественнаго съ указаннымъ  
выше постановленіемъ австрійскаго устава относительно под-  
судности, дѣйствующая нынѣ 1281 статья, по которой рѣ-  
шенія судебныхъ мѣстъ иностранныхъ государствъ не при-  
водятся въ исполненіе, если ими разрѣшаются иски о пра-  
вахъ собственности на недвижимыя имѣнія, въ Россіи нахо-  
дящіяся, окажется совершенно излишнею, такъ какъ несо-  
мѣнно, что иски сего рода, подлежащіе исключительному  
вѣдомству окружнаго суда по мѣсту нахождения недвижимаго  
имѣнія, какъ это вытекаетъ изъ смысла ст. 202 и 212 уст.  
гражд. суд., не могутъ быть предъявлены въ иностранномъ  
судѣ.

Съ другой стороны, и постановленія германскаго устава  
(§§ 660 и 661) весьма сходны съ постановленіями по дан-  
ному вопросу австрійскаго устава, а такъ какъ тѣ и другія  
опредѣляютъ болѣе строгія условія исполненія рѣшеній ино-  
странныхъ судовъ, а слѣдовательно и судовъ нашихъ, чѣмъ  
наши статьи 1273 и слѣд., то въ цѣляхъ справедливости и  
взаимности слѣдовало бы также ограничить широкую свободу,  
которую пользуются у насъ, въ отношеніи исполненія, рѣ-  
шенія судебныхъ мѣстъ иностранныхъ государствъ.

## РАСТОРЖЕНІЕ БРАКА ВСЛѢДСТВІЕ ПОМЪШАТЕЛЬСТВА.

П. Я. Розенбаха.

На прошломъ (VI) сѣздѣ Общества русскихъ врачей въ память Н. И. Пирогова въ Кіевѣ былъ возбужденъ вопросъ объ измѣненіи нашего законодательства по отношенію къ условіямъ расторженія брака. А именно, д-ръ С. И. Штейнбергъ выступилъ въ секціи нервныхъ и душевныхъ болѣзней съ докладомъ, въ которомъ онъ доказывалъ желательность допущенія развода вслѣдствіе помѣшательства одного изъ супруговъ. Послѣ преній, вызванныхъ этимъ докладомъ, собраніе рѣшило отложить постановленіе по этому вопросу до слѣдующаго сѣзда, который состоится въ Казани весной 1899 г. вмѣстѣ съ тѣмъ вопросъ этотъ былъ признанъ столь важнымъ, и рѣшеніе его столь затруднительнымъ, что правленіе сѣзда сочло полезнымъ предложить его для предварительнаго обсужденія нашимъ психіатрическимъ и юридическимъ обществамъ. Въ виду этого мнѣ кажется своевременнымъ и интереснымъ рассмотреть и взвѣсить разныя соображенія, которыя могутъ быть приведены въ пользу какъ положительнаго, такъ и отрицательнаго рѣшенія означеннаго вопроса. Изученіе его показываетъ, что онъ неоднократно подвергался обсужденію въ психіатрической литературѣ, и что воззрѣнія психіатровъ на него отличаются значительнымъ разнообразіемъ. Отчасти въ зависимости отъ психіатрическихъ

возрѣній, отчасти по другимъ мотивамъ современнаго законодательства въ разныхъ странахъ также относятся къ нему неодинаково. Для того, чтобы воспользоваться при предстоящемъ рѣшеніи вопроса у насъ опытомъ прошлаго, я прежде всего сопоставлю соотвѣтственныя постановленія нѣкоторыхъ иностранныхъ государствъ съ нашимъ законодательствомъ по затронутому вопросу.

Наше законодательство допускаетъ расторженіе брака только по слѣдующимъ мотивамъ: 1) въ случаѣ доказаннаго прелюбодѣянія одного изъ супруговъ или неспособности его къ брачному сожителству; 2) въ случаѣ, когда одинъ изъ супруговъ приговоренъ къ наказанію, сопряженному съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія, или къ ссылке на житье въ Сибирь, съ лишеніемъ всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ; и 3) въ случаѣ безвѣстнаго отсутствія другаго супруга. Расторженіе брака вслѣдствіе указанныхъ мотивовъ производится только по просьбѣ одного изъ супруговъ, формальнымъ духовнымъ судомъ.—По отношенію къ категоріи неспособности къ супружеской жизни искъ о разводѣ можетъ быть начатъ только черезъ три года послѣ совершенія брака, и искъ не можетъ основаться на этой причинѣ, если неспособность не есть природная, или если она началась уже по вступленіи въ бракъ.—Кромѣ того, законъ допускаетъ цѣлый рядъ условій, при которыхъ бракъ признается недѣйствительнымъ, а также прижитыя въ бракѣ дѣти незаконнорожденными. Къ этой категоріи принадлежатъ между прочимъ брачныя сопряженія, совершившіяся по насилію или въ сумасшествіи одного или обоихъ брачившихся.

Перечисленныя законоположенія о расторженіи брака относятся къ бракамъ, совершеннымъ по православному обряду, слѣдовательно къ случаямъ, въ которыхъ оба супруга или одинъ изъ нихъ православнаго вѣроисповѣданія. Для браковъ же, совершенныхъ въ Россіи по евангелически-лютеранскому обряду, число условій, допускающихъ разводъ по просьбѣ одной изъ сторонъ, гораздо больше. Здѣсь имѣются въ виду мотивы, препятствующіе достиженію главной цѣли брака, т. е. дѣторожденію, напр., отказъ одного изъ супру-

говъ въ теченіе дѣлаго года отъ исполненія супружескихъ обязанностей, умышленное препятствованіе зачатію, неспособность къ сожитію, развившаяся послѣ брака, но по собственной винѣ; далѣе, если одинъ изъ супруговъ одержимъ неизлѣчимою прилипчивою или крайне отвратительною болѣзнію, которой онъ не имѣлъ или которую скрывалъ до брака; наконецъ, если одинъ изъ супруговъ лишился ума или подверженъ припадкамъ бѣшенства, если это поврежденіе умственныхъ способностей продолжается больше года и, по увѣренію врачей, нѣтъ надежды на выздоровленіе; кромѣ того, поводъ къ разводу могутъ подать также пьянство, безразсудная расточительность или развратная жизнь одного изъ супруговъ.

Обращаясь теперь къ иностраннымъ законодательствамъ, мы прежде всего остановимся на двухъ американскихъ кодексахъ—Калифорнскомъ и Нижне-Канадскомъ. Они представляютъ особый интересъ, потому что, хотя и примыкаютъ къ воззрѣніямъ, выработаннымъ европейской культурой, но составлены сравнительно недавно заново. Калифорнское гражданское уложеніе (1873 г.), основанное на англійскихъ традиціяхъ, допускаетъ разводъ только изъ-за прелюбодѣянія, крайне жестокаго обращенія, злонамѣреннаго оставленія, умышленнаго нерадѣянія, осужденія за уголовное преступленіе и обычнаго пьянства; за обычное пьянство признается невоздержанность въ употребленіи опьяняющихъ напитковъ, дошедшая до такой степени, что она дѣлаетъ человѣка въ теченіе большей части времени неспособнымъ заниматься, какъ слѣдуетъ, дѣломъ или можетъ служить достаточнымъ основаніемъ для причиненія невинной сторонѣ ряда тяжкихъ душевныхъ страданій. О душевной болѣзни супруга, какъ о поводѣ къ разводу, не говорится, за исключеніемъ того случая, когда бракъ совершенъ въ состояніи сумасшествія, и тогда онъ признается недѣйствительнымъ.

Гражданскій кодексъ Нижней Канады, вступившій въ силу съ 1866 года, вовсе не допускаетъ развода, а лишь разлученіе (*séparation de corps*), при чемъ поводомъ могутъ служить только прелюбодѣяніе, жестокое обращеніе, тяжкія обиды и

т. п.; специально указано, что слабоуміе, помѣшательство или бѣшенство не составляютъ мотивовъ, оправдывающихъ требованіе разлученія.

Изъ законодательствъ Западной Европы наиболѣе либерально въ смыслѣ многочисленности поводовъ къ разводу Цюрихское (1854 г.). Здѣсь, наравнѣ съ прелюбодѣянiемъ, злостнымъ оставленіемъ и проч. указаны: неизлѣчимая и отвратительная болѣзнь, также эпилепсія, если такая болѣзнь уже имѣлась во время заключенія брака, оставаясь скрытой, или если она возникла впоследствии по собственной винѣ; далѣе, развратная жизнь и привычное пьянство; наконецъ, сумасшествіе или полное слабоуміе безъ надежды на улучшение.

По Австрійскому законодательству сумасшествіе не считается поводомъ къ разводу, хотя въ числѣ причинъ послѣдняго, наравнѣ съ прелюбодѣянiемъ, осужденіемъ за преступленіе и т. п., указана также длительная тѣлесная болѣзнь, сопряженная съ опасностью зараженія.

Англійское законодательство не содержитъ статей, касающихся значенія помѣшательства для расторженія брака. Но въ отдѣльныхъ случаяхъ иски о разводѣ вслѣдствіе душевной болѣзни супруга рѣшались судомъ въ смыслѣ удовлетворенія, въ другихъ же отвергались, смотря по условіямъ дѣла. Даже при возникновеніи помѣшательства одного изъ супруговъ въ первые дни брачнаго сожителства разводъ не допускался, если бракъ былъ совершенъ въ фізіологическомъ смыслѣ. Въ 1882 г. вопросъ о расторженіи брака вслѣдствіе душевной болѣзни одного изъ супруговъ подвергался обсужденію въ собраніи британскаго медико-психологическаго общества, при чемъ почти всѣ психіатры высказались противъ введенія закона, который позволялъ бы разводъ изъ-за неизлѣчимаго помѣшательства; ниже мы вернемся къ мотивамъ такого взгляда на дѣло.

Весьма поучительна исторія разсматриваемаго вопроса во Франціи и въ Германіи.

Во Франціи, въ эпоху революціи, въ 1792 г. былъ изданъ законъ, допускавшій расторженіе брака вслѣдствіе помѣшательства; законъ этотъ былъ отмѣненъ въ 1816 г. Современное

законодательство, допускающее разводъ, введенное въ 1882 году, также не считается съ душевной болѣзнью, какъ поводомъ для расторженія брака. Когда современный законъ о разводѣ находился еще въ періодѣ обсуждения—какъ извѣстно, онъ былъ принятъ лишь послѣ весьма продолжительной агитаціи—депутатомъ Луи Гильо былъ предложенъ параграфъ такого рода, чтобы наличность помѣшательства одного изъ супруговъ, дѣющагося не менѣе двухъ лѣтъ и признаннаго неизлѣчимымъ, также могла составлять поводъ къ расторженію брака. Предложеніе это было передано на разсмотрѣніе комисиіи изъ психіатровъ, и она высказалась противъ него. вмѣстѣ съ тѣмъ по поводу этого предложенія возникли оживленныя пренія въ Парижскомъ медико-психологическомъ обществѣ и въ спеціальной прессѣ, при чемъ лишь немногіе изъ французскихъ психіатровъ признавали полезнымъ допущеніе развода изъ-за неизлѣчимаго помѣшательства.

Что касается Германіи, то постановленія кодексовъ многочисленныхъ нѣмецкихъ государствъ относительно разсматриваемаго вопроса неодинаковы. Напр., въ Пруссіи, Саксоніи и Баденѣ разводъ допускается, если неизлѣчимое помѣшательство длится три года; въ нѣкоторыхъ прирейнскихъ государствахъ, а также въ Мекленбургѣ, Вюртембергѣ и др. разводъ изъ-за помѣшательства вовсе не допускается; въ Ганноверѣ и нѣкоторыхъ другихъ мелкихъ княжествахъ онъ допускался съ тѣмъ ограниченіемъ, чтобы душевная болѣзнь не произошла по винѣ здороваго супруга. Въ 1888 году былъ опубликованъ проектъ новаго общегерманскаго гражданскаго кодекса, и въ немъ вовсе не допускался разводъ изъ-за помѣшательства. Этотъ проектъ подвергся критическому разбору со стороны нѣмецкихъ психіатровъ, при чемъ главнымъ образомъ авторитетные ученые Крафтъ-Эбингъ и Мендель требовали введенія статьи, которая допускала бы возможность развода вслѣдствіе неизлѣчимаго помѣшательства одного изъ супруговъ, если оно продлится извѣстный срокъ. И дѣйствительно, въ окончательной редакціи названнаго кодекса введенъ такой параграфъ. Онъ гласитъ: „супругъ можетъ требовать развода, если другой супругъ впалъ въ душевное разстройство, если болѣзнь дли-

лась во время брака не менѣе трехъ лѣтъ, и если она достигла такой степени, что духовное общеніе между супругами прекращено ею, и нѣтъ никакой надежды на восстановление этого общенія. „Въ другомъ параграфѣ указано, что при разводѣ вслѣдствіе душевной болѣзни одного изъ супруговъ другой обязанъ доставлять ему средства къ существованію, какъ въ томъ случаѣ, когда при разводѣ вина падаетъ на одного изъ супруговъ. По этому новому общегерманскому гражданскому кодексу, вступающему въ силу 1-го января 1900 года, разводъ кромѣ того допускается при прелюбодѣяннн, злостномъ оставленнн, развратномъ поведеннн и т. п., и бракъ признается недѣйствительнымъ, если одинъ изъ супруговъ во время бракосочетаннн находился въ состояннн безсознательности или временнаго расстройства душевной дѣятельности.

Не останавливаясь на законодательствахъ другихъ государствъ по этому вопросу, мы теперь рассмотримъ аргументы, которые могутъ быть приведены за положительное и отрицательное рѣшеннн его. При этомъ мы будемъ имѣть въ виду мнѣннн различныхъ психіатровъ, которые высказывались по этому поводу въ восьмидесятыхъ годахъ при обсужденнн соответственныхъ законовъ въ Англнн, Франціи и Германнн.

Главный и существенный аргументъ въ пользу расторженнн брака вслѣдствіе помѣшательства одного изъ супруговъ заключается въ томъ, что неизлѣчимая душевная болѣзнь прекращаетъ навсегда духовное, а также и половое общеннн между мужемъ и женой. Если заболѣвшнн супругъ по свойству его душевной болѣзни долженъ находиться въ заведеннн для умалишенныхъ, то здоровый супругъ становится въ положеннн вдовца, который лишенъ права вступить въ новый бракъ, хотя ни въ чемъ не повиненъ. Если же душевнобольной супругъ остается въ домѣ, то присутствнн его оказываетъ крайне неблагоприятное влннн на подроставощнхъ дѣтей, которымъ онъ не можетъ замѣнить настоящаго родителя. Благодаря слабоумнн, полной потерѣ разсудка, помраченнн сознаннн, наконецъ распаду психической личности — свойствамъ, характеризующимъ болѣе или менѣе всѣ формы неизлѣчимаго

хроническаго помѣшательства, — душевно-больной супругъ не можетъ оцѣнить значенія той жертвы, которую приноситъ здоровая сторона, не вступая въ новый бракъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ въ нравственномъ отношеніи ровно ничего не теряетъ отъ такового, конечно при томъ условіи, чтобы ему былъ обезпеченъ соотвѣтственный уходъ. Другими словами, неизлѣчимое помѣшательство съ теченіемъ времени становится равносильнымъ духовной смерти, и здоровый супругъ, лишенный возможности расторгнуть такой бракъ и вступить въ новый, подвергается на всю дальнѣйшую свою жизнь жестокому и незаслуженному лишенію. Отъ такого лишенія страдаетъ веденіе домашняго хозяйства, воспитаніе дѣтей, нерѣдко также экономическій бытъ семьи, уже не говоря о прочихъ неудобствахъ вынужденнаго безбрачія. Понятно, что во многихъ случаяхъ результатомъ послѣдняго являются внѣбрачныя связи и незаконнорожденные дѣти.

Другой аргументъ, приводимый иногда за расторгненіе брака вслѣдствіе неизлѣчимаго помѣшательства, а именно опасность зачатія дѣтей съ неблагопріятнымъ наслѣдственнымъ предрасположеніемъ, не можетъ считаться столь существеннымъ. Дѣло въ томъ, что въ тѣ періоды душевныхъ болѣзней, когда онѣ могутъ быть признаны неизлѣчимыми, шансы на производство дѣтей вообще не велики. Если больной находится въ заведеніи, то нечего и говорить объ этомъ. Но и при домашнемъ содержаніи больного здѣсь надо считаться съ тѣмъ обстоятельствомъ, что хронически-помѣшанный мужъ становится по большей части неспособнымъ къ брачному сожителству, а хронически-помѣшанная жена, въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ можетъ быть рѣчь о разводѣ, едва-ли будетъ привлекательна для своего здороваго мужа. Опасность рожденія дѣтей съ зачатками нервныхъ или душевныхъ расстройствъ гораздо больше угрожаетъ тѣмъ семьямъ, въ которыхъ родители одержимы излѣчимыми формами психическихъ заболѣваній или нервными болѣзнями, или происходятъ сами отъ лицъ съ наслѣдственнымъ предрасположеніемъ къ помѣшательству. Можетъ быть, когда-нибудь будутъ приняты мѣры для предотвращенія такихъ браковъ, съ цѣлью,

противодѣйствовать вырожденію и размноженію психопатическихъ натуръ. Во всякомъ случаѣ, опасность, представляемая наличностью душевной болѣзни у одного изъ супруговъ въ смыслѣ отраженія ея на свойствахъ потомства, не можетъ быть принята во вниманіе, какъ мотивъ развода, такъ какъ пришлось бы съ этой точки зрѣнія имѣть въ виду также нервныя и преходящія душевныя болѣзни; при неизлѣчимыхъ же формахъ помѣшательства эта опасность, какъ уже сказано, сравнительно не велика.

Главный аргументъ, приводимый противъ развода по разсматриваемому поводу, заключается въ томъ, что чрезвычайно трудно признать душевную болѣзнь съ абсолютной точностью за неизлѣчимую. Психіатрической опытъ показываетъ, что при хроническомъ затяжномъ помѣшательствѣ иногда наблюдается нигдѣмъ неожиданное выздоровленіе, спустя много лѣтъ послѣ начала болѣзни. Преимущественно французскіе, отчасти также англійскіе и нѣмецкіе психіатры приводили примѣры, гдѣ выздоровленіе наступало черезъ 8, 15 и даже 20 лѣтъ. Между тѣмъ законъ о разводѣ вслѣдствіе помѣшательства долженъ установить извѣстный срокъ, и этотъ срокъ не можетъ быть слишкомъ длиненъ; иначе не достигалась бы цѣль, преслѣдуемая защитниками такого закона. И вотъ, при опредѣленіи такого срока въ 3 года или даже 5 лѣтъ, нельзя быть увѣреннымъ, что выздоровленіе невозможно. Если же оно наступитъ впоследствии, когда здоровый супругъ уже успѣлъ основать новую законную семью, то благодаря закону о разводѣ обѣ стороны могутъ оказаться въ безысходномъ трагическомъ положеніи. При обсужденіи этого вопроса въ засѣданіи британскаго медико-психологическаго общества въ 1882 году одинъ англійскій психіатръ сообщилъ случай, имѣвшій мѣсто въ Саксоніи, гдѣ разводъ допускается, если помѣшательство одного изъ супруговъ длилось 3 года и признано неизлѣчимымъ. Мужъ, получившій разводъ, спустя 3 года послѣ развода собирался жениться и уже обзавелся невѣстой, когда получилъ извѣстіе, что бывшая жена его, помѣщенная въ частномъ заведеніи, выздоравливаетъ; онъ тогда посильшился взять ее и вновь вступилъ въ

бракъ съ нею. Сообщались также случаи изъ практики той же Саксоніи, гдѣ супругъ выздоравливалъ послѣ того, какъ былъ признанъ неизлѣчимымъ, бракъ расторгнуть, и другой супругъ уже успѣлъ вступить въ новый бракъ.

Надо замѣтить, что позднее, неожиданное выздоровленіе отъ хронической душевной болѣзни, длящейся болѣе 3—5 лѣтъ, составляетъ крайнюю рѣдкость, и случаи, подобные вышеприведеннымъ, гдѣ законъ о разводѣ приводилъ къ столь непредвидѣннымъ осложненіямъ, принадлежать къ исключительнымъ курьезамъ. Изъ-за того, что знанія наши не отличаются абсолютной достовѣрностью, и что наши сужденія въ отдѣльныхъ случаяхъ могутъ оказаться ошибочными, нельзя отвергать установленія нормъ для практическихъ цѣлей. Вездѣ приняты сроки для признанія помъшательства неизлѣчимымъ для разныхъ другихъ цѣлей, и эти узаконенія, если ихъ примѣненіе обставлено достаточными гарантіями въ смыслѣ добросовѣстнаго рѣшенія каждаго конкретнаго случая компетентными лицами, осуществляются безъ всякихъ затрудненій. И по отношенію къ расторженію брака большинство психіатровъ не оспаривали, что спустя 3 года, а тѣмъ болѣе черезъ 4 или 5 лѣтъ послѣ начала душевной болѣзни, въ извѣстномъ ряду случаевъ обнаруживаются такіе признаки, которые ставятъ неизлѣчимость внѣ всякаго сомнѣнія.

Эти признаки сводятся къ такъ называемому вторичному или послѣдовательному слабоумію, которое наступаетъ въ большей или меньшей степени въ указанный срокъ при самыхъ различныхъ формахъ затяжнаго помъшательства. Только въ этихъ случаяхъ и возможно говорить о духовной смерти душевно-больнаго, слѣдовательно только они и могутъ идти въ счетъ при требованіи развода.

Намъ извѣстны формы душевнаго разстройства, которыя при современномъ состояніи психіатрической науки, къ сожалѣнію, должны считаться неизлѣчимыми, и которыя тѣмъ не менѣе не могутъ служить поводомъ къ разводу. Сюда относятся прежде всего періодическое и такъ называемое круговое помъшательство.

Въ первомъ случаѣ, субъектъ, подвергавшійся нѣсколькимъ

припадкамъ, навѣрное будетъ и впредь имѣть по временамъ таковыя съ большою или меньшею продолжительностью, и болѣзнь можетъ въ общей сложности растянуться на десятки лѣтъ, что для брачной жизни равносильно неизлѣчимости; однако не только въ начальные періоды болѣзни, но и спустя много лѣтъ послѣ ея начала могутъ наступать свѣтлыя промежутки, во время которыхъ больной обнаруживаетъ лишь несущественныя уклоненія отъ нормы.

Круговое помѣшательство по большей части также затягивается на десятки лѣтъ или на всю жизнь, и при немъ даже иногда не бываетъ настоящихъ свѣтлыхъ промежутковъ, но проявленія психическаго расстройства по большей части поверхностны, сознание почти всегда остается непомятымъ, и даже спустя много лѣтъ умственныя способности въ точномъ смыслѣ слова не обнаруживаютъ рѣзкаго притупленія. Далѣе, истерія, эпилепсія, неврастенія, ипохондрія, а также нѣкоторыя состоянія вырожденія нерѣдко производятъ болѣзненные измѣненія психики, которыя очень мало поддаются лѣченію и держатся съ временными колебаніями въ теченіе всей жизни; но эти измѣненія касаются преимущественно чувственной, аффективной сферы и характера и болѣе или менѣе оставляютъ нетронутыми сознание и интеллектъ.

Нечего и говорить о томъ, насколько указанная психическія заболѣванія нарушаютъ семейное счастье, сколько мукъ создается для здоровой стороны, для дѣтей и для всѣхъ окружающихъ психопатическими свойствами одного изъ супруговъ—немотивированнымъ измѣненіемъ настроенія, болѣзненной раздражительностью, навязчивыми представленіями, отрывочными нелѣпыми идеями, непобѣдимой апатіей, разными причудами, эксцентрическими выходками, извращенными стремленіями, неуживчивымъ характеромъ и т. п. Психіатрическая экспертиза могла бы въ громадномъ большинствѣ такихъ случаевъ установить болѣзненную натуру этихъ состояній и вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ неизлѣчимость. Однако никому, кажется, еще не приходило въ голову допускать разводъ изъ-за означенныхъ особенностей психической организаціи, при которыхъ во всякомъ случаѣ не исключается духовное общеніе между

супругами, и гдѣ больной потерпѣлъ бы жестокое нравственное лишеніе вслѣдствіе расторгенія брака. Если же ограничиться тѣми формами душевнаго расстройства, которыя, какъ, напр., манія, галлюцинаторное помѣшательство, меланхолія, бредовые психозы и др., могутъ при благопріятныхъ условіяхъ дать, спустя нѣсколько мѣсяцевъ или годъ или немного болѣе, выздоровленіе, а при неблагополучномъ теченіи—какъ учить опытъ—на второмъ или тѣмъ болѣе на третьемъ году переходятъ въ хроническое, затяжное помѣшательство съ ослабленіемъ умственныхъ способностей, то сужденіе о нихъ не представляетъ затрудненія. А именно, здѣсь спустя нѣсколько лѣтъ послѣ начала душевнаго расстройства происходитъ перерожденіе психической личности, иногда съ прочно установившимся расстройствомъ, помраченіемъ сознанія, иногда съ полнымъ распадомъ интеллекта, иногда съ глубокимъ притупленіемъ умственныхъ способностей и непониманіемъ или извращеннымъ пониманіемъ его отношеній къ реальной жизни.

Итакъ заявленіе, что введенію закона о разводѣ вслѣдствіе помѣшательства мѣшаетъ невозможность достовѣрнаго признанія душевной болѣзни за неизлѣчимую,—неосновательно. Когда душевная болѣзнь, длившаяся нѣсколько лѣтъ, обнаруживаетъ переходъ во вторичное, послѣдовательное слабоуміе, то неизлѣчимость случая не подлежитъ никакому сомнѣнію. Въ этомъ смыслѣ высказались также и сторонники такого закона во Франціи (Буазень, Люисъ) а также въ Австріи и въ Германіи (Крафтъ-Эбингъ, Мендель и др.).

Независимо отъ затрудненій, съ которыми сопряжено опредѣленіе неизлѣчимости душевной болѣзни, цѣлый рядъ психіатровъ, преимущественно французскихъ, выставилъ противъ введенія разсматриваемаго закона возраженіе сентиментальнаго свойства. Подобное возраженіе, конечно, явится у каждаго, стремящагося охранять святость брачнаго союза. Дѣло въ томъ, что помимо душевныхъ болѣзней есть также нѣкоторыя другія страданія, преимущественно нервной системы, которыя не поддаются лѣченію, но могутъ тянуться годы, даже десятки лѣтъ, доводя заболѣвшаго до крайне без-

помощнаго состоянія и дѣлая его негоднымъ для супружеской жизни. Таковы многіе случаи спинной сухотки и сходныхъ съ нею заболѣваній спиннаго мозга, многія формы мышечныхъ атрофій, послѣдствія мозговаго удара въ видѣ паралича одной половины тѣла и др. Въ этихъ случаяхъ заболѣвшій супругъ требуетъ постояннаго ухода, и такъ какъ состояніе безпомощности можетъ длиться нескончаемый рядъ лѣтъ, то собственно и здѣсь имѣлись бы условія для требованія развода, если бы этому не противорѣчилъ самый смыслъ брака. Въ самомъ дѣлѣ, именно при несчастіи одного изъ супруговъ должна обнаружиться прочность брачныхъ узъ, налагающихъ на обѣ стороны священную обязанность взаимопомощи до конца жизни. А разъ это такъ, то почему же дѣлать исключеніе для величайшаго несчастія—неизлѣчимаго помѣшательства? Эта высоко-гуманная точка зрѣнія смѣшиваетъ несчастье, обусловленное тяжелой, неизлѣчимою болѣзью тѣла, съ потерей духовной личности, являющейся результатомъ душевной болѣзни. Въ первомъ случаѣ больной потерялъ бы все, если бы онъ при своей безпомощности лишился участія и общенія съ здоровымъ супругомъ; во второмъ, какъ уже было выяснено раньше, онъ въ нравственномъ отношеніи ничего не теряетъ отъ развода, если ему обезпечено при зрѣніе. Это существенное различіе, конечно, и лежитъ въ основѣ тѣхъ законодательствъ, которыя разрѣшаютъ разводъ вслѣдствіе помѣшательства, и справедливость требуетъ признать, что запрещеніе подобнаго развода во многихъ случаяхъ является негуманнымъ по отношенію къ здоровой сторонѣ.

При дебатахъ, возбужденныхъ разсматриваемымъ вопросомъ среди психіатровъ, былъ выдвигаемъ еще одинъ моментъ этического свойства. Нѣкоторые, въ томъ числѣ и авторитетный Крафтъ-Эбингъ, хотять допустить разводъ только въ такихъ случаяхъ, гдѣ помѣшательство развилось не по винѣ здоровой стороны. Этотъ взглядъ высказывался также французскими врачами при обсужденіи проекта Гильо въ 1882 году. Среди профановъ нерѣдко приходится слышать мнѣніе, что въ такомъ-то случаѣ мужъ свелъ съ ума свою жену безсмысленной ревностью или жестокимъ обращеніемъ, а въ

другомъ жена погубила мужа и довела до помѣшательства непомѣрными требованіями, безпорядочнымъ образомъ жизни и т. п. Между тѣмъ ученіе о причинахъ душевныхъ болѣзней показываетъ съ безспорной убѣдительною, что въ основѣ ихъ лежитъ всегда совокупность различныхъ условій, среди которыхъ на первомъ планѣ стоитъ наслѣдственность, и далеко не на первомъ—неблагоприятное вліяніе житейской обстановки. Едва-ли когда-нибудь строгая оцѣнка всѣхъ условій семейнаго быта могла бы подтвердить мнѣніе толпы о чьей-то винѣ въ случаѣ развитія помѣшательства у мужа или жены. Гораздо правильнѣе смотрѣть на причины душевныхъ болѣзней, какъ на явленія, совершенно изъятія изъ сферы личныхъ вліяній. Конечно наблюдаются случаи, гдѣ душевная болѣзнь развивается вслѣдъ за поврежденіемъ головы и гдѣ точное разслѣдованіе заставляетъ принять ушибъ за единственную причину помѣшательства. Но если бы подобный случай произошелъ въ супружествѣ по винѣ мужа или жены, то онъ скорѣе подалъ бы поводъ къ уголовному дѣлу, чѣмъ къ процессу о разводѣ. Довольно нерѣдко одинъ изъ супруговъ заражается отъ другаго сифилисомъ, чаще всего жена отъ мужа. Можетъ быть, въ такихъ случаяхъ помѣшательство, развившееся вслѣдъ за зараженіемъ, должно быть приписано винѣ того, кто внесъ заразу въ семью? По отношенію къ этому вопросу наука установила болѣе или менѣе тѣсную причинную связь между сифилисомъ и помѣшательствомъ лишь для одной формы душевной болѣзни, именно для такъ называемаго прогрессивнаго паралича, и эта болѣзнь рѣже всего будетъ подавать поводъ къ требованію развода, такъ какъ она приводитъ къ смерти въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ; къ тому же въ преобладающемъ числѣ случаевъ прогрессивнымъ параличемъ заболѣваютъ не жены, получившія сифилисъ отъ мужа, а мужья, заразившіеся имъ до или внѣ брака.

Затѣмъ высказывалось мнѣніе, что въ случаѣ развитія неизлѣчимаго помѣшательства вслѣдъ за послѣродовымъ психическимъ заболѣваніемъ разводъ не долженъ имѣть мѣста, потому что дѣторожденіе составляетъ существенную функцію

брачной жизни, и супруга, сдѣлавшаяся жертвой этой функціи, должна быть изъята отъ опасности расторженія брака. Однако и по отношенію къ послѣродовому помѣшательству сохраняетъ силу законъ, что въ основѣ душевнаго заболѣванія лежитъ всегда совокупность многихъ причинъ, и нерѣдко врожденное предрасположеніе играетъ здѣсь бѣольшую роль, чѣмъ актъ родовъ. Такимъ образомъ введеніе момента вины въ вопросъ о помѣшательствѣ супруга совершенно лишено научной почвы; оно подверглось основательной критикѣ со стороны профессора Менделя при разборѣ проекта обще-германскаго гражданскаго кодекса и не вошло въ соотвѣтственную статью послѣдняго. И дѣйствительно, было бы крайне опасно вводить въ законъ такой факторъ, который существуетъ только въ глазахъ профановъ и не выдерживаетъ научной критики.

Разсмотрѣвъ возраженія, которыя дѣлались и могутъ быть сдѣланы противъ допущенія развода изъ-за помѣшательства, надо признать, что есть категорія случаевъ, гдѣ они падаютъ. Это тѣ случаи, въ которыхъ заболѣвшій дошелъ до состоянія, равняющагося духовной смерти вслѣдствіе распада личности, гдѣ это состояніе обусловлено вторичнымъ слабоуміемъ и гдѣ о возстановленіи психическаго здоровья не можетъ быть никакой рѣчи. Законодательства, допускающія разводъ при такихъ условіяхъ, несомнѣнно представляютъ преимущество передъ тѣми, которыя такой статьи не содержатъ. Было бы, конечно, очень важно знать, насколько существуетъ потребность въ подобномъ измѣненіи законодательства у насъ. Нельзя думать, чтобы число супруговъ, которые пожелали бы воспользоваться такимъ закономъ, было очень велико. Но, принимая во вниманіе, что по статистическимъ даннымъ количество душевныхъ разстройствъ, возникающихъ въ десятилѣтіе между 30 и 40 годами жизни, больше, чѣмъ въ другіе періоды, и что въ эти годы вступленіе здороваго супруга въ новый бракъ, вслѣдствіе неудачи перваго, для значительной части представлялось бы заманчивымъ,—надо предположить, что введеніе такого закона оказалось бы благодѣніемъ далеко не въ видѣ исключенія. Въ тѣхъ странахъ, гдѣ

разводъ вслѣдствіе помѣшательства допускается, разборъ бракоразводныхъ дѣлъ могъ бы дать цифровой матеріалъ для сужденія о потребности общества въ этомъ отношеніи. Въ психіатрической литературѣ имѣются лишь отрывочныя указанія на этотъ предметъ. Напр., было сосчитано, что въ Берлинѣ въ 1882 году изъ 905 бракоразводныхъ дѣлъ 5 были возбуждены вслѣдствіе помѣшательства одного супруга, а въ слѣдующемъ году такихъ дѣлъ было 6 на 996. Въ Баденѣ въ 1885 г. было разрѣшено всего 217 разводовъ, изъ нихъ 3, 6% изъ-за помѣшательства.

Разсматривая выше условія, при которыхъ помѣшательство можетъ быть признано неизлѣчимымъ и подходящимъ для разрѣшенія развода, мы видѣли, что для этой цѣли требуется весьма обстоятельное взвѣшиваніе свойствъ и формы болѣзни, и что далеко не всякое, даже неизлѣчимое душевное разстройство можетъ подать поводъ къ расторженію брака. Необходимо, конечно, чтобы въ законѣ были выражены эти условія, а также чтобы ихъ опредѣленіе въ каждомъ конкретномъ случаѣ было обставлено достаточными гарантіями. вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо обезпечить въ законномъ порядкѣ призрѣніе разведеннаго душевно-больнаго супруга.

По отношенію къ опредѣленію наличности сумасшествія наше законодательство содержитъ въ X томѣ статьи, предоставляющія это дѣло губернскому правленію; кромѣ того въ извѣстныхъ случаяхъ этотъ вопросъ рѣшается съ помощью экспертизы окружнымъ судомъ. Всякому, кто знакомъ съ обстановкой освидѣтельствованія душевно-больныхъ, установленной для губернскаго правленія съ цѣлью наложенія опеки, будетъ ясно, что она совершенно непригодна для рѣшенія столь сложнаго вопроса, какимъ представляется опредѣленіе формы и свойствъ душевной болѣзни въ бракоразводномъ дѣлѣ. То же самое надо сказать объ освидѣтельствованіи въ распорядительномъ засѣданіи окружнаго суда. Гораздо болѣе совершенно обставлена экспертиза психическаго разстройства для рѣшенія вопроса о вмѣняемости въ уголовномъ судопроизводствѣ; но эта форма экспертизы непримѣнима къ бракоразводнымъ дѣламъ, которыя, согласно нашему

законодательству, рѣшаются духовнымъ судомъ. У насъ имѣется еще высшая инстанція для экспертизы, которая примѣняется и къ рѣшенію вопроса о помѣшательствѣ въ бракоразводныхъ дѣлахъ,—это Медицинскій совѣтъ при Министерствѣ Внутреннихъ дѣлъ. Однако послѣдній судить лишь на основаніи актовъ объ освидѣтельствованіи, доставляемыхъ низшими инстанціями, и для правильного хода дѣла желательно, чтобы именно основное учрежденіе, которое производитъ фактическое освидѣтельство, было организовано цѣлесообразно. Въ виду всего этого простое введеніе новаго пункта въ перечень условій расторженія брака, безъ соотвѣтственной реформы тѣхъ законоположеній, которыми устанавливается освидѣтельство душевно-больныхъ, едва-ли окажется рациональнымъ. Въ нашу задачу здѣсь не входитъ предложеніе проектовъ реформы, путемъ которой могла бы быть обеспечена правильность рѣшенія исковъ о разводѣ вслѣдствіе неизлѣчимаго помѣшательства; но, по нашему мнѣнію, ходатайство объ облегченіи развода въ указанномъ направленіи неотдѣлимо отъ преобразованія способовъ опредѣленія душевнаго разстройства, примѣняемыхъ въ настоящее время.

При сопоставленіи различныхъ иностранныхъ законодательствъ по отношенію къ условіямъ развода мы видѣли, что далеко не во всѣхъ государствахъ допускается разводъ изъ-за помѣшательства. Но за-то почти всѣ кодексы, которые допускаютъ послѣдній, вмѣстѣ съ тѣмъ указываютъ, какъ поведъ къ разводу, привычное пьянство, и нѣкоторые кодексы, исключаютъ помѣшательство, все-таки содержатъ статью о пьянствѣ, какъ о причинѣ развода. Само собою разумѣется, что мотивы для этой категоріи причинъ развода совсѣмъ иные, чѣмъ для неизлѣчимаго сумасшествія. При послѣднемъ главный мотивъ сводится къ духовной смерти душевно-больнаго; при привычномъ пьянствѣ рѣчь идетъ скорѣе о невозможности сожителства между супругами вслѣдствіе нравственнаго паденія одного изъ нихъ, а также опасности, возникающей отъ этого порока для семьи и подрыва ея экономическаго благосостоянія. Въ настоящее время у насъ правительство и общество вступили въ энергичную борьбу съ этимъ порокомъ,

послѣдствія котораго въ смыслѣ причиняемаго имъ нравственнаго и матеріальнаго ущерба, а также вреднаго вліянія на свойства потомства, во всякомъ случаѣ не меньше, чѣмъ несчастіе, причиняемое душевной болѣзнью супруга. Поэтому, можетъ быть, было бы своевременно при пересмотрѣ нашего законодательства о разводѣ имѣть въ виду также и это условіе.

---

СПБГ

ПОСТАНОВКА ВЪ ПРОЦЕССѢ  
ЛИЦЪ, ПОТЕРПѢВШИХЪ ОТЪ ПРЕСТУПЛЕНІЙ,  
И ОЦѢНКА ИХЪ ПОКАЗАНІЙ.

---

Э. П.

I.

Въ нашей дѣятельности юристовъ-практиковъ бываютъ моменты, когда съ особенною силою пробуждается вниманіе къ явленіямъ, которыя въ обыкновенное время въ силу привычки мало возбуждаютъ интереса. Такимъ толчкомъ явилась для меня судебная ошибка, состоявшая въ осужденіи при моемъ участіи лицъ невиновныхъ, т. е. такое исключительное явленіе, которое невольно приковываетъ къ себѣ вниманіе всякаго, кто такъ или иначе принималъ участіе въ судебномъ разбирательствѣ.—Изъ дальнѣйшаго изложенія будетъ видно, какъ зародилась ошибка, какимъ путемъ удалось ее обнаружить и какъ она была исправлена. На меня весь процессъ, окончившійся судебною ошибкою, подѣйствовалъ такъ, что я съизнова сталъ анализировать разныя частности нашего уголовного судопроизводства. Помимо того, что пришлось устанавливать истинное происхожденіе судебной ошибки, пришлось затронуть многіе теоретическіе вопросы, тѣсно связанные съ даннымъ процессомъ. Какъ увидимъ ниже, ошибка исходила отъ лицъ потерпѣвшихъ, отъ той лжи, которую они внесли въ дѣло и отъ которой до кон-

ца не могли отрѣшиться; отсюда, разумѣется, явился вопросъ о постановкѣ лицъ потерпѣвшихъ въ уголовномъ процессѣ. Пришлось при этомъ переходить отъ одного частнаго случая къ другимъ подобнымъ же случаямъ и постепенно сами собою выдвинулись тѣ вопросы, которые составляютъ предметъ настоящей статьи, а именно: какова должна быть роль потерпѣвшихъ въ уголовномъ процессѣ, слѣдуетъ ли относиться съ довѣріемъ къ показаніямъ лицъ, прямо въ дѣлѣ заинтересованныхъ, къ доказательствамъ, ими вносимымъ въ дѣло; наконецъ, какъ избѣгнуть той опасности, которую представляютъ для интересовъ правосудія свидѣтельскія показанія той категоріи лицъ, которая по самому своему положенію въ процессѣ особенно склонна быть пристрастными и еще болѣе склонна къ невольнымъ ошибкамъ?

Прежде, чѣмъ разсмотрѣть, какъ эти вопросы разрѣшаются нашимъ дѣйствующимъ правомъ, расскажу сущность дѣла, заставившаго меня особенно скептически относиться къ показаніямъ потерпѣвшихъ.

Дѣло это два раза доходило до судебного разбирательства—первый разъ 8 апрѣля 1893 года, а второй 9 октября 1896 года. Вторымъ приговоромъ осуждены лица, виновность которыхъ исключала виновность лицъ, ранѣе осужденныхъ, и потребовалось, въ виду признанія, что они осуждены невинно, возвратитъ ихъ изъ мѣста ссылки.

Обстоятельства, обнаруженные при двукратномъ судебномъ разбирательствѣ, заключаются въ слѣдующемъ:

Въ одномъ изъ уѣздовъ К. губерніи 9 декабря 1892 года на домъ жившаго на окраинѣ села Б. богатаго еврея Д. произведено было нападеніе: около 10 часовъ, когда самъ Д., его жена и малолѣтнія дѣти спали, къ нимъ въ домъ посредствомъ пролома соломенной крыши забрались два злоумышленника. Первымъ проснулся Д. отъ сильнаго удара въ голову какимъ-то предметомъ и когда онъ поднялся съ постели, то увидѣлъ фигуру человѣка съ приподнятымъ надъ его головой желѣзкомъ. Желая разбудить жену, онъ закричалъ ей: „Эстеръ, мы пропали!“ Чтобы избавиться отъ злоумышленника, Д. предложилъ ему деньги, лишь-бы тотъ оставилъ его въ живыхъ;

это однако не помогло и грабитель, держа его за голову, продолжалъ наносить *удары*, пока Д. не удалось схватить за конецъ желѣзнаго орудія; тогда напавшій оттащилъ его къ печкѣ и здѣсь, приперевъ его головою къ стѣнѣ, сталь давить за шею. Д. во время этой отчаянной борьбы слышалось, что возившійся съ нимъ злоумышленникъ сказалъ: „Антонъ! я его не удержу, иди, поможешь!“ Въ отвѣтъ на это другой, напавшій на Эстеръ, откликнулся „бей его!“. Какъ только Д. успѣлъ вырваться изъ рукъ нападавшаго, онъ выбѣжалъ черезъ открытую дверь къ ближайшему сосѣду Кострицѣ. Послѣ того злоумышленники, ничего не похитивъ, убѣжали, а сосѣди, собравшіеся на крикъ Д., застали его стоявшимъ на улицѣ съ Кострицею. Д. имъ сперва разсказалъ, что два какихъ-то разбойника напали на него и на жену во время сна, но при этомъ не говорилъ, чтобы онъ кого-либо подозрѣвалъ или узналъ въ лицо. Направившись въ хату евреевъ и засвѣтивъ огонь, сосѣди застали Эстеръ Д. окровавленной и въ хатѣ нашли оставленный злоумышленниками тяжеловѣсный болтъ въ аршинъ длины, шарфъ, картузь, совершенно изорванный, и довольно поношенную шапку поддѣльнаго барашка, такъ называемую „плетенку“. Прибывшимъ 11 декабря на мѣсто этого преступленія судебнымъ слѣдователемъ произведенъ былъ осмотръ мѣстности, а затѣмъ 14 декабря въ присутствіи сельскаго врача произведено было освидѣтельствованіе потерпѣвшихъ и у обоихъ супруговъ Д. найдены по одной ранѣ на головѣ и многочисленныя ссадины на рукахъ и на спинѣ. Эстеръ показала, что напавшій на нее злоумышленникъ душилъ ее, наносилъ ей удары по спинѣ и по головѣ. Кто были злоумышленники, она не знаетъ, но, выбѣгая изъ хаты, она успѣла замѣтить, что одинъ изъ нихъ былъ одѣтъ во что-то короткое. Мужъ Эстеръ, Сруль Д. говорилъ, что онъ хватаясь за одежду злоумышленника, замѣтилъ (вѣрнѣе было-бы сказать „нащупалъ“) изорванную и заплатанную въ нѣсколькихъ мѣстахъ свиту. Д. тогда же высказалъ подозрѣніе представу и судебному слѣдователю на двухъ своихъ односельчанъ, Евдокима Ч. и Антона Х., объясняя, что за недѣлю

до нападенія, онъ въ хатѣ своей матери (лавочницы и шинкарки) видѣлся съ первымъ изъ нихъ и когда спросилъ: „Скажи, Евдокимъ, какъ это вы съ Антономъ обообрали женщину“, то Евдокимъ, исполнивъ его просьбу, въ присутствіи бывшаго въ шинкѣ посторонняго свидѣтеля, добавилъ:— „Погоди, Сруль, я и до твоихъ грошей доберусь!“ — Угроза эта первоначально была имъ принята за шутку, но, припоминая слышанную имъ фразу „Антонъ! я его не удержу!“, а также зная, что вмѣстѣ съ Евдокимомъ (по профессіи ямщикомъ) живетъ въ одной хатѣ его товарищъ Антонъ Х., Д. и обвинялъ ихъ обоихъ. Высказанное имъ подозрѣніе подтвердилось осмотромъ слѣдовъ и примѣркой къ нимъ сапогъ Евдокима Ч. и Антона Х. Отпечатки слѣдовъ, правда, не были совершенно ясны, но зато одна пара слѣдовъ рѣзко отличалась отъ другой; форма сапогъ заподозрѣнныхъ совпала съ двумя парами слѣдовъ (у одного были сапоги на косую, а у другаго на прямую колодку). Нужно замѣтить, что ни Евдокимъ, ни Антонъ хорошей репутаціей не пользовались, а извѣстны были за буйновъ и оба судились однажды въ волостномъ судѣ за буйство. Объясненія ихъ сводились къ тому, что въ ночь нападенія они оба ночевали дома, никуда изъ дома не отлучаясь. Свидѣтели, на которыхъ указали обвиняемые, могли только подтвердить, что видѣли ихъ дома до 8 часовъ вечера, а того, чтобы они ночевали дома, свидѣтели не знали. Оба обвиняемыхъ преданы были суду за покушеніе на убійство съ заранѣе обдуманымъ намѣреніемъ и съ цѣлью грабежа и вердиктомъ присяжныхъ засѣдателей 8 апрѣля 1893 года были признаны виновными.

Улики, послужившія къ преданію ихъ суду, на слѣдствіи выдвинулись довольно рельефно. Напр., еврей потерпѣвшій удостовѣрялъ категорически слышанную имъ фразу злоумышленника и удостовѣрялъ въ то же время, что онъ хорошо узналъ по голосу своего односельчанина Евдокима Ч. Сходство слѣдовъ обвиняемыхъ съ ихъ обувью выяснилось и изъ акта осмотра и изъ показанія становаго пристава, при чемъ послѣдній очень хорошо аттестовалъ потерпѣвшаго

и далъ дурной отзывъ о поведеніи обоихъ подсудимыхъ. Одно, что являлось крайне сомнительнымъ, что составляло ахиллесову пятую обвиненія,—это то обстоятельство, что никѣмъ не была установлена принадлежность кому-либо изъ обвиняемыхъ болта, картуза и шапки, а равно и шарфа, но въ отношеніи послѣдняго по указанію потерпѣвшаго вызванъ былъ свидѣтель еврей и тотъ, вопреки настоятельнымъ заявленіямъ обвиняемаго Ч., что у него шарфа за послѣдніе два года вовсе не было, удостовѣрилъ, что шарфъ, подобный тому, который оставленъ злоумышленниками, онъ видѣлъ у Ч., когда встрѣтилъ его ѣхавшимъ на саняхъ другаго крестьянина. Были также допрошены два другихъ свидѣтеля, утверждавшіе, что въ тотъ день, когда вечеромъ произведено нападеніе, они видѣли Евдокима Ч. въ шинкѣ и на немъ былъ навязанъ какой-то старый шарфъ темнаго цвѣта поверхъ башлыка. Характерна еще одна подробность, на которую не было своевременно обращено вниманія: жена потерпѣвшаго, желая подкрѣпить показаніе своего мужа, удостовѣрила на судебномъ слѣдствіи, что и она слышала слова одного изъ злоумышленниковъ, обращенныя къ его товарищу, котораго онъ называлъ Антономъ.

Не прошло и недѣли послѣ суда надъ Ч. и Х., признанными виновными и осужденными въ ссылку на поселеніе въ мѣста болѣе отдаленныя, какъ братъ одного изъ нихъ письменно заявилъ, что они осуждены невинно, а что истинные виновники хорошо извѣстны крестьянину ближайшаго села, Силѣ В., который и сообщилъ ему, что нападеніе на евреевъ произведено крестьяниномъ Моисеемъ Т. и мѣщаниномъ Кузьмою Ев. Не ограничиваясь заявленіемъ о томъ полиціи, братъ Антона Х. направился въ уѣздный городъ съ тѣмъ, чтобы о томъ лично заявить судебному слѣдователю. Когда же онъ проходилъ черезъ лѣсное урочище Броды, гдѣ производилась рубка лѣса, то узналъ, что тамъ на работѣ находился одинъ изъ заподозрѣнныхъ, Моисей, а прибывъ въ городъ, онъ отъ евреевъ узналъ, что Моисей уже повѣсился. Фактъ самоубійства Моисея Т. былъ для всѣхъ неожиданностью и страшно поразилъ ближайшихъ его зна-

комыхъ: ничего ненормальнаго товарищи въ немъ не замѣчали, склонности къ самоубійству онъ никогда не проявлялъ и былъ человѣкъ веселаго нрава. Значительно позже удалось установить тѣсную связь между этимъ самоповѣшеніемъ и сообщеніемъ, полученнымъ Моисеемъ отъ одного изъ односельцевъ о томъ, что и его, Моисея, и Кузьму стали обвинять въ побитіи евреевъ и что прямое на нихъ указаніе сдѣлано Силою В. Впослѣдствіи крестьянинъ, передавшій Моисею это роковое извѣстіе, и самъ подтвердилъ, что онъ разговаривалъ въ указанное время съ Моисеемъ и тотъ, узнавъ эту вѣсть, отозвался такъ: „чортъ подери, пускай доказываетъ“.

Слѣдуетъ замѣтить, что тотчасъ послѣ заявленія брата осужденнаго Х. началось новое слѣдствіе и приняты были мѣры къ возможно подробному раскрытію новыхъ обстоятельствъ, но слѣдствіе затянулось; съ одной стороны, оно замедлилось трудностью собранія доказательствъ въ отношеніи лица, покончившаго добровольно свое земное существованіе, съ другой стороны, приходилось допрашивать массу лицъ, постоянно уходящихъ въ разныя мѣста Россіи на грабарныя работы. Слѣдствіе выяснило, что Сила В. тоже принадлежалъ къ одной партіи грабарей (землекоповъ) вмѣстѣ съ покойнымъ Моисеемъ Т. и съ Кузьмою Ев., что эти два рабочихъ остались одни въ Бессарабіи, такъ какъ не имѣли денегъ для своевременнаго возвращенія на родину. Возвращеніе ихъ послѣдовало въ ту самую злополучную ночь, которая соотвѣтствовала нападенію на домъ евреевъ Д. Они постучались къ Силѣ В. и попросились къ нему на ночлегъ. Домъ Силы В. расположенъ надъ большою дорогою, и когда ихъ впустили, то они рассказали Силѣ, что только-что возвращаются изъ Бессарабіи и хотятъ идти къ прежнему своему хозяину за расчетомъ. Сила ихъ убѣдилъ къ хозяину не ходить, такъ какъ тотъ обѣщалъ дать расчетъ въ апрѣлѣ. Во время ужина одинъ изъ нихъ пугливо посматривалъ на окна, спрашивалъ, не можетъ ли кто-нибудь посторонній зайти. Къ нимъ еще ночью присоединился приглашенный Силою В. сосѣдь его Мина Р., а утромъ ихъ видѣлъ, случайно заѣхавшій къ Силѣ, с сосѣдь. Утромъ, когда эти ночные посѣтители собрались ухо-

дять, обнаружилось, что у нихъ вовсе нѣтъ шапокъ, и они объяснили, что шапки ихъ настолько износились, что имъ стыдно стало возвращаться въ нихъ и они ихъ дорогою бросили. Всѣ свидѣтели, работавшіе вмѣстѣ съ Моисеемъ и Кузьмою, единогласно говорили, что первый изъ нихъ носилъ старое короткое пальто, распоровшееся на бокахъ, что оба они носили барашковые шапки, что у перваго кромѣ того былъ шарфъ съ разноцвѣтными цвѣточками. Что шапка, оставшаяся на мѣстѣ нападенія, дѣйствительно принадлежала Моисею, вполне выяснилъ слѣдующій опытъ: Силъ В. было предложено узнать эту шапку изъ числа 6, положенныхъ на столѣ, старыхъ шапокъ поддѣльнаго барашка и онъ безошибочно указалъ на шапку, составляющую вещественное доказательство, и утверждалъ, что такая именно шапка была у Моисея. Изъ совокупности показаній В., Мины Р. и бывшаго прикащика по грабарнымъ работамъ К. ясно вытекало, что и оставленный въ домѣ потерпѣвшаго шарфъ дѣйствительно принадлежалъ тому же Моисею. Къ этимъ даннымъ на судебномъ слѣдствіи присоединилось категорическое показаніе свидѣтеля Игнатія Ш., жившаго въ одномъ балаганѣ съ покойнымъ Моисеемъ и державшаго свои вещи вмѣстѣ съ вещами покойнаго въ одномъ сундукѣ; онъ вполне подтвердилъ, что узнаетъ и шапку и шарфъ Моисея и указалъ ихъ особенности. Отъ лицъ, жившихъ вмѣстѣ съ Моисеемъ и Кузьмою, были добыты еще такія указанія, что когда они на работѣ въ Бессарабіи пьянствовали вмѣстѣ съ прикащикомъ Яковомъ К. и когда послѣдній, разсердившись, говорилъ имъ, что онъ не дастъ имъ денегъ при расчетѣ, то Моисей, обращаясь къ пріятелю своему Кузьмѣ, воскликнулъ: „Знаешь, Кузьма, у насъ въ селѣ есть такіе жидки, у которыхъ можно украсть деньги, какъ только домой вернемся!“ Жена покойнаго Моисея, Александра, объяснила, что въ отсутствіе мужа, находившагося на заработкахъ, въ 1892 году, еврей Д. арестовали, при участіи сельскихъ властей, часть ея одежды и подушекъ и она, съ цѣлью освободить эти вещи, должна была заложить Д. 12 аршинъ сукна; объ этомъ принудительномъ взысканіи Д. написалъ покойному

письмо въ Бессарабію, а когда Моисей вернулся съ заработковъ, то передавалъ женѣ, что онъ вовсе ничего не былъ долженъ евреямъ.

На слѣдствіи пріобрѣли не малое значеніе въ связи съ другими уликами возстановленные свидѣтелями разговоры покойнаго Моисея. Моисей неоднократно возвращался въ разговорахъ къ тому вопросу, какая участь должна постигнуть находившихся въ то время подъ предварительнымъ арестомъ Евдокима Ч. и Антона Х. Одного свидѣтеля онъ спрашивалъ, не знаетъ ли онъ, будутъ ли они осуждены или нѣтъ, и объявилъ ему, что они вовсе не виноваты, а что тѣ, которые въ дѣйствительности напали на евреевъ, думали не убивать ихъ, а только поугаать. Другому свидѣтелю во время пути въ волость Моисей передавалъ свое предположеніе, что судъ Евдокима и Антона долженъ оправдать, а если даже и осудить, то они посидятъ въ тюрьмѣ не болѣе года. „Ихъ не лѣзло побить“, говорилъ онъ, „а вѣрно кто-то напалъ съ цѣлью пострадать евреевъ“. Этотъ послѣдній разговоръ, какъ выяснилось на слѣдствіи, происходилъ 8 апрѣля 1893 года, въ тотъ самый день, когда осудили Ч. и Х. Свидѣтель уже послѣ извѣстія о самоповѣшеніи Моисея припомнилъ ту настойчивость, съ которою Моисей все заводилъ рѣчь объ одномъ и томъ же предметѣ.

Привлеченный въ качествѣ обвиняемаго соучастникъ Моисея, Кузьма Ев. далъ на слѣдствіи весьма сбивчивыя объясненія и совершенно отрицалъ, что онъ въ указанную ночь приходилъ вмѣстѣ съ покойнымъ Моисеемъ въ хату Силы В.; при этомъ онъ, однако, показалъ, что такая шапка, какъ найденная на мѣстѣ преступленія, кажется, дѣйствительно была у покойнаго Моисея.

Послѣ преданія въ установленномъ порядкѣ суду Кузьмы Ев., дѣло о немъ слушалось судомъ присяжныхъ 9 октября 1896 года, и присяжные засѣдатели, выслушавъ цѣлый рядъ свидѣтелей, не только тѣхъ, которые могли дать матеріаль къ обвиненію Кузьмы Ев., но и тѣхъ, на которыхъ основано было обвиненіе противъ ранѣ судившихся и осужденныхъ въ 1893 г. Ч. и Х., вынесли такой вердиктъ: да. виновенъ,

но нападеніе произведено не съ цѣлью убійства. Судъ на основаніи такого ограничительнаго отвѣта присяжныхъ приговорилъ Кузьму Ев. къ наказанію за сопровождавшееся насиліемъ покушеніе на грабежъ, учиненное при участіи другаго нынѣ умершаго лица.

Такъ какъ этотъ и ранѣе состоявшійся приговоры относились къ одному и тому же событію, въ которомъ по даннымъ дѣла участвовали только два лица, и такъ какъ Ев. осужденъ былъ, какъ соучастникъ умершаго насильственной смерью Моисея Т., то это второе осужденіе исключало виновность Ч. и Х. Поэтому сдѣлано было представленіе въ Правительствующій Сенатъ, который, на основаніи 935 ст. уст. угол. суд., отмѣнилъ ранѣе состоявшееся рѣшеніе присяжныхъ засѣдателей и приговоръ суда о Ч. и Х. Таковъ былъ окончательный исходъ дѣла и, хотя и поздно, но судебная ошибка была исправлена.

Замѣчательно, что первоначальный виновникъ этого неправильнаго осужденія Сруль Д., а равно и жена его Эстеръ и черезъ три года продолжали упорствовать въ томъ, что они дѣйствительно слышали тѣ злополучныя слова, на которыхъ основывали свое подозрѣніе противъ Ч. и Х. Во время засѣданія суда въ октябрѣ 1896 года они такъ же, какъ и при первомъ судебномъ разбирательствѣ въ 1893 году, настойчиво поддерживали обвиненіе противъ Ч. и Х. и явно не желали даже допустить, чтобы они могли впасть въ невольную ошибку. Или же они сами себя съ теченіемъ времени успѣли убѣдить въ дѣйствительности словъ, послышавшихся въ моментъ сильнаго нервнаго потрясенія Срулю Д., или же, что болѣе вѣроятно, они чувствовали свою неправоту и боялись въ томъ признаться. Второй составъ присяжныхъ повѣрилъ не имъ, а собраннымъ противъ Ев. и Моисея Т. косвеннымъ уликамъ.

## II.

Прежде, чѣмъ перейти къ главному вопросу, какъ слѣдуетъ смотрѣть на показанія лицъ, потерпѣвшихъ отъ преступленія, и каково ихъ положеніе въ уголовномъ процессѣ,

необходимо коснуться отличія, которое въ этомъ отношеніи представляютъ мировыя судебныя установленія. Ихъ главное отличіе отъ общихъ судовъ заключается въ уполномоченіи лица потерпѣвшаго обличать передъ мировыми судьями обвиняемыхъ не только по дѣламъ уголовно-частнымъ, но и по дѣламъ публичнаго преслѣдованія. По дѣламъ этой категоріи право обличенія виновныхъ принадлежитъ потерпѣвшимъ и только наряду съ ними предоставляется и полицейскимъ и другимъ административнымъ властямъ (ст. 36 уст. угол. суд.). Этимъ послѣднимъ присвоивается право вспомогательное, какъ это ясно выводится изъ смысла ст. 48 уст. угол. суд., по силѣ которой потерпѣвшія отъ преступленія лица „могутъ обращаться въ мѣстную полицію“, обязанную въ этихъ случаяхъ „произвести розысканіе и представить о его послѣдствіяхъ мировому судѣ“. Начало обвинительное такимъ образомъ довольно строго и послѣдовательно проводится во всемъ томъ отдѣлѣ устава уголовного судопроизводства, который трактуеть о разбирательствѣ уголовныхъ дѣлъ у мировыхъ судей (глава 3-ья книги 1-ой), и прямымъ послѣдствіемъ этого начала управомоченія лицъ потерпѣвшихъ къ преслѣдованію виновныхъ является замѣчаемое въ законахъ для мировыхъ судей отличіе отъ соотвѣтствующихъ законовъ для общихъ судебныхъ мѣстъ.

Статья 92 въ отличіе отъ ст. 700 вовсе не упоминаетъ о допросѣ лица потерпѣвшаго, а предписываетъ мировому судѣ выслушивать сначала свидѣтелей обвинителя, а затѣмъ обвиняемаго и тѣхъ свидѣтелей, на которыхъ онъ указываетъ. Статья 96, опредѣляющая категорію лицъ, не допускаемыхъ къ свидѣтельству подѣ присягою по отводу сторонъ, во 2 пунктѣ, въ отличіе отъ текста 2 пункта статьи 707, также не упоминаетъ о лицахъ потерпѣвшихъ; въ этомъ умолчаніи закона, которое нельзя считать случайнымъ, несомнѣнно вполне наглядно обнаружилось стремленіе до конца развить принципъ процесса обвинительнаго и состязательнаго, не допускающаго возможности, чтобы когда-либо обвинитель выступалъ въ несвойственной ему роли свидѣтеля. Практика кассационнаго Сената восполнила кажущуюся непол-

ноту закона и расширила права мировыхъ судей въ томъ смыслѣ, что предоставила имъ возможность допроса въ качествѣ свидѣтелей потерпѣвшихъ лицъ, одновременно являющихся и обвинителями. Въ одномъ изъ позднѣйшихъ и весьма подробно мотивированныхъ рѣшеній (по дѣлу Бобровскаго № 22—1891 г.) Правительствующій Сенатъ останавливается на томъ главномъ соображеніи, что „лицо потерпѣвшее пред-  
„ ставляется обыкновенно и ближайшимъ, а нерѣдко и един-  
„ ственнымъ очевидцемъ происшествія, или по меньшей мѣрѣ  
„ лицомъ, непосредственно располагающимъ такими по дѣлу  
„ свѣдѣніями, которыя имѣютъ существенное значеніе не  
„ только для установленія самаго событія преступленія, но и  
„ для обличенія виновнаго, и посему правосудіе является прямо  
„ заинтересованнымъ въ томъ, чтобы для обнаруженія истины  
„ воспользоваться тѣми по дѣлу свѣдѣніями, которыми распо-  
„ лагаетъ потерпѣвшее по дѣлу лицо и которыя нерѣдко не  
„ могутъ быть установлены никакими другими способами судеб-  
„ наго изслѣдованія, какъ лишь путемъ допроса лица потер-  
„ пѣвшаго“.

Отсюда выводится необходимость допроса лицъ потерпѣвшихъ въ качествѣ свидѣтелей, хотя-бы они и выступали обвинителями по тому же дѣлу, съ соблюденіемъ правилъ объ отводѣ, установленныхъ для общихъ судебныхъ мѣстъ въ 707 статьѣ уст. угол. суд.

Такимъ образомъ сенатскій взглядъ, не вытекающій прямо изъ закона, является отступленіемъ отъ начала обвинительнаго, но представляетъ то громадное преимущество, что со времени приведеннаго разъясненія исчезло на практикѣ существенное различіе въ порядкѣ допроса лицъ потерпѣвшихъ въ зависимости отъ подсудности уголовныхъ дѣлъ мировымъ или общимъ судамъ.

Обратимся къ судамъ общимъ и рассмотримъ сперва ту категорію дѣлъ, которая извѣстна подъ названіемъ дѣлъ уголовно-частныхъ, т. е. дѣлъ, преслѣдуемыхъ въ порядкѣ частнаго обвиненія. Наряду съ государственными обвинителями-прокурорами законъ знаетъ институтъ частныхъ обвинителей, но исключительно для дѣлъ, возникающихъ и преслѣдуемыхъ

по жалобамъ лицъ потерпѣвшихъ. Въ этого рода дѣлахъ потерпѣшіе всегда являются частными обвинителями (обличеніе обвиняемыхъ предоставляется, какъ гласить статья 5, исключительно частнымъ обвинителямъ). Въ видѣ исключенія законъ выдѣляетъ изъ категоріи дѣлъ частнаго обвиненія дѣла, хотя и возбуждаемыя жалобами лицъ потерпѣвшихъ, но не подлежащія прекращенію за примиреніемъ сторонъ, а преслѣдуемыя прокурорскою властью, какъ-скоро они возбуждены частными лицами. Составители Судебныхъ Уставовъ въ разъясненіяхъ, помѣщенныхъ подъ ст. 5 (изд. Суд. Уст. Гос. Канц. ч. 2 стр. 27), весьма подробно мотивируютъ необходимость особаго порядка для дѣлъ частнаго обвиненія. По мнѣнію составителей, хотя со времени отдѣленія власти обвинительной отъ судебной обнаруженіе преступленій и преслѣдованіе виновныхъ предоставлено прокурорамъ, однако возбужденіе уголовныхъ дѣлъ не должно зависѣть исключительно отъ одного прокурора; такое исключительное полномочіе не только стѣснило бы лицъ, которымъ законъ въ извѣстныхъ случаяхъ даетъ право преслѣдовать виновныхъ, но даже при нашихъ огромныхъ разстояніяхъ и недостаточныхъ еще средствахъ сообщенія повело бы во многихъ случаяхъ къ безнаказанности, потому что во время переписки о начатіи преслѣдованія могли бы изгладиться или быть сокрыты слѣды и доказательства преступленія. Далѣе идетъ разграниченіе уголовныхъ дѣлъ на частныя (о проступкахъ и преступленіяхъ, нарушающихъ „главнѣйшимъ образомъ права только извѣстнаго частнаго лица“) и на дѣла, затрагивающія общественную безопасность, гдѣ истцомъ выступаетъ власть обвинительная, преслѣдующая преступленія „во имя закона“. Обвинители во имя закона—прокуроры „не могутъ и не должны возбуждать производства уголовныхъ исковъ, касающихся главнымъ образомъ интересовъ одного частнаго лица и имѣющихъ въ этомъ лицѣ самаго надежнаго цѣнителя своего дѣла, облеченнаго по закону полною властью какъ преслѣдованія преступленія, такъ и прекращенія уголовного иска посредствомъ примиренія“.

Принципъ, такъ ясно выраженный составителями Судеб-  
Жур. Мин. Юст. Мартъ 1899.

ныхъ Уставовъ въ приведенныхъ мотивахъ, осуществляется въ особомъ порядкѣ, созданномъ ими для дѣлъ частнаго обвиненія; порядокъ этотъ изложенъ въ статьяхъ 511, 543, 546, 540, 781 и др. Несомнѣнно, въ дѣлахъ, подчиняющихся этому порядку преслѣдованія, частное лицо, потерпѣвшее отъ преступленія, пользуется тѣми же правами и несетъ тѣ же обязанности, какъ и прокуроръ въ дѣлахъ публичнаго обвиненія. Отсюда ясно, что съ момента обнародованія новыхъ Судебныхъ Уставовъ наше законодательство отказалось отъ монополіи въ дѣлѣ уголовного преслѣдованія, той монополіи, которую и на западѣ, и у насъ признають несостоятельной. Проф. Фойницкій въ своемъ руководствѣ по уголовному процессу подчеркиваетъ то положеніе, что независимость должностнаго обвиненія отъ суда сталкивается съ правомъ каждаго лица на свободный доступъ по поводу учиненнаго противъ него преступленія къ суду, и говоритъ, что если это право не ограждено въ достаточной степени, то получается монополія доступа къ суду уголовному—монополія, едва-ли не худшая изъ когда-либо существовавшихъ.

Остается намъ разсмотрѣть роль лицъ потерпѣвшихъ въ дѣлахъ, подсудныхъ общимъ судебнымъ мѣстамъ и преслѣдуемыхъ въ порядкѣ публичномъ. Здѣсь положеніе потерпѣвшихъ, разумѣется, находится въ значительной зависимости отъ стадіи процесса. Постановленія, касающіяся лицъ потерпѣвшихъ во время производства предварительнаго слѣдствія, мало разъясняютъ нашу задачу и потому мы остановимся лишь на коренныхъ правилахъ, нормирующихъ права и обязанности потерпѣвшихъ въ этой стадіи процесса.

Статья 301 гласитъ, что объявленія лицъ потерпѣвшихъ отъ преступленія или проступка признаются жалобами.

Статья 303 устанавливаетъ то коренное правило, что жалобы считаются достаточнымъ поводомъ къ началю слѣдствія. Ни судебный слѣдователь, ни прокуроръ не могутъ отказать въ томъ лицу, потерпѣвшему отъ преступленія или проступка.

Слѣдующія 304 и 305 статьи подробно перечисляютъ права лицъ, принесшихъ жалобу, но, какъ видно изъ текста

этихъ статей, законъ, отступая отъ принятой имъ терминологіи, говоритъ здѣсь не о лицахъ потерпѣвшихъ, а „о лицахъ, принесшихъ жалобу“. Такое выраженіе дало мѣсто разнообразнымъ и другъ друга исключаящимъ толкованіямъ. Проф. Чебышевъ-Дмитріевъ, а вмѣстѣ съ нимъ и П. В. Макалинскій приходятъ къ тому заключенію, что подъ принесшими жалобу должно разумѣть исключительно гражданскихъ истцовъ и частныхъ обвинителей <sup>1)</sup>. Вопросъ этотъ, подробно разработанный въ руководствахъ нашихъ почтенныхъ ученыхъ, отчасти разъясняется разсужденіями составителей Судебныхъ Уставовъ и притомъ, какъ мнѣ кажется, разъясняется въ смыслѣ, несогласномъ съ выводами Чебышева-Дмитріева и П. В. Макалинскаго. Приведу разсужденіе составителей Уставовъ *in extenso*.

„Вредъ и убытки, причиняемые преступленіями и проступками лицамъ, противъ коихъ оныя совершены, бываютъ иногда весьма чувствительны и важны, не только въ матеріальномъ, но и въ нравственномъ отношеніи, сопровождаясь лишеніемъ ихъ имущества или самыхъ средствъ существованія, оскорбляя ихъ личную честь, подрывая кредитъ, коимъ они пользуются, вредя имъ и въ самомъ общественномъ о нихъ мнѣніи. Сіи лица имѣютъ безъ сомнѣнія право требовать вознагражденія за причиненное имъ черезъ противозаконное дѣяніе зло, а съ тѣмъ вмѣстѣ и наказанія виновнаго. Право ихъ возбуждать такія дѣла уголовныя, какъ прямо до нихъ касающіяся, слѣдить за ходомъ сихъ дѣлъ и въ нѣкоторой мѣрѣ даже наблюдать за производствомъ ихъ производствомъ, дабы виновный не могъ избѣгнуть кары, должно быть опредѣлено положительно и въ законахъ о судопроизводствѣ по преступленіямъ и проступкамъ.

„Сверхъ того, участіе лицъ, понесшихъ отъ преступленія или проступка вредъ, убытки или оскорбленія, въ производствѣ уголовныхъ по сему дѣлу, можетъ быть полезно

---

<sup>1)</sup> Чебышевъ-Дмитріевъ (Руков. угол. суд. стр. 432—437 изд. 1875 года); Макалинскій (изд. 1881 года ч. 2 стр. 195—198).

„и для самаго оныхъ хода. Возбуждая дѣла сего рода, они, такъ сказать, съ самаго начала ихъ опредѣляютъ цѣль производства, черезъ объясненіе, въ чемъ именно состоитъ противозаконное дѣяніе, о коемъ начинается дѣло. Они, для собственныхъ своихъ выгодъ, болѣе всякаго другаго стараются представлять въ надлежащемъ ихъ видѣ всѣ обстоятельства событія, указывать на виновныхъ въ содѣяніи преступленія или, по крайней мѣрѣ, на тѣхъ, на коихъ можетъ упадать подозрѣніе. Если они прямо обвиняютъ кого-либо въ преступленіи или проступкѣ, то имѣютъ почти обязанность собирать и представлять суду подтверждающія сіе обвиненіе доказательства, ибо сами могутъ подвергнуться наказанію, если оно окажется несправедливымъ. Такимъ образомъ, принимая участіе въ дѣлѣ, они болѣе или менѣе способствуютъ обнаруженію истины, а нерѣдко (ст. 5 устава) и принимаютъ на себя роль настоящихъ обвинителей, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ, едва-ли не лучше и надежнѣе содѣйствуютъ успѣху дѣла, нежели обвинители официальные, ибо сіи послѣдніе могутъ иногда поддерживать свои обвиненія безсѣтчно и безнаказанно, тогда какъ истцы всегда имѣютъ въ виду мысль объ отвѣтственности, которая дѣлаетъ ихъ осторожнѣе (ст. сего уст. 307, 780—782)<sup>1)</sup>“

Изъ общаго смысла этого разсужденія, я полагаю, нельзя не сдѣлать того вывода, что составители Уставовъ имѣли въ виду всѣхъ, понесшихъ отъ преступленія или проступка вредъ, убытки или оскорбленія, и всѣмъ имъ отмежевали право участія въ дѣлахъ уголовныхъ, независимо отъ того, заявили ли они искъ и могутъ ли съ самаго возникновенія дѣла разсматриваться, какъ гражданскіе по дѣлу истцы. Гражданскій по дѣлу истецъ—только разновидность лица потерпѣвшаго, и функціи его измѣняются при разсмотрѣніи дѣла судомъ, во время же предварительнаго слѣдствія роль потерпѣвшаго не зависитъ отъ факта заявленія имъ требованія о возмѣщеніи понесенныхъ отъ преступленія убытковъ и всѣ права участвующаго въ дѣлѣ лица должны принадлежать *in pleno* всякому потерпѣвшему.

<sup>1)</sup> Изд. 1867 года, ч. 2, стр. 134.

Переходя къ той стадіи процесса, когда дѣло подлежитъ разсмотрѣнію суда, коему оно подвѣдомственно по существу, мы встрѣчаемся съ постановленіями, которыя всецѣло приравниваютъ лицъ потерпѣвшихъ къ свидѣтелямъ. Остановимся на текстѣ статьи 700 уст. угол. суд.: „прежде всего допрашиваются лица, потерпѣвшія отъ преступленія, за тѣмъ—свидѣтели, указанные обвинителемъ, и, наконецъ, тѣ, на которыхъ сослался подсудимый“. Чтобы разрѣшить вопросъ, о какихъ потерпѣвшихъ говоритъ названная статья, необходимо ее сопоставить со статьею 709, по смыслу которой не можетъ быть свидѣтелемъ прокуроръ или защитникъ подсудимаго или повѣренный обвинителя или истца. Въ этой статьѣ вовсе не упоминается о гражданскомъ истцѣ и кассационный Сенатъ разъясняетъ это молчаніе въ томъ смыслѣ, что допускается допросъ въ качествѣ свидѣтелей и тѣхъ потерпѣвшихъ, которые заявили гражданскій по дѣлу искъ, при чемъ выводъ этотъ основывается на буквальномъ смыслѣ 2 пункта 707 ст. уст., устанавливающаго, что по отводу сторонъ не допускается къ свидѣтельству подъ присягою „потерпѣвшее отъ преступленія лицо, хотя-бы оно не участвовало въ дѣлѣ“<sup>1)</sup>. Такимъ образомъ статьею 700 законъ не только допускаетъ, но предписываетъ прежде всего допрашивать на судѣ лицъ, потерпѣвшихъ отъ преступленія, и только по отводу лица эти допрашиваются безъ присяги. Этотъ порядокъ, уравнивающій потерпѣвшихъ съ посторонними, не причастными къ дѣлу, свидѣтелями, для общихъ судовъ основывается на законѣ, а для судовъ мировыхъ тотъ же порядокъ, какъ выше упомянуто, узаконяется послѣдними сенатскими толкованіями. Конструкція обвинительныхъ органовъ въ общихъ судахъ по дѣламъ публичнаго обвиненія исключаетъ возможность признавать всякаго по дѣлу потерпѣвшаго стороною: законный представитель обвиненія—прокуроръ и ему одному принадлежать права стороны; въ видѣ исключенія правами стороны въ уголовномъ дѣлѣ пользуется тотъ потерпѣвшій, который судомъ допущенъ, въ качествѣ

<sup>1)</sup> Рѣш. Угол. Касс. Ден. 1871 г. № 1270.

гражданскаго по дѣлу истца (ст.ст. 630 и 631). Только прокурору по общему правилу предоставлено право, какъ гласить 1 п. 630 ст., представлять въ подтвержденіе своихъ показаній доказательства. Выборъ этихъ доказательствъ вседѣло принадлежитъ ему, онъ даетъ по каждому, происходящему на судѣ, дѣйствию объясненія и въ заключительныхъ преніяхъ „излагаетъ существенныя обстоятельства обвиненія“ (ст. 737), слѣдовательно отъ его усмотрѣнія зависитъ группировка всѣхъ доказательствъ, силу и внутреннее достоинство которыхъ онъ обязанъ опредѣлить по своему внутреннему убѣжденію. Матеріаломъ для выводовъ необходимо явятся и показанія лицъ потерпѣвшихъ, старающихся, по выраженію составителей Уставовъ, „представлять въ настоящемъ видѣ всѣ обстоятельства событія и указывать на виновныхъ“. Потерпѣвшій, въ большинствѣ случаевъ, внесетъ въ дѣло обширный матеріалъ, которымъ никто иной, кромѣ потерпѣвшаго, и не можетъ располагать, но матеріалъ этотъ оцѣнивается и взвѣшивается посредствомъ сопоставленія съ другими доказательствами и активное участіе въ дѣлѣ обработки всѣхъ доказательствъ принадлежитъ сторонамъ. Обѣ стороны, правильно понимающія свои обязанности, должны расчистить поле для суда, обработать все то, что добыто во время слѣдствія, и преподнести суду выводы, основанные на оцѣнкѣ всѣхъ представленныхъ къ дѣлу доказательствъ. Если потерпѣвшій въ то же время является и очевидцемъ преступленія, то главное вниманіе сторонъ и суда направлено на всестороннюю оцѣнку показанія этого лица, и если судъ признаетъ, что это показаніе единственнаго по дѣлу очевидца по своимъ качествамъ заслуживаетъ довѣрія, то и при отсутствіи другихъ доказательствъ такое показаніе можетъ лечь въ основаніе обвинительнаго приговора. При свободной оцѣнкѣ доказательствъ показаніе лица потерпѣвшаго можетъ склонить вѣсы правосудія въ сторону обвиненія, и юридически судъ поступитъ правомѣрно, придавъ одному такому доказательству рѣшающее значеніе, такъ какъ судъ не стѣсненъ никакими формальными теоріями, никакими установленными въ самомъ законѣ правилами.

## III.

Если обратимся къ теоріи, то и тамъ увидимъ, что со времени появленія труда Бентама о судебныхъ доказательствахъ не признается никакихъ формальныхъ, стѣсняющихъ свободное сужденіе о доказательствахъ, правилъ. Бентамъ осуждаетъ господствовавшую въ Англии систему исключеній и провозглашаетъ то начало, что всякое, даже низшее доказательство, подъ которымъ онъ разумѣетъ доказательство или свидѣтельскій фактъ, не представляющій гарантій полноты и точности свидѣтельства, — нерѣдко допустимо при неимѣніи лучшихъ доказательствъ. „Исключеніе всякаго доказательства было бы исключеніемъ всякой справедливости“. „Исключить какой-нибудь разрядъ свидѣтелей—это значить, позволить всѣ возможные нарушенія въ присутствіи свидѣтеля этого разряда. Требовать двухъ свидѣтелей для убѣжденія—это значить позволить всякія нарушенія въ присутствіи единственнаго свидѣтеля“ (стр. 251 и 253). Причины, вызывающія необходимость исключенія свидѣтельства, сведены у Бентама къ двумъ категоріямъ: 1) когда свидѣтельство неумѣстно и 2) когда оно излишне. Особенно вредными онъ признаетъ свидѣтельства неумѣстныя, онъ видитъ вредъ ихъ въ томъ, что они „заволакиваютъ процессъ въ туманъ“. Всякое свидѣтельство по обстоятельствамъ даннаго дѣла можетъ оказаться излишнимъ, но есть одно такое, которое по существу своему заслуживаетъ этого названія: это свидѣтельство по слуху.

Что касается интересующаго насъ въ особенности вопроса о значеніи показаній лицъ потерпѣвшихъ, то Бентамъ сильно осмѣиваетъ старое правило технической юриспруденціи—*Nemo debet esse testis in propria causa*. На страницѣ 93 онъ говоритъ, что названіе свидѣтеля можетъ быть прилагаемо и къ самымъ заинтересованнымъ въ дѣлѣ сторонамъ и находитъ страннымъ, что когда такое лицо выслушивается судьбою, то все-таки отрицаютъ, чтобы оно дѣйствовало въ качествѣ свидѣтеля. „Предразсудокъ такъ силенъ, что обязанности свидѣтеля и стороны считаются несовмѣстимыми. Однако же“,

добавляетъ онъ, „различіе между двумя родами свидѣтелей—свидѣтеля стороны и посторонняго свидѣтеля—очевидно и ихъ слѣдуетъ обозначать особенными названіями, которыя бы постоянно напоминали объ этомъ существенномъ различіи. Свидѣтеля, не заинтересованнаго въ дѣлѣ, можно обозначить названіемъ *внѣшняго свидѣтеля*, а того, который имѣетъ непосредственный интересъ въ дѣлѣ, названіемъ *стороны, дающей показаніе*“. Къ нашимъ процессуальнымъ порядкамъ предлагаемое Бентамомъ разграниченіе примѣнимо только отчасти, такъ какъ мы выше говорили, что не всякое заинтересованное въ дѣлѣ лицо (т. е. не всякій потерпѣвшій) на судѣ является стороною.

Въ главѣ XIII книги III „объ исключеніи вслѣдствіе интереса въ дѣлѣ“, Бентамъ останавливается на предполагаемомъ вредѣ отъ показаній лицъ заинтересованныхъ и находитъ, что излишество въ недовѣрїи къ этимъ лицамъ опасно. „Посмотрите на обыкновенный ходъ жизни; нѣтъ возможности задумать или повести какое бы то ни было предпріятіе, не прибѣгая къ указаніямъ различныхъ лицъ, которыя заинтересованы относительно предмета въ денежномъ отношеніи, такъ же сильно, какъ и свидѣтель, призываемый по юридическому дѣлу“. Допускать въ дѣлѣ правосудія свидѣтельство лицъ, заинтересованныхъ въ дѣлѣ, не значитъ слѣдовать отвлеченной идеѣ, напротивъ, это значитъ дѣйствовать на основаніи всеобщаго опыта, „опыта, произведеннаго на пространствѣ, обнимающемъ всю человѣческую жизнь“ (стр. 277).

Какъ относительно подозрительныхъ свидѣтелей, такъ и относительно доказательствъ низшаго порядка, Бентамъ, находя, что опасность отъ тѣхъ и другихъ была вообще превеличена, тѣмъ не менѣе совѣтуетъ законодателю не пренебрегать предосторожностями, направленными къ низведенію опасности до минимума, и рекомендуетъ распоряженія, направленныя къ этой цѣли; такъ, напр., онъ указываетъ на такой уставъ судопроизводства, который бы опредѣлялъ достоинство доказательствъ. Въ немъ надо, какъ онъ ранѣе объяснилъ, поставить вмѣсто исключенія доказательствъ принципъ подозрѣнія; уставъ долженъ выставить

передъ судьями различныя обстоятельства, которыя подрываютъ значеніе свидѣтельства, вызываютъ подозрѣніе, а слѣдовательно требуютъ и осторожности, и провѣрки (284 стр.).

Въ частности и наши процессуалисты, высказываясь о мотивахъ, по которымъ лица, вызываемыя въ судъ, могутъ уклониться отъ истины, останавливаются на мотивѣ интереса; такъ, напр., профессоръ Тальбергъ въ § 201 упоминаетъ о необходимости большей осторожности при оцѣнкѣ показаній лицъ потерпѣвшихъ или соучастниковъ, но онъ тутъ же добавляетъ, что искусство судьи заключается въ томъ, чтобы, отрѣшившись отъ всякихъ презумпцій и шаблонныхъ правилъ, разобраться въ безконечномъ разнообразіи, отличить правду отъ лжи. По мнѣнію профессора Тальберга, лицо потерпѣвшее въ силу присущихъ ему личныхъ качествъ и высокой правдивости можетъ дать показаніе, во всѣхъ случаяхъ правдивое и достовѣрное. Такой оптимистическій взглядъ едва-ли раздѣлять всѣ тѣ, кому по обязанности приходилось сталкиваться и съ лживыми, и съ добросовѣстно заблуждающимися потерпѣвшими изъ всѣмъ классовъ общества. Каждый обвинитель по своей обязанности долженъ строго относиться къ оцѣнкѣ обвинительнаго матеріала; онъ уполномоченъ оцѣнивать по своему убѣжденію и показаніе потерпѣвшаго, а такая оцѣнка во многихъ случаяхъ приведетъ его къ тому, что онъ вовсе отречется отъ потерпѣвшаго въ случаѣ его недобросовѣстности или погрѣшности, допущенной *bona fide*. Если, какъ говоритъ Бентамъ, интересъ потерпѣвшаго выступаетъ явственно и онъ тогда менѣе опасенъ для судьи (стр. 276), то въ другихъ случаяхъ, когда интересъ замаскированъ и ложь хитро сплетена, вредъ отъ него усиливается. Разъ обвинитель путемъ тщательной провѣрки матеріала, доставляемаго потерпѣвшимъ, убѣдился въ его непригодности, въ его фальши, разъ онъ замѣтилъ, что потерпѣвшій отступаетъ отъ истины, что онъ или измышляетъ улики, или придаетъ имъ невѣрную окраску, онъ долженъ отречься отъ солидарности съ потерпѣвшимъ и уже не можетъ идти съ нимъ рука объ руку <sup>1)</sup>). Открыто высказать неодобреніе потерпѣв-

<sup>1)</sup> Въ своемъ учебникѣ русскаго уголовного судопроизводства нашъ заслу-

шему и отвернуться от такого союзника прокуроръ не только въ правѣ, но даже и обязанъ. Тогда только и будетъ обвиненіе построено прочно, если оно покоится на твердыхъ устойчивыхъ началахъ, а не примачивается къ такимъ подозрительнымъ и непрочнымъ доказательствамъ, которыя въ глазахъ опытныхъ судей быстро теряютъ свое призрачное значеніе. Чѣмъ ближе судьи знакомы съ той житейской областью, въ которой разыгралось преступленіе, тѣмъ менѣе для нихъ шансовъ поддаться обманчивымъ уловкамъ и такимъ ухищреніямъ, которыя менѣе опытныхъ и менѣе знающихъ судей могли бы привести къ несогласнымъ съ истинною справедливостью выводамъ. Поэтому и прокуроръ не долженъ поддаваться вліянію потерпѣвшаго и признавать въ немъ обязательнаго для себя союзника: дѣло государственнаго обвиненія должно стоять выше частныхъ, или неправильно понятыхъ, или умышленно преувеличиваемыхъ интересовъ потерпѣвшаго. Таково и требованіе общей справедливости, таково и требованіе судейской этики, а нарушеніе этого требованія всегда поведетъ къ нежелательнымъ, подчасъ даже непоправимымъ ошибкамъ.

#### IV.

Послѣ всего только-что сказаннаго само собою рождается вопросъ: допустима ли на судѣ, въ какихъ размѣрахъ и на какихъ основаніяхъ провѣрка личности потерпѣвшаго? Вопросъ, какъ онъ нами ставится, болѣе касается уголовной политики, нежели уголовной теоріи; это вопросъ, прямо вытекающій изъ вышеопредѣленной, на основаніи закона положительнаго и закона логическаго, обязанности судей, про-

---

женный криминалистъ В. К. Случевскій между прочимъ высказываетъ ту же мысль: „прокуроръ въ качествѣ органа обвиненія, преслѣдующій публичные интересы правосудія, склоненъ смотрѣть на потерпѣвшаго, какъ на союзника, но такого, которымъ можетъ встрѣтиться иногда надобность жертвовать, коль-скоро обнаружится при изслѣдованіи уголовныхъ доказательствъ антагонизмъ между его интересами и интересами публичными, требующими обнаруженія матеріальной по дѣлу истины, совершенно независимо отъ того, какъ отзывается обнаруженіе ея на личныхъ интересахъ потерпѣвшаго“ (стр. 261).

куроровъ, защитниковъ, а въ значительной мѣрѣ и судебныхъ слѣдователей относиться критически ко всему добываемому ими по каждому дѣлу матеріалу; этотъ вопросъ можетъ быть разрѣшенъ à priori въ утвердительномъ смыслѣ, но только въ отношеніи допустимости повѣрки всего того, что вноситъ потерпѣвшій въ дѣло, т. е. всего того, что по правиламъ, указываемымъ Бентамомъ, не можетъ быть признано ни немѣстнымъ, ни излишнимъ. Вся цѣль предварительнаго слѣдствія—собрать матеріалъ именно въ этихъ предѣлахъ для наилучшаго и скорѣйшаго разъясненія дѣла на судѣ во время судебного слѣдствія и судебныхъ преній. Разумѣется, что отъ умѣнья и опытности судебного слѣдователя зависитъ устраненіе изъ дѣла всего того, что затрудняетъ правильную оцѣнку главнаго событія и отношенія къ нему обвиняемыхъ; разумѣется, что при хорошемъ знакомствѣ съ обществомъ, среди котораго производится слѣдственная работа, слѣдователь болѣе гарантированъ отъ ошибокъ и сумѣетъ ясно и просто установить негодность того или другаго показанія, какъ матеріала для суда. Но въ правѣ ли онъ входить въ оцѣнку личныхъ качествъ потерпѣвшаго и какъ далеко онъ можетъ зайти, собирая свѣдѣнія о его личности? Тутъ, я полагаю, границу можетъ указать для каждаго отдѣльнаго случая только слѣдовательскій тактъ.

На судѣ рамки изслѣдованія достаточно широки и могутъ вмѣстить и весь тотъ повѣрочный матеріалъ, который по свойствамъ каждаго дѣла является необходимымъ для правительнаго сужденія о достоинствѣ показаній, даваемыхъ потерпѣвшимъ. Я полагаю, что фактически ни одинъ судъ не обходится безъ явной или болѣе или менѣе скрытой провѣрки: явную провѣркою я называю тщательное изслѣдованіе всего, показываемаго лицомъ потерпѣвшимъ путемъ свидѣтелей, которымъ и судьи коронные, и присяжные задаютъ вопросы не только въ предѣлахъ даннаго факта, но и въ болѣе широкомъ смыслѣ провѣряютъ правдивость, внутреннее достоинство сообщаемыхъ потерпѣвшимъ фактовъ, его отношеній къ лицу обвиняемому и къ другимъ свидѣтелямъ; скрытою такая провѣрка является во время перекрестнаго допроса

самого потерпѣвшаго, при чемъ стороны не останавливаются и передъ такими вопросами, которые затрогиваютъ личность потерпѣвшаго не въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ личность обвиняемаго. Распирать предѣлы изслѣдованія до суда надъ потерпѣвшимъ нежелательно, но провѣрять все въ предѣлахъ умѣстности, провѣрять даже прежнюю жизнь потерпѣвшаго, если ею устанавливаются важныя для изслѣдуемаго уголовного преступленія обстоятельства, необходимо. Это тѣмъ болѣе необходимо, что потерпѣвшій, попавъ въ залъ суда въ положеніе главнаго свидѣтеля, нерѣдко раскрываетъ передъ судомъ такія подробности, которыя уже были раньше предметомъ изслѣдованія и оказались излишними или невѣрными; суду приходится вновь производить повѣрку и только послѣ тщательнаго выслушиванія многихъ второстепенныхъ свидѣтелей и послѣ изученія самого потерпѣвшаго судъ можетъ придти къ заключенію, что именно слѣдуетъ отбросить, а что принять на вѣру. Не сомнѣваюсь, что многіе станутъ возражать противъ необходимости повѣрки на судѣ личныхъ качествъ и жизни потерпѣвшаго, и вновь оговариваюсь, что такая повѣрка необходима не вездѣ и въ предѣлахъ ограниченныхъ. Насколько личностью потерпѣвшаго обусловливается фактическая основа доказательнаго матеріала, настолько личность эта, по моему мнѣнію, и должна становиться предметомъ изслѣдованія. Постараемся пояснить нашу мысль примѣрами и раздѣлимъ всѣ безконечно разнообразныя случаи на нѣсколько общихъ категорій въ зависимости отъ рода доказательствъ.

## V.

Первую категорію дѣлъ составятъ тѣ случаи, когда фигурируетъ потерпѣвшій, заявляющій прямое противъ кого-либо обвиненіе, и нѣтъ никакихъ другихъ доказательствъ, кромѣ его показанія. Возможность преданія обвиняемаго суду и даже постановки обвинительнаго приговора едва-ли къ-либо будетъ оспариваться. Характернымъ примѣромъ этого рода случаевъ являются дѣла объ оскорбленіяхъ дѣйствіемъ дѣсныхъ сторожей при исполненіи ими своихъ служебныхъ

обязанностей. По самому характеру этихъ дѣлъ въ нихъ отсутствуютъ посторонніе свидѣтели. Примѣненіе же къ этимъ дѣламъ устарѣвшаго правила—*unus testis, nullus testis*—привело бы къ полной безнаказанности всѣхъ подобныхъ случаевъ. Кромѣ того въ этихъ случаяхъ судъ имѣетъ дѣло не съ частными лицами, а съ лѣсными стражниками, уполномоченными самимъ закономъ на преслѣдованіе нарушителей лѣсоохранительныхъ правилъ; протоколамъ же, составленнымъ чинами лѣснаго вѣдомства, нашъ законъ придаетъ большую вѣру, чѣмъ другимъ актамъ. (Протоколы эти провѣряются только въ исключительныхъ случаяхъ, какъ гласитъ ст. 1187<sup>1</sup> уст. угол. суд.). Разумѣется, и въ другихъ случаяхъ, напр., при совершеніи преступленій общаго порядка въ предѣлахъ лѣснаго участка въ присутствіи однихъ лишь лѣсныхъ сторожей, сторожамъ этимъ вѣрять, признавая, что служебная ихъ присяга гарантируетъ вообще правдивость ихъ показаній. Но и здѣсь умѣстна провѣрка личности сторожа, являющагося потерпѣвшимъ, необходимо знать предшествовавшія отношенія сторожа къ лицамъ, сидящимъ на скамьѣ подсудимыхъ; иначе и въ этихъ дѣлахъ возможно впасть въ ошибку: нерѣдко низшіе чины лѣсной стражи путемъ суда сводятъ счеты съ лицами, почему-либо заподозрѣнными, или просто желаютъ избавиться отъ сосѣдства крестьянъ, дѣлающихъ частыя нападенія на лѣсъ и остающихся для стражи неуловимыми.

Вторую категорію могутъ составить всѣ тѣ смѣшанные случаи, когда къ показаніямъ потерпѣвшихъ-очевидцевъ присоединяются тѣ или иные косвенныя улики или такъ называемыя улики поведенія. Въ 1887 году въ моемъ присутствіи разбиралось дѣло объ изнасилованіи молодой дѣвушки, служанки, ея хозяиномъ, женатымъ человекомъ. Все обвиненіе строилось на показаніи потерпѣвшей, такъ какъ самое преступленіе совершено было въ запертой уединенной квартирѣ, въ отсутствіи жены обвиняемаго; единственнымъ доказательствомъ факта преступленія являлась экспертиза. Несмотря на упорное со стороны обвиняемаго заpiresательство, судьи всецѣло повѣрили потерпѣвшей и вынесли подсудимому обви-

нительный вердиктъ, повлекшій за собою осужденіе его въ каторжную работу. Здѣсь правдивость показанія потерпѣвшей рѣшила все дѣло. Кому неизвѣстны другіе случаи, когда аналогичныя обвиненія, болѣе прочно построенныя съ внѣшней стороны, оказываются по провѣркѣ судомъ прямо вымышленными и оканчиваются полными оправданіями. Даже тамъ, гдѣ фигурируютъ очевидцы изъ лицъ постороннихъ, обвиненіе легко подрывается и въ этомъ отношеніи весьма цѣнныя наблюденія собраны въ книгѣ г. Бобрищева-Пушкина о судѣ присяжныхъ; онъ приходитъ къ тому выводу, что при несознаніи и при неполномъ сознаніи очевидецъ—самое опасное доказательство (10<sup>о</sup> %).... Появленіе очевидца на судѣ присяжныхъ въ дѣлѣ безъ полного сознанія почти всегда ставитъ процессъ на карту <sup>1)</sup>.

Случаи неправильныхъ свидѣтельствъ со стороны потерпѣвшихъ и дѣйствующихъ съ ними заодно постороннихъ очевидцевъ извѣстны всякому и они по принятому нами дѣленію должны составить группу третью. Казалось бы, что при наличности прямыхъ уликъ, какими считаются показанія очевидцевъ, правосудіе въ большей мѣрѣ гарантировано отъ ошибокъ, но только-что приведенный выводъ, что для суда присяжныхъ очевидецъ—опасный свидѣтель, опровергаетъ это положеніе. Свидѣтели извѣстнаго пошиба пріобрѣтаются иногда за дешевую плату, и недобросовѣстный потерпѣвшій всегда найдетъ услужливыхъ „достоверныхъ лжесвидѣтелей“. Присяжнымъ, какъ вышедшимъ изъ того же общества, къ которому принадлежать и потерпѣвшіе, и эти лжесвидѣтели, обыкновенно заранѣе извѣстно, къ кому можно отнестись съ довѣріемъ, и они необыкновенно чутки къ случаямъ, гдѣ скрывается обдуманнй обманъ. Такіе случаи особенно часты среди еврейскаго населенія, подъ влияніе котораго нерѣдко попадаютъ цѣлыя мѣстечки и мелкіе города. Но и тамъ, гдѣ потерпѣвшій и выставленные имъ свидѣтели не возбуждаютъ ни въ комъ подозрѣнія, гдѣ къ показанію главнаго свидѣтеля присоединяются и

<sup>1)</sup> Эмпирическіе законы дѣятельности русскаго суда присяжныхъ. Стр. 234.

другія болѣе или менѣе опредѣленныя прямыя доказательства, нужна крайняя осторожность; потерпѣвшій по своему положенію можетъ вліять на свидѣтелей, можетъ внушить имъ свои подозрѣнія и настроить ихъ такъ, что они, не сознавая ложности своихъ показаній, будутъ удостовѣрять на судѣ ложные факты. Въ одномъ дѣлѣ, гдѣ обвинителемъ явился 80-лѣтній почтенный старикъ-помѣщикъ Пр., жившій не въ ладахъ съ ближайшими сосѣдями-крестьянами, привлечены были къ отвѣтственности по прямому заявленію потерпѣвшаго не эти крестьяне—враги его, а два ни въ чемъ неповинныхъ плотника изъ такъ называемыхъ „кацаповъ“. Данное помѣщикомъ противъ нихъ показаніе основывалось на ложной игрѣ старческаго воображенія, разстроившагося вслѣдствіе того сильнаго испуга, который испыталъ потерпѣвшій во время ночнаго нападенія. Домашніе и въ особенности кухарка названнаго помѣщика своими показаніями подкрѣпляли обвиненіе и, даже тогда, когда самъ потерпѣвшій созналъ свою ошибку и открыто заявилъ передъ судомъ о неправильномъ обвиненіи, слуги его продолжали настаивать на своихъ ошибочныхъ показаніяхъ и подсудимые были оправданы только благодаря тому, что успѣли представить прямыя указанія на истинныхъ виновниковъ нападенія—мѣстныхъ крестьянъ. Впослѣдствіи противъ новыхъ обвиняемыхъ собрано было столько данныхъ, что они были преданы суду и дѣло о нихъ окончилось обвинительнымъ приговоромъ. При разбираемыхъ нами условіяхъ, когда, кромѣ потерпѣвшаго очевидца, является еще другой очевидецъ, вполне допустимы ошибки и нагляднымъ примѣромъ такихъ сложныхъ ошибокъ, приводящихъ къ осужденію лицъ невинныхъ, можетъ служить дѣло по обвиненію крестьянъ Михаила Д. и Феодора Ш. въ предумышленномъ нанесеніи тяжкихъ увѣчій лѣсническому одного изъ крупныхъ землевладѣльцевъ, нѣкоему К. Дѣло это дважды разбиралось въ одномъ изъ уѣздныхъ городовъ К—ой губерніи, первый разъ въ 1890 году, а вторично въ 1892 году.

Вкратцѣ обстоятельства этого дѣла слѣдующія.

8 іюля 1889 года лѣсничій К—ій поздно вечеромъ выѣхалъ на своихъ лошадяхъ съ кучеромъ Б. изъ гостей къ

себѣ въ лѣсничество; спустя полтора часа, выѣхавъ тѣмъ же путемъ другой служащій и, проѣхавъ ближайшее село, увидѣлъ принадлежащихъ К—му лошадей и бричку, но безъ сѣдоковъ. Когда стали розыскивать К—го, то нашли его избитаго въ лѣсномъ урочищѣ Залыпаномъ, а затѣмъ въ село явился кучеръ его и разсказалъ, что по пути въ лѣсничество на нихъ напали нѣсколько человѣкъ, вооруженныхъ палками, нанесли сперва его хозяину побои такъ, что тотъ, свалившись съ брички, долго лежалъ въ безпамятствѣ, а затѣмъ побили и его, но онъ успѣлъ выползти на поле и добратъся до села. Побои, нанесенные К—му, сопровождались поврежденіемъ праваго глаза, параличемъ всей правой половины лица, потерей слуха и сведеніемъ пальцевъ лѣвой руки. Поврежденія эти были признаны тяжкими увѣчьями. Самъ К—ій на предварительномъ слѣдствіи удостовѣрилъ, что изъ числа нѣсколькихъ человѣкъ, остановившихъ лошадей, онъ до нанесенія ему ударовъ въ голову успѣлъ замѣтить извѣстныхъ ему ранѣ крестьянъ Михаила Д. и Феодора Щ. Кучеръ подтверждалъ это показаніе, а по предъявленіи ему заподозрѣнныхъ двухъ крестьянъ, онъ опозналъ перваго изъ нихъ Д. за того, который остановилъ лошадей. Показанія двухъ потерпѣвшихъ послужили основаніемъ къ преданію суду обвиняемыхъ Д. и Щ., и рѣшеніемъ присяжныхъ засѣдателей, состоявшимся въ май 1890 года, они были признаны виновными и приговорены къ отдачѣ въ исправительное арестантское отдѣленіе. Только спустя два года—29 мая 1892 года—рѣшеніемъ другихъ присяжныхъ засѣдателей были признаны виновными въ томъ же нападеніи на К—го совсѣмъ другія лица, крестьяне другаго села: Яковъ П., Яковъ М. и Федоръ К. Виновность ихъ обнаружилась по указаніямъ Д. и Щ., оказавшихся невинно осужденными.

Интересно, какъ на возобновленномъ слѣдствіи лѣсничій К—ій объяснялъ свою ошибку, послужившую основаніемъ къ осужденію лицъ невинныхъ. Проѣзжая по лѣсу, онъ передъ самымъ нападеніемъ замѣтилъ Федора Щ., прошедшаго мимо него спереди, ему на встрѣчу, а послѣ того черезъ нѣсколько минутъ наскочили злоумышленники сзади и сбили

его съ повозки. Предположеніе его, что въ этомъ участвовалъ Щ., подтвердилось, такъ какъ кучеръ, нѣсколько времени спустя, на вопросъ, что съ ними произошло, сообщилъ ему, что онъ узналъ въ томъ лицѣ, которое задержало лошадей, Д., т. е. односельчанина замѣченнаго имъ Феодора Щ. Теперь же онъ, К—ій, выздоровѣлъ настолько, что пришелъ въ свое нормальное состояніе и все хорошо припоминаетъ: нападеніе произведено было не Д. и Щ., а четырьмя крестьянами другаго села, изъ коихъ два имѣли вражду къ эконому того имѣнія, гдѣ онъ служилъ, а два другихъ питали злобу лично къ нему за то, что онъ ихъ задерживалъ на порубкахъ. Хотя слухи объ ихъ виновности и раньше ходили, но, пока таковыя не были провѣрены, онъ, К—ій, не рѣшался о томъ говорить суду. Между прочимъ оказалось, что опознанный кучеромъ Михайль Д. по наружному виду былъ очень похожъ на одного изъ трехъ крестьянъ, Якова М., впослѣдствіи осужденнаго. Кучеръ могъ, опознавая Д., добросовѣстно ошибиться.

Значеніе этого примѣра, доказывающаго возможность судебной ошибки при существованіи двухъ свидѣтельскихъ показаній, сходныхъ между собою и взаимно другъ друга подкрѣпившихъ, едва-ли необходимо разъяснять. Можно только сказать, что помѣщикъ Пр. въ меньшей степени и дѣсничій К. въ большей степени поддались обману зрѣнія и оба находились въ ненормальномъ подѣ влияніемъ страха и мученій состояніи, которое до извѣстной степени оправдываетъ ихъ образъ дѣйствій.

---

Резюмируемъ тѣ положенія, къ которымъ мы пришли:

1) Всякій, кто пострадалъ отъ преступленія или проступка, именуется потерпѣвшимъ и совмѣщаетъ въ себѣ двоякія функціи: а) онъ можетъ быть частнымъ обвинителемъ по дѣламъ частнаго обвиненія въ общихъ судахъ и по всѣмъ дѣламъ въ судахъ мировыхъ; кромѣ того онъ можетъ быть стороною и по дѣламъ публичнаго обвиненія, когда онъ признанъ гражданскимъ по дѣлу истцомъ; б) онъ можетъ быть свидѣтелемъ на-ряду со всѣми другими лицами, призванными

свидѣтельствовать передъ судомъ, и въ этой второй функціи и разсматривали его, какъ источникъ доказательствъ, подлежащихъ судебному разсмотрѣнію. Первая основная функція потерпѣвшаго, быть инициаторомъ обвиненія, основана на необходимости допустить частную инициативу въ дѣлѣ обвиненія и избѣжать вреда отъ монополіи государственнаго обвиненія. Права потерпѣвшаго, какъ обвинителя и двигателя процесса, постепенно расширяются. Закономъ 3 мая 1883 года осуществлено то, что составители Уставовъ предположили предоставить потерпѣвшему, а именно право „слѣдить“ за ходомъ дѣла и въ нѣкоторой степени „наблюдать за ихъ производствомъ“. Законъ 3 мая уполномочилъ потерпѣвшихъ на обжалованіе опредѣленій окружныхъ судовъ о прекращеніи слѣдственныхъ дѣлъ, какъ въ порядкѣ 277 ст. уст., такъ и о прекращеніи дѣла, согласно письменнымъ заключеніямъ прокурорскаго надзора (въ порядкѣ 523 ст. уст. угол. суд.). Это важное расширеніе правъ потерпѣвшаго, можетъ быть, еще не вполне достигаетъ цѣли, и въ этой области процесса весьма желательны такія реформы, какъ созданіе института субсидіарнаго обвиненія (Nebenclage). Не будемъ затрогивать всѣхъ вопросовъ, связанныхъ съ такимъ нововведеніемъ, но остановимся на результатахъ, добытыхъ въ отношеніи второй функціи потерпѣвшаго, т. е. его права и обязанности свидѣтельствовать передъ судомъ на-ряду съ лицами посторонними.

Едва-ли можно оспаривать тотъ выводъ, что показанія потерпѣвшаго должны быть признаны доказательствомъ подозрительнымъ и что къ нимъ вполне примѣнимо положеніе, рекомендуемое Бенхамомъ подъ названіемъ принципа подозрѣнія. Необходимо, чтобы законодатель выдѣлилъ лицъ потерпѣвшихъ, свидѣтельствующихъ въ собственномъ дѣлѣ, изъ общаго разряда свидѣтелей, чтобы онъ сказалъ въ той или другой формѣ, что эти лица могутъ и должны быть свидѣтелями (даже одновременно съ исполненіемъ обязанностей обвинителей), но что они свидѣтели *sui generis*, а потому къ ихъ показаніямъ слѣдуетъ относиться какъ къ низшимъ доказательствамъ, не обладающимъ всѣми гарантіями полноты и

точности. Однимъ словомъ, мѣрою, направленною къ уменьшенію опасности, существующей отъ недобросовѣстности или погрѣшности такихъ свидѣтелей, можетъ служить ясное разграниченіе понятій и точное выясненіе, что потерпѣвшій не свидѣтель только, а свидѣтель, въ дѣлѣ заинтересованный. Подобное разграниченіе какъ-бы сквозить и въ нѣкоторыхъ статьяхъ нашего устава, но нигдѣ ясно не высказано, сквозить оно и въ словахъ закона: „прежде всего допрашиваются лица потерпѣвшія отъ преступленія,—затѣмъ свидѣтели...“ (ст. 700).

Разъ мы допустимъ, что законъ необходимо долженъ предостерегать отъ возможности впасть въ ошибку, если основаніемъ рѣшенія является показаніе лица заинтересованнаго, то не будетъ ли вполне логичнымъ постановить, чтобы это лицо *ipso lege* давало показаніе безъ присяги. Присяга должна служить религіозною санкціею правдивости требуемыхъ судомъ отъ частныхъ лицъ показаній, но чѣмъ больше въ данной мѣстности присяга уважается населеніемъ, тѣмъ болѣе она, такъ сказать, профанируется въ примѣненіи къ лицамъ заинтересованнымъ.

Остановимся на причинахъ, побуждающихъ насъ проектировать отмену присяги для лицъ, въ дѣлѣ заинтересованныхъ. Мы не коснемся общихъ, направленныхъ противъ дѣйствительности присяги, аргументовъ. Припомнимъ только, что Бентамъ въ концѣ своихъ разсужденій говоритъ, что опытному судѣ присяга не внушаетъ довѣрія—„онъ столько разъ видѣлъ нарушеніе присяги ложью“, и потому все вниманіе обращаетъ на качество показанія. Тотъ же Бентамъ указываетъ на естественное свойство присяги усиливать упорство свидѣтеля въ поддержаніи лжи „изъ опасенія отвѣтственности за клятвopеступленіе“ (стр. 87—91). Вотъ это упорство чаще всего должно проявиться у лица, заявившаго по той или другой причинѣ ложное противъ кого-либо обвиненіе, поддержавшаго это обвиненіе и подкрѣпившаго свое показаніе на судѣ подъ присягою. Кромѣ наказанія за ложный доносъ, о которомъ предупреждается каждый потерпѣвшій, ему вдобавокъ законъ грозитъ еще и наказаніемъ за

лжесвидѣтельство подѣ присягою. Разумѣется, страх двойной отвѣтственности передѣ закономъ въ связи съ религіозною карою, ожидаемою за клятвопреступленіе, не можетъ не вызвать со стороны лица, чувствующаго свою неправоту, упорство въ поддержаніи разѣ сказаннаго на судѣ. Едва-ли даже цѣлесообразно усугублять отвѣтственность, угрожающую обвинителю за ложный доносъ, и грозить ему отвѣтственностью, гораздо болѣе серьезною, отвѣтственностью за клятвопреступленіе. Законодатель какъ-бы считаетъ въ этомъ случаѣ установленное имъ самимъ за ложный доносъ наказаніе недостаточнымъ и стремится его усилить, требуя, чтобы лицо, которому уже объявлено объ отвѣтственности по ст. 940 улож. наказ., приняло на себя, въ случаѣ уклоненія отъ справедливаго показанія, еще отвѣтственность за нарушеніе присяги. Я думаю, что подобное двойственное наказаніе есть единственное въ своемъ родѣ уклоненіе отъ правила не наказывать дважды за одно и то же правонарушеніе; здѣсь законъ нарушается, хотя дважды,—до суда и на судѣ; но существо дѣла отъ этого не мѣняется: ложный извѣтъ обращается въ ложное показаніе. Я раньше отмѣтилъ, что чѣмъ выше цѣнится значеніе присяги, чѣмъ серьезнѣе люди относятся къ этому торжественному обряду, тѣмъ менѣе они понимаютъ возможность распространять ея дѣйствіе на лицъ, прямо въ дѣлѣ заинтересованныхъ. Нерѣдко приходится встрѣчаться судьямъ съ тѣмъ явленіемъ, что сами потерпѣвшіе, какъ-бы, протестуютъ, не понимая, зачѣмъ судъ предлагаетъ имъ принять присягу: они себя не считаютъ свидѣтелями, разѣ они потерпѣвшіе, и съ удивленіемъ узнаютъ о необходимости исполнить обрядъ, святость и практическое значеніе котораго они тѣмъ не менѣе знаютъ съ дѣтства. Для ихъ пониманія (я говорю о простонародѣ) присяга—слишкомъ важный актъ, чтобы распространять ее на лицъ, выступающихъ на судъ съ требованіемъ о денежномъ вознагражденіи за матеріальные убытки; такіа лица сами понимаютъ, что они защищаютъ свои интересы, а никакъ не свидѣтельствуютъ на-ряду съ другими посторонними свидѣтелями. Чтобы не задаваться широкими и невыполни-

мыми замыслами о полной реформѣ учрежденія судебной присяги, о ея коренной ломкѣ, для которой еще время не настало, я позволю себѣ сдѣлать только такое предположеніе, — не лучше ли теперь-же предпринять мѣры къ ограниченію круга лицъ, обязанныхъ давать показанія подъ присягою, и соотвѣтственно измѣнить статьи 706 и 707 уст. угол. суд., устранивъ лицъ потерпѣвшихъ отъ присяги *ipsa lege*?

Сдѣланные нами на основаніи личнаго опыта и теоретическихъ разсужденій о цѣнности и доброкачественности показаній лицъ потерпѣвшихъ выводы, конечно, не отвѣчаютъ на всѣ вопросы и не служатъ вполне удовлетворительнымъ отвѣтомъ на главный вопросъ, какъ помочь дѣлу и какъ устранить вредъ, нами констатированный. Пожелаемъ, чтобы и другіе занялись разработкою этихъ первостепенныхъ вопросовъ.

## „ПЕЧАТНЫЙ ЛИСТЪ“.

А. Л. Боровиковскаго.

Верста, сажень, аршинъ, — пудъ, фунтъ, золотникъ, — ведро, кварта — это точно опредѣленные мѣры, самимъ закономъ указанныя для опредѣленія длины, вѣса, объема. Если я купилъ фунтъ хлѣба — ни для меня, ни для продавца, ни для третьихъ лицъ, не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія, о какомъ именно количествѣ хлѣба состоялась у насъ сдѣлка.

Существуютъ мѣры, въ законахъ не указанныя, но установленныя обыкновеніемъ почти съ математическою точностью. Таковы, напр., „ложки“: столовая, десертная, чайная. Эта мѣрка примѣняется даже къ опредѣленію дозы лекарствъ, гдѣ нерѣдко необходима особая точность. Прописывая микстуру „по столовой ложкѣ черезъ часъ“, докторъ не требуетъ отъ пациента — „покажи свою ложку“: столовыя ложки одинаковой вмѣстимости; если и возможны различія, то они слишкомъ ничтожны, чтобы принимать ихъ въ расчетъ.

Есть мѣры менѣе точныя. Таковы, напр., „шагъ“, „локоть“. Онѣ зависятъ отъ походки, отъ роста даннаго лица. Однакожъ, и съ этими мѣрами связаны достаточно опредѣленные представленія: если мнѣ говорятъ, что въ данномъ разстояніи „100 шаговъ“, — а мои шаги больше либо меньше „среднихъ“, — я все-таки имѣю достаточно ясное понятіе,

какое разстояніе мнѣ предстоитъ пройти: если среднихъ шаговъ 100, то моихъ будетъ приблизительно 90, либо 110,—но отнюдь не 10 и не 1000. То же можно сказать и о другихъ неточныхъ мѣрахъ, какова, напр., „рюмка“. Если я скажу „я выпилъ двѣ рюмки вина“, это не дастъ вполне точнаго представленія о количествѣ выпитаго, однакожь приблизительно понятно, что рюмка, которою я пилъ, была больше или меньше въ извѣстныхъ предѣлахъ; никто не предположитъ ни того, что моя рюмка была величиной въ полведра, ни того, что она была съ наперстокъ.

Но посмотримъ на „произведенія печати“. Слова „сочиненіе“, „книга“, „томъ“, „выпускъ“—не даютъ даже и приближительнаго понятія о размѣрахъ предмета. Я купилъ „сотню книгъ“; угадайте: чтобы доставить ихъ ко мнѣ на домъ, понадобился ли ломовой извозчикъ—или же я всю свою покупку уложилъ въ карманъ пальто? Вѣдь и „Вся Россія“ Суворина и какойнибудь „Карманный Календарь“—одинаково „книги“; но экземпляръ одной изъ нихъ,—по вѣсу, объему, количеству бумаги и набора,—равенъ нѣсколькимъ тысячамъ экземпляровъ другой.

Однакожь издавна сдѣлана попытка установить и для книгъ нѣкоторую мѣрку. Эта мѣрка—„печатный листъ“. Мѣрка столь же неточная, какъ, напр., рюмка,—но все же дающая приблизительно понятіе о размѣрѣ, въ особенности при нѣкоторомъ поясненіи. Подобно тому, какъ представленіе о рюмкѣ уясняется при оговоркѣ, что рѣчь идетъ о рюмкѣ водочной, либо портвейной, либо для краснаго вина, и т. д.,—и представленіе о „печатномъ листѣ“ уясняется, если добавить „большого“ либо „малаго“ формата, „разгонистой“ либо „убористой“ печати, и т. п. Особой точности, впрочемъ, и не требовалось: съ количествомъ печатныхъ листовъ соразмѣряется цѣна книги—но лишь до нѣкоторой степени; цѣна книги опредѣляется и по инымъ соображеніямъ, а нерѣдко и по произволу автора или издателя.

Но вотъ, явилась надобность въ болѣе или менѣе точной мѣркѣ и для произведеній печати—при установленіи правъ, ограждающихъ литературную собственность отъ *контра-*

*факции*. Тутъ „печатный листъ“ оказался мѣркой вполне пригодною: понятие о печатномъ листѣ представляется неопредѣлительнымъ—когда рѣчь идетъ о книгахъ вообще, о возможныхъ, *будущихъ* книгахъ; но когда говорится о *данной* книгѣ, *уже напечатанной*,—тогда печатный листъ *этой книги* является мѣркой вполне точной. А на этотъ разъ только и нужно было взять за исходное положеніе „печатный листъ“ *данной* книги. Для разграниченія дозволенныхъ заимствованій изъ чужихъ книгъ отъ контрафакціи, въ основу положено такое правило: „при опредѣленіи, какъ велика помѣщенная въ журналъ или какомъ-либо иномъ собраніи статья, принимается въ основаніе послѣднее изданіе *книги*, изъ коей взята сія статья“ (т. X ч. I, прил. къ ст. 420, ст. 13. То же, безъ сомнѣнія, разумѣется и въ ст. 14 и 15 того же приложенія). Такимъ образомъ, каждому издателю книги предоставлялось, такъ сказать, установить „свой аршинъ“. Рядомъ двѣ книги: одна большого формата и убористой печати, другая—малаго формата и разгонистой печати; „листъ“ первой изъ книгъ содержитъ въ себѣ текста втрое, вчетверо больше, чѣмъ листъ второй;—тѣмъ не менѣе, предѣлы дозволенныхъ заимствованій изъ той и изъ другой опредѣляются размѣрами *ихъ* печатныхъ листовъ,—и слѣдовательно изъ книги большого формата можно заимствовать гораздо больше, чѣмъ изъ книгималаго формата. Другими словами: чтобы довести дозволенное заимствованіе до *minimum'a*, автору было выгодно печатать свою книгу въ возможно меньшемъ форматѣ и возможно разгонистѣе. Можно, конечно, сомнѣваться въ *справедливости* такого принципа: казалось бы болѣе справедливымъ придумать расчетъ, пріуроченный къ количеству истиннаго *текста* заимствованій, а не къ произвольно даваемому издателемъ *формату* книги; зато установленное закономъ правило имѣетъ драгоцѣнныя для примѣненія его качества—*ясность* и *точность*. Мнѣ неизвѣстно въ судебной практикѣ *ни одного* случая, гдѣ бы возникало затрудненіе въ опредѣленіи понятія „печатный листъ“ при защитѣ литературной собственности.

Затѣмъ—явилась новая надобность въ масштабѣ для

произведеній печати. Законъ освободилъ *значительной величины* книги отъ предварительной цензуры. И опять, мѣриломъ величины книги взятъ „печатный листъ“ (уст. ценз., ст. 6). Какъ сказано выше, это—„собственный аршинъ“ для каждой книги. По различію форматовъ и шрифтовъ, одинъ и тотъ же текстъ можно сжать въ 3 печатныхъ листа—либо разбросать на 10 листахъ. Въ первомъ случаѣ одинъ и тотъ же текстъ подлежитъ предварительной цензурѣ, во второмъ—свободенъ отъ нея. Другими словами: уставъ о цензурѣ предоставилъ издателю широкую свободу избрать „свой аршинъ“ для опредѣленія того, подлежитъ или не подлежитъ данная книга предварительной цензурѣ.

Если передъ вами листъ употребляемой для книгъ бумаги, сложенный in-8°, и въ немъ имѣется 16 страницъ печатнаго текста,—то это есть „печатный листъ“. Споръ возможенъ развѣ лишь въ томъ случаѣ, если текстъ разогнанъ чѣмъ называется „на-смѣхъ“; напр., если-бы на страницѣ было напечатано лишь 2—3 строчки (какая же это „страница“, въ обычномъ смыслѣ этого слова?...). Но крупень ли или мелокъ шрифтъ, большія или малыя „поля“ окружаютъ текстъ страницы, велики или малы разстоянія между строками,—все это несущественно: 60 строкъ петита и 15 строкъ корпуса—одинаково „страница“, а 16 тѣхъ или иныхъ страницъ in-8°—одинаково „печатный листъ“.

Итакъ, по точному смыслу 6 ст. уст. ценз., *всякое оригинальное сочиненіе „объемомъ не менѣ десяти печатныхъ листовъ“* свободно отъ предварительной цензуры. Таково *право*, дарованное издателямъ *закономъ*,—право громадной важности. Количество текста, долженствующаго содержаться въ листѣ, закономъ не указано; слѣдовательно, это предоставлено усмотрѣнію издателей.

Законъ установилъ *разграниченіе* между книгами *болѣе и менѣе* 10 листовъ. Надо думать, что при этомъ имѣлось въ виду различіе въ *объемѣ текста*; но вмѣсто того, чтобы найти какую-либо единицу для измѣренія *текста*, взято за единицу количество *бумаги*.

Такая единица годилась бы лишь при томъ условіи,

если бы всѣ книги издавались въ одинаковомъ форматѣ и печатались одинаковымъ прифтомъ, при одинаковыхъ длинѣ строкъ и разстояніи между строками. Однакожь, подобнаго условія не установлено,—да и установить его было бы похоже на то, какъ если бы велѣтъ всѣ картины писать одинаковаго размѣра...

Итакъ, вышло, что для каждой книги допущена своя мѣрка,—что издателямъ данъ весьма широкій просторъ дѣлать книги подцензурными или безцензурными.

Конечно, недоразумѣнія должны были неизбѣжно возникнуть на первыхъ же порахъ дѣйствія новаго закона. Возможно, что были „злоупотребленія“ со стороны издателей,—возможно, что были и „придирки“ со стороны кого-либо изъ лицъ цензурнаго вѣдомства.

Понадобились „толкованія“ 6 ст. уст. о ценз. Толкованія давались административнымъ порядкомъ. Состоялись: 1) распоряженіе главнаго управленія по дѣламъ печати отъ 18 мая 1867 г. (правила, утвержденныя Министеромъ Внутреннихъ Дѣлъ и опубликованныя въ „Сѣверной Почтѣ“ 9 іюня того же года) и подтвердительныя разъясненія с.-петербургскаго цензурнаго комитета отъ 23 и 28 мая 1887 г. и 2) распоряженіе Министра Внутреннихъ Дѣлъ отъ 7 августа 1898 г.

Первыми изъ названныхъ распоряженій устанавливалось, что „величина печатнаго листа и его долей *измѣряется шириною и длиною печатнаго набора (текста) страницы, выраженными въ типографскихъ квадратахъ*“. Для „главныхъ форматомъ, въ которыхъ издаются безцензурныя книги“ (in-2, 4, 8, 12, 16, 24, 32), „назначены нормальные размѣры“ ширины; а „длина набора должна быть не менѣе какъ въ полтора раза болѣе ширины“ (изъятія допущены лишь для форматомъ in-16 и 32). Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ утверждена была „особая мѣрка въ формѣ линейки, на которой означены всѣ размѣры печатнаго листа“, и, для наглядности, особая „таблица форматомъ“. „На каждый квад-

ратъ длины набора должно приходиться не менѣе 3 строкъ“. Указанные размѣры страницъ „требуются какъ *minimum*; книги, не достигающія, по своимъ размѣрамъ, одного изъ этихъ условій, относятся къ *низшему* разряду формата“. („Для сочиненій, писанныхъ стихами, величина печатнаго листа измѣряется только длиною набора“, „ширина же набора въ расчетъ не принимается“). Въ 1887 г. пояснялось (хотя это, казалось бы, и безъ того ясно), что „предоставляется сдѣлать въ квадратѣ четыре и *болѣе* строкъ,—но никакъ не менѣе трехъ; при этомъ, если въ квадратѣ будетъ и *болѣе* трехъ строкъ“, то все-таки „длина набора *обязательно и непременно*“ должна быть не менѣе упомянутой выше.

Что это: *разъясненія*—или *измѣненія* закона?

Законъ указалъ норму—„печатный листъ“. Подъ „листомъ“ нельзя разумѣть ничего иного, какъ известную площадь *бумаги*. Величина бумажнаго листа, употребляемаго для печатанія книгъ, хотя и не указана закономъ, но съ достаточною опредѣленностью установилась исконнымъ обыкновениемъ,—какъ и листъ „писчей“, листъ „почтовой“ бумаги. Существуютъ листы ббльшіе и меньшіе, но—въ известныхъ предѣлахъ. Ни откуда не видно, чтобы въ типографской или цензурной практикѣ возникали какія-либо сомнѣнія, что такое „листъ“ *бумаги*. Но сколько *текста* должно быть напечатано на листѣ бумаги, чтобы счесть его „печатнымъ“,—законъ не опредѣляетъ; *нѣтъ* въ этомъ отношеніи единообразія и въ *обыкновеніяхъ*.

Такимъ образомъ, распоряженія о томъ, какъ великъ долженъ быть размѣръ *набора* на листѣ бумаги,—не *противоречатъ* ст. 6 уст. ценз., а поясняютъ, „толкуютъ“ ее (споръ можетъ быть лишь о томъ, компетентно ли для такого толкованія то или иное административное учрежденіе—или для этого необходимо „толкованіе законодательное“).

Но всякое распоряженіе, чтобы *листъ*, на которомъ имѣется, на каждой его страницѣ (смотря по формату), какой-либо наборъ (дающій ей видъ „страницы“), не *считатъ* листомъ,—нельзя не счесть *измѣненіемъ* закона.

Приведенныя распоряженія имѣютъ характеръ *приказаній типографщикамъ отъ начальства* надъ типографіями. При-

казывается печатать страницы книг не менѣе опредѣленнаго размѣра. И если бы приказаніе было *безусловнымъ*,—всѣ „листы“ появлялись бы съ не менѣе указанных размѣрами текста. Но распоряженіе не безусловно: *дозволяется* печатать листы и съ *иными* размѣрами текста,—но съ тѣмъ, что въ такомъ случаѣ листъ „относится къ *низшему* разряду формата“. Что же отсюда выходит? Напечатана книга *in-8°*, въ ней *10 листовъ*, но форматъ страницъ меньше требуемаго. Такую книгу предписывается считать какъ бы напечатанною *in-12°*; другими словами: *наличный листъ не считать листомъ*.

Изъ сказаннаго, конечно, нельзя выводить, будто я полагаю желательнымъ или возможнымъ *абсолютное* установленіе размѣровъ формата, съ *воспрещеніемъ* печатать книги какихъ-либо *иныхъ* форматовъ. Я хотѣлъ лишь сказать, что *только при этихъ условіяхъ* разсматриваемыя правила не приводили бы къ *отрицанію въ листъ листа*. Но упомянутыя условія *немыслимы*, ибо невозможно ни воспретить печатанія книги *любого* формата (отступленія отъ обычныхъ форматовъ могутъ обуславливаться самымъ характеромъ сочиненія), ни предусмотрѣть *всѣ возможные* форматы,—и слѣдовательно *неизбѣжны* случаи, когда придется *не считать листъ листомъ*. Отсюда для меня несомнѣнно, что самая *основа* разсматриваемыхъ распоряженій,—измѣреніе листа „квадратами“ набора,—неправильна, ибо неизбѣжно ведетъ къ *столкновенію съ закономъ*.

Обратимся къ *существоу* правилъ.

Устанавливая только количество квадратовъ набора, длину страницы, количество и ширину строчекъ,—правила оставляютъ широкій просторъ *шрифтамъ*; а количество *текста* въ книгахъ *еще больше* зависитъ отъ шрифтовъ, чѣмъ отъ формата. Составители правилъ 1867 г. указали только *минимумъ* набора; конечно, отъ издателя зависѣло свести *текстъ* до этого дозволеннаго *минимума*—при помощи *крупнаго шрифта*. Съ другой стороны, издатель ничего не выигрывалъ, если помѣщалъ текста на листѣ значительно *больше* *минимума*: какъ бы много ни было строкъ въ страницѣ, длина ея „обязательно и непременно“ должна быть *не меньше*,

какъ еслибы строкъ было въ квадратѣ только 3;—и въ этомъ отношеніи цензурное вѣдомство было вполне корректно: законъ указываетъ, какъ единицу, мѣры, „листъ“—значить, какъ бы ни былъ обширенъ текстъ, но если онъ занимаетъ менѣе листа—это не „листъ“.

Правила 1867 г. установили, слѣдовательно, лишь „геометрическую“ мѣрку набора, долженствующаго имѣть мѣсто на листѣ. *Шрифты* предоставлены *усмотрѣнію* печатающихъ. Но этого мало. Даже при *одинаковомъ шрифтъ*, количество требуемаго набора существенно *различно*—смотря по тому, въ какомъ *форматѣ* печатается книга. Коли ужъ брать для опредѣленія понятія „листъ“ геометрическую мѣрку набора,—то можно было ожидать, что будетъ придумана такая мѣрка, при которой, какъ бы вы листъ ни сложили (какія бы ни были „доли“ листа), площадь набора должна быть одинакова. Но такой соразмѣрности *нѣтъ*. Предоставляю желающимъ самимъ сдѣлать математическія выкладки; по моей же математикѣ выходитъ такъ: въ листѣ in-2° требуется 486 „квдратовъ“, а въ листѣ in-32—768 квадратовъ. Другими словами: *одинъ и тотъ же текстъ*, набранный *однимъ и тѣмъ же шрифтомъ* и вполне достаточный для листа in-2, окажется далеко *недостаточнымъ* для листа in-32 (изъ 64 страницъ послѣдняго останутся незаполненными слишкомъ 23); и наоборотъ: перенесите текстъ листа in-32 на листъ in-2°—получите полный листъ, и еще останется 23 страницы „лишку“. Чтобы пропустить книгу безъ предварительной цензуры, всего „выгоднѣе“ напечатать ее in-2°; затѣмъ—in-12, in-4, in-8, in-16, in-24; всего „невыгоднѣе“—in-32.

Такія правила дѣйствовали въ теченіе слишкомъ 30 лѣтъ.

8 августа 1898 г. напечатано состоявшееся накануне распоряженіе Министра Внутреннихъ Дѣлъ: „Въ виду недоразумѣній, возникающихъ при исчисленіи, по правиламъ 18 мая 1867 г., количества печатныхъ листовъ въ неперіодическихъ изданіяхъ, выходящихъ въ свѣтъ безъ разрѣшенія предварительной цензуры (ст. 6 п. а, 1, уст. о ценз. изд.

1890 г.), Министръ Внутреннихъ Дѣлъ призналъ необходимымъ предложить столичнымъ цензурнымъ комитетамъ, при опредѣленіи въ означенныхъ случаяхъ величины печатнаго листа, руководствоваться количествомъ *печатнаго набора* (шрифта), полагая таковой въ *33000 буквъ въ листъ*“.

Такимъ образомъ, книги велѣно измѣрять не количествомъ занятаго печатными строками *пространства*, а количествомъ заключающагося въ нихъ *текста*.

Мнѣ кажется, что исходный *принципъ*, положенный въ основу распоряженія 1898 г., соотвѣтствуетъ *идеѣ* закона несомнѣнно *болѣе*, чѣмъ тотъ, изъ котораго исходили правила 1867 г. *Мысль* закона была, очевидна, въ томъ, что *малыя* сочиненія остаются подъ предварительной цензурой, а *большія* отъ нея освобождаются. По какому же *признаку* рационально стлчать „малое“ сочиненіе отъ „большаго“? *Не можетъ быть*, чтобы законъ имѣлъ въ виду взять за такой признакъ исключительно *форматъ* книги, исключительно количество занятыхъ *какою бы то ни было* печатью „квадратовъ“. Это было бы все равно, что *измѣрять словесную рѣчь* не по ея *продолжительности* и большей или меньшей *быстротѣ произнесенія словъ*, а по тому, *громко или тихо, баритономъ или теноромъ* она произносится. Для меня несомнѣнно, что разница между „большимъ“ и „малымъ“ сочиненіемъ заключается *единственно* въ томъ, много или мало „сочинено“; а когда сочиненіе напечатано, то *единственнымъ* критеріемъ для отличія „большаго“ отъ „малаго“ представляется количество *текста*; при разнообразіи же формата, шрифта и набора, *единственнымъ* счетчикомъ „текста“ должно быть количество *буквъ* набора.

Но почему 33.000? Свѣдущіе въ типографскомъ дѣлѣ утверждаютъ, что, при дѣйствіи правилъ 1867 г., „сообразительный“ издатель, взявъ наиболѣе „выгодные“ форматъ и шрифтъ, могъ выпустить безъ предварительной цензуры книгу въ 10 листовъ, съ наборомъ въ листъ менѣе *11.000* буквъ. Почему же теперь—33.000? Для *этого* ни малѣйшаго основанія въ *законѣ нѣтъ*.

Помимо отсутствія почвы въ законѣ, распоряженіе 1898 г. грѣшитъ и крайней *неясностью*, „чреватой“ массой недоразумѣній.

Сказано: „33.000 *буквъ*“. Какъ это понимать: требуется ли количество дѣйствительно напечатанныхъ *буквъ*—или, какъ выражаются въ типографіяхъ, „*мѣстъ*“? Дѣло въ томъ, что, при заказахъ въ типографіяхъ, въ основаніе счета берется количество „*мѣстъ*“ въ строкѣ, т. е. считается, сколько *буквъ помѣстилось бы* въ строкѣ, если бы она наполнилась буквами *сплошь, безъ вычета* разстояній, занимаемыхъ промежутками между словами, неполными строками и т. п. Что же требуется: 33.000 *буквъ*—или *мѣстъ*? Разница по меньшей мѣрѣ *процентовъ въ 10*. И притомъ: сосчитать „*мѣста*“ въ строкѣ нетрудно; но считать, хотя бы лишь въ сомнительныхъ случаяхъ, количество дѣйствительно напечатанныхъ *буквъ*—слишкомъ кропотливо.

Чтобы иллюстрировать чрезмѣрную требовательность новыхъ правилъ, можно указать, напр., что въ листѣ такого формата и шрифта, какимъ напечатана эта моя статья, всего лишь 32.000 *мѣстъ*, а *буквъ* не болѣе 29.000. Слѣдовательно, листъ Журнала Министерства Юстиціи—во всякомъ случаѣ *не мѣстъ*, и подписчики Журнала не всегда получаютъ обѣщанные 20 листовъ въ книгѣ.—Напечатанная этимъ шрифтомъ и въ этомъ форматѣ книга, въ 160 страницъ, т. е. въ 10 листовъ, подлежитъ, по новымъ правиламъ, предварительной цензурѣ.—Беру, навѣдку, другую попавшуюся подъ руку книгу—„Императоръ Александръ I“ г. Шильдера. Книга эта напечатана *in-4°*, по 8 страницъ въ листѣ; *мѣстъ* въ строкѣ приблизительно 64; строкъ на страницѣ 42. Не мало *мѣста* отходитъ на рисунки, на пробѣлы въ заглавныхъ и заключительныхъ страницахъ главъ, и т. п. Но если бы страницы были заняты наборомъ *сплошь*, то и тогда въ листѣ оказалось бы всего 21.500 *мѣстъ* ( $64 \text{ мѣста} \times 42 \text{ строки} = 2.688 \text{ въ страницѣ}, \times 8 = 21.504$ ), а *буквъ*—никакъ не больше 19.000. Значитъ, листъ такой книги—далеко не „*листъ*“, и 10 такихъ листовъ—отнюдь не 10.

Далѣе. Установленіемъ нормы „35.000 *буквъ*“—устра

нена ли норма „печатный листъ“? Могутъ быть два случая: наборъ 1) *болѣе* и 2) *менѣе* 33.000 буквъ. Спрашивается: если въ наборѣ данной книги, скажемъ, не 33.000, а 66.000 буквъ,—сочтутъ ли *одинъ листъ за два*? И наоборотъ: если въ наборѣ лишь 16.500 буквъ—сочтутъ ли *два листа за одинъ*? При *утвердительномъ* отвѣтѣ на этотъ вопросъ выйдетъ, что, при наборѣ въ 66.000 буквъ, пройдетъ безъ предварительной цензуры книга въ 5 печатныхъ листовъ, а книга съ наборомъ въ 16.500 и менѣе буквъ подлежитъ цензурѣ, хотя бы въ ней было 19 и даже болѣе печатныхъ листовъ. Въ *обоихъ* случаяхъ нарушается указанная *закономъ* норма—*„печатный листъ“*.

А стихотворенія? Поэты капризны на длинныя и короткія строчки. Какъ ихъ учитывать? Прежнія правила все-таки давали норму,—а распоряженіе 1898 г. должно поставить цензоровъ въ тупикъ, ибо не даетъ по этому вопросу никакихъ особыхъ указаній; значить и отъ стиховъ требуется 33.000 буквъ въ листѣ? Беру навѣдѣрку „Евгенія Онѣгина“; въ немъ (изданіе Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ, Спб., 1887 г.) болѣе 10 печатныхъ листовъ и слѣдовательно по правиламъ, дѣйствовавшимъ до 1898 г., поэма могла бы выйти безъ предварительной цензуры. Сосчитаю же буквы въ 2—3 строчкахъ, я вижу, что, несмотря на значительный форматъ упомяну-таго изданія, въ листѣ не болѣе 13.000 буквъ,—недостаетъ 20.000 до нормы.

---

Мнѣ думается, что вопросъ долженъ быть разрѣшенъ въ *законодательномъ* порядкѣ.

Заявляя такое пожеланіе, позволю себѣ высказать слѣдующія соображенія:

Какой резонъ освобождать отъ предварительной цензуры *большія* книги—и не освобождать *малыя*? Вѣдь если данная книга направлена ко злу,—то *чѣмъ она больше, тѣмъ больше зла*. Съ *этой* точки зрѣнія, рациональнѣе освободить отъ цензуры *малыя* книги. И притомъ: даже и безцензурныя из-

данія выдерживаются въ цензурѣ 7 дней; маленькую книжку можно процenzировать въ  $\frac{1}{2}$  часа, — а чтобы „раскусить ядь“ многолистной книги — мало и недѣли. Поэтому, еслибы было признано основательнымъ дѣлать, въ цензурномъ отношеніи, различіе между *большими* и *малыми* книгами, — то цѣлесообразнѣе было бы оставить подъ предварительной цензурой *большія* книги — и *освободить* отъ нея *малыя*, а не наоборотъ.

Въ оправданіе существующаго различія по *величинѣ* книгъ говорятъ, что большая книга имѣетъ и большую продажную *цѣну* — слѣдовательно ея „лекторія“ *меньше*, сосредоточивается среди интеллигенціи и не идетъ въ „народъ“. Но тогда *такъ и постановите*: книга цѣною, скажемъ, *не ниже рубля*, предварительной цензурѣ не подлежитъ, — *независимо* отъ того, сколько въ ней листовъ и сколько въ листѣ буквъ.

На это могутъ возразить: злонамѣренные авторы и издатели станутъ злоупотреблять своей полной свободой назначать книгамъ любяя цѣны, — и такимъ образомъ отъ произвола издателей будетъ зависеть освободить книги отъ предварительной цензуры назначеніемъ высокихъ цѣнъ. Въ такомъ случаѣ — возьмите для цензуры *другой* признакъ: книги, по *содержанію* своему могущія идти въ народъ, либо *учебники*, предназначенные для *школъ*, подлежатъ предварительной цензурѣ, а всѣ прочія, — каковы бы ни были ихъ *объемы* и *цѣны*, — освобождаются отъ цензуры.

Итакъ: предѣлы „свободы печати“ должны быть, такъ или иначе, съ *точностью* опредѣлены въ *законѣ*, — чтобы никакія „усмотрѣнія“ не могли ни расширять, ни умялять этой свободы. Пока дѣйствуетъ нынѣшній законъ — предѣлы ея опредѣляются количествомъ „печатныхъ листовъ“. Разсуждая же *de lege ferenda*, нельзя не признать, что такая норма, во-первыхъ, слишкомъ неопредѣленна и, во-вторыхъ, едва-ли цѣлесообразна, ибо служащая основаніемъ предварительной цензуры возможность вреда отъ книгъ отнюдь не зависитъ отъ ихъ *размѣровъ*. Нѣсколько болѣе цѣлесообразнымъ, казалось бы, взять за норму продажную *цѣну* книгъ, ибо отъ цѣны зависитъ ихъ *распространенность*; но и этотъ

Жур. Мин. Юст. Мартъ 1899.

признакъ ненадеженъ и зависитъ отъ произвола издателей. Остается еще признакъ—*содержаніе* книги; но различать, съ цензурной точки зрѣнія, книги по этому признаку едва ли цѣлесообразно *потому*, что большая или меньшая способность книги къ широкому распространенію зависитъ не только отъ предмета, о которомъ она трактуетъ, но еще болѣе отъ *способа изложенія* (популярный, общедоступный—или строго научный, специальный); тутъ регламентація была бы бессильна—и открылся бы слишкомъ неограниченный просторъ личнымъ взглядамъ исполнителей закона.

За отсутствіемъ же такихъ *внѣшнихъ* признаковъ, по которымъ можно было бы раздѣлить книги на подлежащія и неподлежащія предварительной цензурѣ,—не рациональнѣе ли сохранить только цензуру *карательную*,—а изъ предварительныхъ—оставить лишь 1) цензуры *спеціальныя* (иностранная, духовная, придворная) и 2) *добровольную*—для желающихъ подвергнуть ей предполагаемую къ выпуску въ свѣтъ книгу?

---

## ДВИЖЕНИЕ ПРЕСТУПНОСТИ

ВЪ ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ

за 1874—94 гг.

Е. Н. Тарновскаго.

### I.

Исслѣдованіе роста преступности въ Россіи представляетъ нѣкоторыя затрудненія, не встрѣчающіяся въ западно-европейской статистикѣ. Прежде всего, немалое препятствіе представляетъ неодновременность реформы судебныхъ учреждений въ различныхъ частяхъ Имперіи. Статистическія свѣдѣнія по программѣ сводовъ, издаваемыхъ Министерствомъ Юстиціи, собираются начиная съ 1874 г. Но въ то время общія судебныя установленія, учрежденныя по Уставамъ Императора Александра II, были введены лишь въ округахъ шести судебныхъ палатъ, влючавшихъ въ себя 33 губерніи Европейской Россіи, безъ Прибалтійскаго и всего западнаго края, а также сѣверныхъ и нѣкоторыхъ восточныхъ губерній. Съ 1880 года начались печатаніемъ данныя по Кіевскому судебному округу, съ 1884—по Виленскому, съ 1890 г.— по Прибалтійскимъ судамъ. Статистическія свѣдѣнія по округу Варшавской судебной палаты, разрабатываемыя при канцеляріи этой палаты, восходятъ до 1877 года. Наконецъ въ послѣднемъ отчетномъ 1894 году были введены общія судебныя

учреждения по Уставамъ 20 ноября 1864 г. въ губерніяхъ Олонецкой, Уфимской, Оренбургской и Астраханской, относительно которыхъ свѣдѣнія о движеніи преступности до 1894 г. почти не могутъ быть сравниваемы съ данными по губерніямъ, входящимъ въ районы реформированныхъ судебныхъ установленій. Въ виду такого рода послѣдовательности введенія новыхъ судовъ, и съ ними особаго порядка судебно-статистической отчетности, въ предѣлахъ Европейской Россіи движеніе преступности можетъ быть изучаемо за время съ 1874 г. только на сравнительно ограниченномъ пространствѣ (33 губерній внутренней Россіи).

Вторымъ, и болѣе существеннымъ, недостаткомъ нашихъ уголовно-статистическихъ изданій, по отношенію къ вопросу о суммѣ всѣхъ преступленій и проступковъ, — является неполнота статистическаго матеріала, отсутствіе разрабатываемыхъ по общей программѣ свѣдѣній о мелкихъ, но многочисленныхъ проступкахъ, разсматриваемыхъ мировыми судьями и волостными судами. Австрійская и французская уголовная статистика содержатъ данныя не только о числѣ дѣлъ или осужденныхъ за преступленія и проступки, но также и за мелкія нарушенія (*contraventions*). Въ Германіи собираются свѣдѣнія объ осужденныхъ за всѣ преступленія и проступки во всѣхъ имперскихъ судахъ. Вообще почти во всѣхъ европейскихъ странахъ имѣются налицо числа всѣхъ осужденныхъ или всѣхъ уголовныхъ дѣлъ, разрѣшенныхъ всѣми судами даннаго государства. Между тѣмъ, въ нашихъ статистическихъ сводахъ содержатся свѣдѣнія только по общимъ судебнымъ установленіямъ (о числѣ дѣлъ, подсудимыхъ и осужденныхъ) и лишь о тѣхъ осужденныхъ мировыми судами, которые, по закону, подлежатъ заключенію въ тюрьму. Осужденные этого рода составляютъ лишь меньшую часть общаго числа осужденныхъ или судившихся въ мировыхъ судахъ. Особенно значительно число судившихся за оскорбленія словами или дѣйствіемъ и за насиліе (ст. 130—142 уст. наказ.), число, интересное для сопоставленія съ количествомъ подсудимыхъ въ общихъ судахъ за болѣе тяжкіе виды однородной преступности, т. н. преступленія противъ

тѣлесной неприкосновенности. Сюда же входитъ и группа „обидъ дѣйствиємъ“, подходящая подъ понятіе *attentats à la pudeur*, любострастные дѣйствія безъ попытки изнасилованія или растлѣнія, исчезающія у насъ въ общей массѣ проступковъ подсудныхъ мировой юстиціи, о которыхъ не собирается статистическихъ данныхъ. Между тѣмъ эта группа дѣлъ заслуживаетъ особаго выдѣленія и сопоставленія съ числомъ болѣе важныхъ, но однородныхъ по существу преступленій, разсматриваемыхъ окружнымъ судомъ.

Въ особенности чувствителенъ пробѣлъ нашей уголовной статистики относительно дѣятельности волостныхъ судовъ. Нѣкоторыя данныя о разбирательствѣ дѣлъ названными судами (равно какъ и земскими начальниками) встрѣчаются во всеподданнѣйшихъ отчетахъ губернаторовъ, но далеко не во всѣхъ и не по однородной программѣ. Общее же число уголовныхъ дѣлъ, разрѣшенныхъ волостными судами, весьма значительно и нерѣдко превышаетъ число дѣлъ въ мѣстной мировой юстиціи <sup>1)</sup> вмѣстѣ съ числомъ дѣлъ, подлежащихъ вѣдѣнію окружнаго суда. Такъ, напр., въ Тверской губ. за 1896 г. было разсмотрѣно волостными судами 18254 уголовныхъ дѣлъ, а у земскихъ начальниковъ за тотъ же годъ было рѣшено только 12361 дѣло, притомъ гражданскихъ и уголовныхъ вмѣстѣ <sup>2)</sup>. Въ Казанской губ. за 1896 было разрѣшено волостными судами 9839 уголовныхъ дѣлъ, земскими начальниками—9376 угол. дѣлъ. Разработка статистическихъ свѣдѣній по волостнымъ судамъ представляетъ тѣмъ болѣе интересъ, что эти суды разбираютъ между прочимъ и дѣла о кражахъ между крестьянами на сумму до 50 руб. безъ отягчающихъ вину обстоятельствъ. Такимъ образомъ, даже о такомъ сравнительно важномъ проступкѣ, какъ кража, мы не имѣемъ достаточныхъ цифровыхъ данныхъ, хотя у насъ и есть чрезвычайно подробныя свѣдѣнія о личности осужден-

<sup>1)</sup> Всѣхъ наименованій, т. е. мировыхъ и городск. судей, уѣздныхъ членовъ суда и земскихъ начальниковъ.

<sup>2)</sup> Сборникъ правовѣднія и общественныхъ знаній, т. VIII. Судебно-административныя учрежденія Тверской губ. за 1892—97 гг. С. А. Михайловскаго.

ныхъ за названный проступокъ общими и мировыми судами. Можно было бы легко пожертвовать нѣкоторыми подробностями о личныхъ особенностяхъ осужденныхъ высшими формами суда, лишь бы знать общее количество судившихся за данный проступокъ во всѣхъ судахъ Имперіи. Безъ соблюденія этого условія нельзя себѣ составить точнаго представленія о движеніи преступности въ странѣ и совершенно невозможно сопоставленіе нашихъ уголовно-статистическихъ данныхъ (въ особенности о кражѣ) съ соотвѣтственными числами западно-европейскихъ странъ. Слѣдуетъ впрочемъ замѣтить, что и въ Россіи есть одинъ округъ, въ которомъ собираются свѣдѣнія о всѣхъ осужденныхъ по уст. наказ. за кражу и другіе проступки, караемые тюрьмой: это округъ Варшавской судебной палаты; по этому округу имѣются данныя не только объ осужденныхъ мировыми судьями, но и гминными судами, соотвѣтствующими отчасти по своей юрисдикціи волостнымъ судамъ внутренней Россіи. Въ Варшавскомъ судебномъ округѣ число подсудимыхъ (не осужденныхъ) въ мировыхъ и гминныхъ судахъ (по проступкамъ, караемымъ тюрьмой) въ 2,7 раза больше числа подсудимыхъ въ общихъ судебныхъ установленіяхъ Царства Польскаго. Въ восьми внутреннихъ округахъ Европейской Россіи число подсудимыхъ въ мировой юстиціи только въ 1,4 раза больше числа подсудимыхъ въ общихъ судахъ. Это различіе также указываетъ на то, что въ волостныхъ судахъ у насъ судится значительное число лицъ крестьянскаго сословія за кражу, присвоеніе и мошенничество, и число это не уступаетъ числу судившихся за однородные проступки у мировыхъ судей и въ судебно-административныхъ установленіяхъ 1889 г.

Слѣдуетъ еще сказать нѣсколько словъ относительно мѣрилы роста преступности—по числу возникшихъ уголовныхъ дѣлъ (слѣдствій) и по числу подсудимыхъ или осужденныхъ. Наиболѣе точнымъ показателемъ преступности считается число совершенныхъ въ данной странѣ преступныхъ дѣяній (*Strafthat, reato commesso*), но статистика преступныхъ дѣяній, помимо числа уголовныхъ дѣлъ и лицъ, привлеченныхъ къ суду, существуетъ пока только въ Германіи и Италіи. Во всѣхъ дру-

гихъ странахъ, въ томъ числѣ и въ Россіи, налицо имѣется только выборъ между числомъ возникшихъ дѣлъ, подсудимыхъ и осужденныхъ. Служить мѣриломъ роста или паденія преступности могутъ и эти величины, такъ какъ между числомъ совершенныхъ преступленій и числомъ уголовныхъ дѣлъ или же числомъ подсудимыхъ и осужденныхъ существуетъ извѣстное, большею частью постоянное соотношеніе, и случаи противоположнаго движенія, напр., числа совершенныхъ преступленій и числа возникшихъ слѣдствій возможны лишь при исключительныхъ обстоятельствахъ. Но, тѣмъ не менѣе, есть нѣкоторая разница, по нашимъ статистическимъ сводамъ, въ движеніи числа возникшихъ дѣлъ и числа подсудимыхъ или осужденныхъ. Это различіе замѣчается, главнымъ образомъ, по отдѣльнымъ годамъ, ознаменованнымъ особыми законодательными мѣрами или же Всемилостивѣйшими манифестами. Въ среднемъ по пятилѣтіямъ отношеніе остается довольно постояннымъ, что подтверждаетъ слѣдующая маленькая таблица. Если принять число возникшихъ у судебныхъ слѣдователей слѣдствій за 100, то на это число сколько придется подсудимыхъ и осужденныхъ общими судебными уставленіями?

Пятилѣтія.	Число возникшихъ слѣдствій.	Ч. подсудимыхъ.	Ч. осужденныхъ.
1874—78	100	44	29
1879—83	100	41	26
1884—88	100	46	30
1889—93	100	44	30

Такимъ образомъ, на 100 возникшихъ слѣдствій приходится въ среднемъ около 45 подсудимыхъ и около 30 осужденныхъ. Это, такъ сказать, нормальное отношеніе. Оно сильно измѣнялось въ 1882—84 г.г. въ зависимости отъ закона 18 мая 1882 г. (ст. 170<sup>1</sup> уст. наказ.) и коронаціоннаго манифеста 15 мая 1883 года. Съ 1884 по 1894 г. (новый манифестъ 14 ноября)—отношеніе чиселъ слѣдствій, подсудимыхъ и осужденныхъ измѣнялось лишь незначительно.

Отсюда слѣдуетъ, что для сужденія о ростѣ преступности можно пользоваться и числами возникшихъ дѣлъ и числами подсудимыхъ или осужденныхъ. Но число возникшихъ дѣлъ

въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, какъ то уже было нами однажды указано <sup>1)</sup>, предпочтительнѣе, такъ какъ относится къ опредѣленному (отчетному) году, не зависитъ отъ воздѣйствія постороннихъ, неотносящихся къ условіямъ народной жизни причинъ, какъ, напр., большей строгости или снисходительности органовъ судебной власти и т. п. Остается только пожалѣть, что по нашимъ статистическимъ сводамъ нельзя выдѣлить число дѣлъ, прекращаемыхъ за отсутствіемъ состава преступленія. Число этого рода дѣлъ довольно однако значительно, если судить по даннымъ французской уголовной статистики: изъ 100 дѣлъ, прекращенныхъ прокуратурой, судебными слѣдователями и обвинительной камерой, около 47 прекращаются во Франціи по отсутствію признаковъ преступленія или проступка (*les faits incriminés ne constituaient ni crime, ni délit*). Но даже и безъ выдѣленія слѣдствій, прекращенныхъ по отсутствію состава преступленія, все-таки общее число возникшихъ уголовныхъ дѣлъ ближе къ дѣйствительности воспроизводитъ движеніе преступности, чѣмъ значительно меньшее число подсудимыхъ или осужденныхъ, тѣмъ болѣе, что еще надо имѣть въ виду нѣкоторое число преступленій и въ особенности проступковъ, оставшихся совершенно неизвѣстными или по крайней мѣрѣ недошедшими до свѣдѣнія органовъ судебной власти.

Наиболѣе осторожнымъ приемомъ, конечно, является сопоставленіе какъ числа возникшихъ ежегодно слѣдственныхъ дѣлъ, такъ и числа подсудимыхъ или осужденныхъ. При такого рода сопоставленіи по отдѣльнымъ годамъ легко выясняются причины колебаній числа подсудимыхъ и подчеркивается большее постоянство числа уголовныхъ дѣлъ. По отношенію однако къ мировой юстиціи этотъ приемъ примѣнимъ только до 1890 г., такъ какъ, съ введеніемъ судебно-административныхъ учреждений, какъ уже было упомянуто, существенно измѣнился порядокъ отчетности мѣстной мировой юстиціи, а отчасти и самый кругъ ея вѣдомства.

Сдѣлавъ эти общія предварительныя замѣчанія, мы мо-

<sup>1)</sup> Жур. Мин. Юст. 1898, Октябрь.

жемъ приступить къ разсмотрѣнію движенія преступности въ Европейской Россіи.

## II.

Какъ уже было сказано выше, прослѣдить движеніе преступности въ Россіи съ 1874 г. можно только относительно извѣстной, хотя и значительной, части ея. Въ 1874 г. общія судебныя установленія, наравнѣ съ мировыми, существовали на пространствахъ 33 губерній, а именно: Петербургской, Псковской, Новгородской, Вологодской (5 юго-западныхъ уѣздовъ), Вятской, Пермской, Костромской, Ярославской, Тверской, Смоленской, Калужской, Московской, Владимірской, Нижегородской, Казанской, Симбирской, Пензенской, Тамбовской, Рязанской, Тульской, Орловской, Черниговской, Курской, Воронежской, Саратовской, Самарской, области Войска Донскаго, Харьковской, Полтавской, Екатеринославской, Таврической, Херсонской и Бессарабской. Такимъ образомъ, за 21 годъ (1874—94) свѣдѣнія имѣются относительно почти всей Великороссіи, лѣвобережной Малороссіи и Новороссіи. Перечисленныя губерніи занимаютъ большую часть площади Европейской Россіи и въ ихъ предѣлахъ живутъ около 72% населенія (безъ Царства Польскаго). Въ виду этого движеніе преступности въ означенной территоріи въ главнѣйшихъ чертахъ должно соответствовать подобному же движенію во всей Европейской Россіи. Что подобное соответствіе дѣйствительно существуетъ, показываютъ данныя о числѣ возникшихъ дѣлъ и осужденныхъ въ предѣлахъ 9 судебныхъ округовъ (съ 1884 г.) сравнительно съ числами по территоріи, занятой судебными установленіями съ 1874 г. Въ томъ и другомъ случаѣ обнаруживается извѣстная параллельность колебаній и подъемовъ чисель, какъ то будетъ показано ниже.

Приступая къ разсмотрѣнію движенія преступности въ 33 губерніяхъ, слѣдуетъ прежде всего указать на то весьма существенное обстоятельство, что общее число уголовныхъ дѣлъ, а также подсудимыхъ и осужденныхъ, какъ въ общихъ, такъ и въ мировыхъ судахъ, сильно измѣняется съ

1882 на 1883 годъ. Это измѣненіе произошло подъ вліяніемъ закона 18 мая 1882 г., благодаря передачѣ значительнаго количества дѣлъ о кражахъ въ вѣдѣніе мировой юстиціи. Въ виду этого, для сужденія о ростѣ преступности вообще, необходимо, если ограничиться изученіемъ преступности въ общихъ судебныхъ установленіяхъ, выдѣлить кражу изъ числа подвѣдомственныхъ этимъ установленіямъ дѣлъ, или же, изслѣдуя общее движеніе преступности,—соединить въ одно цѣлое число дѣлъ (или подсудимыхъ) въ общихъ и мировыхъ судахъ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ, убыль, происшедшая въ 1882 и 1883 г.г. въ общихъ судахъ, уравновѣшивается соотвѣтственнымъ увеличеніемъ числа дѣлъ (или подсудимыхъ) въ мировыхъ судахъ. Такъ какъ необходимо, при изслѣдованіи роста преступности, имѣть въ виду и ростъ населенія, то соотвѣтственныя данныя были заимствованы мною изъ статьи г. Покровскаго „Вліяніе хлѣбныхъ цѣнъ на движеніе населенія“ и исправлены согласно съ числами населенія по переписи 28 января 1897 г. Хотя эти данныя не могутъ быть названы вполне точными, однако же для нашихъ цѣлей они удовлетворительны.

Разсмотримъ прежде всего движеніе общаго числа уголовныхъ дѣлъ, возникавшихъ ежегодно, какъ въ общихъ, такъ и мировыхъ судахъ. Относительно мировыхъ судовъ слѣдуетъ оговориться, что данныя о числѣ дѣлъ имѣются у насъ только до 1890 г.; начиная съ этого года, судебно-административныя учрежденія не сообщаютъ болѣе свѣдѣній объ общемъ числѣ бывшихъ въ ихъ производствѣ уголовныхъ дѣлъ, присылая въ Министерство Юстиціи только справки о судимости лицъ, приговоренныхъ къ тюремному заключенію. И по мировымъ установленіямъ недостаетъ отчетовъ о первыхъ двухъ годахъ 1874 и 1875, такъ что сравненіе движенія дѣлъ въ общихъ и мировыхъ судахъ, по необходимости, выходитъ не совсѣмъ полнымъ, обнимая только 14 лѣтъ изъ 21. По общимъ судебнымъ установленіямъ, для удобства сравненія, помимо общаго числа дѣлъ, показано и движеніе числа дѣлъ безъ кражи, какъ преступленія, измѣненнаго въ своей подсудности закономъ 18 мая 1882 г.

	Абсолютныя величины.			Относительныя величины.				
	Общее число уголовныхъ дѣлъ, возникшихъ у суд. слѣдователей и въ прокурорскомъ надзорѣ.	Число возникшихъ дѣлъ безъ дѣлъ о кражѣ.	Общее число уголовныхъ дѣлъ, возникшихъ въ мировыхъ судахъ.	Число дѣлъ въ общихъ и мировыхъ судахъ вмѣстѣ.	Число дѣлъ у суд. слѣд. и прок. надз.	То же число безъ кражи.	Число возникшихъ дѣлъ въ общихъ и мировыхъ судахъ вмѣстѣ.	Ростъ населенія.
1874	81963	47927	"	"	100	100	"	100
1875	83076	48195	"	"	101	101	"	102
1876	84410	48146	409569	493979	103	100	100	103
1877	88930	48554	384990	473920	108	101	96	105
1878	97375	52825	422727	520102	119	110	106	106
1879	99304	55756	478940	578244	121	116	117	107
1880	108043	56281	501033	609076	132	117	123	109
1881	108530	56644	485625	594155	132	118	120	110
1882	96986	61411	549537	646523	118	128	131	112
1883	82184	61237	562608	644792	100	128	131	113
1884	83865	62709	594427	678292	102	131	137	115
1885	87027	65640	637717	724745	106	137	147	117
1886	86193	65196	644468	730661	105	136	148	118
1887	88724	67199	666401	755125	108	140	153	120
1888	86792	65766	644878	731670	106	137	148	123
1889	88747	67141	689020	777767	108	140	157	124
1890	90516	67433	"	"	110	141	"	126
1891	96567	69483	"	"	118	145	"	128
1892	95499	68075	"	"	116	142	"	129
1893	93292	67192	"	"	114	140	"	130
1894	95241	68667	"	"	116	143	"	132

Число возникшихъ у судебныхъ слѣдователей и въ прокурорскомъ надзорѣ <sup>1)</sup> дѣлъ въ первые 8 лѣтъ съ 1874 по 1882 г. возрастало быстрѣе, чѣмъ населеніе соотвѣтственной части Европейской Россіи. Затѣмъ, послѣ перерыва 1882 г., вслѣдствіе измѣненія подсудности дѣлъ о кражѣ, число уголовныхъ дѣлъ въ общихъ судебныхъ установленіяхъ вернулось къ уровню начальнаго 1874 г. и въ послѣдующія 11 лѣтъ, съ 1884 по 1894 г., повышалось сравнительно медленно, не превосходя роста населенія за это время. Выдается только довольно значительный подъемъ 1891 года. Число уголов-

<sup>1)</sup> Число дѣлъ, возникшихъ непосредственно (помимо судебныхъ слѣдователей) въ прокурорскомъ надзорѣ, составляетъ приблизит. 2% общаго числа ежегодно возникающихъ уголовныхъ дѣлъ.

ныхъ дѣлъ за исключеніемъ дѣлъ о кражѣ возрастало болѣе равномерно за всѣ 21 годъ, такъ какъ не подвергалось измѣненіямъ вслѣдствіе законодательныхъ мѣръ. Это число и можетъ служить однимъ изъ лучшихъ показателей движенія преступности, по крайней мѣрѣ по отношенію къ дѣламъ общихъ судебныхъ установленій. Мы видимъ здѣсь почти непрерывный подъемъ вплоть до 1887 г., послѣ котораго начинаются колебанія съ ослабѣвшею уже тенденцію къ повышенію. 1891 годъ и по этимъ преступленіямъ (безъ кражи) представляетъ кульминаціонный пунктъ, послѣ котораго наступаетъ небольшое паденіе.

Что касается числа уголовныхъ дѣлъ (всѣхъ видовъ) въ мировыхъ судахъ, то, судя по отчетнымъ вѣдомостямъ съ 1876 по 1889 г., оно возрастало весьма рѣшительно за этотъ періодъ, помимо искусственнаго увеличенія, происшедшаго подъ вліяніемъ закона 18 мая 1882 г. Общее число возникшихъ дѣлъ какъ въ общей, такъ и мировой юстиціи, съ 1876 по 1889 г. возросло на 57%, по 4% ежегодно, тогда какъ населеніе за то же время увеличивалось на 1,5% ежегодно, или почти въ 3 раза медленнѣе. Главное возрастаніе приходится на число дѣлъ мировыхъ судовъ. Отбросивъ періодъ до 1883 г., какъ прерванный дѣйствіемъ закона 1882 г., мы получаемъ слѣдующую схему движенія уголовныхъ дѣлъ въ общихъ и мировыхъ судахъ съ 1883 по 1889 г. въ относительныхъ величинахъ:

Число возникшихъ дѣлъ:	1883	1884	1885	1886	1887	1888	1889
въ общихъ судахъ	100	102	106	105	108	105	108
„ мировыхъ „	100	106	113	115	118	115	122

Въ то время какъ въ мировыхъ судахъ число дѣлъ быстро увеличивается, въ теченіе 7 лѣтъ поднявшись на 22%,— въ общихъ судебныхъ установленіяхъ подъемъ числа слѣдствій весьма незначителенъ и непостояненъ, составляя не болѣе 1% въ годъ. Весьма жаль, конечно, что наши свѣдѣнія объ общемъ числѣ дѣлъ въ мировыхъ судахъ обрываются на 1889 годъ: было бы интересно прослѣдить дальнѣйшее движеніе мелкой преступности сравнительно съ преступленіями, подвѣдомственными окружнымъ судамъ, но теперь это

возможно только относительно 9 губерній западнаго края, въ которыхъ еще сохранился полностью институтъ мировыхъ судей. Далѣе, говоря о движеніи преступности въ западномъ краѣ (съ 1884 г.), мы коснемся этого вопроса. Теперь же замѣтимъ еще разъ, что отсутствіе данныхъ объ общемъ числѣ уголовныхъ дѣлъ въ мировыхъ судахъ (всѣхъ наименованій) съ 1890 г. составляетъ весьма существенный пробѣлъ нашей уголовной статистики, такъ какъ дѣла эти занимаютъ 88% всѣхъ уголовныхъ дѣлъ, у судебныхъ слѣдователей и въ прокурорскомъ надзорѣ возникаетъ только 12% общаго числа дѣлъ мировой и общей юстиціи.

Помимо числа возникшихъ дѣлъ можно прослѣдить движеніе преступности также по числу осужденныхъ или подсудимыхъ. Чтобы не утомлять читателя обиліемъ цифръ, мы приведемъ только коэффициенты числа осужденныхъ общими и мировыми судами на 100000 насел., сопоставивъ ихъ съ отношеніемъ числа возникшихъ дѣлъ въ общихъ судахъ.

Осужденные въ мировыхъ судахъ, какъ уже выше упомянуто, показаны только по проступкамъ, влекущимъ тюремное заключеніе, и не могутъ быть относимы къ общему числу уголовныхъ дѣлъ въ мировой юстиціи.

Въ предѣлахъ 33 губерній на 100000 населенія приходится:

Годы	Угол. дѣлъ, возникшихъ у судеб. слѣдов. и въ прок. надзорѣ.	Осужденныхъ общими суд. установлен.	Осужденныхъ мировыми судами <sup>1)</sup> .	Осужденныхъ общими и мировыми судами вмѣстѣ.
1874	169	45	57	102
1875	168	51	46	97
1876	168	51	49	100
1877	174	52	47	99
1878	189	49	52	101
1879	190	52	56	108

<sup>1)</sup> За кражу, мошенничество, присвоеніе, похищеніе лѣсныхъ матеріаловъ, прошеніе милости (ст. 51 уст. наказ.).

1880	204	50	62	112
1881	202	52	62	114
1882	—	—	—	111
1883	150	34	72	106
1884	150	38	71	109
1885	153	41	68	109
1886	150	45	74	119
1887	152	48	75	123
1888	146	45	69	114
1889	147	45	71	116
1890	148	44	85	129
1891	156	45	71	116
1892	152	44	78	122
1893	148	45	69	114
1894	149	38	62	100

Приведенныя данныя показываютъ намъ, что преступность въ общихъ судахъ значительно возрастала въ теченіе 1874—81 гг., затѣмъ, послѣ перерыва 1882 г., наступилъ періодъ относительнаго спокойствія. Послѣ передачи извѣстнаго числа менѣе важныхъ кражъ въ вѣдѣніе мировыхъ судей (ст. 170<sup>1</sup> уст. наказ.), съ 1883 по 1894 г. отношеніе общаго числа возникшихъ у судебныхъ слѣдователей и въ прокурорскомъ надзорѣ дѣлъ колеблется отъ 146 (въ 1888) до 156 (въ 1891 г.) на 100.000 населенія, т. е. колебанія происходятъ въ предѣлахъ всего 7% отъ максимума къ минимуму. Число осужденныхъ общими судами измѣнялось, хотя и не безъ соотвѣтствія съ движеніемъ числа возникшихъ дѣлъ, но съ довольно значительными отступленіями по отдѣльнымъ годамъ. Въ теченіе 1874—81 гг. замѣчается не быстрое увеличеніе осужденныхъ, какъ то было съ числомъ возникшихъ дѣлъ, а довольно устойчивое отношеніе. Если не считать 1874 г., отношеніе числа осужденныхъ общими судами колебалось въ 1875—81 гг. отъ 49 до 52 на 100000, не обнаруживая стремленія къ повышенію. Максимумъ (52) приходится на 3 года (1877, 1879 и 1881), минимумъ на 1878 г. Послѣ 1882 г. минимумъ осужденныхъ выпалъ на 1883 г. подъ вліяніемъ двухъ причинъ: продолжающагося дѣйствія закона 18 мая 1882—съ одной стороны, и манифеста 15 мая 1883 г.—съ другой. Дѣйствіе Всемилоствѣй-

шаго манифеста замѣтно также и на цифрѣ 1884 г. Число осужденныхъ продолжаетъ расти вплоть до 1887 г., послѣ чего наступаетъ періодъ устойчивости отношеній съ 1888 до 1893 г. Въ 1894 г. происходитъ внезапное сокращеніе относительнаго числа осужденныхъ вслѣдствіе Всемилости-вѣйшаго манифеста 14 ноября 1894. Это послѣднее паденіе, равно какъ и въ 1883 г., произошло совершенно независимо отъ движенія возникшихъ уголовныхъ дѣлъ, число которыхъ даже увеличилось въ 1894 г. сравнительно съ 1893.

Число осужденныхъ мировыми судами (по 49—51, 154, 155, 169—178 и 180 ст. уст. наказ.), опустившись до минимума въ 1875 г., затѣмъ постепенно повышалось вплоть до 1881 г. Законъ 18 мая 1882 г., конечно, увеличилъ число осужденныхъ въ мировой юстиціи, однако дѣйствіе этого закона не особенно замѣтно въ 1883 г., благодаря коронаціонному манифесту 15 мая, поведшему къ нѣкоторому уменьшенію осужденныхъ. Послѣ 1883 года относительное число осужденныхъ мировыми судами колебалось въ предѣлахъ отъ 68 до 75 на 100000 съ 1883 по 1889 г. Въ 1890 году число осужденныхъ поднялось до 85 на 100000 (максимум), затѣмъ начало колебаться, понизившись въ 1894 г. до минимума за періодъ 1883—94, очевидно также подъ вліяніемъ Высочайшаго манифеста 14 ноября 1894. Колебанія цифрѣ осужденныхъ мировыми судами послѣ 1889 г. кажутся намъ однако сомнительными. На измѣненіяхъ этихъ цифрѣ долженъ былъ несомнѣнно отразиться голодный 1891 годъ: около 90% изъ числа занесенныхъ въ статистическіе своды по мировой юстиціи лицъ—осуждены за кражу. На число дѣлъ или осужденныхъ за кражу, какъ мы уже имѣли случай указать <sup>1)</sup>, хлѣбныя цѣны и урожай оказываютъ самое рѣшительное вліяніе. Между тѣмъ, по даннымъ статистическихъ сводовъ, въ 1891 и 1892 гг. число осужденныхъ мировыми судами (всѣхъ наименованій) значительно ниже, чѣмъ въ предшествовавшемъ 1890 г. За болѣе же ранній періодъ (до 1890 г.) вліяніе хлѣбныхъ цѣнъ и урожая въ

<sup>1)</sup> Журн. Мин. Юст., 1898, Октябрь.

на число осужденных мировыми судьями обнаруживается довольно ясно. Такъ, годы 1880—81 съ высокими цѣнами тотчасъ же повысили преступность въ мировой юстиціи; дешевые и урожайные 1887—88 гг. повлекли за собою уменьшеніе относительныхъ чиселъ осужденныхъ въ 1888 и 1889 гг. Въ виду этого аномалія 1891—92 гг. можетъ быть объяснена только какъ слѣдствіе введенія судебно-административныхъ установлений, замѣнившихъ институтъ мировыхъ судей въ значительномъ числѣ губерній именно въ 1891—92 гг. Эта замѣна несомнѣнно отразилась на доставленіи справокъ о судимости осужденныхъ, послѣдствіемъ чего и явилось, совершенно непонятное иначе, уменьшеніе числа кражъ, подвѣдомственныхъ мировой юстиціи въ 1891—92 гг., тогда какъ въ общихъ судахъ число дѣлъ о кражѣ (и осужденныхъ) поднялось въ эти годы на 15—20%, въ особенности въ губерніяхъ, пострадавшихъ отъ неурожая.

Такимъ образомъ, число осужденныхъ въ мировой юстиціи послѣ 1889 г., по крайней мѣрѣ, за первые 2—3 года въ губерніяхъ, въ которыхъ было введено положеніе о земск. участк. начальникахъ, не можетъ быть сравниваемо полностью съ числомъ осужденныхъ мировыми судами до 1889 г. Въ виду этого и общее число осужденныхъ мировыми и окружными судами съ 1890 г. уже является не вполне надежнымъ показателемъ преступности въ предѣлахъ 33 губерній. Въ общемъ до 1890 г. замѣтенъ нѣкоторый подъемъ относительнаго числа осужденныхъ общими и мировыми судами, но подъемъ далеко не равномерный, съ довольно сильными колебаніями, не вполне соответствующими движенію дѣлъ въ подлежащихъ судахъ.

На основаніи всѣхъ вышеприведенныхъ цифръ о дѣлахъ и осужденныхъ<sup>1)</sup> въ общихъ и мировыхъ судахъ можно прийти къ тому заключенію, что преступность въ Россіи (въ предѣлахъ 33 губерній), начиная съ 1874 г., растетъ, и размѣръ этого роста превышаетъ нѣсколько приростъ насе-

---

<sup>1)</sup> Цифръ подсудимыхъ мы не приводимъ: въ общемъ онѣ соответствуютъ относительнымъ числамъ осужденныхъ, превышая ихъ приблизительно на одну треть.

ленія. Однакоже увеличиваются, главнымъ образомъ, проступки, подвѣдомственные мировой юстиціи, а не преступленія, разсматриваемыя окружными судами. Хотя замѣтно увеличеніе и этого рода дѣлъ, но оно болѣе или менѣе пропорціонально естественному росту населенія, и отношеніе числа дѣлъ и осужденныхъ общими судами къ населенію за послѣднее десятилѣтіе (1884—94) отличается большою устойчивостью. Цифры же возникшихъ дѣлъ (до 1890) и осужденныхъ мировыми судами обнаруживаютъ большее стремленіе къ повышенію.

Слѣдуетъ притомъ оговориться, что повышеніе преступности не происходитъ равномѣрно во всѣхъ районахъ Европейской Россіи. По свѣдѣніямъ, относящимся къ 1876—1889 гг., общее число уголовныхъ дѣлъ въ мировыхъ и окружныхъ судахъ увеличилось за 14 лѣтъ въ Петербургскомъ районѣ <sup>1)</sup> на 40%, Московскомъ <sup>2)</sup> на 45%, центральномъ черноземномъ <sup>3)</sup> на 54%, Новороссіи <sup>4)</sup> 60%, Саратовскомъ районѣ <sup>5)</sup>—на 68 и въ Казанскомъ районѣ <sup>6)</sup>—на 89%. Такимъ образомъ, ростъ преступности въ губерніяхъ Казанскаго района болѣе чѣмъ вдвое превышалъ увеличеніе числа преступленій и проступковъ въ подстоличныхъ губерніяхъ. Тѣмъ не менѣе, во всѣхъ губерніяхъ мы видимъ ростъ преступности, различіе только въ быстротѣ этого роста. Наибольшее увеличеніе замѣчается въ бассейнѣ средней и нижней Волги, наименьшее—въ Московскомъ и Петербургскомъ районахъ, отчасти въ зависимости отъ неравномѣрнаго прироста населенія въ означенныхъ районахъ.

Такъ какъ данныя съ 1874—94 гг. обнимаютъ лишь часть территоріи Европейской Россіи, то для полноты обзора

<sup>1)</sup> Губерніи: Петербургская, Псковская и Новгородская.

<sup>2)</sup> Губерніи: Московская, Владимірская, Рязанская, Тульская, Калужская, Смоленская, Тверская, Ярославская, Вологодская, Костромская и Нижегородская.

<sup>3)</sup> Губерніи: Орловская, Курская, Воронежская, Харьковская, Полтавская, Черниговская.

<sup>4)</sup> Губерніи: Бессараб., Херсонская, Таврич., Екатериносл., обл. войска Донскаго.

<sup>5)</sup> Саратовская, Пензенская, Тамбовская, Саратовская.

<sup>6)</sup> Губерніи: Казанская, Симбирская, Вятская, Пермская.

надо прослѣдить движеніе преступности и въ трехъ западныхъ округахъ (Кіевскомъ, Виленскомъ и Варшавскомъ), которые не могли быть включены въ таблицы, начинающіяся 1874 годомъ. Вмѣстѣ съ данными по остальнымъ 6 судебнымъ округамъ получается (съ 1884 г.) общая картина движенія преступности почти во всей Европейской Россіи, за исключеніемъ нѣкоторыхъ сѣверныхъ и восточныхъ губерній.

### III.

Движеніе преступности въ западномъ краѣ можетъ быть сравниваемо съ данными по внутреннимъ губерніямъ, главнымъ образомъ, относительно количества уголовныхъ дѣлъ и осужденныхъ общими судебными установленіями. Устройство мировой юстиціи въ 9 западныхъ губерніяхъ, а еще болѣе въ Варшавскомъ судебномъ округѣ, представляетъ въ настоящее время настолько серьезныя отличія отъ организаціи судебно-административныхъ учрежденій 33 внутреннихъ губерній, что сравненіе числа осужденныхъ въ томъ и другомъ случаѣ можетъ повести къ серьезнымъ недоразумѣніямъ. Возможно только общее указаніе относительно роста или паденія преступности, подвѣдомственной мировымъ судамъ. Что касается общихъ судебныхъ установленій, то въ нихъ замѣтна большая аналогія въ движеніи числа возникшихъ дѣлъ и осужденныхъ. Слѣдующая таблица подтверждаетъ это положеніе.

#### Движеніе въ относительныхъ величинахъ:

Годы.	а. числа возникшихъ дѣлъ у судебного слѣдоват. и въ прокур. надзорѣ			б. числа осужденныхъ общими судебными установленіями.		
	въ 6 судебныхъ округахъ <sup>1)</sup>	въ 3 округ. Зап. Россіи <sup>2)</sup>	въ 9 округахъ <sup>3)</sup>	въ 6 судебныхъ округахъ	въ 3 округ. Зап. Россіи	въ 9 округахъ.
1884	100	100	100	100	100	100
1885	104	102	103	111	141	121
1886	103	106	104	124	179	137

<sup>1)</sup> Въ предѣлахъ 33 губерній.

<sup>2)</sup> Виленскій, Кіевскій и Варшавскій.

<sup>3)</sup> Безъ Прибалтійскихъ судовъ.

1887	106	108	107	135	177	150
1888	103	106	104	131	197	154
1889	106	110	108	128	178	146
1890	108	112	110	129	175	145
1891	114	115	115	131	171	145
1892	113	122	117	131	177	147
1893	111	117	113	134	172	147
1894	113	116	114	115	139	122

Число возникших дѣлъ движется почти одинаково какъ въ болѣе ограниченной территоріи 33 губерній, такъ и на обширной площади, включающей въ себя 9 судебныхъ округовъ (52 губерніи). Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ увеличеніе числа дѣлъ не превышаетъ естественнаго роста населенія. Въ 3 западныхъ округахъ (Кіевскомъ, Виленскомъ и Варшавскомъ) число возникшихъ дѣлъ возрастаетъ параллельно росту дѣлъ въ 6 внутреннихъ округахъ (Петербургскомъ, Московскомъ, Харьковскомъ, Одесскомъ, Саратовскомъ и Казанскомъ). Различіе заключается только въ томъ, что годомъ максимума для западной Россіи является 1892, а не 1891, какъ для восточной, и максимумъ этотъ выраженъ рѣзче (22% противъ 14% во внутреннихъ округахъ).

Въ движеніи числа осужденныхъ замѣчается уже нѣсколько болѣшая разница между западной и восточной Россіей, что въ извѣстной мѣрѣ могло зависѣть отъ различія въ объемѣ примѣненія коронаціоннаго манифеста 15 мая 1883 г. Число осужденныхъ въ 1884 г. было несоотвѣтственно мало въ западномъ краѣ, что и обусловило кажущійся подъемъ числа осужденныхъ въ 1885 и 1886 гг. Но затѣмъ, какъ во внутреннихъ, такъ и въ трехъ западныхъ округахъ произошло замедленіе въ ростѣ числа осужденныхъ, въ виду незначительнаго увеличенія числа уголовныхъ дѣлъ, показывающихъ дѣйствительное движеніе преступности въ краѣ.

Относительно 9 западныхъ губерній <sup>1)</sup> мы можемъ показать соотносительное движеніе уголовныхъ дѣлъ въ общей

<sup>1)</sup> Витебской, Могилевской, Минской, Ковенской, Виленской, Гродненской, Волынской, Кіевской и Подольской.

и мировой юстиці за 1884—94 гг. Сопоставленіе этихъ чиселъ показываетъ, что подобно тому, какъ во внутреннихъ 33 губерніяхъ до 1890 г. (по всѣмъ вѣроятіямъ и въ настоящее время), такъ и въ западномъ краѣ число проступковъ, разрѣшаемыхъ мировыми судами, растетъ значительно быстрѣе, чѣмъ число преступленій болѣе тяжкаго характера.

Относительное число возникшихъ уголовныхъ дѣлъ въ 9 западныхъ губерніяхъ:

У суд. слѣдовате- лей и въ прокур. надзорѣ. . . .	1884.	1885.	1886.	1887.	1888.	1889.	1890.	1891.	1892.	1893.	1894.
въ миров. судахъ.	100.	98.	93.	97.	88.	90.	92.	94.	102.	100.	93.
	100.	106.	112.	114.	110.	115.	119.	114.	126.	124.	125.

Въ то время, какъ число дѣлъ у мировыхъ судей западнаго края за 11 лѣтъ съ 1884 по 1894 возрасло на 25%, число дѣлъ у судебн. слѣдователей и въ прокур. надзорѣ ни мало не увеличилось и даже въ 1894 г. на 7% меньше чѣмъ въ 1884 г. Это явленіе представляетъ интересъ въ томъ отношеніи, что подтверждаетъ ранѣе сдѣланный нами, на основаніи западно-европейской уголовной статистики, выводъ о бѣльшемъ ростѣ проступковъ сравнительно съ преступленіями. <sup>1)</sup>

Движеніе преступности въ округѣ Варшавской судебной палаты (Царство Польское), въ виду особенностей этнографическаго и вѣроисповѣднаго состава населенія этого края, заслуживаетъ быть рассмотрѣннымъ особо отъ прочихъ округовъ. Это выдѣленіе имѣетъ тѣмъ большее основаніе, что, какъ будетъ показано далѣе, и колебанія числа осужденныхъ въ Царствѣ Польскомъ значительно отличаются отъ измѣненій того же числа по внутреннимъ округамъ. Данныя преступности представлены въ относительныхъ величинахъ, принимаемая число перваго года за 100.

<sup>1)</sup> Ж. М. Ю. 1899, Январь

Годы	Число возникшихъ уголовныхъ дѣлъ.	Число осужденныхъ общими судебными установленіями.	Число осужденныхъ мировыми и гминными судами.
1884	100	100	100
1885	101	95	80
1886	104	105	81
1887	108	104	86
1888	105	118	86
1889	109	108	94
1890	113	105	98
1891	113	104	98
1892	115	109	122
1893	108	106	86
1894	108	83	71

Число возникшихъ у судебныхъ слѣдователей и въ прокурорскомъ надзорѣ дѣлъ и по Варшавскому округу описываетъ за 11 лѣтъ почти ту же кривую, что по 6 внутреннимъ округамъ, съ максимумомъ въ 1892 г. (1891) и минимумомъ въ 1884 г. Но въ движеніи числа осужденныхъ какъ общими такъ и мировыми судами замѣчается значительная разница: въ Европейской Россіи вообще, какъ мы видѣли выше, число осужденныхъ общими судами, быстро поднявшись съ 1884 до максимума въ 1887 г., затѣмъ колебалось приблизительно на одномъ уровнѣ. Въ Царствѣ Польскомъ такого подъема не было. Въ 1884—87 г.г. число осужденныхъ колебалось довольно слабо, не превышая почти уровня 1884 г. Въ 1888 г. произошелъ неожиданный скачокъ вверхъ, несмотря на то, что число слѣдствій въ предшествовавшемъ году было лишь немногимъ больше, чѣмъ въ 1886 г. Затѣмъ послѣдовало пониженіе числа осужденныхъ общими судами, хотя число слѣдствій продолжало повышаться понемногу вплоть до 1892 г. Вообще по даннымъ Варшавскаго округа замѣчается отсутствіе постоянной связи между движеніемъ уголовныхъ дѣлъ и числомъ осужденныхъ.

Что касается числа осужденныхъ мировыми и гминными судами, то здѣсь уже нѣтъ никакой аналогіи съ движеніемъ

числа осужденныхъ мировыми судами внутренней Россіи. Въ то время какъ тамъ цифра осужденныхъ мировыми судами постоянно растетъ, въ Варшавскомъ округѣ число это въ теченіе 9 лѣтъ изъ 10 стоитъ на уровнѣ ниже начальнаго 1884 г. Единственнымъ исключеніемъ является 1892 г., когда число осужденныхъ мировыми и гминными судами необыкновенно крутымъ подъемомъ поднялось до максимума (на 30% выше средняго). Затѣмъ происходитъ стремительное паденіе до минимума въ 1894 г. Минимумъ этотъ въ мировой юстиціи, а еще въ большей мѣрѣ въ окружныхъ судахъ, искусственный, вызванный манифестомъ 14 ноября, но и цифра предыдущаго 1893 г. значительно ниже средней. Этотъ рѣзкій подъемъ 1892 г. и послѣдовавшее затѣмъ паденіе представляются мало понятными: по урожаю хлѣбовъ 1892 г. былъ весьма благопріятенъ для Привислинскаго края (по даннымъ Центрального статистическаго комитета), 1891 г., хотя и былъ нѣсколько ниже средняго за пятилѣтіе 1888—92 г.г., но далеко не могъ имѣть для Варшавскаго округа того значенія, какъ для восточной части Россіи. Остается предположить, что въ данномъ случаѣ могло имѣть извѣстное значеніе запрещеніе вывоза хлѣба изъ Россіи въ 1891—92 г.г., благодаря чему извѣстное количество рабочихъ и земледѣльцевъ Царства Польскаго могли остаться на нѣкоторое время безъ опредѣленнаго дохода или заработка.

#### IV.

Намъ предстоитъ теперь разсмотрѣть въ общихъ чертахъ движеніе главнѣйшихъ видовъ преступленій, останавливаясь уже только на преступленіяхъ, подвѣдомственныхъ окружнымъ судамъ, за недостаточностью свѣдѣній по мировой юстиціи. Движеніе отдѣльныхъ видовъ преступленій во многихъ случаяхъ представляетъ значительныя отклоненія отъ кривой общаго числа возникшихъ дѣлъ или осужденныхъ. Это различіе замѣчается уже въ основныхъ группахъ, на которыя обыкновенно раздѣляются преступленія: преступленія противъ собственности,—противъ личности и противъ общественнаго

порядка. Къ числу первыхъ относятся: кража (и святотатство), насильственное похищеніе имущества, подлоги, присвоеніе и растрата, мошенничество, истребленіе имущества и поддѣлка монеты. Къ преступленіямъ противъ личности нами отнесены: убійство, самоубійство, оставленіе въ опасности и неоказаніе помощи, преступленія противъ тѣлесной неприкосновенности, поединки, преступленія противъ женской чести и противъ нравственности вообще, противозаконное лишеніе свободы, угрозы, оскорбленія, преступленія противъ союза брачнаго и родственнаго <sup>1)</sup> и самоуправство. Въ третью менѣ опредѣленную группу преступленій противъ общественнаго порядка и казенныхъ интересовъ нами включены преступленія религіозныя, противъ порядка управленія, служебныя, нарушенія уставовъ казенныхъ управленій, бродяжество и др. Вообще не легко точно классифицировать преступленія въ томъ видѣ, какъ они занесены въ своды статистическихъ свѣдѣній, такъ какъ въ системѣ статистической регистраціи (равно какъ и въ самомъ уложеніи о наказаніяхъ) не выдержано единство дѣленія (*fundamentum divisionis*). Но приблизительно все-таки найденныя нами величины могутъ быть приняты для статистическихъ выводовъ.

Суммируя цифровыя данныя для удобства обозрѣнія въ пятилѣтнія среднія (съ выдѣленіемъ послѣдняго 1894 г.), мы получаемъ слѣдующія относительныя величины <sup>2)</sup>:

<sup>1)</sup> Наше уложеніе выдѣляетъ въ особую группу подъ этимъ названіемъ — прелюбодѣяніе, кровосмѣшеніе, жестокое обращеніе супруговъ, обиды восходящимъ и т. п. Обыкновенно, этого рода проступки относятся къ преступленіямъ противъ нравственности или противъ личности вообще.

<sup>2)</sup> Цифровыя данныя относятся къ территоріи вышеназванныхъ 33 губерній.

Годы.	Преступленія про- тивъ личности.		Преступленія про- тивъ собственности вообще <sup>1)</sup> .		Преступленія противъ соб- ствен. за ис- ключеніемъ кражи.		Остальныя преступленія (противъ общ. порядка и ин- тересовъ казны).	
	Число воз- никшихъ дѣлъ.	Число осужден- ныхъ.	Число воз- никшихъ дѣлъ.	Число осужден- ныхъ.	Число дѣлъ.	Число осужд.	Число дѣлъ.	Число осужд.
1874—78	100	100	"	"	100	100	100	100
1879—83	132	123	"	"	116	95	107	110
1884—88	157	145	100	100	124	98	110	150
1889—93	169	160	106	104	122	87	110	163
1894	187	155	103	95	102	70	109	131

Наиболѣе относительно увеличилось число преступленій противъ личности. Число дѣлъ этого рода, возникшихъ въ 1894 г., въ 2,3 раза больше чѣмъ въ 1874 г. Соотвѣтственно тому увеличилось и число осужденныхъ общими судебными установленіями. Нѣкоторое пониженіе числа осужденныхъ въ 1894 г. (въ этомъ случаѣ, какъ и во всѣхъ прочихъ) произошло только благодаря манифесту 14 ноября 1894 г. Число же дѣлъ, возникшихъ въ этомъ году противъ личности, было на 12% больше, чѣмъ въ предыдущемъ 1893 г.

Преступленія противъ собственности, какъ то видно изъ столбцовъ таблицы 3, 4, 5 и 6, вообще возрали довольно слабо, въ значительно меньшей мѣрѣ, чѣмъ преступленія противъ личности. Въ началѣ періода 1874—94 гг., съ 1874 по 1881 г., преступленія противъ собственности (включая и кражу) возрастали довольно замѣтно, почти не уступая увеличенію преступленій противъ личности. Но затѣмъ, послѣ перерыва 1882 г., число дѣлъ по имущественнымъ преступленіямъ, начиная съ 1884 г., не обнаруживаетъ особой тенденціи къ повышенію. Исключеніе составляетъ только памятный 1891 г., быстро повысившій число нападений на чужую собственность, но послѣ того число преступленій этого рода, подъ вліяніемъ благоприятныхъ урожаевъ 1893 и 1894 г.г., не замедлило уменьшиться. Въ особенности сократилось за послѣднее время число случаевъ насильственного похищенія имущества. Вообще, если принять во вниманіе, что населе-

<sup>1)</sup> Въ виду закона 18 мая 1882 г. о кражѣ, число дѣлъ и осужденныхъ по всѣмъ имущественнымъ преступленіямъ приведено только съ 1884 г.

ніе за 1874—94 г.г. увеличилось на 30%, слѣдуетъ признать, что преступленія противъ собственности растутъ медленнѣ населенія, а преступленія противъ личности—быстрѣ. Впрочемъ кража была настолько затронута неурожаемъ 1891 г., что и въ послѣдующіе годы понизилась очень мало. Число дѣлъ о кражѣ у судебныхъ слѣдователей и въ прокурорскомъ надзорѣ на 100000 населенія было (по 33 губерніямъ):

Число дѣлъ о кражѣ на 100000 нас.	1884	1885	1886	1887	1888	1889	1890	1891	1892	1893	1894
	38	38	37	38	36	36	38	44	44	41	42

Движеніе третьей группы преступленій, подъ общимъ названіемъ „преступленія противъ общественнаго порядка и интересовъ казны“, имѣетъ нѣсколько двойственный характеръ. Число дѣлъ этого рода увеличилось очень мало, не больше, чѣмъ по преступленіямъ противъ собственности. Между тѣмъ число осужденныхъ по означеннымъ дѣламъ возросло замѣтно, превысивъ даже въ 1891 г. число осужденныхъ 1874 г. слишкомъ въ два раза. Однако предпочтительнымъ мѣриломъ роста преступности въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, является число возникшихъ дѣлъ, а не осужденныхъ. Увеличеніе числа послѣднихъ произошло, главнымъ образомъ, отъ усиленія репрессіи подъ вліяніемъ закона 7 іюля 1889 г. и друг.

Для болѣе полнаго представленія о движеніи отдѣльных преступленій, мы приведемъ данныя, показывающія ростъ (или паденіе) нѣкоторыхъ наиболѣе выдающихся по своей важности (или же по преимущественному возрастанію) преступленій. По каждому изъ нижеслѣдующихъ преступленій возникало дѣлъ по пятилѣтіямъ въ относительныхъ величинахъ (принимая число перваго пятилѣтія за 100):

1874—78. 1879—83. 1884—88. 1889—93. 1894.

Лжеприсяга, лжесвидѣтельство и ложный доносъ . . . . .	100	151	271	422	519
Преступленія противъ нравственности (за исключеніемъ прест. противъ женской чести) . . .	100	153	229	362	475
Оскорбленія чести . . . . .	100	196	188	274	387

Религіозныя преступленія . . . . .	100	120	154	299	365
Распльніе и изнасилованіе . . . . .	100	124	171	211	251
Тѣлесныя поврежденія . . . . .	100	144	204	217	205
Убійство . . . . .	100	119	147	146	142
Насильств. похищеніе имущества.	100	111	103	108	108
Мошенничество, подлоги, присвое- ніе . . . . .	100	95	101	104	103
Преступленія противъ порядка управленія . . . . .	100	106	121	114	100
Служебныя преступленія . . . . .	100	126	132	122	98
Бродяжество (и наруш. уст. о пасп.)	100	129	145	122	94
Истребленіе имущества (поджоги)	100	123	148	139	89
Кража . . . . .	100	120	56	66	70
Всѣ преступленія (за исключе- ніемъ кражи). . . . .	100	109	133	138	140
Населеніе 33 губерній Евр. Россіи.	100	106	114	122	132

Преступленія въ таблицѣ расположены въ порядкѣ убыванія ихъ относительнаго роста по цифрамъ 1894 г. сравнительно съ пятилѣтіемъ 1874—78. Изъ этихъ цифръ мы видимъ, что болѣе всего за 21 годъ увеличились преступленія противъ половой нравственности и менѣе серьезныя нападенія на личность (оскорбленія чести); изъ преступленій противъ общественнаго порядка—лжеприсяга, лжесвидѣтельство и ложный доносъ, а также преступленія религіозныя. Ни одно изъ болѣе распространенныхъ имущественныхъ преступленій не обнаружило сильной тенденціи къ повышенію. Два вида имущественныхъ преступленій, хотя противоположныхъ другъ другу по характеру и мотивамъ,—насильственное похищеніе и мошенничество во всѣхъ его видахъ,—почти одинаково оставались приблизительно на одномъ уровнѣ въ теченіе 21 года; даже мошенничество еще менѣе увеличилось, чѣмъ грабежи и разбой. Наклонность къ обману, характеризующая преступность повышенной культуры, у насъ выразилась только въ сильномъ ростѣ лжесвидѣтельства и ложнаго доноса; имущественные обманы у насъ, какъ и въ Австріи и Франціи, за послѣднее время не увеличиваются. Изъ имущественныхъ преступленій отличается еще низкимъ уровнемъ 1894 г. истребленіе (поджоги) имущества, но это уменьшеніе имѣетъ нѣсколько искусственный характеръ, благодаря измѣненію регистраціи этого преступленія въ статистическихъ

сводахъ, начиная съ 1892 г. Именно, прежде къ числу дѣлъ этого рода относили и „изслѣдованія о причинахъ пожаровъ“, теперь же эти „изслѣдованія“ показываются особо. Но есть и дѣйствительное уменьшеніе этого рода преступности.

Наиболѣе тяжкое преступленіе—убійство, къ сожалѣнію, не уменьшилось у насъ въ такой мѣрѣ, какъ мы это замѣтили относительно большинства западно-европейскихъ странъ. Напротивъ того, у насъ ростъ числа дѣлъ (и осужденныхъ) объ убійствѣ превышаетъ относительный ростъ населенія. Правда, убійство и у насъ увеличивается гораздо менѣе, чѣмъ не столь серьезныя нападенія на личность (тѣлесныя поврежденія и оскорбленія чести) и за послѣдніе годы замѣтна даже нѣкоторая тенденція къ пониженію, но все-таки желательно было бы болѣе пониженіе, въ виду того, что по коэффициенту осужденныхъ за убійство Россія занимаетъ не особенно благоприятное мѣсто. По послѣднимъ даннымъ, на 1.000.000 нас. приходилось осужденныхъ за убійство (всѣхъ видовъ):

Англія (1891—95) . . .	5
Германія (1891—95) . . .	9
Франція (1891—95) . . .	14
Австрія (1891—95) . . .	18
Европ. Россія (9 судебн. округовъ 1890—94) . . .	25
Испанія (1890—93) . . .	43
Италія (1890—94) . . .	65

Такимъ образомъ убійство въ Россіи (безъ Кавказа) развито значительно больше, чѣмъ въ 4 главнѣйшихъ государствахъ западной Европы и только классическія страны *delle coltellate*—Италія и Испанія (а также Венгрія по даннымъ 1885—89 гг.) превосходятъ насъ въ этомъ отношеніи. Но кровавая преступность на Кавказѣ (о которой мы имѣемъ свѣдѣнія только по числу дѣлъ) еще значительнѣе, чѣмъ въ собств. Россіи и вѣроятно больше, чѣмъ гдѣ-либо въ Европѣ. Число дѣлъ объ убійствѣ на Кавказѣ (округъ Тифлисской судебной палаты) относительно въ 4 раза выше, чѣмъ въ 9 остальныхъ округахъ. Если настолько же выше и отношеніе

осужденныхъ, то оно составитъ около 100 на 1.000.000 нас., т. е. гораздо больше, чѣмъ въ Испаніи и Италіи.

Интензивности другихъ преступленій въ Россіи сравнительно съ западной Европой мы въ настоящемъ очеркѣ не коснемся, такъ какъ наши статистическія данныя мало пригодны для сравненія съ соотвѣтственными цифрами по странамъ западной Европы (за исключеніемъ убійства). Сравненіе возможно было бы только по нѣкоторымъ наиболѣе важнымъ преступленіямъ, неподлежащимъ у насъ вѣдѣнію мировыхъ и волостныхъ судовъ, и то послѣ предварительной обработки согласно различію въ кваликаціи преступленія по уголовнымъ кодексамъ сравниваемыхъ странъ. Теперь же докончимъ обзоръ движенія отдѣльныхъ видовъ преступленій въ Россіи.

Изъ преступленій, уменьшившихся за 1874—94 гг., мы не отмѣтили бродяжества. Но уменьшеніе этого проступка не можетъ еще служить доказательствомъ дѣйствительнаго уменьшенія числа бродягъ и нищихъ въ Имперіи, въ виду извѣстнаго несоотвѣтствія опредѣленія бродяжничества по уложенію о наказаніяхъ съ состояніемъ лица, не занятаго какимъ-либо дѣломъ и бродящаго съ мѣста на мѣсто. Разъ у этого лица паспортъ въ порядкѣ—онъ не можетъ быть признанъ бродягою по нашимъ законамъ, хотя-бы онъ тщательно и систематически избѣгалъ всякой работы, будучи къ ней способенъ, но предпочитая жить подаяніемъ. Такимъ образомъ, уменьшеніе числа дѣлъ о бродяжествѣ по нашей уголовной статистикѣ можетъ указывать только на уменьшеніе числа побѣговъ изъ Сибири лицъ, „не помнящихъ родства“, съ одной стороны, и на болѣе аккуратное отношеніе къ правиламъ паспортнаго устава лицъ, бродяжничавшихъ профессионально—съ другой стороны.

Всѣ вышеприведенныя данныя относятся къ территоріи, занятой окружными судами съ 1874 г., т. е. къ 33 губерніямъ Европейской Россіи, но и въ западномъ краѣ (Виленскій, Кіевскій и Варшавскій округа) преступленія двигались приблизительно тѣмъ же путемъ, по крайней мѣрѣ за періодъ 1884—1894 г.г. Въ 3 западныхъ судебныхъ округахъ отдѣль-

ныя преступленія въ большинствѣ случаевъ уменьшились или увеличились почти въ той же мѣрѣ, что и въ 6 внутреннихъ округахъ, какъ въ томъ можетъ убѣдить слѣдующая таблица:

	Процентъ увеличенія (+) или уменьшенія (—) числа дѣлъ съ 1884 по 1894 г.г.	
	3 западн. округа.	6 внутр. суд. округовъ.
Жеприсяга и жесвидѣтельство . . . . .	+172	+164
Религіозныя преступленія . . . . .	+155	+155
Оскорбленія чести . . . . .	+139	+80
Преступл. противъ нравственности . . . . .	+134	+75
Тѣлесныя поврежденія . . . . .	+90	+33
Насильств. похищеніе имущества . . . . .	+27	+7
Убійство . . . . .	+19	+11
Кража . . . . .	—5	+25
Мошенничество, подлоги, присвоеніе . . . . .	+17	+5
Истребленіе имущества . . . . .	+18	—20
Служебныя преступленія . . . . .	—16	—21
Преступ. противъ порядка управленія . . . . .	—23	—21
Бродяжество . . . . .	—26	—29
Всѣ преступленія (% увеличенія) . . . . .	+16	+13

Почти всѣ тѣ преступленія, которыя увеличились во внутренней Россіи (6 суд. округовъ), увеличились и во всей Европейской Россіи (9 суд. округовъ). Равно и наоборотъ, уменьшеніе числа дѣлъ произошло большей частью по однимъ и тѣмъ же преступленіямъ въ обоихъ случаяхъ. Въ особенности близокъ процентъ увеличенія (или уменьшенія) по преступленіямъ религіознымъ, убійству, служебнымъ и противъ порядка управленія, а также бродячеству. Болѣе замѣтна разница въ измѣненіи числа возникшихъ дѣлъ по тѣлеснымъ поврежденіямъ, оскорбленіямъ чести и мошенничеству, которыя сильнѣе возрасли въ западномъ краѣ, чѣмъ во внутренней Россіи. Истребленіе имущества увеличилось въ западномъ краѣ и уменьшилось въ восточныхъ округахъ. Напротивъ того, кража уменьшилась въ 3 западныхъ округахъ на 5% въ 1894 г. противъ 1884 г., а во внутренней Россіи число дѣлъ о кражѣ за то же время увеличилось на 25%, главнымъ образомъ вслѣдствіе неурожаевъ 1891—1892 г.г. Различіе въ движеніи числа кражъ и нападеній на личность въ западной и восточной Россіи

может тоже служить подтверждением уже указанного ранѣ закона обратнаго вліянія неурожаевъ на преступленія противъ личности и противъ имущества. Западный край (9 западныхъ губерній и Царство Польское) вообще значительно менѣ страдалъ отъ неурожаевъ хлѣба, чѣмъ восточная половина Россіи за весь періодъ 1884—1894 г.г. Эта экономическая особенность западнаго края и отразилась на уменьшеніи числа кражъ и повышеніи числа тѣлесныхъ поврежденій и оскорбленій личности. Обратное явленіе имѣло мѣсто на востокѣ Европейской Россіи.

Подводя итогъ всему изложенному выше и сопоставляя, насколько то возможно, результаты нашей уголовной статистики съ соотвѣтствующими данными по западной Европѣ, приведенными нами ранѣ <sup>1)</sup>, мы, не входя въ разсмотрѣніе вопроса объ интензивности самихъ преступленій (ихъ отношенія къ населенію), можемъ сказать, въ общихъ чертахъ, слѣдующее.

Преступность въ предѣлахъ Европейской Россіи несомнѣнно увеличивается и увеличивается въ прогрессіи, превышающей ростъ населенія. Въ этомъ отношеніи преступность Россіи приближается къ преступности Германіи и Франціи, составляя противоположность преступности Англии и Австріи. Далѣе, въ Россіи, какъ и во многихъ государствахъ западной Европы, замѣтно болѣе увеличивается число проступковъ, подсудныхъ мировымъ судамъ (*delictuosité*), чѣмъ собственно преступленій (*criminalité*). Хотя и эти послѣднія также растутъ въ Россіи, но ростъ ихъ почти не превышаетъ естественнаго прироста населенія. Въ мировыхъ же судахъ (до 1890 г. во всей Россіи и до 1895 г. въ западномъ краѣ) число уголовныхъ дѣлъ возрастаетъ въ 2 или 3 раза быстрѣе, чѣмъ населеніе. По отдѣльнымъ видамъ преступленій въ Россіи, подобно тому, какъ въ Германіи, Австріи и отчасти Франціи, — преступленія противъ личности, въ особенности менѣ

<sup>1)</sup> Жур. Мин. Юст. 1899, Январь.

важны, растутъ быстрѣе, чѣмъ преступленія противъ собственности. Это различіе въ движеніи двухъ главныхъ категорій преступности въ особенности замѣтно въ западной Россіи, менѣе подверженной періодическимъ неурожаемъ и недоборамъ, чѣмъ восточная Россія. Въ этой послѣдней голодные 1891—1892 г.г. произвели значительное поднятіе числа кражъ и задержали подъемъ преступности противъ личности. Такимъ образомъ, преступность 9 западныхъ губерній и Царства Польскаго представляетъ больше аналогіи, по характеру своего движенія, съ преступностію пограничныхъ Германіи и Австріи, чѣмъ остальной Россіи. Специфическою особенностью движенія русской преступности слѣдуетъ признать выдающееся изъ ряду увеличеніе числа дѣлъ о лжеприсягѣ, лжедоносѣ и ложномъ свидѣтельствѣ, а равно и почти неуступающій по интензивности ростъ преступленийъ противъ вѣры. Указаніе вѣроятныхъ причинъ увеличенія числа означенныхъ преступленій можетъ быть сдѣлано лишь на основаніи особаго по данному предмету уголовно-статистическаго изслѣдованія.

## ОРГАНИЗАЦІЯ МУСУЛЬМАНСКОЙ ЮСТИЦІИ ВЪ АЛЖИРЪ.

В. Ф. Мухина.

Алжиръ (Algérie) былъ завоеванъ французами въ первой половинѣ текущаго столѣтія. Покореніе и умиротвореніе края совершилось не вдругъ, но постепенно послѣ довольно продолжительной и жестокой борьбы съ туземнымъ населеніемъ. Слѣды этой борьбы до сихъ поръ еще отражаются въ раздѣленіи страны въ административномъ отношеніи на территории: гражданскую и военную. Область первой въ послѣднее время значительно расширилась. Вообще же колонія занимаетъ пространство 667,065 километровъ съ населеніемъ, достигающимъ 4,429,000 жителей, изъ коихъ не менѣе трехъ съ половиною милліоновъ приходится на долю мусульманъ. Во главѣ администраціи стоитъ генераль-губернаторъ съ довольно широкими полномочіями во всѣхъ отрасляхъ управленія, за исключеніемъ, однако, юстиціи, каковое вѣдомство непосредственно подчиняется министру юстиціи метрополи. Впрочемъ, до послѣдняго времени, собственно мусульманская юстиція находилась также въ ближайшемъ завѣдываніи генераль-губернатора (*gouverneur général*) Алжира.

Отправленіе правосудія было организовано въ Алжирѣ спустя два мѣсяца послѣ завоеванія. Сентября 9-го 1830 г. главнокомандующій арміей учредилъ судъ, состоявшій изъ прокурора, нѣсколькихъ судей и секретаря, при чемъ этому

суду предоставлено было право разсматривать гражданскія и уголовныя дѣла въ отношеніи всѣхъ безъ различія лицъ, примѣняя французскіе законы или мѣстные обычаи.

Но учрежденіе это не удержалось. Въ слѣдующемъ же мѣсяцѣ былъ восстановленъ прежній порядокъ юрисдикціи. Арабамъ было предоставлено судиться у кадія ханафитскаго ученія; маврамъ—у кадія малекитскаго ученія<sup>1)</sup>; евреямъ—въ судѣ раввиновъ; наконецъ, иностранцамъ—у своихъ консуловъ. Французскіе же суды разбирали только дѣла между французскими подданными и судили преступленія, ими или противъ нихъ совершенныя.

Вскорѣ, однакоже, принципъ суверенитета въ сферѣ юстиціи снова возродился. Юрисдикція консуловъ была ограничена тѣми предѣлами, въ которыхъ она осуществляется во Франціи, раввинскимъ судамъ было предоставлено лишь разсмотрѣніе дѣлъ о заключеніи и расторженіи браковъ между евреями и разбирательство тѣхъ чisto религиозныхъ нарушеній, которыя не предусматривались французскимъ уголовнымъ кодексомъ. Французскіе суды положеніемъ 10 августа 1834 г. приобрѣли новую организацію, обнимавшую единоличныхъ судей въ Алжирѣ, Бонѣ и Оранѣ и коллегіальный апелляціонный судъ въ Алжирѣ, подъ названіемъ высшаго суда. Этимъ судебнымъ установленіямъ были подсудны всѣ споры между французами; между послѣдними и туземцами или иностранцами; между иностранцами и между туземцами различныхъ вѣроисповѣданій; они же судили всѣ преступленія, совершенныя какъ французами, евреями и иностранцами, такъ и мусульманами противъ французскихъ подданныхъ.

Нѣсколько лѣтъ спустя положеніемъ (*ordonnance*) 1842 г. были уничтожены раввинскіе суды, у мусульманскихъ судей

---

<sup>1)</sup> Мусульмане, какъ извѣстно, распадаются на двѣ главныя секты: *шиитовъ* и *суннитовъ*. Послѣдніе въ свою очередь подраздѣляются на нѣсколько юридическихъ школъ или ученій, къ числу коихъ принадлежать и упоминаемыя въ текстѣ *ханафитское* и *малекитское*, называемыя такъ по имени главныхъ основателей этихъ толковъ, имамовъ Абу-Ханифы и Малека. Разногласія ханафитовъ и малекитовъ по вопросамъ права не столько существенны, сколько разнообразны и многочисленны.

отнято всякое право уголовной юрисдикціи, а французскіе суды получили организацію, основанную на началахъ, принятыхъ въ законодательствѣ метрополиі. Въ округахъ (*cantons*) были учреждены мировые судьи; коллегіальные (окружные) суды первой степени были открыты въ Алжирѣ, Бонѣ, Филиппвиллѣ и Оранѣ съ подчиненіемъ ихъ алжирскому апелляціонному суду. Эти судебныя установленія имѣли ту же компетенцію, какъ и въ метрополиі, въ отношеніи дѣлъ гражданскихъ, торговыхъ и по проступкамъ (*matières correctionnelles*). Сужденіе въ дѣлахъ уголовныхъ (*crimes*), принадлежащее во Франціи присяжнымъ засѣдателямъ (*jury*), также было возложено на означенныя установленія.

Эта организація просуществовала безъ измѣненія въ продолженіе 16 лѣтъ. Но въ 1848 г. завѣдываніе судебною частью перешло отъ военнаго министра къ министру юстиціи. Указомъ (*décret*) 19 августа 1854 года были учреждены ассизы, къ которымъ въ 1870 году былъ присоединенъ институтъ присяжныхъ (*jury*).

Такимъ образомъ судебная организація колоніи въ основныхъ своихъ чертахъ отожествилась съ устройствомъ судебной части въ метрополиі; алжирскимъ судамъ недоставало лишь подраздѣленія на разряды (*classement*) и гарантій относительно перевода (*déplacement*) и несмѣняемости судей (*la garantie d'inamovibilité*). Общія правила въ томъ и другомъ отношеніи были распространены на алжирскіе суды закономъ 30 августа 1883 г. о реформѣ судебной организаціи во Франціи.

Что касается собственно мусульманской юстиціи въ Алжирѣ, то она всегда имѣла и имѣетъ самостоятельное устройство, которое, впрочемъ, во многихъ отношеніяхъ соприкасается съ общою судебною организаціей въ этомъ краѣ.

Длинный рядъ относящихся сюда узаконеній, изданныхъ въ теченіе болѣе полсотни лѣтъ, можетъ быть раздѣленъ на два періода, смотря по различію законодательной политики въ данномъ вопросѣ. Изъ нихъ первый, открывающійся закономъ 1842 года объ организаціи колоніальной юстиціи вообще, простирается до 1886 года. Обнарудованные за это

время законодательные акты ставятъ мусульманскую юстицію въ рѣзко обособленное положеніе и допускаютъ равнымъ образомъ весьма широкое примѣненіе мусульманскаго права въ рѣшеніи гражданскихъ споровъ между мусульманами. Послѣдовавшій въ 1886 году общій законъ объ организаціи мусульманской юстиціи въ АлжирѢ во многихъ отношеніяхъ измѣнилъ сложившійся такимъ образомъ порядокъ, ограничивъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ значительной степени и самое примѣненіе мусульманскаго права въ сферѣ гражданскихъ правоотношеній мусульманъ. Законъ этотъ поэтому можетъ быть принятъ за начало втораго текущаго періода французскаго законодательства въ данной области.

Тѣмъ не менѣе оба означенные законодательные періода, по содержанию затрогиваемыхъ ими вопросовъ, находятся въ столь тѣсной взаимной связи, что изложеніе существующаго строя мусульманской юстиціи въ АлжирѢ было бы не совсѣмъ понятно и ясно безъ предварительнаго ознакомленія съ положеніями по сему предмету предшествовавшаго времени, тѣмъ болѣе, что, съ одной стороны, не всѣ правила первоначальнаго устройства были отмѣнены законодательствомъ втораго періода, а, съ другой стороны, нѣкоторыя нормы послѣдняго оказываются или простымъ повтореніемъ предыдущихъ узаконеній, или же въ иныхъ случаяхъ возвращеніемъ къ бывшему и лишь ненадолго отмѣненному порядку.

До 1886 г. устройство мусульманской юстиціи въ АлжирѢ, на основаніи изданныхъ въ разное время законовъ и правилъ судебныхъ распоряженій, представлялось въ слѣдующемъ видѣ.

Мусульманскіе суды учреждаются генераль-губернаторомъ (указъ 10 августа 1875 г., ст. 1 п. 6). Вся алжирская территория въ видахъ отправленія мусульманской юстиціи раздѣляется на судебные округа, въ зависимости отъ окружающихъ судовъ (*tribunaux de première instance*). Означенные округа, какъ и судъ первой степени, къ которому они примыкаютъ, опредѣляются генераль-губернаторомъ. Ближайшій надзоръ за мусульманскими судами, подъ высшимъ контролемъ алжирскаго генераль-губернатора, принадлежитъ на

пространствѣ гражданской территоріи старшему предсѣдателю алжирскаго апелляціоннаго суда и генеральному прокурору въ предѣлахъ соотвѣствующихъ уполномочій этихъ лицъ; на военной территоріи—военному начальнику по соглашенію съ вышеозначенными должностными лицами. Члены мусульманскихъ судовъ привлекаются къ отвѣтственности за нарушение своихъ служебныхъ обязанностей лишь по предварительномъ разрѣшеніи генераль-губернатора (указъ 13 декабря 1866 г., ст. 5—8).

Мусульманскіе суды носятъ въ Алжирѣ названіе *магама* (*mahakma*) и состоятъ изъ судьи—*кадія* (*cadi*)<sup>1)</sup>, одного или нѣсколькихъ его товарищей—*башъ-аделей* и одного или нѣсколькихъ *аделей*, исполняющихъ обязанности писмоводителей, секретарей (срав. указы 30 ноября 1855 г. и 15 мая 1881 г.). Кромѣ того, при каждой магама состоятъ, смотря по количеству дѣлъ, одинъ или два пристава (*ауны*—указъ 31 декабря 1859 г., ст. 14).

Кадіи, равно какъ адели, назначаются на должность алжирскимъ генераль-губернаторомъ, который въ правѣ какъ отрѣшить означенныхъ лицъ отъ должности, такъ и временно воспретить имъ отправленіе ихъ обязанностей. Онъ можетъ также лишить означенныхъ лицъ на опредѣленный срокъ получаемаго ими содержанія или части онаго. Временное устраненіе отъ должности во всякомъ случаѣ имѣетъ своимъ послѣдствіемъ лишеніе права получать за это время содержаніе и другіе доходы, при чемъ то и другое идетъ заступившему мѣсто устраненнаго кадію или аделю. При вступленіи въ должность кадіи и адели приносятъ по установленному порядку присягу. Никто не можетъ быть опредѣленъ на должность—кадія ранѣе достиженія 27 лѣтъ, башъ-аделя—25-ти и аделя—22 лѣтъ. Независимо отъ сего, отъ этихъ лицъ требуется представленіе аттестата о познаніяхъ въ юридическихъ наукахъ, при чемъ для занятія должности кадія соискателемъ долженъ быть представленъ аттестатъ

<sup>1)</sup> У насъ въ 1 ч. XI т. изд. 1896 г. (управ. дух. дѣлъ магометанъ) магометанскіе судьи носятъ названіе кадівъ и казіевъ.

второй степени (*certificat d'études juridiques du second degré*); а для должностей башъ-адела и адела аттестатъ первой степени. Означенные аттестаты выдаются ежегодно собирающимися экзаменаціонными комисіями (срав. указъ 13 декабря 1866 г., ст. 12). Въ составъ этихъ комисій, кромѣ членовъ французской магистратуры, судебныхъ переводчиковъ, инспектора туземныхъ учебныхъ заведеній или, за его отсутствіемъ, профессора арабскаго языка, входятъ также и мусульманскіе ученые. Для допущенія къ экзамену необходимо, кромѣ свѣдѣній о судимости (*casier judiciaire*) и метрическаго свидѣтельства (*acte de naissance ou acte de notoriété pour en tenir lieu*), представить также удостовѣреніе мэра или воинскаго начальника по принадлежности въ добропорядочномъ поведеніи. Кончившимъ курсъ въ высшихъ мусульманскихъ училищахъ (*medresas*) означенное удостовѣреніе можетъ быть выдано лицами, завѣдующими означенными училищами. Засимъ, отъ кандидата на должность кадїа требуется, чтобы онъ въ теченіе года исполнялъ должность башъ-адела. Башъ-адель допускается къ экзамену по представленіи удостовѣренія объ исполненіи имъ въ теченіе года обязанностей адела. Экзаменаціонныя испытанія раздѣляются на письменныя и устныя. Кадїи должны подать двѣ письменныя работы, при чемъ первая имѣетъ темой судебное рѣшеніе, вторая—какой-либо юридическій вопросъ, стоящій въ программѣ комисій. Отъ башъ-аделей требуются также двѣ письменныя работы: одна на тему судебного рѣшенія, а другая, заключающаяся или въ составленіи какого-либо акта, напр., даренія, или въ разсужденіи по какому-нибудь вопросу мусульманской судебной организаціи или изданныхъ въ отношеніи мусульманъ законовъ. Желаящій быть допущеннымъ къ исполненію обязанностей адела долженъ представить проектъ какого-либо договора (покупки, найма и т. п.) и проектъ нотаріальнаго акта, напримѣръ, довѣренности, или разсужденіе по данному юридическому вопросу. На каждую письменную работу экзаменующимся дается три часа, при чемъ въ ихъ распоряженіе предоставляются словари, грамматики, сочиненіе мусульманскаго юриста Сиди-Халиля и необходимые сборники

узаконеній. Въ программу устныхъ испытаній входитъ между прочимъ мусульманское право, мусульманская судебная организация и законодательство, касающееся живущихъ въ Алжирѣ магометанъ. Вопросы по этимъ предметамъ предлагаются не только кандидатамъ на должности кадиевъ и башъ-аделей, но и простыхъ аделей. Отъ кандидатовъ всѣхъ категорій, начиная съ 1880 г., требуются элементарныя свѣдѣнія по исторіи и географіи Алжира, по французскому праву и языку (распоряженіе генераль-губернатора отъ 9 августа 1877 года)<sup>1)</sup>.

Кадіи получаютъ установленное закономъ содержаніе и раздѣляются въ этомъ отношеніи на три разряда. Кадіи перваго разряда получаютъ 1,500 франковъ, втораго—1,200 и третьяго 1,000 франковъ. Къ кадіямъ перваго разряда причисляются, въ силу закона, тѣ изъ нихъ, которые исполняютъ свои обязанности въ округѣ, гдѣ имѣется трибуналъ первой степени. Число кадиевъ вообще зависитъ отъ числа судебныхъ округовъ, составъ которыхъ въ теченіе времени мѣняется. Такъ, въ 1876 году всѣхъ магакма было 136, при чемъ на содержаніе кадиевъ, по одному на каждую магакма, министерствомъ финансовъ въ томъ же году было отпущено 150,100 франковъ. Въ 1883 году число судебныхъ округовъ сократилось, и въ бюджетѣ сего года на мусульманскую юстицію отчислено лишь 103,500 франковъ (срав. указъ 13 декабря 1866 г. ст. 9; указъ 5 февраля 1868 г., ст. 1 и 2; указъ 1874 г. августа 8, ст. 1 и 2; законъ 29 декабря

---

<sup>1)</sup> Въ нашемъ законодательствѣ вопросъ о познаніяхъ въ мусульманскомъ правѣ казиевъ, муллъ и другихъ чиновъ магометанскаго духовенства почти совсѣмъ не затрогивается. Въ ст. 1424 т. XI ч. 1 (изд. 1896 г.) сказано лишь, что Оренбургское магометанское духовное собраніе подвергается предварительному испытанію въ знаніи правилъ магометанскаго закона избранныхъ обществами магометанъ въ приходскія духовныя должности. Относительно лицъ, вступающихъ въ составъ магометанскаго духовенства на Кавказѣ, постановлено, что они должны имѣть свидѣтельство о выдержаніи испытанія въ соответственныхъ для каждаго духовнаго званія познаніяхъ, при чемъ порядокъ и условія испытаній опредѣляются инструкціей, утверждаемой Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ по соглашенію съ главноначальствующимъ гражданскою частію на Кавказѣ (прим. къ ст. 1454 т. XI ч. 1).

1876 г. объ утв. бюджета; постановленія (arrêté) генераль-губернатора: 20 января 1880 г. и 15 мая 1881 г., о числѣ судебныхъ округовъ; законъ 29 декабря 1882 г. объ утвержд. бюджета).

На кадіяхъ въ Алжирѣ, независимо отъ разбирательства судебныхъ дѣлъ, лежитъ также отправление нотаріальныхъ обязанностей, такъ какъ мусульманамъ предоставлено право для совершенія публичныхъ актовъ обращаться къ нотариусамъ или къ кадіямъ. Совершаемые кадіемъ акты вносятся отъ слова до слова въ подлежащія книги (registre) за подписью кадія и адела. Книги эти одинаковаго образца выдаются правительствомъ и скрѣпляются (côtés et paraphés) генеральнымъ прокуроромъ или другимъ назначеннымъ для сего должностнымъ лицомъ. Выдаваемые кадіемъ копіи рѣшеній и актовъ или справокъ подлежатъ оплатѣ гербовымъ сборомъ. Всѣ акты, совершаемые кадіемъ, должны быть переведены на французскій языкъ на гражданской территоріи судебными переводчиками, а на военной—переводчиками полковыми (срав. указъ 31 декабря 1859 г. и постановленіе 16 октября 1860 г. ст. 1) <sup>1)</sup>.

---

<sup>1)</sup> Въ Алжирѣ существуетъ два рода судебныхъ переводчиковъ: 1) собственно судебные переводчики (interprètes judiciaires), исполняющіе свои обязанности при апелляціонномъ судѣ, при окружныхъ судахъ и у мировыхъ судей, и 2) присяжные переводчики (interprètes traducteurs assermentés), на которыхъ возлагается составленіе переводовъ публичныхъ актовъ и участіе въ сдѣлкахъ и соглашенияхъ сторонъ, говорящихъ на разныхъ языкахъ. Собственно судебные переводчики раздѣляются на три класса, соотвѣтственно тремъ классамъ полковыхъ переводчиковъ (interprètes militaires). Переводчики при апелляціонномъ судѣ получаютъ 3,000 франковъ содержанія; при окружныхъ судахъ—2,400; у мировыхъ судей—1,500. Независимо отъ сего, указомъ 13 декабря 1879 года, на судебныхъ переводчиковъ при апелляціонномъ и окружныхъ судахъ, если они выдержали экзаменъ, требуемый отъ полковыхъ переводчиковъ 1-го разряда, распространяются всѣ права и преимущества, предоставленныя присяжнымъ переводчикамъ положеніемъ (ordonnance) 19 мая 1846 г. и министерскимъ приказомъ (arrêté ministériel) 29 мая того же года. вмѣстѣ съ тѣмъ они подчиняются и установленнымъ въ отношеніи послѣднихъ означенными законами правиламъ.

На основаніи положенія 1846 года, переводчики не въ правѣ заниматься какой-либо другой профессіей и должны всецѣло находиться въ распоряженіи подлежащихъ чиновъ судебного вѣдомства. Они назначаются министромъ юстиціи, который опредѣляетъ и самое число ихъ (штатъ). До вступленія въ должность

Такъ какъ, на основаніи закона 26 іюля 1873 года, всѣ сдѣлки по договорамъ о приобрѣтеніи права собственности на недвижимое имущество, кто бы ни были собственники, подчиняются дѣйствию французскаго закона, то кадіямъ поставляется въ обязанность, въ теченіе опредѣленнаго срока, доставлять выписи актовъ о переходѣ права собственности, объ установленіи пользовладѣнія и объ отдачѣ въ наемъ не-

судебные и присяжные переводчики приводятся къ присягѣ. За упущенія по должности (неправильность перевода или передачи) и недобросовѣтность они могутъ подлежать увольненію отъ службы (*révocation*), независимо отъ возможной отвѣтственности по уложенію о наказаніяхъ (*code pénal*, art. 162, 174, 361, 362 и 363). Каждый переводчикъ исполняетъ свои обязанности лишь въ предѣлахъ того судебного округа, въ который онъ назначенъ. Для занятія должности переводчика необходимо предварительно сдать требуемый экзаменъ и получить надлежащее о томъ свидѣтельство (указы: 4 декабря 1849 г., 4 и 25 апрѣля 1851 г. и мин. приказъ 29 мая 1846 г.).

На основаніи положенія 19 мая 1846 г., судебнымъ переводчикамъ не доставлено исключительное право дѣлать и удостовѣрять переводъ всѣхъ вообще судебныхъ актовъ. Въ силу того же положенія, ни одинъ изъ актовъ, совершаемыхъ нотариусами, кадіями и другими должностными лицами (*officiers publics*) въ Алжирѣ, не имѣетъ силы безъ участія въ ономъ, въ качествѣ дополнительнаго свидѣтеля, и подписи присяжнаго переводчика, если стороны говорятъ на разныхъ языкахъ (*ne parlent pas la même langue*). Всякій актъ, написанный на арабскомъ или иностранномъ языкѣ, можетъ быть предъявленъ въ судъ не иначе, какъ съ приложеніемъ перевода, сдѣланнаго или удостовѣреннаго присяжнымъ переводчикомъ. Равнымъ образомъ и акты, написанный на французскомъ или иностранномъ языкѣ, не можетъ быть предъявленъ безъ перевода на арабскій языкъ однимъ изъ присяжныхъ переводчиковъ туземному судѣ или нотаріусу (кадію).

Присяжные переводчики (а также въ аналогическихъ случаяхъ судебные переводчики при апелляціонномъ и окружныхъ судахъ) получаютъ за свой трудъ слѣдующее вознагражденіе: 1) за содѣйствіе по совершенію нотаріальныхъ актовъ—въ размѣрѣ четвертой части вознагражденія, слѣдующаго нотаріусу; 2) за составленіе описей—въ размѣрѣ половины вознагражденія нотаріуса; 3) за содѣйствіе судебному приставу при исполненіи судебныхъ рѣшеній (*actes d'exécution*)—въ размѣрѣ, слѣдующемъ самому судебному приставу (*huissier*); 4) за переводъ съ арабскаго, еврейскаго и турецкаго на французскій—три франка съ листа, а съ арабскаго на французскій—четыре франка, считая по 25 строкъ на страницѣ и по 15 слоговъ въ строчкѣ (указъ 20 ноября 1852 г. и указъ 13 декабря 1879 г., см. также докладъ министра юстиціи президенту республики отъ 13 декабря 1879 г. о правахъ переводчиковъ въ Алжирѣ).

О количествѣ полученнаго переводчикомъ вознагражденія должно быть упомянуто на самомъ переводѣ. За требованіе излишняго вознагражденія переводчикъ подвергается дисциплинарной отвѣтственности (мин. приказъ 29 мая 1846 г.).

движимости, равно какъ копіи рѣшеній, коими признается за кѣмъ-либо право собственности на недвижимое имѣніе, подлежащему учрежденію для регистраціи (*bureau de l'enregistrement*), вмѣстѣ съ переводами означенныхъ документовъ, сдѣланными присяжнымъ переводчикомъ. За пропущеніе вышеупомянутаго срока (три мѣсяца со дня совершенія акта или постановленія рѣшенія) кадїи подвергается штрафу въ размѣрѣ десяти франковъ. При совершеніи означенныхъ актовъ или постановленій рѣшенія, касающагося недвижимости, кадїи обязаны напоминать сторонамъ, что онѣ должны, согласно требованію закона, явиться въ теченіе шестимѣсячнаго срока за полученіемъ выписи акта (*expédition*) въ регистраціонное учрежденіе и уплатить издержки по производству записи. По отношенію къ каждому акту и судебному рѣшенію въ разсматриваемыхъ случаяхъ кадїи обязаны отмѣчать въ реестрахъ, выдаваемыхъ имъ администраціей, всѣ свѣдѣнія, какія требуются указаніями, помѣщенными на каждомъ столбцѣ реестра. Означенныя отмѣтки переводятся съ арабскаго языка на французскій въ томъ же реестрѣ подъ текстомъ присяжными переводчиками. Никакая выпись или копія рѣшенія не можетъ быть выдана сторонамъ ранѣе записи акта или рѣшенія въ регистраціонномъ учрежденіи съ надлежащею помѣткою о времени записи и уплатѣ подлежащихъ издержекъ (срав. ст. 56 указа 31 декабря 1859 года; указъ 16 октября 1878 года; циркуляръ (*circulaire*) генераль-губернатора 17 января 1879 года; распоряженіе генераль-губернатора 18 марта 1879 года).

Кадїи въ правѣ принимать на храненіе всякаго рода цѣнностей, поступленіе которыхъ записывается кадїями въ особый реестръ (ст. 42 указа 31 декабря 1859 года). Распоряженіе генераль-губернатора отъ 2 ноября 1855 года распредѣляетъ означенныя цѣнности на четыре категорїи: 1) принадлежащія отсутствующимъ; 2) поступившія въ судъ по какому-либо дѣлу; 3) принадлежащія сиротамъ; 4) принадлежащія лицамъ, состоящимъ подъ законнымъ прещеніемъ (*interdits*). Вышеупомянутыя цѣнности (деньги, золото и серебро въ дѣлѣ, драгоценныя камни) кадїи обязаны въ тече-

ніе десяти дней вносить подъ росписку въ бейтъ-уль-маль, каковое учрежденіе выдаетъ оныя управомоченнымъ лицамъ лишь по письменному сообщенію (invitation) подлежащаго кадїа или на основаніи судебного рѣшенія. Какъ кадїи, такъ и должностныя лица бейтъ-уль-маль (укили) отвѣчаютъ за сохранность переданныхъ имъ цѣнностей и никакимъ образомъ не должны располагать таковыми <sup>1)</sup>).

Кадїи равнымъ образомъ производятъ ликвидацию и раздѣлъ мусульманскихъ наслѣдствъ какъ по желанію участвующихъ сторонъ, такъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда производство раздѣла предоставлено имъ мусульманскимъ правомъ (ст. 40 указа 13 декабря 1866 года).

Въ совершаемыхъ кадїями актахъ должны быть упомянуты имя, званіе и мѣстожительство сторонъ, а также обозначены пространство и границы составляющей предметъ сдѣлки недвижимости съ указаніемъ мѣстоположенія оной (постановленіе генераль-губернатора 3 ноября 1864 года).

Каждая сторона имѣетъ право получать выписи (expédition) акта, которыя выдаются за подписью кадїа и аделя съ приложеніемъ печати кадїа. Засвидѣтельствованіе копій съ актовъ совершается кадїемъ на самомъ документѣ и сверхъ того отмѣчается въ особомъ реестрѣ.

За совершеніе актовъ и выдачу копій выписей кадїи получаютъ отъ сторонъ опредѣленное вознагражденіе по установленной таксѣ, списокъ которой выставляется въ мѣстѣ засѣданія кадїа (ст. 45—47 указа 31 декабря 1859 года).

---

<sup>1)</sup> Мусульманское учрежденіе бейтъ уль маль, имѣвшее нѣкогда въ Алжирѣ довольно широкій кругъ дѣятельности (ему принадлежало завѣдваніе имуществомъ отсутствующихъ, управленіе выморочными имуществами, наблюденіе за кладбищами, призрѣніе бѣдныхъ), въ настоящее время, съ изданіемъ закона 16 іюля 1851 года, на основаніи коего выморочныя имущества обращаются въ собственность государства, почти утратило всякое значеніе, и роль его ограничивается лишь упомянутымъ въ текстѣ принятіемъ на храненіе разнаго рода цѣнностей, при чемъ даже и въ семъ отношеніи послѣдующимъ распоряженіемъ министра финансовъ было предписано, чтобы денежныя цѣнности вносились чинами бейтъ уль маль прямо въ казначейство (receveurs des domaines) на текущій счетъ (см. Sautaya et Cherbonneau—Droit musulman. Du statut personnel et des successions, т. II, стр. 198).

Мы считаемъ нелишнимъ привести эту таксу, представляющую собою вмѣстѣ съ тѣмъ документъ, знакомящій съ нѣкоторыми особенностями мусульманскаго права.

*Распоряженіе (arrêté) генералъ-губернатора, отъ 21 марта 1868 года, опредѣляющее размѣръ вознагражденія (tarif) за совершаемые кадіями акты.*

Ст. 1. Размѣръ вознагражденія за совершаемые кадіями акты, равно какъ права на оное кадіевъ и другихъ должностныхъ лицъ мусульманской юстиціи опредѣляются нижеслѣдующимъ порядкомъ:

1. Актъ, удостовѣряющій званіе шерифа (chérif) . 25 франк.
2. Брачный договоръ со включеніемъ уполномочія невѣсты, свидѣтельства объ ея возрастѣ, удостовѣренія степени родства ея представителя и вообще всего того, что требуется для заключенія брака <sup>1)</sup>. . . . . 5 —
3. Возобновленіе брака съ женой, получившей окончательный разводъ <sup>2)</sup>. . . . . 5 —

<sup>1)</sup> По правиламъ магометанъ и въ особенности малекитовъ, лицо женскаго пола не можетъ выразить непосредственно своего согласія на бракъ даже по достиженіи совершеннолѣтія. Брачное соглашеніе заключается отъ ея имени особымъ представителемъ, который носитъ названіе «вали». Ханафиты признаютъ право представительства въ семь случаевъ за родственниками по мужскому колѣну (асабами) въ порядкѣ постепенности призванія ихъ къ наслѣдованію. Малекитъ Сиди-Халиль такимъ образомъ перечисляетъ лицъ, могущихъ претендовать на званіе вали при заключеніи брака отъ имени ихъ родственницы. Право заключенія брачнаго договора, говоритъ онъ, принадлежитъ прежде всего сыну вступающей въ бракъ женщины (отъ предшествовавшаго брака), затѣмъ ея внуку, отцу, брату, племяннику, дѣду, дядѣ съ отцовской стороны, двоюродному брату (съ предпочтеніемъ полнороднаго родства единокровному), лицу, имѣвшему поличеніе о вступающей въ бракъ дѣвушкѣ, кадію и, наконецъ, всякому мусульманину.

<sup>2)</sup> Въ мусульманскомъ правѣ мужъ, произнося известную формулу, можетъ по своему произволу отвергнуть жену (талакъ риджеатъ). Актъ подобнаго рода имѣетъ своимъ послѣдствіемъ разлученіе супруговъ отъ стола и ложа, при чемъ, однакоже, право прекратить такое положеніе дѣла вполне зависитъ отъ мужа. Но при известныхъ, довольно разнообразныхъ условіяхъ, отлученіе жены пріобрѣтаетъ значеніе окончательнаго развода (талакъ банъ), и въ семь случаевъ возобновленіе супружескихъ отношеній можетъ имѣть мѣсто не иначе, какъ по заключеніи новаго брака и договора о приданомъ. Для дѣйствительности какъ временнаго, такъ и окончательнаго разлученія супруговъ мусульманское право не требуетъ никакихъ письменныхъ актовъ. Достаточно произнесенія мужемъ известныхъ словъ и супружеская связь прерывается. Равнымъ образомъ наступленіе

4. Актъ о возстановленіи брака съ отвергнутой женой	2 франк.
5. Актъ окончательнаго развода . . . . .	5 —
6. Актъ отлученія жены съ правомъ возобновить съ ней сожителство . . . . .	5 —
7. Актъ, удостовѣряющій свидѣтельскія показанія относительно жестокаго обращенія мужа съ женой, вслѣдствіе чего можетъ быть потребована обратно данная женою мужу сумма для полученія развода <sup>1)</sup> . . . . .	4 —
8. Актъ о доставленіи содержанія <sup>2)</sup> . . . . .	2 —

известныхъ событій, какъ напримѣръ истечение срока идти, превращаетъ само собою временное разлученіе супруговъ отъ стола и ложа въ окончательный разводъ. Въ случаѣ спора всѣ подобнаго рода факты, имѣющіе своимъ послѣдствіемъ временное или окончательное прекращеніе супружескихъ отношеній, удостовѣряются, по началамъ мусульманскаго права, свидѣтельскими показаніями. То же слѣдуетъ замѣтить и относительно возстановленія брачнаго сожителства по волѣ мужа въ случаѣ талакъ риджаатъ.

<sup>1)</sup> По началамъ магометанскаго брачнаго права, супруги могутъ развестись по взаимному согласію, при чемъ весьма нерѣдко подобный разводъ сопровождается условіемъ о предоставленіи женою мужу известнаго вознагражденія (Khéla). Въ Алжирѣ обычнымъ предметомъ подобнаго вознагражденія служатъ деньги, но оно можетъ выразиться также въ возвращеніи мужу приданаго (кальма—мехръ), прощениіи неуплаченной мужемъ части приданаго, въ принятіи женою обязательства выплатить мужу известную сумму или взять на свое попеченіе и содержаніе дѣтей, происшедшихъ отъ расторгаемаго брака, и т. п. Хотя Коранъ разрѣшаетъ мужьямъ наказывать женъ и въ случаѣ неповиновенія наносить имъ побои (гл. IV, ст. 38), но судебная практика малекитскихъ кадівъ въ Алжирѣ допускаетъ расторженіе брака въ случаѣ доказаннаго жестокаго обращенія мужа съ женою, при чемъ, если разводъ данъ былъ самимъ мужемъ за известное вознагражденіе, то послѣднее возвращается женѣ, коль-скоро свидѣтельскими показаніями будетъ установлено, что жена вынуждена была прибѣгнуть къ подобному разводу вслѣдствіе жестокаго обращенія съ нею со стороны мужа (ср. Sautayra et Cherbonneau—Droit musulman. Du statut personnel et des successions, т. I, стр. 248, 249, 260—262).

<sup>2)</sup> Во французскомъ текстѣ содержаніе названо «pension». Повидимому, въ такъ рѣчь идетъ о содержаніи, доставляемомъ мужемъ женѣ, по правиламъ магометанскаго закона. Означенная обязанность возникаетъ съ самаго момента заключенія брака, и, пока таковой существуетъ, итъ, говоря вообще, надобности въ особомъ актѣ, удостовѣряющемъ эту обязанность. Но въ случаѣ развода, въ особенности, если мужъ отлучаетъ беременную жену или имѣющую ребенка, котораго она кормитъ грудью, облеченіе въ письменную форму лежащей и въ семь случаевъ на мужѣ обязанности содержать въ теченіе известнаго времени отлученную жену представляется неизбежнымъ во избѣжаніе легко возможныхъ споровъ и недоразумѣній, къ или вообще богата мусульманская юриспруденція.

9. Актъ, коимъ указывается женщина, принимающая на свое попеченіе ребенка по случаю смерти его матери или вступленія послѣдней въ новый бракъ <sup>1)</sup> . . . 1 франк.

10. Актъ о замѣщеніи назначенной для воспитанія ребенка женщины другою. . . . . 1 —

11. Актъ купли-продажи (acte de vente):

На сумму до 500 франковъ . . .	8 франковъ
Отъ 500 до 1,000 — . . .	12 —
— 1,000 — 1,500 — . . .	15 —
— 1,500 — 2,000 — . . .	20 —
— 2,000 — 4,000 — . . .	25 —
— 4,000 — 10,000 — . . .	30 —

Свыше 10,000 франковъ—40 франковъ, при чемъ за каждую тысячу сверхъ десяти уплачивается по 25 сантимовъ.

12. Актъ мѣны недвижимыхъ имуществъ (тотъ же размѣръ вознагражденія, какъ при куплѣ-продажѣ).

13. Передача (cession) недвижимаго имущества (bien) въ уплату долга (тотъ же размѣръ вознагражденія, какъ при куплѣ-продажѣ).

14. Передача вещи въ уплату долга за условленную покупную цѣну . . . . . 5 франк.

15. Актъ, удостоверяющій существованіе скрытаго недостатка въ недвижимости или въчномъ скотѣ . . . 4 —

16. Уничтоженіе купли-продажи (resiliation) въ случаѣ отсужденія проданнаго имущества или части онаго

<sup>1)</sup> Въ мусульманскомъ правѣ существуетъ правило, по которому дѣти обоаго пола до извѣстнаго возраста остаются на попеченіи и подъ руководствомъ матери, и притомъ дѣвушки долже, нежели мальчики. Это право матери исключительнаго воспитанія дѣтей при указанныхъ условіяхъ носитъ названіе *хидана*. Въ случаѣ смерти матери ее заступаютъ въ семь отношеніи, по ученію малекитовъ, слѣдующія лица: бабка дитяти съ материнской стороны, прабабка, тетка со стороны матери, затѣмъ бабка съ отцовской стороны, далѣе сестры: родная, единокровная, единоутробная и, наконецъ, тетка съ отцовской стороны. Если сихъ родственниковъ не имѣется или они отказываются отъ своего права, то право воспитанія ребенка въ первомъ возрастѣ переходитъ къ отцу, душеприказчику послѣдняго, къ брату дитяти, къ племяннику, къ дядѣ и двоюродному брату. Отсюда видно, что въ вопросѣ о воспитаніи дѣтей родственники матери имѣютъ преимущество передъ родственниками съ отцовской стороны и полнорядные предпочитаютъ единокровнымъ.

третьему лицу ( $\frac{1}{4}$  вознагражденія, слѣдующаго при куплѣ-продажѣ).

17. Актъ объ уплатѣ впередъ (en avance de payement) за подлежащіе доставкѣ товары:

Ниже 500 франк. — 3 франк.; до 1,000 франк. — 5 франк., до 2,000 франк. — 7 франк., до 3,000 франк. — 8 франк., свыше 3,000 франк. — 10 франк., при чемъ за каждую слѣдующую тысячу сверхъ трехъ уплачивается по 25 сантимовъ.

18. Договоръ ссуды. . . . . 2 франк.

19. Актъ окончательнаго расчета по покупкѣ недвижимости при постепенной уплатѣ покупной цѣны. . . 3 —

20. Актъ займа подъ залогъ недвижимости или чего либо иного . . . . . 3 —

21. Свидѣтельство о бѣдности (выдается безвозмездно, безъ взысканія гербоваго сбора и не требуетъ перевода).

22. Актъ о законномъ прещеніи . . . . . 10 —

(Акты этого рода должны быть сообщаемы нотариусу и опубликованы въ предѣлахъ подвѣдомственнаго кадію округа).

23. Актъ объ освобожденіи отъ отеческой власти (émancipation) <sup>1)</sup> . . . . . 10 —

24. Актъ, коимъ кадій назначаетъ опекуна, завѣдующаго, подъ его контролемъ, опекой надъ несовершенно-

<sup>1)</sup> Этого рода акты у мусульманъ мало употребительны. Родительская власть въ отношеніи личности дѣтей мужескаго пола прекращается по достиженіи ими половой зрѣлости, вслѣдствіе чего они могутъ вступать въ бракъ, не испрашивая согласія отца, и жить тамъ, гдѣ пожелаютъ. Что же касается имущественной правоспособности, то таковая равнымъ образомъ пріобрѣтается мужчинами съ достиженіемъ физической зрѣлости, коль-скоро нѣтъ данныхъ, указывающихъ на неспособность лица завѣдывать собственными дѣлами. Опекa, замѣчаетъ Сиди-Халиль, юристъ малекитской школы, прекращается, когда достигшій половой зрѣлости молодой человѣкъ обладаетъ достаточнымъ разумьніемъ для распоряженія своимъ имуществомъ. Формальная эмансипація, т. е. соединяющаяся съ засвидѣтельствомъ такой способности, требуется лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда вмѣсто отца опекуномъ несовершеннолѣтняго былъ душеприказчикъ или кадій. Дѣти женскаго пола состоятъ подъ родительскою властью, по ученію ханафитовъ, до достиженія половой зрѣлости, а по ученію шафитовъ и малекитовъ до вступленія въ бракъ. Имуществомъ своимъ они, однако, могутъ располагать лишь послѣ признанія ихъ способными самостоятельно вести свои дѣла, при чемъ отецъ, а также назначенный по завѣщанію опекунъ (душеприказчикъ), въ правѣ объявить ихъ правоспособными (эмансипировать) и ранѣе заключенія брака.

лѣтнимъ или лицомъ, состоящимъ подъ законнымъ прещеніемъ . . . . .	2 франк.
25. Договоръ мировой сдѣлки . . . . .	5 —
26. Уступка требованія . . . . .	3 —
27. Договоръ поручительства . . . . .	2 —
28. Договоръ товарищества по отношенію къ недви- жимости или иному имуществу <sup>1)</sup> . . . . .	5 —
29. Прекращеніе товарищества и ликвидація дѣлъ. . . . .	5 —
30. Договоръ довѣренности . . . . .	2 —
31. Уничтоженіе довѣренности . . . . .	2 —
32. Признаніе дитяти своимъ <sup>2)</sup> . . . . .	5 —
33. Признаніе долга . . . . .	2 —
34. Договоръ поклажи . . . . .	3 —
35. Актъ договора поклажи съ предоставленіемъ поклажепринимателю права пользованія предметомъ по- клажи <sup>3)</sup> . . . . .	3 —
36. Заявленіе объ осуществленіи права преимуще- ственной покупки ( <i>droit de préemption</i> ) <sup>4)</sup> . . . . .	5 —

<sup>1)</sup> Здѣсь, по всей вѣроятности, разумѣется договоръ мусульманскаго права—*шаркатъ*, который имѣеть нѣсколько видовъ и по своей юридической констукціи вообще, равно какъ въ отдѣльныхъ положеніяхъ своихъ, представляетъ много неясностей и своеобразныхъ тонкостей.

<sup>2)</sup> Въ мусульманскомъ правѣ мужчинѣ дозволяется признать другое лицо своимъ дитятей: 1) если между признающимъ и признаннымъ существуетъ такая разница лѣтъ, которая доускаетъ возможность происхожденія одного отъ другого; 2) если происхожденіе признаннаго неизвѣстно, и 3) если признающій былъ женатъ или имѣлъ наложницу.

<sup>3)</sup> По общему правилу, поклажеприниматель не въ правѣ пользоваться предме- томъ поклажи. Но, по ученію ханафитовъ, договоръ поклажи не прекращается, если поклажеприниматель, попользовавшись вещь, данною ему на храненіе (надѣвалъ платье, напримѣръ), затѣмъ, до востребованія вещи хозяиномъ, прекратить такое пользованіе. Напротивъ, шафиты полагають, что означенныя дѣйствія ведутъ къ прекращенію договора, дѣлая поклажепринимателя отвѣтственнымъ за всякое поврежденіе вещи.

<sup>4)</sup> Право преимущественной покупки или, лучше сказать, право выкупа (шуветь) представляетъ интересный и подробно разработанный институтъ мусульманскаго права, сущность котораго состоитъ въ томъ, что каждый изъ общихъ собственниковъ недвижимаго имущества, не исключая и сонаслѣдниковъ, пока они остаются въ общемъ нераздѣльномъ владѣніи наслѣдствомъ, имѣеть право, въ случаѣ продажи однимъ изъ соучастниковъ своей доли, приобрести таковую отъ покупателя за условленную при продажѣ цѣну, независимо отъ согласія или несогласія послѣдняго. Своевременное заявленіе о желаніи воспользоваться означеннымъ правомъ имѣеть для дѣйствительности онаго весьма существенное значеніе

37. Актъ раздѣла (то же вознагражденіе, какъ при куплѣ-продажѣ).
38. Актъ, опредѣляющій товарищескіе пай . . . 5 франк.
39. Договоръ командитнаго товарищества . . . 5 —
40. Договоръ товарищества между собственникомъ недвижимаго имѣнія и лицомъ, производящимъ въ ономъ насажденія и другія улучшенія, при условіи раздѣла недвижимости <sup>1)</sup> . . . 5 —
41. Договоръ между собственникомъ недвижимаго имѣнія и лицомъ, обрабатывающимъ оное, о раздѣлѣ плодовъ <sup>2)</sup> . . . 3 —
42. Условіе о платѣ за личныя услуги . . . 2 —
43. Договоръ найма недвижимости: безсрочный— тотъ же размѣръ вознагражденія, какъ при куплѣ-

Право выкупа признается также за лицомъ, пользующимся какими-либо выгодами въ продажномъ имѣніи, а равно и за сосѣдями по имѣнію (подробности смотри: Хидал—Комментарій мусульманскаго права. Переводъ съ англійскаго Гродекова, т. III, стр. 386 и слѣд., Курсь мусульманскаго права, вып. I, проф. И. Нофаля, стр. 87 и слѣд. (ученіе *занафитовъ*). Droit musulman. Du statut personnel et des successions par Sautayra et Cherbonneau, т. II, стр. 281 и слѣд. (ученіе *малекиитовъ*); Recueil de lois concernant les musulmans Schyites par A. Queggy, т. II, стр. 241 и слѣд. (ученіе *шиитовъ*).

Въ Алжирѣ примѣненіе права выкупа (шуфетъ) въ весьма значительной степени ограничено алжирскимъ законодательствомъ, именно закономъ 26 іюля 1873 г., изданнымъ, вслѣдствіе постоянныхъ жалобъ колонистовъ на злоупотребленія означеннымъ правомъ со стороны туземцевъ, въ видахъ охраненія прочности приобрѣтенія права собственности по договорамъ. На основаніи ст. 1 этого закона, право шуфетъ можетъ быть осуществлено противъ приобрѣтателя недвижимаго имущества лишь въ значеніи наследственнаго выкупа (*retrait successoral*) тѣми только родственниками, кои почитаются наследоспособными по мусульманскому праву, и при условіяхъ, предусматриваемыхъ статьей 841 французскаго гражд. уложенія.

<sup>1)</sup> Сколько намъ извѣстно, подобнаго договора въ мусульманскомъ правѣ не существуетъ, и если въ данномъ случаѣ во французскомъ текстѣ таксы нѣтъ какого-либо недоразумѣнія, то упоминаемый въ ней договоръ о раздѣлѣ земли подъ условіемъ ея засажденія (*plantations*) есть чисто мѣстнаго происхожденія. Въ мусульманскомъ правѣ вообще мы встрѣчаемъ договоръ, подъ именемъ *мусакаатъ*, въ силу коего одно лицо обязуется поручить другому уходъ за своими плодовыми деревьями съ тѣмъ, чтобы урожай плодовъ дѣлился между ними въ условленной пропорціи. Напротивъ, почитается недѣйствительнымъ соглашеніе, по которому собственникъ пустошоронней земли передаетъ оную другому лицу для засажденія деревьями съ условіемъ, чтобы земля и деревья считались собственностью обоихъ въ равныхъ частяхъ (ср. Хидал, т. IV, стр. 50).

<sup>2)</sup> Договоръ этого рода носить въ мусульманскомъ правѣ названіе—*музарій*.

продажѣ; свыше 18 лѣтъ— $\frac{1}{2}$  сего размѣра; отъ 9 до 18 лѣтъ— $\frac{1}{3}$  того же размѣра; отъ 3 до 9 лѣтъ— $\frac{1}{4}$  того же размѣра; на срокъ менѣе 3 лѣтъ . . . . . 2 франк.  
 44. Актъ учрежденія вакуфа (хабусъ) <sup>1)</sup>. . . . . 20 —

<sup>1)</sup> *Вакуфъ* или *Хабусъ* (у малекитовъ) есть одинъ изъ самыхъ любопытныхъ и своеобразныхъ институтовъ мусульманскаго права. Оставляя въ сторонѣ частности и подробности, равно какъ контroversы по сему предмету различныхъ мусульманскихъ юридическихъ школъ, можно сказать, что цѣль и назначеніе этого института состоятъ въ пожертвованіи, если не самаго имущества, то доходовъ съ оного на богоугодныя, благотворительныя и общепользныя дѣла и предпріятія. Самое имущество вообще почитается посвященнымъ Богу и посему не подлежитъ, по общему правилу, отчужденію тѣми, кто пользуется его доходами. Учрежденіе вакуфа въ принципѣ есть актъ безсрочный и безповоротный. Указанное выше назначеніе вакуфа составляетъ его конечную и постоянную цѣль, временно же (пожизненно, до прекращенія рода) имущество, обращенное въ вакуфъ, можетъ быть предоставлено учредителемъ въ пользованіе всякому другому лицу, въ особенности же своимъ законнымъ наследникамъ въ порядкѣ, опредѣленномъ въ актѣ учрежденія. Отсюда происхожденіе наследственныхъ вакуфовъ, посредствомъ которыхъ собственникъ можетъ, по своему усмотрѣнію, а не по правиламъ шаріата, назначить наследниковъ въ отношеніи обращеннаго имъ въ вакуфъ имущества (главнымъ образомъ недвижимаго) и опредѣлить порядокъ, въ которомъ пользованіе онымъ переходитъ отъ одного награжденнаго къ другому. У малекитовъ ученіе о вакуфѣ смѣшивается съ другимъ институтомъ мусульманскаго права—*хисбомъ*, допускающимъ установленіе срочнаго пользованія доходами или выгодами имущества.

Алжирское законодательство столь значительно поколебало принципы, на которыхъ основывается въ мусульманскомъ правѣ институтъ вакуфа, что вакуфныя имѣнія, нѣкогда весьма распространенныя въ этомъ краѣ, должны постепенно совершенно исчезнуть. Положеніе 1 октября 1844 г. и указъ 30 октября 1856 г., хотя и сохранили за учредителемъ какъ самую возможность обращенія имущества въ вакуфъ, такъ и право выбора награжденныхъ, согласно мусульманскому закону, но вмѣстѣ съ тѣмъ признали безусловную безповоротность всякой сдѣлки объ отчужденіи вакуфнаго имущества. Алжирскій апелляціонный судъ въ своихъ рѣшеніяхъ постоянно разъяснялъ значеніе означенныхъ узаконеній, какъ направленныхъ къ освобожденію недвижимости отъ оковъ вакуфа и къ устраненію всякаго рода бесполезныхъ тормазовъ для свободнаго обращенія недвижимыхъ имуществъ. Въ связи съ этимъ практика алжирскихъ судовъ прониклась мислію, что упомянутые законы должны имѣть примѣненіе не только по отношенію къ отчужденію вакуфныхъ имуществъ, но вообще ко всякаго рода распоряженіямъ оными со стороны награжденныхъ, и что, стало быть, вакуфныя имѣнія могутъ быть продаваемы, даримы, отказываемы по завѣщанію, отдаваемы въ залогъ и заставное владѣніе, равно какъ въ наемъ на продолжительные сроки, а въ случаѣ несостоятельности награжденныхъ подвергаемы публичной продажѣ на удовлетвореніе кредиторовъ (ср. *Sautayra et Cherbonneau. Droit musulman*, т. II § 952 и слѣд.).

45. Актъ уничтоженія вакуфа. . . . . 10 франк.
46. Актъ даренія и милостыни: менѣе 200 франковъ—3 франка; свыше 200 фр.—5 фр.
- По отношенію къ недвижимости вообще, невзирая на стоимость оной. . . . . 10 —
47. Отмѣна (обратное требованіе) даренія <sup>1)</sup>. . . . . 5 —
48. Копія рѣшенія кадія, включая изложеніе требованій и возраженій сторонъ, доказательствъ иска, допущенія или отвода свидѣтелей и проч. Если цѣна иска менѣе 200 франковъ капитальной суммы или 20 франковъ дохода,—5 франковъ. Выше сего . . . . . 10 —
- (Вознагражденіе уплачивается лишь въ случаѣ взятія сторонами копій рѣшенія).
49. Сообщение одного кадія другому. . . . . 1 —
50. Удостовереніе подлинности подписи. . . . . 2 —
51. Актъ, удостоверяющій происхожденіе (родословную) лица и права его на наслѣдованіе: за актъ, устанавливающій родословную отъ дѣда или прадѣда, 5 франковъ; отъ прапрадѣда—7 франковъ; отъ прапрапрадѣда—9 франковъ; за родословную, устанавливающую родство свыше 5 степени <sup>2)</sup>. . . . . 12 —

<sup>1)</sup> Постановленія римскаго права объ отмѣнѣ даренія вслѣдствіе неблагодарности одареннаго (l. 10 C. de revoc. don. 8, 56), перешедшія въ западно-европейскіе кодексы, а въ томъ числѣ и во французское гражданское уложеніе (ст. 955), неизвѣстны мусульманскому праву, хотя самыя случаи поворота дара возможны и на основаніи послѣдняго. По ученію малекитовъ и шафитовъ, дареніе вообще признается безповоротнымъ. Исключеніе допускается въ отношеніи родителей, сдѣлавшихъ даръ своимъ дѣтямъ, и то съ извѣстными оговорками. Напротивъ, ханафиты принимаютъ за правило, что даръ можетъ быть потребованъ отъ одареннаго обратно, но вмѣстѣ съ тѣмъ приводятъ многочисленныя и разнообразныя изыятія изъ сего правила (даръ родственникамъ, женѣ и проч.), и вообще находятъ поворотъ дара неодобрительнымъ и неприличнымъ, руководствуясь изреченіемъ пророка, что отнятіе дара подобно глотанію чьей-либо слюны. Поэтому, нѣкоторые юристы считаютъ поворотъ дара возможнымъ не иначе, какъ на основаніи особаго въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ приговора кадія, либо съ согласія одареннаго.

<sup>2)</sup> Въ тѣхъ случаяхъ, когда приходится производить раздѣлъ наслѣдства между такими наслѣдниками, которые въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній находились въ общемъ владѣніи наслѣдственнымъ имуществомъ, при чемъ нѣкоторыхъ изъ сонаслѣдниковъ нѣтъ уже болѣе въ живыхъ, мусульманскіе юристы для опредѣленія долей наличныхъ участниковъ раздѣла восходятъ ко времени смерти единственнаго владѣльца имущества и затѣмъ слѣдятъ за постепеннымъ дробленіемъ

52. Актъ, удостовѣряющій существованіе права свидѣтельскими показаніями въ отношеніи недвижимости. 6 франк.  
 Въ прочихъ случаяхъ. . . . . 4 —
53. Разграниченіе недвижимости . . . . . 5 —
54. Завѣщательный актъ относительно  $\frac{1}{3}$  имущества, принадлежащаго завѣщателю <sup>1)</sup>. . . . . 3 —
55. Назначеніе душеприказчика. . . . . 3 —
56. Учетъ дара, сдѣланнаго въ формѣ завѣщанія <sup>2)</sup>. 3 —
57. Копія акта— $\frac{1}{4}$  стоимости оригинала.
58. Справки по актамъ: за текущій годъ—50 сант.; за каждый предшествующій годъ по 50 сант., но въ общемъ не болѣе 3 франковъ.

59. Раздѣлъ наслѣдства, включая опредѣленіе наслѣдственныхъ долей, перечисленіе наслѣдниковъ и устано-

наслѣдства по случаю смерти каждаго отдѣльнаго совладѣльца до момента окончательнаго раздѣла. Такимъ образомъ, вычисляются два или болѣе раздѣловъ, соотвѣтственно числу случаевъ смерти тѣхъ или другихъ сонаслѣдниковъ во все продолженіе общности, и засимъ данныя сихъ раздѣловъ приводятся къ общему окончательному результату, въ которомъ доли наслѣдства наличныхъ сонаслѣдниковъ выражаются въ одинаковыхъ, хотя въ зависимости отъ различныхъ наслѣдственныхъ правъ дольщиковъ, и не въ равныхъ, по количеству, величинахъ. Въ практикѣ малекитскихъ кадіевъ опредѣленіе такимъ порядкомъ долей наслѣдственного раздѣла соединяется съ составленіемъ особаго акта, подъ названіемъ *фреда*, въ содержаніе котораго входитъ: 1) установленіе происхожденія и взаимнаго родства между участниками раздѣла, на основаніи документовъ, свидѣтельскихъ показаній и собственныхъ заявленій сторонъ; 2) генеалогическая таблица (родословная), составленная на основаніи предшествующихъ данныхъ; 3) опредѣленіе правъ каждаго изъ участниковъ раздѣла на составляющее предметъ онаго имущество.

<sup>1)</sup> По началамъ мусульманскаго права, собственнику дозволяется распорядиться по завѣщанію (т. е. путемъ отказовъ) лишь  $\frac{1}{3}$  своего имущества. Это положеніе признается безспорнымъ всеми безъ исключенія мусульманскими юридическими школами, коль-скоро у завѣщателя имѣются законные наслѣдники. Мусульманское завѣщаніе (васіетъ) имѣетъ характеръ отказа (*legatum*) и есть какъ-бы договоръ между завѣщателемъ и награжденнымъ, дѣйствительность и исполненіе коего обуславливаются, съ одной стороны, смертію завѣщателя, а съ другой—изъявленіемъ со стороны награжденнаго согласія на принятіе отказа. Отказъ, превышающій  $\frac{1}{3}$  наслѣдства, можетъ имѣть силу лишь съ одобренія законныхъ наслѣдниковъ завѣщателя.

<sup>2)</sup> Дареніе, совершенное на смертномъ одрѣ, разсматривается мусульманскимъ правомъ, какъ завѣщаніе, а посему, если актъ этого рода по своей стоимости превышаетъ третью свободную часть наслѣдства, то онъ подлежитъ учету до означеннаго раздѣла.

вление ихъ правъ, опредѣленіе обязательныхъ вычетовъ, уплату долговъ и проч. <sup>1)</sup>). . . . . 10 франк.

60. Размѣръ вознагражденія по продажѣ наслѣдства: 3%—съ суммы, не превышающей 10,000 франковъ; 25—сант. за каждые 100 франковъ свыше 10,000 франковъ. Въ случаѣ оцѣнки: тотъ же размѣръ вознагражденія. (Раздѣлъ вознагражденія производится между членами магакма по общимъ правиламъ, изложеннымъ въ ст. 2 настоящаго распоряженія: услуги делаловъ <sup>2)</sup> и экспертовъ принимаются на счетъ магакма).

<sup>1)</sup> Подъ обязательными вычѣтами (*prélèvements obligatoires*) слѣдуетъ, повидимому, разумѣть уплату похоронныхъ издержекъ, отказовъ и такихъ расходовъ, которые могутъ соединяться съ выполненіемъ религіозныхъ обѣтовъ.

<sup>2)</sup> *Деламы* въ Алжирѣ составляютъ особую корпорацію мусульманскихъ присяжныхъ цѣновщиковъ и продавцовъ. Права и обязанности ихъ опредѣляются министерскимъ приказомъ 5 марта 1855 г. Въ члены этихъ корпорацій, учреждаемыхъ съ разрѣшенія мѣстныхъ гражданскихъ или военныхъ властей, могутъ поступать лишь туземные мусульмане, достигшіе 25 лѣтъ, по представленіи свидѣтельства о добропорядочномъ поведеніи (*certificat de moralité*) и залога, размѣръ коего опредѣляется администраціей, но не можетъ быть менѣе 150 франковъ. Дѣлами корпораціи завѣдуетъ старшина (аминъ) при содѣйствіи секретаря (ходжа). Старшиной вносится залогъ въ двойномъ размѣрѣ, секретарь же отъ представленія залога освобождается, если выбранъ не изъ числа делаловъ. На старшинѣ лежитъ обязанность распредѣленія продажъ между делалами и назначеніе ночныхъ сторожей при кладовой, ключи отъ которой старшина хранитъ у себя. Равнымъ образомъ онъ предсѣдательствуетъ при публичной продажѣ, получаетъ и выплачиваетъ, кому слѣдуетъ, вырученныя отъ продажи суммы. Онъ же наблюдаетъ за поведеніемъ членовъ корпораціи, а также за порядкомъ въ мѣстахъ продажи. При вступленіи въ должность старшина, члены корпораціи и секретарь приводятся къ присягѣ. Предназначаемыя въ продажу движимыя вещи съ поступленіемъ ихъ въ кладовую корпораціи оцѣниваются старшиной при содѣйствіи делала и участіи собственника вещей. Затѣмъ такыя записываются въ реестръ, въ графахъ котораго по отношенію къ каждой вещи должны быть указаны: день принятія, имя собственника, оцѣнка, имя делала, коему поручена продажа, имя покупателя и слѣдующее по таксъ вознагражденіе. Реестръ этотъ скрѣпляется мѣстной властью и подписывается старшиной. Мѣсто, время и часъ производства торговъ опредѣляется въ каждой мѣстности по распоряженію подлежащей власти. Вещь можетъ быть продана за меньшую противъ оцѣнки сумму лишь съ согласія продавца. Продавцу въ принятіи вещи выдается росписка съ обозначеніемъ оцѣнки, покупатель же получаетъ квитанцію въ уплатѣ денегъ за приобрѣтенную имъ вещь. Корпорація отвѣчаетъ за сохранность вещи, а послѣ продажи за ея цѣну. До момента окончательнаго торгова (*adjudication*) собственникъ во всякое время можетъ потребовать переданную имъ для продажи вещь, не подвергаясь никакому взысканію. Вырученна отъ продажи сумма уплачивается собственнику вещи немедленно по окончаніи торговъ съ удержаніемъ вознагражденія, слѣдующаго членамъ корпораціи. Вознагражденіе это, уплачиваемое старшинѣ, равняется 5%—

61. Расторженіе брака <sup>1)</sup>. . . . . 5 франк.

62. Выписка изъ подлиннаго акта, если вмѣстѣ съ объясненіемъ значенія акта указывается употребленіе, для коего выписка предназначается: половина вознагражденія, слѣдующаго за совершеніе подлиннаго акта, но во всякомъ случаѣ не болѣе 10 франковъ.

63. Актъ, удостовѣряющій право третьяго лица на недвижимое имущество . . . . . 6 франк.

64. Удостовереніе платежа, произведеннаго въ присутствіи кадїа . . . . . 2 —

65. Размѣръ вознагражденія чиновъ мусульманской юстиціи за разъѣзды: аделъ за исполненіе порученія сторонъ въ предѣлахъ города получаетъ: въ Алжирѣ 2 франка; въ другихъ, кромѣ Алжира, городахъ—1 фр. Въ городской чертѣ за разъѣзды и вообще за время отвлеченія отъ занятій по 4 франка въ сутки. Аунъ получаетъ за разъѣзды половину вознагражденія, причитающагося аделю. Кадїй за разъѣзды и отвлеченіе отъ занятій для исполненія порученій сторонъ получаетъ 5 франковъ посуточно.

со стоимости отъ 1 до 25 франковъ,  $\frac{4}{100}$ —со стоимости отъ 25 до 50 фр.,  $\frac{2\frac{1}{2}}{100}$ —со стоимости отъ 50 до 100 фр. и  $\frac{2}{100}$ —со стоимости 100 франковъ. Доходы отъ продажъ распределяются 1-ое число каждаго мѣсяца, за вычетомъ всѣхъ издержекъ, между членами корпораціи, при чемъ на долю старшины слѣдуетъ двѣ части, а секретарь и каждый изъ прочихъ делаловъ получаетъ по одной части. Членамъ корпораціи строго воспрещается принимать прямое или косвенное участіе въ приобрѣтеніи продаваемыхъ ими вещей. За нарушеніе установленныхъ правилъ члены корпораціи могутъ быть подвергаемы подлежащею властью исключенію изъ корпораціи или временному устраненію отъ исполненія обязанностей съ потерєю права участія въ распределеніи доходовъ въ теченіе всего срока устраненія отъ должности. За переборы, подмѣны и присвоеніе порученныхъ вещей делалы отвѣчаютъ по общимъ уголовнымъ законамъ (code pénal).

<sup>1)</sup> Расторженіе брака, по началамъ мусульманскаго права, можетъ имѣть мѣсто вслѣдствіе весьма разнообразныхъ причинъ, изъ коихъ нѣкоторыя дѣлаютъ бракъ недействительнымъ съ самаго начала. Таковы браки, заключенные лицами, состоящими между собою въ запрещенныхъ для брака степеняхъ родства, свойства и молочнаго родства. Другія причины служатъ поводомъ къ расторженію дѣйствительнаго самого по себѣ брака. Таковы: отступленіе кого-либо изъ супруговъ отъ ислама; недовольныя отношенія кого-либо изъ супруговъ къ восходящимъ или нисходящимъ родственникамъ другаго; отказъ кого-либо изъ створенныхъ во время несовершеннолѣтія супруговъ подтвердить заключеніе брака по достиженіи совершеннолѣтія; половое безсиліе мужа; воздержаніе мужа отъ супружескихъ отношеній вслѣдствіе клятвы иля; проклятїе (іланъ) мужемъ жены, обвиняемой имъ въ прелюбодѣянїи; жестокое обращеніе мужа (практика малекитскихъ кадїевъ); неисполненіе мужемъ обязанности доставлять женѣ содержаніе.

Ст. 2. Распредѣленіе суммъ, взимаемыхъ за совершеніе актовъ, согласно вышеозначенной таксъ, производится слѣдующимъ порядкомъ. Кадіи изъ взысканныхъ суммъ получаютъ  $\frac{2}{8}$ , а башъ-адели  $\frac{3}{8}$ . Адели и ауны дѣлятъ между собою  $\frac{3}{8}$ , по таксъ, что ауны получаетъ лишь половину части адела.

Ст. 3. Подлежащія сбору суммы въ каждой магама взыскиваются аделемъ и распредѣляются, по вышеупомянутымъ правиламъ, въ концѣ каждаго мѣсяца. О поступившихъ въ теченіе мѣсяца суммахъ составляется актъ съ обозначеніемъ доли каждаго изъ лицъ, участвующихъ въ распредѣленіи таковыхъ. Члены магама удостовѣряютъ правильность сего акта своими подписями и записываютъ оный въ актовую книгу.

Ст. 4. Кадіи выдаютъ безвозмездно и безъ взысканія гербового сбора документы, замѣняющіе акты гражданского состоянія <sup>1)</sup>,

<sup>1)</sup> Закономъ 23 марта 1882 г. установленъ въ Алжирѣ для туземныхъ мусульманъ особый порядокъ совершенія актовъ гражданского состоянія. На основаніи сего закона, въ каждой общинѣ (commune) должна быть предварительно произведена перепись всего мусульманскаго населенія назначенными для того должностными лицами. Результаты этой переписи заносятся въ общій списокъ, составляемый въ двухъ экземплярахъ, съ указаніемъ имени, прозвища, занятія, мѣстожителъства и, насколько возможно, также возраста и мѣсторожденія внесенныхъ въ списокъ лицъ. Туземецъ, у котораго не окажется никого изъ восходящихъ родственниковъ въ отцовской линіи, ни дяди съ отцовской стороны, ни старшаго брата, обязанъ избрать себѣ при составленіи списка фамильное прозвище (un nom patronymique). При существованіи вышеозначенныхъ лицъ выборъ фамиліи предоставляется послѣднимъ въ указанной постепенности. За отсутствіемъ лица, пользующагося правомъ выбора фамиліи, право это предоставляется слѣдующимъ по порядку старшинства членамъ семьи. Въ случаѣ несовершеннолѣтія лица право выбора принадлежитъ опекуну. Если семейство, подлежащее занесенію въ списокъ подъ одной фамиліей, состоитъ изъ однихъ лицъ женскаго пола, то право выбора фамиліи принадлежитъ восходящей родственницѣ, а за неимѣніемъ таковой—старшей сестрѣ. Въ случаѣ отказа члена семьи, коему принадлежитъ право выбора фамиліи, отъ указанія таковой, назначеніе фамильнаго прозвища дѣлается должностнымъ лицомъ, завѣдующимъ составленіемъ общаго списка. Избранныя фамиліи прямо присоединяются въ списокъ къ данному прозвищу туземца. По утвержденіи въ надлежащемъ порядкѣ общаго списка, таковой становится реестромъ гражданского состоянія, оба дубликата котораго препровождаются мэру общины для внесенія въ нихъ съ сего момента актовъ гражданского состоянія, касающихся туземныхъ мусульманъ, при чемъ одинъ экземпляръ реестра остается у мэра, а другой отсылается имъ въ канцелярію подлежащаго окружнаго суда. Вмѣстѣ съ тѣмъ каждому туземцу выдается, безъ взысканія какихъ бы то ни было сборовъ, свидѣтельство о личности (carte d'identité), за номеромъ, соответствующимъ номеру реестра, и съ указаніемъ означенныхъ въ послѣднемъ имени и фамиліи лица. Употребленіе фамильнаго прозвища, со времени утвержденія реестра, дѣлается

равно какъ копіи рѣшеній по требованію гражданскихъ и военныхъ властей.

Взысканная за совершеніе акта сумма должна быть прописана на самомъ актѣ, выписи или копіи, при чемъ за полученіе или требованіе лишняго вознагражденія, сверхъ слѣдуемаго по таксѣ, чины мусульманской юстиціи могутъ быть отрѣшаемы или временно удаляемы отъ должности (срав. ст. 49 и 50 указа 31 декабря 1859 г.).

Вышеприведенная такса дастъ наглядное знакомство съ разнообразною дѣятельностью чиновъ мусульманской юстиціи, кадівъ и ихъ помощниковъ (башъ-адели), въ области судебного управленія. Но кадїи, какъ уже выше было замѣчено,

---

обязательнымъ для туземныхъ мусульманъ, значащихся въ реестрѣ. Съ того же времени должностнымъ лицамъ, подъ угрозой штрафа, вмѣняется въ обязанность именовать туземцевъ въ актахъ, въ отношеніи ихъ или отъ ихъ имени составляемыхъ, не иначе, какъ по фамиліи, означенной въ свидѣтельствѣ о личности. Каждый туземецъ, не имѣющій фамильнаго прозвища и поселившійся въ округѣ, въ которомъ существуютъ уже реестры гражданского состоянія, обязанъ сдѣлать о себѣ заявленіе мэру, который вноситъ его въ списокъ съ указаніемъ избраннаго имъ или даннаго ему прозвища, по правиламъ, выше сего изложеннымъ. Выбѣтъ съ употребленіемъ фамильнаго прозвища для туземныхъ мусульманъ дѣлаются обязательными заявленія о рожденіи, смерти, бракосочетаніи и разводѣ (divorce). Въ подкрѣпленіе означенныхъ заявленій должны быть представляемы свидѣтельства о личности причастныхъ къ составленію акта лицъ. Акты о рожденіи и смерти составляются по правиламъ, предписываемымъ французскимъ закономъ. Акты о бракѣ и разводѣ совершаются по простому заявленію, въ теченіе трехдневнаго срока, мэру общины или замѣняющему его должностному лицу, со стороны мужа и жены, или со стороны мужа и представителя жены, въ выраженіяхъ, допускаемыхъ мусульманскимъ закономъ (aux termes de la loi musulmane), и въ присутствіи двухъ свидѣтелей. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ означеннаго рода заявленія разрѣшается представлять мусульманскимъ должностнымъ лицамъ, называемымъ adjoints indigènes (они имѣютъ значеніе помощниковъ мэра въ общинахъ съ преобладающимъ мусульманскимъ населеніемъ), которымъ на сей конецъ выдаются за скрѣпку мирового судьи особые реестры, снабженные купонами (les volants). По внесеніи акта въ реестръ, за подписью adjoint и сторонъ, купоны, содержащія точное воспроизведеніе актовъ, доставляются въ теченіе 8 дней французскому должностному лицу, завѣдывающему актами гражданского состоянія для внесенія въ реестръ центральнаго управленія общины. Въ теченіе пяти лѣтъ со дня выдачи свидѣтельствъ о личности выписи актовъ гражданского состоянія выдаются туземцамъ безъ взысканія другихъ пошлинъ, кромѣ сбора въ 25 сантимовъ. Съ изданіемъ приведеннаго закона всѣ противныя оному постановленія считаются отмѣненными.

являются въ то же время и вершителями гражданскихъ споровъ между мусульманами въ Алжирѣ <sup>1)</sup>.

По общимъ правиламъ, дѣйствовавшимъ до 1886 года, мусульманскій законъ долженъ имѣть примѣненіе ко всякаго рода договорамъ и спорамъ какъ въ дѣлахъ гражданскихъ, такъ и торговыхъ, между туземными мусульманами и между послѣдними и мусульманами-иностранцами. Равнымъ образомъ означенный законъ обязательенъ въ отношеніи мусульманъ и при разрѣшеніи вопросовъ, которые въ законѣ 13 декабря 1866 г. носятъ названіе *questions d'état*. Къ вопросамъ этого рода принадлежатъ: форма заключенія брака и условія дѣйствительности онаго; законные сроки *идде* и *истибра* <sup>2)</sup>; взаимныя обязанности супруговъ; разводъ, отлученіе жены и разлученіе супруговъ; возвращеніе приданого, если оно требуется по причинѣ неисполненія супружескихъ обязанностей; признаніе ребенка (*filiation*); родство; осуществленіе отеческой власти; усыновленіе (*adoption*); установленіе опеки; права опекуна въ отношеніи опекаемаго; совершеннолѣтіе или несовершеннолѣтіе сторонъ; наложеніе законнаго прещенія или

<sup>1)</sup> Въ Кабилии существуетъ только французская судебная организація (мировые судьи, трибуналы) съ нѣкоторыми лишь дополненіями. Кадіи судебныхъ дѣлъ не разбираютъ, но исполняютъ, вмѣстѣ съ своими помощниками (*suppléant*), лишь нотаріальныя обязанности (*cadi-notaire*), наравнѣ съ французскими нотаріусами, а также производятъ раздѣлъ и ликвидацію мусульманскихъ наслѣдствъ (срав. указы 20 августа 1874 г. и 13 декабря 1879 г.). Французскія судебныя установленія рѣшаютъ гражданскія дѣла между арабами или кабилами, равно какъ чужестранными мусульманами, примѣняя мусульманское право и мѣстные юридическіе обѣдчи, если не послѣдуетъ заявленія сторонъ о желаніи ихъ подчинить рѣшеніе дѣла французскому закону. При производствѣ и рѣшеніи означенныхъ дѣлъ французскими судебными мѣстами присутствовали, до изданія закона 1889 года, съ правомъ совѣщательнаго голоса, особые засѣдатели изъ арабовъ и кабилонъ (*assesseurs musulmans et kabyles*), по назначенію генераль-губернатора.

<sup>2)</sup> Въ мусульманскомъ правѣ, подъ срокомъ *идде*, говоря вообще, разумѣется извѣстный промежутокъ времени, до истеченія котораго разведенная или овдовѣвшая жена не должна снова вступать въ бракъ. *Истибра* называется періодъ воздержанія, которому подвергается женщина, имѣвшая запрещенныя отношенія, при чемъ безразлично, было ли причиной этого добровольное согласіе, или заблужденіе, обманъ, насиліе. Срокъ истибра по своей продолжительности равняется сроку *идде*.

установленіе попечительства (*mise en surveillance*); способность наслѣдовать, обусловливаемая узами родства или брака; способность отчуждать или приобрѣтать по завѣщанію или даренію (ст. 1 и 24).

На судъ кадія стороны могутъ явиться сами или дать спеціальное письменное уполномочіе на веденіе дѣла кому-либо изъ родственниковъ или друзей. Въ противномъ случаѣ, право представительства сторонъ на судѣ и защита ихъ интересовъ принадлежитъ особымъ лицамъ, которыя носятъ названіе *укиль* (*oukils*) и подчинены генераль-губернатору Алжира (срав. ст. 1, 15 и 24 указа 13 дек. 1866 г.).

Желающій поступить въ число укилей или защитниковъ при мусульманскихъ судахъ долженъ имѣть не менѣе 25 лѣтъ отъ роду, представить удостовѣреніе миджлиса о своей благонадежности и способности къ отправленію соотвѣствующихъ обязанностей и обладать извѣстнымъ имущественнымъ цензомъ. Количество укилей при каждой магакма не должно быть болѣе четырехъ, хотя вообще укили могутъ вести дѣла въ любой магакма и миджлисѣ. Довѣренность на веденіе дѣла укилю можетъ быть изъявлена на словахъ въ присутствіи кадія. Защиту интересовъ лицъ, имѣющихъ свидѣтельство о бѣдности, укили ведутъ безвозмездно по установленной очереди. Укилямъ воспрещается приобрѣтать порученныя имъ веденію исковыя дѣла, равно какъ и состоящее въ спорѣ имущество, движимое или недвижимое. Они получаютъ вознагражденіе за трудъ по особо установленной таксѣ, при чемъ вознагражденіе это уплачивается независимо отъ того или другаго исхода процесса (постановленіе генераль-губернатора отъ 30 ноября 1855 г., опредѣляющее права и обязанности укилей и минист. приказъ 16 октября 1860 г.).

Искъ почитается предъявленнымъ въ случаѣ добровольной и одновременной явки въ судъ кадія обѣихъ сторонъ или одного только истца. Въ послѣднемъ случаѣ кадій увѣдомляетъ отвѣтчика о явкѣ въ судъ повѣсткой (*avis écrit*) чрезъ ауна съ назначеніемъ срока на явку. Въ случаѣ неявки отвѣтчика по повѣсткѣ, кадій назначаетъ новый срокъ, по истеченіи коего въ публичномъ засѣданіи объявляетъ о

днѣ, въ который имъ будетъ постановлено по дѣлу рѣшеніе, и снова увѣдомляеть о томъ отвѣтчика чрезъ ауна. Время исполненія всѣхъ этихъ формальностей отмѣчается кадіемъ въ особомъ реестрѣ. Какъ уже сказано, стороны могутъ сами присутствовать на судѣ или поручить веденіе дѣла укилямъ. Рѣшенія, постановленныя кадіями, въ теченіе сутокъ со времени ихъ объявленія должны быть внесены въ предназначенный для сего реестръ (registre). Рѣшеніе подписывается кадіемъ и его адеями съ приложеніемъ печати кадія. Независимо отъ арабской формулы <sup>1)</sup>, которая, согласно обычаю, можетъ быть включена въ рѣшеніе, въ послѣднемъ должны быть указаны: 1) имя, званіе, мѣстожителство тяжущихся; 2) фактическія обстоятельства дѣла; 3) требованія и заявленія сторонъ; 4) соображенія и законы (les motifs en fait et en droit), на коихъ рѣшеніе основано; 5) резолюція; 6) число (date), когда состоялось рѣшеніе, съ отмѣткою относительно присутствія на судѣ самихъ сторонъ или ихъ повѣренныхъ, или же о посланномъ неявившейся сторонѣ увѣдомленіи о днѣ слушанія дѣла. Рѣшеніе не влечетъ для тяжущихся никакихъ издержекъ, если они не потребуютъ исполнительнаго листа (expédition), который оплачивается по таксѣ. Исполнительный листъ долженъ содержать опредѣленную формулу (Au nom du peuple francais. A tous présents et avenir salut... Mandons et ordonnons etc....) и изложеніе содержанія рѣшенія, за подписью кадія и адея съ приложеніемъ печати кадія. Срокъ на принесеніе апелляціи исчисляется со времени объявленія рѣшенія и равняется 30 днямъ (ст. 25, 28, 29, 30 и 39 указа 13 декабря 1866 г.).

Не всѣ, однако, рѣшенія кадіевъ могутъ быть обжалованы въ апелляціонномъ порядкѣ. Въ качествѣ первой инстанціи кадіямъ подсудны всѣ иски, гражданскіе и торговые, между мусульманами, и всѣ дѣла, касающіяся гражданскаго состоянія (questions d'état) этихъ лицъ. Окончательно же рѣшаются кадіями иски личные и о движимости цѣною до 200 франковъ и иски о недвижимыхъ имуществахъ, когда

<sup>1)</sup> Во имя Бога милостиваго, милосерднаго.

цѣна иска не превышаетъ 20 франковъ дохода съ имущества, опредѣляемаго или рентой, или наемной платой. Судебныя засѣданія кадіевъ, подъ страхомъ недѣйствительности постановленныхъ рѣшеній, должны быть публичныя, и только въ случаѣ, когда такое разбирательство дѣла можетъ угрожать нарушеніемъ порядка и добрымъ правамъ, кадіи въ правѣ сдѣлать распоряженіе о разсмотрѣніи дѣла при закрытыхъ дверяхъ (*à huis clos*), хотя самая резолюція провозглашается и въ семь случаѣ публично. Судебныя дѣла туземныхъ мусульманъ, принадлежащихъ къ различнымъ вѣроисповѣднымъ толкамъ (*rites*), могутъ быть разсматриваемы кадіемъ малекитовъ или кадіемъ ханафитовъ, коль-скоро въ судебномъ округѣ, гдѣ имѣютъ пребываніе тяжущіеся, существуетъ судебное должностное лицо каждаго изъ упомянутыхъ ученій. Въ случаѣ несогласія сторонъ по сему предмету, выборъ кадія принадлежитъ истцу (срав. ст. 17, 18, 20 и 27 указа 31 декабря 1859 г.). Кадіи малекитскаго ученія есть въ каждомъ судебномъ округѣ; кадіи же ханафитской школы назначается, если въ округѣ живетъ значительное число послѣдователей этого ученія (срав. ст. 10 указа 13 дек. 1866 г.).

Въ теченіе трехъ дней, по постановленіи кадіемъ рѣшенія, стороны, по обычаю мусульманъ, могутъ просить, чтобы дѣло было подвергнуто пересмотру совѣщательнаго *миджлиса*. О своемъ желаніи стороны заявляютъ аделю, который дѣлаетъ о томъ соотвѣтствующую помѣтку въ реестрѣ. Миджлисъ, съ своей стороны, имѣетъ право требовать на свое разсмотрѣніе всѣ относящіяся къ дѣлу документы, бывшіе въ виду кадія.

Миджлисъ, собирающійся на засѣданія ежемѣсячно, если въ томъ имѣется надобность, разсматриваетъ дѣло подъ предсѣдательствомъ кадія, постановившаго по оному рѣшеніе. Въ случаѣ смерти кадія или устранения его отъ должности, званіе предсѣдателя переходитъ къ его замѣстителю. Въ составъ миджлиса, кромѣ того, входятъ три другіе члена, назначаемые ежегодно генераль-губернаторомъ изъ числа кадіевъ, муфтіевъ и улемовъ округа. Миджлисъ существуетъ въ каждомъ главномъ городѣ или мѣстечкѣ округа (*le chef*

lieu du subdivision) <sup>1)</sup>). Башъ-адель и адель кадія этого города или мѣстечка исполняютъ соотвѣтствующія обязанности при совѣщательномъ миджлисѣ. Въ случаѣ отсутствія одного изъ упомянутыхъ членовъ миджлиса его замѣняетъ башъ-адель миджлиса. Заключение миджлиса не обязательно для кадія, который долженъ лишь упомянуть о немъ на поляхъ перваго рѣшенія и привести на-ряду съ мотивами во второмъ своемъ рѣшеніи по дѣлу (ст. 19 указа 13 декабря 1866 г.). Миджлисѣ обыкновенно имѣетъ засѣданія въ магама главнаго центра округа. Однако, засѣданіе миджлиса, смотря по обстоятельствамъ, можетъ состояться также въ мечети или другомъ публичномъ зданіи, предназначенномъ у мусульманъ для религіозныхъ цѣлей. Въ теченіе сутокъ со времени заявленія сторонъ о переносѣ дѣла въ миджлисѣ адель той магама, въ которой разбиралось дѣло, обязанъ сообщить о томъ башъ-аделю миджлиса. Въ этомъ сообщеніи должны быть указаны: имена и фамиліи тяжущихся, дата рѣшенія, имя постановившаго оное кадія и цѣна иска, обозначенная въ рѣшеніи. Эти указанія заносятся башъ-аделемъ миджлиса въ предназначенный для сего реестръ. Члены миджлиса созываются башъ-аделемъ, увѣдомляющимъ ихъ о поступившемъ дѣлѣ. Кадіи, съ своей стороны, получаютъ о переносѣ дѣла въ миджлисѣ увѣдомленіе отъ своихъ аделей, и это увѣдомленіе замѣняетъ собою оповѣщеніе о явкѣ на засѣданіе миджлиса. Дѣла докладываются по порядку внесенія ихъ въ реестръ и по общему правилу должны быть рассмотрѣны въ одной сессіи. Заключение совѣщательнаго миджлиса вносятся въ теченіе сутокъ въ особый реестръ, который подписывается участвовавшими въ засѣданіи членами. Члены совѣщательныхъ миджлисовъ, равно какъ состоящіе при таковыхъ башъ-адели, адели и ауны, получаютъ вознагражденіе по установленной таксѣ (срав. постановленіе генералъ-губернатора, отъ 20 августа 1867 г., о порядкѣ производства дѣлъ въ совѣщательныхъ миджлисахъ).

---

<sup>1)</sup> Это дѣленіе территоріи Алжира не судебное, а военно-административное (divisions, subdivisions).

Въ случаѣ обращенія дѣла, до принесенія апелляціи, на заключеніе совѣщательнаго миджлиса, окончательное рѣшеніе кадія должно быть объявлено въ весьма непродолжительный срокъ.

Апелляціонныя жалобы на неокончательныя рѣшенія кадиевъ разсматриваются гражданскими окружными судами (*tribunaux civils d'arrondissement*) по дѣламъ о личныхъ искахъ, т. е. возникающихъ изъ обязательствъ, и о движимости цѣною до 2,000 франковъ, а въ отношеніи недвижимости—до 200 фр. дохода, выражающагося рентой или наемной платой. Алжирскій апелляціонный судъ (*cour d'Alger*) для алжирской провинціи и окружные суды главныхъ городовъ, Константины и Орана, въ отношеніи провинцій того же наименованія, вѣдаютъ всѣ апелляціонныя дѣла свыше вышеозначенной стоимости, равно какъ дѣла, въ коихъ цѣна иска не можетъ быть опредѣлена. Алжирскій апелляціонный судъ для дѣлъ, возникающихъ въ предѣлахъ его судебного округа, составляетъ апелляціонную инстанцію и въ отношеніи исковъ стоимостью ниже 2,000 франковъ. Такое же значеніе имѣютъ окружные суды Орана и Константины въ подвѣдомственныхъ имъ судебныхъ округахъ.

Для разсмотрѣнія мусульманскихъ апелляціонныхъ дѣлъ существуютъ въ Алжирскомъ апелляціонномъ судѣ, и въ каждомъ изъ окружныхъ судовъ, за исключеніемъ алжирскаго, особыя отдѣленія (*chambre*). Эти отдѣленія состоятъ—въ апелляціонномъ судѣ и окружныхъ судахъ Орана и Константины—изъ двухъ засѣдателей (*assesseurs*) мусульманъ и трехъ французскихъ судей; въ остальныхъ окружныхъ судахъ—изъ одного засѣдателя мусульманина и двухъ французскихъ судей (*magistrats français*). Засѣдатели пользуются лишь совѣщательнымъ голосомъ (*voix délibérative*). Они назначаются министромъ юстиціи, по соглашенію съ генералъ-губернаторомъ Алжира, и получаютъ содержаніе отъ правительства въ размѣрѣ отъ 1,500 до 3,000 франковъ, смотря по тому, къ какому роду судовъ они прикомандированы. Прикомандированные къ окружнымъ судамъ получаютъ по 1,500 франковъ; засѣдатели окружныхъ судовъ Орана и Констан-

тины получаютъ 2,000 фр.; а засѣдатели Алжирскаго апелляціоннаго суда пользуются содержаніемъ въ 3,000 фр.

Въ случаѣ, если-бъ при разсмотрѣніи апелляціоннаго дѣла судъ нашель, что постановленіе по оному резолюціи обуславливается предварительнымъ разрѣшеніемъ юридическаго вопроса, касающагося религіи или гражданскаго состоянія мусульманъ, то судъ, по собственному почину, или также по просьбѣ одной изъ сторонъ, подвергаетъ этотъ вопросъ на заключеніе мусульманской консультаціи (*conseil du droit musulman*). Этотъ порядокъ существовалъ, впрочемъ, лишь до 1875 года, въ каковомъ году мусульманская консультація была упразднена указомъ 11-го ноября. Она находилась въ г. Алжирѣ и состояла изъ пяти членовъ, мусульманскихъ юристовъ, и одного секретаря, назначаемыхъ правительствомъ съ содержаніемъ въ размѣрѣ 5,000 фр. каждому изъ членовъ и 2,000 секретарю. Заключеніе консультаціи по апелляціоннымъ дѣламъ касалось исключительно поставленнаго судомъ юридическаго вопроса и должно было послѣдовать, безъ особаго производства, безъ выслушанія тяжущихся и какого-либо съ ихъ стороны вознагражденія, въ теченіе мѣсячнаго срока. Заключеніе должно было сопровождаться мотивами, но не выходить за предѣлы подлежащаго обсужденію вопроса. Заключеніе консультаціи считалось обязательнымъ для суда и прописывалось имъ въ самомъ рѣшеніи по дѣлу (срав. ст. 24 указа 13 декабря 1866 г.).

Самый порядокъ обжалованія постановленныхъ кадями рѣшеній слѣдующій.

Заявленіе неудовольствія (*déclaration d'appel*) на рѣшеніе кадія принимается аделемъ, который даетъ апеллятору въ принятіи заявленія росписку и заноситъ оное въ предназначенный для сего реестръ. Упомянутое заявленіе можетъ быть сдѣлано равнымъ образомъ прокурору, гражданскому комиссару, ближайшему мировому судѣ, военнымъ чинамъ арабскихъ бюро (*officiers des bureaux arabes*), имѣющимъ судебноплицейскую власть на военной территоріи. Означенныя лица передаютъ копію заявленія постановившему рѣшеніе кадію

или его аделю съ приглашеніемъ внести оное въ вышеупомянутый реестръ. По полученіи заявленія аделъ немедленно увѣдомляетъ о томъ противную сторону и сообщаетъ въ теченіе двухъ сутокъ прокурору окружнаго либо апелляціоннаго суда, или его товарищу, копіи заявленія и обжалованнаго рѣшенія. Заявленіе неудовольствія, учиненное передъ однимъ изъ вышеупомянутыхъ должностныхъ лицъ, служитъ удосто-вѣреніемъ послѣдовавшаго обжалованія и констатируетъ дату онаго. Должностныя лица, принявшія заявленіе, увѣдомля-ютъ о томъ секретаря апелляціоннаго или окружнаго суда, коимъ подсудно апелляціонное дѣло.

Прокуроръ, по полученіи бумагъ, дѣлаетъ распоряженіе въ теченіе сутокъ о заведеніи дѣла (*dossier*) въ канцеляріи подлежащаго суда. Онъ приглашаетъ стороны представить всѣ данныя для обжалованія и возраженія противъ нихъ (*moiens d'appel ou de défense*), равно какъ удостовѣряющіе права доку-менты (*titres*), передавъ таковыя подъ росписку кадію, миро-вому судѣ, ближайшему гражданскому комиссару, либо въ канцелярію прокурору (*au parquet*). Переданныя такимъ обра-зомъ бумаги немедленно отсылаются въ канцелярію апелляціон-наго суда (*cour*) или подлежащаго окружнаго суда и перево-дятся на счетъ тяжущихся на французскій языкъ судебнымъ переводчикомъ по одному франку за листъ (*gôle*) перевода. Въ теченіе двухъ недѣль (*quinzaine*) со дня посылки сторонамъ упомянутаго приглашенія прокуроръ обращается къ предсѣ-дателю суда за назначеніемъ члена-докладчика по дѣлу. Если мѣстожителство сторонъ значительно удалено отъ мѣста на-хожденія суда, разсматривающаго апелляціонное дѣло, то членъ-докладчикъ можетъ уполномочить ближайшаго миро-ваго судью или гражданского комиссара выслушать требо-ванія и объясненія сторонъ и произвести допросъ свидѣтелей (*procéder à une enquête*). Съ этою цѣлью въ самомъ уполномо-чѣніи должны быть указаны предметы, требующіе разъясненія. Должностное лицо, коему дано уполномочіе, въ правѣ, съ своей стороны, предложить такіе дополнительные вопросы, разъ-ясненіе которыхъ признаетъ необходимымъ. Всѣ акты, со-ставленные въ исполненіе означеннаго уполномочія, немед-

ленно сообщаются прокурору для передачи члену докладчику.

По назначеніи дѣла къ слушанію, прокуроръ сообщаетъ о томъ сторонамъ. Стороны могутъ лично явиться въ засѣданіе. Неявка сторонъ не останавливаетъ рѣшенія дѣла. Когда призываются въ судъ, въ качествѣ сторонъ или свидѣтелей по дѣлу, мусульманскія женщины, то при выслушаніи ихъ принимаются въ соображеніе мусульманскіе обычаи. То же должно имѣть мѣсто, когда приходится произвести дознаніе объ ихъ личности или въ мѣстѣ ихъ жительства, при чемъ производство дознаній подобнаго рода поручается по возможности засѣдателю или другому должностному лицу изъ мусульманъ. Участіе защитниковъ (*défenseurs*) не обязательно. По выслушаніи доклада дѣла и заявленій тяжущихся, если таковыя явятся въ судъ, судьи могутъ заявить о своемъ нежеланіи выслушивать рѣчи защитниковъ (*plaidoiries*), о каковомъ обстоятельствѣ должно быть упомянуто въ рѣшеніи.

Окончательныя рѣшенія кадівъ, равно какъ рѣшенія, постановленныя по ихъ приговорамъ въ апелляціонномъ порядкѣ, не подлежатъ кассационному обжалованію.

Окончательныя рѣшенія кадівъ приводятся въ исполненіе подъ ихъ наблюденіемъ. Въ видѣ исключенія и въ особо важныхъ случаяхъ, объясненныхъ въ самомъ рѣшеніи, кадїи могутъ допустить, несмотря на апелляцію, предварительное исполненіе своего рѣшенія, потребовавъ обезпеченія взыскація. Рѣшенія апелляціонныхъ судовъ также приводятся въ исполненіе кадїями, но подъ наблюденіемъ мировыхъ судей (зак. 28 апрѣля 1877 г.). Кадїй, на котораго возлагается исполненіе, долженъ быть указанъ въ самомъ рѣшеніи. Въ случаѣ утвержденія апелляціоннымъ судомъ приговора кадїа, исполненіе можетъ послѣдовать на основаніи простой выписки изъ рѣшенія суда, которая посылается кадїю прокуроромъ. Впрочемъ, сторонамъ предоставляется получать на ихъ счетъ копіи апелляціонныхъ рѣшеній (срав. указъ 13 декабря 1866 г.).

Мусульманамъ предоставляется, однакоже, по взаимному соглашенію, обращаться за разрѣшеніемъ гражданскихъ споровъ (*contestations*) непосредственно къ французскимъ вла-

стямъ (за исключеніемъ, повидимому, дѣлъ, относящихся къ категоріи *question d'état*). Въ подобныхъ случаяхъ рѣшеніе постановляется по началамъ мусульманскаго права и въ томъ же порядкѣ, какъ изложено выше. Юрисдикція мирового судьи замѣняетъ здѣсь судъ кадїа, при чемъ въ отношеніи суммы иска подсудность опредѣляется одинаковымъ образомъ какъ по дѣламъ, рѣшаемымъ мировымъ судьей окончательно, такъ и въ качествѣ первой инстанціи. Самый порядокъ судопроизводства у мирового судьи опредѣляется общимъ закономъ, исключая обжалованія, которое совершается простымъ заявленіемъ неудовольствія на рѣшеніе секретарю мирового судьи въ теченіе мѣсяца со времени объявленія рѣшенія. Исполненіе рѣшенія производится кадїемъ, назначаемымъ прокуроромъ, и по возможности на основаніи простой выписки изъ рѣшенія (*sur un simple extrait*), которая сообщается кадїю мировымъ судьей. Апелляціи на рѣшенія мировыхъ судей приносятся окружнымъ судамъ или апелляціонному алжирскому суду въ порядкѣ и съ соблюденіемъ правилъ, изложенныхъ нами выше. Въ томъ же порядкѣ и съ соблюденіемъ тѣхъ же правилъ совершается производство и постановленіе рѣшенія въ апелляціонной инстанціи. Рѣшенія мировыхъ судей, примѣняющія мусульманское право, равно какъ послѣдовавшія по апелляціямъ на сіи рѣшенія постановленія высшихъ судовъ, не подлежатъ кассаци.

Наконецъ, мусульманамъ не возбраняется въ заключаемыхъ ими актахъ помѣщать оговорку, что таковыя совершаются подъ господствомъ французскаго закона. Означенная оговорка имѣетъ своимъ послѣдствіемъ примѣненіе къ симъ актамъ помянутаго закона и подсудность возникающихъ по нимъ споровъ французскимъ судамъ (срав. указъ 13 декабря 1866 г.).

Въ виду положительнаго предписанія закона о примѣненіи общими судами при рѣшеніи гражданскихъ споровъ мусульманъ магометанскаго права, знаніе послѣдняго, равно какъ и туземныхъ обычаевъ, почитается обязательнымъ въ Алжирѣ не только для судей, но и для другихъ чиновъ судебного вѣдомства. Это видно изъ доклада министра юстиціи, отъ

7 октября 1882 г., президенту французской республики о томъ, чтобы съ 1 октября 1884 г. на должности нотариусовъ, секретарей и судебных повѣренныхъ назначались лишь лица, имѣющія свидѣтельство о прохожденіи курса административнаго права и туземныхъ обычаевъ (*certificat d'études de droit administratif et de coutumes indigènes*). Означенное требованіе мотивируется въ докладѣ слѣдующими соображеніями:

Закономъ 29 декабря 1879 года о высшемъ образованіи въ Алжирѣ было учреждено училище правовѣдѣнія и въ исполненіе этого закона указами 8 января 1881 г. и 24 іюля 1882 года были установлены: 1) дипломъ о прохожденіи курса административнаго права и туземныхъ обычаевъ; 2) высшій дипломъ о прохожденіи курса алжирскаго законодательства и туземныхъ обычаевъ. Такъ какъ знаніе мусульманскаго права, замѣчаетъ министръ, для надлежащаго отправления юстиціи въ Алжирѣ совершенно необходимо, то желательно, чтобы упоминаемые въ докладѣ чины судебного вѣдомства дополнили въ семь отношеніи свое общее образованіе. Что же касается членовъ апелляціоннаго суда, окружныхъ судовъ и мировыхъ судей, то министръ выражаетъ полную увѣренность, что означенныя лица первые и по доброй волѣ постараются заготовить дипломами высшаго разряда. Какъ видно изъ послѣдующаго содержанія доклада, дальнѣйшее повышеніе въ алжирской судебной іерархіи обусловливается министромъ юстиціи обладаніемъ подобнаго рода дипломомъ.

Въ Алжирскомъ училищѣ правовѣдѣнія въ числѣ прочихъ кафедръ имѣется кафедра алжирскаго законодательства и туземныхъ обычаевъ. Кромѣ того, разрѣшается открытіе при этомъ училищѣ дополнительныхъ курсовъ по мусульманскому праву (указъ 5 іюня 1880 г.).

Къ полученію высшаго диплома допускаются лишь тѣ лица, которыя могутъ представить дипломъ лиценціата правъ (*licencié en droit*) или дипломъ о прохожденіи курса административнаго права и туземныхъ обычаевъ. Экзаменъ на соисканіе высшаго диплома заключается въ испытаніяхъ письменномъ и устномъ. Письменное испытаніе состоитъ въ пред-

ставленіи двухъ сочиненій: одного по алжирскому законодательству, другаго по туземнымъ обычаямъ. Для составленія означенныхъ сочиненій дается по четыре часа на каждое. На устномъ экзаменѣ предлагаются вопросы по алжирскому законодательству, мусульманскому праву и туземнымъ обычаямъ (указъ 24 іюля 1881 г., тит. II, ст. 13—15).

Всѣ вышеизложенныя свѣдѣнія объ организаціи мусульманской юстиціи въ АлжирѢ до 1886 года составлены на основаніи узаконеній и правительственныхъ распоряженій, помѣщенныхъ въ законодательномъ сборникѣ, изданномъ старшимъ предсѣдателемъ Алжирскаго апелляціоннаго суда E. Sautauga въ двухъ томахъ въ 1883 и 1884 г.г., подъ заглавіемъ: *Législation de l'Algérie: lois, ordonnances, décrets et arrêtés.*

*(Окончаніе слѣдуетъ).*

---

## ХРОНИКА.

---

### I.

#### ЕЩЕ ОДНО ОПРЕДѢЛЕНІЕ ПРЕСТУПЛЕНІЯ <sup>1)</sup>.

Несмотря на постоянное развитие науки права, несмотря на всю массу силъ и труда, положенныхъ учеными на созданіе этой обширной области гуманитарныхъ наукъ,—основныя проблемы права до сихъ поръ остаются нерѣшенными и попрежнему служатъ предметомъ разногласія и оживленныхъ преній. Самое понятіе права не имѣетъ еще точнаго, полнаго опредѣленія, которое могло бы быть принято единогласно и стать краеугольнымъ камнемъ прочнаго зданія юриспруденціи. Въ частности, въ уголовномъ правѣ приходится отмѣтить ту же неопредѣленность въ рѣшеніи основныхъ вопросовъ, тѣ же несогласія, ту же безпомощность въ теоретическихъ построеніяхъ. Первый вопросъ уголовного права: что такое преступленіе, имѣетъ длинный рядъ самыхъ разнообразныхъ, несходныхъ по содержанію отвѣтовъ. Вопросъ о правѣ наказанія, о причинной связи между преступленіемъ и наказаніемъ рѣшается еще болѣе многообразно.

Въ чемъ же лежитъ причина несогласій въ опредѣленіяхъ основныхъ положеній права? Да и могутъ ли они найти себѣ полное, обнимающее всѣ случаи, опредѣленіе? Обыкновенно противъ опредѣленій, выставляемыхъ тѣмъ или другимъ авторомъ, возражаютъ, что данное опредѣленіе не охватываетъ собою всѣхъ слу-

---

<sup>1)</sup> G. Tardé—„Qu'est-ce que le crime?“ (Статья въ „Revue philosophique“ 1898 г., № 10).

чаевъ, которые должны войти въ данное понятіе. Это возраженіе повторяется неизмѣнно каждый разъ, когда выдвигается новая теорія; и каждый новый теоретикъ пытается создать новую комбинацію, которая пополнила бы недостатки предыдущихъ теорій, — но полнота опредѣленія остается все-таки недостигнутой. Въ чемъ же дѣло?

Несомнѣнно, что наука права находится въ непрерывномъ развитіи. Установившагося правосознанія нѣтъ; и это справедливо какъ для всей массы, такъ и для группы юристовъ. Между тѣмъ, точное, все обнимающее опредѣленіе основныхъ положеній права возможно было бы только при установившемся правосознаніи; но это правосознаніе есть не что иное, какъ предѣлъ эволюціи права, какъ конечная цѣль. Каждый же данный моментъ есть только извѣстная стадія въ развитіи права; а съ каждой стадіей неизбѣжно связаны болѣе или менѣе существенныя измѣненія въ основныхъ положеніяхъ права.

Далѣе, какъ и во всякой эволюціи, каждая стадія не представляетъ собою чего-либо однообразнаго. Остаются еще, хотя и отживаютъ уже свое время, прежнія формы; доминируютъ новыя и, какъ проблескъ дальнѣйшей стадіи развитія, появляются третьи формы. Для каждаго даннаго момента наиболѣе раціональнымъ должно считать опредѣленіе, которое охватываетъ собою среднія, доминирующія формы; но въ то же время оно не можетъ объять другихъ формъ, какъ отживающихъ, такъ и опередившихъ въ своемъ развитіи. При этихъ условіяхъ опредѣленіе не можетъ быть ни полнымъ, ни удовлетворяющимъ всѣхъ.

Мы приходимъ къ выводу, что ни въ какой стадіи развитія вполнѣ удовлетворительнаго, исчерпывающаго все понятіе, опредѣленія дать нельзя. То же въ частности должно сказать и про опредѣленія основныхъ положеній права, надъ которыми тщетно изощряются юристы-теоретики. И нужно думать, что къ этому же выводу приходятъ и тѣ изъ современныхъ юристовъ, которые оставляютъ неразрѣшенными эти вопросы, указывая только на существующія теоріи, или же вовсе обходятъ ихъ молчаніемъ.

Но вѣра въ возможность точныхъ, всеобъемлющихъ опредѣленій еще остается. Передъ нами лежитъ статья Тарда „*Qu'est ce que le crime?*“ (Revue philosophique № 10, 1898 г.). Какъ показываетъ самое заглавіе статьи, содержаніемъ ея служить опредѣленіе понятія преступленія. Свою статью Тардъ начинаетъ критикой современныхъ позитивныхъ теорій. Наиболѣе позитивной яв-

ляется среди нихъ попытка объяснить преступленіе съ точки зрѣнія *физическихъ* законовъ. Преступленіе, равно какъ и несчастье, по этому воззрѣнію, обращаетъ физико-химическія силы окружающей среды, находящіяся въ движеніи, въ силы инертныя; между тѣмъ добродѣтель и счастье производятъ какъ разъ обратный эффектъ. Различіе между несчастьемъ и преступленіемъ въ томъ, что въ первомъ случаѣ измѣненіе силъ происходитъ случайно, а во второмъ—наибренно, по волѣ дѣйствующаго субъекта, стремящагося къ личной выгодѣ. Такимъ образомъ, добродѣтель и счастье стоятъ въ прямой зависимости отъ наростація живыхъ силъ. Съ этой точки зрѣнія изнасилованіе женщины, по замѣчанію Тарда, не должно считаться преступленіемъ, разъ слѣдствіемъ его явилось рожденіе ребенка, т. е. увеличеніе живыхъ силъ.

Эта теорія, опирающаяся на физическіе законы, была предложена на Брюссельскомъ конгрессѣ криминальной антропологии 1892 г. На томъ же конгрессѣ была предложена и другая теорія, пытающаяся дать опредѣленіе преступленія съ точки зрѣнія законовъ *физиологическихъ*. Авторъ ея, Дальеманъ, необходимѣйшими условіями для существованія общества считаетъ его питаніе и размноженіе, а для прогресса общества—его умственное развитіе и усовершенствованіе. Въ преступленіи Дальеманъ находитъ нарушеніе этихъ необходимыхъ условій; но доказательства его недостаточно сильны. Почему же кража, совершенная кѣмъ-либо для утоленія своего голода, замѣчаетъ Тардъ, должна быть признана фактомъ неблагопріятнымъ для процесса питанія всего общества или убійство мужа-импотента любовникомъ, полнымъ силъ и здоровья, должно быть караемо, когда на самомъ дѣлѣ оно способствуетъ размноженію?

Далѣе, существуютъ опредѣленія преступленія, основанныя на данныхъ *психологическихъ*. Такъ, Бентамъ опредѣляетъ преступленіе, какъ дѣйствіе, имѣющее результатомъ уменьшеніе общей суммы удовольствій въ соціальной массѣ и увеличеніе суммы страданій, и этотъ результатъ вызывается или непосредственнымъ зломъ, порожденнымъ преступнымъ дѣйствіемъ, или общей тревогой и негодованіемъ. Самымъ тяжкимъ преступленіемъ съ этой точки зрѣнія, какъ замѣчаетъ Тардъ, должны были бы считаться проступки машиниста, влекущіе за собою крушеніе поѣзда. Но Бентамъ добавляетъ, что должна быть налицо преступная воля и что только въ этомъ случаѣ преступленіе вызываетъ въ обществѣ дѣйствительную тревогу, такъ какъ можетъ повлечь за собою под-

ражанія. Эта поправка не спасаетъ теоріи Бентама. Простое убійство отца семейства, имѣющаго широкую популярность и любимаго всѣми, можемъ возразить мы, должно бы было считаться болѣе тяжкимъ преступленіемъ, нежели квалифицированное, звѣрское убійство одинокаго человѣка, напр., ненавидимаго всѣми ростовщика; несомнѣнно, что въ первомъ случаѣ общая сумма огорченія и страданій, вызванныхъ смертью любимаго человѣка, гораздо значительнѣе, нежели во второмъ.

Психологическое опредѣленіе преступленія пытается дать и Гарофало. Преступленіемъ, по его мнѣнію, является всякій поступокъ, оскорбляющій чувства состраданія или честности, въ извѣстной степени развитыя въ данную эпоху среди даннаго народа. Но далеко не всѣ поступки, противорѣчащіе чувству состраданія, признаются преступленіями. Всѣ дѣйствія побѣдителя восхваляются и ставятся въ примѣръ, хотя-бы онъ прибѣгалъ къ излишней жестокости по отношенію къ своимъ врагамъ. Въ то же время ему охотно прощаются и поступки, противорѣчащіе чувству честности, какъ, напр., шпіонство, засады. Въ опредѣленіе Гарофало должно быть внесено ограниченіе. Чтобы стать преступленіемъ, дѣйствія должны не только оскорблять чувства состраданія и честности, но и быть направленными противъ членовъ того же соціального союза. Но и эта поправка, конечно, не спасаетъ теоріи Гарофало. Предѣлы чувства честности находятся въ зависимости отъ существующихъ законодательныхъ нормъ. Какой-нибудь поступокъ потому оскорбляетъ это чувство, что государственною властью онъ признается преступленіемъ; поэтому въ данномъ случаѣ чувство честности является не причиною, а зависимою величиной.

Наконецъ, въ современной криминальной литературѣ, было предложено не мало опредѣленій преступленія, какъ дѣйствія, порождаемаго антисоціальными мотивами. Преступленіе, по мнѣнію итальянскаго криминалиста Колаинни, это— „дѣйствіе, возникающее въ силу индивидуальныхъ и въ то же время антисоціальныхъ мотивовъ, которые нарушаютъ условія существованія и оскорбляютъ среднее чувство морали народа въ данное время“. На самомъ дѣлѣ большая часть мотивовъ, обуславливающихъ преступленія, не заключаетъ въ себѣ ничего антисоціального. Мотивами этими являются: удовлетвореніе своего голода, половыхъ стремленій, ревности, честолюбія, страсти къ деньгамъ и т. д. Всѣ эти мотивы являются въ то же время могучими двигателями соціальной жизни, и въ силу этого они не могутъ быть признаны антисоціальными.—

Нельзя согласиться и съ Дюркгеймомъ, видицимъ преступленіе во всемъ томъ, что порицается „всеобщимъ сознаниемъ“ единодушно. Является невольно вопросъ, есть ли на самомъ дѣлѣ это „всеобщее сознание“, которое единодушно признаетъ, что извѣстныя дѣйствія безусловно заслуживаютъ порицанія и должны считаться преступными? Давно ли еще колдовство всеми считалось однимъ изъ ужаснѣйшихъ преступленій? Быть можетъ, это возрѣніе существуетъ и теперь, но оно не раздѣляется большинствомъ, какъ и возрѣніе на самоубійство, адюльтеръ и дѣтоубійство, какъ на тяжкія преступления. Всеобщее сознание—понятіе крайне сложное, находящееся въ зависимости отъ многочисленныхъ факторовъ, и едва-ли можно насчитать много дѣйствій, признаваемыхъ всеобщимъ мнѣніемъ преступными. Крайне трудно притомъ доказать, признается ли всеобщимъ сознаниемъ данное дѣйствіе безусловно заслуживающимъ порицанія или нѣтъ.

Указавъ на недостатки современныхъ позитивныхъ теорій, Тардъ переходитъ къ самостоятельной разработкѣ вопроса, что должно считать преступленіемъ. Прежде всего, преступленіе есть дѣйствіе, которое ощущается въ извѣстной социальной группѣ какъ нападеніе и мятежъ; наказаніе тогда является для той же социальной группы какъ средство защиты и усмиренія. Нападеніе внѣшнихъ враговъ равнымъ образомъ заставляетъ прибѣгать къ самозащитѣ и вызываетъ тревогу среди общества; но оно не возбуждаетъ чувства негодованія, какъ всякое возмущеніе внутренняго врага, соотечественника, человѣка, принадлежащаго къ той же социальной группѣ. Разграниченіе Тарда въ данномъ случаѣ нѣсколько искусственно. Чувство негодованія неизбежно должно возбуждаться и нападеніемъ врага, и едва-ли можно утверждать, что среди населенія обороняющейся страны возникаетъ только тревога; многія дѣйствія непріятели, хотя-бы законныя съ точки зрѣнія войны, вызываютъ въ населеніи цѣлую бурю негодованія и страстное желаніе мести.

Далѣе, продолжаетъ Тардъ, преступленіе состоитъ въ нарушеніи правъ, установленныхъ законодательною волею: одна воля здѣсь возстаетъ противъ другой, признаваемой высшей (воля божественная, воля монарха, народная). Но не всякое нарушеніе права, даже намѣренное, считается преступнымъ. Таковы, прежде всего,—дѣянія, совершенныя по заблужденію, и затѣмъ дѣянія, заключающія въ себѣ признаки неправды гражданской. Строго говоря, неправду гражданскую нельзя отдѣлять отъ уголовной: въ обоихъ

случаяхъ существуетъ нарушеніе права, которое вызываетъ беспокойство и негодованіе среди соціальной группы. „Недобросовѣстность тяжущихся“—замѣчаетъ Тардъ—„нерѣдко такъ же возмущаетъ честнаго человѣка, какъ поведеніе подсудимыхъ или обвиняемыхъ. И, когда ясно видно, что истецъ или защитникъ въ процессѣ, называемомъ гражданскимъ, сознательно и намѣренно нарушилъ законъ,—судья долженъ былъ бы, по моему, не только рѣшить дѣло не въ его пользу, но и приговорить его къ штрафу или тюрьмѣ“. Но Тардъ самъ признаетъ, что такое расширеніе защиты закона, захватывающей собою и область современнаго гражданского процесса, на практикѣ неосуществимо; къ тому же, нравственныя начала еще далеко не такъ развиты въ обществѣ, чтобы неправда гражданская могла быть караема на тѣхъ же основаніяхъ, какъ уголовная.

Какія же чувства вызываются въ обществѣ дѣйствіями, признаваемыми преступными? Прежде всего возникаетъ тревога, боязнь, что это дѣйствіе можетъ повториться, повлечъ подражанія; затѣмъ, нерѣдко физическое отвращеніе и ужасъ передъ отталкивающими подробностями преступленія; любопытство, даже жгучій интересъ, къ дѣламъ загадочнымъ или находящимся въ связи съ политикой; наконецъ, нравственное возмущеніе. Изъ всѣхъ этихъ чувствъ наиболѣе сильными, характеристичными и общими являются—тревога и нравственное возмущеніе или негодованіе. Въ зависимости отъ природы и важности преступленія измѣняется ихъ интенсивность и экстенсивность, которыя притомъ большею частью не совпадаютъ. Напр., тревога, вызываемая дерзкими разбоями какой-либо шайки, достигаетъ значительной интенсивности въ данной мѣстности, но она не является въ то же время настолько же экстенсивной, такъ какъ часто молва объ этихъ разбояхъ не идетъ дальше сосѣднихъ провинцій; между тѣмъ волненіе, вызванное преступленіемъ по любовной страсти, можетъ быть незначительно по интенсивности, но далеко распространиться.

Наряду съ интенсивностью и экстенсивностью чувства тревоги необходимо принимать во вниманіе и основательность этого чувства. Тревога имѣетъ основанія лишь тогда, когда есть дѣйствительная опасность. Эта же опасность заключается здѣсь въ возможности повторенія преступныхъ дѣйствій и подражанія имъ. Чѣмъ менѣе имѣется данныхъ бояться повторенія и подражанія, тѣмъ менѣе основательна и тревога, вызванная извѣстными дѣйствіями.

Интенсивность, экстенсивность и основательность чувства не-

годованія равнымъ образомъ не совпадаютъ. „Негодованіе“—говоритъ Тардь—„это—неточное, но энергичное выраженіе глубокаго разлада между лицомъ, совершившимъ извѣстное дѣяніе, и обществомъ,—выраженіе существеннаго несогласія, противорѣчія въ стремленіяхъ или въ идеяхъ, въ положеніяхъ и воззрѣніяхъ, считаеваемыхъ незыблемыми. Въ силу этого противорѣчія, всею страшною испытывается какъ-бы стыдъ (за преступныя дѣйствія) и она старается смыть съ себя это пятно, сбросить его съ своей груди, хотя-бы не было малѣйшей опасности повторенія и подражанія“. Негодованіе, пробуждающееся въ соціальной группѣ, является признакомъ, что общество требуетъ единодушнаго признанія тѣхъ принциповъ, которые оно считаетъ незыблемыми; въ признаніи извѣстнаго дѣйствія преступнымъ общество проявляетъ всегда извѣстную долю нетерпимости.

На основаніи этихъ соображеній, можно сказать, что преступленія бываютъ двухъ категорій: одни вызываютъ или должны вызывать скорѣе тревогу, нежели негодованіе; другія—негодованіе, нежели тревогу. Политическія преступленія, бѣльшей частью, принадлежатъ къ первой категоріи; но такое дѣло, какъ—Дрейфуса, должно несравненно больше вызывать негодованія, такъ какъ тревога за возможность подражанія и повторенія здѣсь имѣетъ немного основаній.

Но существуютъ дѣйствія, которыя вообще не вызываютъ ни тревоги, ни негодованія; между тѣмъ они должны были бы вызывать ихъ. Напр., искусственные выкидыши, дѣтубійство (незаконорожденныхъ), въ особенности въ странахъ со слабою рождаемостью; также изданіе и составленіе порнографическихъ произведеній и разоблаченія въ печати, часто совершенно ложныя; эти послѣднія, вмѣсто тревоги и негодованія, доставляютъ обществу прямо наслажденіе.

Разсмотрѣвъ въ этихъ предѣлахъ признаки, постоянно сопутствующіе тѣмъ дѣйствіямъ, которыя признаются преступными, Тардь приходитъ къ слѣдующему опредѣленію преступленія: „преступленіе, это—нарушеніе права, т. е. воли, признаваемой высшей (божественной, воли единоличнаго монарха, коллективной), противъ которой возстала воля непокорная и враждебная; и это нарушеніе имѣетъ, въ различныхъ степеняхъ, двойной характеръ—соціальной опасности, которую должно предотвратить, и позорящаго общества пятна, которое необходимо смыть“.

Тардь, какъ мы видимъ, опредѣляетъ преступленіе, прежде

всего, какъ нарушение высшей воли. Эта часть опредѣленія исключительно формальная: все, что стоитъ въ противорѣчїи съ высшей волей, то и есть преступленіе. Сущность его остается невыясненной и не опредѣляется вовсе. И первая часть опредѣленія, даваемого Тардомъ, остается лишенной содержания: устанавливается только внѣшній, формальный признакъ. Въ наше время, когда „высшая воля“ проявляется въ формѣ закона, преступленіемъ становится все, что противорѣчитъ требованію этого закона. Юристъ-практикъ можетъ удовлетвориться вполне. Но какъ быть законодателю? Чѣмъ же долженъ онъ руководствоваться для признанія извѣстныхъ дѣйствій преступными? Возьмемъ моментъ, когда онъ еще не создалъ закона. Нарушенія несуществующаго закона невозможны; между тѣмъ законодатель признаетъ такіа-то дѣянія преступными и санкціонируетъ это свое признаніе нормой закона. Ясно, что здѣсь онъ долженъ основываться на такихъ признакахъ преступленія, которые составляютъ его сущность, его содержаніе. Быть можетъ, эти признаки исчерпываются второй частью опредѣленія Тарда?

Все, что вызываетъ тревогу и негодованіе,—все является преступленіемъ, говоритъ Тардъ. Въ то же время онъ самъ приводитъ рядъ примѣровъ, указывающихъ на то, что есть преступленія, вызывающія только одну тревогу или одно негодованіе, а другое чувство возбуждается ими въ слабой степени. Далѣе Тардъ признаетъ, что только намѣренное убійство, кража у лица той же соціальной группы и тяжкая обида человѣка, имѣющаго высшее положеніе, всегда и вездѣ вызвали неизмѣнно чувства тревоги и негодованія. Этимъ положеніемъ Тардъ самъ ограничиваетъ примѣнимость своего опредѣленія.

Съ своей стороны, мы можемъ указать, что существуютъ преступленія, предусмотрѣнные законодателемъ,—въ нравственномъ отношеніи безразличныя. Уголовный кодексъ строится далеко не на однихъ нравственныхъ требованіяхъ. Въ немъ предусматривается цѣлый рядъ нарушеній различныхъ уставовъ, которыя не вызываютъ неизбѣжно чувства негодованія и тревоги. Но въ то же время эти чувства вызываются и дѣйствіями, закономъ не признаваемыми преступными. Надбавка цѣнъ на необходимые продукты потребленія, производимая какимъ-либо синдикатомъ промышленниковъ, можетъ вызвать негодованіе и тревогу, при чемъ въ этой тревогѣ будетъ заключаться боязнь повторенія и подражанія. Эта надбавка можетъ обуславливаться вздорожаніемъ самаго производ-

ства и желаніемъ промышленниковъ сохранить за собою прежній процентъ прибыли; такимъ образомъ, признаковъ преступленія здѣсь нѣтъ. Но нравственное чувство соціальной массы будетъ возмущено болѣе, чѣмъ при какомъ либо преступленіи. Тѣ же чувства могутъ возбуждаться въ обществѣ и неудачными мѣрами правительства и даже рациональными и вполне необходимыми, какъ введеніе новаго налога, мѣры борьбы съ эпидеміями. Далѣе, чувства тревоги и негодованія неизбежно вызываются и философскими идеями, становящимися въ рѣзкое противорѣчіе съ господствующими воззрѣніями; равнымъ образомъ, и идеями отрицанія, пропикающими въ среду молодежи; въ послѣднемъ случаѣ эти чувства могутъ достигать особой интенсивности, и неизбежна боязнь за возможность подражанія; въ то же время эти идеи являются и протестомъ противъ высшей воли, воли коллективной.

Анализируя чувства тревоги, Тардъ считаетъ главнымъ элементомъ его—боязнь за возможность повторенія преступнаго дѣйствія или подражанія ему. Но, можно думать, въ томъ волненіи, которое охватываетъ соціальную группу при совершеніи преступленія, доминирующими элементами являются скорѣе чувство раздраженія, оскорбленнаго самолюбія, желаніе мести, нежели боязнь повторенія и подражанія, которую нужно отнести уже къ разсудочной дѣятельности общества.

Изъ этого слѣдуетъ, что чувства тревоги и негодованія нельзя считать исключительными и характерными признаками преступленія, и указаніе на нихъ не равнозначуще опредѣленію сущности преступленія. Къ тому же, чувства тревоги и негодованія могутъ возбуждаться извѣстнымъ дѣйствіемъ въ силу уже одного того обстоятельства, что оно составляетъ нарушеніе закона, и въ этомъ случаѣ они являются необходимыми атрибутами нарушенія высшей воли.

Такимъ образомъ, опредѣленіе Тарда не захватываетъ ни природы, ни содержанія преступленія, а является, какъ и предшествующія ему опредѣленія, неполнымъ и, попрежнему, оставляетъ свободное поле для дальнѣйшихъ теоретическихъ построеній.

Выше было указано, что въ періодъ развитія науки, полныхъ, охватывающихъ все понятіе, опредѣленій дано быть не можетъ. Формы развитія, смѣняя одна другую, въ то же время и сосуществуютъ. Опредѣленіе Тарда можетъ быть признано удовлетворительнымъ въ той стадіи развитія права, когда источникомъ его (непосредственнымъ) признается воля законодателя, которая мо-

жетъ руководствоваться большей частью утилитарными цѣлями, а не философскимъ обоснованіемъ правовыхъ отношеній; на этой стадіи преступленіе, какъ понятіе, можетъ и не сознаваться—его опредѣляетъ воля законодателя. Но тардовское опредѣленіе не удовлетворитъ дальнѣйшей стадіи развитія права, которая отрицаетъ самостоятельность воли законодателя и сводитъ ее къ одному лишь выраженію нарождающагося <sup>1)</sup> общаго правосознанія; съ этой точки зрѣнія то опредѣленіе преступленія было бы удовлетворительнымъ, которое исчерпало бы сущность преступленія и его специфическіе, только ему принадлежащіе, признаки.

*Е. Давыдовъ.*

## II.

### ГЪ „МУЖИЧЬИМЪ ДѢЛАМЪ“.

Дѣла, окрещенныя съ легкой руки А. Л. Боровиковскаго „крылатымъ“ словомъ, помѣщеннымъ въ заголовкѣ, составляютъ, по своему обилію, злону дня не только Каменецъ-Подольскаго окружнаго суда, входившаго въ кругъ наблюдений уважаемаго автора „Отчета судьбы“ (т. 3), но и всѣхъ остальныхъ окружныхъ судовъ Западнаго края. По той массѣ сѣрой публики, которая постоянно наполняетъ залы и корридоры окружныхъ судовъ названнаго края въ дни засѣданій гражданскихъ отдѣленій, посторонній наблюдатель легко можетъ задаться вопросомъ: не превращены ли окружные суды въ волостные? Съ вѣроятностью можно полагать, что „мужичьи“ дѣла въ судахъ этого края составляютъ около 60—80% всѣхъ вообще гражданскихъ дѣлъ. Рѣзко выдѣляясь въ количественномъ отношеніи, дѣла „мужичьи“ по существу своему выдвигаютъ весьма сложные юридическіе вопросы. Въ особенности это слѣдуетъ сказать по отношенію къ „внѣшнимъ“—по выраженію названнаго автора—„судебнымъ войнамъ крестьянства“, спорамъ крестьянскихъ обществъ съ помѣщиками и, въ частности, къ спорамъ о лѣсныхъ угодьяхъ. Объ этихъ послѣднихъ спорахъ мы и желаемъ поговорить, такъ какъ возникающіе изъ нихъ вопросы нерѣдко смущаютъ юристовъ-практиковъ.

<sup>1)</sup> Выше было сдѣлано указаніе, что общее правосознаніе еще слабо развито.

При надѣленіи крестьянъ землею въ Западномъ краѣ часто приходилось отводить для нихъ сѣнокосы въ лѣсу или въ такихъ мѣстахъ, на которыхъ росли единичныя деревья или группы ихъ. По 17 ст. мѣстн. пол. для губ. юго-зап., лѣсные участки, состоявшіе въ постоянномъ пользованіи крестьянъ и вошедшіе въ составъ мірской земли, должны были оставаться за крестьянами, но, по 18 ст. того же положенія; господскій лѣсъ, хотя-бы крестьянамъ отведены были въ нихъ покосы, оставался въ исключительномъ распоряженіи помѣщиковъ съ тѣмъ, однако, что до разверстанія угодій крестьянамъ предоставлено производить въ немъ покосъ. На этихъ основаніяхъ мѣстное положеніе устанавливало обезпеченіе землею временно-обязанныхъ крестьянъ. Высочайшимъ указомъ 30 іюля 1863 г. повелѣно было обратить уставныя грамоты въ выкупныя акты. По невозможности разверстать угодья въ виду той поспѣшности, съ которой надлежало произвести выкупную операцію, въ результатъ получилось слѣдующее: крестьянскому обществу отведенъ сѣнокосъ въ господскомъ лѣсу площадью, примѣрно, въ 100 дес.; благодаря растущимъ на ней деревьямъ, не представляется возможнымъ косить на всей этой площади, такъ какъ, скажемъ,  $\frac{1}{3}$  часть ея занята стволами деревьевъ; посему въ выкупныхъ актахъ и данныхъ крѣпостяхъ *обыкновенно* писали, что изъ общей лѣсной площади въ 100 десятинъ крестьянамъ *предоставляется на выкупъ* 66 дес., а 34 дес. *исключается* подъ лѣсонасажденіе помѣщика. На планъ, который прилагался къ выкупному акту и который потомъ служилъ для описанія въ данной крѣпости границъ выкупленной крестьянами земли, *обыкновенно* наносилась вся площадь въ 100 дес., такъ какъ иначе и показать собственно сѣнокосныя пространства невозможно, а въ экспликаціи пояснялось, что изъ этой площади исключено 34 дес. подъ лѣсомъ помѣщика. Когда выкупная операція завершилась и прошли года, цѣнность земли, и въ особенности лѣса, увеличилась непомѣрно, и, вотъ, возникъ вопросъ, чьи же 34 дес., исключенныя подъ помѣщичій лѣсъ? Вопросъ этотъ еще болѣе обострился, когда помѣщикомъ лѣсъ былъ срубленъ, что дало, въ свою очередь, поводъ къ возникновенію новаго вопроса о томъ, кому принадлежитъ молодая поросль, явившаяся на мѣстѣ срубленнаго лѣса, а засимъ стали задаваться и вопросомъ, до какихъ же поръ будетъ длиться право помѣщика на оставленный въ его пользу лѣсъ.

Два первые вопроса разрѣшены А. Л. Боровиковскимъ въ томъ смыслѣ, что всѣ 100 дес. принадлежать крестьянамъ въ собствен-

ность и что лѣсъ, вновь выросшій на мѣстѣ срубленнаго помѣщикомъ, принадлежитъ имъ же (Отчетъ судьи, т. 3, стр. 90—94). Правительствующій Сенатъ разъяснилъ, что и по окончаніи выкупной операціи 18 ст. мѣстн. пол. должна сохранять свою силу впредь до разграниченія крестьянскихъ и помѣщичьихъ угодій, если выкупными актами право, въ этой статьѣ определенное, сторонамъ предоставлено (рѣш. Общ. Собр., 1887 г. № 22), и что послѣ окончательной вырубki помѣщикомъ лѣса права помѣщика и крестьянъ на подлѣсную землю должны опредѣляться общими законами о правѣ общей собственности (рѣш. Общ. Собр., 1896 г. № 44). Въмѣстѣ съ тѣмъ въ первомъ изъ этихъ рѣшеній (1887 г. № 22) Сенатъ говоритъ, что если въ крѣпостныхъ актахъ, на основаніи которыхъ крестьяне приобрѣли надѣлъ, земли показаны не только въ определенной мѣрѣ, но и въ точно указанныхъ границахъ и безъ всякаго ограниченія правъ пользованія этими угодьями, то для опредѣленія пространства правъ крестьянъ судебныя мѣста не могутъ уже обращаться къ правиламъ мѣст. полож., опредѣлявшимъ отношенія крестьянъ и помѣщиковъ до выкупа надѣла, такъ какъ эти отношенія замѣнены другими, вновь созданными послѣ выкупа въ выданныхъ крестьянамъ актахъ. Основываясь на этомъ, А. Л. Боровиковскій, очевидно, совершенно правильно заключаетъ, что если въ данной крѣпости описаны границы всего лѣснаго угодья въ 100 дес. въ нашемъ, прибавимъ, совершенно типичномъ примѣрѣ выкупнаго акта и данной, и если все это пространство показано и на планѣ выкупнаго производства, то всѣ 100 дес., а въ томъ числѣ и 34 дес. подъ помѣщичьимъ лѣсомъ, составляютъ собственность крестьянъ, при чемъ ошибка въ опредѣленіи мѣры, если бы она была допущена, для существа правъ крестьянъ не имѣетъ никакого значенія (гражд. касс. рѣш. 1880 г., № 192).

Нельзя не согласиться съ такимъ толкованіемъ *словеснаго* смысла выкупныхъ актовъ и данныхъ. Но скажутъ, что этимъ обходится и игнорируется имѣющееся въ актахъ *выраженіе* объ исключеніи извѣстной части площади подъ лѣсомъ помѣщика. Возраженіе это опровергнуто А. Л. Боровиковскимъ весьма убѣдительно: часть площади, занятая деревьями, въ надѣлъ крестьянамъ не предназначенными, представляла собою для крестьянъ родъ неудобной земли, за которую несправедливо было бы облагать ихъ повинностями и которая поэтому и была исключена отъ обложенія выкупными платежами, но не изъ числа мірскихъ земель, отведенныхъ крестьянамъ въ обезпеченіе ихъ быта. А. Л. Боровиковскій не

подкрѣпляетъ этого мнѣнія своею ссылкою на какія-либо законоположенія, хотя оно, очевидно, основано на толкованіи 16 ст. мѣстн. полож. Спорящіе же за и противъ такого толкованія обыкновенно ссылаются на часто цитируемое и въ выкупныхъ актахъ, и въ данныхъ крѣпостяхъ постановленіе отъ 23 іюля 1864 г. № 182 временной кievской комисіи, учрежденной для исполнительныхъ распоряженій по Высочайшему указу 30 іюля 1863 г. Мы позволимъ себѣ привести это постановленіе изъ „Сборника правительственныхъ распоряженій по устройству быта крестьянъ-собственниковъ Юго-Западнаго края“ (Спб. 1865 г., тип. Прав. Сен., стр. 90 и 91) какъ въ виду важности этого постановленія, такъ и потому, что означенный „Сборникъ“ составляетъ въ настоящее время библиографическую рѣдкость. Читается оно буквально такъ:

„Вслѣдствіе возбужденнаго по Волынской губерніи вопроса по сему предмету,—*разъяснено*, что отдѣльныя деревья, растущія на мірской землѣ, составляютъ собственность крестьянъ; лѣсъ же, въ которомъ крестьянамъ отведены покосы, остается собственностью помѣщика, и въ первомъ случаѣ земля въ полномъ составѣ облагается повинностью, во второмъ только та часть, которая соотвѣтствуетъ сѣнокосу, при чемъ пространство подъ лѣсомъ исключается; и что могущіе встрѣтиться на практикѣ сомнительные случаи, признать ли деревья, растущія на сѣнокосѣ, отдѣльными деревьями, или лѣсомъ, въ которомъ крестьянамъ отведенъ покосъ, должны быть разрѣшаемы постановленіями мировыхъ посредниковъ и мировыхъ сѣздовъ по каждому случаю отдѣльно, соображаясь съ мѣстными условіями и понятіями; при чемъ заинтересованнымъ сторонамъ должно быть предоставлено право жалобы“.

Изъ содержанія этого постановленія явствуетъ, что оно имѣло своею цѣлью разъяснить недоразумѣнія только въ опредѣленіи размѣра повинностей, а не въ отношеніи того, какую землю и сколько ея надѣлять крестьянамъ и оставлять помѣщику, и что посему выраженіе постановленія о томъ, что „пространство подъ лѣсомъ исключается“, имѣетъ только тотъ единственный смыслъ, что пространство подъ лѣсомъ исключается отъ обложенія выкупными платежами, а не изъ состава мірской земли, назначенной для обезпеченія быта крестьянъ. Съ увѣренностью можно полагать, что самыя выраженія въ нашихъ примѣрныхъ и типичныхъ выкупномъ актѣ и данной крѣпости объ исключеніи части лѣснаго угодья подъ лѣсъ помѣщика буквально взяты изъ вышеприведеннаго постановленія и, слѣдовательно, должны быть истолкованы въ томъ

же самомъ смыслѣ. Далѣе, Высочайше утвержденнымъ 10 августа положеніемъ главнаго комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія было постановлено, чтобы при обращеніи уставныхъ грамотъ въ выкупные акты на основаніи правилъ 8 октября 1863 г. крестьянамъ была предоставлена *вся* мірская земля въ составѣ, признанномъ инвентарными правилами 1847 и 1848 гг., считая въ томъ числѣ даже вакантные участки, бывшіе во временномъ распоряженіи владѣльцевъ (прим. 2 къ ст. 19 прав. объ обрац. уст. гр. въ вык. акты по юго-зап. губ.). Съ другой стороны, по 14 ст. мѣстн. пол., помѣщикъ ни въ какомъ случаѣ не обязанъ былъ увеличивать утвержденный за крестьянами въ силу инвентарныхъ правилъ и оставленный за ними мірской надѣль новыми къ нему прирѣзками изъ господской земли. Наконецъ, что собственно слѣдуетъ понимать подъ лѣсомъ, — только ли совокупность растущихъ деревьевъ, или же и землю, на которой они растутъ? Законъ не даетъ опредѣленія этого понятія. Въ приведенномъ выше постановленіи № 182 лѣсу противопоставляются отдѣльно растущія деревья. Когда говорятъ: лѣсъ проданъ — купленъ, то подъ этимъ обыкновенно понимаютъ, что проданы — куплены только деревья, а не деревья и земля, на которой они растутъ. Говорятъ также: лѣсъ хвойный, лиственный, дремучій, рѣдкій, молодой и пр., но и въ этомъ случаѣ имѣютъ въ виду только совокупность деревьевъ, а не находящуюся подъ ними землю. Нѣтъ поэтому достаточнаго основанія утверждать, что подъ господскимъ лѣсомъ, о которомъ говорится въ 18 ст. мѣстн. пол., должно понимать не только самое лѣсопосаженіе, но и землю, которую оно занимаетъ. Напротивъ, если принять во вниманіе, что крестьянамъ отводилась въ надѣль *обязательно* *вся* инвентарная земля, что помѣщикъ не обязанъ былъ прирѣзывать къ ней, сверхъ этого, что-либо изъ своего имѣнія, что посему въ выкупныхъ актахъ и данныхъ могла быть показываема не иная земля, какъ инвентарная (т. е. подлежащая отводу въ надѣль) и что та часть инвентарной земли, которая не могла доставлять крестьянамъ, по крайней мѣрѣ въ ближайшемъ будущемъ, никакихъ выгодъ въ виду находившихся на ней помѣщичьихъ деревьевъ (лѣса), не облагалась по этой причинѣ выкупными платежами, — то необходимо прийти къ заключенію, что и тѣ 34 дес., объ исключеніи которыхъ подъ лѣсъ помѣщика говорится въ нашемъ примѣрѣ, надѣлены крестьянамъ въ собственность точно также, какъ и остальные 66 дес., ибо выраженіе объ исключеніи 34 дес. означаетъ не то, что онѣ остаются за помѣщи-

комъ или отдаются крестьянамъ даромъ, а только то, что выкупные платежи за площадь въ 100 дес., въ виду ихъ малоудобности, уменьшены на одну треть ( $100 : 3 =$  (для круглаго счета) 34). Право помѣщика на лѣсъ на крестьянской землѣ не можетъ быть вѣчнымъ: должно наступить время, когда предоставленныя помѣщику деревья будутъ срублены или инымъ образомъ уничтожатся. Когда это произойдетъ, крестьянамъ, по праву собственности на землю, должны принадлежать все молодые деревья, выросшія на мѣстѣ прежнихъ. Этому, кажется намъ, не противорѣчить и второе изъ вышеупомянутыхъ рѣшеній Сената — 1896 г. № 44. Раньше мы привели изъ него только резолютивную его часть, а въ мотивахъ Сенатъ говоритъ, что послѣ вырубки помѣщикомъ лѣса „не упраздняется ни право собственности крестьянъ на выкупленный ими надѣлъ, ни такое же право помѣщика на подлѣсную землю, *насколько такое ему предоставлено по содержанию выкупныхъ актовъ и документовъ*“. Содержаніе нашихъ примѣрныхъ выкупнаго акта и данной крѣпости, которые, повторяемъ, представляются безусловно типичными, не даетъ, какъ это мы уже видѣли, никакихъ основаній признанію за помѣщикомъ правъ собственности на подлѣсную землю, исключенную по этимъ документамъ подъ помѣщичій лѣсъ. Поэтому мы думаемъ, что примѣненіе одной резолютивной части рѣшенія № 44 къ разрѣшенію споровъ крестьянъ съ помѣщиками о лѣсныхъ угодьяхъ, когда споры эти основаны на такихъ документахъ какъ тѣ, которые приведены въ нашемъ примѣрѣ, не можетъ имѣть мѣста.

Но этого мало. Мы полагаемъ, что никогда и ни въ какихъ случаяхъ (за исключеніемъ, конечно, такихъ, въ которыхъ по выкупнымъ документамъ помѣщику предоставлено и съ положительною ясностью выражено право на лѣсъ *вмѣстѣ* съ землею подъ нимъ, но которыхъ въ нашей практикѣ мы ни разу не встрѣчали) и не предполагалось предоставлять помѣщику право на подлѣсную землю, такъ какъ самое право помѣщика на лѣсъ ограничено 12 лѣтнимъ срокомъ. Въ этомъ убѣждаетъ Высочайше утвержденное 16 іюня 1867 г. положеніе главнаго комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія „о правѣ на рыбныя ловли и *другія пользованія* въ предѣлахъ выкупаемаго крестьянами помѣщичьихъ имѣній надѣла“. Положеніе это, кажется, мало извѣстно и остается какъ-бы забытымъ: Правительствующій Сенатъ въ своихъ рѣшеніяхъ ни разу на немъ не останавливался, не упоминаетъ о немъ и А. Л. Боровиковскій въ своей работѣ, а въ Пол-

номъ Собраніи Законовъ оно зарегистрировано дубликатомъ нумера иной статьи (1867 г. ст. 44711 а), помѣщено въ дополненіяхъ и отыскивается не безъ труда. Считаемо поэтому небезполезнымъ привести его цѣликомъ. Текстъ его слѣдующій:

„1. Выкупные договоры и объявленія о выкупѣ по требованію помѣщика, по коимъ за помѣщикомъ сохраняется въ водахъ, омывающихъ крестьянскій надѣлъ или находящихся среди онаго, право на рыбныя ловли, а также на содержаніе перевозовъ, коль скоро по уставной грамотѣ статьи сїи были оставлены въ рукахъ помѣщика, могутъ быть утверждаемы съ тѣмъ, однако, чтобы крестьяне не были лишаемы права безпрепятственнаго употребленія воды для домашнихъ, хозяйственныхъ и промышленныхъ ихъ надобностей, для постановки на рѣкахъ (кромя судоходныхъ) мельницъ, приводимыхъ въ движеніе теченіемъ воды безъ устройства плотинъ, и для устройства нужныхъ для хозяйственныхъ надобностей малыхъ неторговыхъ пристаней и перевозовъ.

2. Такъ какъ на точномъ основаніи положеній 19 февраля 1861 г. (36659) крестьяне пріобрѣтаютъ, посредствомъ выкупа, земли своего надѣла въ полную собственность, то выкупные договоры и объявленія, въ которыхъ включены условія, ограничивающія права крестьянъ по пользованію и распоряженію означенными землями или обременяющія оныя какими-либо обязательствами (сервитутами) въ пользу помѣщика, не могутъ быть утверждаемы, какъ несогласныя ни съ положеніями 19 февраля, ни съ общими гражданскими законами;—и

3. По тѣмъ изъ окончательно утвержденныхъ главнымъ выкупнымъ учрежденіемъ выкупныхъ договоровъ, въ коихъ сохранены, безусловно, за помѣщиками разныя по отношенію крестьянскаго надѣла права, помѣщики не могутъ пользоваться *далѣе* 12 лѣтъ предоставленными имъ по выкупному договору *другими*, кромѣ рыбной ловли и перевозовъ, *пользованіями*, ограничивающими права полной собственности крестьянъ на выкупленные ими надѣлы“.

Изъ содержанія этого положенія ясно, что главный комитетъ, усмотрѣвъ изъ доходившихъ до него выкупныхъ актовъ, что въ нихъ, въ разрѣзъ съ положеніями 19 февраля 1861 г. и общими гражданскими законами, включались условія, ограничивающія права крестьянъ, какъ собственниковъ отведенной имъ въ надѣлъ земли, призналъ, что акты съ подобными дефектами вовсе не могутъ быть утверждаемы, а въ отношеніи тѣхъ актовъ, которые къ тому вре-

мени оказались уже утвержденными главнымъ выкупнымъ учрежденіемъ, но страдающими такими же дефектами, установилъ, въ видѣ корректива, что права помѣщика на разныя (кромя права рыбной ловли и перевозовъ) пользованія въ крестьянскихъ земляхъ не могутъ длиться болѣе 12 лѣтъ. Предоставленіе помѣщику лѣса (какъ совокупности деревьевъ), растущаго на части лѣснаго угодья, которое по словесному смыслу и цѣли выкупныхъ документовъ отведено крестьянамъ въ надѣлъ въ цѣломъ составѣ и за которое имъ уменьшены лишь выкупные платежи по соразмѣрности съ частью угодья, занятою лѣсомъ, нельзя, безъ очевидной погрѣшности, не признать чѣмъ-либо инымъ, какъ только тѣмъ *пользованіемъ* помѣщика въ земляхъ крестьянъ—собственниковъ, о которомъ состоялось вышеприведенное положеніе и которое ограничено 12 лѣтнимъ срокомъ. Въ положеніи этомъ совершенно ясно выражена и сила обратнаго его дѣйствія на всѣ выкупные договоры, состоявшіеся до 16 іюня 1867 г., т. е. до дня Высочайшаго утвержденія его. Думаемъ поэтому, что мы въ правѣ (съ прежнеею оговоркою) повторить, что во всѣхъ случаяхъ, когда за помѣщикомъ оставленъ лѣсъ на землѣ, показанной въ выкупныхъ актахъ и планѣ, земля подъ лѣсомъ принадлежитъ въ собственность крестьянамъ, а помѣщикъ можетъ пользоваться лѣсомъ не болѣе 12 лѣтъ.

---

Положеніе главнаго комитета приведено выше въ полной выпискѣ, хотя не все содержаніе его имѣетъ непосредственное отношеніе къ интересующему насъ предмету. Сдѣлано это не безъ предумышленія. Въ настоящее время вырабатывается всѣми съ нетерпѣніемъ ожидаемый проектъ разверстанія крестьянскихъ и помѣщичьихъ угодій. Для этой работы мы считали цѣлесообразнымъ возстановить въ памяти приведенное положеніе въ увѣренности, что содержаніе его можетъ такъ или иначе вліять на самыя условія разверстанія и, во всякомъ случаѣ, не должно быть игнорировано.

*С. Громачевскій.*

## III.

## ОБЪ ОБЯЗАННОСТЯХЪ ЧАСТНАГО ОБВИНИТЕЛЯ ВЪ ПРОЦЕССЪ.

Неявка частного обвинителя къ назначенному сроку влечеть за собою отказъ въ жалобѣ—таково общее правило, установленное 135 ст. уст. угол. суд. для дѣлъ, преслѣдуемыхъ въ порядкѣ частного обвиненія. Эта обязательность личной явки обвинителя на судъ рѣзко обособляетъ дѣла уголовно-частныя отъ дѣлъ такъ называемаго общаго порядка,—преслѣдуемыхъ независимо отъ воли частныхъ лицъ.

Въ послѣднемъ случаѣ неявка обвинителя на судъ не вызываетъ какихъ-либо измѣненій въ дальнѣйшемъ ходѣ процесса; для судьи достаточно лишь жалобы потерпѣвшаго или дознанія полиціи для того, чтобы дѣло получило надлежащее разрѣшеніе. Частный же обвинитель поставленъ въ совершенно иныя условія: онъ долженъ явиться на судъ, долженъ лично поддерживать обвиненіе, долженъ самъ заботиться о доставленіи суду надлежащихъ доказательствъ. Такая обязательность явки обвинителя обусловливается тѣмъ кореннымъ принципомъ, что по дѣламъ частнымъ роль судьи строго ограничена предѣлами жалобы. Согласно 104 ст. уст. угол. суд., по такого рода дѣламъ судья не можетъ ни собирать новыхъ доказательствъ, ни вызывать свидѣтелей, не указанныхъ обвинителемъ, ни производить самостоятельной проверкѣ этихъ доказательствъ. Здѣсь съ момента подачи жалобы вся судьба дѣла въ рукахъ жалобщика: онъ можетъ прекратить дѣло неявкой на судъ, можетъ отказаться отъ жалобы предъ началомъ процесса, можетъ въ какой угодно стадіи процесса закончить дѣло примиреніемъ;—наконецъ, если даже долгія перипетіи процесса закончены и осужденнаго ведутъ въ арестный домъ для отбытія наказанія, достаточно заявленія обвинителя о примиреніи съ обидчикомъ—и карательная власть бессильно опускаетъ руки. Эта-то неограниченная роль обвинителя въ процессѣ и послужила основаніемъ для признанія обязательности его личной явки на судъ. Въ практикѣ нерѣдко приходится слышать мнѣніе о стѣснительности этого условія для обвинителя. Не достаточно ли для дѣла одной жалобы,—не въ правѣ ли обвинитель заявить ходатайство о разборѣ дѣла въ его отсутствіи, какъ это допускается по дѣламъ гражданскимъ,—и путемъ такого ходатайства избавиться отъ личной явки? Съ такимъ мнѣніемъ нельзя согласиться;—

нельзя уже потому, что въ законѣ нѣтъ ни малѣйшаго намека на обобщеніе гражданско-процессуальныхъ нормъ съ уголовными по этому предмету. Не надо забывать и той громадной разницы, какая существуетъ между частной жалобой и исковымъ прошеніемъ. Въ послѣднемъ требованія просителя строго формулируются цифрой, выражающей цѣну иска. Не то мы видимъ въ частной жалобѣ: въ ней почти всегда бывають упущены многія подробности, лишаящія судью возможности правильно квалифицировать проступокъ и опредѣлить виновному наказаніе въ строгомъ соотвѣтствіи съ внѣшней обстановкой преступнаго дѣянія. Только личныя объясненія обвинителя могутъ разъяснить эти недомолвки и указать суду тѣ рамки, въ предѣлахъ коихъ должна быть опредѣлена отвѣтственность виновнаго.

Явка обвинителя—обязательна, но не безусловно; обязательна лишь до тѣхъ поръ, пока идетъ на судѣ повѣрка представленныхъ обвинителемъ доказательствъ. Лишь только дѣло вступаетъ въ иной фазисъ,—зависимый исключительно отъ воли обвиняемаго, т. е., отложено ли оно разборомъ вслѣдствіе представленныхъ обвиняемымъ возраженій, или же возобновлено вслѣдствіе отзыва на заочный приговоръ,—обвинитель отъ личной явки въ этой стадіи процесса освобождается.

Обращаясь засимъ къ другому періоду процесса, касающемуся отбытія виновнымъ наказанія,—нельзя не упомянуть объ исключительномъ правѣ обвинителя освобождать обвиняемаго отъ наказанія путемъ взаимнаго примиренія.

Согласно неоднократнымъ разъясненіямъ Сената, примиреніе между сторонами влечетъ за собою отміну наказанія, въ какомъ бы положеніи какъ самое дѣло о проступкѣ, такъ и исполненіе приговора ни находилось (82—22, Богуславскаго; 68—828, Щелкина; 67—580, Арефы; 71—614 Михайлова и др.). Всякое примиреніе есть результатъ обоюднаго соглашенія; поэтому неудивительно, что наша судебная практика требуетъ въ такихъ случаяхъ или личной явки сторонъ для опроса о состоявшемся соглашеніи, или обоюднаго мирового прошенія съ засвидѣтельствованными подписями. Но какъ быть въ томъ случаѣ, если по вступленіи приговора въ законную силу поступаетъ къ судѣ заявленіе одного лишь обвинителя о прекращеніи дѣла за отказомъ отъ обвиненія. Неужели такое заявленіе не можетъ служить достаточнымъ основаніемъ для освобожденія виновнаго отъ наказанія? Сенатъ не признаетъ юридическаго значенія за такимъ одностороннимъ отказомъ:

прекращеніе дѣла можетъ имѣть мѣсто лишь при соблюденіи указаннаго въ 1361 ст. уст. гражд. суд. порядка, согласно коему долженъ быть произведенъ опросъ обѣихъ сторонъ. Поэтому, при отказѣ обвиняемаго отъ примиренія, поданная имъ кассационная жалоба должна получить законный ходъ (80—31, Манделькерн; 72—1145, Чебановскаго; 74—443, Крылова и Гракова; 74—637, Чубыкина и др.). Конечно, до вступленія приговора въ законную силу, такой порядокъ имѣетъ за собой глубокое основаніе съ точки зрѣнія защиты интересовъ обвиняемаго, который можетъ надѣяться на освобожденіе отъ наказанія путемъ пересмотра дѣла высшей инстанціей. Но когда приговоръ обращенъ къ исполненію, когда у обвиняемаго нѣтъ никакихъ уже средствъ избавиться отъ наказанія, когда полиція тянетъ его нерѣдко за нѣсколько десятковъ верстъ въ арестный домъ для отбытія наказанія, когда самая явка въ камеру судьи при незначительности срока наказанія бываетъ иногда равносильна отбытію наказанія,—не будетъ ли слишкомъ строгимъ вводить обязательность опроса обвиняемаго за правило? Сенатская практика ставитъ обязательнымъ условіемъ прекращенія дѣлъ соблюденіе порядка, указанного 1361 ст. уст. гражд. суд. Однако тому же гражданскому процессу извѣстенъ и другой порядокъ прекращенія дѣлъ,—въ порядкѣ 4 ст. уст. гражд. суд. за отказомъ истца отъ иска. Не удобнѣе ли было бы поэтому признать и за частнымъ обвинителемъ право прекращать дѣло своимъ одностороннимъ отказомъ во всякой стадіи процесса,—конечно, если не послѣдуетъ возраженія противной стороны,—тѣмъ болѣе, что и Сенатъ по дѣлу Чебановскаго высказался въ такомъ же смыслѣ.

Коснувшись вопроса о положеніи частнаго обвинителя на судѣ и послѣ рѣшенія дѣла,—необходимо сказать еще нѣсколько словъ о роли частнаго обвинителя въ той стадіи процесса, которая предшествуетъ судебному разбирательству,—другими словами—объ обязанности „хожденія по дѣлу“ съ момента подачи жалобы. По толкованію 159 ст. улож. наказ. примѣнительно къ мировому уставу,—дѣло подлежитъ прекращенію, если частный обвинитель, принеши жалобу, оставитъ потомъ дѣло безъ хожденія въ теченіе шестимѣсячнаго срока. Изъ разъясненій Сената, данныхъ по дѣламъ Прошко (69—740), Климова (74—109), Гилера (80—32) и др. видно, что подъ понятіе „хожденія по дѣлу“ должно быть отнесено: 1) узнаваніе жалобщикомъ о положеніи дѣла съ просьбой о скорѣйшемъ его разрѣшеніи; 2) подтвержденіе своей

жалобы подачею новыхъ прошеній; 3) подача жалобы на медленность производства дѣла и 4) представленіе какихъ-либо новыхъ доказательствъ. Такимъ образомъ частному обвинителю вмѣнено въ обязанность не только принимать активное участіе въ самомъ судебномъ процессѣ, но и принимать всѣ мѣры къ скорѣйшему разрѣшенію дѣла судомъ. Нечего и говорить, что при томъ уваженіи, какимъ мировые судьи пользуются въ глазахъ публики, ни къ какимъ домогательствамъ о скорѣйшемъ разрѣшеніи дѣла, а тѣмъ болѣе къ жалобамъ на медленность производства дѣла частные обвинители почти никогда не прибѣгаютъ. Разъ жалоба запесена судѣй,—обвинитель терпѣливо ждетъ, когда дѣло попадетъ въ очередь. Проходить мѣсяць, другой—повѣстокъ нѣтъ. Нерѣдко продолжительная болѣзнь судьи или переводъ его на другое мѣсто оттягиваютъ разборъ жалобы еще на нѣсколько мѣсяцевъ. Въ такихъ случаяхъ просьбы объ ускореніи разбора дѣла или жалобы на медленность кажутся обвинителю еще болѣе неумѣстными. Ему и въ голову не приходитъ, сколько горькой правды заключается въ ироническихъ насмѣшкахъ обвиняемаго,—въ заявленіяхъ послѣдняго о томъ, что судъ его освободить отъ наказанія. Но вотъ давно желанныя повѣстки получены: обвинитель идетъ на судъ въ полной увѣренности, что его жалоба наконецъ будетъ разобрана, но не успѣлъ онъ подробно изложить на словахъ судѣй своей жалобы, какъ обвиняемый увѣреннымъ тономъ заявляетъ просьбу о прекращеніи дѣла за давностью. И мировой судья, не допросивъ свидѣтелей, не вникнувъ даже въ суть жалобы,—тотчасъ же прекращаетъ дѣло. Жалобщикъ сконфуженъ и униженъ: онъ былъ уже однажды оскорбленъ обвиняемымъ, теперь онъ обиженъ самимъ судомъ, которому онъ такъ слѣпо вѣрилъ. Правда,—нерѣдко самъ судья разъясняетъ обвинителю, что онъ обязанъ былъ напоминать о своей жалобѣ, торопить судъ скорѣйшимъ ея разрѣшеніемъ, жаловаться на медленность,—но въ душѣ простодушнаго жалобщика никакъ не можетъ совмѣститься абсолютное довѣріе къ суду „скорому, правому и милостивому“ съ обязанностью быть насторожѣ своихъ интересовъ даже и тогда, когда прошеніе его вручено судѣй. Предубѣжденіе къ суду у жалобщика еще болѣе возрастаетъ, когда сами судьи, какъ это иногда случается въ практикѣ, возбуждаютъ вопросъ о давности нехожденія по дѣлу, безъ заявленія самого обвиняемаго. Такой порядокъ прекращенія дѣлъ по инициативѣ суда представляется безусловно ошибочнымъ. Какъ ни широко

толкуеть Сенатъ вопросъ о давности нехождения по дѣлу, однако онъ неоднократно высказывался въ томъ смыслѣ, что въ дѣлахъ частнаго порядка вопросъ о давности не можетъ быть возбуждаемъ самимъ судомъ, безъ указанія сторонъ (69—243, Рыжова; 71—438, Лишиной; 71—1810, Краснопольскаго; 73—830, Синцова; 71—76, Степанова и др.). Такой порядокъ находится въ строгомъ соотвѣтствіи съ 104 ст. уст. угол. суд., согласно коей „судья ограничивается разсмотрѣніемъ лишь тѣхъ доказательствъ, кои указаны сторонами“.

*Dura lex, sed lex!* Какъ ни строги требованія, предъявляемыя уголовнымъ процессомъ къ частному обвинителю,—однако черезмѣрное расширеніе этихъ требованій судебной практикой идетъ въ разрѣзъ какъ съ основными началами законодательства, такъ и съ интересами того простаго люда, который имѣеть еще слишкомъ смутное понятіе о своихъ правахъ и обязанностяхъ въ процесѣ.

*А. Бутовскій.*

#### IV.

### ГМИННЫЕ СУДЫ И ПОСТАНОВЛЕНІЯ УСТ. ГРАЖД. СУД. О СЕМЕЙНЫХЪ СОВѢТАХЪ, ОБЪ ОПЕЧАТАНІИ ОСТАЮЩАГОСЯ ПОСЛѢ УМЕРШАГО ИМУЩЕСТВА И О СОСТАВЛЕНІИ ИНВЕНТАРНОЙ ОПИСИ.

Упомянутыя въ заголовкѣ постановленія вызывали и вызываютъ не мало затрудненій при примѣненіи ихъ въ Варшавскомъ судебномъ округѣ—особенно гминными судами.

Правда, что двадцатилѣтняя практика гминныхъ судовъ, подъ наблюденіемъ предсѣдателей мировыхъ съѣздовъ, успѣла выработать въ послѣднее время нѣкоторое однообразіе въ примѣненіи означенныхъ постановленій закона, но однообразіе это далеко еще отъ яснаго и отчетливаго пониманія всеми гминными судьями этихъ законоположеній и правильнаго примѣненія ихъ къ отдѣльнымъ случаямъ. А между тѣмъ упомянутыя статьи устава нормируютъ едва ли не самую важную часть дѣятельности гминныхъ судовъ по отношенію къ сельскому населенію.

Я позволю себѣ, въ виду производящагося пересмотра Судебныхъ Уставовъ, высказать нѣсколько соображеній, почерпнутыхъ изъ личнаго опыта и дѣятельности въ качествѣ гминнаго судьи.

1) *О семейныхъ совѣтахъ* (ст. 1663—1672 уст. гражд. суд.).

Указаніе въ ст. 1663 уст. гражд. суд., что вѣдѣнію гминныхъ судовъ подлежатъ семейные совѣты „по дѣламъ лицъ, на которыхъ распространяется дѣйствіе Высочайшаго повелѣнія 25 іюня (7 іюля) 1866 года“, (днев. зак., т. LXV, стр. 382—385), на первыхъ порахъ породило почти во всѣхъ гминныхъ судахъ мнѣніе, что опекунскія дѣла должны производиться на точномъ основаніи означеннаго Высочайшаго повелѣнія и приложенной къ нему „инструкціи для сельскихъ гминныхъ войтовъ объ опекахъ и охраненіи наслѣдствъ для малолѣтнихъ и отсутствующихъ“. Такое мнѣніе подтверждалось особенно тѣмъ, что въ изданіи 1876 года гражд. зак. губ. Царства Польскаго, напечатанномъ съ разрѣшенія главноуправляющаго II отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, на русскомъ и польскомъ языкахъ, означенная инструкція составляла II-ое приложеніе къ ст. 374 гражд. улож. Руководствуясь инструкціей, гминные суды допускали: самостоятельное участіе гминнаго войта въ составленіи инвентарной описи (ст. I инструкціи); созваніе семейныхъ совѣтовъ подъ предѣлательствомъ лавника гминнаго суда изъ четырехъ родственниковъ (безразлично съ чьей стороны) или изъ постороннихъ лицъ (ст. 8 инстр.), назначеніе одного лишь „опекуна“, а не главнаго опекуна и опекуна-блюстителя,—ежегодное созываніе семейнаго совѣта для выслушанія отчета опекуна объ управленіи имуществомъ малолѣтнихъ (ст. 29 инстр.) и т. п. Позднѣйшая практика, по крайней мѣрѣ въ районѣ Сѣдлецкой губ., отвергла примѣненіе названной инструкціи и стала руководствоваться при учрежденіи опеки надлежащими статьями гражд. улож. Ц. П. (ст. 345—488). Къ этому привело ближайшее разсмотрѣніе слѣдующихъ статей уст. гражд. суд: 1668,—въ которой, вопреки инструкціи, говорится и объ опекунѣ-блюстителѣ, 1723 и 1683,—по коимъ составленіе описи предпринимается по распоряженію мирового или гминнаго судьи, а не самостоятельно войтомъ, и 1683—1702,—трактующихъ объ печатаніи наслѣдственныхъ имуществъ, чего инструкція вовсе не знаетъ. Съ установленіемъ такой практики, *которую едва-ли возможно не признавать правильной*, старые порядки не во всемъ однако измѣнены.

Бываютъ, напр., и въ настоящее время случаи составленія войтами гминь инвентарныхъ описей для опекунскихъ дѣлъ и наслѣдственныхъ производствъ, независимо отъ порученій гминныхъ судей (1723 ст. уст. гражд. суд.).

Дѣлается это такъ: заинтересованное лицо является къ гмин-

ному писарю, просить его составить опись, и послѣдняя составляется отъ имени войта. Опись представляется затѣмъ гминному суду или передается прямо на руки лицу, просившему ее составить, и служитъ основаніемъ или для учрежденія опеки, или для возбужденія дѣла о раздѣлѣ наслѣдства.

Насколько такой порядокъ является вообще неправильнымъ, будетъ изложено ниже, здѣсь же необходимо указать, что по отношенію опеки онъ неправиленъ уже потому, что согласно 427 ст. гражд. улож. при составленіи описи имуществу, которое, или извѣстная часть котораго, по наслѣдству принадлежитъ несовершеннолѣтнему, должны присутствовать главный опекунъ и опекунъ-блюститель, а ихъ вѣдь не можетъ быть, когда опись составляется раньше избранія обоихъ этихъ лицъ или опекуна-блюстителя только семейнымъ совѣтомъ. Итакъ учрежденіе опеки должно предшествовать составленію инвентарной описи. Учрежденіе опеки у насъ сплошь и рядомъ совершается единственно по заявленію или требованію заинтересованныхъ лицъ, чаще всего совершеннолѣтнихъ наслѣдниковъ, ищущихъ раздѣла наслѣдства; нѣтъ такихъ заинтересованныхъ лицъ, и опека не учреждена.

Въ уставѣ гражд. суд. не содержится точныхъ указаній, въ какихъ именно случаяхъ слѣдуетъ учреждать опеки, но по смыслу 373, 389, 391 и др. ст. гражд. улож. необходимо придти къ заключенію, что семейный совѣтъ долженъ быть созданъ, и опека должна быть установлена надъ несовершеннолѣтними сиротами независимо отъ чьего-либо ходатайства, по дошедшимъ до суда свѣдѣніямъ, что послѣ смерти извѣстнаго лица остались несовершеннолѣтніа дѣти и надъ ними нѣтъ закономъ предписанной опеки.

Бдительность въ этомъ отношеніи нашихъ гминныхъ судей особенно желательна, въ виду многочисленныхъ потерь и убытковъ, которымъ подвергаются несовершеннолѣтніе наслѣдники отъ несвоевременнаго учрежденія надъ ними опеки, а также отъ злоупотребленій на ихъ счетъ другихъ лицъ. Подобные убытки по различнымъ причинамъ не всегда возможно вознаградить путемъ исковъ въ будущемъ. Далѣе, въ отдѣленіи о семейныхъ совѣтахъ нѣсколько неясной представляется для нѣкоторыхъ 1669 ст. уст. гражд. суд. Многіе полагаютъ, что всѣ постановленія семейныхъ совѣтовъ, состоявшихся подъ предсѣдательствомъ лавниковъ гминнаго суда, требующія, по мѣстнымъ законамъ, утвержденія суда, подлежатъ утвержденію гминныхъ судовъ, другіе же думаютъ,

что гминный судъ можетъ утверждать только менѣ важныя изъ означенныхъ постановленій, болѣе же существенныя, какъ, напр., мировыя сдѣлки свыше 75 руб. (448 ст. гражд. ул.), отказъ отъ наслѣдства (438 ст. гражд. ул.), обремененіе недвижимыхъ имѣній долгомъ (434 ст. гражд. ул.) должны быть представляемы на утверженіе окружнаго суда. Защитники втораго взгляда основываются, между прочимъ, на томъ, что при разсмотрѣніи судомъ подобныхъ постановленій семейнаго совѣта требуется по закону заключеніе прокурора, которое только и возможно въ окружномъ судѣ.

Послѣднее мнѣніе едва-ли, однако, возможно считать основательнымъ. Законъ (ст. 1669 уст. гражд. суд.) видимо разграничиваетъ въ этомъ отношеніи подсудность гминнаго и окружнаго суда не по предметамъ тѣхъ постановленій семейнаго совѣта, которыя подлежатъ утвержденію суда, а чисто по формальнымъ признакамъ ихъ, относя постановленія семейныхъ совѣтовъ, состоявшихся подъ предсѣдательствомъ лавниковъ, къ вѣдѣнію гминныхъ судовъ, постановленія же, состоявшіяся на совѣтахъ подъ предсѣдательствомъ мировыхъ судей, къ вѣдѣнію окружныхъ судовъ. Конечно, при обсужденіи такихъ постановленій гминными судами не могутъ участвовать лица прокурорскаго надзора, такъ какъ эти лица при гминныхъ судахъ не состоятъ. Противное сему мнѣніе привело бы лишь къ тому заключенію, что ни одно изъ постановленій семейнаго совѣта, подлежащее утвержденію суда, не могло бы быть представлено, вопреки 1669 ст. уст. гражд. суд., на утвержденіе гминнаго суда, ибо при обсужденіи судомъ всѣхъ такихъ постановленій по гражд. улож. (ст. 434, 438 и 448) требуется заключеніе лица прокурорскаго надзора. Не могу обойти молчаніемъ роли вообще нашихъ лавниковъ въ семейныхъ совѣтахъ.

По моему мнѣнію, при примѣненіи къ производству опекунскихъ дѣлъ гражданскаго уложенія, предсѣдательство въ семейныхъ совѣтахъ лавниковъ гминнаго суда является въ большинствѣ случаевъ нецѣлесообразнымъ. Предметы вѣдомства семейнаго совѣта по уложенію настолько сложны, что требуютъ болѣе опытнаго, практичнаго и развитаго руководителя, чѣмъ лавникъ гминнаго суда, избираемый почти всегда изъ крестьянъ съ самымъ незначительнымъ образовательнымъ цензомъ. Да и странно вообще, почему дѣло нашего мѣщанина горожанина, имущественное положеніе котораго, если не менѣе сложно, чѣмъ крестьянина, то во всякомъ случаѣ одинаково съ нимъ, вѣдаетъ въ семейномъ совѣтѣ мировой судья, дѣло же крестьянина—лавникъ. Какое сравне-

ніе мирового судьи и лавника? Всякому болѣе или менѣе знакомому съ практикой нашихъ гминныхъ судовъ не безызвѣстно, что роль лавника въ семейномъ совѣтѣ сводится исключительно къ под-писыванію имъ протоколовъ этого совѣта, составленныхъ писаремъ суда.

Никакого дѣятельнаго участія въ совѣтахъ этихъ лавники не принимаютъ, да и рѣдко кто-либо изъ нихъ въ состояніи принять такое участіе. А между тѣмъ, въ семейныхъ совѣтахъ возникаетъ масса, весьма важныхъ и трудныхъ для разрѣшенія практическихъ и даже юридическихъ вопросовъ. Такіе же вопросы возникаютъ и у опекуна при управленіи имъ имуществомъ несовершеннолѣтнихъ.

Ни семейный совѣтъ, ни опекунъ, понятно, не находятъ въ лицѣ лавника—законнаго предсѣдателя и руководителя семейнаго совѣта,—надлежащихъ указаній и разъясненій въ такихъ случаяхъ,—не находятъ въ ущербъ тому дѣлу, которое всецѣло передано имъ въ руки. Отсюда и возникаетъ та шаблонность постановленийъ семейнаго совѣта, съ которою такъ часто каждому изъ насъ приходилось встрѣчаться. Такіе акты, удовлетворяя формальности и не затрагивая жизненныхъ интересовъ среды, не могутъ возбуждать въ ней сочувствія, чѣмъ и объясняется всюду у насъ встрѣчаемое индифферентное отношеніе крестьянъ къ дѣятельности опеки и стараніе по возможности избѣгать ихъ. Кстати скажу, что въ крестьянскихъ семейныхъ совѣтахъ не малое значеніе имѣетъ и чисто моральное вліяніе лица предсѣдательствующаго въ нихъ, а такое вліяніе всегда необходимо предполагать въ лицѣ болѣе образованномъ и интеллигентномъ, чѣмъ лавникъ-крестьянинъ. Приведенныя соображенія свидѣтельствуютъ, какъ полезно было бы возложить обязанность предсѣдательства въ семейныхъ совѣтахъ на гминныхъ судей, составъ коихъ набирается изъ лицъ, практически и юридически болѣе подготовленныхъ къ судебной дѣятельности, чѣмъ составъ лавниковъ. Вторую инстанцію для семейныхъ совѣтовъ при подобныхъ обстоятельствахъ (ст. 1664 и 1669 уст. гражд. суд.) возможно было бы найти въ окружномъ судѣ. Наконецъ, нельзя умолчать, что въ нашихъ гминныхъ судахъ, да и у мировыхъ судей, учреждаются опеки только тогда, когда у несовершеннолѣтнихъ сиротъ имѣется имущество; бездомные же сироты у насъ не пользуются благами закона объ опекахъ, а между тѣмъ едва-ли кто можетъ сказать, что они въ ней не нуждаются. Хотя объ опекахъ надъ неимущими сиротами можно

найти нѣкоторыя указанія въ законѣ, а именно въ ст. 423, 485, 488 гражд. улож., но желательно было бы дополнить положенія устава гражданскаго судопроизводства о семейныхъ совѣтахъ категорическимъ предписаніемъ, чтобы опеки учреждались независимо отъ того, осталось ли имущество или не осталось.

2) *Объ опечатаніи остающагося послѣ умершихъ имущества* (ст. 1683—1702 уст. гражд. суд.).

Этотъ отдѣлъ, достаточно полный и ясный относительно опечатанія имущества, имѣетъ малое примѣненіе у насъ въ деревнѣ, гдѣ большинство наслѣдствъ крестьянскихъ состоятъ изъ такого рода имуществъ, которыя по самому свойству своему не допускаютъ опечатанія: земля, строенія, скотъ и самая незначительная рухлядь, употребляемая ежедневно. Но во всякомъ случаѣ нельзя, въ виду содержанія 1687 ст. уст. гражд. суд., и такія имущества оставлять безъ надзора, а потому желательно было бы установить правило, по которому мѣстныя власти (солтысь, войтъ, бургомистръ) обязаны были бы немедленно доносить подлежащему судѣ о смерти всѣхъ лицъ, послѣ которыхъ остались малолѣтнія дѣти, съ изложеніемъ свѣдѣній какъ о родѣ и количествѣ имущества, такъ и вообще объ ихъ положеніи. Изъ донесенія судья сообразить, какія мѣры необходимо предпринять въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ для охраненія интереса несовершеннолѣтнихъ. Проектируемое правило дало бы возможность судѣ устанавливать законную опеку *надъ каждымъ* несовершеннолѣтнимъ въ его участкѣ и притомъ *съ самаго начала*, что весьма важно. У насъ часто случается, что послѣ смерти наслѣдодателя остаются малолѣтнія дѣти и мать; вдова цѣлый десятокъ лѣтъ ведетъ хозяйство и дѣла малолѣтнихъ, считаясь въ силу закона опекуншею, что подчасъ весьма убыточно для малолѣтнихъ, да и прямо противорѣчить ст. 389, 390 и 391 гражд. улож. Изъ практики моей мнѣ извѣстно, что у нѣкоторыхъ судебныхъ дѣятелей существуетъ тотъ взглядъ, что такъ какъ, по ст. 349 гражд. улож. Ц. П., по прекращеніи брака смертью одного изъ супруговъ,—опека надъ несовершеннолѣтними дѣтьми принадлежитъ, въ силу самаго закона, оставшемуся въ живыхъ отцу или матери,—то опеки, устанавливаемой судомъ, въ такихъ случаяхъ быть не можетъ. Нѣтъ цѣли де поэтому при такихъ условіяхъ заботиться суду объ охранѣ имущества несовершеннолѣтнихъ, нѣтъ цѣли справляться о способѣ управленія этимъ имуществомъ—матерью—вдовою или вдовствующимъ отцомъ, не нужны распоряженія о составленіи описи,—

вдова, въ силу того, что она мать несовершеннолѣтнихъ, допускается въ качествѣ самостоятельной истицы и отвѣтчицы по дѣламъ своихъ дѣтей, получаетъ деньги, заключаетъ мировыя сдѣлки и проч. Взглядъ этотъ едва-ли правиленъ. Положенія, изложенныя въ ст. 389 и 391 гражд. улож.,—мнѣ кажется, прямо говорить противъ этого взгляда. По нимъ—*по каждой опеки*—долженъ быть опекунъ-блюститель, избираемый семейнымъ совѣтомъ; ни одинъ опекунъ, въ томъ числѣ вдовствующіе мать и отецъ, *не въ правѣ вмѣшиваться въ дѣла опеки—до избранія опекуна-блюстителя*—семейнымъ совѣтомъ, созываемымъ какъ по требованію заинтересованныхъ сторонъ, такъ и судомъ (ст. 2 ч. 391 и 373 гражд. улож. Ц. П.).

Дальнѣйшія законоположенія, изложенныя въ отдѣленіи VIII и IX събъ опекунскомъ управленіи и объ отчетахъ и отвѣтственности по опекамъ,—еще больше подтверждаютъ то мнѣніе, что опекуна и опекунскаго управленія внѣ вѣдѣнія суда и учрежденнаго имъ семейнаго совѣта быть не можетъ.

3) *О составленіи инвентарной описи* (ст. 1723—1732 уст. гражд. суд.).

Переходя къ отдѣленію устава гражданскаго судопроизводства о составленіи инвентарной описи, не могу не замѣтить, что инвентарная опись—документъ официальный и весьма важный, которому законъ придаетъ большое значеніе въ смыслѣ документа, удостоверяющаго наследственную массу имущества, оставшагося послѣ смерти собственника. Предписывая правила о составленіи инвентарной описи, законъ устанавливаетъ точно опредѣленный ст. 1741 уст. гражд. суд. порядокъ обжалованія дѣйствій лицъ, составляющихъ опись, ограничивая жалобы двухнедѣльнымъ срокомъ (1202 ст. уст. гражд. суд.); по истеченіи этого срока опись не можетъ быть оспариваема, и потому изложенное въ ней, надо полагать, обязательно для сторонъ и суда. Относительно правильно помѣщеннаго въ описи имущества можетъ быть только искъ о правѣ собственности на общемъ основаніи (1197 ст. уст. гражд. суд.). Такое значеніе описи доказываетъ, что при составленіи ея необходимо строжайшее соблюденіе предписанныхъ закономъ правилъ, а между тѣмъ послѣднія у насъ часто не соблюдаются. Возникаетъ это, мнѣ кажется, отъ слишкомъ сжатаго изложенія статьи устава о составленіи инвентарной описи, вслѣдствіе чего дополненіе этого отдѣла необходимо. Прежде всего казалось бы полезнымъ установить, что поручающій составленіе описи судья—обя-

занъ каждый разъ *провѣрить правильность ея составленія* въ тѣхъ, по крайней мѣрѣ, частяхъ, которымъ законъ придаетъ особенное значеніе,—такъ, на примѣръ, провѣрить, были ли вызваны къ составленію описи всѣ наслѣдники и вообще лица, упомянутыя въ 1726 ст. (ст. 1727), была ли произведена опись и оцѣнка имущества, въ виду 1728 ст. уст. гражд. суд., — согласно 980—1008 ст. уст. гражд. суд.—относительно движимаго и 1101—1126 относительно недвижимаго имущества,—не помѣщены ли въ опись предметы, на которые предъявлено право со стороны третьяго лица (ст. 1729 уст. гражд. суд.), составленъ ли журналъ о дѣйствіяхъ по производству описи (ст. 1732) и помѣщены ли въ немъ заявленія и замѣчанія присутствовавшихъ при составленіи описи лицъ. Нарушенія въ чемъ-либо указанного должны быть устраняемы, по моему мнѣнію, *непосредственными распоряженіями* судьи, которому для этого и должна быть представляема опись съ журналомъ дѣйствій и приложеніями немедленно послѣ составленія ея. Къ судѣ обращено ходатайство о составленіи описи, и, удовлетворяя это ходатайство, судья долженъ заботиться, чтобы эта опись вполнѣ соотвѣтствовала тому документу, который требуется отъ него и имѣется въ виду закономъ.

Убѣдиться въ правильности составленія представленной описи судѣ возможно изъ журнала при наличности извѣстныхъ—имѣющихся у него данныхъ, которыя должны быть требуемы имъ отъ лица, ходатайствующаго о составленіи описи. Такой необходимый контроль со стороны судьи и объясняетъ, почему составленіе описи не можетъ быть предпринято кѣмъ-либо безъ распоряженія судьи (ст. 1724). Между тѣмъ составляемая независимо отъ порученія судьи описи изрѣдка встрѣчаются у насъ въ разныхъ производствахъ, возбуждая, вслѣдствіе явныхъ упущеній и разнаго рода недомолвокъ въ нихъ, цѣлую массу споровъ и возраженій со стороны участвующихъ въ дѣлѣ лицъ, тормозя и запутывая дѣла, къ которымъ они относятся. У насъ, напр., иногда составляются войтами гминъ, да и судебными приставами, описи, такъ сказать, не по предметамъ, находящимся въ наличности при составленіи описи, а со словъ кого-либо изъ заинтересованныхъ лицъ. При такихъ описяхъ возраженіямъ нѣтъ конца, но войтъ или приставъ являются произвольными разрѣшителями споровъ: одно они вносятъ въ опись, другое нѣтъ. Курьезнѣе всего, что при такихъ, со словъ, описяхъ фигурируютъ и эксперты, которые по требованію составляющаго опись лица оцѣниваютъ предметы,

не видѣвши ихъ. Понятно, что разрѣшеніе дѣлъ по подобнымъ описямъ слишкомъ затруднительно и медленно. Дѣло иногда проходитъ черезъ нѣсколько инстанцій, доходитъ до Сената. благодаря лишь тому, что опись составлена неправильно. Мнѣ лично извѣстны случаи, что по описямъ, составленнымъ такимъ способомъ, какой указанъ выше, возникали дѣла о раздѣлахъ наслѣдствъ и въ окружномъ судѣ. Окружный судъ, убѣдившись изъ заявленія сторонъ, что такая опись ничуть не свидѣтельствуетъ о массѣ наслѣдства, поручалъ, по требованію сторонъ, составленіе описи своему приставу.

Эта мѣра, конечно, привела къ извѣстному желательному результату, но издержки по описи, составленной прежде, заблужденіе сторонъ относительно ея значенія и наконецъ сравнительная дороговизна описи, произведенной приставомъ окружнаго суда, остались для наслѣдниковъ невознаградимы и, во всякомъ случаѣ, напрасны. При установленіи необходимаго контроля судьбы по составленію описи наслѣдствъ, я имѣю въ виду и то, что таковыя подлинныя описи со всѣми приложениями должны храниться въ судѣ, по мѣсту ихъ составленія, такъ какъ представленіе описей судѣ и храненіе ихъ послѣднимъ въ отдѣльныхъ опекунскихъ производствахъ прямо вытекаетъ изъ смысла 429 ст. гражд. улож., храненіе же таковыхъ въ производствахъ охранительныхъ, по моему, оправдывается содержаніемъ 1734 и слѣдующихъ статей уст. гражд. суд., трактующихъ о распоряженіяхъ судьбы относительно присланныхъ къ нему документовъ и бумагъ, относящихся къ наслѣдству. Практическое значеніе указаннаго порядка храненія описей то, что всѣ заинтересованныя въ наслѣдствѣ лица во всякое время найдутъ нужные имъ документы (въ томъ числѣ и инвентарную опись) въ мѣстномъ судѣ, не рискуя лишиться ихъ, напр., потому, что они представлены стороною къ какому-либо тяжбному дѣлу и, затѣмъ, по окончаніи его взяты ею обратно. Заинтересованными лицами могутъ быть и отсутствующія. Представленіе такихъ описей къ отдѣльнымъ производствамъ всегда возможно путемъ полученія изъ суда точныхъ копій ихъ, которыя въ мировыхъ учрежденіяхъ выдаются вообще за сравнительно незначительную плату, 10 к. за листъ (ст. 201 уст. гражд. суд.). Въ заключеніе этихъ краткихъ замѣтокъ мнѣ остается упомянуть только, что существующее разъясненіе Правительствующаго Сената (рѣш. Касс. Д-та Прав. Сената отъ 14 февраля 1890 г., № 15) о томъ, что войтамъ гминъ за составленіе инвентарныхъ

Жур. Мин. Юст. Мартъ 1899.

описей платы не полагается, желательно было-бы помѣстить въ самомъ текстѣ закона, такъ какъ упомянутое рѣшеніе Сената далеко не всѣмъ извѣстно, и противозаконное взиманіе войтами платы за составленіе описей можетъ практиковаться.

*А. Дорошевскій.*

## V.

### О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ СУДА ПРИСЯЖНЫХЪ ВЪ ОКРУГѢ ТРОИЦКАГО ОКРУЖНАГО СУДА.

Со дня введенія суда присяжныхъ засѣдателей въ предѣлахъ Троицкаго окружнаго суда (судъ присяжныхъ фактически введенъ 2 сентября 1898 г.) по настоящее время окружный судъ провелъ одиннадцать сессій съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей.

На всѣхъ сессіяхъ въ г. Троицкѣ, Верхнеуральскѣ и Челябинскѣ призывавшіеся для разрѣшенія уголовныхъ дѣлъ присяжные засѣдатели обнаруживали полную и сознательную готовность исполнять эту тяжелую обязанность, несмотря на то, что многимъ изъ нихъ приходилось являться въ тотъ или другой городъ за 200 и болѣе верстъ.

По объясненіи присяжнымъ засѣдателямъ значенія этого суда, ихъ правъ и обязанностей, они, какъ оказывалось, хорошо и отчетливо усвоивали себѣ высокое призваніе ихъ судить своихъ гражданъ.

Во время производства судебного слѣдствія, они съ неослабнымъ вниманіемъ слѣдили за ходомъ его, принимая въ немъ самое живое участіе; въ своихъ просьбахъ, обращаемыхъ къ предсѣдательствующему, о допросѣ того или другаго свидѣтеля и подсудимыхъ, проявляли желаніе къ подробному разъясненію всѣхъ обстоятельствъ разсматриваемаго дѣла, не оставляя безъ осмотра и имѣвшіяся по дѣламъ вещественныя доказательства; обращались къ предсѣдательствующему за разъясненіемъ всего, что для нихъ представлялось непонятнымъ. Бывали случаи, что присяжные засѣдатели, какъ мѣстные жители, знающіе хорошо условія и бытъ своихъ обывателей, предлагаемыми ими вопросами свидѣтелямъ или подсудимымъ восполняли тѣ недочеты предварительнаго слѣдствія, каковыя естественно могли имѣть мѣсто, въ виду особенностей мѣстнаго населенія (особенно по дѣламъ о конокрадствѣ),

и такимъ образомъ, благодаря ихъ неутомимому участию, дѣла разъяснялись.

Слѣдуетъ отмѣтить, что мѣстные присяжные засѣдатели одинаково относятся ко всѣмъ дѣламъ, какого бы рода ни было рассматриваемое преступленіе, при чемъ почти всегда обращаютъ вниманіе, если только это можно разъяснить, на прежній образъ жизни подсудимаго, съ желаніемъ и при признаніи виновности отыскать основанія къ снисхожденію; снисхожденіе дается ими подсудимымъ съ большимъ расчетомъ и, сколько мнѣ извѣстно, по поводу объявленія подсудимому снисхожденія между ними происходятъ продолжительныя совѣщанія.

Несмотря на изученіе дѣла во время судебного слѣдствія, присяжные засѣдатели съ большимъ вниманіемъ слушаютъ обвинителя, рѣчь защитника (бываютъ не всегда) и заключительное слово предсѣдателя, усвоивая себѣ все полезное для правильнаго рѣшенія участи подсудимаго.

Рѣшенія присяжныхъ по всѣмъ разсмотрѣннымъ при ихъ участіи дѣламъ не были произвольны, а основывались на строгомъ обсужденіи всѣхъ обстоятельствъ дѣла. Оправдательныя рѣшенія въ большинствѣ случаевъ были результатомъ недоказанности вины и только въ трехъ случаяхъ, какъ кажется, они проявили актъ милости (предметъ преступленія—кражи), оправдавъ подсудимыхъ въ виду безупречной прежней жизни, молодости и малоцѣнности украденнаго.

Такимъ образомъ, можно сказать, что результатъ дѣятельности присяжныхъ засѣдателей, состоявшихъ, съ самымъ незначительнымъ процентомъ дворянъ и чиновниковъ, изъ купцовъ, казаковъ, крестьянъ и мѣщанъ, указываетъ на своевременность введенія этого суда, который, можно смѣло надѣяться, при правильномъ отношеніи къ нему суда короннаго, принесетъ большую пользу на окраинѣ.

Не излишне присовокупить, что разнообразная публика переполняетъ залы судебныхъ засѣданій и съ большимъ интересомъ слѣдитъ за ходомъ уголовныхъ процессовъ.

По окончаніи сессіи, бывшей въ г. Верхнеуральскѣ въ февралѣ, во время которой слушалось дѣло о мѣщанинѣ Козловѣ, обвинявшемся въ убійствѣ своей невѣрной жены, послѣ обращенія предсѣдателя суда къ присяжнымъ съ прощальными словами, одинъ изъ нихъ, отъ имени своихъ товарищей, выражая благодарность за оказанную имъ помощь по исполненію ихъ трудной обязан-

ности, вручилъ ему собранные 85 руб. для поддержанія малолѣтнихъ дѣтей осужденнаго упомянутаго Козлова. Кромѣ того весь составъ присяжныхъ, пожертвовавъ икону Александра Невскаго и Николая чудотворца для постановленія въ залѣ Верхнеуральскаго съѣзда, просили дозволить имъ отслужить благодарственный молебенъ по поводу введенія суда присяжныхъ, что и было исполнено при большомъ стеченіи народа.

*Н. Волчанскій.*

## VI.

### ПРИГОВОРЪ ПО ДѢЛУ КСЕНДЗА БИЛЯКЕВИЧА.

1899 года, февраля 8—10 дня. По Указу Его Императорскаго Величества, С.-Петербургскій окружный судъ, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, слушалъ дѣло о ксендзѣ Александрѣ Казиміровѣ Билякевичѣ, 26 лѣтъ, обвиняемомъ въ преступленіяхъ, предусмотрѣнныхъ 1540 и 1542 ст. улож. наказ.

Рѣшеніемъ присяжныхъ засѣдателей подсудимый ксендзъ Александръ Казиміровъ Билякевичъ, 26 лѣтъ, признанъ виновнымъ:

1) въ томъ, что 15 августа 1898 года, въ гор. Ковнѣ, самовольно и насильственно лишилъ свободы Еву Матвѣеву Бернатовичъ, заключивъ ее, противъ ея воли, въ продолженіе сутокъ, подъ запоромъ, въ помѣщающейся при костелѣ св. Троицы тѣсной, холодной каморкѣ, въ которой находился столъ изъ-подъ катафалка, при чемъ при лишеніи свободы означенной Бернатовичъ оны, ксендзъ Билякевичъ, наносилъ Бернатовичъ орудіемъ, въ родѣ толстой веревки или палки, многочисленныя, жестокіе удары, оставившіе на тѣлѣ ея полосы, пятна съ кровоподтеками и ссадины, чѣмъ въ виду продолжительности этихъ мученій причинилъ лишенной свободы Бернатовичъ тяжелыя физическія и нравственныя мученія;

2) въ томъ, что 16 августа 1898 года, въ гор. Ковнѣ, самовольно и насильственно лишилъ свободы Юзефу Антонову Жуковскую, продержавъ ее, противъ ея воли, нѣсколько часовъ въ заключеніи послѣдовательно: въ темномъ подвалѣ при костелѣ св. Троицы, затѣмъ въ склепѣ подъ костеломъ, хранящемъ открытыя гробы съ человѣческими скелетами и неистлѣвшими трупами, и, наконецъ, въ тѣсной каморкѣ со столомъ изъ-подъ катафалка и

положеннымъ туда, для внушенія суевѣрнаго ужаса, изваяніемъ головы дьявола, при чемъ при такомъ лишеніи свободы Юзефы Жуковской онъ, ксендзъ Билякевичъ, орудіемъ въ родѣ толстой веревки или палки наносилъ Жуковской на улицѣ, а затѣмъ и въ склепѣ многократные, жестокіе удары, оставившіе на тѣлѣ ея кровоподтечныя полосы, пятна и ссадины, чѣмъ, въ виду продолжительности этихъ мученій и многочисленности поврежденій, причинилъ лишенной свободы Жуковской тяжелыя физическія и нравственныя страданія;

3) въ томъ, что въ среднихъ числахъ іюля 1898 года, въ гор. Ковнѣ, самовольно и насильственно лишилъ свободы, въ продолженіе болѣе недѣли времени, Констанцію Михайлову Симоновичъ, нанося ей при этомъ многочисленные удары орудіемъ въ родѣ ремня или веревки и заключивъ ее, вопреки ея волѣ, сначала въ темномъ склепѣ подъ костеломъ св. Троицы, хранящемъ открытыя гробы съ человѣческими скелетами и неистлѣвшими трупами, а затѣмъ въ тѣсной каморкѣ, въ которой находился столъ изъ подъ катафалка, при чемъ въ теченіе первыхъ полутора сутокъ ея заключенія далъ ей въ пищу лишь кружку воды и кусокъ хлѣба, который она, въ виду сильнаго нравственнаго потрясенія, ѣсть не могла, каковыми жестокими дѣйствіями Билякевичъ причинилъ Симоновичъ продолжительныя и тяжелыя физическія и нравственныя мученія;

4) въ томъ, что въ мартѣ 1898 года, въ гор. Ковнѣ, самовольно и насильственно лишилъ свободы Станислава Фаддѣева Бурнейко, съ 6 часовъ утра до 5 часовъ вечера того же дня, заключивъ его, вопреки его волѣ, въ запертый темный, подземный, помѣщающійся при костелѣ св. Троицы, подваль, при недостаточной во время таковаго задержанія пищѣ и питьѣ и причинилъ таковыми жестокими дѣйствіями лишенному свободы Бурнейко сильныя физическія и нравственныя мученія;

5) въ томъ, что въ іюнѣ 1898 года, въ гор. Ковнѣ, самовольно и насильственно лишилъ свободы Прасковію Николаеву Романовскую, заключивъ ее, вопреки ея волѣ, въ помѣщающемся во дворѣ при костелѣ св. Троицы запертомъ сараѣ на нѣсколько часовъ, при чемъ грозилъ ей „разложить ее и наказать“ и продержатъ всю ночь, если она не войдетъ въ сарай, каковыми жестокими дѣйствіями, въ связи съ недостаточностью одежды у заключенной Романовской въ сырую и холодную погоду, причинилъ

Романовской продолжительныя, тяжелыя физическія и нравственныя мученія;

6) въ томъ, что въ іюнѣ 1898 года, въ гор. Ковнѣ, самовольно и насильственно лишилъ свободы Антона Андреева Айкевича, заключивъ его, вопреки его волѣ, на нѣсколько часовъ сначала въ запертомъ сараѣ для дровъ, отчего Айкевичъ плакалъ, говоря, что теперь „отъ страха повѣсится“, лишь послѣ чего, по приказанію Билякевича, онъ былъ переведенъ и заключенъ въ имѣющійся при костелѣ погребъ съ пустымъ гробомъ, каковыми жестокими дѣйствіями Билякевичъ причинилъ Айкевичу продолжительныя и тяжелыя физическія и нравственныя мученія;

7) въ томъ, что 6 августа 1898 года, въ гор. Ковнѣ, самовольно и насильственно лишилъ свободы, на время отъ часа дня 6 августа до 7 часовъ вечера 7 августа 1898 года, Антона Михайлова Мацкайтиса, заключивъ его, вопреки его волѣ, въ помѣщающуюся при костелѣ Св. Троицы запертую тѣсную каморку, въ которой находился столъ изъ-подъ катафалка, давъ ему во время заключенія кусокъ черстваго хлѣба и воды, каковыми жестокими дѣйствіями Билякевичъ причинилъ Мацкайтису продолжительныя и тяжелыя физическія и нравственныя мученія, и

8) въ томъ, что въ началѣ августа 1898 года, въ гор. Ковнѣ, самовольно и насильственно лишилъ свободы въ продолженіе 7 дней Изабеллу Юсифову Ненартовичъ, заключивъ ее, вопреки ея волѣ, въ темный склепъ подъ костеломъ Св. Троицы, хранящій открытыя гробы съ человѣческими скелетами и неистлѣвшими трупами, а затѣмъ заперевъ въ тѣсную каморку, въ которой находился столъ изъ-подъ катафалка, при чемъ во время заключенія давалъ ей только воду и хлѣбъ, каковыми жестокими дѣйствіями Билякевичъ причинилъ Ненартовичъ продолжительныя и тяжелыя физическія и нравственныя мученія.

При этомъ присяжные засѣдатели признали подсудимаго Билякевича заслуживающимъ снисхожденія по обвиненіямъ, изложеннымъ въ п.п. 3, 4, 6, 7 и 8 настоящаго приговора.

Обращаясь къ опредѣленію послѣдствій вышеизложеннаго рѣшенія присяжныхъ засѣдателей, окружный судъ находить:

1) что подсудимый Билякевичъ признанъ виновнымъ присяжными засѣдателями въ восьми случаяхъ самовольнаго лишенія свободы, сопровождавшагося истязаніями и мученіями, изъ коихъ по пяти случаямъ въ отношеніи потерпѣвшихъ: Симоновичъ, Бур-

нейко, Айкевича, Мацкайтиса и Ненартовичъ онъ признанъ за-служивающимъ снисхожденія;

2) что каждое изъ приведенныхъ выше преступныхъ дѣяній Билякевича предусмотрено 1542 ст. улож. наказ. и подвергается виновнаго одному изъ наказаній, указанныхъ въ 1489 ст. улож., а именно по 1, 2 или 3 степ. 31 ст. того же уложенія;

3) что руководствуясь 149 ст. улож. наказ. и въ виду „важности вины и обстоятельствъ, сопровождавшихъ преступленія и состоянія“ ксендза Билякевича, который при лишеніи своихъ прихожанъ разнообразными способами свободы подвергалъ ихъ мученіямъ физическимъ и нравственнымъ въ обстановкѣ, особо рассчитанной не только на причиненіе наибольшихъ страданій вообще, но и на униженіе ихъ человѣческой личности, въ связи съ угнетающимъ дѣйствіемъ особенностей заключенія на потерпѣвшихъ, которыхъ ксендзъ Билякевичъ, зная за людей вѣрующихъ и подчиняющихся авторитету его, какъ духовнаго лица, заставляя своими приѣмами въ значительной мѣрѣ испытывать ощущенія ужаса смерти и загробныхъ мученій,—надлежитъ избрать изъ указанныхъ наказаній, какъ нормальное, опредѣленное въ 2 степ. 31 ст. улож. наказ.;

4) что наказаніе это по отношенію къ пяти вышеприведеннымъ случаямъ, по которымъ Билякевичу, въ виду указанныхъ въ предыдущемъ пунктѣ соображеній, дано снисхожденіе, справедливо на основаніи 828 ст. уст. гражд. суд. понизить ему только на одну степень и опредѣлить таковое по 3 степ. той же 31 ст. улож. наказ.;

5) что такимъ образомъ и на основаніи приложения II къ ст. 70 улож. (прим.) подсудимый Билякевичъ какъ священно-служитель, изъятый отъ тѣлесныхъ наказаній по правамъ состоянія, подлежитъ за каждый изъ трехъ случаевъ незаконнаго лишенія свободы, сопровождавшагося истязаніями и мученіями, по которымъ ему снисхожденія не дано,—лишенію всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и ссылкѣ на житье въ Иркутскую губернію съ воспрещеніемъ всякой отлучки изъ мѣста, назначеннаго ему для жительства въ продолженіе отъ 2 до 3 лѣтъ и выѣзда потомъ въ другія губерніи и области Сибири въ теченіе отъ восьми до десяти лѣтъ и за каждый изъ пяти случаевъ незаконнаго лишенія свободы, по коимъ ему дано снисхожденіе, лишенію всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и ссылкѣ на житье въ Тобольскую губернію, съ воспрещеніемъ всякой отлучки изъ мѣста,

назначеннаго ему для жительства въ продолженіе отъ 1 года до 2 лѣтъ и выѣзда затѣмъ въ другія губерніи и области Сибири въ теченіе отъ 4 до 6 лѣтъ;

6) что принимая во вниманіе проявленное ксецдзомъ Билякевичемъ въ его дѣйствіяхъ легкомысліе и невѣжество, а также учиненіе имъ признанія, хотя и не полного, своей вины, справедливо остановиться при выборѣ упомянутыхъ сроковъ на наименьшихъ срокахъ запрещенія отлучки и выѣзда, установленныхъ въ 2 и 3 степ. 31 ст. и въ замѣняющихъ ихъ временныхъ правилахъ (прим. II къ ст. 70 прим. § II);

7) что на основаніи 152 ст. уложенія и по совокупности преступленій подсудимый Билякевичъ подлежитъ одному строжайшему изъ приведенныхъ наказаній, т. е. ссылкѣ на житье въ Иркутскую губернію;

8) что на основаніи 1 п. 945 ст. уст. угол. суд. настоящій приговоръ, по вступленіи его въ законную силу, но прежде обращенія къ исполненію, подлежитъ представленію чрезъ г. Министра Юстиціи на Высочайшее Его Императорскаго Величества усмотрѣніе.

А потому окружный судъ постановилъ: подсудимаго ксецдза Александра Казимірова Билякевича, 26 лѣтъ, лишить всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ и сослать на житье въ Иркутскую губернію, съ воспрещеніемъ всякой отлучки изъ мѣста, назначеннаго ему для жительства, въ теченіе двухъ лѣтъ и выѣзда затѣмъ въ другія губерніи и области Сибири въ продолженіе восьми лѣтъ. Изъ вещественныхъ доказательствъ: планы и фотографическіе снимки оставить при дѣлѣ, а остальные уничтожить. Судебныя по дѣлу издержки возложить на осужденнаго Билякевича, а при его несостоятельности принять на счетъ казны. Настоящій приговоръ, по вступленіи въ законную силу, но прежде обращенія къ исполненію, на основаніи 1 п. 945 ст. уст. угол. суд., представить, чрезъ г. Министра Юстиціи, на усмотрѣніе Его Императорскаго Величества.

## VII.

## ДѢЛО ОБЪ ИСЧЕЗНОВЕНІИ ДѢВОЧКИ.

Въ судебныхъ установленіяхъ Саратовскаго округа въ послѣднее время производилось очень интересное по своимъ фактическимъ обстоятельствамъ дѣло о крестьянкахъ Еленѣ Петровой Логиновой и Иринѣ Ивановой Кузиной, обвинявшихся въ похищеніи ребенка. Обстоятельства эти заключаются въ слѣдующемъ:

5 іюля 1897 г. Муромская мѣщанка Анна Иванова Самарина съ трехлѣтнею дочерью своею Серафимой пріѣхала изъ г. Мурома въ усадьбу Елатомскаго казеннаго лѣсничества (въ 6 верстахъ отъ паровой пристани „Ватажка“ на рѣкѣ Окѣ) къ мужу своему Алексѣю Алексѣеву Самарину, получившему должность писмоводителя у лѣсничаго Тышко.

Дочь Самариныхъ, бойкая и очень развитая для своихъ лѣтъ дѣвочка, того же 5 іюля выбѣгала одна изъ флигеля, въ которомъ помѣстились Самарины, во дворъ и на огородъ, гдѣ ее видѣлъ лѣсникъ Андрей Калининъ. Въ тотъ же день между 3 и 4 часами пополудни въ то время, когда Алексѣй Самаринъ спалъ, а Анна Самарина ставила самоваръ, дочь ихъ Серафима пропала. Сейчасъ же были предприняты розыски въ усадьбѣ и по лѣсу; затѣмъ при помощи крестьянъ въ теченіе нѣсколькихъ дней осмотрѣны были окрестные лѣса, была сиущена вода въ прудѣ, но несмотря на это, а также и на мѣры, принятыя полиціей, которой было заявлено о случившемся, исчезнувшую дѣвочку найти не удалось. Тогда Анна Самарина, предположивъ, что дочь ея похищена, прибѣгнула къ содѣйствію печати и въ письмѣ своемъ въ редакцію газеты „Свѣтъ“ описала постигшее ее несчастіе, указавъ, какъ на особую примѣту пропавшей дѣвочки на родимое пятнышко величиною съ булавочную головку, находящееся у ней на лѣвой рукѣ выше локтя. Письмо это, помѣщенное въ № 248 газеты „Свѣтъ“ отъ 18 сентября 1897 г., между прочимъ было прочитано въ городѣ Вольскѣ, Саратовской губ., мѣщаниномъ Иваномъ Федоровымъ Елисеѣвымъ, портнымъ по ремеслу, и его женою Анастасіей. Елисеѣвы тутъ же вспомнили, что у дальнихъ родственниковъ ихъ крестьянъ Рысовыхъ въ гор. Вольскѣ находится взятая ими откуда-то на воспитаніе дѣвочка. Тогда Анастасія Елисеѣва отправилась къ Рысовымъ и, взглянувъ на дѣвочку, убѣдилась, что она похожа на пропавшую дочь Самариныхъ

по тому описанію ея, которое было сдѣлано въ газетѣ „Свѣтъ“ Елисеѣва, по ея словамъ, увидѣла также на лѣвой ручкѣ дѣвочки Рысовыхъ выше локтя темноватаго цвѣта родимое пятнышко вродѣ веснушки, величиною съ булавочную головку. Дѣвочка съ перваго раза начала ласкаться къ Елисеѣвой, называя ее „Тетянда“; на вопросъ Елисеѣвой, какъ ее зовутъ, дѣвочка отвѣтила „Паня“, когда же Елисеѣва стала говорить, что ее зовутъ не Паней, а Серафимой, то дѣвочка невнятно проговорила „Пафима“. Послѣ того въ присутствіи Вѣры Рысовой она умышленно завела разговоръ о родственницѣ ея Серафимѣ Поповой, при чемъ въ разговорѣ нѣсколько разъ упомянула слово „Серафима“; при этомъ дѣвочка, игравшая въ это время на полу, каждый разъ отрывалась отъ игры и взглядывала на нее, Елисеѣву. Изъ всѣхъ своихъ наблюденій Елисеѣва вывела заключеніе, что дѣвочка эта не изъ простой крестьянской семьи; между тѣмъ Вѣра Рысова сказала Елисеѣвой, что дѣвочка эта сирота и взята ими отъ какой-то бѣдной женщины. Вернувшись домой, Елисеѣва рассказала мужу, что дѣвочка похожа на пропащую у Самариныхъ и написала послѣднимъ 23 сентября письмо. На письмо это Самарина телеграммою увѣдомила Елисеѣва о высылкѣ фотографической карточки своей дочери; карточка эта была получена при письмѣ Анны Самариной отъ 26 сентября, при чемъ Самарина сообщила Елисеѣвымъ, что если показать карточку найденной дѣвочкѣ, то она должна узнать себя, а если показать ей куклу и спросить, какъ ее зовутъ, то она скажетъ „Боби“. Получивъ карточку, Елисеѣва немедленно отправилась къ Рысовымъ и, показавъ дѣвочкѣ карточку, спросила ее, кто это, на что дѣвочка отвѣтила „Паня“ (обвиняемая Кузина, утверждавшая, что дѣвочка, отданная на воспитаніе Рысовымъ,—ея дочь, называла послѣднюю Паней); затѣмъ Елисеѣва спросила дѣвочку Рысовыхъ, гдѣ Боби, и она указала на игрушку барашка, снятаго на карточкѣ, присланной Самариной, вмѣстѣ съ ея дочерью. Карточка убѣдила Елисеѣву, что дѣвочка должна быть дочерью Самариныхъ, о чемъ она имъ и написала, обѣщая снять и выслать имъ съ дѣвочки Рысовыхъ фотографическую карточку. 30 сентября Елисеѣвъ заявилъ помощнику пристава гор. Вольска Добронравову о найденной у Рысовой дѣвочкѣ Самариныхъ, предъявивъ ему письмо ихъ и телеграмму. На слѣдующій день Добронравовъ по порученію пристава Розанова привезъ дѣвочку Рысовыхъ въ полицейское управленіе, гдѣ ее остригъ парикмахеръ Кузьминъ, послѣ чего съ нея была

снята фотографическая карточка (на карточкѣ, присланной Самариной, дочь ея снята съ коротко остриженной головой), но Самарины, мужъ, и жена, не дождавшись карточки, 7 октября прибыли изъ Муромъ въ Вольскъ. Вечеромъ того же дня въ полицейскомъ управленіи Самаринымъ была предъявлена дѣвочка, находившаяся у Рысовыхъ, послѣ чего они отправились почевать къ Рысовымъ, чтобы, какъ показала на слѣдствіи Елисеѣва, лучше приглядѣться къ дѣвочкѣ, а на слѣдующій день они, по словамъ той же свидѣтельницы, окончательно признали дѣвочку за свою дочь Серафиму. 8 октября Самарины подали заявленіе приставу города Вольска, прося отобрать ихъ дочь Серафиму отъ Рысовыхъ и передать ее другому благонадежному лицу, и такъ какъ Рысовы заявили, что находящаяся у нихъ дѣвочка отдана имъ 14 августа 1897 г. на воспитаніе неизвѣстной женщиной, назвавшейся Хвалынской мѣщанкой Евдокіей Ивановой Кирилловой, живущей вмѣстѣ съ мужемъ Иваномъ Кирилловымъ въ селѣ Балаковѣ, Самарской губерніи (въ 30 верстахъ отъ города Вольска), то приставомъ Розановымъ того же 8 октября было сообщено приставу села Балакова о розыскѣ означенной выше женщины. Женщина, отдавшая Рысовымъ ребенка на воспитаніе, была розыскана и оказалась не Хвалынской мѣщанкой Кирилловой, а крестьянкой Ириной Ивановой Кузиной. Спрошенная приставомъ села Балакова, Кузина рассказала, что она дѣйствительно отдала вѣрѣ Рысовой свою дочь Прасковью, прижитую съ Хвалынскимъ мѣщаниномъ Иваномъ Кирилловымъ Чаплыгинимъ; послѣдній былъ также розысканъ въ селѣ Балаковѣ и подтвердилъ слова Кузиной. Такъ какъ Рысовы представили переданную имъ Кузиной метрическую выписку изъ книгъ Никольской единовѣрческой церкви села Балакова, въ каковой выписи значилось, что у Хвалынскаго мѣщанина Ивана Кириллова Кириллова и его незаконной жены Евдокіи родилась 13 октября 1894 г. дочь Прасковья, то Кузина и Чаплыгинъ, спрошенные въ разъясненіе этого обстоятельства, заявили, что ошибка въ метрикѣ произошла вѣроятно потому, что „перепутали кумовья“.

По распоряженію пристава гор. Вольска дѣвочка, находившаяся у Рысовыхъ и признанная Самариними за дочь ихъ Серафиму, была отобрана у Рысовыхъ и передана вышеупомянутому Елисеѣву, въ квартирѣ котораго поселились Самарины. 13 октября Самарины подали прошеніе товарищу прокурора Саратовскаго окружнаго суда, послѣдствіемъ чего было начатіе 16 октября

судебнымъ слѣдователемъ 2 участка Вольскаго уѣзда предварительнаго слѣдствія. Судебный слѣдователь, имѣя въ виду категорическое утвержденіе Самаринныхъ относительно того, что переданная Кузиной Рысовымъ дѣвочка, несомнѣнно пропавшая изъ усадьбы Елатомскаго лѣсничества, дочь ихъ Серафима, и, находя, что сбивчивыя объясненія, данныя Кузиной на дознаніи, и неопредѣленность свидѣтельскихъ показаній о дѣвочкѣ Кузиной, даютъ основаніе предполагать, что у Кузиной въ концѣ лѣта и началѣ осени 1897 г. были двѣ дѣвочки, изъ которыхъ одна, отданная Рысовымъ, была похищеною 5 іюля 1897 г. дѣвочкою Самаринныхъ, признавъ необходимымъ привлечь Кузину къ слѣдствію по обвиненію ея въ томъ, что, зная о похищеніи другимъ лицомъ у Самаринныхъ дочери Серафимы, она, изъ корыстныхъ или иныхъ видовъ, съ цѣлю скрыть послѣднюю, передала ее въ городѣ Вольскѣ крестьянѣ Вѣрѣ Рысовой (по признакамъ 2 ч. 14 и 1408 ст. улож. наказ.).

На слѣдствіи Самарины утверждали, что найденная у Рысовыхъ въ городѣ Вольскѣ дѣвочка—ихъ дочь Серафима; въ особенности настаивала на этомъ Анна Самарина, не допускавшая возможности для матери ошибиться въ этомъ. Сначала Самарины нашли большую переимѣну въ характерѣ дочери, вполне понятную по ихъ словамъ: дѣвочка, бывшая прежде здоровой и веселой, показалась болѣзненной и запуганной, но затѣмъ, имѣя ее постоянно при себѣ, они по многимъ привычкамъ ея укрѣпились въ своемъ убѣжденіи о принадлежности имъ найденной дѣвочки. Не оказалось у ней только того родимаго пятна, которое видѣли Елисѣевы и другія лица: пятно это, по мнѣнію Самаринныхъ, кѣмъ-либо сведено. Произведеннымъ по этому поводу разслѣдованіемъ установлено, что въ то время, когда дѣвочка эта находилась у Рысовыхъ, пятно видѣли Елисѣевы, парикмахеръ Кузьминъ и помощникъ пристава Доброправовъ. По словамъ Елисѣевыхъ, пятно было небольшое, темноватаго цвѣта, вродѣ веснушки; Кузьминъ находилъ, что оно было красновато-желтаго цвѣта, а изъ показанія помощника пристава Доброправова видно, что на лѣвой рукѣ дѣвочки на сгибѣ въ локтѣ онъ замѣтилъ два красныхъ пятнышка съ булавочную головку и одно такое же пятно нѣсколько выше локтя; по объясненію Елисѣевыхъ, когда пріѣхали Самарины, видѣннаго ими ранѣе пятна уже не было.

При освидѣтельствованіи упомянутой дѣвочки 17 октября она оказалась правильно сложенной, возрастомъ приблизительно около

трехъ лѣтъ, съ сѣрыми глазами, русыми волосами и темными рѣсницами, обыкновеннаго типа, безъ какихъ-либо особыхъ характерныхъ чертъ; небольшихъ же пятенъ на тѣлѣ дѣвочки, признанныхъ врачами такъ называемыми родимыми, усмотрѣно пять: одно—на лѣвой рукѣ въ верхней части плеча соответственно верхушкѣ плечевой головки, свѣтло-коричневой окраски съ маковое зерно; второе, едва замѣтное—на наружной поверхности плеча на два сантиметра выше локтевой складки; третье, свѣтлокориичневое, величиною съ просяное зерно, неправильно круглой формы—на наружной поверхности предплечья на одинъ сантиметръ ниже локтевой складки, и еще два подобныя же пятна: одно—на тыльной поверхности лѣвой ручной кисти, а другое—на наружной поверхности праваго предплечія на четыре сантиметра выше кистевого сустава, величиною съ просяное зерно. Кромѣ перечисленныхъ пятенъ никакихъ рубцовъ и иныхъ знаковъ на кожѣ не оказалось, хотя, по заявленію Самарина, на одной изъ ягодицъ его дѣвочки могъ быть замѣтенъ рубчикъ объ бывшаго у нея на этомъ мѣстѣ чирья. Кромѣ того, по заявленію Самаринныхъ, уши у ихъ дочери не были проняты, а у найденной дѣвочки въ городѣ Вольскѣ въ одно ухо была вдѣта серьга, и въ обѣихъ ушныхъ сережкахъ усмотрѣны отверстія для серегъ, при чемъ, по мнѣнію врачей (высказанному 17 октября), уши у дѣвочки проколоты не менѣе 3—4 мѣсяцевъ, а можетъ быть и съ годъ тому назадъ.

Привлеченная къ слѣдствію, Ирина Иванова Кузина, 29 лѣтъ, оказавшаяся замузей крестьянкой, въ приписываемомъ ей дѣяніи виновной себя не признала и объяснила, что съ мужемъ она не живетъ уже двѣнадцать лѣтъ; отъ связи же съ Хвалынскимъ мѣщаниномъ Чаплыгинымъ у нея 13 октября 1894 г. родилась въ селѣ Балаковѣ дочь Прасковья. При крещеніи ея крестная мать Вѣра Иванова Павлинова и крестный отецъ Иванъ Спиридоновъ Загородневъ считали Чаплыгина законнымъ мужемъ ея, Кузиной, почему съ ихъ словъ и была составлена неправильная запись въ метрическихъ книгахъ, а названа при этомъ Евдокіей она потому, что передъ рожденіемъ дочери подкинула груднаго своего ребенка—мальчика и, будучи изболоченной въ этомъ, назвалась чужимъ именемъ (въ дѣлѣ есть свѣдѣнія о томъ, что Ирина Кузина за проступокъ, предусмотрѣнный 144 ст. уст. наказ., выдержана подъ арестомъ четыре дня по исполнительному листу городского судьи села Балакова отъ 28 іюня 1894 г.). Весною 1897 г. Кузина, какъ видно изъ ея объясненій, была оставлена

своимъ сожителемъ Чаплыгинымъ, переставшимъ помогать ей, и, занимаясь только поденной работой, она была не въ силахъ содержать свою дочь; поэтому она рѣшилась отдать ее кому-нибудь на воспитаніе. Отыскивая лицъ, которыя бы согласились взять ея дочь, она въ городѣ Вольскѣ въ домѣ Петра Баладина встрѣтилась съ прачкой Рысовой; послѣдняя повела ее къ себѣ на квартиру, и здѣсь Рысова изъявила согласіе взять ея дѣвочку. Какъ Рысовымъ, такъ и другимъ лицамъ, съ которыми Кузина разговаривала по поводу ребенка, она говорила, что дѣвочка—дочь умершей женщины, жившей вмѣстѣ съ нею на квартирѣ. Оставивъ ребенка Рысовымъ, Кузина уѣхала въ село Балаково, а недѣли черезъ три, соскучившись о дочери, пріѣхала взглянуть на нее въ г. Вольскъ и тутъ, когда свекровь Вѣры Рысовой стала настойчиво спрашивать ее, не отъ живой ли матери она отдала дѣвочку, то она созналась, что это ея дочь, прижитая съ Чаплыгинымъ. Тогда свекровь Рысовой не захотѣла держать ребенка и потребовала, чтобы Кузина взяла его обратно, что она и сдѣлала. Приблизительно черезъ недѣлю ее розыскала въ селѣ Балаковѣ Вѣра Рысова и упросила опять отдать ей дѣвочку; уступая ея желанію, она отвезла дѣвочку въ городъ Вольскъ и передала ее Рысовымъ. Каждый разъ, по объясненію Кузиной, при передачахъ ребенка она и Рысовы сообщали объ этомъ полиціи. Находясь у Рысовыхъ, дочь ея и была признана Елисеѣвымъ за пропавшую дѣвочку Самариныхъ. Кузина въ теченіе всего слѣдственнаго производства утверждала, что Самарины, считая ея дочь Прасковью за свою дочь Серафиму, заблуждаются, и сослалась на свидѣтелей, знавшихъ ея дочь и видѣвшихъ ее и ранѣе и послѣ исчезновенія дѣвочки Самариныхъ. На слѣдствіи были тщательно провѣрены всѣ обстоятельства, касающіяся Кузиной и дочери ея Прасковьи, при чемъ они вообще подтвердились.

Между прочимъ дѣвочка, отданная Кузиною Рысовой и признаваемая Самариными за дочь ихъ Серафиму, была предъявлена на слѣдствіи всѣмъ тѣмъ лицамъ, которыя видѣли дѣвочку Прасковью у Кузиной. При этомъ свидѣтели Григорій и Ксенія Никулины и Анна Кузнецова признали ее за дочь Кузиной, говоря, что они не ошибаются; свидѣтели Василій и Василиса Уткины, Григорій Катусовъ, Василій Кабановъ, Елена Глухова, Иванъ Кузнецовъ, Петръ Шерстенкинъ, Анисья и Анна Исаевы, и Аграфена Десина сказали, что она нѣсколько похожа на нее; свидѣтель Александръ Крашенковъ, хозяинъ булочной въ селѣ Балаковѣ, и

жена его Вѣра Крашенкова (крестная мать дѣвочки), у которыхъ нѣкоторое время Чаплыгинъ находился въ услуженіи, показали, что, весной 1897 г., недѣли двѣ у нихъ съ Чаплыгинимъ жила и Кузина съ дѣвочкой Прасковьей; послѣднюю они хорошо знаютъ и утверждаютъ, что эту самую дѣвочку впослѣдствіи ошибочно сочли за свою дочь Самарины. Свидѣтельница Устинья Кабанова признала предъявляемую ей дѣвочку за несомнѣнную дочь Кузиной; по объясненію свидѣтельница дѣвочку эту она много разъ видѣла, знала еще груднымъ ребенкомъ и положительно не допускаетъ мысли о томъ, что она ошибается въ этомъ. Крестьянка Целагея Кириллина, видѣвшая дѣвочку Прасковью въ началѣ іюля 1897 г., также признала ее дочерью Кузиной, находя, что она въ этомъ не ошибается; близкое сходство дѣвочки съ дочерью Кузиной нашель и Илья Васильевъ Панинъ, объяснивъ, что съ полной увѣренностью онъ высказаться не можетъ, такъ какъ видѣлъ дочь Кузиной пять мѣсяцевъ тому назадъ (Панину дѣвочка была предъявлена 18 октября), и наконецъ Чаплыгинъ показалъ, что дѣвочка, которую Самарины считаютъ своею дочерью Серафимой, въ дѣйствительности его дочь Прасковья, родившаяся отъ связи его съ крестьянкой Кузиной. Лишь крестьяне Иванъ Васильевъ Голубевъ и другой Иванъ Васильевъ Голубевъ заявили, что какъ будто-бы предъявляемая дѣвочка не та, которая была у Кузиной, а женщины изъ той же семьи, родственной Кузиной, Авдотья и Анна Голубевы нашли между этими дѣвочками небольшое сходство (Кузина была у Голубевыхъ въ іюнѣ 1897 г. и просила ихъ поддержать дѣвочку у себя во время жнитва, но Голубевы на это не согласились и Кузина, пробывъ у нихъ два дня и одну ночь, уѣхала).

Въ цѣляхъ всесторонняго обслѣдованія дѣла судебный слѣдователь 2 участка Вольскаго уѣзда отправился въ началѣ марта 1898 г. въ мѣсто прежняго жительства Самариныхъ, городъ Муромъ, куда была доставлена изъ города Вольска и дѣвочка, отданная Кузиною на воспитаніе Рысовымъ. Дѣвочка съ вокзала желѣзной дороги была привезена въ домъ, гдѣ жили Самарины съ дочерью своею Серафимой, и оказалось, что она, какъ занесено въ протоколъ судебного слѣдователя, ничѣмъ не проявляла, что попала въ извѣстную ей ранѣе обстановку. Послѣ того дѣвочка была предъявлена многимъ лицамъ, проживающимъ въ гор. Муромѣ, частью родственникамъ, а главнымъ образомъ знакомымъ Самариныхъ, видѣвшимъ дочь ихъ при разныхъ обстоятель-

ствахъ. Наиболѣе благопріятное показаніе для Самариныхъ далъ фельдшеръ Михайлъ Эрлихъ, утверждавшій, что предъявляемая ему дѣвочка есть несомнѣнная дочь Самариныхъ, и находившій, что въ теченіе 9 мѣсяцевъ у ней нисколько не измѣнились черты лица. Затѣмъ болѣе опредѣленные мнѣнія высказали свидѣтели Спекторскій, Пашинъ, Дѣвы, Лаптева, Свищева, Пивоварова, Праксovia Иконникова, Клокова, Кухарская, Виноградова и Веселкина, также признавшіе въ предъявленной дѣвочкѣ дочь Самариныхъ; но при этомъ большинство изъ нихъ заявило, что дѣвочка выросла и нѣсколько измѣнилась. Другіе свидѣтели ограничились менѣе категорическими отвѣтами: такъ, по словамъ свидѣтельницы Мазараки, предъявляемая дѣвочка напоминаетъ дочь Самариныхъ; свидѣтельница Епишева оказалась того же мнѣнія, но добавила, что лицомъ эта дѣвочка не похожа на дочь Самариныхъ; священникъ Іоаннъ Смирновъ, крестившій и неоднократно видѣвшій дочь Самариныхъ, нашель, что на нее похожа лицомъ предъявляемая дѣвочка, но утверждать, что послѣдняя именно есть дочь Самариныхъ, онъ не можетъ; точно такое же мнѣніе высказали свидѣтели Соколовъ, Гладкова, Замкина и Вдовина; свидѣтельница Елена Дворянкина нашла, что у предъявляемой дѣвочки какъ будто есть общее сходство съ дочерью Самариныхъ, но замѣтила, что черты лица у этой дѣвочки не такія, какія были у Серафимы Самариной. При этомъ почти всѣ свидѣтели находили, что дѣвочка выросла и измѣнилась лицомъ; по словамъ многихъ свидѣтелей, дочь Самариныхъ говорила лучше предъявляемой дѣвочки и была бойчѣе и развитѣе ея; а нѣкоторые свидѣтели выражали удивленіе, почему дѣвочка эта не узнаетъ ихъ.

Дѣвочка, отобранная у крестьянъ Рысовыхъ, предъявлялась еще 31 января 1898 г. въ городѣ Вольскѣ пріѣхавшей туда сестрѣ Самариной Ольгѣ Иконниковой. Передъ предъявленіемъ дѣвочки Иконникова заявила, что она узнаетъ ее по двумъ примѣтамъ—родимому пятну съ булавочную головку на лѣвой рукѣ выше локтя и небольшому шраму на задней части тѣла отъ бывшаго чирья. Когда Иконниковой была показана дѣвочка, послѣдняя ничѣмъ не обнаружила, что она знаетъ Иконникову, но видимо испугалась ея и прижалась къ Алексѣю Самарину; когда же ей хотѣли дать игрушку—барашка, съ которымъ играла дочь Самариныхъ (съ этимъ барашкомъ Серафима Самарина изображена на фотографической карточкѣ), то она также не узнала барашка и боялась взять его въ руки. При предъявленіи же дѣвочкѣ фото-

графическихъ карточекъ Алексѣя Самарина, Ольги Иконниковой и одной родственницы Самариныхъ, дѣвочка правильно называла изображенныхъ на карточкѣ лицъ: „папа“ „тетья Оли“ „тетья Вива“. Послѣ этого Иконникова, не осмотрѣвъ дѣвочки и не убѣдившись въ существованіи тѣхъ особыхъ примѣтъ, о которыхъ сказано выше, заявила, что въ предъявленной дѣвочкѣ она признаетъ свою племянницу Серафиму Самарину.

Допрошенная 4 февраля 1898 г. Иконникова заявила, что оказавшаяся въ Вольскѣ дѣвочка несомнѣнно дочь Самариныхъ; родимое же пятнышко на рукѣ по словамъ Иконниковой могло быть вытравлено, а рубчикъ отъ чирья изгладился отъ времени. Дочь Самариныхъ, показала между прочимъ Иконникова, знала молитву „Богородицу“, стихи о котѣ и мальчикѣ и одну поговорку въ стихахъ, а также любила пѣть; теперь же она все это забыла. Самарины говорили ей, Иконниковой, что когда они нашли въ городѣ Вольскѣ дѣвочку, то она ничего не говорила и была какал-то напуганная.

Здѣсь кромѣ того нельзя не упомянуть, что когда судебнымъ слѣдователемъ при посѣщеніи Елатомскаго лѣсничества были показаны служащей у лѣсничаго Тышко крестьянкѣ Александрѣ Нестеровой нѣсколько карточекъ, изъ которыхъ однѣ были сняты съ дочери Самариныхъ Серафимы, а другія съ дѣвочки, бывшей у крестьянъ Рысовыхъ, то Нестерова безошибочно отобрала карточки пропавшей дочери Самариныхъ, заявивъ, что остальные карточки сняты съ какой-то другой неизвѣстной ей дѣвочки.

Судебный слѣдователь, воспользовавшись вытребованнымъ изъ города Муромъ негативомъ фотографической карточки дѣйствительной дочери Самариныхъ Серафимы, карточкой ея, присланной Самариными Елисѣевымъ, карточкою, снятою съ дѣвочки, отобранной у Рысовыхъ, и тѣми же карточками въ увеличенномъ размѣрѣ и произведя детальный и всесторонній осмотръ головы и чертъ лица означенной дѣвочки, истребовалъ заключеніе свѣдущихъ лицъ въ цѣляхъ полученія возможно большаго матеріала для разрѣшенія вопроса о принадлежности спорной дѣвочки, и, на основаніи экспертизъ, произведенныхъ 19, 23 и 30 ноября, 7 и 13 декабря 1897 г., приглашенные, въ качествѣ свѣдущихъ лицъ, пять врачей, два фотографа и преподаватель Вольскаго реальнаго училища высказали, что по ихъ мнѣнію фотографическіе снимки съ несомнѣнной дочери Самариныхъ не тождественны, какъ съ самой дѣвочкой, взятой Рысовыми на воспитаніе у Ку-

Жур. Мин. Юст. Мартъ 1899.

зиной, такъ и съ фотографіями ея, почему спорную дѣвочку они и не могутъ признать за дочь Самариныхъ Серафиму. Затѣмъ осмотромъ самой Анны Самариной и обвиняемой Кузиной, произведеннымъ 15 января 1898 г. чрезъ врачей, установлено, что у Кузиной на шеѣ, на лѣвомъ плечѣ и предплечьѣ, на тыльной поверхности лѣвой кисти и на предплечьѣ правой руки находится нѣсколько родимыхъ пятнышекъ (количествомъ 7—8), величиною отъ просянаго до коноплянаго зерна, кругловатой формы, темно-бурой окраски, тогда какъ на тѣлѣ Самариной ни родимыхъ пятенъ ни какихъ-либо наружныхъ знаковъ не имѣется.

Далѣе слѣдуетъ отмѣтить, что при дѣлѣ имѣется письмо отъ 22 октября, присланное Самаринымъ изъ города Муромъ родственниками ихъ Иконниковыми, въ каковомъ письмѣ обращаетъ на себя вниманіе слѣдующая фраза: „Мы было думали, что вы нашли свою дочь, но насъ поразили слова вашего письма: *„нѣтъ ли откуда извѣстій о Серафимѣ, отвѣчайте немедленно“*. Подчеркнутыя слова въ письмѣ Иконниковыхъ были выписаны, какъ оказалось изъ письма Самариной, посланнаго изъ города Вольска.

Сверхъ того изъ показанія допрошеннаго на слѣдствіи лѣсника Елатомскаго лѣсничества, Исаева, видно, что одно крыльцо флигеля, гдѣ помѣщались Самарины, выходило въ самый лѣсъ, куда отъ крыльца вела тропинка. Въ дознаніи же, произведенномъ лѣсничимъ Елатомскаго лѣсничества, Тышко, записано, что спрошенный имъ объѣздчикъ Гришинъ высказалъ предположеніе о похищеніи дочери Самариныхъ волкомъ, такъ какъ онъ, Гришинъ, видѣлъ волковъ вблизи усадьбы и знаетъ случай, когда волкъ недалеко отъ усадьбы искалѣчилъ двѣнадцатилѣтнюю дѣвочку; такое же объясненіе исчезновенію дѣвочки Самариныхъ считалъ возможнымъ и казенный лѣсникъ Исаевъ, видѣвшій свѣжіе слѣды волковъ около усадьбы лѣсничаго, гдѣ жили Самарины.

Спрошенный на слѣдствіи, лѣсникъ Калининъ показалъ, что когда съ народомъ искали исчезнувшую дочь Самариныхъ, то за поперсты отъ усадьбы выпугнули волчицу. Но въ общемъ изъ показаній лѣсничаго Тышко и лѣсной стражи, данныхъ на слѣдствіи, фактъ похищенія дѣвочки волками представляется мало вѣроятнымъ.

Изъ приложенной къ дѣлу метрической выписки видно, что 13 іюля 1894 г. у Муромскихъ мѣщанъ Алексѣя Алексѣева и жены его Анны Ивановой Самариныхъ родилась дочь Серафима.

Почти весь остальной матеріалъ, заключающійся въ дѣлѣ, от-

носится всецѣло къ другой обвиняемой, Логиновой, и состоитъ въ нижеслѣдующемъ. Послѣ исчезновенія дѣвочки Самарина, какъ видно изъ ея показанія, до 10 августа разбѣзжала по окрестнымъ селамъ, рассчитывая напасть на слѣдъ ребенка, и въ это время до нея дошелъ слухъ, что въ Саровской пустыни, верстахъ въ 120 отъ Елатомскаго лѣсничества, видѣли странницу-богомолку съ какой-то дѣвочкой. Послѣ того Самарина поѣхала въ Муромъ и тутъ узнала, что Муромская мѣщанка Вѣра Тимофеева Суздальцева встрѣтила въ упомянутой пустыни странницу съ ребенкомъ. Самарина побывала у Суздальцевой, которая сказала, что она дѣйствительно видѣла 5 и 6 августа въ Саровской пустыни странницу съ дѣвочкой, казавшеюся больной; странница эта назвалась крестьянкой изъ города Цивильска, Еленой Михайловой Логиновой и рассказала Суздальцевой, что дѣвочку она нашла въ лѣсу около города Осы, Пермской губерніи, и получила на нее удостовѣреніе отъ полиціи. Удостовереніе это странница показала Суздальцевой. Когда Самарина предъявила карточку своей пропавшей дѣвочки Суздальцевой, послѣдняя нашла сходство съ дѣвочкой странницы. 18 августа Самарина была уже въ Дивѣевскомъ женскомъ монастырѣ, отстоящемъ въ 6 верстахъ отъ Саровской пустыни; здѣсь ей также рассказывали про странницу, красивую брюнетку, смуглую, съ темными глазами, очень бойкую, бывшую въ монастырѣ съ дѣвочкой. Узнавъ отъ монахини, что странница носила дѣвочку къ фельдшеру, Самарина зашла и къ нему и по всѣмъ рассказамъ о дѣвочкѣ пришла къ глубокому убѣжденію, что тамъ была пропавшая ея дочь Серафима. Собравши эти свѣдѣнія, Самарина вернулась въ Муромъ и заявила о нихъ Муромской полиціи, которая получила вскорѣ справку изъ Цивильска, что тамъ есть крестьянка Елена, но не Михайлова, а Петрова Логинова, получившая видъ на пять лѣтъ и выбывшая изъ Цивильска 2 іюля 1897 г. Затѣмъ Самарина узнала, что Логинова была въ Муромѣ во время ярмарки (25 іюня—1 іюля) съ своимъ любовникомъ, какимъ-то отставнымъ солдатомъ, и ночевала у одного хромаго нищаго, который и рассказалъ Самариной объ этой женщинѣ. Тогда Самарина, по ея словамъ, вспомнила, что когда она выѣхала со своею дочерью изъ Мурома въ Елатомское лѣсничество, то съ нею вмѣстѣ на пароходѣ ѣхала какая-то женщина, по виду странница-богомолка, которая во время пути ласкала ея дочь Серафиму. Самарина на вопросы странницы рассказала ей, куда она ѣдетъ. На слѣдующій день, 5 іюля, на пароходѣ, при подходѣ къ

пристани „Ватажка“, она видѣла эту женщину въ толпѣ и думаетъ поэтому, что она также сошла на той пристани и затѣмъ похитила ея дочь Серафиму. Помѣщая въ газетѣ „Свѣтъ“ письмо, о которомъ было уже упомянуто выше, Самарина включила въ него также и всѣ свѣдѣнія, собранныя о Логиновой, указывая на нее въ письмѣ какъ на вѣроятную похитительницу ребенка.

Вслѣдствіе этого письма на Кавказѣ въ Сухумѣ 8 октября была задержана Логинова съ находящейся при ней дѣвочкой, затѣмъ по постановленію судебного слѣдователя 2 участка Вольскаго уѣзда она была привлечена къ слѣдствію по обвиненію въ похищеніи дочери Самаринныхъ (по 1408 ст. улож. наказ.) и доставлена въ Вольскъ вмѣстѣ съ дѣвочкою. Допрошенная 2 декабря, Логинова, не признавая себя виновной, дала слѣдующее объясненіе. Задумавъ идти на богомолье въ городъ Верхотурье и получивъ паспортъ изъ Цивильскаго волостнаго правленія, Логинова, по ея словамъ, 2 іюля 1897 г. отправилась изъ Цивильска въ городъ Казань, при чемъ отъ Маріинскаго посада и до Казани она ѣхала на пароходѣ; передъ этимъ она прожила въ городѣ Цивильскѣ у роднаго дяди своего, крестьянина Романа Васильева Дубакина, мѣсяца два. Уходя изъ Цивильска, она переночевала въ гостиницѣ при Цивильскомъ женскомъ монастырѣ. Изъ Казани Логинова сначала по Волгѣ, а потомъ по Камѣ проѣхала до пристани „Березовка“, а оттуда пошла на Верхотурье черезъ городъ Осу пѣшкомъ и на четвертыя или пятныя сутки этого пути 9 іюля увидѣла въ сторонѣ отъ дороги сидящую дѣвочку лѣтъ двухъ; дѣвочка казалась болѣзненной и ходить не могла; около дѣвочки она нашла клочекъ бумаги, на которомъ было написано карандашемъ „немогущая женщина дочь Елена Михайловна 2 лѣтъ“. Дойдя до города Осы, она 11 іюля объявила полиціи о найденной дѣвочкѣ и получила на нее удостовѣреніе. Оттуда Логинова уѣхала въ городъ Пермь и хотѣла помѣстить тамъ дѣвочку въ какой-нибудь пріютъ, но дѣвочку у ней не взяли, и она, раздумавъ идти съ нею по незнакомой дорогѣ въ Верхотурье, рѣшила вернуться назадъ въ Цивильскъ. Въ тотъ же день она сѣла на пароходъ, но пріѣхавъ въ Казань, она рассчитала, что явиться ей съ дѣвочкой въ городъ Цивильскъ неудобно, да и прожить тамъ съ нею будетъ трудно, и потому, не останавливаясь въ Казани, она прямо проѣхала въ Нижній Новгородъ. Отсюда она пошла сначала въ Полетаевскій женскій монастырь, расположенный верстахъ въ 30 отъ Дивѣвскаго монастыря, а затѣмъ отправилась въ этотъ послѣдній. Во всѣхъ монастыряхъ, куда

она заходила, ей отказывали въ просьбѣ взять дѣвочку въ пріютъ. Въ Дивѣевскомъ монастырѣ къ ней въ номеръ монастырской гостиницы пришла какая-то Муромская мѣщанка и распрашивала ее про дѣвочку, и Логинова рассказала ей, какъ она нашла дѣвочку, показала удостовѣреніе, выданное ей полиціей, и объяснила, кто она такая и какъ ее зовутъ. Потомъ она встрѣтилась съ той же женщиной изъ города Муромъ въ Саровской пустыни; здѣсь она носила дѣвочку къ фельдшеру, чтобы онъ далъ ей лекарства отъ болѣзни ногъ. Изъ Саровской пустыни она задумала прорваться въ Ново-Афонскій монастырь, находящійся недалеко отъ города Сухума, куда черезъ города Тамбовъ, Воронежъ, Ростовъ на Дону, Таганрогъ и Керчь она и пріѣхала въ началѣ октября 1897 г., гдѣ и была задержана. Передопрошенная 15 января Логинова заявила, что дѣвочка, съ которой она была задержана, ея незаконнорожденная дочь; родила она эту дѣвочку во время своихъ странствованій и, чтобы скрыть рожденіе дѣвочки, она отдала ее на воспитаніе, а затѣмъ въ первыхъ числахъ іюля по дорогѣ изъ города Казани взяла дѣвочку къ себѣ и, приѣдя въ городъ Осу, объявила, что она нашла ее въ лѣсу. Указать тѣхъ лицъ, у которыхъ находилась дѣвочка на воспитаніи, Логинова отказалась, ссылаясь на данную имъ клятву; вообще болѣе подробныхъ свѣдѣній для установленія дѣйствительнаго происхожденія дѣвочки Логинова сообщить не пожелала, заявивъ, что она знаетъ, гдѣ рождена и крещена ея дочь, и выправить на нее метрику, когда получить къ тому возможность.

Изъ свѣдѣній, доставленныхъ Цивильской полиціей, видно, что Елена Петрова Логинова происходитъ изъ крестьянъ, лѣтъ двѣнадцать она странствуетъ по разнымъ мѣстамъ, заходя въ Цивильскъ или по пути, или для полученія вида; въ послѣдній разъ она выбыла изъ Цивильска 1 или 2 іюля.

При предъявленіи Логиновой 16 декабря Самарина сначала сказала, что въ ней она не признаетъ той странницы, которая съ 4 на 5 іюля ѣхала изъ города Муромъ до пристани „Ватажка“ на одномъ съ нею пароходѣ и которая ласкала ея дочь Серафиму, но послѣ прочтенія составленнаго уже по этому предмету протокола Самарина заявила, что чѣмъ больше она всматривается въ Логинову и говоритъ съ нею, тѣмъ болѣе ей кажется, что Логинова валоминаетъ женщину, встрѣченную на пароходѣ (по объясненіямъ же Логиновой можно заключить, что въ это время она была на Камѣ по пути изъ Казани на пристань Березовку). При

предъявленіи дѣвочки, бывшей при Логиновой, Самарину, послѣдній не нашелъ въ ней никакого сходства съ своей дочерью Серафимой. Дѣвочка, бывшая при Логиновой, была первоначально освидѣтельствована врачомъ въ городѣ Сухумѣ, при чемъ оказалось, что верхнія и нижнія конечности ея мало развиты, на голеняхъ же замѣтно небольшое искривленіе костей, и что самостоятельно ходить она не можетъ. При освидѣтельствovanіи этой дѣвочки въ городѣ Вольскѣ врачи нашли, что ей около двухъ съ половиною лѣтъ и что найденныя измѣненія въ скелетѣ вообще, а въ частности въ нижнихъ конечностяхъ не есть результатъ искусственнаго поврежденія и объясняются болѣзнью рахитомъ.

Допрошенная 26 октября, Вѣра Тимофеева Суздальцева, передавъ всѣ обстоятельства встрѣчъ своихъ съ Логиновой въ Дивѣвскомъ монастырѣ и Саровской пустыни въ общемъ согласно съ объясненіями Самариной, показала, что она нашла необходимымъ записать имя, отчество и фамилію Логиновой, такъ какъ думала, не находится ли у нея пропавшая дѣвочка Самариныхъ, объ исчезновеніи которой она слышала еще у себя въ городѣ Муромѣ. Дѣвочка, бывшая у Логиновой, по словамъ Суздальцевой, выглядѣла болѣзненной, ничего не говорила, а только плакала; при предъявленіи карточки дочери Самариныхъ Серафимы Суздальцева заявила, что дѣвочка Логиновой какъ будто была меньше дочери Самариныхъ.

Между прочимъ въ своемъ показаніи Самарина упоминаетъ, что у странницы, ѣхавшей съ нею на пароходѣ изъ Мурома до Ватажки, былъ бѣлый холщевый мѣшокъ повидимому съ провизіей, а изъ осмотра вещей, бывшихъ при Логиновой при ея задержаніи въ Сухумѣ, оказалось, что у нея имѣется кожаная сумка съ ремнями для ношенія на спиць, точно также и описаніе одежды неизвѣстной странницы, сдѣланное Самариной, не соотвѣтствуетъ одеждѣ, принадлежащей Логиновой.

Никакихъ указаній далѣе на знакомство Кузиной съ Логиновой, а равно и на пребываніе Логиновой въ теченіе лѣта и осени 1897 г. въ предѣлахъ Саратовской или Самарской губерній въ слѣдственномъ производствѣ не имѣется.

Засимъ слѣдствіемъ вообще было вполне установлено тождество дѣвочки, найденной при Логиновой въ Сухумѣ, съ тою, которая была съ нею въ августѣ 1897 г. въ Дивѣвскомъ монастырѣ и Саровской пустыни и доказана невозможность повидимому пребыванія ея, Логиновой, 4—5 іюля того же года на пароходѣ между

Муромомъ и пристанью „Ватажка“ и затѣмъ въ Елатомскомъ лѣсничествѣ, а тѣмъ болѣе появленіе ея послѣ сего въ Вольскѣ, ибо 1—3 іюля ея еще видѣли въ окрестностяхъ Цивильска, а 9 іюля она уже несомнѣнно находилась въ городѣ Осѣ.

Во время производства слѣдствія по настоящему дѣлу Анна Самарина указала на кухарку лѣсничаго Тышко, крестьянку села Старога Кадома, Темниковскаго уѣзда, Александру Семенову Нестерову, какъ на вѣроятную участницу въ похищеніи дѣвочки Серафимы. Изъ показанія Самариной, мужа ея, а также другихъ лицъ выяснилось, что Самаринъ еще ранѣе служилъ у лѣсничаго Тышко писмоводителемъ. Тышко, человекъ холостой, находился въ любовной связи съ упомянутой Нестеровой и прижилъ съ нею ребенка, но вмѣстѣ съ тѣмъ Тышко, по словамъ Анны Самариной, любилъ бывать въ ея обществѣ и часто бесѣдовалъ съ нею. Это повидимому вызывало у Нестеровой чувство ревности; кромѣ того Нестерова, пользуясь своимъ привилегированнымъ положеніемъ, любила проявлять свою власть и требовала отъ всѣхъ служащихъ въ лѣсничествѣ особаго къ себѣ почтенія; поэтому расположеніе Тышко къ Самаринымъ крайне не нравилось Нестеровой. Намѣреніемъ Нестеровой удалить Самариныхъ изъ лѣсничества способствовалъ и самъ Самаринъ, позволившій себѣ въ нетрезвомъ видѣ оскорбить Тышко (по словамъ многихъ свидѣтелей, Алексѣй Самаринъ обладалъ большою склонностью къ спиртнымъ напиткамъ). Послѣ того Самарины должны были покинуть лѣсничество и уѣхать съ родившеюся у нихъ въ то время дочерью Серафимой въ городъ Муромъ. По прошествіи двухъ лѣтъ Самарину вновь удалось поступить къ тому же Тышко, и тутъ, когда они переѣхали къ нему въ лѣсничество, у нихъ и пропала дочь. Анна Самарина на слѣдствіи между прочимъ заявила, что Нестерова могла похитить ребенка и передать его хотя-бы той же Логиновой изъ чувства мести къ нимъ, Самаринымъ, а также желая этимъ путемъ выжить ихъ изъ лѣсничества. Мужъ ея былъ вторично уволенъ со службы въ половинѣ сентября, при чемъ, по словамъ Самариной, Тышко отказался объяснить истинную причину удаленія Самарина, сказавъ, чтобы они его объ этомъ не спрашивали. Изъ показанія же Тышко видно, что Самарина онъ долженъ былъ уволить со службы оба раза вслѣдствіе его пьянства. По характеристикѣ Самариныхъ, сдѣланной Тышко, Алексѣй Самаринъ представляется безхарактернымъ человекомъ и притомъ форменнымъ алкоголикомъ, а жена его женщиной несерьезной, любящей поѣсть и попить, плохой

хозяйкой и мало обращающей вниманія на дѣтей и мужа; по мнѣнію Тышко, Алексѣй Самаринъ относился болѣе ласково къ своимъ дѣтямъ.

Возможность похищенія дочери Самариныхъ при участіи вышеупомянутой Нестеровой облегчалась тѣмъ, что въ усадьбѣ лѣсничаго во время исчезновенія дѣвочки находились кромѣ Самариныхъ и Тышко только Нестерова и братъ ея Степанъ, служившій у Тышко кучеромъ, а вѣроятность такого предположенія Самарина подкрѣпляетъ тѣмъ, что 29 іюня 1897 г. Нестерова была у нихъ въ Муромѣ и, передавъ поклонъ отъ мужа, переѣхавшаго уже въ лѣсничество, просила сказать, когда она собирается пріѣхать къ нему. Самарина сказала тогда Нестеровой, что она выѣдетъ изъ Муромы вечеромъ 4 и 5 утромъ будетъ на пристани Ватажкѣ. Въ это единственное свое посѣщеніе Муромы Нестерова купила брату своему Степану кучерскую поддевку. Далѣе по словамъ Самаринной Нестерова была дружна съ семействомъ лѣсника Калинина, происходящаго изъ одного съ Нестеровой села, и въ день исчезновенія дочери она нигдѣ не видѣла жены Калинина. Кромѣ того дочь ея въ этотъ день ходила со Степаномъ Нестеровымъ къ пруду; когда же мужъ ея пошелъ въ чуланъ, чтобы отдохнуть, Серафима пошла съ нимъ, а она Самарина стала ставить самоваръ. Въ это время Александра Нестерова, окончивъ мытье половъ въ домѣ лѣсничаго, пришла въ кухню и между прочимъ спросила, гдѣ Серафима, а она, Самарина, отвѣтила, что дѣвочка въ чуланѣ съ отцомъ. Послѣ этого Нестерова ушла, сказавъ, что она сходитъ въ домъ и затѣмъ придетъ пить чай. Послѣ ея ухода Самарина, по ея словамъ, позвала мужа, и тутъ оказалось, что дѣвочки съ нимъ нѣтъ; по объясненію же Алексѣя Самарина, дочь его была съ нимъ въ чуланѣ всего минутъ пять и затѣмъ куда-то ушла.

Степанъ Нестеровъ, съ своей стороны, показалъ, что когда 5 іюля онъ пошелъ купаться въ прудъ, дочь Самариныхъ побѣжала за нимъ, но дошла только до калитки, ведущей къ пруду; отъ калитки онъ ее послалъ домой къ матери и, выходя, захлопнулъ калитку, которая и заперлась деревянною задвижкой, устроенной въ верхней части калитки; послѣ того онъ выкупался въ пруду вмѣстѣ съ пожарнымъ объѣзчикомъ Прѣсняковымъ—послѣдній подтвердилъ это,—а вернувшись въ усадьбу, узналъ объ исчезновеніи дѣвочки.

Изъ показаній Нестеровой видно, что послѣ обѣда, когда она

мыла сѣни въ домѣ лѣчничаго, дѣвочка Самариныхъ играла около крыльца сѣней; когда же Нестерова стала мыть ступени у входа въ сѣни, то замѣтила, что дѣвочки на томъ мѣстѣ, гдѣ она играла, уже нѣтъ; не оказалось также и цвѣтовъ и моркови, бывшихъ у дѣвочки; поэтому, придя въ кухню къ Аннѣ Самариной, она спросила ее, гдѣ ея дочь; Самарина же отвѣтила, что дѣвочка спитъ съ отцомъ въ чуланѣ.

Въ слѣдственномъ производствѣ имѣются указанія еще на нѣсколько дѣвочекъ, относительно которыхъ были высказаны предположенія въ тождествѣ съ пропавшею дочерью Самариныхъ, но подозрѣнія эти оказались явно неосновательными.

Изложенное дѣло опредѣленіемъ Саратовскаго окружнаго суда, состоявшимся 15 января 1899 г., производствомъ прекращено по совершенной недостаточности уликъ противъ обвинявшихся крестьянокъ Елены Логиновой и Ирины Кузиной, при чемъ постановлено: дѣвочку, отобранную у крестьянъ Рысовыхъ, возвратитъ ея матери, крестьянкѣ Иринѣ Кузиной.

## VIII.

### ИЗЪ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ЮРИДИЧЕСКИХЪ ОБЩЕСТВЪ.

#### С.-Петербургское Юридическое Общество.

Засѣданіе уголовного отдѣленія Юридическаго Общества состоялось 6 февраля. Открывая засѣданіе, предсѣдатель И. Я. Фойницкій обратился къ присутствующимъ съ предложеніемъ почтить вставаніемъ память Феликса Фора, много содѣйствовавшаго успѣшности международнаго пенитенціарнаго конгресса въ Парижѣ. Затѣмъ А. А. Левенстимъ сдѣлалъ докладъ: „О конокрадствѣ съ бытовой и юридической сторонъ“. Изученіе вопроса о конокрадствѣ, причинахъ его существованія довольно трудно, въ виду недостаточности соотвѣтствующаго матеріала, въ особенности статистическихъ данныхъ. Однако, можно опредѣлить количество коневыхъ кражъ въ 10 проц. общаго количества кражъ вообще. Наибольшій процентъ осужденныхъ за кражу лошади падаетъ на сѣверо-восточныя губерніи и область войска донскаго, достигая въ годъ 160, затѣмъ идутъ юго-восточныя губерніи—122, южныя—70. Minimum осужденныхъ даетъ губернія Архангельская.

Распределение числа краж по уездам одной и той же губернии и даже по волостям одного уезда крайне неравномерно и зависит от местных условий, изучение которых представляет настоятельную необходимость, являясь единственной верной основой для мер борьбы с конокрадством. Общие причины конокрадства кроются в самих условиях нашей жизни, сюда относятся: 1) легкость совершения кражи—лошади пасутся почти без присмотра; 2) легкость сбыта—украденная лошадь дает вору способ быстрого передвижения; 3) безнаказанность—отсутствие органов преследования, инертность общей и малочисленность сельской полиции; 4) выгодность кражи—на что указывают сделки самих крестьян с конокрадами. Интересно при этом отметить зависимость количества краж от урожая, лошади лучше откормлены и кражи выгоднее; 5) этнографические причины—существование целых племен, с крайне легким взглядом на сущность коневой кражи, или же ставящей ее чуть ли не исключительным средством существования. Таковы, напр., некоторые восточные инородцы, кавказцы, цыгане. Успешности краж способствует отличная организация конокрадов: у них существуют обменные пункты и даже целые тракты, дающие возможность в 2—3 дня увести лошадь за две губернии, система краж развита прямо артистически. Ловятся обыкновенно лишь одни опытные. Кражам содействуют бродяги-нищие, коробейники, извозчики, в некоторых местностях табунщики, наконец сами крестьяне, не желающие бороться с ворами, придерживающиеся правила: „вор сильнее судьи“ и ограничивающиеся лишь отдельными правовыми расправами над пойманными с поличным. Настоящие меры борьбы с конокрадством далеко неудовлетворительны; так ссылка по суду в административном порядке совершенно не достигает своей цели. Борьба с конокрадством, по мнению докладчика, должна вестись: а) главным образом путем принятия целого ряда мер к предупреждению самого преступления и б) путем улучшения розыска и следствия по делам сего рода. Для вполне успешного подавления конокрадства необходимо прежде всего всестороннее изучение в отдельных местностях причин его развития и форм его проявления. Усиление наказаний за конокрадство посредством замены тюрьмы и арестантских отделений ссылкой в Сибирь на поселение необходимо признать безусловно нежелательным (С.-Петербургскія Вѣдомости).

## Московское Юридическое Общество.

8 февраля, происходило засѣданіе Юридическаго Общества, въ которомъ дѣйствительнымъ членомъ Общества П. И. Астровымъ былъ сдѣланъ докладъ: „Къ вопросу о регламентаціи дѣтскаго труда въ области акробатства“. Основываясь на обширномъ фактическомъ матеріалѣ, докладчикъ констатировалъ однообразный, международный характеръ эксплуатаціи дѣтскаго труда въ области увеселеній и, какъ хроническія ея послѣдствія, отмѣтилъ одностороннее физическое развитіе эксплуатируемыхъ, достигаемое путемъ долгой и жестокой выучки и сопровождающееся паденіемъ нравственныхъ чувствъ и положительныхъ свойствъ характера. Принимая во вниманіе общія условія, бросающія въ эту профессію лицъ малолѣтнихъ помимо ихъ собственной воли, необходимо придти имъ на помощь путемъ законодательной регламентаціи, тѣмъ болѣе, что здѣсь примѣнимы относительно простыя средства борьбы. Указавъ на соответствующія попытки англійскаго, итальянскаго и французскаго законодательства, докладчикъ отмѣтилъ полное отсутствіе ихъ въ проектѣ новаго русскаго уголовного уложенія и формулировалъ свои заключенія въ слѣдующихъ положеніяхъ. Желательна законодательная регламентація труда несовершеннолѣтнихъ исполнителей въ увеселительныхъ заведеніяхъ. Эта регламентація должна быть построена на началахъ полного устраненія малолѣтнихъ съ театралныхъ подмостковъ въ тѣхъ случаяхъ, когда участіе сопряжено для нихъ съ явнымъ физическимъ или моральнымъ вредомъ. Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ трудъ несовершеннолѣтнихъ подлежитъ законодательнымъ ограниченіямъ какъ по возрасту участвующихъ, такъ и по характеру заведеній, гдѣ они могутъ выступать. Возрастъ, до котораго простирается запрещеніе или ограниченіе, долженъ быть достаточно высокъ, чтобы экономически невыгодна была и самая подготовка дѣтей. На случай нарушенія законодательной нормы отвѣтственность лицъ, имѣющихъ попеченіе и эксплуатирующихъ дѣтскій трудъ, должна быть достаточно интензивна, чтобы невыгодно было нарушеніе ея. Желательна единообразная регламентація дѣтскаго труда въ этой области во всѣхъ государствахъ. Рефератъ вызвалъ оживленныя пренія, освѣтившія поставленный вопросъ съ нѣкоторыхъ новыхъ сторонъ. Въ преніяхъ приняли участіе И. Т. Тарасовъ, С. А. Муромцевъ, В. В. Пржевальскій, гр. Л. А. Камаровскій, А. Э. Вормсъ. По предло-

женію предсѣдателя Общества, въ виду практической важности затронутого вопроса, обсуждалась и была единогласно принята слѣдующая резолюція. Необходимо, чтобы законодательство, путемъ поощренія развитія Обществъ покровительства и защиты малолѣтнихъ и соответствующей регламентаціи какъ родительской и опекунской власти, такъ и различныхъ видовъ труда несовершеннолѣтнихъ, содѣйствовало въ частности ограниченію, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и полному воспрещенію эксплуатаціи малолѣтнихъ въ различныхъ зрѣлищахъ и представленіяхъ. Во всякомъ случаѣ желательно полное устраненіе изъ публичныхъ зрѣлищъ участія несовершеннолѣтнихъ въ тѣхъ случаяхъ, когда оно сопряжено для нихъ съ явнымъ физическимъ или моральнымъ вредомъ. (*Русскія Вѣдомости*).

---

1-го марта, происходило годовое засѣданіе Юридическаго Общества и состоящаго при немъ статистическаго отдѣленія. Изъ прочитаннаго секретаремъ Общества отчета видно, что Общество состоитъ изъ 26 почетныхъ членовъ, 314 дѣйствительныхъ и 36 членовъ-корреспондентовъ и имѣло въ отчетномъ году 10 засѣданій, на которыхъ было прочитано 9 докладовъ. Состоящая при Обществѣ историко-юридическая коммисія имѣла пять засѣданій съ пятью докладами. Въ отчетномъ году Общество понесло утраты въ лицѣ скончавшихся—почетнаго члена А. С. Павлова и дѣйствительныхъ членовъ М. А. Саблина, В. І. Круковского, С. О. Островскаго, Н. Е. Кушенскаго и М. Я. Шиллинга. По прочтеніи отчета по предложенію проф. А. И. Чупрова были избраны въ почетные члены Общества проф. берлинскаго университета Августъ Мейтценъ и завѣдующій статистическимъ бюро тамбовскаго губернскаго земства Н. Н. Романовъ. Затѣмъ были произведены выборы должностныхъ лицъ Общества. Предсѣдателемъ Общества избранъ С. А. Муромцевъ, товарищами предсѣдателя—графъ Л. А. Камаровскій и Г. Л. Вербловскій, секретаремъ—В. В. Пржевальскій, товарищами секретаря—В. В. Рождественскій и И. И. Чистяковъ, казначеемъ—В. В. Сиротининъ и бібліотекаремъ—А. Э. Вормсъ. Предсѣдателемъ статистическаго отдѣленія избранъ А. И. Чупровъ, товарищемъ предсѣдателя—К. А. Вернеръ, секретаремъ—В. Э. Денъ и товарищемъ секретаря—С. Ф. Рудневъ. (*Русскія Вѣдомости*).

---

## Кіевское Юридическое Общество.

Въ состоявшемся 22 февраля засѣданіи Кіевского Юридическаго Общества, М. И. Ясинскимъ былъ прочитанъ докладъ: „Объ уложеніи царя Алексѣя Михайловича“. 29 января текущаго года исполнилось 250 лѣтъ со дня подписанія этого законодательнаго памятника, а 20 мая с. г. исполвится 250 лѣтъ со времени его изданія. Въ своемъ докладѣ проф. Ясинскій, изложивъ исторію составленія уложенія, его систему, въ заключеніе возражалъ противъ существующаго въ литературѣ мнѣнія о томъ, что уложеніе есть результатъ заимствованій изъ литовскаго статута и юстиніанова кодекса.

Далѣе профессоромъ Н. А. Оболенскимъ былъ прочитанъ докладъ: „О расторженіи брака съ психически-больными“. Вопросъ о расторженіи брака съ психически-больными былъ поднятъ на IV пироговскомъ съѣздѣ врачей въ Кіевѣ, д-ромъ Штейнбергомъ, который внесъ предложеніе о необходимости включить душевную болѣзнь въ число законныхъ причинъ расторженія брака. Докладъ д-ра Штейнберга былъ препровожденъ правленіемъ общества русскихъ врачей въ память Н. И. Пирогова на разсмотрѣніе медицинскихъ и юридическихъ обществъ. Проф. Оболенскій задался цѣлью подвергнуть критикѣ положенія д-ра Штейнберга. Въ своемъ докладѣ проф. Оболенскій коснулся исторіи брака, вообще возрѣній на сущность этого института у различныхъ народовъ. Въ дохристіанскій періодъ придерживались грубыхъ, матеріалистическихъ возрѣній на бракъ. Прочность брачнаго союза находилась въ зависимости отъ степени полезности этого союза для государства, отъ взгляда на женщину, власть родителей и т. п. Идеальное возрѣніе на бракъ, какъ на духовный союзъ, явилось уже въ эпоху христіанства, возложившаго на вступающихъ въ бракъ обязанность всю жизнь проводить неразрывно съ цѣлью рожденія и воспитанія дѣтей, а также взаимопомощи не только нравственной, но и житейской. Законодательства какъ дохристіанской эпохи, такъ и эпохи христіанской, установили и законныя нормы для заключенія брачнаго союза и его расторженія. По мнѣнію докладчика, супружескаго союза при психической болѣзни одного изъ супруговъ въ дѣйствительности не существуетъ, такъ какъ при такомъ союзѣ не можетъ быть выполнена идея брачная, положенная христіанскою церковью и гражданскимъ долгомъ. Такой бракъ есть фикція, не осуществляющая словъ Еван-

гелія „будуть два одною плотію“. Если наше законодательство — говорить докладчик — разрѣшаетъ разводъ отправляющимся въ ссылку, то тѣмъ болѣе, конечно, желательно разрѣшеніе развода при психической болѣзни одного изъ супруговъ. При такихъ бракахъ страдаетъ не только здоровый супругъ, но и дѣти, которыя не могутъ получить должнаго воспитанія, лишаясь нравственной поддержки отца или матери и, кромѣ того, подвергаясь опасности унаслѣдовать отъ родителей психопатическую конституцію. Проф. Оболенскій предлагаетъ слѣдующую форму для расторженія браковъ по психическому разстройству: бракъ расторгается, по просьбѣ одного изъ супруговъ, если доказана наличность у другой стороны неизлѣчимаго душевнаго разстройства, тяжелой формы эпилепсіи или врожденнаго полового извращенія. При расторженіи брака по психическому разстройству одного изъ супруговъ сторона, требующая развода, должна пожизненно обезпечить другую. При половомъ извращеніи этого не требуется. Дѣла по расторженію такихъ браковъ начинаются въ судѣ гражданскомъ, приговоръ котораго для окончательнаго рѣшенія сообщается суду духовному.

Докладъ проф. Оболенскаго вызвалъ оживленный обмѣнъ мыслей между членами Юридическаго Общества. Изъ преній выяснилось, что большинство членовъ въ принципѣ было согласно съ проф. Оболенскимъ. Высказаны были лишь нѣкоторыя замѣчанія относительно формулировки проф. Оболенскаго. Противъ признанія психическаго разстройства поводомъ къ разводу категорически высказались проф. В. Е. Демченко и А. М. Гуляевъ. (*Жизнь и Искусство*).

### Казанское Юридическое Общество.

13 февраля, послѣ двухгодичнаго затишья, Казанское Юридическое Общество проявило свою дѣятельность. Предсѣдатель Общества В. Р. Завадскій въ своей рѣчи, обращенной къ немногимъ (12) собравшимся членамъ, заявилъ, что на немъ лежитъ вина въ бездѣятельности Общества: предсѣдателемъ долженъ быть теоретикъ, а не практикъ, какимъ является онъ; Общество состоитъ при университетѣ, его цѣль — разработка теоретическихъ вопросовъ; поэтому г. Завадскій просилъ гг. членовъ избрать новаго предсѣдателя, его же уволить отъ исполненія этихъ обязанностей, такъ какъ ему, человѣку, обремененному работой въ качествѣ судебнаго дѣятеля, буквально не подъ силу призывать къ жизни

Общество. Изъ отчета за 1897 и 1898 годы видно, что всѣхъ членовъ Общества всего 42—это въ университетскомъ городѣ, гдѣ въ то же время сосредоточенъ и судебный округъ! Денежныя средства Общества составляютъ 400 съ небольшимъ рублей.

Въ засѣданіи 13 февраля были произведены выборы новаго предсѣдателя, товарища его и секретаря. Большинствомъ голосовъ избранъ въ предсѣдатели проф. Г. Ф. Шершеневичъ, въ товарищи его—В. В. Сергіевскій (членъ суд. палаты) и въ секретари—г. Елистратовъ.

Засимъ студентъ Казанскаго университета г. Миролюбовъ прочелъ рефератъ „Тѣлесное наказаніе, присуждаемое волостнымъ судомъ по положенію 12 іюня 1889 г.“. Референтъ указалъ, что тѣлесное наказаніе противно народному духу, что его слѣдуетъ уничтожить, какъ такое наказаніе, которое не исправляетъ человѣка, а лишь только раздражаетъ его; слѣдствіемъ такого раздраженія является грубость, пьянство, мотовство и т. д., которое опять-таки вызываетъ примѣненіе тѣлеснаго наказанія. Между тѣмъ, въ городѣ можно безпрепятственно пьянствовать и расточать свое имущество и т. п. Волостные суды назначаютъ наказаніе розгами, исполняя букву закона; земскіе же начальники, являющіеся непосредственной властью надъ этими судами, утверждаютъ тѣлесное наказаніе, не разбирая—цѣлесообразно оно или нѣтъ; утвержденіе его зависитъ всецѣло отъ возрѣній земскаго начальника... Такъ, въ одномъ и томъ же уѣздѣ Новгородской губ. одинъ земскій начальникъ (отставной военный) утвердилъ 52 изъ 53 приговоровъ, другой изъ 12 только три и т. д.

Нѣсколько замѣчаній референту сдѣлали члены Общества гг. Галкинъ-Враской, Рейнгардтъ, Сергіевскій и Шершеневичъ. Первые три оппонента высказались за необходимость тѣлеснаго наказанія, а г. Шершеневичъ былъ на сторонѣ референта. В. Р. Завадскій сравнилъ наказаніе розгами, практикующееся теперь по приговору волостныхъ судовъ, съ поркою дѣтей, учившихся въ гимназіяхъ до закона объ отмѣнѣ этого наказанія въ учебныхъ заведеніяхъ. Онъ указалъ на то, что ему памятно, какъ дѣти въ его время ожесточались, благодаря поркѣ, и что въ настоящее время, благодаря отсутствію уже этого наказанія, сердце дѣтей мягче, ихъ порывы благороднѣе и т. д. Поэтому онъ надѣется, что эта мѣра, оставшаяся въ рукахъ волостнаго суда, отживаетъ свой вѣкъ и, вѣроятно, скоро будетъ совершенно вычеркнута изъ списка наказаній, существующихъ въ Россіи. (*Право*).

### Кавказское Юридическое Общество.

30-го января въ зданіи судебныхъ учреждений состоялось за-сѣданіе мѣстнаго Юридическаго Общества, подъ предсѣдательствомъ Н. П. Смиттена. По избраніи 6 новыхъ членовъ Общества, общимъ собраніемъ, по заявленію бібліотекаря, ассигновано 200 руб. на бібліотеку Общества, послѣ чего состоялись выборы должностныхъ лицъ Общества. Избранными оказались: предсѣдателемъ—*Ө. А. Быковъ*, товарищами его—*Н. П. Смиттенъ* и *Л. І. Шевалье*, казначеемъ общества—*И. К. Савицкій*, бібліотекаремъ—*А. И. Митькевичъ*, секретарями—*А. С. Френкель* и *М. О. Грузенбергъ*. Въ заключеніе г. Френкель читалъ свой рефератъ: *Грузинскіе законы по сборнику царя Вахтанга VI противъ разбоевъ и грабежей*, Программа сообщенія г. Френкеля слѣдующая:

Система наказаній за преступленія вообще и за разбой и грабежи въ частности по грузинскимъ законамъ; законы Моисеевы, греческіе и армянскіе о разбояхъ и грабежахъ по „Сборнику“ ц. Вахтанга VI;—законы правителей Саатабаго: *Беки* и *Агбуги* противъ разбоевъ и грабежей;—законы католикосовы о разбояхъ и грабежахъ.—собственные законы ц. Вахтанга VI о разбояхъ и грабежахъ;—воинскіе законы *Ираклія II (Теймуразовича)* о мародерахъ;—отвѣтственность групповая жителей за разбой и грабежи, при нерозысканіи виновныхъ. Отвѣтственность за неподачу помощи противъ разбойникъ въ; побратимства и патронатства для защиты отъ притѣсненій, нападеній и грабежей;—отличительныя особенности грузинскихъ законовъ о разбояхъ и грабежахъ. Постепенное уменьшеніе грубыхъ видовъ преступленій въ грузинскомъ народѣ. (*Кавказъ*).

### Ярославское Юридическое Общество.

30 января происходило очередное засѣданіе Ярославскаго Юридическаго Общества. По разсмотрѣннн текущихъ дѣлъ, общество по предложенію предсѣдателя почтило вставаніемъ память покойнаго *Д. Н. Стефановскаго*, со смертію котораго Общество потеряло одного изъ своихъ учредителей. Затѣмъ перешли къ докладу комисіи по организаціи собранія и разработки юридическихъ обычаевъ крестьянъ Ярославской губерніи. Съ докладомъ комисіи Общество вполне согласилось и рѣшило учредить секцію по разработкѣ и собранію такихъ обычаевъ. Послѣ краткаго перерыва дѣйствительный членъ Общества *С. П. Никоновъ* сдѣлалъ сообщеніе—„Законъ и обычай въ поземельномъ устройствѣ бывшихъ фабричныхъ крестьянъ“. Въ этомъ докладѣ референтъ указалъ на стремленіе заводскихъ крестьянъ устроить свои поземельныя отношенія на общинномъ началѣ. (*Стверный Край*).

## ИТОГИ СУДА ПРИСЯЖНЫХЪ

### ЕЛЕЦКАГО ОКРУГА ЗА ПЯТНАДЦАТЬ ЛѢТЪ

(1878—92 гг.).

(Окончаніе) <sup>1)</sup>.

#### Кража.

(1646—1656 ст. Улож.).

Разрѣшено о кражѣ 1256 дѣлъ, по которымъ состоялось пригово-  
рововъ:

обвинительныхъ . . . . .	909
оправдательныхъ . . . . .	243
смѣшанныхъ . . . . .	104

Приговоры эти состоялись по обвиненію въ кражѣ:

	Обвини- тельные.	Оправда- тельные.	Смѣшан- ные.
А., со взломомъ . . . . .	486	88	87
Б., въ 3-й или 4-й разъ . . . . .	326	66	—
В., свыше 300 рублей . . . . .	58	22	2
Г., слугами у хозяевъ . . . . .	23	19	6
Д., въ пути . . . . .	32	17	8
Е., лицами привилегированныхъ званій . . . . .	17	26	—
Ж., конокрадами въ видѣ промысла . . . . .	9	—	—
З., съ оружіемъ въ рукахъ . . . . .	6	2	—
И., во время пожара . . . . .	2	3	1
	909	243	104

Кражъ совершено было: въ городахъ 470, въ селеніяхъ 729,  
въ пути 57.

<sup>1)</sup> См. Жур. Мин. Юст. 1899 г., Февраль, стр. 244, и 1898 г., Ноябрь, стр. 252.  
Жур. Мин. Юст. Мартъ 1899. 16

Въ числѣ 1864 лицъ, обвинявшихся въ кражѣ, было:

крестьянъ . . . . .	1441
мѣщанъ . . . . .	222
отставныхъ солдатъ . . . . .	58
безсрочно-отпускныхъ и запасныхъ солдатъ . . . . .	57
солдатокъ . . . . .	23
солдатскихъ дѣтей . . . . .	9
вдова причетника . . . . .	1
личныхъ почетныхъ гражданъ . . . . .	3
дѣтей священно-и церковно-служителей . . . . .	22
дворянъ и чиновниковъ . . . . .	28

Въ числѣ тѣхъ же 1864 обвиняемыхъ было: мужчинъ 1744, а женщинъ 120 <sup>1)</sup>).

Изъ числа тѣхъ же 1864 обвиняемыхъ сознались на судѣ въ своей винѣ 790.

Въ числѣ тѣхъ же 1864 обвиняемыхъ были недостижше 21 года:

	Муж- чины.	Жен- щины.
малолѣтніе, отъ 10 до 14 лѣтъ . . . . .	6	1
несовершеннолѣтніе: отъ 14 до 17 лѣтъ . . . . .	38	5
отъ 17 до 21 года . . . . .	268	8
	<u>312</u>	<u>14</u>
	326	

Изъ числа 326 лицъ признаны:

А., невиновными:

отъ 10 до 14 лѣтъ . . . . .	4
отъ 14 до 17 лѣтъ . . . . .	22
отъ 17 до 21 года . . . . .	87

Б., виновными:

а) по дѣйствовавшимъ безъ полнаго разумѣнія . . . . .	14
б) дѣйствовавшими съ разумѣніемъ . . . . .	10 <sup>2)</sup>
в) отъ 17 до 21 года . . . . .	189

<sup>1)</sup> Съ нѣкоторыми изъ этихъ 1864 обвиняемыхъ привлечены были 186 лицъ къ обвиненію въ простой кражѣ, ея укрывательствѣ и покупкѣ завѣдомо краденаго (169, 170<sup>а</sup>, 172 и 180 ст. Уст. о нак., нал. мир. суд.). Этими 186 лицамъ изречены присяжными засѣдателями приговоры:

	Мужчи- намъ.	Женщи- намъ.
обвинительные: а) по 169—172 ст. Устава о нак. . . . .	81	11
б) по 180 ст. того же Устава . . . . .	11	2
оправдательные: а) по 169—172 ст. Устава о нак. . . . .	31	13
б) по 180 ст. того же Устава . . . . .	30	7
	<u>153</u>	<u>33</u>

<sup>2)</sup> Въ этомъ числѣ 1 малолѣтній менѣе 14 лѣтъ.

Такимъ образомъ: 1) преданіе суду дѣтей, недостигшихъ 14 лѣтъ, по обвиненію въ кражѣ привело изъ семи случаевъ къ обвиненію лишь одного малолѣтняго, признаннаго дѣйствовавшимъ съ разумѣніемъ; 2) преданіе суду за то же преступленіе несовершеннолѣтнихъ, отъ 14 до 17 лѣтъ, привело къ оправданію ихъ половиннаго количества, а именно 22 изъ 43; а полное разумѣніе призвано лишь у 9 обвиненныхъ; и 3) обвиненіе лицъ въ возрастѣ отъ 17 до 21 года простиралось на двухъ изъ трехъ лицъ, а именно: обвинено 189, а оправдано 87.

При созваніи на судѣ несовершеннолѣтними своей вины, изречены оправдательные приговоры:

а) по девяти дѣламъ,—восми крестьянамъ и одной крестьянкѣ, отъ 14 до 20 лѣтъ, укравшимъ, со взломомъ, у своихъ односельцевъ деньги и вещи, но возвратившимъ украденное;

б) по пяти дѣламъ,—пяти крестьянамъ, отъ 15 до 19 лѣтъ, укравшимъ, со взломомъ, вещи и деньги въ сообществѣ съ совершеннолѣтними, или по ихъ подстрекательству;

в) по двумъ дѣламъ,—двумъ крестьянамъ,—каждый 19 лѣтъ,—пойманнымъ при покушеніи на кражу, со взломомъ, у ихъ односельцевъ;

г) мѣщанкѣ, 18 лѣтъ, укравшей, со взломомъ, 37 рублей у своей матери, которая наказала ее розгами тотчасъ по обнаруженіи этой кражи;

д) по двумъ дѣламъ,—тремъ крестьянамъ, 14, 16 и 19 лѣтъ, укравшимъ, со взломомъ, у своихъ односельцевъ разныя вещи. Стоимость (6 р.) украденнаго и неразысканнаго уплачена (по одному изъ этихъ дѣлъ) потерпѣвшему отцомъ обвиняемаго;

е) крестьянину, 19 лѣтъ, укравшему запертую шкатулку съ деньгами, изъ которыхъ воспользовался лишь 22 копѣйками.

#### А. Кража со взломомъ.

(1647 и 1648 ст. Улож.).

Разрѣшено 611 <sup>1)</sup> дѣлъ, по которымъ состоялось приговоровъ:

обвинительныхъ . . . . .	436
оправдательныхъ . . . . .	88
смѣшанныхъ . . . . .	87

<sup>1)</sup> Изъ нихъ: а) по 1647 статьѣ—558 и б) по 1648 статьѣ,—до изданія закона 18 мая 1882 года,—53.

Привлечено было къ обвиненію 1044 подсудимыхъ, изъ нихъ: мужчинъ 997, а женщинъ 47. Въ числѣ этихъ 1044 подсудимыхъ было несовершеннолѣтнихъ (отъ 17 до 21 года)—159.

Изъ 1044 подсудимыхъ:

	Обвинено.		Оправдано.	
	Муж- чинъ.	Жен- щинъ.	Муж- чинъ.	Жен- щинъ.
крестьянъ . . . . .	670	19	185	17
мѣщанъ . . . . .	67	6	12	1
отставныхъ солдатъ . . . . .	13	—	7	—
безсрочно-отпускныхъ и запасныхъ солдатъ	30	—	3	—
солдатскихъ дѣтей . . . . .	5	—	—	—
солдатокъ . . . . .	—	3	—	1
дѣтей священнослужителей . . . . .	3	—	—	—
отставныхъ чиновниковъ . . . . .	2	—	—	—
Итого	790	28	207	19

Кражъ, со взломомъ, совершено было: въ городахъ 95, а въ селеніяхъ 516.

Изъ 611 дѣлъ по 54 дѣламъ присяжные засѣдатели, обвинивъ, отвергли взломъ, а также открытіе замковъ подобранными ключами.

При сознаніи своей вины оправданы за кражу со взломомъ 24 лица:

а) по десяти дѣламъ,—11 крестьянъ, укравшихъ у своихъ односельцевъ разныя вещи, которыя были подсудимыми возвращены сполна, или съ уплатою стоимости похищеннаго;

б) по двумъ дѣламъ,—2 крестьянина, укравшіе малоцѣнные вещи у своихъ односельцевъ;

в) по двумъ дѣламъ,—2 крестьянки, укрывавшія вещи, тайно похищенные ихъ мужемъ и отцомъ;

г) по одному дѣлу,—крестьянинъ, укравшій у своего вотчима. На судебномъ слѣдствіи потергѣвшій просилъ судъ прекратить это дѣло, возбужденное имъ „сгоряча“;

д) по одному дѣлу,—крестьянинъ, укравшій мелкія вещи у сосѣда подъ гнетомъ голода двухъ малолѣтнихъ своихъ дѣтей;

е) по одному дѣлу,—проститутка (въ городѣ), укравшая вещи на 4 рубля у своего квартиранта еврея, задолжавшаго ей за квартиру;

ж) по одному дѣлу,—крестьянинъ, укравшій вещи у приближенной ему женщины, которой до кражи постоянно дѣлалъ подарки. За эту кражу онъ содержался до суда въ тюрьмѣ 5 мѣсяцевъ;

з) по двумъ дѣламъ,—два крестьянина, застигнутые на мѣстѣ при покушеніи на кражу;

и) по одному дѣлу,—слабоумный („дурковатый“) крестьянинъ, 23 лѣтъ, укравшій у своего односельца вещи и въ числѣ ихъ шапку, которую не затруднился носить на глазахъ потерпѣвшаго; будучи обличенъ въ этой кражѣ, подсудимый сознался и, кстати, рассказалъ о другой кражѣ на 2 рубля, учиненной имъ также со взломомъ у другаго односельца;

і) по двумъ дѣламъ,—оправданы мѣщанинъ и крестьянинъ, сознавшіеся по первому падшему на нихъ подозрѣнію и оговорившіе своихъ соучастниковъ; оговоръ этотъ подтвердился, и эти соучастники обвинены.

Никто изъ 24 лицъ, оправданныхъ при сознаніи своей вины, не былъ ранѣе того привлекаемъ ни къ какому обвиненію.

### Б. Кража въ 3 или 4 разъ.

(1655 ст. Улож.).

Разрѣшено 392 дѣла, по которымъ состоялось приговоромъ:

обвинительныхъ . . . . .	326
оправдательныхъ . . . . .	66

Привлечены были къ обвиненію 407 лицъ, изъ нихъ: мужчинъ 364, а женщинъ 43.

Въ числѣ 407 подсудимыхъ были:

крестьяне . . . . .	260
мѣщане . . . . .	78
отставные солдаты . . . . .	28
безсрочно-отпускные и запасные солдаты . . . . .	21
солдатскія дѣти . . . . .	3
солдатки . . . . .	16
сынъ причетника . . . . .	1

Преступная дѣятельность рецидивистовъ проявлялась главнымъ образомъ въ городахъ, а именно они были привлечены къ обвиненію въ кражѣ въ городахъ по 248, а въ селеніяхъ по 144 дѣламъ.

Хотя обвиненіе рецидивистовъ кражи было усиленное (изъ 6 лицъ обвинены 5) сравнительно съ обвиненными въ кражѣ иныхъ видовъ,—тѣмъ не менѣе присяжные засѣдатели оправдали 34 подсудимыхъ, привлекавшихся за кражу въ 3 или 4 разъ и сознавшихся въ этой вицѣ, а именно:

а) по девяти дѣламъ,—въ виду весьма малой цѣнности украденныхъ вещей;

б) по тринадцати дѣламъ,—въ виду долговременнаго содержанія подсудимыхъ въ тюрьмѣ до судебного засѣданія, при небольшой цѣнности украденнаго (махімум 10 рублей). Срокъ этого лишенія свободы простирался отъ 3 до 6 мѣсяцевъ, а по двумъ дѣламъ (въ 1878 и 1879 годахъ)—до 13 и 17 мѣсяцевъ;

в) по шести дѣламъ,—въ виду старческаго возраста (отъ 66 до 72 лѣтъ) и дряхлости подсудимыхъ, при малой цѣнности украденныхъ ими вещей;

г) по одному дѣлу,—въ виду совершенія кражи въ періодъ болѣзни запоя;

д) по одному дѣлу (о кражѣ карманныхъ часовъ),—въ виду товарищескихъ отношеній потерпѣвшаго и подсудимыхъ и совѣстнаго ихъ плыства, во время котораго эта кража была совершена.

Причины оправданія по остальнымъ четыремъ дѣламъ не выяснены.

#### В. Кража, превышающая 300 руб.

Разрѣшено дѣлъ 82, по которымъ состоялось приговоровъ:

обвинительныхъ . . . . .	58
оправдательныхъ . . . . .	22
смѣшанныхъ . . . . .	2

Привлечены къ обвиненію 145 лицъ, изъ нихъ: мужчинъ 126, а женщинъ—19.

Въ числѣ этихъ 145 лицъ были:

крестьяне . . . . .	100
мѣщане . . . . .	40
дочь и вдова причетника . . . . .	2
солдатки . . . . .	2
оберъ-офицерскій сынъ . . . . .	1

Кражъ совершено: въ городахъ—25, а въ селеніяхъ—57.

Изъ этихъ 82 кражъ совершены слугами—28.

Кражи имѣли предметомъ главнымъ образомъ деньги, а затѣмъ цѣнныхъ лошадей.

Оправдательные приговоры при сознаніи подсудимыми своей вины высказаны:

а) въ 1878 году,—проституткѣ, укравшей въ городѣ Ельцѣ у своего гостя карманные часы, отысканные у нея по обыску; подсудимая содержалась по этому дѣлу въ тюрьмѣ до суда 1 годъ и 5 мѣсяцевъ;

б) въ 1880 году,—мѣщанкѣ, горничной, 18 лѣтъ, укравшей въ городѣ Лебедяни у домашней учительницы, которой прислуживала, 325 рублей; по первому заподозрѣнію подсудимая возвратила эти деньги, кромѣ 45 рублей, издержанныхъ на наряды;

в) въ 1880 году,—крестьянину, булочнику, 18 лѣтъ, укравшему въ городѣ Липецкѣ бумажникъ съ 700 рублями, оброненный хозяиномъ трактира въ то время, когда подсудимый передавалъ ему корзину съ хлѣбами, принесенными изъ булочной; кража эта вскорѣ была обнаружена и подсудимый сполна возвратилъ украденное;

г) въ 1891 году,—мѣщанину, 21 года, укравшему у своего хозяина свыше 300 рублей. Потерпѣвшій, безсемейный старикъ, неустанно въ теченіе 50 лѣтъ трудясь въ городѣ Елецѣ въ своей кузнечной мастерской и живя скупю, приобрѣлъ свыше тридцати тысячъ рублей, которые обращены были въ серіи (билеты государственнаго казначейства). Объемистую сумку съ этимъ капиталомъ онъ ежедневно приносилъ утромъ въ кузницу, а вечеромъ уносилъ ее домой. Подсудимый, его работникъ, укралъ въ кузницѣ изъ этой сумки 42 билета (2100 р.); на судѣ онъ сознался въ кражѣ лишь 6 билетовъ. Наличность у потерпѣвшаго капитала въ 28 т. рублей установлена протоколомъ судебного слѣдователя.

Поощренный оправданіемъ, подсудимый ровно послѣ того черезъ одинъ годъ повторилъ, въ сообществѣ съ нѣсколькими лицами, кражу у того же кузнеца, при чемъ похищены были всѣ 28 тыс. рублей и хотя подсудимые сознались и были обвинены, но отказались объяснить о мѣстѣ храненія этой крупной денежной суммы;

д) въ 1891 году, по Елецкому уѣзду,—крестьянину, 23 лѣтъ, укравшему 345 рублей у своего односельца, но возвратившему эти деньги тотчасъ по обнаруженіи кражи.

#### Г. Кража слугами у хозяевъ.

(1649 ст. Улож.).

Разрѣшено дѣлъ—48, по которымъ состоялось приговоровъ:

обвинительныхъ . . . . .	23
оправдательныхъ . . . . .	19
смѣшанныхъ . . . . .	6

Привлечены были къ обвиненію 57 лицъ, изъ нихъ: мужчинъ 54, а женщинъ 3.

Въ числѣ этихъ 57 лицъ было:

крестьянъ . . . . .	42
мѣщанъ . . . . .	6
отставныхъ солдатъ . . . . .	4
безсрочно-отпускныхъ солдатъ . . . . .	3
жена и дочь солдата . . . . .	2

Въ числѣ тѣхъ же 48 дѣлъ привлечены были по 6 дѣламъ къ обвиненію 20 лицъ за участіе со слугами въ кражѣ у ихъ хозяевъ и за покупку завѣдомо краденнаго (14 и 1647 ст. Улож. наказ., 172 и 180 ст. Уст. наказ.). Изъ этихъ 20 лицъ обвинены 13, а оправданы—7.

Только по четыремъ дѣламъ (изъ 48) предъявлено было обвиненіе въ кражѣ слугами съ наведенными ворами; остальные 44 дѣла заключали обвиненіе въ кражѣ слугами со взломомъ.

Изъ 48 кражъ совершены въ ночное время—9.

Лишь въ 6 случаяхъ кража превышала сто рублей.

Оправданіе при признаніи подсудимыми своей вины высказано:

а) по четыремъ дѣламъ,—крестьянамъ, укравшимъ, со взломомъ замковъ, деньги у своихъ хозяевъ, но сполна возвратившимъ украденное;

б) крестьянину, укравшему, со взломомъ, бутылку спирта на винокуренномъ заводѣ, гдѣ служилъ сторожемъ;

в) крестьянину, укравшему, со взломомъ, мясо и молоко на 3 рубля; украденное отобрано, и хозяинъ-помѣщикъ оставилъ подсудимаго у себя въ услуженіи и послѣ этой кражи;

г) мѣщанину, портному, укравшему, со взломомъ, пальто у своего хозяина; украденное вскорѣ отыскано;

д) двумъ крестьянамъ, работникамъ у богатаго крестьянина, вѣрнѣе сказать, находившимся у него въ кабалѣ, такъ какъ жалованье шло въ уплату процентовъ на занятыя у него деньги,—укравшимъ у него, со взломомъ, зерновой хлѣбъ, съ которымъ были пойманы. Хозяинъ простилъ подсудимымъ эту кражу, взявъ съ нихъ на мировую 15 рублей;

е) крестьянину, укравшему 600 рублей въ помѣщицкѣй конторѣ, гдѣ служилъ по найму; деньги эти сполна имъ возвращены.

## Д. Кража въ пути.

(1651 и 1652 ст. Улож.).

Разрѣшено 57 дѣлъ, по которымъ состоялось приговоровъ:

обвинительныхъ . . . . .	32
оправдательныхъ . . . . .	17
смѣшанныхъ . . . . .	8

Было привлечено къ обвиненію 118 лицъ, изъ нихъ: мужчинъ—115, а женщинъ—3.

Въ числѣ обвиняемыхъ было:

крестьянъ . . . . .	102
мѣщанъ . . . . .	9
отставныхъ солдатъ . . . . .	5
сыновей причетниковъ . . . . .	2

Изъ 57 лишь 4 дѣла имѣли предметомъ кражу изъ повозокъ частныхъ лицъ (1651 ст. Улож.), остальные заключали обвиненіе въ кражѣ: а) по 10 дѣламъ—у пассажировъ въ вагонѣ, или во время остановки на станціи, и б) по 43 дѣламъ,—изъ товарныхъ вагоновъ желѣзной дороги.

Оправданіе при сознаніи обвиняемыми своей вины высказано по тремъ дѣламъ, а именно:

а) въ 1880 году, по Липецкому уѣзду, оправданъ крестьянинъ, сознавшійся въ покушеніи украсть нѣсколько сушеныхъ рыбъ (тарань) изъ товарнаго вагона во время остановки на станціи;

б) въ 1892 году, по Липецкому уѣзду, оправданъ крестьянинъ, сознавшійся въ кражѣ сакъ-войжа изъ вагона у пассажира во время остановки поѣзда на станціи; обвиняемый былъ тогда же на станціи задержанъ съ поличнымъ;

в) въ 1884 году, по Елецкому уѣзду, оправданъ крестьянинъ, сознавшійся въ томъ, что, служа сторожемъ на желѣзной дорогѣ, вскочилъ на перонъ вагона во время хода товарнаго поѣзда и укралъ ящикъ, въ которомъ надѣялся найти табачный товаръ, а въ немъ оказались желѣзнодорожныя хлопушки (петарды).

Едва ли можно признать справедливымъ подобный оправдательный приговоръ желѣзнодорожному сторожу, изощрившемуся вскакивать на проходящій поѣздъ для кражи оттуда вещей.

## Е. Кража лицами привилегированнаго званія.

(1656 ст. Улож.).

Разрѣшено 43 дѣла, по которымъ состоялось приговоровъ:

обвинительныхъ . . . . .	17
оправдательныхъ . . . . .	26

Привлечены были къ обвиненію:

	Муж.	Женщ.
дворяне . . . . .	15	—
оберъ-офицерскія дѣти . . . . .	4	2
отставные чиновники . . . . .	4	—
дѣти священно-служителей . . . . .	4	—
дѣти церковно-служителей . . . . .	9	2
личные почетные граждане . . . . .	8	—
всего: 39	39	4

Кражъ совершено: въ городахъ—21, въ селеніяхъ—22.

Кражи эти имѣли предметомъ, большею частью, вещи незначительной цѣнности и деньги въ количествѣ нѣсколькихъ рублей; лишь по тремъ дѣламъ цѣнность украденнаго превышала 300 рублей; въ числѣ этихъ трехъ дѣлъ было обвиненіе 13-лѣтней сироты, дочери поручика, въ кражѣ 700 рублей у своей хозяйки.

Въ конокрадствѣ лица привилегированныхъ званій привлекались по 6 дѣламъ.

Оправдательные приговоры при сознаніи подсудимыми своей вины высказаны:

1) сыну священника, ремесленнику, укравшему въ два раза въ церкви у богомольцевъ: шапку, платокъ и пальто; на кражи эти вынужденъ былъ безработицею въ слесарномъ мастерствѣ;

2) вышеозначенной 13-лѣтней сиротѣ, дочери поручика. До судебного засѣданія она, какъ бездомная, пребыла въ тюрьмѣ 4 мѣсяца;

3) дворянину, польскому уроженцу,—по ремеслу маляръ,—укравшему, въ пьяномъ видѣ, сапоги и содержавшемуся 6 мѣсяцевъ въ тюрьмѣ до судебного засѣданія;

4) отставному чиновнику, явившемуся въ полицію съ повинною въ кражахъ: а) 17 рублей въ волостномъ правленіи, гдѣ служилъ по найму, и б) мѣднаго крана въ городской банѣ. Кражи эти совершены во время болѣзни запоя;

5) дочери чиновника, укравшей, подъ гнетомъ бѣдности, сакъ-воажъ на городской станціи у пассажира и задержанной на той

же станціи съ поличнымъ. Подсудимая эта пробыла 4 мѣсяца въ тюрьмѣ до судебного засѣданія;

6) сыну причетника, чернорабочему, укравшему карманные часы, которые тотчасъ были у него отысканы полиціею. Подсудимый этотъ пробылъ въ тюрьмѣ 2 мѣсяца до судебного засѣданія;

7) почетному гражданину, укравшему въ городѣ у своего добраго знакомаго старья мѣдныя вещи, цѣною 3 рубля 60 копѣекъ;

8) сыну священника, укравшему валеные сапоги, цѣною 50 коп., отобранные у него въ день кражи;

и 9) сыну чиновника, укравшему во время своего путешествія на богомолье, старое пальто и бѣлье. Пробылъ этотъ обвиняемый въ тюрьмѣ 6 мѣсяцевъ до судебного засѣданія.

### Ж. Конокрадство въ видѣ промысла.

(1654<sup>1</sup> ст. Улож.).

Разрѣшено 9 дѣлъ; приговоры были исключительно обвинительные, но по тремъ дѣламъ присяжные засѣдатели отвергли признать промысла въ отношеніи пяти обвиняемыхъ лицъ (не цыганъ).

Привлечены были къ обвиненію 19 лицъ, — всѣ крестьяне, изъ нихъ 5 цыганъ. Женщины къ обвиненію не были привлекаемы.

Событія конокрадства въ видѣ промысла были исключительно въ селеніяхъ.

### З. Вооруженная кража.

(1653 ст. Улож.).

Разрѣшено 8 дѣлъ, по которымъ состоялось приговоровъ:

обвинительныхъ . . . . .	6
оправдательныхъ . . . . .	2

Привлечено было къ обвиненію:

крестьянъ . . . . .	18
мѣщанъ . . . . .	3

Изъ нихъ } обвинены 16 крестьянъ и 1 мѣщанинъ.  
 } оправданы 2 крестьянина и 2 мѣщанина.

Женщины къ этому обвиненію не привлекались.

По двумъ обвинительнымъ приговорамъ присяжные засѣдатели отвергли вооруженность и предварительный (по одному изъ тѣхъ же двухъ дѣлъ) уговоръ обвиняемыхъ съ сообщниками кражи.

Предметами вооруженія признаны: шкворень, ломъ, пешня и револьверъ.

Событія вооруженной кражи были въ селеніяхъ, за исключе-  
ніемъ одного, происшедшаго въ городѣ.

### И. Кража во время пожара.

(1646 ст. Улож.).

Разрѣшено 6 дѣлъ, по которымъ состоялось приговоровъ:

обвинительныхъ . . . . .	2
оправдательныхъ . . . . .	3
смѣшанный . . . . .	1

Привлечены къ обвиненію:

	Муж.	Женщ.
крестьяне . . . . .	8	1
отставной солдатъ . . . . .	1	—
всего: 9	9	1

Изъ нихъ:

	Муж.	Женщ.
обвинены . . . . .	3	1
оправданы . . . . .	6	—

Между тѣмъ какъ оправданіе послѣдовало по дѣламъ съ кос-  
венными уликами, обвинительные приговоры высказаны были по  
двумъ дѣламъ, несмотря на малоцѣнность похищеннаго во время  
пожара, а именно: а) двухъ женскихъ юбокъ и б) нѣсколько бу-  
тылокъ вина изъ питейнаго дома.

Событія кражи во время пожара были исключительно въ се-  
леніяхъ.

Похищеніе или истребленіе документовъ въ намѣреніи доставить  
себѣ или другому противозаконную выгоду.

(1657 ст. Улож.).

Дѣлъ подобнаго рода разрѣшено—16.

По нимъ состоялось приговоровъ:

обвинительныхъ . . . . .	6
оправдательныхъ . . . . .	11 <sup>2)</sup>

Привлечены были къ обвиненію:

крестьяне . . . . .	11
мѣщане . . . . .	4
отставной солдатъ . . . . .	1

Въ числѣ обвиняемыхъ была 1 женщина.

<sup>2)</sup> По одному дѣлу было два приговора, потому что 1-й кассированъ Прави-  
тельствующимъ Сенатомъ.

Изъ шестнадцати лицъ привлечены были къ обвиненію:

въ истребленіи документовъ . . . . .	7
въ ихъ похищеніи . . . . .	9

Перевѣсъ оправдательныхъ приговоровъ надъ обвинительными объясняется, въ большинствѣ случаевъ, шаткостью уликъ, а по нѣкоторымъ дѣламъ отсутствіемъ въ дѣйствіяхъ обвиняемыхъ корыстнаго намѣренія, такъ, напр.: въ 1884 и 1885 годахъ, по Лебедянскому уѣзду, по тремъ дѣламъ привлечены были три крестьянина къ обвиненію въ уничтоженіи документовъ съ цѣлью избѣжать платежа. На судебномъ слѣдствіи выяснено: а) что обвиняемые разорвали документы при разбирательствѣ по нимъ исковъ въ волостныхъ судахъ; б) что разорванію предшествовали шумные споры тяжущихся, при чемъ двое обвиняемыхъ (отвѣтчики) доказывали, что документы своевременно оплачены, а одинъ обвиняемый (отвѣтчикъ) высказывалъ недѣйствительность документа (о раздѣлѣ вещей), какъ выданнаго имъ во время несовершеннолѣтія, и в) что о каждомъ изъ этихъ случаевъ разорванія, въ пылу горячаго спора, документовъ составлены были тотчасъ же волостнымъ начальствомъ протоколы.

Въ 1885 году, по Лебедянскому уѣзду, былъ преданъ суду 17-лѣтній крестьянинъ по обвиненію въ томъ, что разорвалъ долговое на 48 рублей обязательство своего отца, съ намѣреніемъ избавить его отъ уплаты. На судѣ выяснено, что когда повѣренный кредитора, прибывъ въ домъ должника и не заставъ его на мѣстѣ, передалъ его сыну этотъ документъ, то тотъ въ присутствіи свидѣтеля, кучера этого повѣреннаго, разорвалъ эту бумагу и на вопросъ: „по какому случаю это сдѣлалъ“—отвѣтилъ: „да это ничего“. Вслѣдъ затѣмъ черезъ 12 дней тотъ же повѣренный предъявилъ обвиненіе по 1657 статьѣ Уложенія. Какъ на допросѣ у слѣдователя, такъ и на судѣ обвиняемый, сознавался въ разорваніи документа, высказалъ, что хотя и грамотенъ, но содержанія этого документа не зналъ и не имѣлъ намѣренія избавить отца отъ уплаты долга. Такое объясненіе весьма правдоподобно, потому что тотъ же повѣренный не придалъ преступнаго значенія дѣйствию подсудимаго, дружелюбно послѣ того съ нимъ распрощался и уѣхалъ. Затѣмъ, когда возникло обвиненіе, то отецъ обвиняемаго добровольно возобновилъ разорванный документъ новымъ.

## Пристанодержательство.

(1662 ст. Улож.).

Разрѣшено 1 дѣло, по которому въ 1885 году обвинена крестьянка, 45 лѣтъ, въ томъ, что въ городѣ Ельцѣ, въ своемъ домѣ, много лѣтъ постоянно давала убѣжище завѣдомымъ похитителямъ чужой движимой собственности.

## Мошенничество.

(1666—1669 ст. Улож.).

Разрѣшено дѣлъ по обвиненію въ мошенничествѣ — 11.

По этимъ дѣламъ состоялось приговоровъ:

обвинительныхъ . . . . .	3
оправдательныхъ . . . . .	5
смѣшанныхъ . . . . .	3

Привлечены были къ обвиненію:

крестьяне . . . . .	3
мѣщане . . . . .	3
сыновья причетниковъ . . . . .	2
отставные чиновники . . . . .	2
дворянинъ . . . . .	1
сынъ діакона . . . . .	1
канцелярскій служитель . . . . .	1
фельшеръ . . . . .	1
отставной вахмистръ . . . . .	1

Обвинены: а) въ 1879 году, отставной вахмистръ за получение съ крестьянъ свыше 300 рублей подъ обманнымъ предлогомъ содѣйствовать къ избавленію отъ воинской повинности; б) въ 1879 и 1882 годахъ, два крестьянина—за покушеніе на получение свыше 300 рублей изъ коммерческаго банка и отъ торговца посредствомъ фальшивыхъ телеграммы и письма; в) въ 1881 году,—канцелярскій служитель за получение въ свою пользу денегъ по довѣренности, выманенной посредствомъ обмана о побудительной причинѣ на ея выдачу; г) въ 1882 году, мѣщанинъ—за получение свыше 300 рублей чрезъ обманное увѣреніе содѣйствовать въ выгодной покупкѣ имѣнія, которое оказалось несуществующимъ; д) въ 1885 году—сынъ причетника, 24 лѣтъ, за покушеніе получить товаръ посредствомъ подложнаго увѣдомительнаго письма.

Въ числѣ оправдательныхъ приговоровъ два были высказаны лицамъ привилегированнаго званія, обвинявшимся въ мошенничествѣ на ничтожную сумму и даже сознавшимъ на судѣ, а именно:

1) въ 1881 году, сыну діакона, 20 лѣтъ, вытравившему знаки погашенія на семи гербовыхъ 80 копѣчныхъ маркахъ и продавшего эти марки за 5 рублей 60 коп.;

и 2) въ 1884 году—сыну причетника, 18 лѣтъ, выманившему обманно 12 рублей у торговца за проданный будто-бы товаръ.

Присвоеніе и растрата чужаго движимаго имущества.

(1681, 1682 и 1191 ст. Улож.).

По 15 дѣламъ о присвоеніи, а также растратѣ чужой движимости состоялось приговоровъ:

обвинительныхъ	.	.	.	.	3
оправдательныхъ	.	.	.	.	12

Замѣчательно, что всѣ эти обвинительные приговоры высказаны были присяжными засѣдателями въ городѣ Елѣць, а именно: въ 1882, 1883 и 1885 годахъ о трехъ купеческихъ приказчикахъ, промотавшихъ хозяйскія деньги каждый на сумму свыше трехсотъ рублей.

12 оправдательныхъ приговоровъ состоялись о 13-ти обвиняемыхъ лицахъ, несмотря на признаніе трехъ изъ нихъ на судебномъ слѣдствіи.

Въ числѣ оправданныхъ были: дворянинъ—1, отставной подпоручикъ—1, коллежскій регистраторъ—1, сынъ чиновника—1, сынъ священника—1, купецъ—1, мѣщане (купеческіе приказчики)—3, крестьяне—4.

Оправданіе при признаніи обвиняемыми своей вины высказано было присяжными засѣдателями:

а) въ 1883 году, по Ливенскому уѣзду, агенту акціонернаго страховаго общества (коллежскій регистраторъ), растратившему 2100 рублей страховыхъ премій; онъ обязался пополнить по частямъ эту растрату и уже внесъ разновременно 350 рублей, но ревизоръ страховаго общества, въ виду замедленія въ дальнѣйшемъ выполненіи растраты, возбудилъ уголовное преслѣдованіе;

б) въ 1884 году, по Задонскому уѣзду, обвиняемый (сынъ священника) заложилъ за 1 рубль пальто, взятое у знакомаго, и деньги эти тотчасъ пропилъ;

в) въ 1890 году, по Ливенскому уѣзду, обвиняемый (дворянинъ) растратилъ 2000 рублей по должности конторщика на желѣзной дорогѣ. Деньги эти затрачены на веденіе въ одной от-

даленной губернии гражданского процесса, который был выигран обвиняемымъ, давшимъ на судебномъ слѣдствіи обѣщаніе немедленно пополнить растрату.

Значительное число оправдательныхъ приговоровъ объясняется:

1) строгостью наказанія за присвоеніе и растрату чужой движимости, даже самой малой цѣнности, лицами привилегированныхъ сословій;

и 2) къ присвоенію и растратѣ чужой движимости присяжные засѣдатели своеобразно относятся иногда не какъ къ уголовному проступку, а какъ къ гражданскому правонарушенію, которое можетъ быть улажено разнаго рода уступками и сдѣлками сторонъ; они приравниваютъ лицо, обвиняемое въ растратѣ, къ должнику, впадшему въ несостоятельность случайно или по неосторожности.

#### Понужденіе къ дачѣ обязательства.

(1686 ст. Улож.).

Разрѣшено 1 дѣло, а именно: въ 1888 году, въ Ливенскомъ уѣздѣ, одинъ мѣщанинъ обвинялся въ томъ, что угрозами лишить жизни вынудилъ дворянина совершить въ теченіе одной педѣли нотаріальнымъ порядкомъ два акта объ отчужденіи земли. Обвиненіе на судебномъ слѣдствіи не подтверждено.

Приговоръ оправдательный.

#### Обманъ для побужденія къ дачѣ обязательства.

(1688 ст. Улож.).

Разрѣшено 1 дѣло, а именно: въ 1882 году обвиненъ, при косвенныхъ уликахъ, по Елецкому уѣзду, одинъ крестьянинъ, 52 лѣтъ, въ томъ, что побудилъ свою кредиторшу прекратить мировую сдѣлкою взысканіе съ него денегъ, ложно увѣривъ, что арендуетъ имѣніе, доходами съ котораго обязался уплатить свой долгъ, между тѣмъ срокъ аренды этого имѣнія давно окончился.

#### Подлогъ въ актахъ, совершенныхъ у нотаріуса.

(1690 ст. Улож.).

Разрѣшено 10 дѣлъ; по нимъ состоялось приговоровъ:

обвинительныхъ . . . . .	2
оправдательныхъ . . . . .	6
смѣшанныхъ . . . . .	2

Привлечены были къ обвиненію:

	Муж.	Женщ.
крестьяне . . . . .	15	2
мѣщане . . . . .	2	—
канцелярскій служитель . . . . .	1	—
отставной унтеръ-офицеръ . . . . .	1	—
солдатка . . . . .	—	1
всего . . . . .	19	3

Оправданіе состоялось по слѣдующимъ дѣламъ при признаніи обвиняемыми своей вины:

а) въ 1887 году, по Ливенскому уѣзду, обвинены два крестьянина за составленіе фальшивой мировой сдѣлки у нотариуса при посредствѣ третьяго лица (по дѣлу не обнаруженнаго), которое обманно разыграло роль одной изъ мирящихся сторонъ. По этому дѣлу оправданъ отставной унтеръ-офицеръ, обвинявшійся въ соучастіи въ этомъ преступленіи; на судѣ выяснено: 1) что онъ удостовѣрилъ самоличность контрагентовъ, хотя зналъ лишь одного изъ нихъ и то весьма мало, и 2) что будучи вполнѣ добраго поведенія, очень часто дебутировалъ въ той же нотаріальной конторѣ въ качествѣ свидѣтеля при совершеніи актовъ, за что каждый разъ получалъ по нѣсколько копѣекъ;

б) въ 1885 и 1888 годахъ, по Елецкому уѣзду, по тремъ дѣламъ 7 крестьянъ привлечены были къ обвиненію въ томъ, что заложили, а также продали свои земли, ложно выдавая себя за умершихъ своихъ родныхъ: дѣда, отца и дядю. На судебномъ слѣдствіи, при признаніи 5 обвиняемыхъ, выяснено: а) что всѣ обвиняемые по этимъ тремъ дѣламъ были единственные наслѣдники тѣхъ умершихъ лицъ, именами которыхъ ложно назвались, б) что отчужденныя земли находились въ фактическомъ владѣніи обвиняемыхъ и в) что, нуждаясь въ деньгахъ, лишены были возможности утвердиться въ правахъ наслѣдства, что и вызвало совершеніе ими означеннаго подлога;

в) въ 1881 году оправданъ грамотный крестьянинъ, 19 лѣтъ, составившій подложную метрическую выписъ о лѣтахъ дѣвицы, дочери священника; выписъ эта была предъявлена за настоящую при вѣнчаніи обвиняемаго съ этою дѣвицею. Объясняется оправданіе романтической подкладкою въ этомъ дѣлѣ, гдѣ бракъ совершенъ былъ вопреки желанія отца неврѣсты (1690 и 1571 ст. Улож.).

Поддѣлка актовъ, домашнимъ порядкомъ составляемыхъ, и завѣдомое употребленіе этихъ актовъ.

(1692 и 1697 ст. Улож).

По обвиненію въ этого рода преступленіяхъ разрѣшено—21 дѣло.

По этимъ дѣламъ состоялось приговоровъ:

обвинительныхъ . . . . .	10
оправдательныхъ . . . . .	9
смѣшанныхъ . . . . .	3
	всего 22 <sup>1)</sup>

Привлечены были къ обвиненію:

	Мужч.	Женщ.
крестьяне . . . . .	16	1
купцы . . . . .	2	—
мѣщане . . . . .	6	—
почетный гражданинъ . . . . .	1	—
отставные чиновники . . . . .	2	—
дворяне . . . . .	1	2
	28	3

Обвинены: 8 крестьянъ, 1 дворянка, 1 отставной чиновникъ и 1 мѣщанинъ-еврей.

Предметами подлоговъ, въ которыхъ обвинены эти 11 лицъ, были:

въ 3-хъ случаяхъ—подложное измѣненіе въ долговыхъ роспискахъ цифры уплаты;

въ 3-хъ случаяхъ—подложное измѣненіе въ квитанціяхъ желѣзныхъ дорогъ вѣса отправленныхъ товаровъ;

въ 2-хъ случаяхъ поддѣлка чековъ коммерческаго банка;

въ 2-хъ случаяхъ—поддѣлка договоровъ о личномъ наймѣ и объ арендѣ земли.

Вообще, по большинству дѣлъ, цѣль подлога въ документахъ состояла въ преступномъ обогащеніи на сумму ниже 500 рублей; наивысшая цифра подлога простиралась до 8000 рублей.

Оправдательные приговоры высказаны были при недостаточности уликъ, но по одному дѣлу (въ 1889 г., по Ливенскому уѣзду) присяжные засѣдатели очевидно пожалѣли старика-обвиняемаго, 62-хъ лѣтъ, признавъ доказаннымъ фактъ подложной подписи на

<sup>1)</sup> Одно изъ этихъ дѣлъ разрѣшаемо было два раза, вслѣдствіе кассациа 1-го приговора Правительствующимъ Сенатомъ.

документъ и отвергнувъ виновность въ представленіи этого документа въ судъ съ завѣдомо подложною подписью.

При сознаниіи обвиняемыми своей вины состоялись 3 оправдательные приговора:

1) въ 1884 году, въ Елецкомъ уѣздѣ, бездѣтный старикъ крестьянинъ, вознамѣрясь передать по продажной запискѣ своей женѣ все свое движимое имущество на триста рублей, выхлопоталъ въ волостномъ правленіи удостовѣреніе для представленія нотаріусу о своей личности и правоспособности, но тогда же заболѣлъ и умеръ. Вдова, опасаясь завладѣнія имущества родственниками умершаго, уговорила отставнаго солдата разыграть у нотаріуса роль ея умершаго мужа при удостовѣреніи подписи руки на продажной запискѣ, при чемъ представлено было вышеозначенное удостовѣреніе о личности и правоспособности.—Этотъ подлогъ вскорѣ былъ обнаруженъ и подсудимые: вдова крестьянка, 52 лѣтъ, и отставной солдатъ, 60 лѣтъ, чистосердечно повинились на судѣ въ этомъ преступленіи;

2) въ 1892 году преданы были суду два мѣщанина по обвиненію въ томъ, что, состоя въ городѣ Ельцѣ на службѣ въ обществѣ перевозки товаровъ, составили фальшивыя накладныя, по которымъ получили отъ этого общества деньги. Одинъ изъ обвиняемыхъ сознался и оговорилъ втораго обвиняемаго. Присяжные засѣдатели обвинили сознавашагося и оправдали оговореннаго. Приговоръ кассированъ Правительствующимъ Сенатомъ по жалобѣ гражданскаго истца. При вторичномъ разбирательствѣ дѣла присяжные засѣдатели обвинили оговореннаго и оправдали сознавашагося.

Есть основаніе предполагать, что этотъ вторичный приговоръ вызванъ былъ своеобразнымъ соображеніемъ присяжныхъ засѣдателей о томъ, что вина обоихъ обвиняемыхъ одинакова, а между тѣмъ наказаніе получить лишь одинъ, такъ какъ другой обвиняемый, оправданный первымъ приговоромъ, не можетъ подлежать наказанію по неопротестованію этого приговора прокуроромъ;

3) въ 1880 году сознались на судѣ двое крестьянъ, 29 и 19 лѣтъ, въ томъ, что фальшиво вписали въ желѣзнодорожную накладную количество отправленнаго товара и представили въ городѣ Ельцѣ въ коммерческой банкъ этотъ документъ для получения денежной ссуды, но тамъ тотчасъ были обличены въ этомъ подлогѣ.

Вѣроятно, что къ оправданію послужили: а) случайно-долго-временное (3 года) нахожденіе обвиняемыхъ по этому дѣлу подѣ

судомъ и надзоромъ полиціи и б) отсутствіе отъ ихъ преступныхъ дѣйствій непосредственнаго ущерба для потерпѣвшаго лица—коммерческаго банка.

Остальные оправдательные приговоры по этого рода преступленіямъ состоялись большею частью потому, что обвиненіе основываемо было на сходствѣ почерковъ, а таковой у обвиняемыхъ лицъ низшихъ сословій рѣдко отличается характерными особенностями.

Продажа имѣнія, завѣдомо проданнаго другому.

(1699 ст. Улож.).

По обвиненію въ этомъ преступленіи разрѣшено 1 дѣло.

Въ 1879 году одинъ крестьянинъ преданъ былъ суду и обвиненъ въ томъ, что продалъ въ Лебедянскомъ уѣздѣ 4 десятины земли, которую равнѣ того завѣдомо продалъ другому лицу.

Продажа имущества, завѣдомо состоящаго подъ законнымъ запрещеніемъ.

(1700 ст. Улож.).

По обвиненію въ этомъ преступленіи разрѣшено 1 дѣло.

Въ 1890 году одинъ мѣщанинъ преданъ былъ суду и обвиненъ въ томъ, что въ Ливенскомъ уѣздѣ продалъ 8 десятинъ земли, скрывъ отъ покупателя о томъ, что земля эта описана за долгъ другому лицу.

Сдѣлка повѣреннаго съ противникомъ, во вредъ своему довѣрителю

(1709 ст. Улож.).

По обвиненію въ этомъ преступленіи было разрѣшено 1 дѣло, оконченное оправданіемъ.

Сынъ священника, 33 лѣтъ, въ 1881 году преданъ былъ суду по обвиненію въ томъ, что злонамѣренно, во вредъ своей довѣрительницѣ, призналъ у мирового судьи правильнымъ предъявленный къ ней искъ. На судѣ выяснилось, что подсудимый былъ орудіемъ мошеннической продѣлки другаго лица, воспользовавшагося его постоянною нетрезвостью и уговорившаго его за 3 рубля явиться въ судебное засѣданіе мирового судьи города Ельца по дѣлу о взысканіи денегъ съ одной купчихи, отъ которой обвиняемый заглазно

получилъ формальную довѣренность на веденіе дѣлъ,—и признать правильнымъ предъявленный къ ней искъ.

Всего въ 1879—1892 г.г. Елецкимъ окружнымъ судомъ разрѣшено съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей 2,369 дѣлъ.

#### Примѣненіе судомъ 818-й статьи Уст. угол. суд.

Въ теченіе 15 лѣтъ (1878—1892 гг.) были лишь три случая признанія коронными судьями ошибки присяжныхъ засѣдателей въ изреченіи обвиненія невиновнымъ лицамъ.

Такимъ образомъ, вполне оправдалась увѣренность составителей Судебныхъ Уставовъ въ томъ, что случаи примѣненія 818 статьи Устава будутъ весьма рѣдки (см. 818 статью Уст. угол. суд., изд. Государственной Канцеляріи).

Содержаніе этихъ дѣлъ слѣдующее:

1) Трое крестьянъ подгородняго селенія привлечены были къ обвиненію въ грабежъ съ насиліемъ на улицѣ города Липецка поздно вечеромъ въ февралѣ 1886 года одного рубля, чекменя и кушака у двухъ своихъ односельцевъ. Основаніемъ къ преданію суду послужило, главнымъ образомъ, совмѣстное пребываніе потерпѣвшихъ и обвиняемыхъ въ питейномъ домѣ, по выходѣ изъ котораго и былъ совершенъ этотъ грабежъ.

На судѣ выяснено: 1) что вся эта компанія пьянствовала въ питейномъ домѣ до поздняго вечера; 2) что потерпѣвшій, заявившій о грабежѣ у него одного рубля, имѣлъ только одинъ рубль, который размѣнялъ за выпитое вино; 3) что обвиняемые ушли съ этой попойки домой ранѣе потерпѣвшихъ, и 4) что вечеръ этотъ былъ весьма темный.

Причиною обвинительнаго приговора послужила дурная репутація всего крестьянскаго общества, къ которому принадлежали обвиняемые.

2) Въ 1889 году, по Липецкому уѣзду, крестьянка, 18 лѣтъ, предана была суду по обвиненію въ покушеніи на отравленіе своего мужа. Фабула дѣла: мужъ обвиняемой, будучи одинъ на работѣ въ полѣ, почувствовалъ признаки отравленія, поѣвши каши, которую самъ сварилъ въ котелкѣ изъ припасовъ, полученныхъ отъ жены. Скорое принятіе противоядія (молоко и т. п.) и лечеб-

ное пособие устранили явную опасность, угрожавшую его жизни. Въ кашѣ и въ соли, бывшихъ у потерѣвшаго въ числѣ означенныхъ припасовъ, оказалось большое количество мышьяка. Основаніемъ къ преданію суду послужила, главнымъ образомъ, покупка обвиняемою на три кофѣйки, незадолго до означенной катастрофы, у проѣзжаго торговца, при свидѣтеляхъ, мышьяка для травли таракановъ; покупку эту, въ точности доказанную, обвиняемая упорно отвергала.

На судѣ выяснено: 1) что обвиняемая, будучи около одного года замужемъ за 30 лѣтнимъ вдовцемъ съ тремя малыми дѣтьми, жила съ нимъ въ добромъ согласіи, но была сильно притѣсняема свекровью по поводу невнимательнаго ухода за этими дѣтьми, и 2) что вещественныя доказательства—соль и каша, въ которыхъ оказался мышьякъ, перебывали въ теченіе двухъ дней въ рукахъ многихъ лицъ, пока наконецъ были представлены начальству къ дѣлу.

Второй составъ присяжныхъ засѣдателей высказалъ оправданіе по этимъ обоимъ дѣламъ.

3) Въ 1880 году, по Липецкому уѣзду, былъ обвиненъ крестьянинъ, 18 лѣтъ, въ святотатствѣ въ своемъ селѣ изъ церкви 83 рублей. Обвиненіе основано было на томъ, что на дворѣ у обвиняемаго при обыскѣ, произведенномъ тотчасъ по обнаруженіи преступленія, оказались свѣжія щепки отъ двухъ кольевъ, которыми взломана была оконная церковная рѣшетка; щепки эти пришлись точь-въ-точь къ обтесаннымъ оконечностямъ этихъ кольевъ, неизвѣстно кому принадлежащихъ.

Обыскъ у этого обвиняемаго сдѣланъ былъ потому, что его близкіе родственники, проживавшіе съ нимъ по сосѣдству въ своихъ двухъ домахъ, порочнаго поведенія и были наказаны за кражу, но самъ обвиняемый, живя отдѣльно въ своемъ домѣ, не былъ привлекаемъ ни къ какому обвиненію.

Обвиняемый въ оправданіе свое высказалъ на судебномъ слѣдствіи, что щепки легко можно было подбросить къ нему, потому что дворъ у него не огороженъ,—что подтверждено по дѣлу.

Второй составъ присяжныхъ засѣдателей также высказалъ обвинительный приговоръ.

---

Изложивъ итоги суда присяжныхъ за 15 лѣтъ въ округѣ Елецкаго суда, полагаю себя въ правѣ высказать отвѣтъ на поставленный въ началѣ этого изслѣдованія вопросъ о томъ: выполнялъ ли

судъ присяжныхъ засѣдателей этого округа предназначенный ему 20 ноября 1864 года завѣтъ быть судомъ правымъ и милостивымъ.

*Да, выполняя, но въ степени, соответствующей умственно-нравственному развитію этихъ представителей здраваго смысла и доброй совѣсти народа.*

Въ округѣ Елецкаго суда не только подсудимыя, но и потерпѣвшія лица по дѣламъ, разрѣшеннымъ въ 1878—1892 гг. присяжными засѣдателями, въ огромномъ большинствѣ принадлежали къ крестьянскому сословію; въ составѣ присяжныхъ засѣдателей за тѣ же 15 лѣтъ также постоянно преобладали крестьяне, мѣщане и купцы <sup>1)</sup>. Эти явленія указываютъ, что въ Елецкомъ округѣ судъ присяжныхъ дѣйствительно есть судъ русскаго народа, вѣдающій преступленія, совершенныя преимущественно въ крестьянской средѣ. Благодаря этому, настоящее изслѣдованіе даетъ возможность отмѣтить общія начала, обозначившіяся во взглядахъ этого народнаго суда на наказуемость преступныхъ дѣйствій по ихъ родамъ и видамъ <sup>2)</sup>.

## I.

Благоговѣйное отношеніе къ предметамъ св. вѣры и церкви, глубоко присущее православному христіанину, вызывало строгое осужденіе присяжными засѣдателями лицъ, оскорбившихъ изъ религиозное чувство нарушеніемъ уваженія и почитанія къ святынямъ и къ церковной собственности. Вмѣстѣ съ этимъ присяжные засѣдатели, памятуя долгъ милосердія, не вмѣняли въ вину похищеніе церковныхъ денегъ въ случаяхъ, когда удостовѣрялись по дѣлу, что подсудимый, будучи дотолѣ добраго поведенія, хотя посягнувъ на церковную собственность, но вскорѣ чистосердечно раскаялся и добровольно возвращалъ похищенное. Это раскаяніе служило, по убѣжденію присяжныхъ засѣдателей, вѣрнымъ зало-

<sup>1)</sup> Въ эти 15 лѣтъ призвано къ исполненію обязанностей присяжныхъ засѣдателей 8886 лицъ; въ числѣ ихъ было: крестьянъ 2806, мѣщанъ—2097, купцовъ—2039, чиновниковъ—997, дворянъ—749, отставныхъ нижнихъ воинскихъ чиновъ—128, почетныхъ гражданъ—70.

<sup>2)</sup> Несомнѣнно, что общія начала во взглядахъ присяжныхъ засѣдателей на наказуемость преступленій отличаются своеобразностью въ разныхъ мѣстностяхъ нашего обширнаго отечества, населенныхъ инородцами и иновѣрцами, а также въ столичныхъ, большихъ губернскихъ и портовыхъ городахъ.

гомъ въ томъ, что подсудимый согрѣшилъ, но не палъ окончательно, и что данный случай никогда имъ не повторится.

Весьма рѣдкое явленіе—богохуленіе—заканчивалось обвиненіемъ въ кощунствѣ, потому что совершаемо было лицами невѣжественными въ петревомъ состояніи.

## II.

Весьма умѣло отличая растрату должностными лицами казенныхъ или мірскихъ денегъ отъ недочета, обусловленнаго неграмотностью выборныхъ лицъ, и строго относясь къ злоумышленной растратѣ этихъ денегъ, присяжные засѣдатели оправдывали тѣхъ подсудимыхъ, которые легкомысленно или подъ гнетомъ крайней нужды издерживали на свои надобности нѣсколько десятковъ рублей и своевременно не пополняли этой растраты.—Подобное оправданіе вызываемо было, кромѣ состраданія, отсутствіемъ въ законѣ о растратѣ казенныхъ денегъ и вещей признака легкомыслія, допускаемаго въ растратѣ лишь частныхъ денегъ и вещей, но одинаково присущаго и растратѣ казенной или общественной собственности.

## III.

Оправдывая проживание съ чужимъ или фальшивымъ паспортомъ, потому что самый проступокъ большею частью вызывался затрудненіями выхлопотать этотъ документъ,—присяжные засѣдатели обвиняли и за этотъ проступокъ, если подсудимый одновременно осуждался въ кражѣ и въ особенности въ конокрадствѣ, такъ какъ чужой или фальшивый паспортъ могъ служить орудіемъ для скрытія дѣйствительнаго званія и имени обвиняемаго.

## IV.

Лишеніе жизни матерями ихъ незаконнорожденныхъ тотчасъ послѣ родовъ, а также оставленіе этихъ новорожденныхъ безъ помощи, повлекшее смерть (2 ч. 1451 и 1 ч. 1460 ст. Улож.),—вмѣняемы были въ вину въ случаяхъ, когда была несомнѣнна сознательность совершенія этихъ преступленій; вотъ почему обвиняемы были дѣвицы совершеннолѣтнія и плохой нравственности.

Значительный перевѣсъ оправданій молодыхъ дѣвицъ по этимъ дѣламъ объясняется: а) увѣренностью присяжныхъ засѣдателей въ томъ, что эти преступления совершаются въ состояніи, близ-

вомъ къ невмѣняемости, вслѣдствіе стыда, страха и родильныхъ болей, когда,—по выраженію народному,—роженица находится „не въ себѣ“, и б) состраданіемъ къ обвиняемой, большею частью жертвѣ оболщенія, при чемъ оболщитель остается непривлеченнымъ къ суду.

## V.

При обвиненіи въ причиненіи побоями или иными насильственными дѣйствіями случайной, неожиданной смерти (1464 ст. Улож.) присяжные засѣдатели оправдывали, если смерть приключалась вполнѣ неожиданно отъ грубаго толчка или единичнаго удара и когда обвиняемый, въ большинствѣ случаевъ, сознавался въ томъ, что съ нимъ такой „грѣхъ приключился“. Напротивъ, если случайная смерть вызывалась цѣлымъ рядомъ побоевъ, хотя-бы и легкихъ, нанесенныхъ по злобѣ или въ запальчивости,—тогда присяжные засѣдатели высказывали осужденіе; равнымъ образомъ они осуждали, если случайная смерть причинена была отцу рукою сына. Вообще же осужденіе при обвиненіи по 1464 статьѣ Уложенія бывало при условіи такого состава присяжныхъ засѣдателей, которымъ хорошо была извѣстна ответственность за этотъ проступокъ, а равнымъ образомъ и о томъ, что обвиняемый долженъ подвергнуться церковному покаянію, которое, по народному пониманію, безусловно необходимо для примиренія обвиняемаго съ его совѣстью.

## VI.

Оскорбленіе женской чести осуждаемо было присяжными засѣдателями при условіи законченнаго насильства надъ женщиною и въ особенности надъ невинною дѣвицею; въ тѣхъ случаяхъ, когда преступленіе ограничивалось покушеніемъ, присяжные засѣдатели удерживались высказать обвинительный приговоръ. Причинами оправданія служили: а) ошибочность предположенія присяжныхъ засѣдателей о необычайной, будто-бы, строгости наказанія даже за покушеніе на означенное преступленіе, и б) пониманіе ихъ о наказуемости лишь при условіи осуществившагося посягательства на тѣлесную неприкосновенность женщины, чѣмъ ей наносится опозореніе на всю жизнь, и что до осуществленія этого посягательства всякія насильственныя дѣйствія не выходятъ изъ границъ зауряднаго оскорбленія. Тяжесть нравственнаго вреда, причиняе-

маго женщинѣ покушеніемъ на ея честь, а также важность преступления развратника, попирающаго этимъ покушеніемъ драгоценнѣйшее достояніе женщины—ея стыдливость и цѣломудріе,—недоступны пониманію представителей низшихъ сословій общества.

## VII.

Оскорбленіе дѣйствіемъ родителей дѣтми осуждаемо было присяжными засѣдателями въ случаяхъ нанесенія ранъ, увѣчья и побоевъ непочтительными дѣтми. Насильственные дѣйствія, заключившіяся въ толчкахъ при вырываніи вещей или денегъ изъ рукъ родителей, и т. п. грубыя дѣйствія дѣтей оставляемы были присяжными засѣдателями безъ осужденія, въ особенности тогда, когда эти дѣйствія вызывались самообороною отъ побоевъ пьянаго отца <sup>1)</sup>.

Лишеніе всѣхъ особенныхъ правъ и не менѣе одного года содержаніе въ исправительномъ арестантскомъ отдѣленіи или въ тюрьмѣ, назначаемое закономъ (2 ч. 1591 ст. Улож.) за всякое насильственное, хотя-бы и не соединенное съ побоями, дѣйствіе дѣтей противъ родителей,—удерживало присяжныхъ засѣдателей отъ осужденія виновныхъ. Въ грубой крестьянской средѣ эти неуважительнаго свойства дѣйствія дѣтей совершаются безъ сознанія о ихъ значительной преступности, влекущей строгую по закону отвѣтственность <sup>2)</sup>.

## VIII.

Грабежь осуждаемъ былъ присяжными засѣдателями при условіи насильственнаго съ корыстною цѣлью отнятія чужаго имущества, при чемъ обвиняемый дѣйствовалъ въ сознаніи превосходства своей мускульной силы.

Въ случаяхъ, когда отнятіе денегъ или вещей совершаемо

<sup>1)</sup> Весьма часто дѣла по 1534 и 1591 ст.ст. Улож. прекращаются примиреніемъ предъ открытіемъ судебного по нимъ засѣданія, благодаря миротворному вліянію священника, находящагося въ судѣ для привода къ присягѣ.

<sup>2)</sup> Эти оправдательные приговоры во очію убѣждаютъ въ непомѣрной строгости наказанія за проступки, предусмотрѣнные 2-ю частью 1591 статьи Улож. Возмездіе за эти проступки цѣлесообразнѣе и справедливѣе было бы предоставить волостному суду, избавивъ окружные суды отъ тяжелой неизбѣжности быть ареною безнаказанности проступка при доказанности его совершенія.

было подъ вліяніемъ опьяненія, при свидѣтеляхъ, или же у лицъ близкихъ (у товарища, сосѣда, родственника), и притомъ безъ тяжкихъ побоевъ или увѣчій, присяжные засѣдатели отвергали виновность. По народному пониманію, въ подобныхъ случаяхъ отнятія чужаго имущества: а) отсутствовалъ существеннѣйшій признакъ грабежа—сознательное насиліе надъ личностью для корыстнаго похищенія денегъ или вещей, и б) усматривался разгулъ пьянаго человѣка, который одинаково способенъ: отнять чужую вещь, разгромить оконныя стекла въ чужомъ домѣ, безпричинно нанести побои и, вообще, совершить неосмысленныя проступки.

Явно опасный для общества грабитель умѣло отличался присяжными засѣдателями отъ пьянаго озорника и буяна.

## IX.

Труженики земледѣлія и промысловъ—присяжные засѣдатели строго относились къ конокрадамъ и вообще ворами, этимъ бездѣльнымъ охотникамъ до чужаго добра, безразсудно по похищенію проматываемаго. Но иной взглядъ высказывался присяжными засѣдателями въ отношеніи молодыхъ людей, покусившихся на кражу въ сообществѣ или по подстрекательству совершеннолѣтнихъ или же рецидивистовъ; эти молодые люди если и были осуждаемы, то съ добавленіемъ въ отвѣтъ, что они заслуживаютъ снисхожденія; оправданіе же подобныхъ подсудимыхъ высказываемо было:

а) если несовершеннолѣтніе, чистосердечно сознаваясь въ своей винѣ, возвращали украденное;

б) если будучи одобряемы въ поведеніи, содержались подъ стражею для неуклоненія отъ слѣдствія;

в) если похищенное оказывалось незначительной цѣнности, а взломъ ограничивался раскопаніемъ соломенной кровли.

Оправданіе совершеннолѣтнихъ въ кражѣ, при сознаніи или при очевидности вины, высказываемо было:

а) если подсудимые похищали имущество у своихъ родственниковъ или свойственниковъ, и эти потерпѣвшія лица заявляли на судѣ, что простили эту вину;

б) если украденное, будучи неособенно цѣнно, вскорѣ по обнаруженіи кражи было добровольно возвращено похитителемъ, оказывавшимся вообще добраго поведенія;

в) если кража лицами привилегированныхъ званій была мало-

цѣнная, а также если подобная кража совершена была подъ вліяніемъ опьяненія или болѣзни запоя;

г) если украдены были малоцѣнные вещи, взломъ ограниченъ поврежденіемъ замка весьма несложнаго устройства, а подсудимый лишенъ былъ свободы нѣсколько мѣсяцевъ для неуклоненія отъ слѣдствія;

д) если кража совершаема была вслѣдствіе бездомности и крайней бѣдности лицъ старческаго возраста, хотя-бы и рецидивистовъ.

Исчисленные случаи кражъ несовершеннолѣтними и совершеннолѣтними лицами несомнѣнно вызвали бы обвинительные приговоры при существованіи закона объ *условномъ осужденіи*; нынѣ же отсутствіе этого общепользнаго, милостиваго и разумнаго законоположенія, дѣйствующаго въ нѣсколькихъ европейскихъ государствахъ <sup>1)</sup>, вынуждаетъ присяжныхъ засѣдателей безусловно объявлять подобныхъ подсудимыхъ невинновыми, даже при признаніи ими своей вины.

## Х.

Растрата частными лицами чужаго движимаго имущества вмѣняема была присяжными засѣдателями въ вину при сочетаніи слѣдующихъ условий: а) если растрочены были вѣрныя деньги при очевидномъ отсутствіи у обвиняемаго средствъ для пополненія этой растраты не только въ скоромъ времени, но и въ отдаленномъ будущемъ, и б) если растроченное ушло на кутежи или привольное, сверхъ средствъ, житье.

Напротивъ, высказываемо было оправданіе, если растрата совершена была въ крайнихъ, стѣсненныхъ обстоятельствахъ, въ небезосновательной надеждѣ пополнить растроченное въ близкомъ времени. Такимъ образомъ присяжные засѣдатели приравнивали растрату къ торговой несостоятельности по неосторожности и не находили въ этомъ нарушеніи чужой собственности такого проступка, который опасенъ для общественнаго порядка.

## ХІ.

Наказуемость подлога документовъ официальныхъ и частныхъ признаваема была присяжными засѣдателями главнымъ образомъ

<sup>1)</sup> См. объ условномъ осужденіи Журналъ Министерства Юстиціи 1897 года № 5.

при условіи преступнаго обогащенія въ ущербъ частному лицу, обществу или казнѣ.

При такомъ пониманіи присяжными засѣдателями наказуемости подлога, оправданіе было высказываемо въ случаяхъ: а) совершенія этого преступленія съ цѣлью обхода закона, затруднявшаго обвиняемому возможность осуществить свое право <sup>1)</sup>; б) если обвиняемый совершилъ подлогъ, но воспользоваться имъ не успѣлъ <sup>2)</sup>, и в) если подлогъ причинилъ незначительный матеріальный ущербъ <sup>3)</sup>.

Такимъ образомъ присяжными засѣдателями оставляемъ быть въ этихъ случаяхъ безнаказаннымъ подлогъ документовъ, какъ предъявленіе злаго умысла, угрожавшаго нарушить чужой интересъ, но въ дѣйствительности его еще ненарушившаго. Народное пониманіе оказалось прямо противоположно закону, одинаково карающему какъ составленіе подложнаго документа, такъ и завѣдомое пользованіе фальшивымъ документомъ (294, 1690—1694, 1697 ст.ст. Улож.).

За изложеніемъ общихъ началъ во взглядахъ присяжныхъ засѣдателей на наказуемость преступленій, остается отмѣтить, что оправдательные приговоры, при очевидной виновности, вызываемы были слѣдующими двумя общими причинами:

во-1-хъ), убѣжденіемъ присяжныхъ засѣдателей о чрезмѣрной строгости наказанія: а) за святотатство церковныхъ денегъ, хотя бы и въ количествѣ нѣсколькихъ копѣекъ; б) за грабежъ безъ насилія; в) за оскорбленіе дѣйствіемъ родителей дѣтьми; г) за кражу и мошенничество лицами привилегированныхъ званій;

и, во-2-хъ), ошибочнымъ предположеніемъ присяжныхъ засѣдателей о необычайной, будто-бы, строгости наказанія, грозящей обвиняемому лицу. Такъ, напр., за непредумышленное, отъ стыда и страха, убійство матерью своего незаконнорожденнаго младенца при самомъ рожденіи, наказаніе обвиняемой должно непременно заключаться, по предположенію присяжныхъ засѣдателей, въ каторгъ или поселеніи въ Сибири; между тѣмъ это преступленіе, если оно совершено несовершеннолѣтнею (а таковыми большею

<sup>1)</sup> См. въ этомъ изслѣдованіи статью 1690 Улож., подъ рубрикою б.

<sup>2)</sup> См. тамъ же статью 294 Улож., подъ рубриками в. и д.

<sup>3)</sup> См. статью 294, подъ рубрикою г.

частью бывают дѣвицы, обвиняемыя по 2 части 1451 статьи Улож.) и если ей дано будетъ снисхожденіе, влечетъ лишь тюремное заключеніе и даже безъ лишенія особенныхъ правъ.

Устранить эту вторую причину оправдательныхъ приговоровъ возможно законодательнымъ порядкомъ, возложивъ, въ дополненіе къ 801 статьѣ Уст. угол. суд., на предсѣдателя суда обязанность объяснять присяжнымъ засѣдателямъ предѣлы законной отвѣтственности за рассматриваемое преступленіе.

*П. Н. Костылевъ.*

## ИСТОРИЧЕСКІЕ МАТЕРІАЛЫ.

Сообщилъ Г. Н. Рѣпинскій.

### Уніатская митрополія въ Россіи.

До возвращенія западной окраины Россіи отъ Польши бывшіе въ ней уніаты имѣли своихъ митрополитовъ, пользовавшихся тѣмъ преимуществомъ, что избранныхъ въ епископы они рукополагали въ это достоинство своею властію, не требуя на то разрѣшенія папы. Такое право предоставлено было уніатскимъ митрополитамъ буллою папы Климента VIII 1595 г., именуемую, по начальнымъ ея словамъ: „*Decet Romanum Pontificem*“ (подобаетъ римскому папѣ), вслѣдствіе,—какъ сказано въ ней,—отдаленности русской провинціи отъ римскаго двора и неудобства, поэтому, для избранныхъ въ епископы прибѣгать къ апостольскому престолу за утвержденіемъ ихъ избранія или наименованія. „Поэтому,—говорилось далѣе,—постановляемъ на вѣчныя времена и желаемъ, дабы если впередъ когда либо случится, что епископства какія нибудь останутся вакантными, избранные и наименованные на оныя были утверждаемы, посвящаемы и устанавливаемы митрополитомъ, властію и именемъ апостольскаго престола, и чтобы такимъ образомъ избранный, именованный и утвержденный митрополитомъ, или, за его дозволеніемъ, другимъ католическимъ епископомъ изъ того же народа, милостями апостольскаго престола и сообщеніемъ съ онымъ удостоеннаго, въ присутствіи двухъ или трехъ епископовъ посвященіе принять могъ, власть совершенную даруемъ какъ оному избранному, наименованному и утвержденному епископу, такъ и митрополиту, въ то время будущему.“

Такъ продолжалось до 6 сентября 1795 г., когда минскому, волынскому, подольскому и брацлавскому генераль-губернатору данъ былъ указъ о припискѣ униатскихъ монастырей и церквей названныхъ губерній къ бѣлорусской епархіи <sup>1)</sup>. „Расторгнувъ узы принужденія, угнетавшаго свободу исповѣданія прародительской вѣры, мы,—заявляла Императрица Екатерина II,—съ удовольствіемъ видимъ, что обитатели возвращенныхъ отъ Польши областей, исполненные усердія къ благочестію, возвращаются радостно въ объятія православной восточной церкви. Въ уваженіи же на многочисленность обратившагося народа, признали мы за благо учредить въ губерніяхъ минской, волынской, подольской и брацлавской благочестивыя епархіи и, установивъ духовное первенствующей церкви управленіе, повелѣваемъ: 1) остающіеся по симъ губерніямъ въ униі монастыри и церкви приписать къ епархіи бѣлорусской и поручить вѣденію тамошняго униатскаго архіепископа Лисовскаго. Случай сего временнаго ихъ бѣлорусскому архіепископу подчиненія не долженствуетъ однако же стѣснять народъ въ свободѣ обращенія къ прародительскому благочестію, и 2) по упраздненіи униатскихъ епархій, частями въ предѣлы имперіи вошедшихъ, и по причинѣ пребыванія нѣкоторыхъ епископовъ за границею, оставшихся безъ управленія, опредѣляемъ въ пенсію митрополиту Ростовскому по 6 т. р. въ годъ, суффрагану его епископу Бутримовичу и епископу Горбацикому по 3 т. р. въ годъ, объявля изъ нихъ Ростовскому, чтобы онъ избралъ жительство, по желанію своему, въ Римѣ, яко престольномъ градѣ римскаго исповѣданія, въ коемъ онъ воспитанъ и къ коему имѣетъ онъ несомнѣнную приверженность, или же здѣсь въ С.-Петербургѣ, но лишь бы то не было въ предѣлахъ новоприсоединенныхъ отъ Польши областей.“

„Кромѣ того, 4 пунктомъ того же указа было предписано: „за назначеніемъ денежнаго содержанія названнымъ, а равно и другимъ двумъ, Левинскому и Млоцкому, принадлежащія имъ по сану столовыя деревни причислить къ казеннымъ.“

Такимъ образомъ, казалось, что униаты не должны уже были имѣть своихъ митрополитовъ, а Θεодосій Ростовскій былъ послѣднимъ изъ нихъ и даже въ указѣ Императора Павла I 28 апрѣля 1798 г. <sup>2)</sup> онъ прямо названъ „бывшимъ митрополитомъ“, при чемъ

<sup>1)</sup> П. С. З. № 17384.

<sup>2)</sup> П. С. З. № 18503.

ему и епископамъ предоставлено было право „пробыванія спокойно въ городахъ, или монастыряхъ ихъ закона, гдѣ они изберутъ въ Имперію“; но на самомъ дѣлѣ это было не такъ: воспитанники Рима не могли отказаться отъ своихъ привилегій и власти, не испробовавъ всѣхъ доступныхъ имъ средствъ къ возвращенію отобраннаго отъ нихъ цѣлесообразнымъ повелѣніемъ Екатерины Великой.

Феодосій Ростоцкій, не понявъ или не хотѣвъ понять яснаго приглашенія переселиться въ Римъ, „къ коему онъ имѣлъ несомнѣнную приверженность“, предпочелъ остаться въ Петербургѣ, чтобы дѣйствовать во славу папы, и по вступленіи Императора Александра I на престолъ посѣдѣшилъ подать ему записку „о нужномъ возстановленіи его въ прежній санъ и о предоставленіи уніатскому духовенству собственнаго управленія“.

Ссылаясь въ этой запискѣ на буллу 1595 г. и на то, что уніатскимъ митрополитамъ предоставлены „навсегда“ и другія духовныя порученія, Ростоцкій объяснялъ, что такъ какъ въ указѣ 28 апрѣля 1798 г., — объ оставленіи изъ уніатскихъ епархій архіепископствъ полоцкаго и епископствъ бржестскаго и луцкаго, и о распространеніи на уніатовъ указа о католическихъ епархіяхъ <sup>1)</sup>, о духовной власти уніатскаго митрополита не упомянуто, то постанавливаемые въ уніатскіе епископы должны, какъ и латинскіе, относиться въ Римъ съ испрошеніемъ буллы на все то, что по каноническимъ правиламъ получить имъ слѣдуетъ, и что кромѣ того, изъ епархіальныхъ консисторій дѣла, по апелляціи, поступали къ митрополиту и въ его консисторію, а монашескіе ордены избирали своихъ начальниковъ подъ предсѣдательствомъ его же, митрополита, или назначаемаго имъ епископа. Поэтому, для лучшаго распорядка между уніатскимъ духовенствомъ, Ростоцкій полагалъ нужнымъ, чтобы уніатскій митрополитъ возстановленъ былъ въ свой санъ со свойственною ему властію; чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ возвратить его, Ростоцкаго, въ прежнюю его епархію, предоставить уніатамъ право имѣть своихъ засѣдателей въ римско-католической духовной коллегіи, по выбору митрополита, дать свободу уніатскому монашеству избирать самому высшихъ и низшихъ себѣ начальниковъ и во всемъ, что касается до внутренняго управленія по ихъ ордену, и, наконецъ, чтобы уніаты въ свободномъ исповѣданіи своего закона были ограждены отъ всѣхъ притѣсненій.

<sup>1)</sup> П. С. З. № 18503.

Жур. Мин. Юст. Мартъ 1899.

Записка эта, по Высочайшему повелѣнію, 13 августа 1801 г. была предложена на рассмотрѣніе Сената совокупно съ проектомъ Положенія о духовномъ и церковномъ правительствѣ римско-католическаго закона въ Россіи, штатомъ римско-католической духовной коллегіи и выпискою изъ меморіала о неудобствѣ митрополиту Сестреничичу быть первенствующимъ надъ духовенствомъ.

Сообразивъ, вслѣдствіе этого, ходатайство Ростоцкаго съ вышеприведенными указами 1795 и 1798 г., а также съ именованнымъ указомъ 29 декабря 1800 г. (Полн. Собр. Зак. № 19706) относительно свѣтскихъ членовъ въ католическомъ департаментѣ юстиціи—коллегіи, въ коемъ было сказано: „а уніаты, такъ какъ они присоединенные или къ намъ, или къ католикамъ, а не сами по себѣ, членовъ не могутъ имѣть“, Сенатъ нашелъ, что уніатскимъ епархіямъ надлежитъ быть управляемымъ по Положенію о правительствѣ духовномъ и церковномъ римско-католическаго закона, состоя подъ духовною коллегіею, въ которой члены изъ уніатовъ не полагаются. Поднесенный въ этомъ смыслѣ докладъ 13 ноября 1801 г. былъ утвержденъ Государемъ <sup>1)</sup>. Хотя же Ростоцкій уже не могъ считаться митрополитомъ, ни пользоваться предоставленною ему прежде властью, однако она какъ бы и признавалась правительствомъ сохранившею силу, а именно въ рескриптѣ отъ 29 ноября 1804 г. Императоръ писалъ митрополиту Сестреничичу: „по докладу правительствующаго сената наименовали мы жидычинскаго архимандрита Корсака на суффраганію луцкую, съ достоинствомъ епископа, а какъ онъ въ сіе званіе по нынѣ не посвященъ, то и повелѣваемъ вамъ объявить уніатскому митрополиту Ростоцкому соизволеніе наше, дабы онъ номината Корсака, на основаніи данной ему отъ папы Климента VIII буллы, посвятилъ во епископа самъ или, по данной ему сею буллою власти, препоручилъ кому заблагоразсудить“ <sup>2)</sup>. Какъ бы то ни было, но Ростоцкому не долго пришлось проявлять послѣ того свою власть, такъ какъ 25 января 1805 г. онъ скончался; но кончина его послужила поводомъ къ новому ходатайству со стороны уніатовъ, если, наружно по крайней мѣрѣ, не о возстановленіи сана ихъ митрополита, то объ исправленіи его должности архіепископу полоцкому Ираклію Лисовскому. Повѣренный послѣдняго, игумень Аврелій Станиславскій, въ прошеніи, поданномъ 31 марта 1805 г.

<sup>1)</sup> П. С. З. № 20058.

<sup>2)</sup> Дѣло министерства юстиціи 1805 г. № 2081.

министру внутреннихъ дѣлъ, а имъ переданномъ министру юстиціи, въ вѣдѣніи котораго состояла римско-католическая духовная коллегія, доказывалъ, что Лисовскому слѣдуетъ отправлять митрополитскую должность, такъ какъ Замоискимъ провинціальнымъ соборомъ 1720 года, состоявшимся подъ предсѣдательствомъ папскаго нунція и утвержденнымъ папою Венедиктомъ XIII въ 1724 г., было установлено, что „ежели митрополитская кафедра сдѣлается вакантною, то доколѣ заступающій мѣсто не будетъ отъ св. апостольскаго престола установленъ, ближайшій архіерей, т. е. архіепископъ полоцкій, долженъ занять его мѣсто какъ въ духовныхъ дѣлахъ, такъ и въ распоряженіи имѣніемъ“. Къ этому Станиславскій присовокуплялъ, что митрополитская власть весьма нужна къ исполненію высочайшихъ повелѣній, коими нѣкоторые хотя и назначены въ суффраганы, но еще въ епископы не поставлены, „а г—ну римскихъ церковей митрополиту Сестренцевичу упоминаемая булла Климента VIII не служить“.

Съ своей стороны, Лисовскій, ходатайствуя, въ особой запискѣ, о томъ же, заявлялъ, „что хотя употребленіе означенной власти принесло бы несравненныя выгоды, ибо полоцкій архіепископъ имѣлъ бы право самъ по себѣ поставлять въ епископы и архимандриты униатской церкви, не употребляя ни титула митрополита, ни иного какого либо въ духовенствѣ внѣшняго преимущества, ибо онъ и званія митрополита не желаетъ, не имѣя соотвѣтственнаго оному содержанія, колыми паче, что и къ его собору большая часть принадлежавшихъ деревень, по поводу польскихъ революцій, досталась другимъ владѣльцамъ, но къ сему онъ не можетъ приступить безъ высочайшаго соизволенія.“

Для провѣрки этихъ ходатайствъ министр юстиціи потребовалъ заключенія по нимъ отъ прокурора католической духовной коллегіи Овцына, который, приведя переводъ постановленія Замоискаго собора въ другой противъ Станиславскаго редакціи и именно, что когда митрополитскій престолъ заприздаетъ, то архіепископъ полоцкій въ духовныхъ и временныхъ дѣлахъ онымъ будетъ управлять (а не „занять его мѣсто“, какъ перевелъ Станиславскій), высказалъ слѣдующее мнѣніе: указомъ отъ 28 апрѣля 1798 г. архіепископство полоцкое оставлено для униатовъ бѣлорусской губерніи, для живущихъ же въ литовской и минской губерніяхъ епископство бржестское, а для прочихъ губерній епископство луцкое, и въ бржестское 24 іюля того же года назначенъ епископомъ Булгакъ; а такъ какъ эта епархія, по большей части, составлена и отдѣлена изъ

бывшей епархіи уніатскихъ митрополитовъ, то нунцій графъ Литта, именемъ апостольскаго престола, грамотою отъ 8 декабря 1798 г. утвердилъ епископомъ въ ней Булгака и поручилъ ее въ его управленіе со всѣми преимуществами и доходами мѣстнаго архіерея. Затѣмъ, если, по закону, для посвященія въ епископы нуженъ уніатамъ митрополитъ, то нѣтъ закона, чтобы полоцкій архіепископъ пользовался преимуществомъ митрополита и былъ онымъ дѣйствительно, потому: во 1-хъ, что возвышеніе въ митрополитскій санъ зависѣло отъ привилегій польскихъ королей, и во 2-хъ, что постановленіе Замойскаго синода не гласитъ, чтобы полоцкій архіепископъ поступалъ по смерти митрополита въ это званіе, но обязанъ только управлять епархією покойнаго. А такъ какъ митрополитская епархія уже не существуетъ, вслѣдствіе сліянія ея съ бржестскою, а послѣдняя, распоряженіемъ нунція, имѣетъ уже своего епископа Булгака, то полоцкій архіепископъ уже не можетъ присвоивать себѣ положенія Замойскаго синода, но только имѣетъ право просить о дозволеніи употреблять духовную власть митрополита ему самому или другому ихъ же исповѣданія епископу. При этомъ Овцынь счелъ нужнымъ обратить вниманіе министра на необходимость принятія мѣръ, чтобы назначенный митрополитомъ, кромѣ духовной власти и дозволенныхъ церковными правилами преимуществъ, не касался ни мало до временныхъ дѣлъ другихъ епископовъ, и чтобы онъ, кромѣ положеннаго жалованья и доходовъ, по полоцкой епархіи ему принадлежавшихъ, ни на какіе прежде бывшіе по митрополитству съ имѣній доходы требованій въ виду своемъ не имѣлъ.

По докладѣ Государю ходатайства Лисовскаго, 14 мая 1805 г. послѣдовало высочайшее повелѣніе: „оставить его впредь до разсмотрѣнія“ <sup>1)</sup>, а черезъ годъ, указомъ отъ 24 іюля 1806 г., Лисовскому повелѣно было быть митрополитомъ уніатскихъ церквей въ Россіи и пользоваться всѣми правами и преимуществами, какія по правиламъ уніатской церкви и по грамотамъ въ разныя времена имѣлъ митрополитъ Ростоцкій <sup>2)</sup>.

Добившись титула митрополита, Лисовскій этимъ не ограничился и сталъ хлопотать о возстановленіи митрополичьей епархіи, чего и достигъ: по его представленію, указомъ отъ 14 февраля 1809 г. <sup>3)</sup> повелѣно было возстановить по прежнему литовскую

<sup>1)</sup> Дѣло м. ю. № 2081.

<sup>2)</sup> Архивъ Прав. Сен. кн. 292 Выс. указовъ, л. 303.

<sup>3)</sup> П. С. З. № 23482.

митрополичью епархію, причисля къ ней изъ бржестской 300 церквей и бывшія столовыя митрополичьи имѣнія, находившіяся до того въ вѣдѣніи бржестскаго епископа Булгака; для управленія же ею, въ центрѣ Литвы, въ Вильнѣ, учреждена консисторія и должность суффрагана.

Такимъ образомъ уніаты восторжествовали и ясно выраженному въ указѣ 1795 г. намѣренію дальневзоркой Императрицы Екатерины II, чрезъ подчиненіе уніатовъ вѣдѣнію и управленію первенствующей, т. е. православной, церкви привлечь еще большее число ихъ, если не всѣхъ „въ объятія“ этой церкви, была поставлена преграда, на преодоленіе которой потребовалось еще много лѣтъ. Отступленіе отъ вѣрной цѣли Императрицы началось съ изданія указа ея преемника 1798 г. о распространеніи на уніатовъ положенія о католическихъ епархіяхъ, т. е. о подчиненіи ихъ римско-католическому духовному начальству, подъ главенствомъ католическаго митрополита, а затѣмъ отрицаніе права ихъ церкви на самостоятельность, указаніемъ, что они или православные, или католики, „а не сами по себѣ“,—какъ сказано въ указѣ 29 декабря 1800 г., устранило вліяніе на нихъ православной церкви и, наоборотъ, еще болѣе усилило вліяніе католической, расчленивъ ей путь къ обращенію уніатовъ въ ея лоно всѣми свойственными ей средствами, а въ томъ числѣ и притѣсненіями. Что притѣсненія эти были, несомнѣнно доказывается: во 1-хъ, указомъ 12 іюля 1804 г. (П. С. З. № 21393), т. е. при жизни еще митрополита Ростоцкаго, о бытіи въ римско-католической коллегіи членамъ уніатскаго духовенства, съ положительнымъ предписаніемъ образованной на этомъ основаніи коллегіи „наблюдать, чтобы мѣстныя духовныя консисторіи, поступая по правиламъ, каждому исповѣданію свойственнымъ, ни подъ какимъ видомъ не дозволяли духовенству одного исповѣданія дѣлать какія либо притязанія къ вѣдомству другаго, наипаче же стѣснять свободу совѣсти или увлекать убѣжденіе ея какими либо способами, общему порядку и терпимости противными“, и во 2-хъ, прямою жалобою самого Лисовскаго <sup>1)</sup>, принесенною оберъ-прокурору Синода князю Голицыну, а имъ 20 іюля 1805 г. сообщенною, по Высочайшему повелѣнію, министру юстиціи, на то: 1) что католическая коллегія наряжаетъ безъ нужды слѣдственныя и бесполезныя комиссіи; 2) въ предписаніяхъ своихъ дѣлаетъ ему угрозы, съ презрѣніемъ

<sup>1)</sup> Дѣло м. ю. 1805 г. № 2848.

его сана; 3) причиняет постановленіями своими по уніатскимъ дѣламъ крайнія обиды и невозможности въ исполненіяхъ, а сверхъ того оное же правительство, послабленіями своими мѣстному начальству, совратило множество уніатовъ Вѣлоруссіи въ свой обрядъ, удерживая въ ономъ разными не позволительными и противозаконными средствами.

Въ виду такихъ жалобъ и „изъ желанія Государя,—какъ писалъ кн. Голицынъ,—доставить уніатамъ возможное пособіе“, вмѣсто того, чтобы обратиться къ возстановленію серьезнаго плана Императрицы Екатерины, придуманы были бюрократическія мѣры противодѣйствія католикамъ въ ихъ стремленіяхъ, и прежде всего назначеніемъ членовъ уніатскаго духовенства въ римско-католическую духовную коллегію, а затѣмъ, подъ видомъ скорѣйшаго окончанія накопившихся въ ней во множествѣ дѣлъ, раздѣленіе ея на два департамента: одинъ для католическаго духовенства, а другой для уніатскаго <sup>1)</sup>. Въ концѣ же концовъ, идя по проложенному такимъ образомъ пути, ничего болѣе не оставалось для уравниванія силъ обѣихъ сторонъ, какъ противопоставить католическому митрополиту должностное лицо въ такомъ же санѣ и на сторонѣ уніатовъ.

Повидимому, предположенная при этомъ цѣль,—прекращеніе столкновеній и ссоръ между католиками и уніатами въ самой коллегіи,—была достигнута, по крайней мѣрѣ, на первое время, такъ какъ, разъясняя министру юстиціи, по его требованію, въ чемъ состояли притѣсненія коллегіею уніатовъ и его самого, на которыя онъ сослался въ указанной выше жалобѣ, Лисовскій въ заключеніе своего объясненія высказалъ, что съ раздѣленіемъ коллегіи на два департамента, имѣя свое особое правленіе, уніаты будутъ ограждены отъ притѣсненій, и что онъ и духовенство его епархіи передаютъ вѣчному забвенію всѣ личныя обиды, еслибы только собственность уніатовъ, т. е. ихъ церкви и приходы, совращенные въ римскій обрядъ, могли быть имъ возвращены, что легко можетъ быть сдѣлано съ наблюденіемъ тишины и спокойствія тѣми мѣрами, о коихъ онъ представилъ митрополиту Сестренцевичу. Мѣры эти выразились въ слѣдующемъ, заявленномъ министру юстиціи, за обоюдною подписью Сестренцевича и Лисовскаго, прошеніи отъ 19 іюля 1806 г., условіи: Сестренцевичъ обязался не считать въ его епархіи уніатовъ, пере-

<sup>1)</sup> Указъ 16 іюля 1805 г., П. С. З. № 21836.

шедшихъ въ римскій обрядъ, и возвратить униатскихъ священниковъ съ ихъ приходами въ вѣдѣніе и управленіе униатскаго духовнаго начальства, предписавъ накрѣпко своимъ подчиненнымъ, чтобы тѣхъ перешедшихъ униатовъ они не принимали, а отсылали къ ихъ же униатскому начальству, и впредь униатовъ въ римскій обрядъ ни подь какимъ видомъ не принимать; Лисовскій же принялъ на себя обязательство возвращающихся такимъ образомъ въ его епархію принимать съ пастырскою любовію и особливо священниковъ оставить при ихъ мѣстахъ, ни мало не касаясь тѣхъ униатовъ, которые съ давнихъ временъ или по своимъ родителемъ состоятъ въ римскомъ обрядѣ.

По докладѣ Государю этого соглашенія, 23 іюля 1806 г. состоялось Высочайшее повелѣніе привести его въ исполненіе, о чемъ кн. Лопухинъ лишь на другой день сообщилъ новому митрополиту, вѣроятно зная заранѣе о предположеніи возвести его въ этотъ санъ, тогда какъ подобное же сообщеніе Сестрэнцевичу было послано въ самый день доклада <sup>1)</sup>.

#### Переписка митрополита Сестрэнцевича съ министромъ юстиціи кн. П. В. Лопухинымъ объ униатахъ.

Свѣтлѣйшій князь,

Милостивый государь!

Узнавъ отъ его высокопревосходительства Ивана Ивановича Михельсона, также и отъ бывшаго со стороны духовнаго депутата, что комиссія по дѣлу униатовъ, въ Вѣлоруссіи находившаяся, привела оное къ концу, хотя и не долженствую принимать въ томъ участія, однакоже по званію и обязанности моей имѣвъ нѣкоторыя отношенія съ симъ обрядомъ, приѣмлю честь донести объ оныхъ вашей свѣтлости и покорнѣйше просить принять ихъ въ благосклонное уваженіе, есла то по обстоятельствамъ нужно и потребно будетъ.

6 го февраля 1781 г. вслѣдствіе монаршаго повелѣнія, чтобы изъ вѣры въ вѣру и изъ обряда въ обрядъ не переходить, издалъ я прокламацію, запрещаю оною, дабы латинскіе священники не только не привлекали униатовъ, но и добровольно приходящихъ въ латинскій обрядъ не принимали. Сія прокламація

<sup>1)</sup> Д. м. ю. № 2848.

повторена мною въ апрѣлѣ 1782 и 1795 г.г. Въ 1796 г., когда осматривалъ я церкви кievской губерніи и нашелъ тамъ многихъ священниковъ безъ мѣстъ и безъ пропитанія, потому что многіе уніатскіе приходы присоединились къ господствующей религіи, то получа отъ бывшаго тамъ епископа Цицишевскаго письмо г. генераль-губернатора Тутолмина отъ 4 апрѣля того года, въ коемъ между прочимъ сказано: „остаться дозволено уніатскимъ священникамъ, принявшимъ обрядъ римскія церкви, при управленіи приходами римской религіи“, далъ моей консисторіи слѣдующаго содержанія предложеніе: „я не говорю о буллахъ, понеже общихъ о переходѣ нѣтъ, а частныя, для королевства польскаго изданныя, до насъ уже не касаются. Гражданское же правительство запрещаетъ служить по обряду уніатскому священникамъ уніатскимъ, которыхъ находится великое число безъ мѣстъ и въ бѣднѣйшемъ состояніи, а мы въ священникахъ нуждаемся; и такъ, позволяю таковымъ уніатскимъ священникамъ отправлять мшу <sup>1)</sup> или литургію нашимъ обрядомъ, если начальники засвидѣтельствуютъ о знаніи ими того обряда, и они могутъ быть нанимаемы какъ викарные при нашихъ церквахъ“. Но все сіе не относилось вообще до уніатовъ, а до пропитанія только бѣдныхъ священниковъ, и то по ихъ волѣ.

Въ таковомъ положеніи оставались дѣла, до уніатовъ относящіяся, до вторичнаго моего опредѣленія въ римско-католическую духовную коллегію, въ которой бывшій президентъ, во время удаленія моего, далъ могилевской консисторіи предложеніе, основанное на письмѣ бывшаго посла графа Литта, дабы она относительно перехода базилиановъ повиновалась буллѣ папы Урбана VIII, въ 1624 г. изданной и позволяющей переходить свѣтскимъ уніатамъ въ латинскій обрядъ, священникамъ же то запрещающей, и когда я утверждалъ, что сіе не сходствуетъ съ нашими прежними прокламаціями и съ состоявшимися узаконеніями, а нѣкоторые члены желали меня убѣдить, якобы блаженныя памяти Императоръ Павелъ не былъ противенъ переходу уніатовъ въ латинскій обрядъ, то для извлеченія ихъ изъ сего несправедливаго мнѣнія я принужденъ былъ показать имъ изъ одного моего о томъ разговора съ его величествомъ выписку, которая, какъ въ присутствіи читанная, и занесена въ журналъ, но безъ всякаго дальнѣйшаго дѣйствія.

---

<sup>1)</sup> „Мша“ по польски месса.

Я долженъ въ откровенности признаться предъ вашей свѣтлостю, что, какъ архіерей латинскаго обряда, я не могъ на себя лично ничего принять и долженствовалъ поставить въ виду волю монарха, которой надлежитъ повиноваться. Многократно имѣвъ счастье разговаривать съ покойнымъ Императоромъ, я записывалъ его слова, изъявленія и повелѣнія, дабы всегда ихъ твердо помнить, и теперь сохраняю у себя цѣлую книгу, какъ нѣкакую драгоценность. Такимъ образомъ унія въ мое управленіе пребывала спокойно безъ притѣсненія и послабленія; если же въ сентябрѣ 1801 г. дана въ бывшемъ департаментѣ резолюція о свободномъ переходѣ въ латинскій обрядъ велижскимъ уніатамъ, то сіе случилось безъ меня и до моего вторичнаго помѣщенія, такъ какъ и при мнѣ въ 1803 г. состоялась резолюція, которой я не могъ препятствовать, чтобъ оставаться въ латинскомъ обрядѣ уніатамъ, гринявшимъ оный при прежнемъ президентѣ и по его предложенію, а если въ рубрицеллѣ на 1803 г. официаломъ моимъ прибавлено въ епархіи моголевской двѣ церкви, то сіе учинено безъ моего вѣдома, и я самъ замѣтилъ ихъ излишне написанными. Впрочемъ, таковой рубрицеллъ ничто иное есть, какъ роспись всѣхъ церквей и священниковъ, подаваемая каждый годъ епархіальному архіерею для свѣдѣнія. Тѣмъ же официаломъ присланный ко мнѣ переводъ латинской мши или литургіи, какъ напечатанный безъ моего одобренія и позволенія, я отослалъ къ нему обратно съ негодованіемъ и былъ въ подвигѣ показать ему большее неудовольствіе, но онъ между тѣмъ умеръ.

Пользуясь всегда милостивымъ расположеніемъ вашей свѣтлости, смѣю льстить себя надеждою, что въ каждомъ томъ случаѣ, гдѣ по дѣлу уніатовъ коснутся до меня что можетъ, я воспользуюсь вашимъ многомогущимъ заступленіемъ и не содѣлаюся на старости моей жертвою какого неудовольствія, особливо же при столь безпристрастномъ поведеніи моемъ въ содержаніи и управленіи сего обряда.

Я тѣмъ съ большею увѣренностью надѣюсь приобрѣсть доброе о мнѣ вашей свѣтлости мнѣніе, что всегда старался свято на блюсти мой долгъ и присягу, и если подвергался иногда утѣсненію, то не за иное что, какъ за преданность къ пользамъ службы.

Навсегда имѣю честь пребывать съ истиннымъ высокопочитаемъ и душевною преданностью, м. г., вашей свѣтлости покорнѣйшій слуга † митрополитъ С. Сестреницвичъ.

Марта 29 дня 1805 г.

## Отвѣтъ кн. Лопухина.

Ваше высокопреосвященство, милостивый государь мой!

На отношеніе вашего высокопреосвященства о дѣлахъ уніатскихъ долгомъ поставляю съ откровенностію сказать вамъ, что за точными и ясными повелѣніями монаршими, запрещающими переходъ изъ вѣры въ вѣру и изъ обряда въ обрядъ, исключая господствующей религіи, не могутъ имѣть мѣста никакія разсужденія ни католическихъ архіереевъ, ни русскихъ, если оныя, подъ какимъ бы то предлогомъ ни было, не согласуются въ точности съ священною волею государей императоровъ. Я тѣмъ рѣшительнѣе говорю о семъ вашему высокопреосвященству, что по особенной къ вамъ милости и благоволенію самодержцевъ всероссійскихъ не только сами должны служить примѣромъ безмольнаго повиновенія волѣ монаршей, но наблюдать и за другими, дабы ни мало отъ того не уклонялись и не смѣли бы допускать никакихъ происковъ, которые всегда будутъ отвергаемы съ посрамленіемъ дерзнувшаго употреблять оныя. Мнѣ не для чего повторять вашему высокопреосвященству, что въ подлежащемъ дѣлѣ и самыя буллы папскія имѣютъ одинакій смыслъ съ указами государевыми, и я не понимаю какъ изъ ясныхъ словъ буллы Бенедикта XIV, также рѣшительно запрещающей переходы изъ одного обряда къ другому, можно сказать, что нѣтъ общихъ буллъ о переходѣ. Впрочемъ, я всегда увѣренъ, что ваше высокопреосвященство, по ревности и усердію вашему къ точному исполненію воли государевой, употребите всѣ зависящіе отъ васъ способы къ прекращенію безпорядковъ въ обращеніи уніатовъ въ католики, содѣйствуя таковыми мѣрами пользѣ общей.

31 марта 1805 г. № 2016<sup>1)</sup>.

Подтверженіемъ словъ Сестренцевича о томъ, что онъ записывалъ бесѣды съ нимъ Императора Павла, служитъ слѣдующая выписка изъ журнала римско-католической духовной коллегіи 29 іюля 1802 г.

„Сего числа его высокопреосвященство предсѣдательствующій митрополитъ и кавалеръ Сестренцевичъ изволилъ предложить коллегіи: 1) сообщенныя его высокопреосвященству отъ бывшаго

<sup>1)</sup> Дѣло м. ю. 1805 г. № 2822.

здѣсь папскаго нунціуса архіепископа Литта въ 1798 году двѣ засвидѣтельствованныя копіи изданныхъ отъ помянутаго нунціуса распоряженій относительно унитскихъ лужкой и бржесткой епархій, коими на основаніи именнаго высочайшаго блаженныя памяти государя императора Павла I указа отъ 30 апрѣля 1798 г., о учиненіи таковыхъ со стороны святѣйшаго папы согласныхъ съ правилами римско-католической церкви, по содержанію именныхъ Высочайшихъ указовъ, состоявшихся въ 28 день того-жъ мѣсяца и года, о учрежденіи 6 римско-католическихъ и 3 унитскихъ епархій, въ поминутыхъ унитскихъ епархіяхъ утаѣвлены какъ мѣстные архіереи съ подлежащими духовными преимуществами, такъ и прочіе епархіальные чиновники и правительства, съ учрежденіемъ при томъ въ обѣихъ означенныхъ епархіяхъ суффрагановъ или помощниковъ въ исправленіи архіерейскихъ обязанностей. 2) Выписанное изъ собственнаго его высокопреосвященства домашняго памятника продолженіе аудіенціи, которою его высокопреосвященство имѣлъ счастье быть удостоенъ отъ блаженныя памяти государя императора Павла I 27 марта 1799 г., въ коемъ, между прочимъ, значить, что его императорское величество послѣ ужина того дня соизволилъ подойти къ его высокопреосвященству и сказать: „Я съ вами еще не все окончилъ. Когда нунціусъ отважится опровергать государственныя права, будетъ вмѣшиваться въ правленіе и станетъ поступать противъ наставленій, которыя я вамъ далъ, обязываю васъ сообщить о томъ генераль-прокурору, въ какомъ случаѣ поставляю васъ законнымъ доносчикомъ. Не позабудьте во всемъ ко мнѣ относиться“. Когда же на то его высокопреосвященство сказалъ: „помню выраженіе, находящееся въ концѣ послѣдняго вашего величества рескрипта (отъ 17 марта); однакожь ваше величество всемилостивѣйше дозволите мнѣ зависѣть отъ папы, яко главы католической церкви, какъ то, напримѣръ, преднамѣреніе правительства есть, чтобы орденъ базилианскій самъ по себѣ уничтожился, запрещено вновь постригать и посвящать, а дозволено принимать латинскій обрядъ, господинъ же нунціусъ, по силѣ ясныхъ узаконеній и якобы основательно приказалъ, чтобы они возвращались въ ихъ восточный обрядъ“, его величество на то возразилъ: „Нѣтъ, пусть они того не дѣлаютъ; сіе заслуживаетъ на полное мое утвержденіе<sup>1)</sup>, чтобы они приняли

---

<sup>1)</sup> Такъ въ подлинной выпискѣ.

латинскій обрядъ“. Приказали: объ ономъ записать въ журналъ, а сверхъ того съ означенныхъ папскаго нунціуса рескриптовъ или духовныхъ распоряженіяхъ о уніатскихъ епархіяхъ луцкой и бржестской, равно какъ и съ онаго продолженія аудіенціи его высокопреосвященства снявъ точныя копіи, хранить въ архивѣ коллегіи. При подписаніи всѣми присутствующими сего журнала архимандритъ Іосифъ Бышковскій объявилъ, что онъ на все согласенъ, кромѣ послѣдняго пункта, касательно выписи изъ приватнаго памятника его высокопреосвященства г. митрополита и кавалера.“

Повидимому, выписка эта только въ 1805 году была доставлена министру юстиціи, который 25 марта этого года объявилъ Сестреничичу, „что Его Императорское Величество, находя, что подобныя обстоятельства (описаніе аудіенціи) въ журналъ помѣщать непристойно и съ порядкомъ несовмѣстно, высочайше повелѣлъ сообщить, дабы впредь ничего подобнаго и до дѣлъ коллегіи не относящагося въ журналъ оной вносимо не было“<sup>1)</sup>.

---

<sup>1)</sup> Дѣло м. ю. 1805 г. № 3605.

## КАССАЦІОННАЯ ПРАКТИКА.

ВОПРОСЫ; РАЗРЪШЕННЫЕ ОБЩИМЪ СОБРАНІЕМЪ КАССАЦІОННЫХЪ И СЪ УЧАСТІЕМЪ ПЕРВАГО И ВТОРАГО ДЕПАРТАМЕНТОВЪ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА ВЪ 1898 ГОДУ

(Продолженіе).

Составилъ Н. Н. Быстровъ.

30. 5 октября 1898 г. Т. XII Свод. зак. по прод. 1893 г. уст. строит., ст. 322 и 361.

Вопросъ о томъ, имѣютъ ли право городскія думы, въ виду 322 и 361 ст. уст. строит. (1 ч. XII т. Свод. зак. по прод. 1893 г. и ст. 109 городов. полож. изд. 1892 г.), дѣлать обязательныя постановленія относительно *ширины* деревянныхъ строеній,

разрѣшенъ въ отрицательномъ смыслѣ въ виду того, что, на основаніи ст. 361 уст. строит. по прод. 1893 г. т. XII, всѣ жилия и нежилая деревянныя строенія, кромѣ фабричныхъ, должны быть *длиною* не болѣе 12 саж., при чемъ о ширинѣ деревянныхъ зданій въ текстѣ этой статьи не упоминается; а на основаніи 2 прим. къ той же 361 ст. устройство предназначенныхъ для пользованія публики зданій—театровъ, цирковъ допускается въ длину и ширину до 20 саж., а балагановъ для зрѣлищъ—въ длину до 25 саж. и шириной, внутри между стѣнами, до 8 саж. Однако, неупоминаніе въ указанной 361 ст. уст. строит. о *ширинѣ* деревянныхъ зданій, кромѣ театровъ, цирковъ и балагановъ для зрѣлищъ—*неравносильно* отсутствію въ ней постановленій по сему предмету.

Напротивъ, отсутствіе въ ней какихъ-либо ограниченій относительно ширины деревянныхъ зданій (кромѣ театровъ, цирковъ и балагановъ для зрѣлищъ) указываетъ, что законъ допускаетъ любую ширину оныхъ, конечно, въ естественныхъ ея предѣлахъ, т. е., въ предѣлахъ, не превышающихъ размѣра *длины* деревянныхъ зданій, такъ какъ съ превышеніемъ размѣра *длины* ширина зданія обратилась бы въ его длину, а длина—въ ширину.

А такъ какъ 361 ст. уст. строит. устанавливаетъ предѣльную длину жилыхъ и нежилыхъ деревянныхъ зданій, кромѣ фабричныхъ и театровъ, цирковъ и балагановъ для зрѣлищъ,—въ 12 сажень, то, очевидно и ширина сихъ зданій не можетъ быть болѣе 12 сажень, и такъ какъ городскія думы въ составляемыхъ ими, по силѣ 108 ст. городского полож., обязательныхъ постановленій не должны ни въ чемъ противорѣчить существующимъ законамъ, онѣ не имѣютъ права дѣлать, въ отмѣну ст. 361 уст. строит., обязательныхъ постановленій о ширинѣ деревянныхъ зданій (№ 13).

**31. 5 октября 1898 г. Т. II Свод. зак. городское полож., ст. 108 и 109.**

Въ виду содержащагося въ ст. 361 уст. строит. (т. XII Свод. зак. по прод. 1893 г.) опредѣлительнаго постановленія о ширинѣ деревянныхъ жилыхъ и нежилыхъ строеній, городскія думы не имѣютъ права, въ отмѣну онаго, издавать какія-либо обязательныя постановленія по тому же предмету (№ 13).

**32. Т. XVI ч. 1 Свод. зак. уставъ гражд. суд., ст. 1326.**

Вопросъ о томъ, подлежитъ ли разсмотрѣнію Правительствующаго Сената (по Гражданскому Кассационному Департаменту) кассационная жалоба на постановленное судебною палатою въ особомъ присутствіи апелляціонное рѣшеніе, если проситель жалуется на то, что, вопреки его требованію, дѣло было рѣшено особымъ присутствіемъ палаты, тогда какъ оно подлежало производству въ общемъ судебномъ порядкѣ, разрѣшенъ въ смыслѣ утвердительномъ, въ виду того, что хотя дѣла о вознагражденіи за убытки, причиненные должностными лицами административнаго вѣдомства, производятся по общимъ правиламъ гражданскаго судопроизводства съ указанными въ законѣ (ст. 1316 уст. гражд. суд.) изъятіями, изъ коихъ одно заключается въ томъ, что по дѣламъ этого рода допускается только апелляція, а кассационныхъ жалобъ не допускается, по постановленіе это

имѣть безусловную силу лишь въ томъ случаѣ, если особое присутствіе, образуемое по 1320 и 1321 ст. уст. гражд. суд., разрѣшило дѣло, ему подсудное, на основаніи 1317 ст. уст. гражд. суд. Къ иному заключенію слѣдуетъ прийти, если искъ предъявленъ въ *общемъ порядкѣ* судопроизводства (ст. 202 уст. гражд. суд.), а между тѣмъ дѣлу дано направленіе въ порядкѣ 1316 ст. уст. гражд. суд., или, наоборотъ, когда тяжущійся полагаетъ, что дѣло его подлежитъ разсмотрѣнію въ порядкѣ судебно-административномъ, а окружный судъ и судебная палата разрѣшаетъ оное въ судебномъ порядкѣ. Несомнѣнно, что въ этихъ случаяхъ *постановленное судебною палатою въ общемъ порядкѣ* рѣшеніе подлежало бы кассационному обжалованію въ Гражданскій Кассационный Департаментъ Правительствующаго Сената, который, по признаніи указанного рѣшенія палаты постановленнымъ неправильно, направилъ бы дѣло къ законному порядку; 1316 ст. уст. гражд. суд. *не препятствуетъ въ указанныхъ случаяхъ разсмотрѣнію кассационной жалобы.* (№ 14).

### 33. 5 октября 1898 г. Т. XIII Свод. зак. изд. 1892 г., ст. 588.

Вопросъ о томъ, подлежитъ ли вѣдѣнію волостныхъ судовъ Прибалтійскихъ губерній разсмотрѣніе требованій волостной полиціи о присужденіи способныхъ къ работамъ членовъ волости, не исполнившихъ въ теченіе двухъ лѣтъ общественныхъ своихъ повинностей, во временное услуженіе или общественныя работы для зарабатыванія числящихся на нихъ недоимокъ (ст. 538 т. XIII Свод. зак. изд. 1892 г.) (№ 5), разрѣшенъ въ отрицательномъ смыслѣ въ виду того, что требованія, упомянутыя въ 1632 ст. уст. общ. призр. по прод. 1890 г., въ которую, какъ равно и въ 588 ст. того же устава, всецѣло вошелъ § 19 Высочайше утвержденныхъ 11 іюня 1866 г. правилъ объ общественномъ благосостояніи въ волостяхъ Остзейскихъ губерній, законами 9 іюня 1889 г. о преобразованіи крестьянскихъ присутственныхъ мѣстъ Прибалтійскихъ губерній (Собраніе узаконеній и распоряж. правит. 1889 г., прилож. къ № 78, ст. 675), изданными именно для преобразованія судебной части и крестьянскихъ присутственныхъ мѣстъ Прибалтійскихъ губерній, не отнесены къ предметамъ вѣдомства волостныхъ судовъ, каковыя предметы точно опредѣлены въ новомъ волостномъ судебномъ уставѣ (№ 15).

34. 5 октября 1898 г. Полож. о крестьянахъ Лифляндской губерніи 1860 г., ст. 1033, 1036, 1040, 1042, 1049, 1051, 1052, 1054—1061, 1069—1075, 1078, 1079, 1081, 1082, 1086 и 1095—1102.

Въ этихъ статьяхъ положенія о крестьянахъ Лифляндской губерніи 1860 г. не предусмотрънъ случай, упомянутый въ 588 ст. уст. общ. призр. (т. XIII Свод. зак. изд. 1892 г.), а именно, требованіе полиціи, обращенное къ волостному суду, о присужденіи способныхъ къ труду членовъ волости, не исполнившихъ въ теченіе двухъ лѣтъ общественныхъ своихъ повинностей, во временное услуженіе или въ общественныя работы для зарабатыванія числящихся на нихъ недоимокъ, почему подобныя требованія полиціи въ настоящее время не подлежатъ вѣдѣнію волостныхъ судовъ Прибалтійскихъ губерній (№ 15).

35. 21 декабря 1898 г. Положеніе о преобразованіи крестьянскихъ присутственныхъ мѣстъ Прибалтійскихъ губерній (Собр. узак. 1889 г. прилож. къ № 78 ст. 675), ст. ст. 242, 253, 254, 256, 257, 273.

Вопросъ о томъ, въ правѣ ли волостные суды Прибалтійскихъ губерній разрѣшать по ходатайствамъ опекуновъ выдachu изъ государственныхъ сберегательныхъ кассъ вкладовъ, принадлежащихъ подопечнымъ крестьянамъ, или же означенные суды обязаны испрашивать на то чрезъ верхніе крестьянскіе суды разрѣшеніе подлежащаго мирового съѣзда,

разрѣшенъ утвердительно въ виду того, что содержащіяся въ положеніи о преобразованіи крестьянскихъ присутственныхъ мѣстъ Прибалтійскихъ губерній (Собр. узак. 1889 г. прилож. къ № 78 ст. 675) постановленія закона приводятъ къ заключенію, что право волостныхъ судовъ завѣдывать, въ числѣ другаго имущества подопечныхъ лицъ, принадлежащими послѣднимъ наличными деньгами, помѣщать ихъ въ кредитныя учрежденія, давать имъ то или другое назначеніе, а слѣдовательно, получать изъ кредитныхъ установленій обратно и вообще распоряжаться ими въ интересахъ подопечныхъ присвоено волостнымъ судамъ непосредственно, безъ всякаго участія въ этомъ мирового съѣзда, разрѣшеніе котораго по опекунскимъ дѣламъ требуется только на продажу и залогъ недвижимаго имѣнія, а равно на обремененіе его сервитутами, въ виду чего для признанія волостныхъ судовъ обязанными испрашивать разрѣшенія мировыхъ съѣздовъ на полученіе изъ государственныхъ сберегательныхъ кассъ

вкладовъ, принадлежащихъ подопечнымъ крестьянамъ, нѣтъ законнаго основанія. (№ 15).

36. 21 декабря 1898 г. Особ. прилож. къ IX т. Свод. зак. общ. полож. о крест., ст. 21 примѣч.

Въ назначеніи опекуновъ и попечителей, въ повѣркѣ ихъ дѣйствій и во всѣхъ сего рода дѣлахъ крестьянамъ предоставлено закономъ (примѣч. къ 21 ст. общ. полож. особ. прилож. къ IX т. Свод. зак.) руководствоваться мѣстными обычаями; изъ этого общаго правила закономъ 12 іюня 1889 г. установлено одно лишь изъятіе относительно отчужденія принадлежащихъ несовершеннолѣтнимъ крестьянамъ имуществъ, въ виду чего примѣненіе къ симъ опекамъ дѣйствія общихъ законовъ, опредѣляющихъ права и обязанности опекуновъ, назначаемыхъ надъ лицами другихъ сословій, не можетъ имѣть мѣсто за силою ст. 65 закон. основныхъ, въ виду чего для выдачи капиталовъ, состоящихъ въ вѣдѣніи опеки, подвѣдомственныхъ сельскому и волостному сходамъ, не требуется разрѣшеніе губернатора. (№ 16).

37. 21 декабря 1898 г. Т. IX особ. прилож. общ. пол. времен. прав. о волост. суд., ст. 31.

Вопросъ объ участіи лицъ прокурорскаго надзора въ разсмотрѣніи уѣздными сѣздами представленныхъ земскими начальниками въ порядкѣ ст. 31 времен. прав. о волост. суд. рѣшеній волостныхъ судовъ по гражданскимъ дѣламъ—

разрѣшенъ въ томъ смыслѣ, что, при разсмотрѣніи уѣздными сѣздами представляемыхъ земскими начальниками въ порядкѣ, указанномъ въ ст. 31 времен. прав. о волостн. судѣ, жалобъ на рѣшенія волостныхъ судовъ по гражданскимъ дѣламъ, участіе лицъ прокурорскаго надзора требуется только въ случаяхъ, означенныхъ въ 123 ст. правилъ объ устройствѣ судебной части и производствѣ судебныхъ дѣлъ въ мѣстностяхъ, въ которыхъ введено положеніе о земскихъ участковыхъ начальникахъ,—въ виду того, что уѣздный сѣздъ, при разсмотрѣніи жалобъ на рѣшенія волостныхъ судовъ по *всѣмъ гражданскимъ дѣламъ*, долженъ руководствоваться ст. 123 правилъ объ устройствѣ судебной части и производствѣ судебной части въ мѣстностяхъ, въ которыхъ введено положеніе о земскихъ участковыхъ начальникахъ, на основаніи которой товарищъ прокурора даетъ свое заключеніе *только по дѣламъ*, въ этой статьѣ указаннымъ. (№ 17).

38. 21 декабря 1898 г. Т. IX ч. 1 Свод. зак., правила объ устройствѣ судебной части и производствѣ судебныхъ дѣлъ въ мѣстностяхъ, въ которыхъ введено положеніе о земск. участк. начальникахъ, ст. 123.

Въ виду того, что, при разсмотрѣніи жалобъ на рѣшенія волостныхъ судовъ по гражданскимъ дѣламъ, уѣздный съѣздъ долженъ руководствоваться 123 ст. правилъ объ устройствѣ судебной части и производствѣ дѣлъ въ мѣстностяхъ, въ которыхъ введено положеніе о земскихъ участковыхъ начальникахъ, на основаніи которой товарищъ прокурора даетъ свое заключеніе *только по дѣламъ*, точно въ этой статьѣ указаннымъ, — участіе лицъ прокурорскаго надзора, при разсмотрѣніи въ уѣздномъ съѣздѣ вышеуказанныхъ жалобъ требуется *лишь въ случаяхъ*, означенныхъ въ 123 ст. правилъ объ устройствѣ судебной части въ мѣстностяхъ, гдѣ введено положеніе о земскихъ начальникахъ. (№ 17).

39. 21 декабря 1898 г.

Вопросъ о томъ, подлежатъ ли дѣйствию ст. 1 отд. I Высочайше утвержденнаго 14 декабря 1893 г. мѣнія Госуд. Совѣта (Собр. узак. 1894 г. № 15, ст. 94) крестьянскія надѣльныя земли, отчуждаемыя понудительнымъ порядкомъ для государственной или общественной надобности,

разрѣшенъ въ отрицательномъ смыслѣ на томъ основаніи, что, въ виду постановленія 576 ст. св. зак. гражд. (т. X ч. 1), немислимо, чтобы допущенное Высочайшею волею понудительное отчужденіе недвижимаго имущества для государственной или общественной надобности могло подлежать утвержденію и разрѣшенію со стороны органовъ подчиненныхъ верховной власти управленій (80 и 81 ст. основ. зак.), каковой выводъ подтверждается содержащимися въ отчетѣ Госуд. Совѣта 1893—94 г. г. указаніями на то, что, при изданіи закона о мѣрахъ къ предупрежденію отчужденія крестьянскихъ земель, не имѣлось въ виду не допускать понудительнаго отчужденія оныхъ, въ отмѣну существующихъ узаконеній, но только было признано излишнимъ въ законѣ, постановленномъ къ огражденію надѣльной земли отъ случайностей частнаго гражданскаго оборота, упоминать о притязаніяхъ къ ней государства, уполномочія котораго въ этомъ отношеніи должны оставаться безъ всякаго измѣненія и на будущее время (№ 18).

## 40. 21 декабря 1898 г. Т. X ч. 1 Свод. зак. гражд., ст. 576.

Законъ 14 декабря 1893 г., исходя изъ того положенія, что опредѣленія дѣйствующаго закона, касающіяся отчужденія надѣловъ крестьянскими обществами, недостаточно обезпечиваютъ сохранность общественнаго земельного достоянія крестьянъ и что представленная крестьянскимъ обществамъ свобода распоряженія ихъ землями сопровождается иногда такимъ вредомъ для крестьянъ, который вполне оправдываетъ усиленіе правительственнаго контроля за отчужденіемъ обществами крестьянъ принадлежащихъ имъ надѣловъ (отчетъ Госуд. Совѣта 1893—94 г. г., стр. 616), постановилъ въ отношеніи продажи надѣльной земли сельскими обществами правило, изложенное въ ст. 1 отд. I указаннаго закона, въ коемъ первая половина перечисляетъ изъятія, на которыя не распространяется дѣйствіе общаго правила, изображеннаго въ первой половинѣ ст. 1 отд. I закона 14 декабря 1893 г. Хотя въ числѣ этихъ изъятій не упоминается о понудительномъ отчужденіи для государственной или общественной надобности надѣльной крестьянской земли, но изъ сего не слѣдуетъ, что къ симъ случаямъ примѣняется правило первой половины ст. 1 отд. I упомянутаго закона, въ виду чего и по соображенію съ 576 ст. т. X ч. 1 св. зак. гражд. Прав. Сенатъ пришелъ къ заключенію, что совершеніе крѣпостнаго акта (купчей крѣпости или данной) на отчужденіе сельскими обществами для государственной или общественной надобности обусловливается уже воспослѣдованіемъ на этотъ случай именнаго Высочайшаго указа, не требуя отъ участвующихъ въ сдѣлкѣ лицъ представленія, въ подтвержденіе законности ея, удостовѣренія органовъ подчиненнаго управленія, и потому крестьянскія надѣльныя земли, отчуждаемыя понудительнымъ порядкомъ для государственной или общественной надобности, *не подлежатъ дѣйствію* ст. 1 отд. I Высочайше утвержденнаго 14 декабря 1893 г. мѣннія Государственнаго Совѣта (Собр. узак. 1894 г. № 15, ст. 94). (№ 18).

## 41. 21 декабря 1898 г. Т. XVI Свод. зак ч. 1, уст. гражд. суд. ст. 240.

Губернское по поселянскимъ дѣламъ присутствіе, обнаруживъ существованіе судебныхъ рѣшеній, коими разрѣшены поземельные споры между владѣльцами селеній и водворенными въ сихъ послѣднихъ поселянами, и находя, что споры эти, какъ вытекающіе изъ поземельныхъ отношеній между землевладѣльцами и

водворенными на ихъ земляхъ поселянами, не подлежатъ вѣдѣнію судебныхъ установленій, имѣть право возбудить (согласно разъясненію въ рѣш. Общ. Собр. I и Кассац. Д.—товъ 1881 г., № 65) производство о неподсудности такихъ дѣлъ судебнымъ установленіямъ въ порядкѣ, опредѣленномъ 240 ст. уст. гражд. суд. (№ 19).

42. Если имѣніе, составляющее предметъ спора между его владѣльцемъ и водворенными въ этомъ имѣніи поселянами, принадлежитъ къ разряду земель, утвержденныхъ за владѣльцами *на бекскомъ правѣ*, т. е. въ силу Высочайшаго рескрипта 6 декабря 1845 г. (Полн. собр. зак. 1845 г., № 20672), и если поселяне этого имѣнія, къ коимъ предъявлены владѣльцами его иски, поселились въ немъ до 1870 г., то такое имѣніе въ отношеніи поземельнаго устройства водворенныхъ въ немъ поселянъ должно подлежать дѣйствію Высочайше утвержденнаго 14 мая 1870 г. положенія о поземельномъ устройствѣ государственныхъ поселянъ, водворенныхъ на земляхъ лицъ высшаго мусульманскаго сословія (особ. прил. къ IX т. Свод. зак. мѣстн. полож. Закавказья, ст. 2 примѣч. 2 прилож.), по силѣ коего (ст. 12, 14 и 79 прилож. къ ст. 30 и ст. 139) до прекращенія обязательныхъ отношеній поселянъ къ владѣльцамъ, на земляхъ коихъ они водворены, посредствомъ выкупа отведеннаго имъ въ опредѣленномъ порядкѣ надѣла, всѣ поземельные споры владѣльцевъ съ сими поселянами подлежатъ вѣдѣнію учреждений по крестьянскимъ дѣламъ (№ 19).

43. 2 ноября 1898 г. Т. XVI ч. 1 Свод. зак. уст. угол. суд., ст. 177 и уст. гражд. суд., ст. 190.

Вопросъ о томъ, требуется ли представленіе кассационнаго залога въ размѣрѣ десяти рублей при подачѣ кассационныхъ жалобъ по уголовнымъ и гражданскимъ дѣламъ на окончательные приговоры и рѣшенія окружныхъ судовъ, въ качествѣ мировыхъ сѣздовъ, согласно закону 13 мая 1896 г. о примѣненіи Судебныхъ Уставовъ къ губерніямъ и областямъ Сибири,

разрѣшенъ въ отрицательномъ смыслѣ, въ виду того, что ст. 177 уст. угол. суд. и 190 ст. уст. гражд. суд. устанавливаютъ представленіе залоговъ лишь по дѣламъ, поступающимъ въ Кассационные Департаменты Прав. Сената, и принятіе этой мѣры, какъ то видно изъ справки съ законодательными источниками вышеуказанныхъ статей закона, было вызвано необходимостію

предупредить наплывъ неосновательныхъ жалобъ въ высшее судебное учрежденіе Имперіи. Съ изданіемъ же закона 13 мая 1896 г. объ устройствѣ судебной части въ Сибири, обязанности Кассационныхъ Департаментовъ, въ отношеніи разсмотрѣнія жалобъ на окончательные приговоры и рѣшенія окружныхъ судовъ, постановленные въ качествѣ мировыхъ сѣздовъ, перенесены на судебныя палаты: Казанскую и Иркутскую, находящіяся въ иныхъ условіяхъ дѣятельности, чѣмъ Правительствующій Сенатъ. Къ тому же и въ Высочайше утвержденныхъ 13 мая 1896 г. временныхъ правилахъ о примѣненіи Судебныхъ Уставовъ къ Сибири не содержится какихъ-либо постановленій о представленіи кассационныхъ залоговъ по дѣламъ, поступающимъ въ судебныя палаты, на основаніи 37 и 69 ст. указанныхъ временныхъ правилъ. (№ 20).

#### 44. 2 ноября 1898 г. Т. XV Свод. зак. улож. наказ., ст. 1597.

Незаконное сожительство лицъ, находящихся между собою въ третьей степени двухроднаго свойства, въ каковой степени, по каноническимъ правиламъ церкви, браки безусловно воспрещаются, заключаетъ въ себѣ всѣ признаки преступленія, предусмотрѣннаго не 1594, а 1597 ст. улож. наказ., а такъ какъ къ обвиняемому въ этомъ преступленіи и притомъ состоящему въ бракѣ лицу обвиненіе могло быть предъявлено единственно лишь по 2 ч. 1597 ст. улож. наказ., опредѣляющей наказаніе, означенное въ 1585 ст. улож. наказ., въ высшей мѣрѣ, назначаемое судомъ гражданскаго вѣдомства,—то дѣло по обвиненію въ указанномъ преступленіи неподсудно духовному суду, а подлежитъ разсмотрѣнію суда гражданскаго вѣдомства (№ 21).

#### 45. 2 ноября 1898 г. Т. XVI ч. 1 уст. гражд. суд., ст. 190.

Въ виду того, что въ Высочайше утвержденныхъ 13 мая 1896 г. временныхъ правилахъ о примѣненіи Судебныхъ Уставовъ къ Сибири не содержится какихъ-либо постановленій о представленіи кассационныхъ залоговъ по дѣламъ, поступающимъ въ Казанскую и Иркутскую судебныя палаты, на основаніи 37 и 69 ст. указанныхъ правилъ, *не требуется* представленіе кассационнаго залога въ размѣрѣ десяти рублей при подачѣ кассационныхъ жалобъ по гражданскимъ дѣламъ на окончательныя рѣшенія окружныхъ судовъ, постановленные послѣдними въ качествѣ мировыхъ сѣздовъ. (№ 20).

См. прилож. къ 177 ст. уст. угол. суд.

46. 30 ноября 1898 г. Т. XVI ч. 1 Свод. зак., правила о порядкѣ производства дѣлъ у земскихъ начальниковъ и городскихъ судей, ст. 209.

Вопросъ о томъ, надлежитъ ли статью 209 правилъ о порядкѣ производства дѣлъ у земскихъ начальниковъ и городскихъ судей, опредѣляющую порядокъ выдачи городскими судьями и земскими начальниками копій, понимать въ буквальномъ ея смыслѣ, или же помѣщенное въ ней выраженіе „выдача копій“ можетъ быть толкуемо въ смыслѣ обязанности „высылки“ оныхъ по просьбѣ заинтересованныхъ въ дѣлѣ должностныхъ лицъ,

разрѣшенъ въ томъ смыслѣ,—что указанная въ этомъ вопросѣ 209 ст. должна быть понимаема въ смыслѣ высылки копій, такъ какъ, въ виду разъясненій, преподанныхъ Общимъ Собраніемъ Кассационныхъ Департаментовъ Правительствующаго Сената въ рѣшеніи его 1885 г. № 30, необходимо признать, что помѣщенное въ ст. 209 правилъ о порядкѣ производства судебныхъ дѣлъ у земскихъ начальниковъ и городскихъ судей выраженіе „выдача копій“ употреблено *въ общемъ смыслѣ* и подразумеваетъ какъ врученіе копій приговора по личной явкѣ обвиняемаго, или участвующихъ въ дѣлѣ лицъ, такъ и высылку имъ оной по почтѣ, вслѣдствіе поданной о томъ просьбы. (№ 22).

47. 30 ноября 1898 г. Т. XV Свод. зак., уст. о наказ., налаг. мир. судьями, ст. 51<sup>а</sup>.

Въ виду того, что ст. 51<sup>а</sup> уст. о наказ. помѣщена въ главѣ III сего устава „о проступкахъ противъ благочинія, порядка и спокойствія“ и предусматриваетъ нарушеніе одного изъ постановленій (ст. 104) специального устава о промышленности (т. XI ч. 2 изд. 1893 г.), опредѣляющихъ взаимныя отношенія фабрикантовъ и рабочихъ, что такого рода нарушенія относятся къ числу проступковъ, по коимъ возбужденіе противъ виновныхъ преслѣдованія, согласно 1216<sup>2</sup> ст. уст. угол. суд., принадлежитъ исключительно чинамъ фабричной инспекціи (рѣш. Общ. Собр. 1 и Кассационн. Д-товъ Прав. Сената 1894 г. № 21), Прав. Сенатомъ признано, что чины фабричной инспекціи, въ силу особаго своего положенія по отношенію сего рода дѣлъ, являются участвующими въ дѣлѣ лицами, имѣющими, наравнѣ съ обвиняемыми, право на полученіе копій состоявшагося объ обвиняемомъ приговора, вслѣдствіе письмен-

наго ихъ о томъ заявленія земскому начальнику или городскому судѣ, которые обязаны, на точномъ основаніи ст. 209 прав. о произв. суд. дѣлъ у зем. началн. и город. суд., удовлетворить таковое ходатайство высылкою въ установленный срокъ просимой копіи. (№ 23).

**48. 30 ноября 1898 г. Т. XVI ч. 1 уст. угол. суд., ст. 1216<sup>2</sup>.**

Нарушенія какого-либо изъ постановленій ст. (104) спеціальнаго устава о промышленности (т. XI ч. 2 Свод. зак.), опредѣляющихъ взаимныя отношенія фабрикантовъ и рабочихъ, относятся къ числу проступковъ, по коимъ возбужденіе противъ виновныхъ преслѣдованія принадлежитъ *исключительно* чинамъ фабричной инспекціи (№ 17).

**49. 30 ноября 1898 г. Т. XV Свод. зак. улож. наказ., ст. 351 и 362.**

Вопросъ о томъ, подлежатъ ли члены еврейскихъ духовныхъ правленій за нарушение своихъ обязанностей отвѣтственности, какъ за преступленія по службѣ, разъясненъ въ смыслѣ отрицательномъ въ виду того, что, устанавливая нѣкоторыя особенности въ порядкѣ производства уголовныхъ дѣлъ по преступленіямъ должности, законодатель имѣлъ въ виду, какъ это усматривается изъ объясненій къ III раздѣлу книги III уст. угол. суд. по изд. Государственной Канцеляріи, исключительно органы государственной власти, установленные для охраненія силы законовъ и общественнаго порядка, каковыми представителями власти могутъ быть признаваемы только тѣ должностныя лица, которыя перечислены въ уставѣ о службѣ гражданской и положеніяхъ о различнаго рода учрежденіяхъ правительственныхъ и сословныхъ, дѣятельность которыхъ вращается въ сферѣ охраненія государственнаго и общественнаго порядка. Всѣ эти должностныя лица подробно указаны и въ подлежащихъ статьяхъ уст. угол. суд. (ст. 1072, 1073, 1080, 1081, 1082, 1085<sup>1</sup>, 1085<sup>2</sup>, 1088); но ни въ одномъ изъ указанныхъ законоположеній не упоминается о членахъ еврейскихъ духовныхъ правленій, какъ о должностныхъ лицахъ, входящихъ въ составъ того или другаго управленія. (№ 24).

**50. 30 ноября 1898 г. Т. XVI ч. 1 Свод. зак. уст. угол. суд., ст. 1072 и 1073.**

Выборными должностными лицами могутъ быть почитаемы

только лица, избираемые на должности или сословіями, или городскими и сельскими обществами, или земскими собраниями, которымъ, *въ силу закона*, предоставлено избраніе должностныхъ лицъ для исполненія, въ качествѣ органовъ власти, обязанностей, касающихся государственнаго управленія или управленія сословій. А такъ какъ члены еврейскихъ духовныхъ правленій избираются еврейскимъ молитвеннымъ обществомъ, не представляющимъ собою того общества, которое призвано закономъ къ участию въ администраціи, и которое преслѣдуетъ исключительно цѣли религіозныя и благотворительныя и какъ не пользующіея никакими служебными правами, не могутъ быть признаны должностными лицами, подлежащими преслѣдованію въ особомъ порядкѣ судопроизводства, установленномъ для преступленій должности за нарушеніе обязанностей своего званія, а совершаемыя ими по сему званію растраты ввѣренныхъ ихъ храненію суммъ и подлоги въ денежной отчетности подлежатъ преслѣдованію, какъ общія преступленія, а не какъ служебная растрата, или служебный подлогъ, караемые по 354 и 362 ст. улож. наказ. (№ 24).

51. 4 мая 1898 г. Т. II Свод. зак., город. полож., ст. 103 и 104.

Вопросъ о томъ, подлежитъ ли вѣдѣнію судебныхъ установленій требованіе частнаго лица о признаніи незаконнымъ изданнаго, на основ. 103 и 104 ст. город. полож. изд. 1876 г., обязательнаго постановленія городской думы о томъ, что туши и скотъ должны быть взвѣшиваемы на вѣсахъ, находящихся при городской скотобойнѣ, за установленную плату и доставка въ лавки и магазины убитаго въ городской скотобойнѣ скота должна быть производима обязательно администраціею городской скотобойни и за установленную плату, разрѣшенъ въ отрицательномъ смыслѣ въ виду того, что неоднократно рѣшеніями Прав. Сената разъяснялся вопросъ о томъ, какимъ порядкомъ частныя лица могутъ искать возстановленія ихъ правъ, нарушенныхъ городскими управленіями. По разъясненіямъ Прав. Сената порядокъ этотъ—двоякаго рода, сообразно двойственному характеру дѣятельности городскихъ установленій, именно: *судебный порядокъ*—въ тѣхъ случаяхъ, когда городское управленіе дѣйствуетъ въ качествѣ стороны по имущественнымъ, основаннымъ на гражданскихъ законахъ отношеніямъ къ частнымъ лицамъ и установленіямъ; и порядокъ *безспорный, или админи-*

*стративный*, когда городское управление дѣйствуетъ въ качествѣ правительственнаго органа (рѣш. Гражд. Кассац. Д—та: 1876 г. № 391, 1878 г. № 162, 1881 г. № 10, 1888 г. № 4 и 1892 г. № 43; рѣш. Общ. Собранія 1 и Кассац. Д—товъ Прав. Сената 1885 г. № 33, 1892 г. № 34 и № 28).

Въ виду указанныхъ разъясненій, Прав. Сенатомъ признано, что обжалованіе обязательныхъ постановленій городскихъ думъ, не составляя предмета иска, не можетъ подлежать вѣдѣнію судебныхъ установленій. (№ 15).

52. 4 мая 1898 г. Т. XII ч. 1, общ. уст. желѣз. дор., ст. 153  
прилож.

Вопросъ о томъ, отмѣнено ли приложеніемъ ст. 153 т. XII ч. 1 (общ. уст. желѣз. дор.) постановленіе совѣта управленія Царства Польскаго отъ 27 апрѣля 1857 г.,

разрѣшенъ въ смыслѣ утвердительномъ въ виду того, съ одной стороны, что подобный вопросъ доходилъ уже до разрѣшенія Прав. Сената по Гражданскому Кассаціонному Департаменту, опредѣленіемъ коего (сбор. рѣш. 1897 г., № 19) установлено, что означенное постановленіе совѣта управленія Царства Польскаго отъ 27 апрѣля 1857 г. признано сохранившимъ свою силу, а, съ другой стороны, существованіе одинаковыхъ нормъ, опредѣляющихъ разстояніе построекъ вдоль линій желѣзныхъ дорогъ вполнѣ оправдывается тѣмъ, что какъ въ Имперіи, такъ и въ губерніяхъ Царства Польскаго условія эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ въ этомъ отношеніи одни и тѣ же, и что заключеніе Общаго Собранія Перваго и Кассаціонныхъ Департаментовъ въ рѣшеніи 1889 г. № 10 основано было главнымъ образомъ на непримѣнимости къ Варшавскому судебному округу нѣкоторыхъ правилъ строительнаго устава Имперіи по самому существу тѣхъ правилъ. (№ 25).

---

## ПИСЬМА ИЗЪ АНГЛІИ <sup>1)</sup>.

---

### ХІІІ.

Такъ какъ занятія начнутся въ парламентѣ лишь 7 февраля, то я не могу сообщить читателямъ въ настоящемъ письмѣ новостей изъ дѣятельности помянутаго учрежденія; за то надѣюсь, что слѣдующее мое письмо представитъ въ этомъ отношеніи значительный интересъ, ибо въ теченіе предстоящей сессіи парламента должно подвергнуться обсужденію много вопросовъ, достойныхъ вниманія по своей важности.

Въ началѣ декабря прошлаго года сэръ Вилльямъ Гаркортъ оставилъ мѣсто вождя оппозиціи въ палатѣ общинъ. Вскорѣ затѣмъ отказался отъ политической дѣятельности и Джонъ Морлей. Эти двѣ потери, повидимому, совершенно лишили силъ радикальную партію, и безъ того уже значительно ослабѣвшую вслѣдствіе внутренняго разлада и неурядицъ.

Члены оппозиціи сойдутся 6 февраля на общемъ собраніи съ цѣлю избранія новаго лидера. По всей вѣроятности выборъ падеть на сэра Генри Кэмпбелль-Баннермана, бывшаго военнаго министра въ послѣднемъ либеральномъ кабинетѣ.

Со времени предыдущаго письма произошла перемѣна въ личномъ составѣ высшаго суда (High Court of Justice): 20 декабря вышелъ въ отставку, послѣ 22-лѣтней судейской дѣятельности, судья Гаукинсъ. Несмотря на свои 81 годъ, онъ все еще сохранилъ замѣчательную бодрость духа и тѣла. Онъ безспорно одинъ изъ самыхъ выдающихся судей - криминалистовъ, хорошо

---

<sup>1)</sup> См. Жур. Мин. Юст. 1899 г., Январь, стр. 270.

знающій людей и обладающій большимъ жизненнымъ опытомъ— что, къ сожалѣнію, слишкомъ рѣдко замѣчается у судей, отличающихся большими теоретическими познаніями въ области права. Гаукинсъ принималъ участіе во многихъ громкихъ процессахъ, въ которыхъ создалъ себѣ обширную извѣстность перекрестными допросами. Справедливость требуетъ, однако, сказать, что внѣ сферы уголовного права сэръ Гаукинсъ не имѣлъ, пожалуй, выдающихся познаній; тѣмъ не менѣе и по гражданскимъ дѣламъ имъ постановлено нѣсколько достойныхъ вниманія рѣшеній и онъ во всякомъ случаѣ всегда примѣнялъ все старанія и усилія, чтобы добиться правильного рѣшенія вопроса, подлежавшаго его разсмотрѣнію.

Королева возвела Гаукинса въ пэры; онъ впредь будетъ носить титулъ барона Brampton of Brampton. Ему назначена пенсія въ размѣрѣ 3500 фун. ст.

Вакансію, освободившуюся за выходомъ въ отставку лорда Гаукинса, занялъ Томасъ Тоунсэндъ Бѣквилль. Онъ вступилъ въ сословіе барристеровъ въ 1868 г., въ 1885 г. назначенъ короннымъ адвокатомъ (Queens Counsel) и въ 1892 г. избранъ въ члены парламента. Онъ большой знатокъ торговаго и морскаго права, и назначеніе его встрѣчено съ большимъ сочувствіемъ и одобреніемъ. Бѣквилль возведенъ въ кавалеры.

Высшій судъ заваленъ работою, въ виду чего существуетъ настоятельная необходимость въ учрежденіи одной или даже двухъ новыхъ судейскихъ должностей. Вопросъ этотъ неоднократно возбуждался какъ лордомъ-главнымъ судьей и генеральнымъ атторнеемъ, такъ и совѣтомъ барристеровъ и юридическимъ обществомъ.

Мнѣ предстоитъ отмѣтить въ настоящемъ письмѣ значительное число процессовъ, представляющихъ интересъ въ юридическомъ отношеніи.

Въ предыдущихъ письмахъ уже упоминалось о дѣлѣ казны съ Бичемъ, обратившемъ на себя въ свое время общее вниманіе; въ немъ рѣчь идетъ о наслѣдственныхъ пошлинахъ, взимаемыхъ на основаніи финансоваго закона 1894 года. Въ апрѣлѣ 1898 г. дѣло это слушалось апелляціоннымъ судомъ, который, отмѣнивъ рѣшеніе первой инстанціи, призналъ, что если пожизненный владѣлецъ недвижимаго имущества передалъ, по крайней мѣрѣ за 12 мѣсяцевъ до своей смерти, свое имѣніе лицу, къ которому оно должно было бы перейти послѣ его смерти, то наслѣдственныя

пошлины не подлежат взысканію при смерти совершившаго передачу пожизненнаго владѣльца, ибо въ этотъ моментъ новый владѣлецъ не пріобрѣтаетъ вновь никакого имущества, такъ какъ оно уже пріобрѣтено за 12 мѣсяцевъ, или еще ранѣе, а, слѣдовательно, такое имущество не подходитъ подъ статьи финансоваго закона 1894 г. о наслѣдственныхъ пошлинахъ. Въ виду этого казнѣ было отказано въ искѣ. Дѣло перенесено въ палату лордовъ: послѣдняя, однако, единогласно утвердила рѣшеніе апелляціоннаго суда, что встрѣтило большое одобреніе со стороны общества. Противоположное разрѣшеніе этого вопроса вызвало бы значительный переполохъ, ибо со времени изданія помянутаго финансоваго закона многіе при жизни передали свое имущество съ цѣлью избѣжать уплаты наслѣдственныхъ пошлинъ.

По дѣлу Эллиса, разбиравшемуся 24 ноября въ ревизіонномъ порядкѣ, возникъ вопросъ о взаимной юрисдикціи Англіи и Шотландіи. Замѣчу, что въ судебномъ отношеніи эти двѣ страны находятся какъ-бы въ положеніи иностранныхъ государствъ. Купецъ Эллисъ, торгующій въ графствѣ Дургэмъ, въ Англіи, обманнымъ путемъ получалъ товары отъ купцовъ, жившихъ въ Глэско, въ Шотландіи. Шотландскія власти утверждали, что совершенное Эллисомъ преступленіе состоитъ изъ двухъ дѣяній—введенія въ заблужденіе и полученія товаровъ, что обманъ совершенъ въ Шотландіи, и что въ виду сего дѣло неподсудно англійскимъ учрежденіямъ. Ревизіонный судъ, однако, нашелъ, что въ данномъ случаѣ совершеніе обмана не вліяетъ на подсудность, что товаръ полученъ въ Англіи и что поэтому дѣло подвѣдомственно англійскому суду.

Дѣло лейтенанта Варка, слушавшееся въ декабрѣ прошлаго года на Ливерпульскихъ ассизахъ при участіи судьи Филлимора, возбудило много толковъ и тщательно обсуждалось юристами. Варкъ обвинялся въ совершеніи запрещенной закономъ операціи, предпринятой съ цѣлью произвести выкидышъ, послѣдствіемъ чего была смерть женщины. Слѣдуетъ имѣть въ виду, что, согласно постановленіямъ англійскихъ законовъ, лицо, совершившее тяжкое преступленіе (felony), повлекшее за собою смерть, признается виновнымъ въ умышленномъ убійствѣ, хотя-бы преступникъ и не имѣлъ намѣренія причинить смерть. Таковъ законъ, и такъ онъ былъ разъясненъ присяжнымъ судьей Филлиморомъ. Жюри признало подсудимаго виновнымъ въ указанномъ умышленномъ убійствѣ, и вслѣдствіе этого Варкъ былъ приговоренъ къ смерти.

Статсъ-секретарь по внутреннимъ дѣламъ, руководствуясь бывшими примѣрами, смягчилъ наказаніе и замѣнилъ его тремя годами уголовного рабства (penal servitude). И вотъ по адресу судьи Филлимора посыпались упреки за то, что Варку былъ вообще вынесенъ смертный приговоръ. Съ своей стороны, я считаю долгомъ замѣтить, что нареканія эти несправедливы, ибо судья не могъ дѣйствовать иначе, чѣмъ онъ дѣйствовалъ. Конечно, вообще странно приговаривать преступника къ смерти при отсутствіи вѣроятности, что наказаніе это будетъ приведено въ исполненіе; однако судья не при чемъ—разъ законъ квалифицируетъ помянутое преступное дѣяніе какъ убійство съ умысломъ, ибо судъ призванъ исполнять законъ, а не измѣнять его. Помочь дѣлу—т. е. измѣнить законъ—можетъ лишь законодательная власть. Ходятъ слухи, что вопросъ объ измѣненіи означеннаго закона будетъ возбужденъ въ палатѣ общинъ.

Считаю необходимымъ оговориться, что, признавая нужнымъ понизить законодательнымъ путемъ наказаніе, которое дѣйствующій законъ опредѣляетъ за указанное преступное дѣяніе, и далеко отъ мысли отрицать всю тяжесть подобныхъ дѣяній, число которыхъ, повидимому, растетъ вмѣстѣ съ развитіемъ культуры и роскоши. Подрывая благосостояніе государства, основанное, между прочимъ, на охранѣ брачнаго сожителства, и увеличеніе народонаселенія, дѣянія эти очевидно идутъ въ разрѣзъ съ видами правительства.

Лордомъ-главнымъ судьей Русселемъ и судьями Деемъ, Вильсомъ, Грэнтамомъ, Лауренсомъ и Райтомъ утверждень въ ревізійномъ порядкѣ обвинительный приговоръ центрального уголовного суда (Central Criminal Court) по дѣлу Сеніора, которымъ послѣдній признанъ виновнымъ въ неумышленномъ причиненіи смерти своему ребенку неогазаніемъ ему медицинской помощи. По мнѣнію врачей-экспертовъ существовала вѣроятность, что жизнь ребенка могла бы быть спасена при надлежащемъ врачебномъ уходѣ. Читатели журнала помнятъ, что Сеніоръ былъ уже осужденъ годъ тому назадъ за подобное же преступленіе. Тогда, при слушаніи дѣла, выяснилось, что 6 человекъ его дѣтей умерли въ раннемъ возрастѣ, и что во время болѣзни медицинская помощь имъ оказана не была. Обвиняемый принадлежитъ къ сектѣ, извѣстной подъ кличкою „избранный народъ“ („the peculiar people“); по ученію этой секты—обращаться въ случаѣ болѣзни къ содѣйствію врача и вообще къ помощи медицины—грѣхъ. На первый разъ исполненіе наказанія

было условно отсрочено, и Сеніоръ оставленъ на свободѣ, при чемъ судъ взялъ съ него обязательство въ томъ, что, въ случаѣ рецидива, онъ, Сеніоръ, лично внесетъ въ казну 20 фун. ст., и, кромѣ того, поставилъ ему на видъ, что въ этомъ случаѣ къ нему будетъ примѣнено соотвѣтствующее наказаніе.

Въ настоящемъ дѣлѣ судъ призналъ, что обвиняемый Сеніоръ, при первомъ разбирательствѣ дѣла въ прошломъ году, правильно былъ осужденъ за неумышленное причиненіе смерти ребенку, явившейся результатомъ умышленнаго оставленія его въ беспомощномъ состояніи, ибо мотивы религіознаго характера не могутъ служить оправданіемъ сознательнаго нарушенія закона. Сеніоръ приговоренъ къ трехмѣсячному тюремному заключенію, соединенному съ тяжкими работами.

Такая мѣра наказанія не представляется слишкомъ строгою; необходимо принять во вниманіе, что секта, къ которой принадлежитъ Сеніоръ, имѣетъ многихъ послѣдователей, — въ Плейстоу, напр., существуетъ цѣлая колонія ея приверженцевъ.

За послѣдніе два мѣсяца преподано нѣсколько важныхъ разъясненій по вопросамъ, касающимся закона 1898 г. о доказательствахъ въ уголовномъ процессѣ, коимъ предоставлено обвиняемому право давать на судѣ подъ присягою показанія въ свою защиту. Я имѣю въ виду отмѣтить лишь наиболѣе выдающіяся изъ этихъ разъясненій, не касаясь мелочей, интересныхъ лишь для англійскихъ юристовъ.

Одинъ изъ такихъ вопросовъ былъ разрѣшенъ на Йоркскихъ ассизахъ по дѣлу Бэкстера. Дѣло это поучительно, ибо до сего рѣшенія существовало мнѣніе, согласно которому обвиняемый, давшій подъ присягою ложныя показанія въ интересахъ своей защиты, не можетъ подлежать отвѣтственности за лжесвидѣтельство подъ присягою, даже въ томъ случаѣ, если его ложныя показанія повлекли за собою осужденіе невиннаго.

Судомъ первой инстанціи Бэкстеръ былъ привлеченъ къ отвѣтственности за браконьерство и пожелалъ дать подъ присягою показанія. Показанія эти оказались ложными, при чемъ установлено, что Бэкстеръ уговорилъ своего пріятеля подтвердить ихъ на судѣ.

Рѣшеніемъ помянутыхъ Йоркскихъ ассизовъ и Бэкстеръ, и его пріятель признаны виновными въ лжесвидѣтельствѣ.

Съ сожалѣніемъ приходится сообщить, что судья Ридлей, который, повидимому, не является сторонникомъ помянутаго закона о доказательствахъ, напелъ возможнымъ угрожать привлеченіемъ къ

суду за лжесвидѣтельство съ цѣлью напугать обвиняемаго и удержать его отъ дачи показаній подъ присягою. Подобныя приемы, разумѣется, не заслуживаютъ одобренія, такъ какъ они вызываютъ у присяжныхъ предубѣжденіе противъ подсудимаго. При разборѣ какого-то дѣла Ридлей сказалъ присяжнымъ, что если они желаютъ добиться истины, то пусть они не рассчитываютъ найти ее въ словахъ подсудимаго; затѣмъ, несмотря на то, что дѣло жюри рѣшить, показалъ ли обвиняемый правду, или нѣтъ, судья этотъ заявилъ присяжнымъ, что для него не подлежитъ сомнѣнію, что 4 подсудимыхъ дали ложныя показанія, и что онъ намѣренъ возбудить противъ нихъ преслѣдованіе за лжесвидѣтельство. Мало того, на Ворчестерскихъ ассизахъ тотъ же самый судья, выслушавъ доводы защиты, прежде чѣмъ обвиняемый далъ показанія, сказалъ: „если доводы вашей защиты таковы, то я утверждаю, что они бессмысленны и нелѣпы, и я не думаю, что жюри повѣритъ въ правдивость ихъ хотя-бы на минуту“.

Подобныя замѣчанія предосудительны и безусловно недостойны званія судьи.

Другой вопросъ, потребовавшій разъясненія означеннаго закона о доказательствахъ 1898 г., возникъ въ виду отсутствія въ законѣ указаній, что имъ отмѣняются ранѣе изданныя постановленія. По поводу дѣла Дѣннинга возникло сомнѣніе, считать ли дѣйствующими или потерявшими силу прежніе статуты, трактующіе о показаніяхъ, данныхъ супругомъ обвиняемаго лица. Жена подсудимаго Дѣннинга дала показанія предъ жюри безъ согласія мужа, что запрещено статьею 20 закона 1885 г.; защита воспользовалась такимъ нарушеніемъ закона и настаивала на оправданіи обвиняемаго. Вопросъ этотъ не получилъ еще окончательнаго разрѣшенія; судомъ низшей инстанціи пока признано, что актъ 1898 г. отмѣняетъ ст. 20 акта 1885 г.

По поводу дѣла Маршалль, разбиравшагося 12 января судьей Дарлингомъ, подлежалъ обсужденію не менѣе интересный вопросъ. Подсудимая Кэтъ Маршалль обвинялась въ убійствѣ сестры, которую она будто-бы заколола въ ссорѣ, въ пьяномъ видѣ. Маршалль дала подъ присягою показанія въ свою защиту, при чемъ утверждала, что убійство совершено мужемъ покойной. На перекрестномъ допросѣ ей былъ предложенъ вопросъ, не убила ли она до того времени еще кого-нибудь. Защитникъ Маршалль возражалъ противъ постановки подобнаго вопроса. Слѣдуетъ замѣтить, что статья I закона о доказательствахъ въ уголовномъ процессѣ воспре-

щаеть задавать обвиняемому какіе бы то ни было вопросы относительно его прежней судимости, прежняго образа жизни и характеристики его личности въ прошломъ за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда обвиняемый, по собственному желанію, ссылается на эти обстоятельства или, защищая себя, будетъ стараться дискредитировать въ глазахъ суда обвинителя или свидѣтелей обвиненія. Мужъ убитой являлся свидѣтелемъ обвиненія, въ виду чего судья Дарлингъ правильно рѣшилъ, что показанія обвиняемой позорять обвиненіе, и что, вслѣдствіе сего, предложенный Маршаллъ вопросъ не нарушаетъ закона.

17 декабря разбиралась апелляціоннымъ судомъ въ составѣ судей Смита, Ригби и Коллинза жалоба на рѣшеніе судьи графства по дѣлу Пэрсона и Лова, постановленное на основаніи закона 1897 г. о вознагражденіи предпринимателями рабочихъ за увѣчья (Workmen's Compensation Act 1897 г.). Пэрсонъ—собственникъ гончарнаго заведенія, въ которомъ работалъ Ловъ: послѣдній лѣпилъ изъ глиняной массы шары и передавалъ ихъ женщинѣ, которая изготовляла на машинѣ кружки и кувшины. Ловъ никакого дѣла съ машиной не имѣлъ, и ему было воспрещено касаться ея. Однажды, въ отсутствіе женщины, Ловъ полѣзъ подъ машину, намѣреваясь почистить ее, что разрѣшалось вообще лишь старшему надсмотрщику. Машина схватила Лова, и онъ получилъ поврежденія. Судья графства призналъ за нимъ право на вознагражденіе, указавъ, что хотя Ловъ и ослушался данныхъ ему приказаній, однако онъ полѣзъ подъ машину, дѣйствуя, какъ ему казалось, въ интересахъ своего хозяина. Апелляціонный судъ отмѣнилъ это рѣшеніе въ виду того, что Ловъ, нанятый лишь для ручной работы, коснувшись машины, дѣйствовалъ вопреки инструкціямъ хозяина, и что несчастный случай произошелъ единственно вслѣдствіе намѣреннаго нарушенія Ловомъ этихъ инструкцій. Поэтому предъ-являть притязаніе на какое-либо вознагражденіе потерпѣвшій, по мнѣнію суда, не можетъ.

По дѣлу Клиффорда съ Голтомъ, разбиравшемуся судьей Кеквичемъ въ канцлерскомъ отдѣленіи 7 декабря, возникъ вопросъ, имѣющій громадное значеніе для большихъ городовъ, гдѣ свѣтъ вообще цѣнится дорого. Собственникъ дома, находящагося въ окрестностяхъ Лондона, требовалъ, чтобы крикетъ-клубу было воспрещено построить зданіе, которое преградило бы доступъ свѣта къ теплицѣ, принадлежавшей истцу. Согласно ст. 3 Prescription Act-a 1832 г. владѣлецъ жилаго зданія, завода etc., пользовавшійся не-

прерывно въ теченіе 20 лѣтъ проникавшимъ туда свѣтомъ, въ правѣ воспретить возведеніе какого-либо сооруженія, которое могло бы заслонить свѣтъ отъ принадлежащаго ему имущества. Въ означенномъ дѣлѣ Клиффорда рѣшенію подлежалъ вопросъ, подходитъ ли стеклянная теплица подъ категорію зданій, упомянутыхъ въ указанномъ законѣ. Судья Кеквичъ рѣшилъ вопросъ утвердительно—какое рѣшеніе, повидимому, совпадаетъ съ рѣшеніями, постановленными по другимъ дѣламъ подобнаго рода.

Въ рѣшеніяхъ судовъ за послѣднее время обнаруживается тенденція присвоить корпораціямъ права и обязанности физическихъ лицъ. Такъ, въ противоположность прежней практикѣ судовъ, корпораціи нынѣ привлекаются къ отвѣтственности за такія дѣянія, какъ то: мошенничество, небрежность, клевета и даже посягательство на тѣлесную неприкосновенность, въ тѣхъ случаяхъ, когда преступленія эти совершены агентами означенныхъ корпорацій. При разрѣшеніи одного изъ дѣлъ подобнаго рода—Корнфорда съ Карлтонскимъ банкомъ—судья Дарлингъ призналъ корпорацію отвѣтственною за недобросовѣстное обвиненіе. Вообще, чтобы имѣть право на предъявленіе суду жалобы на недобросовѣстное обвиненіе, потерпѣвшій обязанъ доказать, что обвиненіе не было построено на разумныхъ и справедливыхъ основаніяхъ, что онъ невиновенъ, и невиновность его установлена судомъ, и что обвиненіе преслѣдовало предосудительныя цѣли, ничего общаго съ правосудіемъ не имѣющія. Слѣдуетъ замѣтить, что подобнаго рода жалобы принадлежатъ къ числу тѣхъ немногихъ, кои требуютъ доказательства наличности злой воли. Банкъ, съ своей стороны, утверждалъ, что онъ не подлежитъ отвѣтственности, ибо юридическое лицо вообще не можетъ обладать злой волею. Однако судья взглянулъ на дѣло иначе и рѣшилъ его, какъ уже указано, не въ пользу банка.

2 декабря слушалась въ апелляціонномъ порядкѣ жалоба на рѣшеніе судьи Лауренса. Отвѣтчикъ помѣстилъ въ газетѣ „The Rocket“ объявленіе, въ которомъ обязывался уплатить премію въ 1000 фун. ст. тому, кто предскажетъ точное число мужскихъ и женскихъ рожденій и число смертныхъ случаевъ въ Лондонѣ за недѣлю, конецъ которой наступитъ 11 декабря 1897 г. Истцу удалось назвать вѣрныя числа, и жюри рѣшило дѣло въ его пользу, но судья Лауренсъ нашелъ, что точное указаніе помянутыхъ чиселъ было не болѣе, какъ счастливою случайностью, и что потому подобное соискательство преміи являлось незаконной лотереей, Жур. Мин. Юст. Мартъ 1899.

запрещенной актомъ 1802 г. Повѣренный истца доказывалъ, что законъ этотъ тутъ не можетъ быть примѣненъ, ибо для того, чтобы назвать вѣрное число, нельзя обойтись безъ соотвѣствующихъ знаній и безъ изученія статистическихъ данныхъ, что, слѣдовательно, полученіе преміи не зависѣло только отъ слѣпаго случая, и такимъ образомъ здѣсь не было налицо лотереи, запрещенной закономъ. Апелляціонный судъ согласился съ этимъ мнѣніемъ и присудилъ истцу 1000 фун. ст.

Заслуживаетъ вниманія еще одно дѣло, такъ какъ оно касается особенностей постановленій англійскихъ законовъ о кражахъ. Подсудимый снесъ и увезъ домъ безъ согласія или вѣдома собственника. Онъ былъ привлеченъ въ качествѣ обвиняемаго въ кражѣ дома. Нужно знать, что согласно постановленіямъ англійскаго обычнаго права не можетъ быть совершена кража недвижимости и всего того, что съ нею тѣсно связано, и поэтому въ указанной формѣ обвиненіе не могло быть предъявлено. Кромѣ того законъ о кражахъ—*Larceny Act*—не устанавливаетъ наказанія за похищеніе камней, кирпичей etc., изъ которыхъ сложенъ домъ. Въ виду сего пришлось обвинять подсудимаго въ кражѣ деревянныхъ и металлическихъ частей и приспособленій дома, въ чемъ онъ и признанъ виновнымъ. Странно, разумѣется, что законъ предусматриваетъ кражу разныхъ стеклянныхъ, деревянныхъ и металлическихъ частей недвижимаго имущества, руды, каменнаго угля въ коняхъ, а камни и кирпичи, являющіеся составною частью дома, обходятъ молчаніемъ.

Судомъ острова Мэна недавно установлено, что бракъ, заключенный съ сестрою умершей жены, можетъ быть расторгнутъ каждымъ изъ супруговъ, пока оба они живы; послѣ же смерти хотя-бы одного изъ нихъ такой бракъ не можетъ быть признанъ недѣйствительнымъ. Въ Англии, конечно, бракъ съ сестрою умершей жены считается незаконнымъ, но островъ Мэнъ вообще находится въ особомъ положеніи. Онъ вошелъ въ составъ англійской короны съ начала 15 столѣтія, однако до сихъ поръ еще удержалъ свои особые законы и свою особую ихъ систему. Прежде онъ составлялъ частную собственность, теперь же—собственность казны, представителемъ которой является губернаторъ, подчиненный статсъ-секретарю по внутреннимъ дѣламъ.

Коронный адвокатъ Блэкъ Оджерсъ высказался недавно, въ концѣ своей лекціи, посвященной юридическимъ вопросамъ, въ пользу кодификаціи англійскаго права, при чемъ выразилъ на-

дежду, что таковая будетъ предпринята въ недалекомъ будущемъ. Присутствовавшій при этомъ судья Биггэмъ замѣтилъ, что онъ сомнѣвается въ томъ, чтобы кодификація эта являлась желательною въ настоящее время. По его мнѣнію, англійское обычное право, созданное понемногу, соотвѣтственно нуждамъ и потребностямъ нашего народа, обладаетъ эластичностью, которая даетъ судьямъ возможность приравнивать его къ измѣняющимся обстоятельствамъ времени, а потому онъ не думаетъ, чтобы строгій кодексъ законовъ также удовлетворялъ условіямъ жизни англійскаго общества.

Я, съ своей стороны, держусь слѣдующаго взгляда на вопросъ о кодификаціи: кодексы законовъ представляютъ, безъ сомнѣнія, большія преимущества и удобства, однако, не подлежатъ сомнѣнію, что намъ не слѣдуетъ приступать къ этой работѣ раньше времени, тѣмъ болѣе, что у насъ, къ сожалѣнію, уже имѣются печальные примѣры неудавшейся систематизаціи законовъ, какъ, напр., индійскій уставъ о договорахъ, изобилующій нелѣпостями и неправильными толкованіями законовъ. Другое дѣло, если бы парламентъ состоялъ изъ людей, свѣдущихъ въ законахъ; тогда, пожалуй, можно было бы поднять вопросъ и о кодификаціи англійскаго права; въ настоящее время, однако, большинство нашихъ законодателей не обладаетъ большими познаніями въ области правовѣдѣнія, а при такихъ условіяхъ было бы большою ошибкою поручать имъ исполненіе столь важной законодательной работы.

Въ заключеніе приведу нѣкоторыя статистическія данныя.

Случаевъ банкротства въ 1898 г. было 4315, что указываетъ на повышеніе числа ихъ сравнительно съ двумя предшествовавшими годами: въ 1896 г. ихъ было 4155, а въ 1897 г.—4113.

Изъ отчета министерства финансовъ за 1897, касающагося акціонерныхъ компаній и опубликованнаго въ декабрѣ прошлаго года, видно, что число вновь зарегистрированныхъ въ 1897 г. акціонерныхъ обществъ было 5229, а число обанкротившихся компаній—1587, и это свидѣтельствуетъ о сравнительномъ повышеніи числа новыхъ предпріятій и объ уменьшеніи количества банкротствъ. Отчетъ, между прочимъ, обращаетъ вниманіе на нѣкоторыя злоупотребленія, безнаказанно практикующіяся въ дѣлахъ акціонерныхъ предпріятій въ виду отсутствія въ дѣйствующемъ законѣ соотвѣтствующихъ постановленій. Если подобнымъ злоупотребленіямъ не будетъ положенъ предѣлъ, то въ концѣ концовъ придется опасаться за развитіе солидной коммерческой дѣ-

ательности. Къ сожалѣнію, жертвами такихъ мошенническихъ, безчестныхъ продѣлокъ, теряющими свои послѣдніе трудовые гроши, являются низшіе классы населенія по преимуществу, ибо крупнымъ капиталистамъ легче охранять свои интересы. Постановленія уставовъ объ акціонерныхъ компаніяхъ настолько сложны, что я не могу войти въ обсужденіе ихъ въ этомъ письмѣ. Скажу только, что однимъ изъ главныхъ препятствій къ привлеченію директоровъ акціонерныхъ компаній къ отвѣтственности за введеніе акціонеровъ въ заблужденіе является то положеніе закона, по которому лица эти не признаются виновными въ тѣхъ случаяхъ, если они лишь скрывали отъ акціонеровъ фактическія данныя; они подлежатъ отвѣтственности только тогда, когда они положительно утверждаютъ что-либо завѣдомо ложное. Итакъ оказывается, что за утайку, которая часто является столь же постыдною и вводящею въ заблужденіе, какъ и обманъ, нельзя преслѣдовать ни уголовнымъ, ни гражданскимъ порядкомъ. Законъ очевидно нуждается въ измѣненіи.

Результатомъ недавно изданнаго закона (Vaccination Act, 1898), въ силу котораго родители не подлежатъ наказанію за непрививку оспы ребенку, если представляютъ доказательства, что они уклоняются отъ прививки по религіознымъ соображеніямъ, является выдача около 350000 удостовѣреній объ освобожденіи отъ прививки. Число этихъ удостовѣреній постоянно увеличивается, и неудачная мѣра правительства не преминетъ, такимъ образомъ, принести обильные плоды въ недалекомъ будущемъ.

Я только-что получилъ отчетъ министерства внутреннихъ дѣлъ по уголовной статистикѣ за 1897 г., о которомъ я поговорю подробно въ слѣдующемъ письмѣ. При бѣгломъ просмотрѣ этого отчета я замѣтилъ, что число тяжкихъ преступленій уменьшается, а число менѣе тяжкихъ растетъ.

Лондонъ, 6 февраля 1899 г.

Боденъ.

## „ВѢСТНИКЪ ПРАВА“ И ЮРИСПРУДЕНЦІЯ XIX ВѢКА.

Спеціальныя юридическія журналы на Западѣ раздѣляются на два разряда. Одни представляютъ собою простые сборники статей научнаго или практическаго характера и имѣютъ своей задачей вносить въ юридическую мысль и жизнь тѣ или инныя дополненія и поправки въ рѣшеніе вопросовъ, выдвигаемыхъ современнымъ положеніемъ науки и практики. Другіе преслѣдуютъ болѣе широкую задачу—служить выраженіемъ цѣлаго направленія юридической мысли даннаго времени, стремясь проложить ему дорогу къ господству надъ противоположными теченіями. Эпохи смѣны юрико-философскихъ міровоззрѣній въ XIX вѣкѣ ознаменовывались появленіемъ послѣдняго рода журналовъ. Таковы знаменитыя *Zeitschrift für Rechtsgeschichte* Савиньи и *Jahrbücher für Dogmatik* Геринга, въ новое время *Zeitschrift für vergleichende Rechtswissenschaft*, *Nouvelle revue historique de droit* и т. д.

Въ Россіи до сихъ поръ лишь „Юридическій Вѣстникъ“ редакціи проф. С. А. Муромцева ставилъ себѣ втораго рода цѣли, служа интересамъ научнаго правовѣдѣнія въ томъ широкомъ смыслѣ, въ какомъ оно начало слагаться въ Германіи подъ вліяніемъ великихъ трудовъ Геринга, во Франціи и Англии въ школѣ сравнительнаго правовѣдѣнія, — направленія, самостоятельнымъ выразителемъ котораго является С. А. Муромцевъ. „Журналъ гражданскаго и торговаго права“, „Журналъ гражданскаго и уголовнаго права“, „Журналъ СПб. Юридическаго Общества“—это выходившее подъ упомянутыми сейчасъ названіями изданіе СПб. Юридическаго Общества всегда преслѣдовало первую изъ отмѣченныхъ выше задачъ юридической жур-

налистике и на этомъ пути, несомнѣнно, много послужило своими статьями развитію русской практической юриспруденціи. Съ нынѣшняго года рѣшена, повидимому, полная реформа въ характерѣ журнала. Судя по передовой редакціонной статьѣ, изданіе СПб. Юридическаго Общества, выходящее теперь подъ именемъ „Вѣстника Права“—названіе, съ которымъ новая редакція связываетъ особый смыслъ,—желаетъ быть выразителемъ новаго научно-философскаго теченія въ области юридической мысли и въ страстномъ тонѣ намѣчаетъ задачи журнала и свое отношеніе къ направленіямъ научно-юридической мысли XIX столѣтія.

Нижеподписавшійся принадлежалъ всегда къ числу тѣхъ русскихъ юристовъ, которые думаютъ, что лишь серьезная научно-философская школа можетъ создать истинныхъ теоретическихъ и практическихъ дѣятелей въ области права, способныхъ преслѣдовать не только частныя цѣли разрѣшенія отдѣльныхъ вопросовъ судебной практики, но и общія задачи реформы законодательства, ставя послѣднее въ уровень съ современными запросами общественной жизни. Никакая юридическая техника, какъ бы она ни была выработана, никакое знаніе пандектныхъ фрагментовъ, какъ бы глубоко и всеобъемлюще оно ни было—не сдѣлаютъ юриста способнымъ понимать теченіе современной соціально-юридической мысли, если рядомъ съ ними не стоитъ серьезное обще-философское и соціально-историческое образованіе. Въ числѣ первыхъ, поэтому, мы охотно готовы были бы привѣтствовать поворотъ, происшедшій въ направленіи органа, считающаго за собой уже нѣсколько десятилѣтій своего существованія, и желаніе съ его стороны сказать свое новое слово въ области философіи права.

Внимательное чтеніе передовой статьи „Вѣстника Права“ приводитъ насъ, однако, къ убѣжденію, что СПб. Юридическое Общество само впало или, можетъ быть, случайно введено въ заблужденіе относительно существующихъ направленій въ современной научной юриспруденціи и желаетъ вести своихъ читателей по пути, еще болѣе неопредѣленному, чѣмъ тотъ практический, которому оно до сихъ поръ слѣдовало. Мы не хотимъ винить СПб. Юридическое Общество за ошибку, хорошо понимая, какъ трудно свернуть съ пути, протореннаго въ теченіе тридцати лѣтъ, и очень цѣнимъ его постоянныя стремленія выйдти на иной путь,—стремленія, выразившіяся въ частой смѣнѣ названій и редакцій журнала. Но въ то же время мы не можемъ остаться и равнодушнымъ читателемъ тѣхъ совершенно невѣрныхъ свѣдѣній о

состояніи и задачахъ современной юриспруденціи, которыя подъ его авторитетомъ излагаются практическимъ юристамъ, не всегда имѣющимъ подъ руками провѣрочныя научныя данныя, и особенно учащейся юриспруденціи молодежи. Поэтому мы и позволяемъ себѣ не только познакомить читателей „Журнала Министерства Юстиціи“ съ новой переименованной въ направленіи его старого собрата, но и коснуться историко-литературныхъ и научно-философскихъ взглядовъ новой редакціи.

## I.

Передовая статья въ № 1 „Вѣстника Права“, содержащая profession de foi редакціи, открывается гимномъ юриспруденціи XVII и XVIII столѣтія, одушевленной началами естественнаго права. „Наука права XVIII вѣка, и XVII тоже, можетъ смѣло предстать предъ судомъ вѣковъ.... Она боролась за свободу, за равенство, за миръ, правду и братство между людьми и народами. Мощное слово ея разрушало вѣковые предрасудки и суевѣрія въ правѣ, насаждало просвѣщенное и гуманное—истинное право и справедливость. Признаніе свободы, достоинства и иныхъ правъ человѣческой личности, какъ таковой, свобода религіозныхъ и научныхъ ученій, равенство людей передъ правомъ и государствомъ и другія начала, которыми просвѣщенное человѣчество отличается отъ варварства,—въ ней, въ наукѣ права, находили перваго возвѣстителя, передоваго борца и мощнаго защитника. Смертная казнь, пытка, жестокія и позорящія наказанія, гоненія за вѣру и научныя истины, суевѣрные процессы и другія постыдныя пятна на страницахъ исторіи права—въ ней, въ наукѣ права, находили просвѣщеннаго изболчивателя и воодушевленнаго противника“ (стр. I—II).

Въ противоположность юриспруденціи XVIII вѣка юриспруденція XIX вѣка, по мнѣнію новаго органа Спб. Юридическаго Общества, представляетъ безотрадное зрѣлище для ея историка и на вопросъ о своихъ общественныхъ заслугахъ можетъ отвѣтить лишь смущеннымъ молчаніемъ. „Кого и на какія дѣла воодушевляютъ ученія современной юриспруденціи? Куда она ведетъ человѣчество? Никуда она его не ведетъ, ибо никто ея руководства не слушаетъ и не ждетъ“. Причина этого заключается въ основѣ философскихъ идей и направленій, принятомъ юриспруденціею XIX вѣка. Уже историческая школа Савиньи „перестала смотрѣть въ будущее и указывать человѣчеству пути къ идеалу, а обратила

свои взоры на прошлое“. Но историческая школа обратилась къ націи и къ прошлому съ искренней вѣрою и чистой любовью. „Нравственные начала и даже поэзія была въ ея ученіи о единомъ народномъ духѣ, о незримомъ произрастаніи права изъ народнаго духа и прошлыхъ вѣковъ, о неприкосновенности пѣжнаго организма права, какъ отблеска и проявленія этого священнаго духа, для грубой подчасъ руки законодателя“ (IV). Кроме того у нея „съ романтизмомъ основнаго ученія соединялось добросовѣстное исполненіе будничной работы“. Отъ нея нельзя было ждать „крупныхъ шаговъ по пути прогресса гуманности и цивилизаціи, но она поддерживала принципиальное уваженіе и неуклонное осуществленіе добытыхъ уже и признанныхъ за человѣческою личностію правъ и всего правопорядка“. Во второй половинѣ истекающаго столѣтія исчезли и эти хорошія стороны юриспруденціи исторической школы и началась уже „безпринципная и вредная дѣятельность“. Редакція не жалѣетъ дальше красокъ, чтобы заклеить эту дѣятельность.

„На мѣсто незыблемыхъ началъ, основныхъ понятій и священныхъ принциповъ воцаряется подвижной, то ползущій тихо какъ змѣя, то, при сознаніи своей силы, какъ голодный волкъ, бросающійся на свою добычу—„интересъ“. Воспѣвается гимнъ эгоизму и силѣ, открывается явная и скрытая война противъ „принциповъ“ и всего того, что можетъ стѣснять истинно практичную реалистическую политику силы и интересовъ, чуждую сентиментализма. Создается на почвѣ понятія „интересъ“ соответственная теорія права, поражающая своихъ поклонниковъ не только своей новизною, но и своей трезвостью и реализмомъ, на самомъ же дѣлѣ отличающаяся только цинизмомъ“, теорія, которую „съ презрѣніемъ отвергли еще древніе лучшіе мыслители Греціи—Сократъ и Платонъ, ибо эта теорія, не умѣющая отличить правъ отъ эгоистическихъ вожделѣній и интересовъ, права отъ правилъ цѣлесообразности, отъ политики интереса и силы, уже много вѣковъ тому назадъ преподавалась будущимъ карьеристамъ на аѳинскихъ площадяхъ. Ей обучали софисты аѳинскихъ юношей за дешевую плату, вмѣстѣ съ прочими свѣдѣніями и приѣмами, необходимыми для быстрой карьеры, въ томъ числѣ и искусствомъ доказывать, что черное бѣло, а бѣлое черно, смотря по надобности и интересу. Существовали даже разныя варіаціи этой теоріи права, а равно столь же пошлая и наивная теорія религіи, видѣвшая въ религіозныхъ вѣрованіяхъ и предписаніяхъ не что иное, какъ сознательно составленныя для извѣстныхъ цѣлей, для охраны извѣстныхъ ин-

тересовъ одними и навязанныя другимъ положенія“ (V—VI). По мнѣнію новой редакціи органа Спб. Юридическаго Общества сущность историко-философской теоріи этого направленія юриспруденціи состоитъ ни больше ни меньше, какъ въ томъ, что „люди, поставивъ себѣ извѣстныя цѣли, приходили къ убѣжденію, что годнымъ средствомъ для осуществленія ихъ можетъ быть право, а именно такіе-то институты; сообразивъ это, они и учреждали задуманное, побѣждая въ борьбѣ сопротивление болѣе слабыхъ; иными словами, и здѣсь мы наталкиваемся на второе изданіе ученій софистовъ о происхожденіи нравственности, права и религіи путемъ сознательнаго сочиненія для извѣстныхъ цѣлей и подчиненія слабыхъ интересамъ и цѣлямъ сильныхъ“ (VII).

Въ области практической, въ области догматическаго изученія права въ интересахъ его практическаго примѣненія, вмѣсто добросовѣстной и охранительной по отношенію къ дѣйствующему праву дѣятельности исторической школы, распространился взглядъ, который, если говорить прямо, состоитъ въ томъ, что при наличности практической надобности, „интереса“, можно черное сдѣлать бѣлымъ, а бѣлое чернымъ, не стѣсняясь логикою, принципами и т. п. формалистическими и непрактическими соображеніями. Юриспруденціей второй половины вѣка въ освѣщеніи ея „Вѣстникомъ Права“ было провозглашено, что „источники (права) и юридическая логика существуютъ для житейскихъ интересовъ, а не обратно“ (?), и что „поэтому задача юриста состоитъ не въ подчиненіи интересовъ источникамъ и логикѣ, а въ подчиненіи послѣднихъ житейскимъ интересамъ“, что, по мнѣнію представителей этого взгляда, „слѣдуетъ толковать источники такъ, чтобы добыть изъ нихъ практичное рѣшеніе, слѣдуетъ заботиться не о логикѣ и послѣдовательности, а о соответствіи разсужденій и выводовъ съ интересами, требующими охраны“ (VIII). Юристы этой школы не поняли, что „интересы и аппетиты и безъ юриспруденціи не спятъ и не безмолвствуютъ; напротивъ, они слишкомъ громко заявляютъ о своемъ существованіи и умѣютъ достаточно энергично постоять за себя“, и что „не о нихъ, а о правѣ спрашиваетъ общество ученыхъ юристовъ“ (XI).

Поставивъ себѣ задачей покровительство вождѣльнѣямъ и интересамъ отдѣльныхъ лицъ, юристы, о которыхъ идетъ рѣчь, отрицаютъ „юриспруденцію понятій“ (Begriffsjurisprudenz), т. е. „логику“ вообще и совершаютъ съ легкимъ сердцемъ намѣренно искаженіе правовыхъ нормъ подъ видомъ свободнаго толкованія закона.

„Они не поняли того, что смысл и источникъ жизни юриспруденціи въ тѣсномъ смыслѣ, а равно и уваженія къ ней общества, состоитъ именно въ правдивости толкованія законовъ и неуклонной послѣдовательности юридической логики. Только при такомъ, правдивомъ и принципиальномъ, отношеніи къ праву цѣнеть,—поясняетъ редакція,—авторитетный голосъ и дорога экспертиза ученыхъ юристовъ. Только тогда общество можетъ быть увѣрено, что если одинъ изъ его среды осужденъ, то онъ осужденъ по праву, а не ради чьихъ-либо дѣйствительныхъ или воображаемыхъ интересовъ; если какая-либо группа изъ его среды, напр., какая-либо парламентская партія въ спорѣ съ другой партіей или правительствомъ, или какая-либо національность въ спорѣ съ другою, какая-либо мѣстная группа самоуправленія въ спорѣ съ администраціей и т. п. не получили удовлетворенія своихъ требованій, основываемыхъ на правѣ, то случилось это не по произволу и не ради какихъ-либо интересовъ, а дѣйствительно по праву“ (IX).

Безпринципности и оппортунизму „основныхъ воззрѣній историко-философскихъ и практическихъ у юриспруденціи второй половины вѣка, по мнѣнію редакціи „Вѣстника Права“, „соотвѣтствовали частности программы,—точнѣе отсутствіе всякой программы и всякихъ опредѣленныхъ принциповъ для проведенія новыхъ началъ на дѣлѣ“, хотя „отдѣльныхъ образцовъ примѣненія общихъ положеній на дѣлѣ было дано не мало. Были преподаны примѣры составленія напередъ резолюцій по вопросамъ права съ послѣдующею искусственною фабрикаціей мотивовъ... Какъ древніе софисты брались доказать что угодно, такъ и для истинно-практичнаго юриста препятствій для такихъ фокусовъ не имѣется“. По мнѣнію редакціи „Вѣстника Права“ нѣкоторые образцы такихъ приѣмовъ отличаются софистической ловкостью, иногда же средства употреблялись весьма грубыя, какъ, напр., перестановка или даже замѣна подлинныхъ словъ источниковъ иными для подогнанія ихъ къ желательному рѣшенію“ (XI и XIII). Вообще же въ этихъ приѣмахъ „проявляется такая же трусливая непослѣдовательность, какъ у тѣхъ софистовъ, которые отрицали всякое объективное различіе добра и зла, истины и лжи, все сводя къ личному интересу, вкусу и усмотрѣнію, и тѣмъ не менѣе въ конкретныхъ случаяхъ считали нужнымъ обосновывать и доказывать, хотя-бы путемъ явно лживой аргументаціи, правильность своихъ взглядовъ“ (XIV). Эта трусливость и у новыхъ юристовъ, по мнѣнію редакціи „Вѣстника Права“ выражается въ томъ, что никогда они не говорятъ прямо,

что перетолковываютъ источники ради интересовъ и вождѣній, а всегда стараются сдѣлать видъ, что основываются на правѣ. Коварные юристы! Мелочности затѣваемыхъ (этими юристами) измѣненій и нарушеній (законовъ) соотвѣтствуетъ и характеръ практическихъ мотивовъ и соображеній. О широкомъ кругозорѣ, о крупныхъ идеяхъ здѣсь не можетъ быть и рѣчи. Мелкія удобства, житейская микроскопія, пошлая практичность—вотъ что здѣсь находитъ благодатное поле приложенія и развитія. „Юриспруденція обыденной жизни“ въ смыслѣ будничной и прозаичной мелкоты, въ смыслѣ мелкихъ дразгъ и споровъ, такихъ же интересовъ и соображеній—таково естественное поле и характеръ дѣйствія и приложенія школы перетолковыванія источниковъ и войны съ юридическою логикою въ союзѣ съ житейскими интересами“ (XIX—XX).

Новый органъ Сиб. Юридическаго Общества желаетъ вывести современную юриспруденцію съ этой вредной дороги на „широкій путь“ и показать ей „широкіе горизонты“. Онъ желаетъ служить тѣмъ задачамъ, которыя предстоятъ юриспруденціи XX вѣка и которыя онъ самъ же старается установить въ столь же горячихъ словахъ, какъ при критикѣ направленной юриспруденціи XIX вѣка. Въ чемъ же состоятъ эти задачи?

По мнѣнію редакціи, „прежде всего придется... очистить храмъ науки отъ той грязи, которая въ немъ завелась къ концу XIX вѣка, отнестись критически къ оппортунистическимъ ученіямъ второй половины столѣтія, раскрыть и показать всю ихъ научную и нравственную несостоятельность. Освободившись такимъ образомъ отъ понижающаго всякую дѣятельность и убивающаго всякую мысль оппортунизма конца вѣка, юриспруденція возвратится къ принципиальной и идейной постановкѣ своихъ началъ и задачъ, возродится къ новой идейной жизни и дѣятельности на славу права и его науки, на благо человѣчества. Не ядъ разложенія и безпринципнаго оппортунизма будетъ исходить изъ лона юриспруденціи, заражая общественный организмъ, а свѣтъ вѣчнаго идеала любви къ человѣку и высшей справедливости и указаніе путей движенія къ нему. Не невѣжественнымъ искаженіемъ и отрицаніемъ права, какъ такового, и всего идеальнаго въ немъ, а утвержденіемъ и культомъ истиннаго права—идеальной, духовной силы особаго рода (?), мощно смиряющей и устраняющей эгоистическіе интересы, возвышающей и облагораживающей человѣчество—будетъ заниматься наука грядущаго вѣка, насаждая знаніе подлиннаго права и уваженіе къ нему, развивая и укрѣпляя идеальное пра-

восознаніе, утверждая въ правящихъ и управляемыхъ силу и святость нормъ общежитія“ (XV—XVI).

Въ философскомъ отношеніи осуществленіе этихъ задачъ возможно только путемъ возвращенія къ традиціямъ и направленію юриспруденціи XVIII вѣка, къ школѣ естественнаго права, но „съ иными матеріалами“, „приемами изслѣдованія“ и „иными рѣшеніями“ поставленныхъ тамъ проблемъ. „Послѣ длиннаго перерыва въ дѣятельности возобновленіе юриспруденціи произойдетъ естественно на новыхъ началахъ богатаго фактическаго матеріала, добытаго за это время разными отраслями наукъ, въ частности наукъ, изучающихъ существо, дѣйствующія силы и фактической ходъ общественной жизни и историческаго процесса, а равно на новыхъ началахъ успѣховъ, достигнутыхъ наукой человѣческаго познанія и методовъ изслѣдованія, въ частности индукціи, усовершенствованныхъ приемовъ ея примѣненія и нахожденія матеріаловъ, годныхъ для индуктивной и эмпирической провѣрки дедуктивныхъ выводовъ. Неимѣвшая въ своемъ распоряженіи достаточнаго фактическаго и научнаго матеріала, въ виду слабаго развитія или отсутствія общественныхъ и историческихъ въ современномъ смыслѣ наукъ, пользовавшаяся одностороннимъ спекулятивнымъ методомъ, лишеннымъ не только эмпирической и индуктивной провѣрки, но даже научно установленныхъ общихъ посылокъ для дедукціи, наука права прошлыхъ вѣковъ была лишена твердой и солидной почвы для научнаго созиданія, и можно удивляться не частымъ ея ошибкамъ и спекулятивнымъ заблужденіямъ, а скорѣе тому, какъ она могла внести въ культуру и право столь много положительныхъ улучшеній и прочныхъ успѣховъ. Доброе и чуткое сердце, умѣнье чувствовать и страдать за всѣхъ и выражать въ формѣ определенныхъ постулатовъ инстинктивные стремленія человѣчества къ свѣту и добру—могутъ скорѣе дать отвѣтъ на этотъ вопросъ, чѣмъ указаніе на чисто-умственные процессы, на тогдашніе приемы научнаго изслѣдованія“ (XXIII—XXIV).

Въ практическомъ отношеніи требуется „не столь коренной пересмотръ и перестройка“; даже болѣе „никакихъ нововведеній, никакого новаго фундамента, ни замѣны прежняго способа построенія новымъ не требуется. Твердою почвою и незыблемымъ фундаментомъ являются установленные законы даннаго государства и другія дѣйствующія въ немъ нормы. Способы построенія на этой твердой почвѣ выработаны и освящены вѣками почтенной дѣятельности юриспруденціи—въ видѣ началъ юридической герменевтики

и конструкціи, которыя въ существѣ дѣла представляютъ не что иное, какъ методическое руководство для осуществленія принципа правомѣрности“ (XXIV-XXV). „Вообще не о реформаторствѣ какомъ-либо и не о ломкѣ традиціонныхъ началъ идетъ дѣло, а, напротивъ, о сохраненіи мудрыхъ началъ „юридической логики“ и о недопущеніи разлагающаго и расшатывающаго вліянія интересовъ, объ уясненіи того, что вѣковые принципы юридической логики и вѣрность имъ только вслѣдствіе оппортунистической близорукости и непониманія ихъ связи съ принципомъ правоваго государства и всѣхъ цѣннѣйшихъ благъ и началъ, изъ него вытекающихъ, могутъ быть сочтены чѣмъ-то непрактичнымъ и даже смѣшнымъ“ (XXVI).

Въ интересахъ обезпеченія догматической разработки права отъ искажающаго ее вліянія политическихъ цѣлей и интересовъ, слѣдуетъ совершенно отдѣлить философское изученіе права отъ догматическаго. Рядомъ съ догмой права слѣдуетъ создать особую „науку политики права“, которая, на указанныхъ выше философскихъ основаніяхъ, и должна будетъ выработать законодательныя реформы въ интересахъ устраниенія недостатковъ дѣйствующаго права. Съ созданіемъ такой науки „мелкое правовое міросозерцаніе, порожденное практическо-догматической школой XIX вѣка, само собою исчезнетъ и уступитъ мѣсто свѣту широкаго и глубокаго взгляда на дѣло, не только потому, что, выйдя изъ узкихъ рамокъ мелкихъ и разрозненныхъ вопросовъ догматики, гдѣ возможна и происходитъ практическая фальсификація права въ мелкомъ стилѣ, политика права необходимо будетъ имѣть передъ собою задачу всего правопорядка, какъ цѣлаго, и задачи его развѣтвленій въ ихъ связи съ цѣлымъ и въ подчиненіи высшей, общей задачѣ, но и потому, что эта наука, по существу своей задачи, не можетъ ограничиваться настоящимъ, а должна расширить свой горизонтъ и во времени; для указанія пути приближенія къ идеалу она необходимо должна имѣть въ виду путь, пройденный правомъ въ теченіе вѣковъ и тысячелѣтій, его направленіе и результаты, и пути будущаго, и притомъ смотрѣть далеко въ будущее, какъ это вытекаетъ изъ ея существа, какъ науки, въ отличіе отъ практической политики, нерѣдко являющейся политикой дня и интересовъ, преходящихъ партійныхъ и иныхъ вождельній. Горизонтъ созидающей науки, политики права и ея проблемъ и горизонтъ разрушительной работы практическихъ кротовъ, копающихъ ямки подъ отдѣльными частицами дѣйствующи-

щаго права, — несоразимы и несоизмѣримо по самому существу своему“ (XXII—XXIII).

Въ заключеніе редакція намѣчаетъ рядъ ближайшихъ практическихъ задачъ, которыя должна будетъ разрѣшить „наука политики права“ въ XX вѣкѣ. Онѣ слѣдующія:

1) „задача заполнения пустаго, въ смыслѣ положительнаго права, пространства“ (XXVII), въ частности замѣна обычнаго права правомъ законнымъ;

2) „задача замѣны нормъ безъ ясныхъ и твердыхъ границъ устанавливаемой ими публичной компетенціи или частныхъ правъ и обязанностей такими нормами, которыя, не допуская произвольнаго растяженія или суженія, ясно указывали бы каждому объемъ и предметъ его права и обязанности; а равно—задача установленія такихъ нормъ, которыя бы обеспечивали частнымъ лицамъ и государству достаточный контроль и провѣрку осуществленія установленныхъ обязанностей и правъ, независимый и руководствующійся только законами судъ въ случаѣ сомнѣнія и спора“ (XXVII);

3) „задача возможнаго безъ матеріальнаго вреда распространенія системы легально-нормативной въ отличіе отъ системы цѣлесообразнаго усмотрѣнія въ отдѣльныхъ случаяхъ (напр., концессионной системы установленія юридическихъ лицъ, акціонерныхъ компаній и др.)“ (XXVIII).

„Вообще, по мнѣнію редакціи, проблема законности есть весьма обширная проблема, заключающая въ себѣ много такихъ задачъ, успѣшное рѣшеніе коихъ не дается еще правильною постановкою и чистотою юридическаго метода и догматики права“ (XXIX—XXX).

Преслѣдуя осуществленіе этихъ задачъ, органъ Спб. Юридическаго Общества, по мнѣнію новой редакціи его, и будетъ въ истинномъ смыслѣ слова *вѣстникомъ права*.

Во избѣжаніе недоразумѣній мы старались послѣдовательно и по большей части подлинными словами передать содержаніе *profession de foi* новой редакціи органа Спб. Юридическаго Общества. Обратимся теперь къ его разсмотрѣнію.

## II.

Наиболѣе яснымъ во всѣхъ приведенныхъ разсужденіяхъ редакціи „Вѣстника Права“ представляется, конечно, отношеніе ея къ практическому направленію въ юриспруденціи второй половины истекающаго столѣтія, или, что то же, къ школѣ Геринга,—на

правленію, нашедшему выраженіе и въ русской юридической литературѣ. Мы имѣемъ полное основаніе думать, что въ редакціонной статьѣ идетъ рѣчь именно объ этомъ направленіи, хотя она и не называетъ именъ. Несомнѣнно, что теорія интереса, какъ основнаго двигателя праворазвитія, и ученіе о свободѣ судебного творчества въ цѣляхъ усовершенствованія дѣйствующаго права въ связи съ потребностями новой жизни составляютъ основы ученія этого направленія. Нѣкоторыя замѣчанія редакціи „Вѣстника Права“ конкретнѣе указываютъ на то, о комъ она говоритъ. Достаточно привести слѣдующее мѣсто: „Во второй половинѣ нашего вѣка... появилась новая теорія владѣнія въ духѣ практической школы, и оказалось, что вся суть института сводится къ мелкимъ удобствамъ, къ облегченію процесса и выигрыша дѣла, а именно къ удобствамъ процессуальнаго проведенія иска собственника. Точно также оказалось, что институтъ юридическихъ лицъ существуетъ для удобствъ ходатаевъ по общимъ дѣламъ нѣсколькихъ лицъ, для возможности подачи одного исковаго прошенія вмѣсто многихъ, etc“ (XXI). Какъ ни сильно искаженъ здѣсь смыслъ извѣстныхъ теорій Іеринга о владѣніи и юридическихъ лицахъ, никто, конечно, не усомнится, что въ приведенныхъ словахъ о нихъ идетъ рѣчь.

Итакъ, повторяемъ, органъ Спб. Юридическаго Общества рѣшилъ объявить систематическую войну направленію Іеринга и его школѣ. А если такъ, то переходя къ разбору замѣчаній редакціи „Вѣстника Права“ по этому, въ нашихъ глазахъ наиболѣе важному, пункту во всѣхъ ея сужденіяхъ, мы позволимъ себѣ прежде всего спросить редакцію „Вѣстника Права“: знакомы ли ей философскія воззрѣнія школы, на которую она направляетъ свои удары? На этотъ вопросъ, какъ намъ кажется, управомочить насъ каждый русскій образованный юристъ, прочтя приведенныя выше замѣчанія о „грязи“, „ядѣ“ и т. п. вещахъ, направленныхъ по адресу названнаго нѣмецкаго юриста. Въ русской ученой литературѣ мы встрѣчали и раньше критическія статьи, посвященныя разбору теорій Іеринга, и относившіяся по тѣмъ или инымъ соображеніямъ къ нимъ отрицательно. Мы напомнимъ критику Б. Н. Чичерина въ его „Собственности и государствѣ“ и замѣчанія о теоріяхъ Іеринга у проф. Дювернуа въ его „Чтеніяхъ по русскому гражданскому праву“. Но и наименѣе объективный изъ этихъ критиковъ, проф. Дювернуа, невѣрно уясняющій истинный смыслъ философа-

го ученія Иеринга, изложеннаго въ „Zweck im Recht“, признаетъ величiе ученаго, къ которому столь субъективно относятся. Теперь мы слышимъ отъ органа Спб. Юридическаго Общества, что Иерингъ загрязнилъ науку права, что онъ трусливый кротъ, что онъ раздувалъ вождельнiя и аппетиты сильныхъ, суля имъ защиту и т. д., и невольно спрашиваемъ себя: для кого и для чего нужно столь невѣроятное загрязненiе чистаго и безупречнаго имени великаго ученаго, столь странное извращенiе смысла ученiя его школы?....

Никогда и нигдѣ Иерингъ не былъ трусливымъ кротомъ, никогда и нигдѣ не искажалъ онъ ученiй своихъ противниковъ для обезпеченiя себѣ легкой побѣды надъ ними, а оцѣнивъ серьезность воззрѣнiй ихъ, предпринималъ цѣлыя изслѣдованiя, занимавшiя иногда цѣлую жизнь, для ихъ опроверженiя. Когда онъ вѣрилъ въ истинность философскихъ воззрѣнiй Савиньи и Пухты, онъ предпринялъ изданiе своего Geist'a, гдѣ поставилъ своей задачей оправдать эти воззрѣнiя путемъ изученiя историческаго развитiя римскаго права по установленнымъ имъ научнымъ методамъ, ставшимъ теперь общимъ достоянiемъ исторической науки. Когда это изслѣдованiе привело его не къ оправданiю ученiя исторической школы, а наоборотъ, къ полному его опроверженiю, Иерингъ не успокоивается на этомъ результатѣ, а предпринимаетъ новый трудъ, названный имъ „Zweck im Recht“, въ которомъ строитъ цѣльную философскую теорiю образованiя права. Чтобы убѣдиться въ не-правильности теорiи Савиньи о владѣнiи, Иерингъ предпринимаетъ рядъ, полныхъ свѣтлыхъ мыслей и цѣнныхъ историческихъ открытiй, работъ для опроверженiя этой теорiи и лишь на основанiи этихъ изслѣдованiй, подводя имъ итоги передъ своей смертью, онъ позволяетъ себѣ написать слѣдующее: „Я сознаю, что этимъ сочиненiемъ я ставлю на карту свое научное имя, на которое будетъ положено неизгладимое пятно, если упреки и нападенiя, которыя я дѣлаю противъ Савиньи, окажутся неосновательными. Я подвергаю воззрѣнiя Савиньи беспощадной критикѣ, и кто мнѣ желаетъ зла, тому не трудно обвинить меня въ недостаткѣ почтительности,—упрекъ, отъ котораго не спасетъ меня и моя порука въ томъ, что я въ полной мѣрѣ признаю ученныя заслуги Савиньи для нашей науки. Но пусть будетъ такъ! Я дешево цѣню свою личность въ томъ случаѣ, когда этого требуетъ дѣло; великой цѣли нельзя достигнуть, не жертвуя своей личностью!“<sup>1)</sup> Когда Иерингъ вѣрилъ, подѣ

<sup>1)</sup> Предисловіе къ „Der Besitzwille“, стр. XII (Jena 1889).

вліяніемъ могучаго систематическаго ума Пухты—его собственная характеристика этого писателя—онъ предпринялъ изданіе журнала, поставившаго себѣ задачей служить той *Begriffsjurisprudenz*, которую беретъ противъ него подъ свою защиту „Вѣстникъ Права“, и въ своей статьѣ „*Unserer Aufgabe*“ даетъ такую методологію этой юриспруденціи, до силы которой не возвысился никто ни раньше, ни послѣ. И опять собственный опытъ приводитъ Іеринга къ убѣжденію въ томъ, что эта *Begriffsjurisprudenz* не что иное, какъ схоластика. Тогда Іерингъ пишетъ: „мой интересъ къ юриспруденціи не исчезъ съ годами; наоборотъ, я не знаю высшаго удовольствія и болѣе благородной цѣли, чѣмъ тѣ, которыя связываются у меня съ служеніемъ праву и стараніемъ показать его величіе и силу. Я не потерялъ интереса и къ римскому праву, которому я обязанъ тѣмъ, чѣмъ я являюсь, и что я сдѣлалъ; оно нисколько не потеряло для меня той привлекательности и силы, которыя оказали на меня съ самаго же начала могущественное впечатлѣніе. Но если я спрошу себя, къ чему я пришелъ при изученіи этого права въ теченіе тридцати лѣтъ—я говорю, поясняетъ Іерингъ, не объ исторіи, а о догматикѣ римскаго права, т. е. о *Begriffsjurisprudenz*,—то я не могу отрѣшиться отъ сознанія, что я сожалею о времени, которое я потратилъ на то небольшое, что я сдѣлалъ въ этой области, и съ завистью смотрю на другія отрасли знанія, которыя собрали за то же время богатую жатву. Я не могу подавить и того сознанія, что у меня потеряно удовольствіе отъ чтенія современной догматической литературы, и я не нахожу уже никакого вкуса къ сочиненіямъ, которыя оно даетъ и въ настоящее время; если бы я былъ молодъ, я избралъ бы другую область изученія“<sup>1)</sup>.

Трудно, намъ кажется, дать болѣе убѣдительныя доказательства искренности научнаго интереса и любви къ истинѣ у Іеринга, чѣмъ приведенныя. Ученый всю жизнь ищетъ ея во всеоружіи знанія, таланта и самопожертвованія и въ концѣ концовъ даетъ стройную систему философіи права и опытъ новой юридической догматики, имѣющихъ цѣлью вывести юриспруденцію на путь истинно-научныхъ задачъ и цѣлесообразнаго жизненнаго творчества взамѣнъ схоластическихъ упражненій. И такого-то ученаго рѣшаются называть оппортунистомъ!... Отъ такой неосмотрительной квалификаціи можетъ уберечь лишь пониманіе сущности философскаго и догматическаго ученія Іеринга.

<sup>1)</sup> „*Scherz und Ernst in der Jurisprudenz*“, стр. 361 (по 3 изд. Leipz. 1885)  
Жур. Мин. Юст. Мартъ 1899.

Никогда Герингъ и его школа не возводили интереса и эгоизма на степень самодовлѣющихъ цѣлей человѣческаго существованія! Никогда они въ примѣненіи права къ жизни не покровительствовали вождѣлѣніямъ сильныхъ въ ущербъ слабымъ! Никогда Герингъ не отрицалъ могущества и важности *принциповъ*! Никогда не измѣнялъ онъ великимъ идеаламъ философіи XVIII вѣка!

Эгоизмъ и эгоистическій интересъ у Геринга—не цѣли права, а лишь *факторы* его образованія. Геринговскій „гимнъ“ интересу и эгоизму есть лишь выраженіе удивленія передъ могуществомъ въ общественной жизни этихъ *факторовъ*, а также и передъ *этическими* результатами этого могущества. „Право какъ защищенный интересъ“—не есть право сильного, а право, охраняющее интересъ отдѣльной личности, приведенный въ соглашеніе съ интересами другихъ личностей. Лишь на первыхъ порахъ исторіи, по мнѣнію Геринга, эгоизму и силѣ принадлежитъ безграничный просторъ. Но эгоизмъ и сила—*общечеловѣческія свойства*: силѣ одного противостоитъ сила другого; сегодняшний побѣдитель завтра побѣжденный. Сознаніе собственной выгоды приноситъ *самоограниченіе силы*, эгоизма и интересовъ. И вотъ, вмѣсто господства силъ и интереса, на почвѣ самоограниченія послѣднихъ, создаются *этическія нормы*, т. е. такія правила, которыя, вытекающія изъ самоограниченія силы и защищая интересъ и свободу отдѣльныхъ личностей, заставляютъ ихъ уважать интересы и свободу другихъ. Хранительницей этическихъ нормъ и нейтральной инстанціей, примиряющей интересы, является власть общественная и государственная, власть, руководствующаяся сперва интересами немногихъ и управляющая путемъ *одностороннихъ нормъ*, но потомъ, въ силу сознанія потребности въ томъ же самоограниченіи, становящаяся *правовой властью*, гарантирующей интересы общаго блага и управляющей путемъ *двустороннихъ нормъ*, т. е. нормъ, обязательныхъ какъ для нея самой, такъ и для подданныхъ. Отсюда и идеаль Геринга—правовое государство, въ которомъ личность, какъ гражданско-правовая, такъ и политическая, являются одинаково огражденными, т. е. *идеаль философіи XVIII вѣка*.

Мы не можемъ, разумѣется, здѣсь задаваться цѣлью изложить подробно всю телеологическую философію Геринга. Если кто не имѣетъ достаточно времени, чтобы изучить эту философію по трудамъ Геринга, то мы можемъ указать два послѣдовательныхъ и отчетливыхъ изложенія: книгу *Bouglé, C.—Les sciences sociales en Allemagne* (Paris 1896) и диссертацию *П. И.*

*Новгородцева*: „Историческая школа юристовъ, ея происхождение и судьба“ (Москва 1896). Сами мы ограничимся лишь нѣсколькими выдержками изъ послѣдняго сочиненія, чтобы читатели могли судить, какъ мало соответствуетъ дѣйствительности вышеприведенная характеристика научныхъ теченій въ юриспруденціи XIX в.

„Принимая юридическія учрежденія за продуктъ дѣятельности человѣческой, нуждающийся въ постоянномъ обновленіи, Іерингъ не могъ видѣть въ нихъ неприкосновеннаго дара прошлаго, въ которомъ всѣ надлежашія измѣненія производятся дѣйствіемъ внутреннихъ силъ. Воспитавшись на историческомъ созерцаціи, онъ понимаетъ, что положительныя установленія не могутъ быть продуктомъ случая.... *Идея прогресса*, не отвергаемая, но однако только терпимая въ доктринѣ Савиньи, у Іеринга получаетъ подчеркнутое выраженіе. Мы можемъ, поэтому, съ такимъ же основаніемъ назвать его историческую теорію *прогрессивной*, съ какимъ для теоріи Савиньи усвоили названіе консервативной“ (134—5).

„Сущность упрековъ, высказываемыхъ Іерингомъ по адресу современной ему юриспруденціи, сводится къ тому, что и въ историческихъ изслѣдованіяхъ она сохраняетъ чисто-догматическіе приемы. Она изучаетъ всюду лишь системы нормъ, не освѣщая ихъ высшими научными обобщеніями и не приводя въ связь съ жизнью. А между тѣмъ безъ общихъ отправныхъ пунктовъ и безъ знакомства съ жизненной средой, среди которой вырастаетъ право, представленіе о немъ будетъ неполно. Чтобы вѣрно судить о какомъ-либо правѣ, нельзя останавливаться на отдѣльныхъ его опредѣленіяхъ, но *слѣдуетъ восходить къ принципиальному его пониманію*“ (137).

„Другое важное для насъ требованіе Іеринга состоитъ въ томъ, чтобы юридическія нормы изучались въ связи съ жизнью. *Историкъ долженъ вскрывать тѣ идеи и стремленія, которыя порождаютъ учрежденія права и сообщаютъ имъ опредѣленный характеръ*“ (138).

„Обсуждая условія развитія права, Іерингъ пришелъ къ убѣжденію, что развитіе это сопровождается не однимъ напряженіемъ мысли, отыскивающей новыя опредѣленія, но и неизбѣжными конфликтами, вытекающими изъ противорѣчія стараго съ новымъ. Прогрессирующему праву приходится не только вѣчно искать и пробовать, чтобы найти правильный путь, но, нашедши его, еще и опрокидывать препятствія, преграждающія движеніе. Такими

препятствіями являются человѣческіе интересы, срастающіеся съ извѣстными учрежденіями. Въ подобныхъ случаяхъ новому праву приходится выдерживать борьбу, затягивающуюся иногда на цѣлыя столѣтія... Всѣ великія пріобрѣтенія исторіи, какъ отмѣна рабства и крѣпостничества, свобода земельной собственности, ремесла, вѣры и т. д., все это было завоевано путемъ сильнѣйшей, нерѣдко столѣтія длившейся борьбы, сопровождавшейся разрушеніемъ стараго“ (146).

Гдѣ здѣсь пошлость и цинизмъ мысли, гдѣ низменные стремленія, гдѣ ученіе о томъ, что люди создаютъ право, выдумывая институты, прикрывающіе ихъ интересы и т. п.? У П. И. Новгородцева превосходно возстановлена также и та *философская основа*, на которой возникло Герингово ученіе о „цѣли въ правѣ“. Мы не можемъ дѣлать безъ конца длинныхъ выписокъ и позволимъ себѣ здѣсь передать лишь послѣднее звено въ цѣпи разсужденій, сюда относящихся, чтобы показать, что для Геринга послѣдній источникъ творчества—въ Богѣ. „Проявляясь во внѣшнемъ мірѣ, воля выходитъ изъ собственной области и вступаетъ въ царство закона причинности, вслѣдствіе чего и подпадаетъ подъ его вліяніе. Успѣхъ внѣшнихъ проявленій воли зависитъ отъ знанія природныхъ законовъ, съ которыми она и должна сообразоваться. Но сама по себѣ она остается свободной въ отношеніи къ природѣ и подчиняется не ея закону, а своему собственному. Поэтому она является истинно творческой, т. е. изъ себя созидающей силой въ мірѣ. Такова она въ Богѣ, такова по образу его и въ человѣкѣ. Пружинной этой силы является цѣль. Въ этомъ понятіи цѣли заключается человѣкъ, человѣчество, исторія. Оно проводитъ грань между двумя мірами, человѣческимъ и природнымъ“ (153—154).

Мы не можемъ, наконецъ, не привести съ сокращеніями параграфа труда П. И. Новгородцева, устанавлиющій отношеніе ученія Геринга къ естественному праву. Изложеніе г. Новгородцева даетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и краткое резюме основныхъ принциповъ „безпринципнаго“, по мнѣнію „Вѣстника Права“, ученія.

„Являясь реакціей противъ органическаго воззрѣнія, телеологическая теорія Геринга необходимо должна была,—говоритъ г. Новгородцевъ,—воскресить извѣстные элементы философіи XVIII вѣка, отрицаніе которой послужило точкой исхода для Савиньи. Признаніе личнаго творчества, чутье универсальныхъ началъ, философскіе интересы и прогрессивныя стремленія, все это сближало Геринга съ старымъ ученіемъ естественнаго права, законныя тен-

денці котораго онъ и самъ склоненъ былъ иногда указывать. Однако, всѣ элементы старой философіи вставляются Герингомъ въ рамки историческаго созерцанія и вслѣдствіе этого лишаются своей отвлеченной прямолинейности. Личное творчество получаетъ у него значеніе необходимаго фактора исторіи, не отрицающаго, а направляющаго ея теченіе, сообразно съ условіями общей законмѣрности; универсальныя начала приводятся въ связь съ конкретнымъ историческимъ развитіемъ; прогрессивныя стремленія находятъ опору въ пониманіи реальныхъ процессовъ, чрезъ которые совершается образованіе права; философскіе интересы соединяются съ историческимъ изслѣдованіемъ.

„Отреченіе отъ органической теоріи, смѣшивавшей нравственныя явленія съ природными, приводитъ Геринга къ ясному сознанию особенностей развитія историческихъ установленій, въ которыхъ не все можетъ быть оправдываемо съ нравственной точки зрѣнія. Критическое отношеніе къ исторіи, представляющее душу естественно-правовой философіи, встрѣчаетъ насъ и у Геринга. Онъ хорошо понималъ, что человѣческія учрежденія подвержены несовершенству, какъ сами люди, ихъ создающіе, что исторія не всегда находится въ согласіи съ идеей права. „Идея права“! восклицаетъ онъ однажды: „съ этимъ словомъ предстаетъ предъ нами величайшая и труднѣйшая проблема всей юриспруденціи, ибо за нимъ скрывается мысль о расчетѣ науки съ правомъ, съ его задачей на землѣ, съ его положеніемъ въ предѣлахъ нравственнаго міра, скрывается и критика всей его предшествующей исторіи“.—Мы видимъ, что нашъ авторъ говоритъ новымъ языкомъ, незнакомымъ прежней исторической школѣ. Разсматривая конкретныя историческія явленія, онъ нерѣдко открываетъ въ нихъ прегрѣшенія противъ идеи права или противъ назначенія человѣка. Онъ производитъ свое изслѣдованіе въ ясномъ сознаніи идеала, который долженъ осуществляться въ исторіи. Ближайшее опредѣленіе этого идеала не было одинаково у Геринга въ различныя стадіи его развитія; но *сознаніе высшихъ началъ, долженствующихъ служить руководствомъ для права, не покидало его никогда.*

„Въ „Духъ римскаго права“ подъ вліяніемъ древне-римскихъ образцовъ онъ ставилъ во главу угла самоопредѣленіе личности. Съ пафосомъ истиннаго свободолюбія и съ классической силой выраженія онъ восхвалялъ здѣсь римскую „систему свободы“, какъ „абсолютный идеалъ, къ которому каждый народъ долженъ стремиться“. Признаніе права самоопредѣленія, говорилъ онъ, есть

высшее требованіе, которое мы ставимъ праву. Способъ и размѣръ выполнения этого требованія указываютъ намъ, въ какой мѣрѣ каждая положительная система поняла и воплотила истинное существо права. Высшая задача состоитъ въ томъ, чтобы найти границы и установить равновѣсіе между отдѣльными лицами и общественными группами, которыя надъ ними возвышаются. Историческій опытъ показываетъ, что равновѣсіе это часто нарушается то въ ту, то въ другую сторону. То преобладаетъ сила государственной власти, то индивидуальная свобода. Первая крайность ведетъ къ „не-самостоятельности права“; вторая—какія бы опасности и бѣдствія она съ собой ни приносила, все же остается вѣрной высшей идеѣ права, согласно съ которой человѣкъ можетъ имѣть притязаніе на извѣстную сферу, гдѣ воля и разумнію его принадлежало бы рѣшающее вліяніе. Значеніе правовой свободы, разъясняетъ Іерингъ въ другомъ мѣстѣ, опредѣляется не матеріальными ея результатами, а нравственнымъ ея призваніемъ. Какъ чистое отрицаніе, какъ состояніе независимости извнѣ, она не имѣетъ еще нравственнаго оправданія: послѣднее дается ей тѣмъ обстоятельствомъ, что она служитъ условіемъ для дѣйствія воли человѣческой, какъ положительной творческой силы. Воля есть творчески созидающій органъ личности; въ проявленіи этой созидательной силы человѣкъ возвышается къ Богоподобию. Чувствовать себя творцомъ хотя-бы самаго малаго міра, отражаться въ своемъ твореніи, какъ въ такомъ, которое не существовало до него и только черезъ него получило свое бытіе,—вотъ что даетъ человѣку сознаніе своего достоинства и чувство своего подобія Богу... Развивать эту творческую дѣятельность есть высочайшее право человѣка и необходимое средство для его нравственнаго самовоспитанія. Оно предполагаетъ свободу,—а слѣдовательно и возможность злоупотребленій ею,—такъ какъ нашимъ твореніемъ можно считать только то, что свободно вытекаетъ изъ нашей личности. Принуждать человѣка къ добруму, разумному и т. д. не столько потому есть прегрѣшеніе противъ его назначенія, что такимъ образомъ ему преграждается выборъ противоположнаго, сколько потому, что у него отнимается возможность дѣлать добро по собственному побужденію. — Обезпеченность существованія открывается для воли только въ государствѣ, которое обязано, поэтому, признавать и охранять ея творческое призваніе, въ видѣ юридической власти и свободы. Но въ какихъ предѣлахъ? Опытъ показываетъ вездѣ существованіе законныхъ ограниченій свободы... Что государство безспорно имѣетъ право

на подобное вмѣшательство, объ этомъ не стоитъ въ наше время тратить словъ. Но какъ далеко простирается это право? Если государство можетъ возводить въ законъ все, что ему кажется добрымъ, нравственнымъ и цѣлесообразнымъ, то для этого права нѣтъ границъ, и выведенное выше право личности подвергается сомнѣнію; движеніе, которое государство ей предоставляетъ, имѣетъ тогда характеръ простой уступки, подарка изъ милости. Этотъ взглядъ на всепоглощающее и все вновь изъ себя производящее всемогущество государства, несмотря на блестящіе покровы, въ которые онъ такъ охотно любитъ облекаться, несмотря на громкія фразы о народномъ благѣ, о преслѣдованіи объективныхъ принциповъ, о нравственномъ законѣ,—этотъ взглядъ остается истиннымъ порожденіемъ произвола, теоріей деспотизма, все равно, кѣмъ бы онъ ни проводился, народнымъ собраніемъ или абсолютнымъ монархомъ. Принятіе его означало бы для личности измѣну противъ себя самой и противъ своего нравственнаго назначенія,—нравственное самоубійство. Личность съ своимъ правомъ на свободную творческую дѣятельность существуетъ не менѣ Божіею милостью, чѣмъ государство; и это не только право, но и священная обязанность каждаго утверждать и осуществлять это правомочіе.

„Со времени философовъ XVIII вѣка едва-ли произносились слова болѣе краснорѣчивыя въ защиту „правъ человѣка и гражданина“. Въ мѣткихъ и удачныхъ выраженіяхъ Герингъ раскрываетъ намъ высшее назначеніе юридической свободы—служить преддверіемъ къ нравственному совершенствованію. Понятно, что онъ считалъ идею свободы абсолютнымъ идеаломъ правообразованія. Съ точки зрѣнія этой идеи онъ находилъ также противорѣчащимъ существу права, чтобы какія-либо учрежденія санкціонировались навсегда, чтобы настоящее налагало на будущее вѣчныя и нерасторжимыя узы, нанося, такимъ образомъ, ущербъ свободѣ и ея естественному развитію.—Всѣ эти взгляды являлись результатомъ принципиальнаго и критическаго отношенія къ исторіи. Тотъ историзмъ, который проповѣдуетъ безусловное уваженіе къ прошлому, всего менѣ былъ въ духѣ Геринга и казался ему прегрѣшеніемъ противъ идеи права. Такова была его первоначальная точка зрѣнія.

„Въ другомъ крупномъ его произведеніи,—я разумѣю здѣсь „Zweck im Recht“,—соотвѣтствовавшемъ позднѣйшей стадіи его развитія, мы находимъ существенное измѣненіе прежнихъ взглядовъ на задачи права. Альфой и омегой всего нравственнаго міра Герингъ призналъ

здѣсь общественное благо и соотвѣтственно съ этимъ объявилъ конечной цѣлью права обезпеченіе условий жизни общества. Индивидуальное развитіе со степени верховнаго критерія общественнаго устройства было низведено до значенія одного изъ многихъ интересовъ, которыхъ охрана требуется общей пользой. Либеральная теорія уступила мѣсто доктринѣ государственнаго социализма. Однако, *это измѣненіе въ опредѣленіи высшаго правоваго принципа нисколько не устранило характера принципиальности, свойственнаго Герингову взгляду на право.* Прогрессивныя тенденціи его историзма остались и здѣсь въ полной силѣ. Различіе заключалось лишь въ томъ, что руководящей цѣлью развитія признано было, вмѣсто индивидуальнаго самоопредѣленія, общее благо. Въ этомъ послѣднемъ принципѣ найдена была высшая основа юридическаго порядка, дающая ему нравственное оправданіе и жизненное значеніе. Самъ Герингъ характеризовалъ однажды задачу своего позднѣйшаго сочиненія, какъ установленіе субстанціональной идеи справедливости и нравственности, стоящей, въ качествѣ высшаго начала, надъ чисто-формальными моментами юридической логики, и раскрытіе этой идеи въ отдѣльныхъ юридическихъ положеніяхъ и институтахъ. Телеологическую критику нравственныхъ предписаній (т. е. оцѣнку ихъ съ точки зрѣнія общаго блага) онъ считалъ „въ высшей степени важной частью своей системы цѣли“. Но, независимо отъ этихъ общихъ тенденцій сочиненія, мы имѣемъ прямыя указанія Геринга, позволяющія намъ говорить о естественно-правовыхъ элементахъ его воззрѣнія“ (стр. 161—166).

Этой превосходной характеристики научно-философскихъ трудовъ Геринга, намъ кажется, совершенно достаточно для того, чтобы безусловно отвергнуть то представленіе о нихъ, которое предлагается читателямъ новой редакціей органа С.-Петербургскаго Юридическаго Общества, очевидно не находившей нужнымъ познакомиться съ основными идеями не только „Цѣли въ правѣ“, но и „Духа римскаго права“. Въ передовой статьѣ выступаетъ и столь же недостаточное пониманіе сущности того ученія Геринга и его школы, которое требуетъ такъ назыв. свободнаго отношенія судьи къ закону. Подобно тому какъ выраженія: „эгоизмъ“, „интересъ“, „цѣль“ создали въ представленіи редакціи картину „вождедѣній“, „эксплуатаціи сильнымъ слабого“ и т. д.,—и выраженіе „свободное толкованіе закона“ было отождествлено съ произволомъ безъ справокъ съ подлиннымъ смысломъ ученія и ученіемъ софистовъ, способныхъ дѣлать изъ блага черное.

## III.

Ученіе Іеринга и его послѣдователей о свободномъ отношеніи судьи къ закону имѣеть цѣлью установить надлежащее соотношеніе между правомъ и справедливостью, или, какъ онъ выражается, формальной, вѣдншей справедливостью закона и внутренней, матеріальной справедливостью отдѣльнаго случая.

Подвергая своей ѣдкѣ, основанной на глубокомъ знаніи предмета, критикѣ приемы догматическаго изученія права, Іерингъ отрицалъ не „логику“ и „принципы“, а лишь то, что онъ называлъ „юриспруденціей *понятій*“, т. е. юридическую схоластику. Всякій, кто дастъ себѣ трудъ понять это выраженіе „юриспруденція *понятій*“ не только въ его прямомъ и элементарномъ смыслѣ, но и *въ связи съ тѣмъ строемъ идей*, на почвѣ котораго создалась такая юриспруденція, пойметъ, въ чемъ тутъ дѣло. Мы охотно поможемъ въ этомъ дѣлѣ, такъ какъ въ правильномъ пониманіи и усвоеніи взгляда Іеринга на современные задачи догматической юриспруденціи видимъ единственно-правильный залогъ дальнѣйшаго развитія этой чрезвычайно важной въ практическомъ отношеніи отрасли правовѣднія.

Догматическая теорія исторической школы, на защиту и за возстановленіе которой выступаетъ „Вѣстникъ Права“, вся была основана на признаніи самостоятельной, абстрактно-логической природы юридическихъ понятій. Юристы XVIII вѣка и многіе представители исторической школы вѣрили въ неизмѣнность основной схемы этихъ понятій и представляемыхъ ими институтовъ гражданскаго права въ исторіи, и историческое развитіе ихъ допускали лишь въ смыслѣ постепеннаго *уясненія ихъ* постоянной природы. Позднѣе стали признавать—эта точка зрѣнія превосходно была развита проф. Пахманомъ въ статьѣ, помѣщенной въ органѣ С.-Петербургскаго Юридическаго Общества подъ заглавіемъ „Современныя движенія въ наукѣ права“—несомнѣнный историческій фактъ постояннаго *развитія* системы юридическихъ *институтовъ*, его видоизмѣненія и полнаго преобразованія, но не хотѣли признать все-таки измѣнчивости основныхъ *понятій однихъ и тѣхъ же институтовъ*. Признавая, что система, напр., юридическаго обладанія имуществомъ (вещное право) была въ различные періоды исторіи различна *по составу* своихъ институтовъ (собственность и сервитуты, собственность, общинное владѣніе и рядъ формъ зависимыхъ держаній, особыхъ институтовъ фидеикоммиссовъ и

родовой собственности и т. д.), новое возрѣніе старалось доказать, что, несмотря на это, основныя технико-юридическія *понятія* этихъ институтовъ остаются неизмѣнными и всегда поэтому могутъ быть опредѣлены, какъ величина постоянная. Индивидуальная собственность можетъ допустить рядомъ съ собою множество другихъ институтовъ вещнаго права, а не только сервитутъ, какъ это имѣло мѣсто въ римскомъ правѣ, но и юридическое понятие ея („полное и исключительное господство лица надъ вещью“) останется всегда однимъ и тѣмъ же; чиншевое право можетъ быть допущено въ ту или иную эпоху въ систему формъ обладанія или нѣтъ, но *понятіе* чиншеваго права будетъ одно и то же и въ томъ, и въ другомъ случаѣ. Согласно съ этимъ возрѣніемъ задачей юриста-догматика и признавалось созданіе системы юридическихъ понятій дѣйствующаго права, установленіе основныхъ отличительныхъ признаковъ каждаго и выводъ логическихъ слѣдствій, способныхъ служить руководствомъ для рѣшенія отдѣльныхъ случаевъ. Для этой цѣли юридическія понятія стараются разложить на основные конструктивные элементы, общіе всѣмъ понятіямъ, и затѣмъ создать для каждаго понятія нѣкоторыя формулы изъ этихъ элементовъ („опредѣленія“), при помощи которыхъ ихъ можно отличать другъ отъ друга *технически*, т. е. съ указаніемъ опредѣленныхъ юридическихъ слѣдствій. Соціально-политическая сторона институтовъ отходить на задній планъ или совсѣмъ не принимается во вниманіе. Недавно Штаммлеръ выразилъ эту точку зрѣнія слѣдующимъ образомъ. „Подобно тому какъ логика трактуетъ объ образованіи понятій, какъ таковыхъ, отдѣльно излагаетъ формы мышленія, въ противоположность разнообразію индукціи, точно также и наука права должна изобразить регулирующую форму, въ которой раскрывается регулируемая ею соціальная жизнь... При этой дѣятельности юриспруденція, преслѣдуя свою особую и самостоятельную задачу, не имѣетъ нужды принимать въ соображеніе дѣйствительное конкретное приложеніе, которое получаетъ данный правовой строй въ соціальной жизни. Сила ея доказательствъ при изложеніи содержанія права и при конструкціи его въ отдѣльныхъ выраженіяхъ не зависитъ отъ того, какое употребленіе мы дѣлаемъ изъ этого права въ дѣйствительности, и какія формы принимаетъ въ данномъ случаѣ общественная жизнь“ <sup>1)</sup>. И Иерингъ, въ началѣ своей дѣятельности, былъ увѣренъ, что въ

---

<sup>1)</sup> Wirtschaft und Recht § 30.

формально-юридическихъ понятіяхъ юриспруденція имѣетъ почти математическія формулы, оперируя съ которыми, независимо отъ ихъ содержанія, возможно дать детальныя предписанія на каждый отдѣльный жизненный случай и даже установить нормы для будущаго <sup>1)</sup>).

Представляютъ ли, однако, конструктивные элементы, съ которыми оперируетъ юридическая догматика, такія же постоянныя величины, какъ математическія количества? Потому что лишь при такомъ постоянствѣ элементовъ возможно говорить и о постоянствѣ понятій и ихъ формулъ—опредѣлений. Что юридическіе институты, служащіе объектами опредѣлений, т. е. социальныя формы обладанія, оборота и взаимной зависимости людей (союзы) измѣняются въ исторіи въ своей структурѣ, это не подлежитъ теперь сомнѣнію и, если не ошибаемся, никѣмъ изъ юристовъ не отрицается. И представители естественнаго права говорятъ уже о естественномъ правѣ *съ измѣняющимся содержаніемъ* <sup>2)</sup>. Но нетрудно будетъ также показать и то, что и одни и тѣ же институты (собственность, владѣніе, отдѣльные договоры и т. д.) въ разное время исторіи, по составу вытекающихъ изъ нихъ правомочій, суть величины измѣняющіяся—въ зависимости отъ перемѣнъ въ общественной жизни. Достаточно указать здѣсь на примѣръ собственности. Техничко-юридическая формула этого института гласитъ, что это полное и исключительное „право на вещь“. Послѣднее выраженіе „право на вещь“ характеризуетъ въ глазахъ юристовъ не только непосредственное воздѣйствіе лица на вещь въ моментъ обладанія ею (это воздѣйствіе можетъ существовать и при обязательственныхъ формахъ обладанія), а и въ томъ случаѣ, если вещь попадаетъ въ третьи руки (*ubi res mea invenio ibi vindico*). Вандикаціонный искъ, поэтому, основной конструктивный признакъ собственности въ глазахъ юристовъ. Но насколько постояненъ этотъ признакъ? Хорошо извѣстно, что современная движимая собственность не знаетъ этого признака или знаетъ въ очень ограниченномъ размѣрѣ (краденныя вещи). Объясняя это обстоятельство, юристы обыкновенно говорятъ, что современное право въ этомъ случаѣ, въ интересахъ справедливости, отступаетъ „отъ строгой логики римскаго права“, никогда не останавливавшася

<sup>1)</sup> «Unsere Aufgabe» въ 1-мъ № Lehrbücher für Dogmatik.

<sup>2)</sup> Stammler, *ibid.* § 33.

надъ послѣдовательнымъ проведеніемъ „логическихъ выводовъ изъ понятія собственности“<sup>1)</sup>. Въ дѣйствительности же дѣло вовсе не въ логикѣ и послѣдовательности логическихъ выводовъ, а въ той политикѣ, которой держится государство и общество по отношенію къ институту собственности въ зависимости отъ строя оборота. Въ эпохи, когда интересы *обладанія* болѣе цѣнны, чѣмъ интересы оборота, общество покровительствуетъ первымъ и даетъ собственнику наиболѣе могучее средство защиты; когда интересы оборота берутъ верхъ, и убытки собственника легко могутъ быть возмѣщены деньгами, на которыя онъ легко найдетъ имущество, совершенно замѣняющее утраченное, тогда право покровительствуетъ обороту и охраняетъ интересы добросовѣстнаго владѣльца предпочтительно передъ интересами собственника<sup>2)</sup>. Въ обоихъ случаяхъ мы, конечно, будемъ имѣть разную технико-юридическую формулу собственности, т. е. разное ея „понятіе“: въ одномъ отношеніи къ вещи безъ одного существеннаго права по отношенію къ третьимъ лицамъ, въ другомъ — съ такимъ правомъ. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ право будетъ *логичнымъ*. Выводъ изъ *принципа* поддержанія интересовъ оборота къ ограниченной виндикаціи столь же логиченъ, какъ и выводъ изъ интересовъ обладанія къ безусловной виндикаціи, и борьба въ правѣ идетъ не между „логикой“ и „справедливостью“ (или съ точки зрѣнія „Вѣстника Права“ — произволомъ), а между двумя *равноправными общественными принципами*. Іерингъ и его школа, поэтому, отрицаютъ не логику и принципы, а лишь *абстрактно-логическое постоянство юридическихъ понятій*, чтѣ далеко не одно и то же. У Іеринга это выражено совершенно ясно. „Что иное представляли изъ себя всѣ эти понятія, при помощи которыхъ я думалъ раньше освободиться отъ оковъ положительнаго, какъ не отложенія положительныхъ юридическихъ предписаній, приведенныя римлянами въ логически-концентрированную форму, т. е. въ форму понятій? Представляетъ ли собою римское понятіе собственности, основывающееся въ своемъ существѣ на виндикаціи, явленіе не положительной природы? Постулируется ли понятіе виндикаціи логически понятіемъ собственности? Въ послѣднемъ случаѣ собственность безъ виндикаціи нельзя было бы представить себѣ, какъ ножъ

<sup>1)</sup> См., напр., Покровскій, Желательная постановка гражданского права въ изученіи и преподаваніи, Кіевъ, 1896, стр. 16.

<sup>2)</sup> Намеки на такое объясненіе находятся и у г. Петражицкаго, Права добросовѣстнаго владѣльца на доходы, стр. 283 (СПБ. 1897).

безъ клинка. Но кто думаетъ такимъ образомъ, пусть научится лучшему у современнаго права. Вопросъ о виндикаціи есть вопросъ простой цѣлесообразности, и для движимыхъ вещей я считаю ее, въ противоположность точкѣ зрѣнія нашего современнаго оборотнаго права, совершенно лишней.“ Иерингъ приводитъ дальше еще нѣсколько подобныхъ же примѣровъ. „Имѣетъ ли право на существованіе институтъ quasi-possessio только потому, что онъ выраженъ римскими юристами въ видѣ техническаго понятія? Это снова вопросъ цѣлесообразности, который можетъ быть рѣшенъ, чтобы сказать самое меньшее, въ томъ или другомъ смыслѣ. Составляетъ ли одинъ изъ существенныхъ признаковъ понятія обязательства то, что искъ изъ него можетъ быть данъ только противъ должника, а не противъ третьяго лица? И что съ этимъ понятіемъ должно было бы сдѣлаться въ томъ случаѣ, если бы законъ установилъ положеніе, что кредиторъ имѣетъ искъ также и противъ третьяго лица, которое приобрѣло отъ должника завѣдомо должную имъ вещь (напр., если оно получило эту вещь въ наемъ, есуду, на сохраненіе или просто купило ее)?... Заблужденіемъ, поэтому, является то мнѣніе, которое приписываетъ простымъ понятіямъ, въ силу того только, что они установлены, значеніе неопровержимыхъ логическихъ истинъ. Понятія образуются и исчезаютъ вмѣстѣ съ юридическими нормами, изъ которыхъ они заимствованы. Какъ-скоро послѣднія, въ случаѣ ихъ непригодности, уничтожаются, вмѣстѣ съ этимъ устраняются и понятія или приобретаютъ иную форму, точно также какъ становится ненужнымъ, расширяется или измѣняется футляръ, когда предметъ, для котораго онъ назначенъ служить, замѣняется другимъ, увеличивается или уменьшается“.

Прежде чѣмъ говорить объ изгнаніи изъ юриспруденціи логики, „Вѣстникъ Права“ долженъ будетъ опровергнуть логичность приведенныхъ выше соображеній о значеніи юридическихъ понятій и вдуматься въ причину тѣхъ неудачныхъ попытокъ конструирования множества юридическихъ понятій старой и новой юридической жизни, которыя не укладываются въ римскія рамки. Споры не только о подробностяхъ конструкции, но и объ ея составныхъ элементахъ наполняютъ „научную“ литературу, которую онъ беретъ подъ свою защиту, говоря, что въ этой области реформъ не требуется; выхода изъ этихъ споровъ нѣтъ, потому что они стоятъ на ложномъ базисѣ и ведутъ къ схоластикѣ.

Школа Иеринга, отвергая понятія, замѣняетъ ихъ въ догматической теоріи *принципами* и такимъ образомъ не только не отвер-

гаетъ послѣдніе, но, наоборотъ, возвышаетъ ихъ на первое мѣсто въ дѣятельности судьи и юриста-практика. И здѣсь можетъ быть не будучи излишними нѣсколько поясненій.

Выдвигая на первый планъ соціально-политическую и соціально-экономическую сторону юридическихъ нормъ взаи́мнъ логической, школа Іеринга разсматриваетъ эти нормы, какъ продуктъ дѣятельности органовъ правообразованія, руководящейся опредѣленными цѣлями, но этимъ отнюдь не предполагается, что дѣло идетъ о „мелкихъ удобствахъ“, „житейской микроскопіи“, „пошлой практичности“, какъ угодно думать редакціи „Вѣстника Права“ (XIX). Цѣли законодательной политики государства могутъ быть и широкимъ „кругозоромъ“, и основанными „на крупныхъ идеяхъ“. Основныя, крупныя направленія въ этой политикѣ, общія идеи, проникающія группы нормъ, школа Іеринга и называетъ *принципами*, опредѣляющими собою и созданіе мелкихъ правилъ<sup>1)</sup>. Содержаніе и объемъ дѣйствія этихъ принциповъ опредѣляется общими условіями государственной жизни и этическими мотивами, положенными въ основу дѣятельности законодателя. Отдѣльныя явленія юридической жизни располагаются по классамъ, соотвѣтственно руководящему и управляющему ходомъ ихъ началу или принципу, и затѣмъ устанавливается опредѣленное соотношеніе между этими принципами, границы ихъ господства. Гражданско-правовыя нормы, излагаемыя въ кодексахъ, служатъ лишь выраженіемъ примѣненія этихъ принциповъ къ отдѣльнымъ случаямъ или ихъ комплексамъ, предусматриваемымъ законодателемъ, а не самостоятельными логическими образованіями. Задача догматическаго изученія ихъ, поэтому, иная, чѣмъ та, которую ставила себѣ историческая школа и защищаетъ редакціи „Вѣстника Права“. Съ точки зрѣнія юриста школы Іеринга, слѣдуетъ изучать не только логическое выраженіе юридическихъ отношеній въ законѣ, но и тѣ законодательные принципы, которые положены въ основу юридическихъ нормъ. Въ практическомъ положеніи логическій выводъ изъ „понятія“ института является; съ точки зрѣнія такого юриста, обязательнымъ лишь постольку, поскольку онъ не парализуется логическимъ выводомъ изъ другаго принципа. Конструируя отношенія, вытекающія изъ родительской власти, напр., юристы старой школы выходили или изъ „римскаго понятія власти“, въ основѣ

<sup>1)</sup> См. объ этомъ у г. Муромцев а— Что такое догма права? (Москва, 1885).

котораго лежало начало преобладанія интересовъ отца, или изъ „германскаго понятія опеки“, въ основѣ котораго лежитъ преобладающее покровительство интересамъ дѣтей, и въ томъ, и другомъ случаѣ терялись въ опредѣленіи состава полномочій отца и дѣтей въ современномъ правѣ, какъ „логическихъ слѣдствій“ того или иного понятія. Для юриста школы Іеринга ясно, что въ современномъ правѣ родительская власть построена на компромиссѣ двухъ принциповъ: традиціоннаго покровительства интересамъ отца, совпадающимъ отчасти съ интересами воспитанія и дисциплины, а съ другой—защиты дѣтей какъ будущихъ гражданъ государства, отъ злоупотребленій властью. Отдѣльныя нормы, опредѣляющія отношенія отца и дѣтей, могутъ быть, поѣтому, поняты не логически, а политически, т. е. съ помощью оцѣнки подлежащаго, съ точки зрѣнія общихъ задачъ права, въ данный моментъ общественной жизни соотношенія отдѣльныхъ принциповъ въ каждомъ отдѣльномъ отношеніи.

Судебное „творчество“ судьи въ области права, или „свободное отношеніе его къ закону“ стоитъ въ тѣсной связи съ природою гражданско-правовыхъ нормъ, какъ понимаетъ ее школа Іеринга. Если бы законодательныя нормы гражданскаго права представляли собою дѣйствительно логическую систему, допускающую простой дедуктивный выводъ логическихъ слѣдствій, то законодателю и самому было бы сравнительно нетрудно предусмотрѣть ихъ всѣ; легко могъ бы сдѣлать это и судья, усвоившій основы законодательной логики. Въ дѣйствительности далеко не то: законодатель не предусматриваетъ массы рѣшеній, а юристы безконечно спорятъ, „конструируя“ отдѣльныя явленія, при чемъ споръ идетъ, какъ замѣчено выше, и объ основныхъ конструктивныхъ элементахъ, слѣд. объ основныхъ теоремахъ, на которыя опираются выводы. Всѣ эти споры бесполезны. Представляя собою комбинацію сталкивающихся между собою принциповъ законодательной политики, юридическія понятія подлежатъ лишь отчасти логическому изученію; юридическія нормы, предусматривающія комплексы случаевъ и юридическихъ отношеній, суть только *примѣрныя* рѣшенія этихъ случаевъ, съ точки зрѣнія этихъ принциповъ, указывающія судья въ болѣе общихъ и частныхъ явленіяхъ, такъ сказать, процентное отношеніе этихъ принциповъ. Всѣ непредусмотрѣнные случаи,—а предусмотрѣть ихъ всѣ нѣтъ возможности, ибо жизнь идетъ постоянно впередъ,—вызываютъ судью на собственную творческую дѣятельность *по образцу и примѣру законодательной*, но

не по механически-логическому шаблону, имъ данному. Когда случаи, не предусмотрѣнные въ законѣ, просты, судья, подражая законодателю, кажется руководствующимся логикой, но когда случаи сложны, ему приходится входить и въ сложные, чисто законодательныя соображенія.

Чтобы понять процессъ свободнаго судебного творчества, слѣдуетъ обратить вниманіе еще на одну сторону судейской дѣятельности въ сравненіи съ законодательной, опять хорошо отмѣченную Іерингомъ. И законъ, и судебное рѣшеніе одинаково стремятся достигнуть справедливаго регулированія общественныхъ отношеній, но справедливость закона—внѣшняя, формальная, справедливость судебного рѣшенія—внутренняя, матеріальная. Законъ по природѣ общъ, не обращаетъ вниманія на индивидуальныя отличія и имѣетъ цѣлью типическія явленія; при рѣшеніи отдѣльныхъ случаевъ приходится часто считаться съ такими отклоненіями ихъ отъ установленныхъ закономъ типовъ, которыя дѣлаютъ возможнымъ примѣненіе къ нимъ предписанія закона только съ причиненіемъ явной несправедливости. Что долженъ дѣлать въ этомъ случаѣ законъ? Разумѣется, исправить или приспособить законъ къ отдѣльному случаю. Индивидуализація юридическихъ явленій неизбежно ведетъ къ расширенію, суженію или развитію смысла закона, иначе будетъ царство формальной справедливости, господства принципа: *fiat justitia, pereat mundus*. Разсматривая дѣятельность римскихъ юристовъ, Іерингъ и показываетъ, что, въ противоположность старой судебной практикѣ XII таблицъ, они всегда индивидуализировали частные случаи, *равняли отношенія*, равное оцѣнивали равно, неравное—различно. Законъ они примѣняли только къ случаямъ, одинаковымъ съ тѣми, съ которыми считался законодатель, его издавая. Для несхожихъ они самостоятельно создавали группы исключеній изъ закона и создавали для нихъ собственную норму, *примѣняясь къ политикѣ законодателя*. Отсюда ихъ право и было *правомъ равенства, справедливости* (*aequitas, aequum jus*).

Итакъ, при полномъ недостаткѣ указаній законодателя на примѣненія его принциповъ къ даннымъ комплексамъ отношеній, судья замѣняетъ его, самостоятельно создавая нормы и продолжая его работу. При существованіи указаній законодателя, судья предоставляется просторъ въ смыслѣ индивидуализаціи случаевъ и оцѣнки закона о точки зрѣнія пригодности его для оцѣнки явленій, отклоняющихся отъ предусмотрѣнныхъ. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ дѣятельность судьи можетъ привести къ полному

преобразованію закона. Въ первомъ случаѣ, при наростаніи новыхъ случаевъ, не предусмотрѣнныхъ закономъ, благодаря измѣненіямъ въ общественной жизни могутъ появиться такіе элементы въ юридическихъ отношеніяхъ, подлежащихъ регулированію при помощи согласованія нѣсколькихъ принциповъ, которые заставятъ судью усиливать дѣйствіе одного на счетъ другаго, хотя-бы въ примѣрныхъ случаяхъ, которыми долженъ руководствоваться судья, принципы и были равномѣрно примѣняемы. Естественно при этомъ условіи создается норма дѣятельности судьи, отклоняющаяся отъ закона, но въ сущности его развивающая, а не искажающая. Во второмъ ряду исключеній изъ закона вслѣдствіе особенности отдѣльныхъ случаевъ могутъ настолько возрасти, что составить общее правило, а законные случаи будутъ исключеніями. Законъ снова измѣнится, но не къ своему ущербу и не вопреки волѣ законодателя.

Господствующее и въ современной юридической догматикѣ правовѣрныхъ, съ точки зрѣнія редакціи „Вѣстника Права“, юристовъ опасеніе предоставить судья возможность самостоятельной и разумной оцѣнки нормъ права не только съ точки зрѣнія ихъ логическаго смысла, но и съ точки зрѣнія лежащихъ въ ихъ основаніи законодательныхъ цѣлей и мотивовъ основано лишь на традиціонномъ представленіи о роли судьи, выработавшемся въ эпоху полнаго недовѣрія государства и гражданъ къ судьямъ. Современная юстиція окончателно успѣла отдѣлаться отъ формальной теоріи доказательствъ, а давно ли казалось опаснымъ предоставить судья дѣлать самостоятельные логическіе выводы по оцѣнкѣ доказательствъ? Давно ли считали необходимымъ связать судью прямыми указаніями на цѣну отдѣльныхъ видовъ доказательствъ и безчисленными „презумціями“, создававшими для него законодательные силлогизмы? Теперь привыкли къ мысли, что судья можетъ рассуждать, подчиняясь лишь обычнымъ законамъ человѣческой логики, и даже по совѣсти оцѣнивать доказательства. Но до сихъ поръ кажется еще ересью, что судья можетъ и долженъ знать законодательную политику, подложенную подъ нормы кодекса, чтобы достигать сознательно тѣхъ цѣлей, къ которымъ стремился законодатель. Почему предоставленіе сознательнаго регулированія отношеній по указаніямъ закона и по его образцамъ, но въ видѣ судебного творчества на отдѣльные случаи, не предусмотрѣнные или не принятые во вниманіе закономъ при формулировкѣ нормы, подъ которую они должны быть подведены вопреки ихъ истинному ха-

Жур. Мин. Юст. Мартъ 1899.

рактору, — почему это предоставленіе болѣе опасно, чѣмъ надѣленіе судьи правомъ „конструированія“, не имѣющаго прочныхъ устоевъ и ведущаго лишь къ безконечному количеству споровъ и между ученѣйшими юристами?

Есть, правда, одно препятствіе, но легко устранимое. До сихъ поръ считали нужнымъ воспитывать юристовъ-практиковъ лишь при помощи конструктивнаго метода, на логическихъ формулахъ права, не знакомя съ жизненной основой нормъ. Но давно уже признана недостаточность такого юридическаго образованія, давно оцѣнены и плоды его. Къ сожалѣнію, культъ юридическаго невѣжества въ области историческихъ и социальныхъ наукъ почему-то до сихъ поръ почитается, и рѣчь о необходимости болѣе широкой постановки юридическаго образованія не находитъ себѣ осуществленія. Мы снова не можемъ не привести здѣсь словъ писателя, много потрудившагося надъ выясненіемъ истинныхъ задачъ современной юриспруденціи, идеи котораго находятъ все болѣе и болѣе достужъ въ западную литературу.

Наблюденія надъ исторіею и жизнью удостовѣряютъ, говорить этотъ писатель, что „законодательная функція не можетъ быть отдѣлена отъ власти судебной вопреки всѣмъ направленнымъ къ тому мѣрамъ, и что „толкованіе“ закона всегда содержитъ въ себѣ явное или скрытое *преобразование* его. Современная конструкція догмы гражданскаго права и лежащее въ ея основаніи ученіе о толкованіи закона игнорируетъ совершенно это обстоятельство и ведетъ къ такому образованію юристовъ, которое не согласуется съ существомъ ихъ практической дѣятельности. Догма, основана ли она исключительно на формальной систематикѣ, или же на раскрытіи связи, существующей между юридическими опредѣленіями и вызвавшими ихъ потребностями, даетъ болѣе или менѣе вѣрное представленіе о содержаніи дѣйствующихъ источниковъ права, но, предоставленная однимъ собственнымъ силамъ, не вырабатываетъ критерія для оцѣнки его историческаго значенія, необходимаго на случай столкновенія закона съ жизнью или безсилія его передъ нею. Каждый разъ, какъ юристу приходится навязывать жизни несоотвѣтствующія ей предписанія объективнаго права, или же за неполнотою этого послѣдняго прибѣгать къ своимъ собственнымъ средствамъ для формулированія новой нормы, онъ не владѣетъ никакимъ указаніемъ на путь, котораго слѣдуетъ держаться. Указаніе на „духъ“ закона само по себѣ есть не болѣе, какъ пустой звукъ. Только историко-философскій анализъ закона

способенъ вложить въ него содержаніе. Духъ закона есть его историческое отношеніе къ интересамъ прошедшаго, настоящаго и будущаго; понимать законъ—значить понимать его, какъ моментъ историческаго развитія; *примѣнять его—значитъ знать историческое соотношеніе принциповъ, образующихъ его содержаніе, и содѣйствовать реализаціи прогрессивныхъ началъ, удерживая излишнее проявленіе началъ отживающихъ*. Такъ вопреки всѣмъ догматическимъ теоріямъ понимаютъ и примѣняютъ законъ на самомъ дѣлѣ. Но въ интересахъ дѣла необходимо, чтобы происходящее скрыто и безсознательно дѣлалось открыто и сознательно, чтобы наука и школа не оставляли практику въ этомъ важномъ дѣлѣ безъ помощи и руководства. Чтобы быть хорошимъ юристомъ, мало владѣть одною техникою правовѣдѣнія, но *надо прежде всего быть образованнымъ гражданиномъ.....* Реформѣ, поэтому, подлежитъ не только теорія, но и практика. Она не можетъ быть изолирована отъ общаго потока исторической жизни, но *обязана принимать сознательное участіе въ прогрессивномъ развитіи своего народа*“<sup>1)</sup>.

Мы не можемъ входить здѣсь въ болѣе детальное обсужденіе методовъ свободнаго творчества судьи и въ непродолжительномъ времени предложимъ вниманію читателей Ж. М. Ю. статью, детально разсматривающую этотъ вопросъ. Пока же ограничимся слѣдующимъ замѣчаніемъ. Только полное незнакомство съ особенностями творчества римскихъ юристовъ и ихъ взглядами на задачи правосудія, какъ ни странно это сказать юристамъ, всю жизнь изучавшимъ римское право, могло привести къ методу конструкціи вмѣсто той живой работы надъ правомъ, образцы которой они намъ даютъ. Мы приведемъ лишь одинъ убѣдительный примѣръ той роли, которую у нихъ играли законодательные принципы и справедливость въ рѣшеніяхъ. Въ fr. 12 § 8 de captiv. et re postl. (XIX, 15) рѣчь идетъ о положеніи плѣннаго раба, купленнаго въ предположеніи, что онъ собственность продавца, и отпущеннаго покупателемъ на волю. Юристъ спрашиваетъ, переходитъ ли такой рабъ, отпущенный лицомъ, стоящимъ въ положеніи добросовѣстнаго владѣльца, къ продавцу, остается ли во власти стараго господина, или дѣлается свободнымъ? Никакой „логическій выводъ“ не приходитъ здѣсь на помощь юристу. Одна изъ конституцій дѣ-

<sup>1)</sup> Муромцевъ, Очерки общей теоріи права. 1877, стр. 197—199.

лала лицо, выкулившее раба, собственникомъ, но она не примѣнима здѣсь, ибо въ сдѣлкѣ произошла ошибка: покупатель раба думалъ, что покупаетъ его отъ квинтискаго собственника; онъ слѣд. лишь добросовѣстный владѣлецъ, который въ качествѣ такого не могъ дать свободы рабу. Рабъ могъ бы быть признакъ собственности того или другаго господина „по логикѣ“<sup>1)</sup>, но юристъ затрудняется сдѣлать это въ виду возможныхъ политическихъ послѣдствій этого: ни тотъ, ни другой господинъ могутъ не быть найденными, и тогда рабъ всю жизнь принужденъ былъ бы остаться рабомъ, т. е. встать въ положеніе худшее, чѣмъ стоятъ другіе рабы, ибо былъ бы лишенъ и благъ свободы, и обезпеченія своего существованія со стороны господина. Юристъ, поэтому, не слѣдуетъ за логикой, и даже прямо отрицаетъ ее, а говоритъ слѣдующее: положеніе такого раба было бы неравно съ другими, а потому и примѣненіе къ нему такой логики *несправедливо*; съ другой стороны это противорѣчило бы *основному принципу* римскаго законодательства—покровительству свободѣ раба, а посему рабъ и долженъ быть признакъ свободнымъ: *quid enim, si nunquam ille pretium ejus offerrat? si nec conveniendi ejus sit facultas? liber erit servus qui nullo merito suo poterit a domino libertatem consequi? quod est iniquum et contra institutum a majoribus libertatis favorem.*

Авторитетъ римскихъ юристовъ, *не знавшихъ иного способа интерпретаціи источниковъ права*,—мы утверждаемъ это,—долженъ, намъ кажется, убѣдить редакцію „Вѣстника Права“, что это приемъ не софистическій, а наоборотъ, проникнутый глубоко-этическимъ содержаніемъ. Мы имѣемъ, впрочемъ, и еще одно убѣдительное доказательство этого. Въ классической древности этотъ приемъ точно формулированъ отнюдь не софистами, а Аристотелемъ. Если редакція „Вѣстника Права“ дастъ себѣ трудъ открыть 5-ю главу „Никомаховой этики“ великаго философа, то она прочтетъ тамъ слѣдующее разсужденіе объ отношеніи между справедливостью (равенствомъ, въ смыслѣ Аристотеля) и юстиціей. „Всякій законъ—общее положеніе, а относительно нѣкоторыхъ частныхъ нельзя дать вѣрныхъ общихъ опредѣленій. Въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ должно дать общее положеніе, и нельзя этого сдѣлать вполне вѣрно, законъ держится случаяющагося чаще всего, при чемъ не-

<sup>1)</sup> Между прочимъ на основаніи *jus postliminii* и приводимой имъ формулы Сабина.

достаточность закона сознается. Тѣмъ не менѣе законъ вѣренъ, ибо ошибочность заключается не въ самомъ законѣ или законодателѣ, а въ природѣ объекта закона. Очевидно, что таковъ характеръ всей человѣческой дѣятельности. Итакъ, если законъ есть общее положеніе, а частный случай не подходитъ подъ общее положеніе, то, говоря безусловно, *правильно поступить тотъ, кто исправитъ недостатокъ и пополнитъ пробѣлъ, оставленный законодателемъ*,—недостатокъ, который и самъ законодатель исправилъ бы, если бы присутствовалъ и если бы зналъ о такомъ случаѣ, когда давалъ законъ..... Природа права заключается въ исправленіи закона въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ онъ вслѣдствіе своей общности неудовлетворителенъ..... *Тотъ—праведный, кто намѣренъ дѣйствовать и дѣйствуетъ въ этомъ направленіи и не придерживается буквы закона ко вреду ближняго, а примѣняетъ его свободно, даже имѣя законное право на своей сторонѣ*“.

Отъ Аристотеля эти положенія перешли къ стоикамъ, а отъ нихъ взялъ ихъ Цицеронъ и римскіе юристы.....

#### IV.

Обращаясь къ собственной программѣ редакціи „Вѣстника Права“,—программѣ, по которой, по ея мнѣнію, должно идти изученіе юриспруденціи XX вѣка,—мы принуждены сказать, что эта редакція желаетъ сохранить отжившее, производить реформу тамъ, гдѣ она уже произведена, и формулируетъ научныя задачи, будучи недостаточно знакома съ той самой „наукой человѣческаго познанія и методовъ изслѣдованія“, новѣйшіе выводы которой считаетъ одной изъ основъ реформы.

Выше мы привели отзывъ „Вѣстника Права“ о значеніи философскихъ теорій исторической школы. „Вѣстникъ Права“, не смотря на этотъ отзывъ, какъ мы оиять говорили выше, однако высоко цѣнитъ одну сторону дѣятельности исторической школы—ея догматическую работу. „Съ романтизмомъ основнаго ученія,—говоритъ онъ,—(у исторической школы) соединялось добросовѣстное исполненіе будничной работы. Достаточная доля времени и вниманія была посвящена изученію и догматической обработкѣ дѣйствующаго права. При этомъ замѣчалось принципиальное, истинно-юридическое отношеніе къ дѣлу; основнымъ принципомъ и задачей являлись: правдивое, безпристрастное толкованіе законовъ, опредѣленіе истиннаго смысла источниковъ и извлеченіе изъ нихъ тѣхъ логическихъ продуктовъ абстрактнаго характера, которые

подъ именемъ общихъ юридическихъ понятій, общихъ принциповъ, институтовъ и наконецъ „системы“ даютъ возможность путемъ логическаго послѣдовательнаго обратнаго движенія отъ общаго къ частному, найти рѣшенія и нормы и для тѣхъ многочисленныхъ случаевъ дѣйствительной жизни, которые не предусмотрѣны и не могутъ быть непосредственно предусмотрѣны закономъ. Этимъ исключался произволъ и создавалась гарантія послѣдовательнаго и неуклоннаго проведенія принципа законности какъ въ области вопросовъ, непосредственно рѣшенныхъ положительными нормами, такъ и въ обширной области, гдѣ такого непосредственнаго рѣшенія нѣтъ“ (IV—V).

Мы только-что показали, на какомъ составѣ идей держалась эта „истинно-юридическая“ работа исторической школы, и какія существенныя поправки внесла въ эти идеи школа Иеринга. Безусловно ложный базисъ не могъ не отразиться на качествахъ работы и особенно ея *результатахъ*, о которыхъ въ „Вѣстникѣ Права“ умолчено. Задавшись невозможной задачей „извлечь логическіе продукты абстрактнаго характера“ изъ живыхъ явленій правовой жизни путемъ отбрасыванія всей исторической обстановки, на которой эти явленія выросли, и примѣнить добытыя такимъ образомъ нормы къ современной жизни, историческая школа въ дѣйствительности запуталась въ противорѣчійхъ и въ концѣ концовъ впала въ простую схоластику. Страшный разладъ между теоріей и практикой, приведшій къ полному отсутствію какого-либо вліянія первой на послѣднюю,—разладъ, на который указываетъ общій голосъ юристовъ Германіи,—безконечные образцы неудачныхъ „конструкцій“, благодаря которымъ ни одно изъ основныхъ положеній догмы не стоитъ прочно, почти ни одного обще-принятаго опредѣленія основныхъ институтовъ—таковы результаты этой работы, которая, по мнѣнію редакціи „Вѣстника Права“, не нуждается въ реформѣ. Никакая область права не нуждается, наоборотъ, въ большей реформѣ, какъ эта романистическая догматическая теорія исторической школы! Это отлично сознаютъ всѣ современные юристы, а направленія, складывающіяся на почвѣ изученія новаго гражданскаго уложенія, показываютъ убѣдительно, что почти вся огромная, необозримая даже, догматическая литература, выросшая подъ знаменемъ исторической школы въ теченіе нынѣшняго столѣтія, будетъ сдана въ архивъ, чтобы никогда не быть оттуда извлеченной.

Признавая мнимыя заслуги исторической школы, „Вѣстникъ

Права“ просмотрѣлъ дѣйствительную ея заслугу,—заслугу огромной важности, хотя и не намѣренную. Ссылки на исторію и историческій характеръ правовыхъ явленій, „чистыя“ заботы ея о „неприкосновенности нѣжнаго организма права для грубой руки законодателя“—выраженія, въ которыхъ говорить „Вѣстникъ Права“ объ исторической школѣ,—въ дѣйствительности часто имѣли своей основой опасенія со стороны ея представителей реформъ, вызывавшихся новой жизнью, и содѣйствовали укрѣпленію консервативныхъ, а иногда и прямо реакціонныхъ теченій въ нѣмецкомъ обществѣ. Но рядомъ съ этимъ призывъ къ изученію исторіи оказалъ огромное вліяніе на развитіе не только юриспруденціи, но и другихъ наукъ. Стремленія познать народный духъ въ историческихъ явленіяхъ привели къ открытію огромной массы историческихъ фактовъ, а философскія теченія времени съ идеей развитія во главѣ помогли усмотрѣть иную, чѣмъ предполагала историческая школа, связь и причинную зависимость между явленіями. Изъ историческаго направленія юриспруденціи въ XIX вѣкѣ создается историко-философское направленіе въ изученіи всей общественной жизни. Раздѣльное изученіе права отдѣльныхъ народовъ переходитъ въ сравнительное изученіе развитія права вообще, а это послѣднее приводитъ къ установленію зависимости юридическихъ явленій отъ экономической, соціально-политической и культурной организаціи общества. Изученіе экономической, политической и культурной организаціи общества въ свою очередь ставится на прочную историческую почву. Возникаетъ общая наука, направляющая и объединяющая изученіе общественныхъ явленій, соціологія. Формулируются и научные методы, изученія этихъ явленій. Появляется, наконецъ, рядъ гениальныхъ концепцій, стремящихся освѣтить съ иной точки зрѣнія, чѣмъ сдѣлала это историческая школа, ходъ развитія права. Работа юриста, благодаря этому, стала идти рядомъ и въ связи съ работами другихъ ученыхъ, тогда какъ прежде она была ремесленной работой теоретизирующаго практика. Юридическая структура общества, съ своей стороны, сильно заинтересовала историка и экономиста <sup>1)</sup>.

Юриспруденція XIX вѣка, такимъ образомъ, можетъ не только смущенно молчать на вопросъ о томъ, что она сдѣлала. Огромная

---

<sup>1)</sup> О вліяніи исторической школы права на развитіе историческаго изученія вообще см. ст. проф. Герье—„Задачи историч. общества“ въ „Изд. истор. общ. при Моск. унив.“, в. 1-й (1896).

масса трудовъ по исторіи римскаго, а особенно по исторіи германскаго, французскаго и англійскаго права, по сравнительному правовѣдѣнію, иногда написанныхъ съ широко-философскою мыслью, могутъ быть достаточными свидѣтелями плодотворности ея работы. Правда, и во многихъ изъ этихъ трудовъ „логическое извлечение абстрактныхъ элементовъ“ изъ правовыхъ явленій, объяснимыхъ лишь въ связи съ жизненными условіями, при которыхъ они возникли, сильно затемняетъ смыслъ историко-юридическаго прогресса, но кто знаетъ силу путей идейныхъ традицій, тотъ будетъ смотрѣть на эти ошибки, какъ на неизбежное зло.

Редакція „Вѣстника Права“ молчитъ объ этихъ успѣхахъ юриспруденціи, хотя, повидимому, имѣетъ о нихъ нѣкоторыя свѣдѣнія. Въ своей программѣ дѣятельности юриспруденціи въ XX вѣкѣ редакція говоритъ, какъ мы видѣли, что „послѣ длиннаго перерыва въ дѣятельности возобновленіе ея произойдетъ естественно на новыхъ началахъ богатаго фактическаго матеріала, добытаго за это время разными отраслями наукъ, изучающихъ существо, дѣйствующія силы и фактической ходъ общественной жизни и историческаго процесса, а равно на новыхъ началахъ успѣховъ, достигнутыхъ наукой человѣческаго познанія“ (XXIII). Но какимъ путемъ образовалась эта потребность въ связи между юриспруденціей и другими отраслями наукъ, какъ не путемъ работы юристовъ XIX столѣтія по преобразованію ученія о правѣ?

Мы, впрочемъ, понимаемъ происхожденіе этого недоразумѣнія. Редакція „Вѣстника Права“, повидимому, не подозреваетъ возможности изученія права внѣ практическихъ задачъ, связанныхъ съ такимъ изученіемъ, т. е. задачъ реформы законодательства и примѣненія права въ судѣ. Отсюда она говоритъ только о догмѣ права и „наукѣ“ политики права. Политика права должна, по мнѣнію редакціи, установить: „во-первыхъ, задачи *правосозданія*, какъ ту общую и высшую задачу, тотъ идеаль, которымъ мы должны руководиться въ области правосозданія вообще, такъ и тѣ подчиненныя задачи, которыя мы должны имѣть въ виду въ области отдѣльныхъ вѣтвей законодательства, во-вторыхъ, рациональныя средства и пути для рѣшенія этой системы общей и высшей, и специальныхъ и подчиненныхъ задачъ“ (XXII). Иными словами, говоря языкомъ логики, устанавливающей задачи, политики, какъ искусства или прикладной науки, задачей политики права является установленіе цѣлей законодательства и присканіе подходящихъ для ихъ достиженія средствъ. Но при помощи какой философіи,

какихъ методовъ, какихъ данныхъ возможно осуществленіе этой задачи? *Прикладная наука* никогда не можетъ существовать безъ наличности *науки чистой*, выводы и обобщенія которой одни только и могутъ служить базисомъ для выводовъ науки прикладной или политики. Въ русской литературѣ, правда, появилась недавно аналогичная же проповѣдь „науки политики права“, основанной непосредственно на этикѣ и психологіи, или, вѣрнѣе, на субъективныхъ этико-психологическихъ соображеніяхъ отдѣльныхъ представителей этой науки, но кромѣ недоразумѣній философскаго и методологическаго свойства эта проповѣдь, конечно, ничего не даетъ, ибо обладаетъ также какъ и разсужденія „Вѣстника Права“, основнымъ недостаткомъ, разъясненнымъ обстоятельно въ русской юридической литературѣ двадцать лѣтъ тому назадъ.

Требованіе созданія „науки политикѣ“, грѣша противъ логики, противопологающей науку политикѣ, основано также и на невѣрномъ предположеніи возможности систематизированнаго знанія по отдѣльнымъ и общимъ вопросамъ „правосозданія,“ знанія, добытаго прямо въ интересахъ практическихъ, т. е. томъ предположеніи, которое лежало прежде въ основаніи многихъ другихъ прикладныхъ наукъ, напр., въ области медицины. Естественное въ настоящее время отрѣшилось, однако, отъ этого взгляда; его представители хорошо знаютъ, что великія открытія даются преданнымъ служеніемъ не практическимъ, а чисто идеальнымъ задачамъ науки. Они хорошо сознали, что хотя „последняя цѣль науки состоитъ въ служеніи многообразнымъ требованіямъ жизни, но лучшій путь, которымъ эта цѣль достигается, есть путь чистой любознательности“. Многие юристы, занимающіеся изысканіемъ реформъ въ области законодательства, до сихъ поръ не могутъ этого понять и думаютъ, что тѣ или другія соображенія, составленныя на основаніи случайныхъ знаній, изслѣдованій, совершенныхъ *ad hoc*, субъективныхъ заключеній объ этикѣ и психологіи и т. д., могутъ замѣнить *знаніе законовъ явленной*, управляющихъ ходомъ общественной жизни. „При подобномъ практическомъ, хотя (какъ и во всякой другой научной сферѣ) вовсе не практичномъ направленіи экономической, политической и въ особенности юридической литературы трудно найти рѣзкую пограничную черту между ея сужденіями и интересами и областью экономическихъ, политическихъ и юридическихъ сужденій и интересовъ, наполняющихъ обыденный кругозоръ общества. Во многихъ отношеніяхъ (при такомъ взглядѣ на дѣло) научное возрѣ-

ніе является только теоретизированіемъ обыденнаго воззрѣнія. Недостатки, которые характеризуютъ это послѣднее, повторяются въ сферѣ науки. Научное воззрѣніе, подобно обыденному, страдаетъ шаткостью сознанія о законѣрности социальныхъ явленій и неясностью понятія о самомъ законѣ. Задача социальныхъ наукъ, и юриспруденціи въ частности, должна, поэтому, состоять прежде всего „въ изученіи законовъ, по которымъ происходятъ явленія общественной жизни“. На основаніи этихъ соображеній, авторъ, у котораго мы ихъ заимствуемъ, рисоваль 20 лѣтъ тому назадъ слѣдующую программу дѣятельности юриспруденціи. „Правовѣдѣнію,—говорилъ онъ,—надлежитъ изучить законы развитія той области социальныхъ явленій, которая извѣстна подъ именемъ права. При отсутствіи одного идеальнаго праваго состоянія и при постоянной смѣнѣ формъ общественной и юридической жизни, наука должна открыть законы, по которымъ происходитъ означенная смѣна. Право составляетъ группу явленій среди прочихъ группъ явленій общественной жизни. Наука должна опредѣлить отношенія, въ которыхъ состоятъ правовыя явленія между собою, къ явленіямъ другихъ группъ и къ прочимъ условіямъ и факторамъ общественнаго развитія. Первый шагъ науки — чисто объективный, наблюдательный. Она опредѣляетъ, что *есть*. Политика, въ смыслѣ теоріи искусства, исполняетъ второй шагъ. Она опредѣляетъ, что *должно быть*, къ чему слѣдуетъ стремиться“.

Примѣняя эти мысли въ частности къ гражданскому праву, авторъ приведенныхъ словъ продолжаетъ: „Мы должны различать: общее гражданское правовѣдѣніе и гражданско-правовую политику. Общее гражданское правовѣдѣніе есть наука въ строгомъ смыслѣ слова. Не преслѣдуя никакой практической цѣли, но руководясь исключительно требованіями любознательности, оно изучаетъ законы развитія гражданскаго права. Оно предполагаетъ, какъ подготовительную стадію, описательное гражданское правовѣдѣніе, которое описываетъ въ правильной системѣ факты гражданскаго права. *Гражданско-правовая политика* опредѣляетъ цѣли и приемы, которыми должны руководиться гражданскій законодатель и судья. На основаніи ея указаній слагается *догма* гражданскихъ правоопредѣленій, которая излагаетъ дѣйствующія въ странѣ правоопредѣленія въ такомъ видѣ и по такой системѣ, которые прямо отвѣчаютъ требованіямъ гражданско-судебной политики“<sup>1)</sup>,

<sup>1)</sup> Муромцевъ—Опредѣленіе и основное раздѣленіе права, М. 1879, стр. 13—15.

„Вѣстникъ Права“, такимъ образомъ, не только сдѣлалъ открытие новой науки, задачи которой уже давно и гораздо сознательнѣе и отчетливѣе были поняты раньше его, но и просмотрѣлъ *народженіе въ юриспруденціи XIX в. новаго теченія объективно-научнаго изученія права*, выросшаго какъ прямое слѣдствіе обращенія къ изученію исторіи права. Благодаря этому только онъ строитъ новую науку политики, отрицая заслуги юриспруденціи XIX вѣка, т. е. съ ревностью, достойной лучшей участи, рубить корни у дерева, плодами котораго желаютъ пользоваться. Только благодаря этому просмотру онъ не понимаетъ и потребности въ реформѣ въ догматическомъ изученіи права, настоятельно вызываемой тѣми объясненіями строя гражданско-правовыхъ институтовъ, которыя даетъ это объективно-научное изученіе права.

Изложеннаго вполне достаточно для того, чтобы показать, съ какой историко-философской и литературной подготовкой редакция „Вѣстника Права“ желаетъ пересоздать „Журналъ Юридическаго Общества“, преслѣдовавшій чисто практическія цѣли, въ идейный органъ, служащій опредѣленному научному направленію. Мы должны, однако, сдѣлать еще нѣсколько замѣчаній.

Чтобы понять, изъ какого правовоззрѣнія исходятъ нападки на лучшее юридическое направленіе XIX вѣка, мы старались подмѣтить въ статьѣ редакціи „Вѣстника Права“ какія-нибудь черты, характеризующія это правосозерцаніе. Къ сожалѣнію, это намъ не удалось. „Вѣстникъ Права“ желаетъ обосновать свою „науку политики“ на сочетаніи идей естественнаго права и историческихъ данныхъ, добытыхъ строго научными методическими приѣмами, и не находитъ достаточно жесткихъ словъ, чтобы очернить философію Геринга, построенную какъ разъ на этихъ базисахъ, какъ это видно и изъ сдѣланной выше большой выдержки изъ сочиненія П. И. Новгородцева. Теорія Геринга, по взгляду „Вѣстника Права“, и низменна, и пошла. Почему? Потому что она реалистична? Но такой ея характеръ объясняется свойствами метода и составомъ данныхъ, на которыхъ она основана. Если редакция „Вѣстника Права“ находитъ, что есть ошибки въ методѣ или въ подборѣ фактовъ, она должна опредѣленно указать ихъ. Въмѣсто этого въ статьѣ редакціи мы читаемъ: „критика этихъ „историческихъ“ взглядовъ была бы здѣсь излишнею, во-первыхъ, потому, что она была уже сдѣлана историческою школою, которая глубже смотрѣла на дѣло, и доводы которой не опровергнуты новой теоріей сознательнаго цѣлеваго происхожденія права, во-вторыхъ,

потому, что новые взгляды не оказали никакого влияния на движение исторического миросозерцания и разработки истории в новейшее время" (VII). Когда и кѣмъ изъ представителей исторической школы воззрѣніе Иеринга было опровергнуто? Что осталось затѣмъ въ современномъ правосозерцаніи послѣ критики Иеринга отъ „глубокихъ“ воззрѣній исторической школы? Какъ Иерингъ не опровергъ ея выводовъ? Весь „Geist“ разрушилъ ея положенія, а „Zweck im Recht“ лишь dokonчила разрушеніе. Что за научный пріемъ отвергать теоріи, потому что онѣ „низменны“ или „пошлы“, по взгляду того или другого лица. Теоріи могутъ быть только не истинны, а не пошлы. Изъ другого мѣста статьи „Вѣстника Права“ оказывается, что она не прочь отнестись съ сочувствіемъ къ „пошлымъ“ и „низменнымъ“ теоріямъ лишь бы сдѣлать лишній упрекъ историко-философскому направленію въ юриспруденціи. „Вѣстникъ Права“ утверждаетъ, какъ мы сейчасъ видѣли, что теорія Иеринга не оказала никакого влияния на развитіе историческаго миросозерцанія. Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ, что „наука истории вообще и отдѣльныхъ вѣтвей ея, повидимому, не ждетъ дѣльныхъ указаній со стороны науки права и не интересуется даже ея историческими теоріями. Особенно характеренъ тотъ фактъ, что выставленная уже давно и приобретающая въ новое время все болѣшую и болѣшую популярность теорія развитія правопорядка вышла не изъ лона юриспруденціи, а установлена, развивается, критикуется и защищается помимо ея. Эта теорія, выставленная экономистами (экономическій матеріализмъ), при всей ея односторонности все-таки несравненно научнѣе послѣдняго слова о развитіи права, о которыхъ говорится въ новейшихъ учебникахъ теоріи права и другихъ сочиненіяхъ юристовъ“. Въ этомъ замѣчаніи все невѣрно. То обстоятельство, что экономическое объясненіе права выработалось въ области экономіи, а не въ области права, совершенно понятно: базисъ его не право, а экономія. Упрекъ былъ бы справедливъ, если бы это объясненіе застало юриспруденцію неподготовленной къ воспріятію вѣрныхъ сторонъ его. Но этого-то и нѣтъ въ дѣйствительности: теоріи Иеринга и Меркеля, близкія къ экономическому объясненію, совершенно подготовили почву для проникновенія ученія въ юриспруденцію, какъ и рядъ отдѣльныхъ историческихъ трудовъ въ области права. Экономисты затѣмъ постоянно цитируютъ Иеринга, особенно тѣ, къ которымъ онъ наиболѣе близокъ, т. е. экономисты этическаго направленія. Что касается влияния теоріи Иеринга на разработку другихъ от-

раслей исторіи, то замѣчаніе редакціи сдѣлано только по незнакомству съ тѣмъ, чѣмъ обязана Герингу ранняя исторія германскаго права, выросшая въ новое время на идеяхъ Геринга. Почему, наконецъ, съ точки зрѣнія „Вѣстника Права“, теорія экономическаго матеріализма несравненно научнѣе теоріи Геринга? Послѣдняя несравненно *возвышеннѣе* теорій экономическаго матеріализма, такъ какъ, отводя должное реальнымъ силамъ, управляющимъ человѣческою дѣятельностью въ области производства и обмѣна, а также и въ созданіи юридическихъ формъ ихъ, видитъ въ исторіи права ростъ самостоятельнаго этического начала, подъ руководствомъ государства устанавливающаго равновѣсіе интересовъ и защищающаго слабого противъ сильнаго, а не только концентрацію классовыхъ образованій на почвѣ интересовъ каждаго изъ нихъ. По поводу этого рѣзко-отрицательнаго отношенія къ дѣйствительнымъ предшественникамъ редакціи „Вѣстника Права“, раньше него создавшимъ „политику права“ и стремившимся къ возрожденію юриспруденціи на почвѣ сочетанія философіи и исторіи, и изъявленія сочувствія теоріи, наиболѣе, казалось бы, враждебной воззрѣніямъ редакціи, за отсутствіемъ какихъ-либо логическихъ объясненій, остается выразить лишь удивленіе.

Ничего не даетъ для выясненія юридико-философскаго міровоззрѣнія редакціи „Вѣстника Права“ и помѣщенная вслѣдъ за передовой статья проф. Л. І. Петражицкаго—„Что такое право?“. Исходя изъ совершенно ложнаго положенія о томъ, что право есть явленіе психологическое, а не социологическое, она стремится установить его понятіе на основаніи обыденнаго употребленія слова „право“ въ разговорномъ языкѣ, пытаясь этимъ путемъ уловить *чувство права*, сознаніе „связанности воли“, сопровождающія наличность въ духѣ субъекта правовой обязанности. Центръ юридическаго изученія переносится этимъ въ тайники человѣческой души, чтобы въ нихъ найти творческіе факторы правообразованія. Отсюда и задача политики права опредѣляется, какъ задача упражненій законодателя надъ душой гражданъ государства по началамъ „правовой мотивологіи“, невѣдомой до сихъ поръ науки. Это уже поворотъ не къ естественно-правовымъ идеямъ XVIII и XVII вв., а въ область полицейскаго государства или еще дальше въ глубь среднихъ вѣковъ. Духомъ послѣднихъ, по крайней мѣрѣ, вѣетъ отъ слѣдующаго мѣста статьи—„Что такое право“:

„Для наличности правоваго явленія въ нашемъ смыслѣ, какъ нормы права, такъ и правоотношенія, не требуется не только при-

знанія нашей нормы, нашего права или нашей обязанности со стороны кого бы то ни было другаго, но даже существованія въ смыслѣ внѣшней реальности, реальности внѣшняго міра, какого-либо существа, кромѣ того, кто переживаетъ норму права или правоотношеніе. Если, напр., суевѣрный или умалишенный человѣкъ заключаетъ договоръ съ дьяволомъ (сонъ, гипнозъ, *idée fixe*, галлюцинація, иллюзія и т. п.), напр., договоръ продажи души, брачный договоръ (женщина, считающая себя вѣдьмою), то здѣсь дѣйствуетъ норма права, предписывающая исполненіе договора, существуетъ правоотношеніе, права и обязанности, объекты правъ и обязанностей, два субъекта и т. д., хотя дьяволъ, которому суевѣрный субъектъ въ нашемъ примѣрѣ приписываетъ права и обязанности, не существуетъ, какъ внѣшняя реальность. Право есть психическое явленіе и его элементы есть (суть) элементы психического акта, а не какіе-либо предметы, находящіеся внѣ *ψυχή*. Поэтому, далѣе, если кто-нибудь считаетъ себя лѣшимъ или дьяволомъ и приписываетъ себѣ права по отношенію къ другому лѣшему или т. п., то здѣсь оба субъекта правоотношенія нечеловѣческія существа (!). Хотя тотъ, кто себѣ въ качествѣ лѣшаго приписываетъ права,—человѣкъ, тѣмъ не менѣе дѣйствительнымъ субъектомъ права въ смыслѣ нашей теоріи является не человѣкъ, а лѣшій“ (26).

Въ другомъ мѣстѣ своей статьи самъ авторъ опасается, что это сведеніе *ad absurdum* его воззрѣній на право можетъ „дискредитировать (ихъ) въ глазахъ представителей традиціонной точки зрѣнія на право“ (54). Мы думаемъ, что это опасеніе справедливо и по отношенію къ органу, въ которомъ помѣщена статья проф. Петражицкаго. Въ концѣ XIX вѣка органъ Слб. Юридическаго Общества энергически отрицаетъ заслуги „историко-философской школы“ Иеринга, насадившей объективно-научное изученіе права и этимъ возведшей юриспруденцію со степени ремесленнаго искусства до истинной науки, и зоветъ своихъ читателей къ рѣшенію вопросовъ о договорахъ людей съ лѣшими, вѣдьмъ съ дьяволами, забывая реальныя, житейскія, по великія задачи развитія русской юридической жизни! Что въ самомъ дѣлѣ, кромѣ общихъ безсодержательныхъ фразъ, представляетъ собою конкретная программа журнала, приведенная нами въ концѣ § 1 нашей статьи?

## ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

---

В. Ф. Мухинъ—Очеркъ магометанскаго права наслѣдованія. Изданіе редакціонной комисіи по составленію гражданскаго уложенія. Спб. 1898 г., стр. 296.

Въ статьѣ „О примѣненіи гражданскихъ законовъ при производствѣ дѣлъ о наслѣдствахъ, оставшихся послѣ магометанъ<sup>1)</sup>“ нами было указано на затруднительное положеніе судебныхъ постановленій, обязанныхъ, на основаніи 1338 ст. т. X ч. I зак. гражд., примѣнять магометанскіе законы при разрѣшеніи, не только въ исковомъ, но и въ охранительномъ порядкѣ, дѣлъ о наслѣдованіи магометанъ, являющееся вслѣдствіе того, что на русскомъ языкѣ не имѣется ни одного полнаго сборника этихъ законовъ. Изъ имѣющихся свѣдѣній, намъ извѣстно, что суды во всѣхъ этихъ случаяхъ пользуются сообщаемыми имъ, по ихъ требованію, заключеніями мусульманскихъ духовныхъ правленій, но повѣрять доставленныя имъ заключенія или возбуждать сомнѣнія о степени ихъ соотвѣтствія дѣйствительно существующимъ постановленіямъ шаріата они лишены всякой возможности. Это затрудненіе, весьма серьезное само по себѣ, въ ближайшемъ будущемъ, при введеніи въ дѣйствіе Судебныхъ Уставовъ въ Туркестанѣ и Степныхъ областяхъ, съ ихъ почти сплошнымъ мусульманскимъ населеніемъ, грозитъ еще болѣе увеличиться вслѣдствіе того, что означенное населеніе особымъ постановленіемъ изъято изъ вѣдѣнія Оренбургскаго духовнаго правленія и не имѣетъ своего особаго органа высшаго духовнаго управленія. Кромѣ того, вообще обращеніе судовъ за подобнаго

---

<sup>1)</sup> Жур. Мин. Юст. 1898 г. Апрель и Май.

рода разъясненіями къ мусульманскому духовенству, усвоенное практикою примѣнительно къ отмѣненной нынѣ 1472 ст. т. X ч. 2 изд. 1857 г., не находить себѣ подтвержденія въ уставѣ гражданскаго судопроизводства 1864 г. Указавъ въ своей статьѣ на этотъ недостатокъ дѣйствующаго законодательства и предлагая пополнить его введеніемъ въ уставъ гражданскаго судопроизводства особыхъ по этому предмету постановленій, мы въ то же время выразили пожеланіе, чтобы при Министерствѣ Юстиціи была образована особая коммисія съ участіемъ въ ней лицъ, изучившихъ мусульманское право, для приведенія въ порядокъ и изданія вновь на русскомъ языкѣ всѣхъ постановленій магометанскихъ законовъ суннитскаго и шиитскаго толковъ о наслѣдованіи по закону и по завѣщанію и о порядкѣ производства раздѣловъ и опредѣленія наслѣдственныхъ долей. Вмѣстѣ съ этимъ, мы тогда же указали на только-что вышедшій тогда сборникъ г. Мухина, какъ на такой, который могъ бы служить программой будущаго кодекса магометанскихъ законовъ.

Возвращаясь нынѣ вновь къ этому сборнику и разсматривая его съ той стороны, насколько онъ можетъ служить пособіемъ для руководства въ судебныхъ установленіяхъ при разрѣшеніи дѣлъ о магометанскихъ наслѣдствахъ и о раздѣлахъ наслѣдственныхъ имуществъ между магометанами,—мы прежде всего должны отмѣтить, что изслѣдованіе г. Мухина основано не на непосредственномъ изученіи авторомъ магометанскихъ законовъ по подлинникамъ ихъ, изложеннымъ на арабскомъ и другихъ восточныхъ нарѣчіяхъ, а на переводахъ ихъ на другіе иностранные языки и на изслѣдованіяхъ, произведенныхъ русскими и иностранными знатоками мусульманскаго права. Несмотря на это обстоятельство, трудъ г. Мухина представляетъ собою настолько полное обзорѣніе мусульманскаго законодательства о наслѣдованіи, что несомнѣнно можетъ служить не только намѣченной нами цѣли, т. е. программой для будущаго оффиціального кодекса, но и для пользованія въ судахъ, въ видѣ справочнаго изданія для повѣрки заключеній подлежащихъ мусульманскихъ духовныхъ установленій и экспертовъ по дѣламъ этого рода, если допущеніе подобной экспертизы будетъ признано возможнымъ въ новомъ уставѣ гражданскаго судопроизводства, вырабатываемомъ нынѣ въ IV отдѣлѣ коммисіи, учрежденной при Министерствѣ Юстиціи. Всѣ положенія и выводы, изложенные въ книгѣ г. Мухина, основаны имъ на извѣстныхъ своей точностью переводахъ мусульманскихъ законовъ, или подтверждены ссылкой на такіе авторитеты, какъ Sautayra et Cherbonneau, проф. Нофаль, бар.

Торнау и др.; въ виду этого не представляется повидимому никакого сомнѣнія въ точной передачѣ авторомъ дѣйствующихъ въ мусульманскомъ мірѣ постановленій о наслѣдственномъ правѣ, а слѣдовательно и авторитетности значенія этого сборника для повѣрки свѣдѣній, сообщаемыхъ судебнымъ установленіямъ по этому предмету участвующими въ дѣлахъ лицами и духовными правленіями.

„Очеркъ“ г. Мухина состоитъ изъ четырехъ отдѣловъ, заключающихъ въ себѣ постановленія: 1) о наслѣдованіи по закону, 2) о наслѣдованіи по завѣщанію, 3) о раздѣлѣ наслѣдства и 4) о вакуфѣ. Предпославъ въ первомъ отдѣлѣ обзоръ мусульманскаго законодательства о наслѣдованіи краткое изслѣдованіе о происхожденіи этого законодательства и указавъ на то, что основныя черты магометанскаго права о наслѣдованіи отличаются большой простотой и оригинальностью, авторъ въ дальнѣйшемъ изложеніи перечисляетъ причины, по которымъ эта первоначальная схема мусульманскаго наслѣдственнаго права, основанная на постановленіяхъ корана, превратилась постепенно, благодаря стараніямъ и изобрѣтательности мусульманскихъ юристовъ, въ весьма сложную науку о раздѣлахъ магометанскаго наслѣдства, которая въ общемъ, по разнообразію своихъ положеній и прихотливой ихъ казуистичности, можетъ быть смѣло поставлена въ параллель съ причудливыми узорами арабской грамоты и затѣйливыми украшеніями мавританской архитектуры (арабески), созданными однимъ и тѣмъ же своеобразнымъ направленіемъ народнаго генія.

Далѣе слѣдуетъ изложеніе всѣхъ постановленій, относящихся къ установленію понятія о наслѣдствѣ, объ открытіи его, объ условіяхъ правоспособности къ наслѣдованію, о лишеніи наслѣдства и объ устраненіи отъ наслѣдованія. Въ особой главѣ изложены всѣ основанія правъ наслѣдованія: по родству, между супругами и по праву „воля“; въ заключеніе указаны нѣкоторыя особыя случаи наслѣдованія (у незаконнорожденныхъ, гермафродитовъ, у кабилловъ и кавказскихъ горцевъ).

Остановимся на нѣкоторыхъ изъ числа указанныхъ авторомъ особенностяхъ этого оригинальнаго законодательства. У мусульманъ наслѣдованіе не имѣетъ значенія вступленія наслѣдника *in universum jus defuncti*, какъ было у римлянъ, но принимаетъ видъ ликвидаціи, по которой изъ оставшагося имущества прежде всего удовлетворяются кредиторы умершаго и уплачиваются издержки на погребеніе; затѣмъ исполняются сдѣланные наслѣдователемъ отказы, если они не превышаютъ въ общей стоимости одной трети

наслѣдства, затѣмъ выдѣляются указныя части и, наконецъ, излишекъ поступаетъ въ пользу тѣхъ наслѣдниковъ, которые, по Корану, не имѣютъ опредѣленныхъ долей въ наслѣдствѣ. Такимъ образомъ наслѣдники умершаго лично не отвѣчаютъ за его долги. Отреченіе отъ наслѣдства не установлено, описи наслѣдственного имущества и вызова наслѣдниковъ не производится (должны ли таковыя быть производимы относительно магометанскихъ наслѣдствъ по дѣйствующимъ въ русскомъ законодательствѣ правиламъ, — является открытымъ вопросомъ), въ виду чего къ раздѣлу можетъ быть приступлено немедленно по открытіи наслѣдства между наличными наслѣдниками.

Общія условія способности къ наслѣдованію сводятся: 1) къ существованію наслѣдника въ моментъ открытія наслѣдства и 2) къ исповѣданію имъ ислама.

Въ прямое отступленіе отъ этого послѣдняго правила, нашъ законъ (ст. 1340 т. X ч. 1 зак. гражд.) постановляетъ, что когда въ числѣ наслѣдниковъ *Таврическихъ* магометанъ будутъ и принявшіе христіанскую вѣру, то оныя, удерживая вполнѣ право наслѣдства по магометанскому закону, получаютъ соотвѣтственно сему и слѣдующія имъ изъ имѣнія части. Изъ этого постановленія неминуемо возникаютъ слѣдующіе вопросы: 1) наслѣдуютъ ли послѣ *Таврическихъ* магометанъ ихъ родственники, родившіеся въ христіанской вѣрѣ, и 2) наслѣдуютъ ли и въ какомъ порядкѣ родственники всѣхъ другихъ магометанъ, проживающихъ въ Россіи, кромѣ магометанъ Таврической губерніи, если эти родственники — христіане по рожденію или перешли въ христіанство впоследствии, но до открытія наслѣдства?

Оба эти вопроса, по силѣ магометанскихъ законовъ о наслѣдованіи, очевидно должны быть разрѣшены въ отрицательномъ смыслѣ. Въ то же самое время мусульмане суннитскаго толка не допускаютъ и обратнаго положенія, т. е. наслѣдованія мусульманина послѣ неправовѣрнаго, шіиты же со своей стороны сохраняютъ наслѣдственныя права мусульманина неприкосновенными. Далѣе, у мусульманъ нѣтъ права представленія, поэтому дѣти умершаго сына устраняются другими, находящимися въ живыхъ сыновьями наслѣдодателя; то же въ отношеніи племянниковъ, которые устраняются отъ наслѣдства братомъ наслѣдодателя.

Распредѣленіе наслѣдственныхъ долей между родственниками наслѣдодателя устанавливается различно во всѣхъ сектахъ, исповѣдающихъ мусульманское вѣроученіе; по этому предмету су-

ществуютъ безчисленные комментаріи магометанскихъ юристовъ, дѣлающіе весьма затруднительнымъ примѣненіе всѣхъ этихъ правилъ въ судебной практикѣ. Вполнѣ обособленнымъ отъ русскаго законодательства о наслѣдствѣ является постановленіе шаріата о томъ, что во всякомъ наслѣдствѣ опредѣленная доля принадлежитъ отцу наслѣдодателя, а за смертью его — дѣду или другому восходящему въ прямой линіи, независимо отъ того, остались или не остались дѣти у наслѣдодателя. По отношенію къ наслѣдованію женъ послѣ мужей, обращаетъ на себя вниманіе слѣдующее обстоятельство. Хотя законъ (ст. 1338 и слѣд. т. X ч. I зак. гражд.) и судебная практика, какъ это объясняется въ нашей статьѣ <sup>1)</sup>, и установили, что наслѣдственные права магометанъ опредѣляются по ихъ закону, но тѣмъ не менѣе ст. 1161 зак. гражд. постановляетъ особое правило о наслѣдованіи женъ умершаго магометанина. Опредѣляя ихъ наслѣдственные доли согласно Корану (гл. IV ст. IX), этотъ законъ не указываетъ однако на то, что право на эти доли пріобрѣтается только по исполненіи отказовъ и уплатѣ долговъ наслѣдодателя, какъ то говорится въ означенной статьѣ Корана, а также на то, имѣютъ ли право на наслѣдство только четыре жены мусульманина, которыхъ ему дозволяетъ имѣть исламъ, или же наслѣдство подлежитъ распредѣленію, по буквальному выраженію 1161 ст. т. X ч. I, между всѣми женами умершаго, „сколько бы ихъ ни было“? Такія же сомнѣнія возбуждаютъ и всѣ постановленія магометанскихъ законовъ о выморочныхъ имуществахъ. Авторъ подробно разсматриваетъ эти постановленія и въ заключеніе приходитъ къ выводу, что судьба этихъ имущества должна быть опредѣлена по общимъ законамъ Имперіи. Изъ числа особыхъ случаевъ наслѣдованія обращаетъ на себя вниманіе порядокъ наслѣдованія у горскихъ племенъ Кавказа. Оказывается, что въ этомъ отношеніи большинство изъ нихъ, подобно кабиламъ, вполнѣ отвергаютъ правила шаріата и наслѣдство раздѣляется у нихъ по обычаю (адату, урфу), не допускающему, въ противоположность шаріату, участія женскаго пола въ наслѣдованіи. Къ дѣламъ этого рода, въ виду въ особенности 1480 и 1481 ст. уст. гражд. суд. и ст. 220 Свод. зак. т. II, учр. упр. Кавк. края, не могутъ быть примѣняемы постановленія, заключающіяся въ ст. 1337 и слѣд., казалось бы имѣющихъ въ виду магометанское населеніе всѣхъ мѣстностей Имперіи, за исключеніемъ Кав-

<sup>1)</sup> Жур. Мин. Юст. 1898 г., № 4.

казскаго края. Если это такъ, то вполнѣ открытымъ остается вопросъ о томъ, какими законами должны руководствоваться при разрѣшеніи дѣлъ о наслѣдствахъ послѣ магометанъ судебныя установленія, существующія въ мѣстностяхъ съ мусульманскимъ населеніемъ, не подчиненнымъ вѣдомству Оренбургскаго или Таврическаго духовныхъ правленій?

Тотъ же вопросъ о примѣнимости русскихъ законовъ возникаетъ на практикѣ и въ отношеніи завѣщательныхъ распоряженій мусульманъ. Съ одной стороны, примѣчаніе къ 1045 ст. т. X ч. 1 зак. гражд. какъ бы указываетъ на допускаемое въ пользу мусульманъ Закавказскаго края исключеніе лишь въ формѣ составленія духовныхъ завѣщаній, которыя во всемъ остальномъ, казалось бы, подлежатъ дѣйствию общихъ правилъ, установленныхъ въ гражданскихъ законахъ для духовныхъ завѣщаній; съ другой же стороны, разъясненіе Гражд. Кас. Д-та 1884 г. № 8 указываетъ на то, что для дѣйствительности духовныхъ завѣщаній мусульманъ необходимо, чтобы они были составлены по правиламъ, существующимъ по этому предмету въ законахъ магометанскихъ. Изложенію этихъ правилъ посвященъ второй отдѣлъ изслѣдованія г. Мухина. Коранъ не воспрещаетъ дѣлать завѣщательныя распоряженія, но и не содержитъ въ себѣ никакихъ постановленій относительно существенныхъ условій завѣщательнаго акта, которыя были выработаны лишь впоследствии при помощи мусульманскихъ законовѣдцевъ. Изъ числа этихъ условій по своей оригинальности обращаютъ на себя вниманіе нижеслѣдующія: 1) завѣщаніе дѣйствительно лишь при взаимномъ согласіи сторонъ; 2) завѣщать нельзя въ пользу родственника; 3) завѣщатель можетъ отказать только третью часть оставшагося послѣ него имущества; 4) завѣщательныя распоряженія могутъ быть составляемы словесно и письменно. Всѣ эти постановленія занимаютъ обширную часть въ мусульманскомъ наслѣдственномъ правѣ и такъ же подробны и казуистичны, какъ и правила о наслѣдованіи по закону. Но самую сложную и на практикѣ трудно поддающуюся пользованію часть магометанскаго законодательства безспорно составляютъ постановленія о порядкѣ *раздѣла* наслѣдственнаго имущества между сонаслѣдниками. По удостовѣренію г. Мухина, всѣ относящіяся сюда положенія весьма обстоятельно и притомъ своеобразно разработаны мусульманскими юристами и сводятся въ сущности къ правиламъ о нахожденіи общаго знаменателя для тѣхъ дробныхъ величинъ, на которыя, согласно постановленіямъ о наслѣдованіи и числу

наслѣдниковъ, должно раздѣлиться наслѣдственное имущество, разсматриваемое какъ цѣлое (стр. 215). По словамъ Ибрагима Алеппскаго, изученіе правилъ раздѣла наслѣдственнаго имѣнія составляетъ „половину человѣческаго знанія“ (Sautauga et Cherbonneau. Droit musulman, t. II, p. 202, § 694).

Въ послѣднемъ отдѣлѣ, — „о вакуфѣ“, г. Мухинъ излагаетъ особенности этого учрежденія въ различныхъ магометанскихъ сектахъ. Собственно говоря, это прижизненное отчужденіе владѣльцемъ принадлежащаго ему имущества въ пользу наслѣдниковъ или бѣдныхъ, дѣлающагося въ силу этого самаго акта неотчуждаемымъ и устраняющимъ право наслѣдованія. Всѣ относящіяся къ этому институту правила, выработанныя мусульманскими юристами, представляются крайне запутанными и противорѣчивыми, и г. Мухинъ дѣлаетъ въ своемъ изслѣдованіи сильную попытку разобраться въ этой юриспруденціи. Въ русскихъ законахъ о вакуфахъ говорится въ ст. 1391 т. XI ч. 1 уст. дух. дѣлъ иностр. исп. какъ объ имуществѣ, составляющемъ источникъ для содержанія духовенства, подвѣдомственнаго Таврическому магометанскому духовному правленію, на коего возложена обязанность заведыванія вакуфами по правиламъ, къ этой статьѣ приложеннымъ. Но въ правилахъ этихъ говорится не только о духовныхъ, но и о частныхъ вакуфахъ, очевидно не состоящихъ въ вѣдѣніи магометанскаго духовнаго правленія (ст. 11—13); отчего эти правила помѣщены въ уставѣ дух. дѣлъ иностр. исп., а не въ законахъ гражданскихъ, и отчего въ этихъ послѣднихъ не имѣется никакихъ правилъ о вакуфахъ въ тѣхъ мѣстностяхъ Имперіи, магометанское населеніе коихъ не состоитъ въ вѣдѣніи Таврическаго духовнаго правленія, остается неизвѣстнымъ.

Приведенный нами очеркъ содержанія книги г. Мухина указываетъ на значеніе этого изслѣдованія не только для редакціонной комисіи по составленію гражданского уложенія, но и для всѣхъ тѣхъ судебныхъ установленій, коимъ приходится на практикѣ имѣть дѣло съ магометанскимъ законодательствомъ о наслѣдствѣ и раздѣлахъ наслѣдственнаго имущества. Жаль только, что это изслѣдованіе, изложенное въ формѣ монографіи, не содержитъ въ себѣ точныхъ и опредѣленныхъ положеній съ надлежащей нумераціей, которыя, за неимѣніемъ другихъ сборниковъ магометанскихъ законовъ, могли бы служить для ссылокъ на него въ судебныхъ рѣшеніяхъ и опредѣленіяхъ. Вотъ почему мы

остаемся при нашемъ мнѣніи, высказанномъ нами въ статьѣ „О примѣненіи магометанскихъ законовъ при производствѣ дѣлъ о наслѣдствахъ, оставшихся послѣ магометанъ“<sup>1)</sup>, о необходимости изданія особаго сборника этихъ законовъ, который былъ бы составленъ особой комиссіей изъ лицъ, знакомыхъ съ догмою и практикою мусульманскаго права.

*Е. Пушкинъ.*

**К. Ф. Хартуларі**—Право суда и помилованія какъ прерогативы Россійской державности. (Сравнительное историко-законодательное изслѣдованіе). Общая и особенная части. Приложенія къ особенной части. Спб. 1899 г.

Въ виду отсутствія въ русской литературѣ отдѣльнаго и полнаго трактата о помилованіи, несмотря на то, что это одна изъ важнѣйшихъ прерогативъ русской государственной власти, авторъ задался мыслью пополнить указанный пробѣлъ.

Съ этой цѣлью собравъ значительный матеріалъ въ видѣ цѣлага ряда челобитныхъ различныхъ эпохъ нашей исторіи (весь этотъ матеріалъ выдѣленъ въ особый томъ) и ознакомившись, какъ свидѣтельствуя цитаты, съ большимъ числомъ сочиненій иностранныхъ и русскихъ писателей, авторъ въ своей работѣ попытался дать очеркъ исторіи развитія государства и государственной идеи, въ связи съ политическими ученіями въ Западной Европѣ, а за нимъ въ особенной части параллельно такой же очеркъ исторіи развитія государственной власти и ея прерогативъ въ Россіи и въ особенности права русскихъ монарховъ на судъ и помилованіе.

Оцѣнивая (стр. 100—109 общ. части) различныя западно-европейскія теоріи, объясняющія необходимость помилованія, какъ одной изъ коренныхъ прерогативъ всякой верховной власти во всѣхъ государствахъ, несмотря на форму правленія, авторъ останавливается на мысли (стр. 105), „что помилованіе является актомъ, исправляющимъ законъ, несправедливый только въ данномъ случаѣ, и хотя правосудіе, повидимому, и приносится въ жертву чрезвычайнымъ обстоятельствамъ, но этимъ оно нисколько не утрачиваетъ, какъ полагаютъ противники, ни своего величія, ни своего значенія, если принять во вниманіе, что цѣль помилованія заклю-

<sup>1)</sup> Жур. Мин. Юст. 1898 г., № 5, стр. 121.

чается въ оказаніи человѣчеству той же справедливости, какую оно само преслѣдуетъ, будучи въ то же время стѣснено неподвижными рамками положительнаго закона, *въ которыя не могутъ умѣститься все разнообразныя, до безконечности, явленія жизни...*“

Такой взглядъ автора, согласно съ которымъ помилованіе является средствомъ для устраненія высшей, нравственной, неформальной несправедливости, могущей имѣть мѣсто въ исключительныхъ случаяхъ, выходящихъ изъ ряда обыкновенныхъ, нормируемыхъ общимъ закономъ,—несомнѣнно заслуживаетъ вниманія.

Останавливаясь далѣе на ограниченіяхъ этого права въ западно-европейскихъ государствахъ въ отношеніи къ праву помилованія преступныхъ министровъ, авторъ находитъ, что эти ограниченія вызваны недовѣріемъ и мыслью о возможности со стороны представителя верховной власти злоупотребленій своею прерогативою; ограниченія эти, по мнѣнію автора, не могутъ быть оправданы, такъ какъ помилованіе можетъ быть примѣнено представителемъ верховной власти лишь послѣ того, когда виновный осужденъ парламентомъ, а тогда помилованіе теряетъ всякій политическій характеръ.

Переходя въ особенной части къ обоснованію и выясненію помилованія, какъ прерогативы русскихъ монарховъ, авторъ заявляетъ, что по его мнѣнію (стр. 2 особ. части): „подобно всѣмъ остальнымъ личнымъ правамъ Россійской Верховной власти, и присущія ей прерогативы суда и помилованія, а равно всякаго рода милостей внѣ закона зародились у насъ на совершенно иной почвѣ и зиждутся на совершенно иныхъ отношеніяхъ народа къ власти, нежели тѣ, какія усматриваются на западѣ“.

Дальнѣйшее изслѣдованіе однако привело, повидимому, автора къ инымъ выводамъ, такъ какъ на стр. 269 онъ замѣчаетъ: „Такимъ образомъ, независимо отъ совершенной тождественности ученія о присущей Россійской Державности прерогативѣ помилованія съ общимъ ученіемъ западно-европейскихъ законодательствъ, самая регламентація дѣятельности Россійскихъ Монарховъ по ея осуществленію, одинаково, по мнѣнію нашему, отвѣчаетъ и всѣмъ тѣмъ условіямъ и требованіямъ, какими эта прерогатива обставлена въ западно-европейскихъ государствахъ, для предупрежденія возможныхъ ею злоупотребленій“.

Авторъ особенно подробно при этомъ указываетъ на Всемиловивѣйшіе манифесты, которые точно и подробно регулируютъ границы даруемыхъ милостей по тяжести преступленій.

Останавливаясь далѣе на исторіи о нынѣшнемъ устройствѣ того учрежденія, которое подготавливаетъ къ докладу Его Величеству всеподданнѣйшія ходатайства, авторъ считаетъ необходимымъ реформированіе этого учрежденія и образованіе его на коллегіальныхъ началахъ; такимъ путемъ будетъ устранена всякая мысль о личномъ усмотрѣніи и будетъ ограждено точное исполненіе ст. 47 основныхъ законовъ, гласящей, что „Россійская Имперія управляется на твердомъ основаніи положительныхъ законовъ, учреждений и уставовъ, отъ Самодержавной Власти исходящихъ“.

С. Г.

Проф. Адольфъ Принсъ.—Преступность и репрессія.—Уголовно-юридической очеркъ. Переводъ подъ редакціей, съ предисловіемъ и примѣчаніями В. В. Пржевальскаго.

Работа Ад. Принса „La criminalité et repression“ вышла въ свѣтъ въ 1886 году и давно уже сдѣлалась библиографической рѣдкостью; тѣмъ болѣе поэтому слѣдуетъ приветствовать появленіе ея въ русскомъ переводѣ. Своей книгой авторъ желалъ „привлечь вниманіе законодателя къ великимъ вопросамъ, которые нѣкогда стояли на первомъ планѣ общественныхъ работъ и нынѣ находятся, къ несчастію, въ большомъ пренебреженіи“.

Все содержаніе очерка распадается на двѣ части; въ 1-й авторъ говоритъ о преступности вообще, условіяхъ ея возникновенія и распространенія, о преступныхъ классахъ, о нищетѣ и бродяжествѣ, на почвѣ которыхъ главнымъ образомъ преступность развивается, и о борьбѣ съ ними путемъ мѣръ предупредительнаго характера. Вторая часть посвящена преимущественно вопросамъ репрессіи и судебной организаціи.

Все болѣе значительный ростъ преступности проф. Принсъ объясняетъ тѣмъ, что современное правосудіе, подобно мифологической Океидѣ, дѣйствуетъ съ традиціонной повязкой на глазахъ, что оно отворачивается отъ жизни, между тѣмъ какъ преступность проистекаетъ изъ элементовъ челоѣчества, въ ней можно видѣть извѣстное вырожденіе социальнаго строя. „Существуетъ социальная среда“, говоритъ онъ— „благопріятная нравственному здоровью: склонность къ преступленію въ ней ничтожна; но существуетъ и другая социальная среда, гдѣ атмосфера испорчена, гдѣ скапливаются нездоровые элементы.... склонность къ преступленію здѣсь громадна,

и въ этомъ смыслѣ можно сказать, что она является социальнымъ фактомъ, зависящимъ отъ социальныхъ условий, и находится въ тѣсной связи съ данной социальной организаціей“. Пауперизмъ, нищета, бродяжество, лѣнь, страсть къ приключеніямъ, растрата силъ—вотъ условія, содѣйствующія развитію преступныхъ классовъ. Согласно съ установившейся въ наукѣ классификаціей А. Принса различаетъ двѣ категоріи преступниковъ: случайныхъ, составляющихъ меньшинство, и привычныхъ—„великое мятежное племя, въ которомъ сливается нищета, невѣжество, пьянство, порокъ, лѣнь, проституція“. Весьма интересны страницы, посвященныя характеристикѣ свойствъ преступника, гдѣ авторъ проводитъ параллель между первобытнымъ человѣкомъ и современнымъ профессиональнымъ преступникомъ; герой старинныхъ эпопей при современныхъ условіяхъ является обитателемъ тюремной кельи. Подъ вліяніемъ общаго закона прогресса и дифференціаціи преступность выдѣлилась изъ общей безформенной массы чувствъ, попятій и желаній, присущихъ первобытному обществу, и локализовалась на низшихъ ступеняхъ общественной лѣстницы.

Подготовкой къ преступленію является бродяжество—„эта великая язва цивилизаціи“. Бродяга—человѣкъ, живущій изо дня въ день безъ надежды и безъ цѣли, въ хронической нищетѣ, голодѣ и болѣзни, рахитизмѣ, низости, грязи и развратѣ. Послѣ краткаго историческаго обзора бродячества авторъ разсматриваетъ мѣропріятія, которыя принимались въ различныя эпохи для борьбы съ этимъ зломъ. Сущность всѣхъ мѣръ сводится къ слѣдующему: Римская имперія говорила человѣку: „не заботься ни о чемъ и ѣшь, вотъ тебѣ пища“. Церковь говорила ему: „смирись и молись, вотъ тебѣ милостыня“. Мы же ему говоримъ: „встань и трудись, вотъ тебѣ работа“. Наиболѣе цѣлесообразной мѣрой для борьбы съ нищетой и бродяжествомъ, по мнѣнію почтеннаго автора, является устройство профессиональныхъ синдикатовъ, занимающихся воспитаніемъ и обученіемъ юныхъ работниковъ, оказывающихъ помощь вдовамъ, сиротамъ, инвалидамъ, размноженіе благотворительныхъ мастерскихъ, богадѣленъ и т. п., однимъ словомъ, покровительство со стороны разнаго рода мѣстныхъ учреждений всѣмъ слабымъ, подвергающимся опасности впасть въ преступленіе. На-ряду съ этими проникнутыми гуманностью мѣрами проф. Принсъ рекомендуетъ энергическую дѣятельность правосудія противъ всѣхъ, кто не желаетъ воспользоваться предлагаемой ему помощью. Еще въ XVI в. англійскіе законы, проводя рѣзкое раз-

личіе между преступленіемъ и несчастіемъ, впервые указали тотъ путь, которымъ должно идти. Законы эти проявляютъ безпощадную строгость по отношенію къ привычному бродягѣ, не желающему работать, но тѣ же законы относятся чрезвычайно благосклонно къ случайнымъ нищимъ, къ немощнымъ, къ старикамъ, къ тѣмъ, кто не въ состояніи трудиться... Современные законы забыли это различіе, и въ одномъ рабочемъ домѣ встрѣчаешь смѣшеніе тѣхъ, которыхъ обстоятельства толкнули на бродяжество, съ такими, которыми двигалъ инстинктъ... Мысли, выраженные авторомъ о мѣрахъ борьбы съ бродяжествомъ, легли въ основу закона 27 ноября 1891 г. о репрессіи бродячества и нищенства; содержаніе этого новаго закона изложено редакторомъ перевода въ особомъ приложеніи къ 3-ей главѣ.

Главное значеніе въ борьбѣ съ преступностью имѣютъ мѣры предупредительныя. Надъ преступностью нельзя восторжествовать путемъ одной уголовной репрессіи. „Законодатель, вѣрующій во всемогущество наказанія или въ букву закона“ — говоритъ авторъ — „недостойнъ создавать законы.... посредствомъ формулъ нельзя восторжествовать надъ жизненной дѣйствительностью“. А. Принсъ подвергаетъ суровой критикѣ устарѣлое бельгійское уголовное законодательство и судебную практику. Онъ указываетъ на чрезмѣрную жестокость, съ какой судъ расправляется съ преступникомъ случайнымъ, и на ту снисходительность, какую онъ проявляетъ по отношенію къ преступникамъ привычнымъ онъ указываетъ на злоупотребленіе краткосрочными наказаніями, которыя примѣняются къ лицамъ болѣе несчастнымъ, чѣмъ виновнымъ, и которыхъ слѣдовало бы скорѣе поддержать, чѣмъ наказывать. Краткосрочное тюремное заключеніе, влекущее за собой часто вредныя послѣдствія, можетъ быть съ успѣхомъ замѣнено денежнымъ штрафомъ, работами, выговоромъ, поручительствомъ, условнымъ осужденіемъ. Насколько слѣдуетъ быть терпимымъ къ новичкамъ, настолько же необходима строгость по отношенію къ рецидивистамъ. Къ тѣмъ изъ нихъ, которые подають еще надежду на исправленіе, должна быть примѣняема прогрессивная система съ методической классификаціей заключенныхъ, съ работами на вольномъ воздухѣ, съ условнымъ освобожденіемъ и возстановленіемъ въ правахъ. Что же касается профессиональныхъ преступниковъ — неисправимыхъ, то примѣненіе къ нимъ теоріи исправленія проф. Принсъ считаетъ наивностью; для нихъ онъ предлагаетъ не большія мастерскія съ неограниченнымъ срокомъ заключенія, съ су-

ровой дисциплиной, съ минимальнымъ вознагражденіемъ, а въ случаѣ надобности и съ одиночными камерами.

Вмѣсто полицейскаго надзора надъ освобожденнымъ, который часто лишаетъ послѣдняго возможности прійскать работу и который при плохой полиціи не достигаетъ результатовъ, а при хорошей является мѣрой ненужной, авторъ рекомендуетъ ввести поручительство, такъ какъ оно, предоставляя большую свободу выпущенному изъ тюрьмы, даетъ ему возможность скорѣе найти себѣ занятіе.

Послѣдняя глава книги касается вопроса о ссылкѣ. Проф. Принсъ высказывается противъ этого вида наказанія. Только при поверхностномъ наблюденіи мѣра эта кажется привлекательной. „Общество, удаляя отъ своихъ взоровъ зрѣлище паденія и порока, воображаетъ, что люди менѣе развращены... Лица неисправимыя не мѣняють своего характера отъ перемѣны климата, а климатъ самъ по себѣ способенъ еще вселить любовь къ труду“. Вмѣсто принудительной ссылки авторъ рекомендуетъ свободную эмиграцію для лицъ, плохо вооруженныхъ для жизненной борьбы и вынужденныхъ при неблагоприятныхъ условіяхъ завоевывать себѣ мѣсто на землѣ среди черезчуръ густаго населенія.

Въ сферѣ судебной организаціи идеаломъ проф. Принса является англійскій мировой судья, пользующійся обширной властью, съ высокимъ и независимымъ служебнымъ положеніемъ, хорошо знакомый съ мѣстными условіями, не ограничивающійся однимъ постановленіемъ приговоровъ, но подающій также юридическіе совѣты, безвозмездныя консультаціи несчастнымъ людямъ, попавшимъ въ затруднительныя обстоятельства.

Таково вкратцѣ содержаніе этой весьма интересной работы. Несмотря на ея нѣкоторую устарѣлость, такъ какъ со времени ея появленія прошло болѣе 10 лѣтъ, въ теченіе которыхъ наука уголовнаго права (въ особенности въ той ея части, которая названа уголовной политикой) сдѣлала значительные успѣхи, несмотря на то, что нѣкоторыя положенія автора недостаточно развиты, а съ нѣкоторыми нельзя согласиться (напр., по вопросу о свободѣ воли), несмотря на все это, сочиненіе проф. Принса является въ высшей степени интереснымъ и поучительнымъ.

*В. Ширяевъ.*

Л. Х. С а б и н и н ѣ.—Преступныя дѣти и исправительныя заведенія. Ровно. 98. (Стр. 43).

Книжка касается весьма важнаго вопроса о принудительномъ воспитаніи малолѣтнихъ преступниковъ. Содержаніе ея распадается на три главы: въ 1-й авторъ указываетъ на замѣчающееся усиленіе дѣтской преступности и на причины такого явленія—голодь, праздность, невѣжество, отсутствіе надзора и попеченія; во 2-ой главѣ выясняется вредное вліяніе на малолѣтнихъ тюремнаго заключенія, которое по отношенію къ малолѣтнимъ должно быть замѣнено исправительно-воспитательными заведеніями; наконецъ, въ 3-ей главѣ излагается очень коротко положеніе принудительнаго воспитанія на Западѣ и въ Россіи. Изъ этого видно, что книжка заключаетъ въ себѣ только тѣ свѣдѣнія объ исправительныхъ заведеніяхъ, которыя можно встрѣтить почти въ каждомъ учебникѣ уголовного права, не говоря уже о такихъ крупныхъ работахъ, какъ ученіе о наказаніи проф. Фойницкаго или IV выпускъ лекцій по уголовному праву сенатора Таганцева.

Авторъ, повидимому, не воспользовался болѣе новыми работами по тому же вопросу; закону 2 іюня 1897 года, существенно измѣнившему положеніе малолѣтнихъ передъ судомъ, авторъ удѣлил всего нѣсколько строкъ, наконецъ онъ совершенно не коснулся того богатаго матеріала, который могъ бы найти для своей темы въ ежегодно публикуемыхъ отчетахъ исправительныхъ пріютовъ.

Только одного достоинства нельзя отнять отъ работы—это чувства теплаго участія, съ какимъ авторъ относится къ судьбѣ несчастныхъ обездоленныхъ дѣтей.

*В. Ширяевъ.*

В л а д и м і р ѣ Г о р д о н ѣ.—Уставъ гражданскаго судопроизводства съ позднѣйшими узаконеніями, законодательными мотивами и разъясненіями по рѣш. Гражд. Кассац. Деп. Сената и т. д. Спб. 1898.

Краткость изложенія и отсутствіе излишней казуистичности, къ которымъ такъ стремились составители нашихъ Судебныхъ Уставовъ, этого великаго памятника русскаго законодательства, не могли не вызвать дѣлой юридической литературы, направленной на болѣе детальную разработку установленныхъ законодателемъ общихъ правилъ гражданскаго процесса. Въ особенности же сильно чувствовалась необходимость такой обработки при примѣненіи

устава гражд. суд. въ судахъ, которые, при громадномъ разнообразіи восходившихъ на ихъ разрѣшеніе казусовъ, силошъ и рядомъ не находили въ законѣ точныхъ и ясныхъ указаній относительно даннаго частнаго случая. Результатомъ этой неотложной необходимости явилась усиленная дѣятельность Кассационныхъ Департаментовъ Сената, успѣвшихъ въ продолженіе почти 35 - лѣтняго существованія Судебныхъ Уставовъ дать подробнѣйшія и многочисленныя толкованія и разъясненія воли законодателя, направленные на облегченіе труда нашихъ практиковъ и на усталовленіе въ нашихъ отечественныхъ судахъ сколь возможно большаго единообразія въ пониманіи нашихъ процессуальныхъ законовъ и примѣненіи ихъ на практикѣ. Ясно, что вся масса разъясненій и толкованій Правительствующаго Сената, являющаяся плодомъ 34-лѣтней его дѣятельности, не можетъ уже по самой своей огромности быть доступною для всего круга лицъ судебного и законодательнаго вѣдомствъ, а тѣмъ болѣе для юристовъ - теоретиковъ, лишенныхъ возможности получить непосредственное знакомство съ нашей судебной дѣятельностью. Изъ этого уже видно, сколь дорога для всякаго человѣка, интересующагося современнымъ состояніемъ русской юстиціи, каждая новая печатная работа, имѣющая своей цѣлью облегчить истинное пониманіе нашего закона и сдѣлать общедоступнымъ тотъ обильный и драгоцѣнный матеріалъ, который заключается въ многочисленныхъ томахъ рѣшеній Правительствующаго Сената. Таковъ именно характеръ имѣетъ трудъ молодого юриста г. Вл. Гордона.

Въ объемистомъ (875 стр.) хорошо изданномъ томѣ читатель находитъ подъ каждой статьей устава гражд. суд. цѣлый рядъ тезисовъ, извлеченныхъ составителемъ изъ рѣшеній Гражд. Кассац. Департ., Общаго Собранія и Соединеннаго Присутствія 1-го и Кассационныхъ Департаментовъ Правительствующаго Сената, изложенныхъ въ видѣ краткихъ и ясныхъ положеній, большею частью въ формулировкѣ подлинника. Кромѣ того подъ многими статьями находятся извлеченія изъ законодательныхъ мотивовъ, помѣщенныхъ въ Судебныхъ Уставахъ изданія Государственной Канцеляріи, въ книгѣ сенатора А. Г. Гасмана и бар. Полькена и въ отчетахъ Государственнаго Совѣта, имѣющихъ чрезвычайно важное значеніе для пониманія истиннаго смысла нашего закона.

Всѣ, помѣщенные составителемъ подъ статьями устава, тезисы распределены имъ по параграфамъ, при чемъ начальныя

слова каждаго параграфа, указывающія вкратцѣ на содержаніе послѣдняго, напечатаны курсивомъ, что значительно облегчаетъ читателю отысканіе интересующаго его предмета. Ссылки на рѣшенія Сената напечатаны двумя шрифтами—годъ рѣшенія жирнымъ, а номеръ обыкновеннымъ—что также облегчаетъ пользование книгой. Наконецъ самыя параграфы, достигающіе иногда очень почтеннаго числа (напр., подъ ст. 29 помѣщено 35 параграфовъ), размѣщены по общепринятой въ наукѣ гражданскаго права системѣ и вслѣдствіе этого дѣлаютъ книгу г. Гордона полезною не только для юристовъ-практиковъ, но и для теоретиковъ, желающихъ ознакомиться съ наукой русскаго гражданскаго процесса, насколько она вылилась въ рѣшеніяхъ нашей высшей судебной инстанціи.

Достаточно указать для примѣра на обильный матеріалъ, помѣщенный въ строгой системѣ подъ п. 4 ст. 29 и представляющій изъ себя вполне законченный экскурсъ по вопросу о защитѣ владѣнія по русскому праву: послѣ подробныхъ указаній относительно предмета владѣнія вообще, тамъ находится систематическое изложеніе разъясненій Сената по вопросамъ о видахъ и характерѣ нарушенія владѣнія, о субъектахъ possessорнаго иска, о подсудности его, о порядкѣ разсмотрѣнія (при чемъ даются подробныя свѣдѣнія о распредѣленіи *onus probandi* между сторонами) и, наконецъ, о допустимости возраженій отвѣтчика.

Такой же подробный и систематическій обзоръ имѣется подъ ст. ст. 245—255 устава, касающимися вопроса о судебномъ представительствѣ (повѣренныхъ), въ особенности же о лицахъ, не имѣющихъ права быть повѣренными по гражданскимъ дѣламъ.

Съ практической точки зрѣнія въ особенности большое значеніе имѣютъ разъясненія изъ журналовъ распорядительныхъ засѣданій Гражд. Кассац. Департ. отъ 9 декабря 1897 г., 3 и 4 марта и 12 мая 1898 г. по вопросамъ объ узаконеніи и усновленіи, помѣщенные подъ ст. ст. 1460<sup>1</sup>—1460<sup>12</sup> устава, въ виду того, что названные журналы Правительствующаго Сената, какъ относящіяся къ самому недавнему времени и нигдѣ еще не опубликованные, являются для нашихъ юристовъ почти совсѣмъ недоступнымъ источникомъ для толкованія закона.

Нельзя не указать также на подробную разработку такихъ мало разъясненныхъ въ нашемъ законѣ производствъ, какъ судебно-межевое разбирательство и судопроизводство по дѣламъ о несостоятельности (прил. I и III къ ст. 1400 уст. гражд. суд.). Чрез-

вычайно подробныя разъясненія Сената помѣщены также въ самомъ началѣ книги подъ заглавіемъ ст.ст. 1 и 2 устава, гдѣ изложено понятіе спора о правѣ гражданскомъ вообще, условія предъявленія гражданскаго иска, понятіе права судебной защиты и, наконецъ, подробнѣйшая практика Сената по вопросу о вѣдомствѣ судебныхъ и правительственныхъ учреждений. Какъ бы продолженіемъ этого экскурса въ область общаго ученія о гражданскомъ процессѣ явятся разъясненія подъ ст. 4, содержащія ученіе о правѣ на искъ, объ отвѣтчикѣ и о передачѣ исковъ.

Очень подробныя свѣдѣнія даются также относительно законнаго представительства несовершеннолѣтнихъ ихъ родителями и опекунами (ст. 19). Наконецъ составителемъ обращено большое вниманіе на судебную практику по вопросамъ о доказательствахъ (см., напр., ст.ст. 409—410 уст. гражд. суд.) объ отводахъ и возраженіяхъ (ст. 571), объ апелляціи (ст. 743—762), кассаци (ст. 793) и пересмотрѣ рѣшеній (ст. 794). Помѣщенные во всѣхъ перечисленныхъ мѣстахъ тезисы расположены въ строгой системѣ, съ подраздѣленіями не только на параграфы, но и на болѣе мелкіе отдѣлы, и потому не только не затрудняютъ пользованіе книгой, но, напротивъ, даютъ возможность читателю скоро и легко найти искомый случай, и составить ясное и полное представленіе о положеніи даннаго вопроса въ современномъ русскомъ правѣ.

Въ концѣ книги составителемъ помѣщены въ качествѣ приложений временныя тексты вознагражденія присяжныхъ помянутыхъ и судебныхъ приставовъ, гражданское судопроизводство въ Сибири, временныя правила о производствѣ судебныхъ дѣлъ въ Черноморской губерніи и Средне-Азіатскихъ областяхъ, положеніе 19 октября 1865 г. о введеніи въ дѣйствіе Судебныхъ Уставовъ и Выс. утв. 10 марта 1869 г. мнѣніе Государственнаго Совѣта о порядкѣ производства дѣлъ прежнихъ судебныхъ мѣстъ въ мѣстностяхъ, гдѣ вводятся Судебные Уставы въ полномъ объемѣ. Перечисленные приложения имѣютъ въ особенности большое значеніе, такъ какъ, представляя собой (кромѣ первыхъ трехъ и послѣднихъ двухъ) новѣйшіе законодательные акты, они находятся только въ Полномъ Собраніи Законовъ и въ Собраніи узаконеній за 1896, 1897 и 1898 г.г. и поэтому конечно не могутъ всегда находиться подъ рукой у каждаго юриста.

Сборникъ указателей статей законовъ, принятыхъ въ основаніе опредѣленій Общаго Собранія 1-го и Кассационныхъ Департаментовъ Правительствующаго Сената и вопросовъ, ими разрѣшенныхъ, за время съ 1869 по 1896 г. Спб. тип. Д. В. Чичинадзе. 1898 г.

Официальное изданіе рѣшеній Общаго Собранія 1-го и Кассационныхъ Департаментовъ и Общаго Собранія Кассационныхъ Департаментовъ Правительствующаго Сената, какъ извѣстно, состоитъ изъ подлиннаго текста рѣшеній и прилагаемыхъ къ нимъ, по истеченіи года: алфавитнаго указателя лицъ, участвовавшихъ въ дѣлахъ, указателя рѣшеній по вопросамъ (разсмотрѣннымъ въ этихъ рѣшеніяхъ) и указателя законовъ, которые примѣняются въ тѣхъ рѣшеніяхъ.

Выше цитированная книга, изданная типографіей Д. В. Чичинадзе, содержитъ въ себѣ перепечатку двухъ послѣднихъ указателей и состоитъ изъ трехъ частей: 1) указателя статей законовъ, принятыхъ въ основаніе рѣшеній Общаго Собранія—дословно повторяющаго официальные указатели за время съ 1869 по 1896 г. (100 страницъ); 2) указателя рѣшеній по вопросамъ, опять-таки дословно на сорока восьми страницахъ перепечатающаго годъ за годомъ официальные указатели, и 3) своднаго указателя тѣхъ же рѣшеній Общаго Собранія съ подведеніемъ ихъ подъ статьи Судебныхъ Уставовъ и уложенія о наказаніяхъ. Въ этомъ послѣднемъ указателѣ перечислены въ ариѳметическомъ порядкѣ встрѣчающіяся въ первомъ указателѣ статьи учрежденія судебныхъ установленій, устава гражд. суд., пол. о нотар. части, устава угол. суд., улож. наказ. и устава о наказаніяхъ и параллельно съ ними указаны №№ рѣшеній изъ той же первой части, но только безъ особаго раздѣленія по годамъ.

Содержаніемъ разсматриваемаго сборника, такимъ образомъ, являются ни въ чемъ не измѣненные официальные указатели и только послѣднія 26 страницъ носятъ на себѣ слѣды нѣкотораго труда составителя, выбравшаго изъ постатейныхъ указателей, помѣщенныхъ въ первой части, статьи уставовъ и уложенія и соединившаго въ одинъ указатель—указатели различныхъ годовъ. Впрочемъ, въ заглавіи сборника сдѣлано весьма незначительное измѣненіе противъ оригинала: въ официальномъ сборникѣ постатейные указатели названы *указателями законовъ, которые примѣняются въ напечатанныхъ опредѣленіяхъ*, изданіе же типографіи Чичинадзе названо *сборникомъ указателей статей законовъ, принятыхъ въ основаніе опредѣленій*. Замѣна слова „примѣняются“

словомъ „принятыхъ“ конечно совершенно несущественна, но разъ все содержаніе книги является простой перепечаткой, едва-ли найдется основаніе, оправдывающее такую замѣну.

Мы рѣшительно затрудняемся указать то практическое значеніе, которое можетъ имѣть книга подобная разсматриваемому сборнику. Рѣшеній Общаго Собранія Кассационныхъ Департаментовъ вовсе не такъ много, чтобы просмотръ подлинныхъ указателей могъ бы вызвать затрудненіе, а отсутствіе текста и выдержекъ изъ рѣшеній требуетъ для пользованія сборникомъ имѣнія подъ руками и подлиннаго собранія рѣшеній, каковое въ свою очередь почти устраняетъ надобность въ сборникѣ типографіи Чичинадзе.

Нельзя не замѣтить также, что большинство отдѣльныхъ уставовъ въ настоящее время имѣютъ изданія, въ которыя въ выдержкахъ включены рѣшенія Сената подъ соответствующими статьями, и пользованіе ими несомнѣнно гораздо удобнѣе, нежели пользованіе сборникомъ, состоящимъ изъ однихъ цифръ и вопросовъ, при чемъ цифры эти зачастую даже по розысканіи подлиннаго рѣшенія могутъ отвѣтить далеко не на тѣ вопросы, въ рѣшеніи которыхъ встрѣтилась въ данномъ случаѣ надобность. Кстати, это обстоятельство, т. е. то, что сборникъ заключаетъ въ себѣ только цифры статей законовъ и рѣшеній и только вопросы, вызвавшіе опредѣленія, безъ всякаго намека на отвѣты, слѣдовало бы отмѣтить болѣе ясно въ самомъ заглавіи, такъ какъ, прочтя заголовокъ, можно принять разсматриваемый сборникъ за постатейный указатель тезисовъ, извлеченныхъ изъ рѣшеній.

## С.

Въ теченіе послѣдняго мѣсяца въ редакцію поступили слѣдующія книги и брошюры:

Анциферовъ, К. Д.—Сборникъ статей и замѣтокъ по уголовному праву и судопроизводству.—Изд. С.-Петербургскаго Юридическаго Общества подъ наблюдениемъ дѣйств. членовъ Общества В. М. Володимірова и А. О. Конон.—СПб. 98. (Стр. VIII+587). Ц. 2 р.

Библиографическій обзоръ русскихъ статистическихъ изданій.— II вып. Временный Центральный Статистическаго Комитета М. В. Д. № 42. 1897 г.—СПб. 97. (Стр. VI+89+211). Ц. 75 к.

Виноградовъ, П. Г.—О прогрессѣ.—М. 98. (Стр. 62). Ц. 30 к.

Vinogradoff, Paul.—Geschlecht und Verwandtschaft im altnorwegischen Rechte.—Sonder-Abdruck aus der Zeitschrift für Social-und Wirthschaftsgeschichte. Weimar. S. 48.

Главнѣйшія данныя поземельной статистики по обследованію 1897 года.—Статистика Россійской Имперіи. XXII. Вып. V. Витебская гужур. Мин. Юст. Мартъ 1899.

бернія. Изд. Центрального Статистическаго Комитета М. В. Д.—СПб. 98. (Стр. 19).

Дружининъ, Н. П.—Русское государственное гражданское и уголовное право въ популярномъ изложеніи.—Изд. О. Н. Поповой. СПб. 99. (Стр. XX+186+VI). Ц. 1 р.

Земская сельско-хозяйственная статистика. Очеркъ.—Временникъ Центрального Статистическаго Комитета М. В. Д. № 43. 1897.—СПб. 97. (Стр. 51).

Кавелинъ, Б. Д.—Собраніе сочиненій.—Т. III. Наука, философія и литература. 1. Наука и университеты. 2. Общіе научно-философскіе вопросы. 3. Психологія. 4. Этика. 5. Литература и искусство.—Съ портретомъ автора, вступительною статью А. Θ. Кони и примѣчаніями проф. Д. А. Корсакова—СПб. 99. (Стр. XX+1256). Ц. 4 р.

Карфевъ, Н.—Исторія Западной Европы въ новое время.—Т. II. Исторія XVI и XVII вѣковъ. Ч. II. Тридцатилѣтняя война, французскій абсолютизмъ и англійскія революціи.—Вып. IV. Изданіе 2-е. СПб. 99. (Стр. 351—620). Ц. 1 р. 50 к.

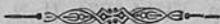
Комарскій, Ф. С.—Семейный университетъ. Собраніе популярныхъ лекцій для самообразованія. Курсъ первый. (Томъ I) Вып. I.—СПб. 99. (Стр. 32+64+32+32+48+32+32+32+32+16). Ц. по подпискѣ за 5 вып. перваго курса безъ дост. 10 р., съ дост. и перес.—12 р.

Markowic, Božidar.—Ueber das serbische Schwurgericht im Vergleiche mit dem deutschen, französischen und englischen Schwurgericht.—Freiburg. 1899. S. 95.

Матеріалы къ вопросу объ участіи Псковскаго губернскаго земства въ развитіи начальнаго народнаго образованія.—Вып. I. Очеркъ дѣятельности губернскихъ земствъ по народному образованію.—Псковъ. 98. (Стр. II+95).—Вып. II. Начальное народное образованіе въ Псковской губерніи (съ приложеніемъ статьи „Положеніе народныхъ учителей Псковской губерніи“). Псковъ. 99. (Стр. III+II+100+XV+26+2).—Составлены статистическимъ отдѣленіемъ Псковской губернской земской управы.

Пожары въ Россійской Имперіи въ 1888—1894 г.г.—Временникъ Центрального Статистическаго Комитета М. В. Д. № 44. 1897.—СПб. 97. (Стр. 113).

Гаубе, М., бар.—Принципы мира и права въ международныхъ столкновеніяхъ среднихъ вѣковъ. Т. II. Исторія зарожденія современнаго международнаго права.—Харьковъ. 99. (Стр. 3 ненум.+X+361+2 ненум.)



Редакторъ В. Дерюжинскій.

# ЖУРНАЛЪ МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦІИ

(ГОДЪ ПЯТЫЙ)

въ 1899 году выходитъ ежемѣсячно, за исключеніемъ Іюля и Августа, книгами около 20 листовъ. Подписной годъ начинается съ Января 1899 г.

Подписная плата 8 рублей въ годъ съ доставкою и пересылкою. За-границу 10 рублей. Отдѣльныя книги продаются: безъ приложений по 1 рублю, съ приложениями—по 2 руб.

Должностныя лица при подпискѣ черезъ казначеевъ пользуются разсрочкою до 1 рубля въ мѣсяцъ съ тѣмъ, чтобы вся уплата была произведена въ теченіе первыхъ 8 мѣсяцевъ каждаго года.

Все прочіе подписчики, при подпискѣ исключительно въ Главной конторѣ, пользуются разсрочкою до 2 рублей въ мѣсяцъ съ тѣмъ, чтобы вся уплата была произведена въ теченіе первыхъ четырехъ мѣсяцевъ каждаго года.

Кандидаты на должности по судебному вѣдомству, лица, оставленные при Университетахъ для приготовления къ профессорскому званію, а также студенты Императорскихъ Университетовъ и Демидовскаго Юридическаго Лицея, воспитанники Императорскихъ: Училища Правовѣдѣнія и Александровскаго Лицея и слушатели Военно-Юридической Академіи платять.—при подпискѣ въ Главной конторѣ,—по 5 рублей въ годъ.

За перемѣну адреса уплачивается 1 рубль.

главная контора: Книжный складъ М. М. Стасюлевича, СПбургъ, Васильевскій островъ, 5 линія, д. 28.

Отдѣленія конторы въ книжныхъ магазинахъ:

Въ СПбургѣ: 1) Н. К. Мартынова, Невскій пр. угол. Б. Садовой № 50—15. 2) И. П. Анисимова, рядомъ съ Публичной Библіотеккой; 3) «Новое Время» А. С. Суворина, Невскій 38; 4) Общество французской книжной торговли, бывш. Мелье, преемникъ А. Ф. Пивзерицкѣ, Невскій пр. 20; 5) Магазины Юридической Литературы Д. В. Чичинадзе, Невскій пр. 59; 6) Книжный магазинъ «Издатель» Невскій 68/40; 7) Книжный магазинъ П. П. Карбасникова, Литейный пр. 46.

Въ Москвѣ: 1) И. П. Анисимова, Никольская улица, домъ Заиконоспасскаго монастыря; 2) Книжный магазинъ Русской Мысли, Б. Никитская.

Въ Кіевѣ: 1) Н. Я. Оглоблина, Крещатикъ 33; 2) И. А. Розова, Крещатикъ, домъ Марръ.

Въ Варшавѣ: 1) Н. П. Карбасникова, Новый Свѣтъ, 67; 2) въ „С.-Петербургскомъ Книжномъ складѣ“, Новый Свѣтъ, 24.

Въ Одессѣ: 1) И. А. Розова, Дерибасовская, противъ сада; 2) Е. П. Рослопова, Дерибасовская, домъ Ведде.

Въ Харьковѣ: Ф. А. Югансона, Московская, домъ Коптѣева.

Въ Казани: 1) Бр. Башмаковыхъ, Городской Пассажи; 2) А. А. Дубровина Гостинный дворъ № 1.

Въ Перми: О. П. Петровской, Сибирская, домъ Евреиновой.

Въ Тифлисѣ: Центральная книжная торговля.

Въ Томскѣ и Иркутскѣ: Сибирскій книжный магазинъ Макушина.

Объявленія для напечатанія въ „Журналѣ“ принимаются въ Главной Конторѣ по разсчету 30 коп. за строчку и 8 руб. за страницу.

Редакція Журнала Министерства Юстиціи находится въ С.-Петербургѣ, по Екатерининской ул., въ зданіи Министерства Юстиціи. Рукописи должны быть направляемы въ редакцію.

Редакторъ В. Дерюжинскій.

СП6ГУ

СП6ГД

СП6ГД

СПбГУ



00003826

ЮФ СПбГУ

